

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975. d. $\frac{80}{207}$

60/14552

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1873

с

№ 3 МАРТЪ

За распродажею всѣхъ экземпляровъ, №№ 1 и 2 „Отеч. Зап.“ 1873. года печатаются *вторымъ* изданіемъ. Желающіе подписаться на журналъ, равно и тѣ, которые подписались въ послѣднія двѣ недѣли, получаютъ: № 2 — въ этомъ мѣсяцѣ; № 1 — въ апрѣлѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)

I. — ОНЪ!! Картины провинціальныхъ нравовъ И. Щедрина	5
II. — ДѢЛЬЦЫ. Романъ въ шести книгахъ. <i>Книга шестая</i> Гл. I—IV. Петра Воборыкина	31
III. — МИРОСОЗЕРЦАНІЕ, МЫСЛЬ, ТРУДЪ И ЖЕНЩИНА ВЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Съ XVIII вѣка до сороковыхъ годовъ XIX и съ сороковыхъ годовъ до настоящаго времени. — П. А. Щапова	65
IV. — ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ. <i>Часть вторая.</i> Гл. VI. Гр. Богрова.	119
V. — ЖИЗНЬ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИДЕИ ГЕРВИНУСА. Н. Поповскаго.	139
VI. — ЕРЕТИКЪ ДІЕГО. Эпизодъ изъ карлистскаго востанія.	187
VII. — ПАНЪ ТАДЕУШЪ. Гл. II — III. Пер. Н. Верга.	211
VIII. — КАКЪ Я НАШЕЛЪ ЛИВИНГСТОНА. (Разсказъ Генриха М. Стэнли). Гл. III—V.	239
IX. — МИДДЛЬМАРЧЪ. Романъ Джорджа Эллиота. (Приложеніе (593 — 624).	

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

X. — ГОРОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ, въ примѣненіи къ столицамъ	1
XI. — ДРАМА ВЪ ЕВРОПѢ И У НАСЪ. <i>Статья вторая.</i> А. Скабичевскаго.	31
XII. — ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. (CIV—CVII). Клода Франка	58
XIII. — РАЧИТЕЛИ УНИВЕРСИТЕТСКАГО УСТАВА. (<i>Письмо изъ Москвы</i>). О.	87
XIV. — НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА. Д.	115
XV. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ. Толки, вызванныя январскимъ № „Отечественныхъ Записокъ“. — „Благонамѣренныя рѣчи“ Щедрина. — Борзятники и доѣзжіе, ихъ неосновательность. — Толки, вызванныя февральскимъ № „Отечественныхъ Записокъ“. — „Большая совѣсть“ Гл.	

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССѪІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Браунскаго (Литейная, № 58).

1873.

ОНЪ!!

КАРТИНЫ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХЪ ПРАВОВЪ.

Совершенно неожиданно, вслѣдствіе какихъ-то «новыхъ вѣяній времени», въ нашемъ городѣ сдѣлалось празднымъ мѣсто помпадуръ. Само собой, въ ожиданіи назначенія новаго помпадуръ, провинція всецѣло предалась ажитации. Загадывали и на того, и на другого, и на третьяго, и какъ всегда въ этихъ загадываніяхъ первое мѣсто принадлежало личнымъ качествамъ тѣхъ, на которыхъ могъ пасть жребій уловлять вселенную. При отсутствіи руководства, которое давало бы опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: что такое помпадуръ? — всякій чувствовалъ себя какъ бы отданнымъ на поруганіе, и ни къ чему другому не могъ приурочить колеблющуюся мысль, кромѣ тѣхъ смутныхъ данныхъ, которыя давали свѣдѣнія о темпераментѣ, вкусахъ, привычкахъ и степени благовоспитанности той или другой изъ предполагаемыхъ личностей. Про одного говорили: «строгонецъ!»; про другого: «этотъ подтяпечъ!»; про третьяго: «всѣмъ былъ бы хорошъ, да жена у него анаеема!»; про четвертаго: «вы не смотрите, что онъ, ротъ распахна, ходитъ, а онъ бѣдовый!»; про пятаго прямо рассказывали, какъ онъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго колебанія, пришелъ въ какое-то присутственное мѣсто, и прямо сѣлъ на тотъ самый законъ, который, такъ сказать, регулировалъ самое существованіе того мѣста. И никому не приходило въ голову сказать себѣ: что же мнѣ за дѣло до того, каковъ будетъ новый помпадуръ, хорошъ собой, или дурень, добрая у него жена, или анаеема? Какъ будто всякій, сознательно или безсознательно, чувствовалъ, что въ этой-то комбинаціи личнаго темпера-

мента и внѣшней обстановки именно и замыкается разгадка будущаго...

Какъ сказано выше, старшій нашъ помпадуръ упразднился совершенно неожиданно. Мы жили съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Ни онъ насъ не трогалъ, ни мы его не обижали. Хотя нравственные и умственные его качества всего ближе опредѣлялись пословицей: «не лѣкомъ шить», но такъ какъ вопросъ о томъ, на сколько полезны щегольской работы помпадуры, еще не рѣшенъ, то мы довольствовались и тѣмъ, что у насъ хоть плохонькій да за то дешевенькій. Мы не страдаемъ шовинизмомъ; намъ не нужно ни блестящихъ усмирений, ни смѣлыхъ переходовъ черезъ валдайскія горы. Нашъ помпадуръ сидѣлъ смиренно — и этого было съ насъ достаточно. Бывало, какъ ни послушишь, — кругомъ насъ вездѣ война. Бьютъ въ барабаны, въ трубы играютъ. Въ одномъ мѣстѣ, помпадуръ цѣлое присутствіе на голову разбилъ; въ другомъ — разбѣялъ цѣлый легіонъ прохожихъ людей, причемъ многихъ усмалъ въ заточеніе; въ третьемъ — въ двухъ словахъ изъяснилъ столько, сколько другому не изъяснить въ цѣлой сотнѣ округленныхъ періодовъ. А у насъ — благодать. О внѣшнихъ и внутреннихъ врагахъ — нѣтъ слуха; походовъ — не предвидится даже въ отдаленномъ будущемъ; ни барабаннаго боя, ни трубныхъ звуковъ, которые свидѣтельствовали бы о свѣтопреставленіи — ничего! Даже междуособія — и тѣ исключительно нашли себѣ убѣжище въ мѣстномъ клубѣ, и были такого сорта, что никто не рѣшался сказать, дѣйствительно ли это междуособія, или просто драки. Именно съ этой точки зрѣнія относился къ этому явленію и нашъ старшій, почтенный помпадуръ.

— Я знаю, говорилъ онъ: — что въ нашемъ клубѣ междуособія нерѣдки; вѣроятно, они не менѣе часты и въ клубахъ другихъ городовъ. Но я рѣшительно отказываюсь понять, почему столь обыкновенное въ нашемъ обществѣ явленіе можетъ тревожить моихъ сопомпадуровъ! Не понимаю-съ. Возьмите, на примѣръ, хоть послѣднее наше междуособіе: князь Балаболкину, за неправильно сдѣланный въ карты вольтъ, вымазали горячей котлеткой лицо. Поступокъ прискорбный — это такъ, но чтобы въ немъ врылось распространеніе вредныхъ мыслей, или поползновеніе къ умаленію чьей-нибудь власти — съ этимъ я никогда не могу согласиться! Никогда-съ.

Поэтому, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ этого помпадурства, мы порядочно-таки отдохнули. Освобожденный отъ необходимости на каждомъ шагѣ доказывать свою независимость, всякій дѣлалъ свое дѣло спокойно, безъ раздраженія. Земство

облагало себя сборами, суды тарали и милывали, чиновники акцизнаго вѣдомства дѣлили дивиденды, а контрольная палата до того осмѣлилась, что даже на самого помпадуря сдѣлала начеть въ 1 р. 43 к. И помпадуръ — ничего, даже не поморщился. Ни криковъ, ни воззванія къ оружію, ни революцій — ничего при этомъ не было. Просто взялъ и вынулъ изъ кармана 1 р. 43 к., которая и теперь хранится въ казнѣ, яко живое свидѣтельство покорности законамъ со стороны того, который не токмо былъ въ правѣ утверждать, что для него законъ не писанъ, но могъ еще и накричать при этомъ на цѣлыхъ 7 копейекъ, такъ чтобы вышло ужъ ровно полтора рубля.

Тѣмъ болѣе должно было изумить насъ извѣстіе, что нашъ добрый помпадуръ вынужденъ навсегда прекратить административный свой бѣгъ. Всѣ оглядывались, всѣ спрашивали себя: почему, за что? — и никакихъ отвѣтовъ не обрѣтали, кромѣ отрывочныхъ фразъ, въ родѣ «распустилъ» и «не удовлетворяетъ новымъ вѣяніямъ времени» (въ старину, это, кажется, означало: не подтягиваетъ). Но почему же не удовлетворяетъ? развѣ мы заговорщики, бунтовщики? развѣ мы безъ ума бѣжимъ впередъ, рискуя самимъ себя сломать голову? развѣ мы не всецѣло отдали самихъ себя и всѣ помышленія наши тому среднему дѣлу, которое, казалось бы, должно отстранить отъ насъ всякое недозрѣніе въ превыспренности?

Но, разсуждая такимъ образомъ, мы, очевидно, забывали завѣщанную преданіемъ мудрость, въ силу которой «новыя вѣянія времени» всегда приходили на сцену отнюдь не въ качествѣ поправки того или другого уклоненія отъ историческаго теченія жизни, а прямо какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ этой жизни. Вѣяніе врывалось естественно, само собой, необходимость его жила во всѣхъ умахъ, не нуждаясь ни въ какихъ обусловливающихъ побужденіяхъ. Не бунтовской вопросъ «за что?» служилъ для него исходною точкой, а совершенно ясное и положительное правило: будь готовъ. Будь готовъ, то-есть: ходи весело, ходи грустно, ходи прямо, ходи влось, ходи вкривь. Тебѣ ничего не приказываютъ, ни въ чемъ тебя не предостерегаютъ; тебѣ говорятъ только: будь готовъ. Не къ тому будь готовъ, чтобы исполнить то или другое; а къ тому, чтобы претерпѣть. Ты спрашиваешь, что долженъ ты сдѣлать, чтобы избѣжать «претерпѣнія», но развѣ кто нибудь знаетъ это? Не чувствуешь ли ты, что даже самый вопросъ твой является въ ту минуту, когда уже все рѣшено и подписано, и когда ничего другого не остается, какъ претерпѣть. Слѣдовательно, это вопросъ запоздалый, ненужный. Ты идешь прямо, а полчаса тому на-

задь ты шелъ вкось — тутъ-то вотъ я и налетаю на тебя. Ни ты, ни я, мы оба не можемъ себѣ объяснить, почему нужно, чтобъ дѣло происходило наоборотъ, то-есть, чтобъ полчаса тому назадъ ты шелъ прямо, а теперь вкось. Мы чувствуемъ только, что мы столкнулись и ни подь какимъ видомъ разминуться не можемъ. Но если ни ты, ни я не въ состояніи угадать, что будетъ происходить въ моей головѣ въ предстоящій моментъ, то ясно, что единственный практическій выходъ изъ этого лабиринта—это «претерпѣть». И это совсѣмъ не капризъ съ моей стороны, совсѣмъ не преднамѣренное желаніе узвѣить тебя; это «порядокъ», съ которымъ я безразлично отношусь и къ тебѣ и ко всякому другому; это «вѣяніе времени»...

Словомъ сказать, общее недоумѣніе, возбужденное полученнымъ извѣстіемъ, было таково, что даже воинскій начальникъ, человекъ крутой и бывалый — и тотъ сказалъ:

— Ангель-съ! Ангелы Богу нужны-съ!

Само собой разумѣется, что надѣля, предшествовавшая отъѣзду стараго помпадуръ, была рядомъ цѣлодневныхъ празднествъ, которыми наше общество считало долгомъ выразить свою признательность и сочувствіе отъѣзжающему. Это былъ очень яркій и сильный протестъ, въ основаніи котораго лежала благо-разумная мысль: авось не повѣсать! Всѣ лица сохранили трогательное и въ то же время сконфуженное выраженіе; но всѣхъ болѣе сконфуженнымъ казался самъ виновникъ торжествъ. Полный мысли о бренности всего земного, онъ наклонился къ тарелкѣ, и ронялъ невольную слезу въ стерляжью уху. Затѣмъ, хотя, въ продолженіи дальнѣйшихъ перемигъ, онъ и успѣвалъ придать своему лицу спокойное выраженіе, но съ первымъ же тостомъ эта напускная твердость исчезала, глаза вновь наполнялись слезами, а голосъ, отвѣчавшій на напутственныя пожеланія, звучалъ безконечной тоскою, почти напоминавшею предсмертную агонію.

Безчисленныя картины неприятнаго, сѣренькаго будущаго проносились въ эти мгновенья въ его воображеніи. То, что происходило передъ нимъ въ эту минуту, несомнѣнно происходило *въ послѣдній разъ*, ибо не было примѣровъ, чтобъ помпадуръ, однажды увядшій, вновь расцвѣталъ въ качествѣ помпадуръ. Все милое сердцу оставлялъ онъ, и оставлялъ не для того, чтобъ украсить собой одну изъ залъ величественнаго зданія, выходящаго окнами на сенатскую площадь, а для того, чтобы примкнуть въ ряды рошщущихъ и бесплодно-чающихъ, которыми въ послѣднее время какъ-то особенно переполнены стогны Петербурга. «Вѣдний!» читалъ онъ на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ

глазахъ, и это тѣмъ болѣе усугубляло его страданія, что никто глубже его самого не сознавалъ всю наготу будущаго, въ которое судьба, съ обычною бессознательности жестокостью, погружала его. Да, все, что онъ теперь ѣсть, — онъ ѣсть *въ послѣдній разъ*, все, что онъ теперь видитъ и слышитъ, — онъ видитъ и слышитъ *въ послѣдній разъ*. Сегодня, послѣ обѣда, онъ *въ послѣдній разъ* будетъ играть въ ералашъ по три копейки (въ будущемъ, эта игра ему уже не посредствамъ); сегодня, *въ послѣдній разъ*, полиціймейстеръ молодцомъ подлетитъ къ нему съ рапортомъ, что по городу все обстоитъ благополучно, сегодня, частные пристава въ послѣдній разъ сдѣлаютъ подъ козырекъ, когда онъ поѣдетъ съ прощальнымъ визитомъ къ архіерею. И вотъ, онъ съ какимъ-то испугомъ осматривается кругомъ. Все обстоитъ здѣсь по прежнему и на прежнихъ мѣстахъ, но ему, кажется, что и люди, и предметы и даже стѣны — все сошло съ мѣстъ и уходитъ куда-то вдалѣ. Онъ уподобляетъ себя свѣточу; вчера еще этотъ свѣточъ горѣлъ свѣтлымъ и яркимъ огнемъ, сегодня онъ потушенъ, и ужъ начинается падать; завтра онъ будетъ окончательно затоптанъ и выброшенъ на улицу вмѣстѣ съ прочею никуда не нужною ветошью...

Увы! въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ неизгладимыхъ воспоминаній, а воспоминанія о помпадурахъ меньше, нежели всякія другія, выдерживаютъ клеймо неизгладимости. Всѣ эти люди, которые сегодня такъ тепло чувствуютъ его, — завтра ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ не помянутъ объ немъ. И какъ нарочно, въ послѣднее время все такимъ образомъ устроилось, чтобы какъ можно скорѣе изглаживать помпадурскіе слѣды. Прежде, бывало, помпадуръ, возвращаясь съ своего помпадурства вспять, все-таки, сутки и больше ѣдетъ въ предѣлахъ этого помпадурства. Слѣдовательно, прошедшее оставляетъ его не вдругъ. На каждой станціи онъ слышитъ сѣтованія и пожеланія; смотритель ахаетъ, ямщикъ старается прокатить на славу... *въ послѣдній разъ!*.. «Добрый а! добрый!» мечтаетъ помпадуръ подъ звонъ почтоваго колокольчика, «всѣ-то сословія жалѣютъ обо мнѣ!» И затѣмъ, не торопясь, станція за станціей, погружается въ бездны будущаго. А нынче, упрямому помпадуру предстоитъ только пріѣхать на станцію желѣзной дороги (благо она тутъ же, подъ бокомъ), наскоро всѣхъ расцаловать, затѣмъ, свиснуть паровозъ — и нѣтъ его! До такой степени нѣтъ, что не успѣлъ еще скрыться поѣздъ за горой, какъ поѣзжане, покончивъ съ проводами, уже предаются злобѣ дня и заводятъ разговоры о предстоящей встрѣчѣ. Кто тотъ разнузданный романтикъ, который, въ виду

этого упрощенія проводовъ и встрѣчь, пребудеть на столько закосяѣлъ, чтобы, подѣ впечатлѣніемъ проводовъ какого-нибудь помпадура, оглашать стогны города клиеами: нѣтъ Агатона! нѣтъ моего друга!?

Но это былъ еще только одинъ уголъ картины, которая пронеслась въ воображеніи помпадура, въ то время, когда онъ взволнованнымъ голосомъ благодарилъ за участіе и пожеланія. Дальше, картина развертывалась мрачнѣе и мрачнѣе, и уже прямо ставила его лицомъ къ лицу съ самимъ таинственнымъ будущимъ.

Нѣтъ Агатона! Мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ, сейчасъ же простыло, и губернскаго архивариуса тщетно отыскиваетъ на полкахъ архива дѣло объ административныхъ намѣреніяхъ помпадура Агатона 2-го. Такого дѣла не было заведено, потому что не было самыхъ идей. У Агатона могъ быть благосклонный (или нетерпящій возраженій) жестъ; у него могла быть благодушная (или огрызающаяся) улыбка; у него могло быть пріятливое (или ругательное) слово; но административныхъ намѣреній у него не было. Онъ, подобно актеру, могъ нравиться или не нравиться очевидцамъ-современникамъ, но для потомства (которое для него наступаетъ съ какою-то особенной быстротою)—онъ мертвая буква, ничего никому не говорящая, ни о чемъ никому не напоминающая...

Нѣтъ Агатона! Онъ мчится на всѣхъ парахъ въ Петербургъ, и уже съ первой минуты чувствуетъ себя угнетеннымъ. Онъ *равенъ встѣмъ*; здѣсь, въ этомъ вагонѣ, онъ находится точно въ такихъ же условіяхъ, какъ и *встѣ*. Въ *последній разъ* онъ путешествуетъ въ 1-мъ классѣ, и уже не слышитъ того таинственнаго шопота: это онъ! это помпадуръ!—который встрѣчалъ его появленіе въ прежнія времена!

И вотъ, въ то время, какъ паровозъ, свистя и пыхтя, все больше и больше отдаляетъ его отъ милыхъ сердцу, къ нему подсаживается совершенно посторонній человекъ, и сразу, самъ того не зная, берeditъ дымящуюся рану его сердца.

— Вы изволите ѣхать изъ N? спрашиваетъ его незнакомецъ. Съ какимъ самоувѣреннымъ видомъ, съ какимъ ликованіемъ въ голосѣ отвѣтилъ бы онъ въ былое время: да... я тамошній помпадуръ! Я ѣду въ Петербургъ представить о нуждахъ своихъ подчиненныхъ! Я полагаю, что первая обязанность помпадура—это заботиться, чтобы законныя требованія его подчиненныхъ были удовлетворены! и т. д. Теперь, напротивъ того, онъ чувствуетъ, что отвѣтъ словно путается у него на языкѣ, и

что гораздо было бы лучше, еслибъ ему совсѣмъ-совсѣмъ ничего не приходилось отвѣчать.

— Да... то-есть я... конечно, я ѣду изъ N... смущенно произносить онъ, наконецъ.

— Вы тамошній? продолжаетъ нескромно приставать спутникъ.

— Да... то-есть, не совсѣмъ... я служу... то-есть, служилъ...

Онъ старается замаять всякій разговоръ, онъ даже избѣгаетъ всѣхъ взоровъ... И только, быть можетъ, черезъ сутки, уже на послѣднихъ станціяхъ въ Петербургу, онъ разгуляется на столько, чтобъ открыть свое дѣйствительное положеніе, и повѣдать печальную исторію своей отставки. Тогда, съ души его спадеть бремя его таготившее, и изъ устъ его впервые вырвется ропоть. Этотъ ропоть начнетъ новую эпоху его жизни, онъ наполнить все его будущее, и проведетъ въ его существованіи черту, которая рѣзко отдѣлитъ его прошедшее отъ настоящаго и грядущаго.

Нѣтъ Агатона! Въ первое время, непосредственно слѣдовавшее за отставкой, онъ, впрочемъ, еще бодрится и старается водиться съ такъ называемыми «людьми». Какъ бывшій помпадуръ и (какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, онъ легко вторгается въ домъ къ финансисту Фалелѣю Губошлепову, и даже исполняетъ разныя мелкія его порученія. Встрѣчаетъ гостей, которые попроще и занимаетъ ихъ, представляя лицо хозяина; ѣздитъ въ гостинный дворъ за игрушками для Губошлеповскихъ дѣтей; показывается Губошлепову, какъ надѣваются на шею орденъ св. Анны; бѣгаетъ на кухню поторопить француза-повара; предшествуетъ Фалелѣю въ ресторанахъ въ тѣ дни, когда устраиваются тонкіе обѣды для лицъ, почему-либо желающихъ показываться въ Фалелѣевскихъ салонахъ; по вечерамъ, вмѣстѣ съ другими двумя дѣйствительными статскими совѣтниками, составляетъ партію въ вистъ для мадамъ Губошлеповой, и проч. и проч. За всѣ эти послуги онъ имѣетъ готовый столъ и возможность съ утра до вечера оставаться въ хорошо натопленныхъ и роскошно убранныхъ салонахъ своего патрона, и сверхъ того, отъ времени до времени, пользуется небольшими подачками, которыя онъ, впрочемъ, принимаетъ съ большимъ чувствомъ собственного достоинства. Среди этого изобилія, онъ какъ будто даже повеселѣлъ. Узналъ толкъ въ винахъ и сигарахъ, вѣрно угадывалъ цѣну каждаго фрукта, прямо запуская лапу туда, гдѣ раки зимуютъ, отпустилъ брюшко, спялъ себѣ легкій восточникъ, ѣлъ такъ смачно и

аппетитно, что губы у него припухли и покрылись глянцемъ... Но поэтъ сказалъ правду:

...на счастье прочно
Всакъ надежду кинь...

И правдѣ этой пришлось осуществиться на Агатонѣ самымъ жестокимъ образомъ. Не успѣлъ еще онъ пустить корни въ домъ Губошлепова, какъ послѣдній уже подыскалъ себѣ какого-то бывшего полководца. Съ этихъ поръ, патронъ уже видимо охлаждѣваетъ къ Агатону. Являются на сцену столкновения и пререканія. Вопросъ о томъ, кому изъ двухъ соперниковъ владѣть сердцемъ Губошлепова, съ каждымъ днемъ дѣлается больше и больше назойливымъ, и, конечно, долженъ разрѣшиться въ ущербъ Агатону. Начинается съ того, что однажды Агатонъ ужь совсѣмъ-было запустилъ лапу въ ящикъ съ сигарами какой-то неслыханной красоты, какъ вдругъ почувствовалъ, что его обожгло.

— Вонъ эти... поменьше... они скусиѣ будутъ! сразу озадачиваетъ его Губошлеповъ, указывая взглядомъ на другой ящикъ съ менѣе цѣнными сигарами.

Услышавъ эту апострофу, Агатонъ поблѣднѣлъ, но смолчалъ. Онъ какъ-то смѣшно заторопился, досталъ маленькую сигарку и усялся противъ бывшего полководца, поныхивая дымкомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но дальше — хуже. На другой день, какъ нарочно, назначается тонкій обѣдецъ у Донона, и распорядителемъ его, какъ-то совершенно неожиданно, оказывается бывший полководецъ, а Агатонъ вынуждается обѣдать дома съ мадамъ Губошлеповой и дѣтьми.

На третій день, Агатонъ, по порученію Губошлепова, купилъ какой-то совершенно новый сыръ, и только что вознамѣрился похвастаться своей находкой, какъ вдругъ пріѣхалъ бывшій полководецъ, и привезъ кусокъ точно такого же сыра. Разумѣется, сыръ полководца оказался «много превосходнѣе»...

Тогда Агатонъ не выдержалъ и пустился въ объясненія. Выдержи онъ, стерпи, онъ, можетъ быть, и теперь покуривалъ бы прекраснѣйшія (хоть и не первой красоты) сигарки, попивалъ бы отличнѣйшее бордо, ѣлъ бы сочную дюшессу и проч. Но онъ воровпталъ, заплакалъ — и тѣмъ окончательнo выказалъ свой безпokoйный характеръ.

— Это все въ тебѣ зависть плачетъ! сразу осадилъ его Губошлеповъ: — а ты бы лучше на себя посмотрѣлъ! Какая у тебя звѣзда (у Агатона была всего одна звѣзда, и то самая маленькая)? А у него ихъ три! Да и человѣкъ онъ безстрашный,

сколько однихъ областей завоевалъ,—а ты! На печи лежа безъ пороку палилъ! И хотъ бы ты тѣ подумалъ, что этакихъ-то, какъ ты,—какая орава у меня! По одной рублевой цыгаркѣ каждому дай—сколько денегъ-то будетъ! А ты лезешь! И легъ ты и всталъ у меня, и все тебѣ мало!

Агатонъ обидѣлся...

Нѣтъ Агатона! Онъ поселился въ четвертомъ этажѣ, во дворѣ того самаго дома, гдѣ живетъ и бывший его патронъ, и прозябаетъ подъ командой у выборской шведки Лотты, которая въ одно и то же время готовитъ ему кушанье, чиститъ сапоги, и исполняетъ другія неприхотливыя его требованія. Лотта безобразна, рѣдковолоса, лишена бровей и рѣсницъ, и за всѣмъ тѣмъ, съ ожесточеніемъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ загубилъ ея молодость. Чтобъ загладить этотъ поступокъ, онъ старается исполнить малѣйшій ея капризъ. Сначала, она варила ему кофе, пока онъ нѣжился на постели, теперь—онъ самъ варитъ кофе, пока она, неопрятная и сонная, баракхается въ пуховикѣ. Чтобъ быть ей приятнымъ, онъ даже выучился говорить «по ейному», и такъ чисто произносить «анна-мина-нуси», что Лотта не можетъ удержаться, чтобъ не дать ему за это пинка. По воскресеньямъ, къ Лоттѣ ходитъ «ейный» двоюродный братъ, и тогда Агатонъ на цѣлый день уходитъ изъ дома, сначала въ греческую кухмистерскую, потомъ на ералашъ (по $\frac{1}{10}$ копейки за пунетъ) къ кому-нибудь изъ бывшихъ помпадуровъ, который еще на столько богатъ средствами, чтобъ на сонъ грядущій побаловать своихъ гостей рюмкой очищенной и кускомъ селедки. Тамъ, въ интервалахъ сдачи, ропшущіе экспомпадурн рассказываютъ другъ-другу о бывшемъ привольномъ житѣ, о стерляжьей ухѣ, о цѣнѣ на рябчиковъ и идиюковъ, о любопытнѣйшихъ сенатскихъ указахъ, о столкновеніяхъ, пререканіяхъ и проч. Затѣмъ, проглотивъ по рюмкѣ живительной, всѣ расходятся, а на утро опять наступаетъ понедѣльникъ, опять «анна-мина-нуси», обѣдъ, цѣною не свыше тридцати копеекъ, послѣ обѣда спанье, гранъ-пашьянсъ, вечерній чай и опять спанье. И такъ вся недѣля...

Нѣтъ Агатона! Онъ до такой степени самъ сознаетъ это, что въ знакъ покорности велѣніямъ судьбы, отпустилъ бороду и усн. Худой и выцѣвшій, въ поношенномъ пальто съ сильно порыжѣлымъ бобровымъ воротникомъ, онъ перваго числа каждаго мѣсяца сидитъ на площадѣ лѣстницы главнаго казначейства и въ ожиданіи своей очереди для полученія пенсіи, бесѣдуетъ съ «старушкой». «Старушка» съ ридикюлемъ въ рукахъ—это непремѣнная принадлежность главнаго казначейства. Съ

костылями или безъ костылей, въ пальто или въ градедажновомъ платкѣ, въ старомъ обличьемъ салопѣ, или въ ватномъ поношенномъ пальто, она всегда тутъ; сидитъ на площадке, твердою рукою держитъ ридикюль, терпѣливо выжидаетъ выслушанную и выстраданную зелененькую кредитку и слезящимися глазами слѣдитъ за проходящими франтами, уносящими уймы денегъ въ видѣ арендъ, вспомошествованій и болѣе или менѣе значительныхъ пенсій.

Сказать ли правду?—взирая на нее, помпадуръ чувствуетъ себя какъ-то бодрѣе. Не онъ одинъ забитъ, не онъ одинъ погруженъ въ бездну. Есть на свѣтѣ существо и еще забитѣе, еще подавленнѣе. И онъ безъ умолку готовъ болтать со «старушкой», ибо отнынѣ только такого рода бесѣда и можетъ влить въ его сердце восстанавлиющій бальзамъ. Да; онъ былъ имъ! онъ несомнѣнно былъ помпадуромъ! И если напоминаніе объ его помпадурствѣ не возбуждаетъ въ людяхъ счастливыхъ и довольныхъ ничего, кромѣ обиднаго равнодушія, то пусть хоть она, пусть хоть эта «старушка» услышитъ объ этомъ и позавидуетъ ему!

— Всея-то моей пенсїи, говоритъ «старушка»:—никакъ двѣнадцать рублей сорокъ-три копеечки въ мѣсяцъ будетъ. На себя, значить, семь рублей получаю, да на внучекъ — сынъ у меня на службѣ померъ—такъ вотъ на нихъ пять рублей сорокъ-три копеечки пожаловали!

— Не много, сударыня!

— Четыре зелененькихъ, сударь; тутъ и въ пиръ, и въ миръ. Вотъ старшей-то внучкѣ скоро года выйдять, такъ, сказываютъ, два семь гривенъ вычету будетъ!

— И живете-съ?

— Живемъ, сударь. Только надо сказать, житье наше такое: и жить-то бы не надо, да и умирать не хочется. Не разберешь. А тоже вотъ хоть бы и я: такое ли прежде мое житье было! Домъ-то полная чаша была, хоть кто приходи—не стыдно! И мы въ гости—и къ намъ гости! Ну, а теперь—не прогнѣвайся! Одинъ день съ квасомъ, а другой и такъ въ сухомятку поѣдимъ. Ну, а вы, сударь, чай, много сумми-то получаете?

— Да въ мѣсяцъ восемьдесятъ-одинъ рубль шестьдесятъ копеекъ. Не развернешься тоже, сударыня!

— И! что вы! Да кабы намъ такія деньги! Вы, стало быть, большую службу-то несли?

— Да... я... помпадуромъ былъ! не безъ фатовства отвѣчаетъ

Агатонъ, и видимо наслаждается, замѣчая, какъ «старушку» беретъ оторошь при этомъ признаніи.

Эта оторошь есть цѣль всѣхъ его разговоровъ. Достигнувъ ея, помпадуръ счастливъ; онъ чувствуетъ, что онъ не весь еще погасъ, и что есть на свѣтѣ существо, которое можетъ позаимствоваться отъ него свѣтомъ.

— Былъ, судариня, былъ-съ! продолжаетъ онъ съ увлеченіемъ, и вытягиваясь во весь ростъ. — Встрѣчали-съ! Провожали-съ! Шагу по улицѣ не дѣлалъ, чтобы квартальный впереди народъ не разгонялъ-съ! Безъ стерляжьей ухи за столъ не саживался-съ! А что на счетъ этихъ помпадуршъ-съ...

Агатонъ махаетъ рукой и направляется къ стойкѣ, за которою производится раздача пенсій. Защемивъ въ руку пачку красненькихъ кредитовъ, онъ проходитъ назадъ мимо «старушки» и такъ дружелюбно киваетъ головой на ея почтительный поклонъ, что оставляетъ ее въ совершенномъ недоумѣніи, дѣйствительно ли съ ней говорилъ одинъ изъ тѣхъ помпадуровъ, о которыхъ въ газетахъ пишутъ: и придутъ во градъ, и имутъ младенцевъ, и разбѣютъ ихъ о камни?!

Нѣтъ Агатона! до такой степени нѣтъ, что никому изъ Н-скихъ обывателей, пріѣзжающихъ въ Петербургъ понюхать чѣмъ пахнетъ, не приходило даже на мысль провѣдать, гдѣ онъ и какъ ему живется. Сначала, ему такъ и казалось, что вотъ-вотъ ему сейчасъ доложить: корнетъ Берендѣевъ пріѣхалъ! прапорщикъ Солонина желаютъ васъ видѣть! Однако проходить дни, недѣли, мѣсяцы, годы, но ни Берендѣевъ, ни Солонина и ухомъ не ведутъ. Помпадуръ долгое время не можетъ освоиться съ мыслью, что онъ забыть. Слыша, что Берендѣевъ и Солонина ужъ не одинъ разъ наѣзжали въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ домахъ терпимости отрекомендовать себя, какъ непоколебимѣйшихъ консерваторовъ, онъ не хочетъ вѣрить ушамъ своимъ. Да тѣ ли это, «его» ли это Берендѣевъ и Солонина? назойливо допрашиваетъ онъ очевидцевъ консерваторскихъ подвиговъ этихъ людей, и только тогда уже, когда нѣтъ больше мѣста сомнѣніямъ, раздражается цѣлымъ ливнемъ безсильныхъ жалобъ противъ людской неблагодарности. «По цѣлымъ часамъ въ приемной у меня копѣлъ! у притолоки стоялъ! за честь себѣ считалъ, когда я не то что рукой—мизинцемъ его поману!» восклицаетъ онъ, весь дрожа и захлебываясь отъ негодованія. Дай волю своему языку, онъ навѣрное присовокупилъ бы: «а вотъ погоди! я васъ ужъ въ бараній рогъ согну!»—но негнѣность этой угрозы столь очевидна, что самое возникновеніе ея въ разгоряченномъ мозгу уже произво-

дѣтъ въ немъ реакцію въ совершенно обратномъ смыслѣ. Все кончено! все пусто, все голо, все дышетъ холодомъ, все исполнено мрака и бездѣльной, щемящей тоски... Впереди, нѣтъ мѣста ни для угрозъ, ни для осаживаній, ни для ошеломленій! Кому какое дѣло, привѣтливая или огрызавшаяся жалоба играваетъ у него на устахъ? кому надобность знать, благосклонный или нетерпящій возраженій у него жестъ? Все это имѣло значеніе прежде, а теперь...

— Ну, и чортъ съ ними! имъ до меня нѣтъ дѣла, и мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ! принимаетъ онъ, наконецъ, героическое рѣшеніе, и остановившись на немъ все больше и больше погружается подъ ферулой у выборгской шведки Лотты...

Эта картина не послѣдняя. Не вся перспектива исчерпана; вслѣдъ за описанными выше проносятся новыя картины наготы и бѣдности, проносятся съ быстротою молніи, до тѣхъ поръ, пока отуманенный взоръ окончательно не отказывается различать въ этой мрачной, зияющей безднѣ будущаго!

«О, еслибъ помпадуры знали! еслибъ они могли знать!» мысленно обращается онъ къ самому себѣ, «сколь многого бы они не совершили, что безъ труда могли бы не совершить! И если даже меня, который ничего, или почти ничего не совершилъ, ждетъ въ будущемъ возмездіе, то что же должно ожидать тѣхъ, коихъ вся жизнь была непрерывнымъ служеніемъ мятежу и сквернословію?»

— Господа! предлагаю тостъ за нашего дорогого, многолюбимаго отъѣзжающаго! прерываетъ на этомъ мѣстѣ мучительныя мечты помпадура голосъ того самаго Берендѣева, который въ⁶ этихъ мечтахъ игралъ такую незавидную роль:—вашество! позвольте мнѣ, какъ хозяину дома, которому вы сдѣлали честь... однимъ словомъ удовольствіе... или, лучше сказать, удовольствіе и честь... Вашество! языкъ мой нѣмѣтъ! Но позвольте... отъ полноты души... въ этомъ домѣ... Господа! поднимемъ наши бокалы! Ура!

При этомъ возгласѣ, картины будущаго оставляютъ на время помпадура, и онъ вновь возвращается къ чувству дѣйствительности, то-есть чокается и благодарить.

— Благодарю васъ, господа! говорилъ онъ:—хотя, признаться, я бы желалъ, чтобы все здѣсь происходящее было сномъ! Пусть это былъ бы пріятный, сладкій сонъ, доставившій вамъ случай выразить мнѣ сочувствіе, а мнѣ—лучшую награду, которой только можетъ желать честолюбивѣйшій изъ помпадуровъ... Но все-таки пусть бы это былъ сонъ!

— А ужь мы-то, вашество! какъ бы мы-то! шинить позвънному будущій Гуда-Верендъевъ.

Однако, это былъ не сонъ, и какъ мы ни ухитрились отдалить минуту помпадурскаго отъѣзда, но, наконецъ, все-таки были вынуждены заколотъ тельца, чтобы *въ послѣдній разъ* упитать достойнаго юбиляра.

Прекрасно и умирительно было это послѣднее торжество. Распоряжалась имъ цѣлая комиссія изъ чиновниковъ особыхъ порученій, подъ высшимъ наблюдениемъ губернскаго предводителя дворянства. Въ четыре часа по полудни, прибылъ почтенный юбиляръ и подъ звуки военнаго марша, словно гонимый сквозь строй, вступилъ въ залу собранія, въ сопровожденіи двухъ ассистентовъ. На особомъ столѣ была сервирована роскошнѣйшая закуска, но взволнованный помпадуръ почти не прикоснулся къ ней, а только оросилъ слезою великолѣпный страсбургскій паштетъ. За обѣдомъ подавали: стерляжь уху и soupe à la reine (къ нимъ: растеган и семь или восемь сортовъ пирожковъ), затѣмъ: громаднѣйшій ростбифъ, salade de homards et de foie de lotte, épigramme de chevreuil, punch glacé, жаренные фазаны и перепела, fonds d'artichauts à la lyonnaise, и включеніе три или четыре сорта пирожныхъ. Тосты предлагались въ безчисленномъ количествѣ, ибо не только дачальники отдѣльныхъ частей, но даже совѣтники и ревизоры пожелали чѣмъ-нибудь порадовать отъѣзжающаго на прощаніе. Предсѣдатель суда сказалъ: «никогда бы нашъ гласный, правый и скорый судъ не всталъ такой прочной ногою, еслибъ вашество не удостоило его вашимъ истинно просвѣщеннымъ сочувствіемъ». Предсѣдатель земской управы сказалъ: «никогда же и вѣсто не привилось бы такъ счастливо въ нашемъ краю, еслибъ вашество, съ первыхъ же шаговъ, не ободрило его вашимъ благосклоннымъ содѣйствіемъ!» Управляющій казенной палатой сказалъ: «никогда выкупные платежи не поступали въ такомъ изобиліи». Управляющій акцизными сборами сказалъ: «никогда акцизъ съ вина, а равно и патентный сборъ съ мѣстъ оптовой и розничной распродажи пива всѣхъ наименованій не достигали такихъ размѣровъ». Управляющій контрольной палатой сказалъ: «никогда въ нашемъ краю законность не процвѣтала; вѣщество первый подали примѣръ благосклонной покорности законамъ, внеся 1 р. 43 к., начтенные на васъ контрольной палатой. Фактъ этотъ навсегда останется незабвеннымъ въ сердцахъ всѣхъ чиновъ вѣренной мнѣ палаты, начиная съ меня и кончая сторожемъ!» Совѣтники и ревизоры, каждый поровнѣ,

сказали: «позвольте, вашество, и намъ! Никогда законность не процвѣтала въ нашемъ краю! Никогда!» И такъ далѣе. Одни предводители не говорили рѣчей, а только кричали: урра! Наконецъ, выступилъ и самъ юбиляръ съ отвѣтнымъ прощальнымъ тостомъ.

— Господа! сказалъ онъ:—Я знаю, что я ничего не совершилъ! Но именно потому-то я и позволяю себѣ на прощаньи пожелать вамъ одного. Я отъ души желаю вамъ... я желаю... чтобъ и другой... чтобы и тотъ, кто замѣнитъ вамъ меня (крики: «никто не замѣнитъ! никто!»)... чтобъ и онъ тоже... ничего, подобно мнѣ, не совершилъ! Смѣю думать... да, я именно такъ позволяю себѣ думать... что это самое лучшее... что это самое приятное пожеланіе, какое я могу сдѣлать вамъ въ эту торжественную минуту!

— Урра! стономъ застонала въ отвѣтъ вся зала.

Въ семь часовъ вечера, помпадуръ, усталый и измученный, оставилъ насъ, чтобъ захватить въ свою квартиру и передѣться. Въ 9 ми собрались на станціи желѣзной дороги въ ожиданіи поѣзда. Въ 9½ помпадуръ наскоро перецѣловалъ насъ, выпилъ прощальный бокалъ, и усѣлся въ вагонъ. Черезъ минуту паровозъ свиснулъ, и помпадуръ вмѣстѣ со всѣмъ поѣздомъ потонулъ во мракѣ...

«Его ужъ нѣтъ!» заплѣлъ кто-то въ толпѣ, и этимъ простымъ восклицаніемъ сразу возвратилъ насъ къ дѣйствительности.

Дѣйствительность, которая предстоила впереди, для многихъ изъ насъ была болѣе, нежели серьезна.

Какъ я объяснилъ выше, главную черту стараго помпадура составляла кроткая покорность закону и законности. Окруженный ореоломъ власти, и пользуясь всѣми ея омиамами, онъ не былъ однакожъ опьяненъ ими, но любилъ соединять величіе съ привѣтливостью, и даже допускалъ, что самня заблужденія людей не всегда должны имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ разстрѣляніе. Устраняясь лично отъ преній по предметамъ внутренней политики, онъ тѣмъ не менѣе не находилъ противнымъ человѣческому естеству, если кто либо изъ его подчиненныхъ, въ приличныхъ формахъ, позволялъ себѣ оспаривать пользу и цѣлесообразность того или другаго мѣропріятія. Онъ даже съ удовольствіемъ вслушивался, какъ люди разговариваютъ, какъ изъ устъ ихъ по временамъ вылетаютъ умныя слова, и какъ по поводу какого нибудь непонятнаго для него

выраженія вдругъ возникаетъ горячій, но скромный споръ. Какъ будто онъ догадывался, что ни этотъ споръ, ни возбуждшія его непонятныя слова не заключаютъ въ себѣ ничего угрожающаго общественному спокойствію, и что дѣло кончится все-таки тѣмъ, что оппоненты, поспоривъ другъ съ другомъ, возьмутся за шапки, и разбредутся по домамъ.

Такое благодушное настроеніе помпадура сообщало нашему обществу, или, по крайней мѣрѣ, просвѣщенному его меньшинству, совершенно особенный, такъ сказать скромно-либеральный характеръ. Мы составляли единую дружественную семью, которая днемъ насаждала древо гражданственности въ присутственныхъ мѣстахъ, а по вечерамъ собиралась въ томъ или другомъ домѣ, тоже для насажденія древа гражданственности. Коли хотите, эти собранія были немножко скучны, но за то, вполне благонадежны. Мы читали передовыя статьи «Старѣйшей Россійской Пѣвнотснимательницы» и удивлялись благонамѣренной ахъ дерзости. Затѣмъ, мы обсуждали казусы, возникавшіе во время утреннихъ засѣданій въ присутственныхъ мѣстахъ, и общимъ совѣтомъ рѣшали вопросы объ истинныхъ свойствахъ ассигновки, подлежащей удовлетворенію, объ единокровіи и единоутробіи, о границахъ, далѣе которыхъ усныша не должна быть допускаема, о томъ, слѣдуетъ ли вынутіе изъ пробоя затчки признавать признакомъ вѣдома и т. д. Взаключеніе, мы предавались радости, что всѣ мы такіе усердные, нелицепріятные, преданные интересамъ казны, и закончивши свой день этимъ, такъ сказать, актомъ самооблюбованія, несуетливо расходились воссвоаяси.

Повторяю: каждый изъ насъ былъ искренно преданъ своему скромному, среднему дѣлу, и ежели въ этой преданности можно было отыскать что-нибудь предосудительное, то развѣ только то, что мы не шутя были убѣждены, что наше «дѣло» можетъ развиваться полегоньку, безъ трубныхъ звуковъ, безъ оглушеній, а тѣмъ болѣе безъ сквернословія. «Наше время не время широкихъ задачъ!» восклицали мы и съ непреборимой серьезностью корпѣли надъ рапортами, вѣдомостями, рѣшеніями и предписаніями. Предсѣдатель суда, конечно, соболѣзновалъ, когда присяжные засѣдатели слишкомъ охотно оправдывали обвиняемыхъ, но въ то же время никогда не позволилъ бы себѣ утверждать, что институтъ присяжныхъ долженъ быть подвергнутъ за это посрамленію. Предсѣдатель казенной палаты всѣмъ сердцемъ желалъ, чтобы подати поступали въ казну безнедомочно, но былъ бы глубоко огорченъ, еслибъ это поступленіе

сопровождалось вломомъ головъ у плательщиковъ. Предсѣдатель земской управы страстно ледѣль въ душѣ своей идеаль переложенія дорожной повинности изъ натуральной въ денежную, но первый отступилъ бы въ ужасъ, еслибъ ему сказали, что для достиженія этого необходимо ту или другую мѣстность объявить въ осадномъ положеніи. Управляющій акцизными сборами охотно принималъ участіе въ дѣлѣжѣ дивиденда, но при этомъ всегда уновалъ, что наступитъ время, когда количество дивиденда будетъ зависѣть не столько отъ увеличенія арміи пьяницъ, сколько отъ болѣе правильнаго распредѣленія напитка между желающими пользоваться имъ. И такъ далѣе. Но при всемъ либерализмѣ, мы не только не отрицали необходимость помпадура, но даже прямо говорили, что безъ помпадура мы пропадемъ, какъ шведы подъ Полтавой. Въ безграничномъ нашемъ усердіи, мы желали отъ помпадура только одного: чтобъ онъ не отвлекалъ насъ отъ рапортовъ, предписаній и вѣдомостей, чтобъ не истощалъ казны чрезчуръ блестящими предпріятіями, и простилъ бы, еслибъ кто-нибудь изъ насъ, по рассѣянности, выказалъ бы *простую* теплоту чувствъ въ такую минуту, когда принято выказывать теплоту чувствъ *особенную*.

Такимъ образомъ мы жили, и, надо сказать правду, не вида ни откуда пригѣсненій, даже возгордились. Стали въ глаза говорить другъ другу комплименты, называть другъ друга «гражданами», увѣрять, что другой такой губерніи днемъ съ огнемъ поискать, устраивать по подпискѣ обѣды въ честь чьего-нибудь пятилѣтія, или десятилѣтія, а иногда и просто въ ознаменованіе безпримѣрнаго дотошъ увеличенія дохода съ питей, или бездоимочнаго поступленія выкупныхъ платежей.

Понятно, по этому, какое горькое впечатлѣніе произвело на насъ косвенное извѣстіе о какомъ-то «вѣяньи времени», которое должно было немедленно насъ совратить.

Многіе изъ насъ думали: какъ, однакожъ, постыдно, какъ глубоко оскорбительно положеніе человѣка, который постоянно долженъ задавать себѣ вопросъ: за что?—и не находить другого отвѣта, кромѣ: будь готовъ. Я, напримѣръ, сижу за столомъ и весь углубленъ въ провѣрку вѣдомостей. Никакой вины за собой я не чувствую. Цифры шеренгами и столбцами мелькаютъ въ моихъ глазахъ; мнѣ тошно отъ нихъ, я радъ бы бѣжать куда глаза глядятъ, чтобъ только не видѣть ихъ, однако я преодолеваю свою тошноту и дѣльнымъ рядомъ героическихъ насилій надъ собою достигаю, наконецъ, итога, не только понятнаго для меня самого, но такого, кото-

рый—я положительно въ томъ увѣренъ — пойметъ и мое начальство. И вдругъ, въ самомъ разгарѣ торжества моего усердія, мнѣ приходится сказать: ты преступенъ! Ты преступенъ потому, что тогда-то, въ такомъ-то мѣстѣ не выказалъ *достаточной* теплоты чувствъ!—Помилуйте, говорю я, я вотъ этими вѣдомостями, я числомъ входящихъ и исходящихъ нумеровъ—вотъ чѣмъ доказываю я теплоту своихъ чувствъ! «Вздоръ! отвѣчаютъ мнѣ, наплевать намъ на твои вѣдомости! Пусть будутъ всѣ итоги перевераны, пусть будутъ исходящія бумаги исполнены бессмыслицы—подавай намъ не *эту*, а настоящую теплоту чувствъ!—Позвольте, однако! стало быть, у васъ есть термометръ, съ помощью котораго вы... «Ба! ты еще остриш! Живо! Faites vos bagages, messieurs, faites vos bagages! Фюнтъ!»

И вотъ, я, преданнѣйшій изъ либераловъ, я, который всю жизнь мечталъ: какъ было бы славно, еслибъ крестьянинъ вносилъ выкупные платежи полностью, и притомъ не по принужденію, а съ сладкимъ сознаниемъ выполненнаго долга,—я долженъ не оглядываясь бѣжать «отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ», бѣжать безъ прогнотовъ, съ опасною вличкой человѣка, не выказавшаго *достаточной* теплоты чувствъ?

За что?!

Поймите меня. Если я желалъ, чтобъ выкупные платежи вносили бездомочно, то, вѣдь я желалъ этого не для себя, не для пріобрѣтенія себѣ эфемерной популярности, а для того, что сердце мое обливалось кровью при одной мысли, что государственное казначейство можетъ быть поставлено въ затрудненіе. Какой еще нужно теплоты чувствъ! А если я сверхъ того желалъ, чтобъ эти взносы дѣлались не по принужденію, то опять-таки не затѣмъ, чтобъ дать поблажку непросвѣщенной и грубой черни, а затѣмъ, что если однажды, въ видахъ скорѣйшаго полученія денегъ, проломить плательщику голову, то онъ умретъ, и въ другой разъ казнѣ уже не съ кого будетъ взымать. Ужели и это не теплота чувствъ!

Теплота чувствъ! О вы, которые такъ много говорите объ ней, объясните, по крайней мѣрѣ, въ чемъ должны заключаться ея признаки? Но увы! никто даже не даетъ себѣ труда отвѣтить на этотъ вопросъ. Напротивъ того, вопросъ мой возбуждаетъ негодованіе, почти ужасъ. Какъ! ты даже этого, врожденнаго всякому человѣку, понятія не имѣешь! ты *этого* не понимаешь! *Этого!!* Брысь!

Въ тоскѣ, я обращаюсь къ моему сердцу. Сердце—вѣщунъ! говорю я, ты, которое десятки лѣтъ состоя на казенной служ-

бѣ, должно знать всѣ формы и степени казенной теплоты! По-вѣдай мнѣ, въ чемъ прегрѣшаю я противъ нихъ?

И вотъ, сердце отвѣчаетъ мнѣ: тогда-то, слѣша по улицѣ въ присутствіе; ты забѣлъ сдѣлать подь козырекъ! тогда-то, гуляя въ публичномъ саду, ты разсуждалъ съ управляющимъ контрольной палаты на тему о бесполезности писать законы, коль скоро ихъ не исполнять, между тѣмъ какъ, *по настоящему*, ты долженъ былъ стоять въ это время смиренно и распѣвать «громъ побѣды раздавайся!»

О ужасъ! я припоминаю! Да... это такъ... это дѣйствительно было! Дѣйствительно, я и подь козырекъ не сдѣлалъ, и не распѣвалъ... Но почему же, о сердце! ты не предупредило меня! Ты, которое знаешь, какъ охотно я дѣлаю подь козырекъ и съ какимъ увлеченіемъ я всегда и на всякомъ мѣстѣ готовъ повторять:

О россъ! о родъ непобѣдимый!
О твердокаменная грудь!

Положимъ, однакожъ, что я преступенъ, но развѣ нѣтъ для меня смягчающихъ вину обстоятельствъ? Та поспѣшность, съ которою я устремлялся въ присутствіе, и которая была причиною, что я не сдѣлалъ подь козырекъ—развѣ это не омиамъ въ своемъ родѣ? Тотъ восторженный разговоръ, который я велъ о необходимости покоряться законамъ даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что законъ для насъ не писанъ—развѣ это не перифраза того же самаго «громъ побѣды раздавайся», за нераспѣваніе котораго я такъ незаслуженно оскорбленъ названіемъ преступника?

Но никто не внимаеть мнѣ; никто не хочетъ признать за мной даже смягчающихъ обстоятельствъ! *Faites vos bagages, messieurs! faites vos bagages!*

Въ ожиданіи такихъ перспективъ, очень естественно, что мы и не замѣтили, какъ простылъ слѣдъ нашего добраго стараго помпадура. Намъ было не до того. Не неблагодарность руководила нами, а простое чувство самосохраненія. Въ тоскливой суетѣ сообщали мы другъ другу различныя предчувствія и предположенія, но всѣ эти предчувствія блѣднѣли и меркли передъ однимъ капитальнымъ и, такъ-сказать, немеркнущимъ вопросомъ:

Кто ОНЪ?

Кто онъ? Кто тотъ благовѣстникъ самовѣйнаго духа вре-

мени, которому суждено и на насъ распространить его вѣянія, или, лучше сказать, вывести насъ въ нѣкоторое пустынное и ни отсюда не защищенное мѣсто, гдѣ всевозможные вихри будутъ нещадно терзать насъ и свади, и спереди, и съ боковъ?

Въ чемъ состоятъ «вѣянья» времени?

Que les méchants tremblent! que les bons se rassurent! Все это прекрасно, но кто же тѣ «злые», которые обязываются трепетать? Кто тѣ «добрые», которые могутъ съ довѣріемъ взирать въ глаза прекрасному будущему?

Надо сказать правду, что, предложивъ себѣ эти вопросы, мы отвѣтили на нихъ довольно рутиннымъ образомъ. По прежнимъ примѣрамъ, а можетъ быть и не по примѣрамъ, а просто на основаніи давно упраздненныхъ афоризмовъ административной азбуки, мы думали, что подѣ «злыми» слѣдуетъ разумѣть, вопервыхъ, взяточниковъ, вовторыхъ, такъ называемыхъ дантистовъ, и втретьихъ, всякаго рода шалопаетъ и «шлюющихся людей». Нѣкоторые изъ насъ (либералы, но уже съ значительнымъ консервативнымъ оттѣнкомъ) прибавляли къ этимъ тремъ категоріямъ еще четвертую, подѣ наименованіемъ «людей политически-неблагонадежныхъ». Но, во всякомъ случаѣ, такъ какъ мы ни къ одной изъ этихъ категорій (даже къ четвертой) себя не причисляли, то многіе чуть было тутъ же не начали взирать съ довѣріемъ въ глаза прекрасному будущему. Однакожъ, болѣе кристальное разсмотрѣніе дѣла дало намъ почувствовать, что тутъ есть ошибка, и притомъ довольно грубая.

Начать хотъ съ взяточниковъ—могутъ ли они быть названы «злыми» въ новѣйшемъ значеніи этого слова?

Извѣстно, что въ концѣ пятидесятихъ годовъ, воздвигнуто было на взяточниковъ очень сильное гоненіе. Съ понятіемъ о «взятчицествѣ» сопрягалось тогда представленіе о какой то язвѣ, которая яко бы разѣдаетъ русское чиновничество и служитъ не малой помѣхой въ дѣлѣ народнаго преуспѣянія. Казалось, что ежели уничтожить взятку и населить міръ неумыслными становыми приставами, то вдругъ потекутъ рѣки млека и меда, а къ нимъ на придачу водворится и правда. Такъ понимало «взятку» тогдашнее общество, такъ объясняли это слово и составители толковыхъ словарей. Но съ тѣхъ поръ, понятія наши значительно расширились, и мы не только не указываемъ на взяточничество, какъ на язву, но даже не интересуемся знать, прекратилось оно, или существуетъ. Утративши прежнія наглядныя формы, оно вмѣстѣ съ тѣмъ утратило и права на наше вниманіе. Прежнія страстныя преслѣдованія этого гнуснаго по-

рога утихли, или лучше сказать, замѣнились иными преслѣдованіями, иныхъ пороковъ... пороковъ, порожденныхъ новыми вѣяніями времени. Словомъ сказать, вопросъ о взяточничествѣ, нѣбогда столь славный, является въ настоящее время до такой степени забытымъ, что самое напоминаніе объ немъ кажется почти ребяческою назойливостью.

Такъ бываетъ всегда, когда общественное развитіе идетъ слишкомъ быстро, и когда общество, въ своемъ нетерпѣніи, отъ копеечной взятки прямо переходитъ къ тысячной, десяти-тысячной и т. д. Филологи, не успѣвая слѣдить за измѣненіями, которыя вносятъ жизнь въ извѣстныя выраженія, выдаютъ въ невольныя ошибки, и продолжаютъ звать «взяткой» то, чему уже слѣдуетъ, по всей справедливости, присвоить наименованіе «куша». Отсюда—путаница понятій. Содержаніе «взятки» измѣнилось, границы ея получили совсѣмъ другія чертанія, притягательныя ея силы приобрѣли особый полѣтъ и изумительнѣйшее, до толѣ не слыханное развитіе, а составители толковыхъ словарей упорствуютъ утверждать, что «взятка» есть то самое, что въ древности собиралъ становой приставъ въ формѣ куръ и яицъ, и лишь по временамъ находилъ, въ видѣ полуимперіала, во внутренностяхъ какого-нибудь вонючаго распотрошеннаго трупа. Къ счастью, однакожь, жизнь не вѣрится этимъ объясненіямъ, и утверждаетъ прямо, что «взятка» окончательно умерла, и на ея мѣсто родился «кушъ».

Но понятно, что «кушъ» уже совсѣмъ другого рода дѣло, и что для разъясненія, въ какой мѣрѣ этотъ новый экономическій дѣятель препятствуетъ или способствуетъ народному преуспѣванію, потребно не мало времени. До сихъ поръ, и то лишь на этихъ дняхъ, только прусскій депутатъ Ласкеръ возбудилъ объ этомъ вопросъ, неосторожно назвавъ «взяткою» двадцатитысячный «кушъ», полученный нѣкимъ тайнымъ совѣтникомъ за содѣяствіе при выдачѣ желѣзнодорожной концессіи. Разумѣется, газетчики обрадовались этому обличенію и увидѣли въ немъ фактъ, свидѣтельствующій о прусской испорченности. Но вотъ, выскивается австрійскій журналистъ, который по поводу этого же самаго происшествія, совершенно наивно восклицаетъ: «О! если бы намъ, австрійцамъ, Богъ послалъ такую же испорченность, какая существуетъ въ Пруссіи! какъ были бы мы счастливы!» Какъ хотите, а это восклицаніе проливается на дѣло совершенно новый свѣтъ, ибо кто же можетъ поручиться, что вслѣдъ за австрійскимъ журналистомъ не выщется журналистъ турецкій, который пожелаетъ для себя австрійской испорчен-

ности, а потомъ нубійскій или коканскій журналистъ, который будетъ сгарать завистью уже по поводу испорченности турецкой? Очевидно, что разногласія этого не могло бы существовать, еслибы строгимъ опредѣленіемъ понятія о «кушѣ» была сразу устранена возможность заслонять одну громадную мерзость посредствомъ другой, еще болѣе громадной. Но вотъ этого-то именно и нѣтъ. А повуда не будетъ достигнуто оле устраненіе, много пройдетъ времени въ спорахъ, какая степень испорченности желательна, какая терпима и какая, наконецъ, и не желательна и не терпима.

До тѣхъ поръ, мы будемъ имѣть основаніе сказать только одно: да; если взятка еще не умерла, то она существуетъ въ такой облагороженной формѣ, что лучше всего дѣлать видъ, что не примѣчаешь ея. Но, кромѣ того, имѣются и высшія соображенія, которыя не дозволяютъ считать взяточниковъ въ числѣ «злыхъ». Новѣйшія вѣянья времени учатъ все болѣе цѣнить въ человѣкѣ не геройство и способность претерпѣвать лишения, сопряженныя съ ограниченнымъ казеннымъ содержаніемъ, а покладистость, уживчивость и готовность. Но что же можетъ быть покладистѣе, уживчивѣе и готовнѣе хорошаго, добраго взяточника? Ради возможности стянуть лашнюю копеечку, онъ готовъ ужиться съ какою угодно внутренней политикой, увѣрывать въ какого угодно бога. Сегодня, напавивъ мундиръ, онъ отправляется въ соборъ поклониться Богу истинному, а завтра—только принажител!—въ томъ же мундирѣ выидеть на лобное мѣсто и будетъ кричать: распни! распни его!

Ясно, что «новѣйшія вѣянья времени» къ нимъ относиться не должны...

Другая категория людей, которая, на основаніи азбучныхъ опредѣленій, заслуживала бы наименованія «злыхъ», состоитъ изъ тѣхъ нервно-разстроенныхъ людей, которые въ оглушеніяхъ и заушеніяхъ ищутъ успокоенія для своей разстроенности. Должны ли они трепетать? Нѣкоторые изъ насъ отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно, другіе говорили прямо: нѣтъ, не должны. Но аргументы первыхъ до того страдали риторическою амплификаціей, что невольно напоминали знаменитое и, какъ извѣстно, окончившееся полнѣйшимъ фіаско, выраженіе «въ наше время, когда»... Напротивъ того, аргументы вторыхъ такъ плотно стояли на реальной почвѣ, что своею осязаемостью поражали слушателя въ самое сердце. «Помилюйте! говорили послѣдніе:— что же такое оглушенія и заушенія, какъ не самое яркое выраженіе новѣйшихъ вѣяній времени, какъ не роскошный плодъ, въ которомъ онѣ находятъ свое осуществленіе!

И точно, знаменитѣйшіе изъ нашихъ оглушителей: майоръ Зуботычинъ и капитанъ Рыдобейшиковъ, присутствуя при нашихъ спорахъ, здоровымъ и цвѣтущимъ своимъ видомъ выражали не только отсутствіе всякихъ опасеній, но и полнѣйшее довѣріе къ будущему. И при этомъ, оба такъ простодушно удостовѣряли: «какъ хотите, а съ простымъ народомъ безъ того нельзя-съ», что даже несомнѣнные противники системы оглушенія—и тѣ становились въ тупикъ, слѣдуетъ ли ставить въ вину такіе подвиги, которые служатъ лишь выраженіемъ самыхъ завѣтныхъ и искреннихъ убѣжденій? Что могъ почувствовать при видѣ ихъ помпадуръ, который самъ являлся вѣстникомъ «вѣяній времени»? какъ могъ онъ поступить относительно ихъ? Очевидно, онъ долженъ былъ призвать къ себѣ Зуботычина и Рыдобейшикова и сказать имъ: вы — избранники моего сердца! идите, сѣйте зубы, сокрушайте челюсти и превращайте вселенную въ пустыню! Я съ удовольствіемъ буду слѣдить за вашими успѣхами!»

Ясно, стало быть, что и «дантисты» стоятъ внѣ того круга, которому угрожаетъ опасность...

Третья категорія «злыхъ» — шалопаи и разнаго рода «шлющіяся» люди. Но относительно ихъ современныя возрѣнія до того уже выяснились, что мы сами тотчасъ же поняли неумѣстность этой категоріи. Когда Петръ-Великій билъ «шлющящихся людей» палкой и приказывалъ брить имъ лбы и записывать на службу—это было понятно. Для преобразователя Россіи нужно было, чтобъ шалопаи были на глазахъ, чтобъ они не гадили втихомолку, а дѣлали это, буде хватить смѣлости, въ виду всей публики. Но впоследствии, мы приобрѣли такъ много всякаго рода свободъ, что между ними совершенно незамѣтно проскользнула и свобода шалопайствовать. Шалопаи проникли всюду, появились на всѣхъ ступеняхъ общества, и постепенно образовали такое компактное ядро, что, за неимѣніемъ другого, болѣе доброкачественнаго, многіе усомнились, не тутъ ли именно и находится та несокрушимая вѣрность, изъ которой новыя вѣянія времени могутъ производить смѣлѣйшіе набѣги свои? Въ какой степени основательно, или неосновательно такое предположеніе—это предстоитъ разрѣшить времени; но до тѣхъ поръ, пока разрѣшенія не послѣдовало, ясно, что «шлющіяся люди», равно какъ взточники и дантисты, должны стоять внѣ всякихъ угрозъ.

Оставалась, стало быть, четвертая и послѣдняя категорія «злыхъ»; категорія людей «политически неблагонадежныхъ».

Но едва мы приступили къ опредѣленію признаковъ этой категоріи, какъ съ нами вдругъ ни съ того ни съ сего приключился ознобъ. Ознобъ этотъ еще болѣе усилился, когда мы встрѣтились съ прикованными къ намъ взорами нашихъ консерваторовъ. Эти взоры дышали злорадствомъ и ироніей, и сопровождались улыбками самаго загадочнаго свойства...

Боже! ужели же мы, всегда считавшіе себя «добрыми», мы, носители идеаловъ о начетахъ не свыше 1 р. 43 копейки, мы, преданное среднему дѣлу меньшинство, мы, «граждане», — ужели именно мы-то и обявляемся «трепетать»?

Да! Это жестоко, но это такъ! Это можно было угадать уже по тому конфузу, который овладѣлъ самими нами, какъ только произнесены были слова: политическая неблагонадежность. Скажу по секрету, мы уже давно очень хорошо поняли, что рѣчь пойдетъ не о комъ другомъ, а именно объ насъ, и лишь по малодушію скрывали это не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя. Все какъ-то думалось, не совершится ли чудо, не сознаются ли консерваторы, что къ нимъ всего больше подходитъ та кличка политически-неблагонадежныхъ людей, которую такъ удачно созидало вѣяніе времени? Не снимутъ ли они на себя тяготѣющій на насъ оговоръ? Но консерваторы не сознавались, а потому, пришлось сознаваться намъ самимъ.

Какимъ образомъ случилось, что мы хоть косвенно, но сами признавали себя въ числѣ тѣхъ, противъ которыхъ вѣяніе времени должно было прежде всего направить свои стрѣлы—объяснить это довольно легко. Въ послѣднее время нашъ клубъ былъ ареною такихъ непрерывныхъ и раздражительныхъ междоусобій, что мы, носители идеала о начетахъ не свыше 1 р. 43 к., лишь благодаря благосклонному содѣйствію стараго помпадура, одерживали въ нихъ слабій верхъ. Но даже и при существованіи этого могущественнаго прикрытія, мы никогда не могли отвратить, чтобы наши политическіе противники не напоминали намъ, съ едва скрываемою дерзостью, кто мы, и изъ какихъ мы принциповъ выходимъ. Повторяю: принципы эти были очень просты, и заключались въ томъ, чтобы взятку не брать, къ рылобитію не прибѣгать и съ самоотверженіемъ корить надъ рапортами и вѣдомостями. Но консерваторамъ и это казалось ужаснымъ. Чтò бы мы ни предпринимали, какое бы сужденіе ни высказывали, мы совершенно явственно слышали, какъ тутъ же, о боже съ нами, раздавался ехиднѣйшій шопотъ, который произносилъ: красные! Это восклицаніе преслѣдовало насъ всюду: въ клубѣ, на улицѣ, въ присутственномъ мѣстѣ. Да, и

въ присутственномъ мѣстѣ, потому что даже просьбы на гербовой бумагѣ, которыя приходилось намъ разбирать — и тѣ были насквозь пропитаны ядомъ этого выраженія. Вотъ почему, это слово не было для насъ новостью, и вотъ почему, какъ только оно было произнесено, мы тотчасъ же поняли, что «красные» — это мы. Прежде, мы могли относиться къ этой кличкѣ равнодушно и даже шутливо; но теперь, когда мы сознавали себя предоставленными лишь собственнымъ силамъ, — она предстала передъ нами во всей своей наготѣ. Могли ли мы примѣнить ее къ кому бы то ни было, кромѣ самихъ себя? Могли ли мы утверждать, что намъ и на умъ никогда не приходило называть себя «красными», а тѣмъ менѣе быть оними? Увы! улики были на лицо, улики страшныя, подавляющія! Такия улики, что начеть въ 1 р. 43 к. сразу выступилъ въ видѣ холодныхъ капель пота на лбу у управляющаго контрольной палатой, какъ только онъ вспомнилъ объ немъ!

Это была неправда, это была вопіющая клевета. Но тѣмъ не менѣе, какъ ни обдумывали мы свое положеніе, никакого другого выхода не находили, кромѣ одного: да, мы, именно мы одни обязываемся «трепетать»? Мы «элые», лишь по недоразумѣнію воскитившіе наименованіе «добрыхъ». Мы волки въ овечьей шкурѣ. Мы «красные». На насъ прежде всего должно обрушиться вѣяніе времени, а затѣмъ, быть можетъ, задѣтъ на ходу и другихъ...

Уныніе овладѣло нами. Одни дребезжающимъ голосомъ разучивали «громъ побѣды раздавайся!» другіе выстаивали по цѣлымъ часамъ, дѣлая рукою подъ козырекъ. Нѣкоторые замешляли взмѣну...

Но всѣ средства оказывались непрактичными и не цѣлесообразными. Не то требуется доказать, умѣешь ли ты дѣлать подъ козырекъ, а то, возведено ли въ тебѣ это дѣланіе на степень врожденной идеи. Не о томъ рѣчь, твердо ли ты заучилъ романсъ «Громъ побѣды раздавайся», а о томъ, составляетъ ли онъ операционный базисъ твоихъ мыслей и дѣйствій: Измѣна же хотя и казалась наиболѣе прагматическимъ выходомъ, но вѣдь и ее прежде надобно доказать, или, по малой мѣрѣ, доложить объ ней, а это тоже почти невозможно, потому что «вѣяніа времени» обращаютъ человѣка въ пепель прежде, нежели онъ успѣетъ развинути ротъ...

Однимъ словомъ, какъ ни кинь, оставалось только ждать.

Въ этомъ ожиданіи прошло нѣсколько томительныхъ недѣль, въ продолженіи которыхъ только одинъ вопросъ представлялся намъ съ полною ясностью:

За что?!

Мы ничего не имѣли въ мысляхъ, кромѣ интересовъ казны; мы ничего не желали, кромѣ благополучнаго разрѣшенія бла-гихъ начинаній; мы трудились, усердствовали, лезли изъ кожи и въ свободное отъ усердія время мечтали: о! еслибы и волки были сыты, и овцы цѣлы!... Словомъ сказать, мы день и ночь хлопотали о насажденіи древа гражданственности. И вотъ теперь намъ говорить: вы должны претерпѣть!

За что?!

Да пересмотрите же наши вѣдомости! Загляните въ наши предписанія, донесенія, журнальныя постановленія! Сличите, какой сумбуръ царствовалъ до насъ, и какъ рѣшительно дви-нули мы впередъ многосложное и трудное дѣло сличенія вѣдо-мостей, провѣрки кассовыхъ журналовъ, бухгалтерскихъ книгъ и проч. и проч.?

Отвѣтъ: быть можетъ, и это все такъ, но вы *должны* пре-терпѣть.

Примите, по крайней мѣрѣ, во вниманіе, что ежели мы и провинились, то безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, по раз-сѣянности, недоразумѣнію, неопытности, глупости и т. д.

Вы должны претерпѣть!

За что?!

Наконецъ, Онъ пріѣхалъ...

По внѣшнему виду, въ немъ не было ничего ужаснаго, но внутри его скрывалась молнія.

Какъ только онъ почувалъ, что передъ нимъ стоятъ люди, которые хотя и затаили дыханіе, но все-таки дышать — такъ тотчасъ же вознегодовалъ.

Но онъ былъ логиченъ. Онъ не вошелъ даже въ разбира-тельство, кто передъ нимъ: консерваторы или либералы.

И вотъ онъ раскрылъ ротъ. Но едва онъ сдѣлалъ это, какъ молнія, въ немъ скрывавшаяся, мгновенно вылетѣла, и не тро-нувъ насъ, прямо зажгла древо гражданственности, которое было насаждено въ душахъ нашихъ...

Случайность эта спасла насъ. При кликахъ всеобщей сума-тохи, онъ далъ каждому изъ насъ по нѣскольбу щипковъ, и затѣмъ всецѣло предался внутреннему ликованію.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ щипалъ насъ, мы чувствовали, какъ догораютъ наше милое, дорогое дерево гражданственности.

О древо! уныло восклицали мы, съ какими усиліями мы возрастили тебя, и, возрадивъ, съ какимъ торжествомъ публиковали о томъ по всему міру! И что жъ! Пришелъ нѣкто — и въ одну минуту испепелилъ всѣ наши насажденія!

Мы удѣлѣли — но уже безъ древа гражданственности. Мы не собираемся вокругъ него, и не щебечемъ. Мы не знаемъ даже, на долго ли «онъ» оставилъ намъ жизнь... Но соображаясь съ вѣяніями времени, твердо уповаемъ, что жизнь возможна для насъ лишь подъ однимъ условіемъ: подъ условіемъ ежемгновенно и неуносительно трепетать...

Н. Щедринъ.

ДѢЛЦЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

I.

Свѣжій, но яркій весенній день, какіе иногда бываютъ на Святой, стоялъ надъ Петербургомъ, вновь переполненнымъ шумомъ дрожекъ. Въ воздухѣ, сквозъ солнечные лучи, пронесились струи холода и потомъ вдругъ замирали, уступая мѣсто мягкимъ, ласкающимъ теченіямъ, несшимъ съ собой настоящій запахъ весны... Грудь дышала весело и ѣмко. Геморoidalный петербуржець улыбался, и ему казалось, что онъ живетъ жизнью природы; но онъ все-таки кутался въ ваточное пальто съ мѣховымъ воротникомъ и спѣшилъ къ Доминику согрѣть себя рюмкой коньяку...

У полуоткрытаго окна, глядя на отрывающуюся даль адмиралтейской площади, стояла Катерина Николаевна и широко вдыхала въ себя согрѣтый къ полудню воздухъ... Яркій день не румянилъ ея щеки; онѣ были особенно что-то блѣдны и носъ замѣтно вытянулся. Глаза также казались утомленными. Она разсѣянно оправляла на себѣ воротничекъ и, отъ времени до времени, вздрагивала всѣмъ тѣломъ...

— Катя! окликнулъ ее сзади Борщовъ.

Онъ уже съ минуту стоялъ и смотрѣлъ на нее искоса. Наружность его тоже сильно измѣнилась. Прежняго румянца какъ не бывало. Лицо его даже осунулось, и въ бородѣ кое-гдѣ пробивались сѣдые волоски. Онъ стоялъ нѣсколько сторбившись, и

его глаза, обведенные темными кругами, смотрѣли тревожно и почти сумрачно.

— Что тебѣ, мой другъ? отвѣтила Катерина Николаевна, не обращиваясь.

— Тебя желаетъ видѣть господинъ Кучинъ.

— Меня? быстро откликнулась она и обернулась на этотъ разъ.

— Да, онъ велѣлъ доложить, что ему необходимо переговорить именно съ тобой.

Она сдѣлала чуть замѣтную гримасу и отошла отъ окна.

— Нельзя развѣ ему отказать?

— Неловко. Семенъ сказалъ, что ты дома.

— Онъ въ гостиной?

— Въ гостиной.

Она взглянула на свой туалетъ и, поправивъ немного волосъ, пошла къ двери въ гостиную, жуда ходъ былъ прямо изъ ея рабочаго кабинета.

— Какая-нибудь дипломатическая миссія? спросила она на ходу.

— Вотъ увидишь. Даромъ этотъ благотворитель не явится.

Борцовъ ушелъ къ себѣ, а Катерина Николаевна отворила дверь въ гостиную и на секунду остановилась и посмотрѣла внутрь комнаты въ щель, образованную двумя опущенными портьерами.

Гость ея сидѣлъ на креслѣ. Вытянутое впередъ лисье лицо его было видно въ профиль. Онъ казался озабоченнымъ, даже грустнымъ, что заставило Катерину Николаевну улыбнуться. Голову онъ опустилъ на грудь. Длинные волосы заслонили ему лѣвый високъ. Онъ за то время, въ которое Катерина Николаевна не видала его, сильно посѣдѣлъ; только сѣдина его почти не была замѣтна отъ бѣлокурости волосъ.

Степанъ Ивановичъ послѣшно всталъ, слышавъ шаги Катерины Николаевны. Онъ былъ въ вицмундирѣ со звѣздой. Отвѣсивъ хозяйкѣ низкій поклонъ, онъ взглянулъ на нее грустными, точно отуманенными глазами, оставаясь въ наклонной позѣ, какъ бы ожидая, что она пригласитъ его садиться.

— Садитесь пожалуйста, проговорила беззвучно Катерина Николаевна, не подавая ему руки.

Онъ тихо сѣлъ и, положивъ свою поношенную шляпу на колѣни, правой рукой заложилъ волосы за правое же ухо.

Катерина Николаевна медленно опустилась на кресло, не глядя на него прямо. Ей противно было взглянуть на эту сладкую, двоедушную физиономію. Съ личностью Степана Ивановича

она не хотѣла мириться, при всей своей добротѣ и отсутствіи злопамятства.

— Извините, началъ чуть слышно Кучинъ, точно у него была отбита грудь:—что я обезпокоилъ васъ своимъ посѣщеніемъ.

Она сдѣлала, въ отвѣтъ, чуть замѣтное движеніе головой, говорившее: „пожалуйста, безъ предисловія!“

— Я имѣлъ намѣреніе написать вамъ; но особа, обратившаяся ко мнѣ, убѣдительно просила переговорить съ вами лично...

— Кто эта особа? довольно рѣзко спросила она.

— Александръ Дмитріевичъ, еле слышно прошепталъ Кучинъ.

— Какой Александръ Дмитріевичъ? переспросила Катерина Николаевна и выпрямилась.

— Александръ Дмитріевичъ Повалишинъ, все тѣмъ же шепотомъ добавилъ Кучинъ и опустилъ вѣки глазъ.

Щеки Катерины Николаевны вдругъ зардѣлись. Она не могла совладать съ внезапнымъ смущеніемъ, охватившимъ ее.

— Васъ просилъ?.. начала она и не договорила.

— Да-съ, я получилъ письмо отъ многоуважаемаго Александра Дмитріевича.

— Онъ съ вами въ перепискѣ? живо спросила Катерина Николаевна, внутренно упрекая себя въ томъ, что она начинаетъ волноваться, „не зная изъ-за чего“.

— Александръ Дмитріевичъ, продолжалъ нѣсколько громче Кучинъ:— удостоиваетъ меня своимъ довѣріемъ. По водвореніи своемъ въ Ниццѣ..

— Онъ тамъ? не удержалась Катерина Николаевна.

— Такъ, точно. По водвореніи своемъ въ Ниццѣ, Александръ Дмитріевичъ завязалъ со мною переписку, и—я не хочу скрыть отъ васъ—предметомъ ея были, главнѣйшимъ образомъ, вы.

Лицо продолжало горѣть у Катерины Николаевны. Ей хотѣлось прекратить этотъ разговоръ, но ее тянуло знать поскорѣе, какое порученіе дано Кучину ея мужемъ. Ея внутренняя тревога не укрывалась отъ Кучина. Онъ быстро оглянулъ всю ея фигуру и тотчасъ же опять потупился.

— Александръ Дмитріевичъ, договорилъ онъ послѣ маленькой паузы:—сколько я могу замѣтить по письмамъ его, хоть онъ и скрываетъ это, весьма серьезно боленъ.

— Боленъ! вырвалось у Катерины Николаевны.

— По всей вѣроятности, страданія сердца... въ прямомъ смыслѣ! прибавилъ Кучинъ съ кислой усмѣшкой, которая передернула Катерину Николаевну.

— Понимаю, откликнулась она и стала спокойнѣе.

Т. ССѢІ. — Отд. І.

— Вы знаете, что, при расположеніи къ этимъ страданіямъ, болѣзнь можетъ развиться съ ужасной быстротой.

— Да, проговорила Катерина Николаевна, точно про себя.

— Мнѣ прискорбно указывать вамъ на такую близкую опасность, которую Александръ Дмитриевичъ почувствовалъ, адресовавшись ко мнѣ съ послѣднемъ просьбою...

Онъ замолчалъ и глубоко вздохнулъ.

— Я васъ слушаю, тронутымъ голосомъ сказала Катерина Николаевна.

— Александръ Дмитриевичъ желалъ бы получить отъ васъ самихъ дружественное выраженіе того, что вы теперь переживаете... Ему было бы въ высшей степени отраднo знать, что вы дѣйствительно счастливы... Позвольте ли вы мнѣ привести вамъ нѣсколько строкъ изъ письма его, которыя я, признаюсь, не могъ читать безъ душевнаго волненія?

Катерина Николаевна хотѣла что-то сказать, но сдѣлала только движеніе рукой, которое Кучинъ не замѣтилъ, отправляясь въ боковой карманъ, откуда онъ извлекъ нарочно приготовленное письмо.

— Вотъ это мѣсто, если позволите, началъ онъ, надѣвая ринсепез и вытягивая все лицо впередъ:—, Мнѣ, прощаясь съ жизнью,— пишетъ Александръ Дмитриевичъ,— необходимо знать, что она счастлива. Я горячо желаю слышать это отъ нея самой. Меня скоро не будетъ на свѣтѣ, и она можетъ сдѣлаться женой любимаго человѣка. Если я задержалъ этотъ бракъ, то не надолго. Мое больное тѣло постаралось сократить этотъ срокъ. Но, быть можетъ, она не упрекнетъ меня... Увлеченіе возможно. Я дѣйствовалъ, какъ мнѣ приказывали самыя дорогія мои убѣжденія. Намъ съ ней дѣлится больше нечего. Ея дружеское слово заставить забыть все; а я не хочу умирать съ горечью на сердцѣ! Я жду этого слова отъ ея свѣтлой натуры, отъ ея великодушія и человѣчности. Скажите ей все это...“

Чтеніе оборвалось. Въ голосѣ читавнаго какъ будто слышались слезы. Катерина Николаевна подавляла въ себѣ усилившееся волненіе, смѣшанное съ досадой на то, что Кучинъ разыгрывалъ передъ нею такую роль.

— Позвольте мнѣ письмо, вдругъ сказала она, протягивая къ нему руку.

Онъ подалъ, снялъ ринсепез и высморкался. Катерина Николаевна пробѣжала еще разъ прочитанное Кучиннымъ мѣсто и тихо выговорила:

— Вы мнѣ оставите это письмо?

Кучинъ улыбнулся про себя и послѣшилъ отвѣтить:

— Сдѣлайте милость. Признаюсь, я съ душевнымъ смущеніемъ пришелъ къ вамъ. Роль посредника очень стѣсняла меня. Вы могли подумать, что я вторгаюсь въ сокровеннѣйшіе тайники вашей интимной жизни. Это письмо покажетъ вамъ, что я играю страдательную роль; но нравственное положеніе Александра Дмитріевича глубоко трогаетъ меня. Вы не можете не откликнуться на этотъ предсмертный зовъ, въ которомъ есть полное забвеніе... Такая любовь священна!..

Кучинъ опять вынулъ платокъ, отвернулся и провелъ платкомъ по лицу. Катерину Николаевну начало душить. Ей гротивень былъ его слащавый тонъ. Она не могла помириться со всей этой сценой, и въ то же время волненіе все сильнѣе охватывало ее. Въмѣсто сухого отвѣта, который она желала бы дать Кучину, она вдругъ расплакалась, сначала тихо, а потомъ и громко.

Припадокъ слезъ прошелъ быстро, но скрыть его было невозможно.

— Ваши слезы — лучшій отвѣтъ на призывъ страждущаго, тихо процѣживалъ Кучинъ: — а счастливы ли вы — онъ узнаетъ отъ васъ самихъ. Въ письмѣ Александра Дмитріевича вы найдете и адресъ.

Катерина Николаевна встала и, пройдясь по гостиной, сбѣла опять противъ Кучина. Лицо ея было уже строго, слѣды слезъ исчезли, глаза смотрѣли сосредоточенно.

— Благодарю васъ, сдержанно выговорила она. — Я исполню желаніе Александра Дмитріевича.

Она сказала эту фразу такимъ тономъ, что Кучину слѣдовало послѣ того встать и раскланяться; но онъ не поднимался, а, напротивъ, составилъ шляпу свою съ колѣнъ на полъ и какъ-то весь потянулся. По губамъ его проскользнула не то улыбка, не то смущеніе.

— Ваше сердце я давно сумѣлъ достойно оцѣнить, началъ онъ: — и какъ бы вы, въ настоящую минуту, ни смотрѣли на меня, я не перестану считать себя солидарнымъ съ вами во всемъ, чтó исходитъ изъ вашихъ благородныхъ побужденій.

Выговоривши всю тираду съ опущенными глазами, Степанъ Ивановичъ поднялъ свои свѣтлыя рѣсницы на Катерину Николаевну. Ея лицо продолжало быть неподвижнымъ.

Она промолчала.

— Вы не удивитесь, заговорилъ онъ менѣ слезно: — если я обращусь къ вамъ, Катерина Николаевна, съ личной просьбой?

Она все молчала; но Кучина это молчаніе не смущало ни сколько. Онъ только поближе подвинулъ къ ней свое кресло.

— Мнѣ сообщали, что вы принимаете участіе въ одной дѣвушкѣ... ея фамилія Тимофѣева.

Фамилію Степанъ Ивановичъ выговорилъ какъ бы съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Тимофѣева? спросила Катерина Николаевна, нахмуривая лобъ.

— Да-съ, Зинаидой Алексѣвной ее зовутъ.

Она наклонила голову, вспоминая что-то. Кучинъ глядѣлъ на нее выжидательно.

— Я что-то не помню, вымолвила она.

— Красивая такая дѣвушка.

— Ахъ, да! вскричала Катерина Николаевна, и тутъ же лицо ея затуманилось.

— Вспомнили?

— Теперь, прекрасно вспомнила. Эта молодая дѣвушка являлась ко мнѣ просить работы; но, въ сущности, она имѣла при этомъ другую цѣль.

И Катерина Николаевна выразительно посмотрѣла на гостя.

— Другую цѣль? таинственно переспросилъ Кучинъ.

— Да; она и призналась мнѣ въ этомъ. Я не имѣла тогда повода сомнѣваться въ ея искренности...

— Я не совѣмъ васъ понимаю...

— Я вамъ объясню, если вы интересуетесь этой особой. Она все ищетъ людей...

— Да, да, поддакнулъ съ улыбкой Кучинъ.

— Сначала она искала мужчинъ, а потомъ перешла къ женщинамъ. Обо мнѣ она слышала...

— Отъ меня, поторопился добавить Кучинъ, и смѣло поглядѣлъ на Катерину Николаевну.

— Да, такъ она мнѣ тогда и сообщила. Я пригласила ее принять участіе въ нашихъ трудахъ. Она присматривалась сначала, а потомъ отстала и выразила мнѣ очень откровенно... какъ бы вамъ это сказать... не разочарованіе, а свой житейскій взглядъ на нашу дѣятельность...

— И этотъ взглядъ?

— Быть можетъ, очень уменъ! Она, несмотря на свою молодость, поглядѣла на насъ чуть не какъ на дѣтей или на какихъ-то идеалистовъ, дѣйствующихъ въ пустотѣ, безъ всякой почвы, какъ она, кажется, выразилась.

Какъ Кучинъ ни былъ поглощенъ разговоромъ Катерины Николаевны, но отъ него не укрылось то, что она избѣгала упоминать о своемъ теперешнемъ мужѣ.

— Бойка, бойка! прошепталъ онъ.

— Больше я ничего объ ней не знаю и не слыхала.

— Я надѣюсь, заговорилъ опять очень сладко Кучинъ: — что вы не заподозрите во всемъ этомъ меня.

— Госпожа Тимофѣева, довольно рѣзко перебила Катерина Николаевна: — кажется, весьма самостоятельная особа.

— О, да! Только ея самостоятельность можетъ завести ее... въ пропасть!

— Ну, я не думаю. Мнѣ ее жаль, потому что у ней нѣтъ никакого идеала, но такъ... завертѣться... я не думаю, чтобы она способна была...

— Катерина Николаевна, перебилъ ее Кучинъ дрожащимъ голосомъ и еще ближе пододвинулся къ ней. — Какъ бы вы ни смотрѣли на меня, какъ бы ни были мы далеки другъ отъ друга по нѣкоторымъ общимъ воззрѣнiямъ, но вы не откажете же мнѣ въ имени честнаго человѣка. Я ни въ чемъ не преступилъ...

— Зачѣмъ эти объясненiя! выговорила Катерина Николаевна и нахмурилась.

— Они необходимы. Я прошу васъ простить мнѣ раздраженiе, вылившееся тогда въ моемъ письмѣ. Это дурно. Я каюсь въ этомъ чистосердечно; я смотрю на васъ, какъ на благороднѣйшее женское существо и обращаюсь именно къ вамъ...

„Чего тебѣ отъ меня надо!“ вскричала про себя Катерина Николаевна и даже покраснѣла.

— Я люблю эту дѣвушку, прошепталь Кучинъ. — Она взглянула на меня съ своей точки зрѣнiя; но этотъ взглядъ одностороненъ. Она не хотѣла видѣть, какое чувство я питаю къ ней. Съ тѣхъ поръ, какъ она скрылась, я не переставалъ слѣдить за ней; я знаю, что она теперь ведетъ весьма жалкую, пустую жизнь, гдѣ она можетъ пасть... если уже не пала...

— Вы все это знаете? почти насмѣшливо спросила Катерина Николаевна; но когда она взглянула на выраженiе лица Кучина, голосъ ей измѣнилъ и усмѣшка сошла съ губъ.

— Да, я это знаю. Судьба этой дѣвушки сдѣлалась мнѣ дорога... Вы сами испытали, Катерина Николаевна, силу сердечныхъ влеченiй. Между нами только одна разница: въ лѣтахъ; но языкъ сердца одинаково понятенъ намъ...

— Конечно, почти въ смущенiи прошептала она; но что же я могу...

— Я не зналъ, какъ Зинаида Алексѣевна разсталась съ вами. Я думалъ, что она, по легкости, перестала участвовать въ вашей дѣятельности. То, что вы мнѣ сообщили очень важно. Но это не измѣняетъ моей идеи... Она все-таки уважаетъ васъ и сочувствуетъ вамъ. Это несомнѣнно. Стало быть, если бы вы по-

желали обратиться къ ней, она выслушаетъ отъ васъ все съ полнымъ уваженіемъ.

— Я не знаю, промолвила Катерина Николаевна, и покачала головой.

— Повѣрьте, повѣрьте. Она знаетъ, какъ вы на меня смотрите, какъ на дѣателя...

Кучинъ при этомъ точно что-то проглотилъ.

— Вашъ взглядъ на меня не подкупленъ въ хорошую сторону. Но вы можете говорить обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, который ее любитъ горячо и самоотверженно...

— Вы желаете, чтобы я была посредницей?..

— Катерина Николаевна! Тутъ нѣтъ ничего оскорбительнаго. Это доброе дѣло. Дѣвушка можетъ погибнуть. Ей хочетъ посвятить всю жизнь свою человѣкѣ, неспособный привести ее ко злу.

— Но что же я могу... начала опять Катерина Николаевна.

— Скажите ей все это, умоляю васъ... Я чувствую, что теперь въ ней происходитъ роковой кризисъ... И тутъ, любовь самоотверженнаго человѣка, особливо если объ ней заговорить такая особа, какъ вы... Пускай она послушается одного голоса благоразумія. У ней разсудочный умъ... Я ничего больше не желаю...

— Такъ вамъ угодно, стало быть, спросила Катерина Николаевна:—чтобы я отъ вашего имени сдѣлала предложеніе госпожѣ Тимофѣевой?

— Прошу у васъ, какъ милости, прошепталъ Кучинъ, низко наклоняя голову.—Если вы только вѣрите моему чувству, а вы не можете ему не вѣрить, вы найдете слова убѣжденія...

Катерина Николаевна хотѣла было на отрѣзъ отказать ему; но у ней не хватало духу выговорить отказъ. Онъ ей показался, въ эту минуту, слишкомъ жалокъ.

— Я даже не знаю, гдѣ она живетъ... промолвила она.

— Вотъ ея адресъ.

Кучинъ подалъ ей, тоже заранѣе приготовленную, бумажку и поднялся съ мѣста.

— Моя благодарность, произнесъ онъ торжественно-умиленнымъ тономъ:—не знаетъ предѣловъ.

Катерина Николаевна должна была позать протянутую ей холодную и влажную руку.

— Я счастливъ безмѣрно, заключилъ Кучинъ:—что могу написать Александру Дмитриевичу отрадное письмо...

И онъ умильно улыбнулся. У него было, кажется, поползновеніе нагнуться и подѣловать руку Катерины Николаевны; но онъ удержался.

Беззвучно выплылъ онъ изъ гостиной; а Катерина Николаевна все еще стояла у своего кресла; держа въ рукахъ бумажку съ адресомъ Зинаиды Алексѣевны.

Потомъ, она круто повернула и заходила по гостиной. Ей хотѣлось и плакать, и излиться передъ кѣмъ-нибудь, но не передъ Борщовымъ. Вслѣдъ за тѣмъ, досада взяла верхъ и весь визитъ Кучина, его „миссія“, и личная просьба,—все это показалось ей возмутительной иезуитской комедіей, на которую она поддавалась, какъ дѣвчонка, и даже прослезилась въ его присутствіи!...

Болѣзнь Александра Дмитріевича и слова его письма опять кольнули ее. Она остановилась посреди комнаты въ раздумьѣ. Ей захотѣлось сейчасъ-же отвѣтить ему.... но длинный носъ Кучина и его слащавый тонъ снова представились ей и она снова вознегодовала на себя и на его подходъ. Какъ могъ онъ сдѣлаться повѣреннымъ сердечныхъ тайнъ ея мужа? Неужели Александръ Дмитріевичъ не нашелъ никого, болѣе подходящаго? Наконецъ, почему онъ прямо не обратился къ ней?...

Этотъ вопросъ заставилъ ее покраснѣть, хотя никто, въ эту минуту, не смотрѣлъ на нее. Была-ли она въ правѣ упрекать его? Онъ какъ-бы высказывалъ свою вину передъ ней; а она ни въ чемъ обвинить его не могла. Даже отказъ—развестись съ ней—вытекалъ логически изъ его принциповъ, и она должна была ихъ уважить....

Очень тяжело было Катеринѣ Николаевнѣ.

Въ дверяхъ гостиной показался Борщовъ.

— Ушолъ гость? тихо спросилъ онъ.

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и тревожно взглянула на него.

— Ушолъ, отвѣтила она глухо.

— Съ какой-же дипломатической миссіей явился?

— Желаетъ сочетаться законнымъ бракомъ съ госпожой Тимофѣевой!

— Какой это? Той, которая....

— Да, перебила Катерина Николаевна, съ той самой.

— Да тебѣ-то какое до этого дѣло?

— Ну, разсудилъ, что мое посредничество будетъ всего дѣйствительнѣе.

И она усмѣхнулась, скрывая не исчезнувшее еще волненіе.

— И только? значительно спросилъ Борщовъ.

— И только, рѣзко отвѣтила она, и не желая продолжать разговора, прошла въ свой кабинетикъ.

Ей сдѣлалось очень неловко.

— Ты что-же ему отвѣтила? крикнулъ ей вслѣдъ Борщовъ.

— Онъ мнѣ показался очень жалокъ... слышалось Борщову; а дальше онъ уже не слыхалъ: дверь захлопнулась.

Смущеніе Катерины Николаевны не укрылось отъ Борщова. Онъ нахмурился; но къ ней не пошелъ, и тотчасъ-же уѣхалъ.

Отчего Катерина Николаевна скрыла отъ него „миссію“ Кучина?

Въ отвѣтъ на это надо разсказать: какъ шла, въ послѣдніе три мѣсяца ихъ интимная жизнь. Размолвокъ между ними не было. Борщовъ такъ себя держалъ съ ней, что сцена съ нимъ была-бы невозможна. Но съ каждымъ днемъ являлись разныя „умолчанія“, какъ называлъ ихъ, про себя, Борщовъ. Начали они являться извнѣ, отъ общихъ мотивовъ ихъ совмѣстнаго „дѣла“.

Катерина Николаевна не могла справиться съ порывистостью своей умственной натуры. Она скоро раздражалась. Попавъ на тему „безпочвенности“ разныхъ просвѣтительныхъ затѣй, она перенесла разбѣдающій анализъ и на все общество, на всю страну, гдѣ ей суждено было жить и дѣйствовать.

Борщовъ слѣдилъ за этой головной работой своей подруги и старался удержать ее въ предѣлахъ той „вѣры“, которой онъ самъ держался. Между ними стали, довольно-таки часто, возникать если не споры, то пренія. Въ нихъ Катерина Николаевна начала держаться довольно рѣзкаго и насмѣшливаго тона надъ „наивностью“ Борщова. Онъ иногда горячился; чаще-же огорчался и видѣлъ, что его доводы не дѣйствуютъ...

Это замѣтно отразилось на всемъ его душевномъ складѣ. Онъ сталъ задумываться, избѣгать теоретическихъ разговоровъ съ Катериной Николаевной и, съ каждымъ днемъ, все больше и больше терялъ довѣріе къ своимъ нравственнымъ силамъ. Вотъ почему его румяныя щеки поблекли, явились въ бородѣ сѣдые волосы и станъ сгорбился.

Катерина Николаевна, придя въ свой кабинетикъ, сѣла къ столу, вынула изъ кармана письмо Александра Дмитріевича и медленно перечитала его. Слезы прокрались еще разъ на ея рѣсницы. Письмо, дѣйствительно, отзывалось близкой смертью и пропитано было сосредоточенной и роковой страстью.

„Неужели онъ такъ любитъ меня?“— вотъ какой вопросъ кольнулъ ее въ сердце—въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ она рѣшила: не быть болѣе женой Александра Дмитріевича Поваляшина.

Доказательство было на лицо. Три мѣсяца раньше, Катерина Николаевна осталась-бы совершенно равнодушной къ размѣрамъ любви своего супруга; но, въ эту минуту, ея мысли подчинились ея лирическому настроенію.

„Мы ищемъ все дѣла съ Павломъ Михайловичемъ, говорила

она про себя; но мы мало дѣлаемъ простаго добра, вотъ таково, которое не требуетъ никакой пропаганды, никакихъ усилій, никакого навязыванья. Человѣкъ живетъ точно въ изгнаніи, умираетъ, убить горемъ, и это горе дала ему я, я, и никто больше Онъ, какъ благодѣанья, просить одного: узнать отъ меня, что я счастлива, прочесть нѣсколько строкъ моихъ, написанныхъ дружескимъ тономъ! Вотъ оно, дѣлательное добро! Какъ легко его дать! Чего оно стоитъ? И то-ли можно бы было дать этому человѣку? Неужели онъ не заслуживаетъ теплаго отзыва, чело-вѣчнаго участія? Поѣхать къ нему, прожить съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ другомъ, сестрой, закрыть ему глаза, скрасить ему послѣдніе часы!... Банально! буржуазно! пахнетъ нѣмецкой цедрой! закричать иные люди „дѣла“. А Павелъ Михайловичъ? Онъ не закричитъ. Если сказать ему: „Я ѣду къ Повалишину вотъ потому-то и потому-то“; онъ дастъ даже свое одобреніе; но это-то одобреніе и убьетъ то, что въ такомъ поступкѣ будетъ простаго, естественнаго, задушевнаго. Онъ разберетъ его „съ цивической точки зрѣнія“, начнетъ доказывать, что я не имѣю никакого повода считать себя передъ Александромъ Дмитріевичемъ въ чемъ-либо виноватою, что мое желаніе—желаніе женщины съ благородной натурой и безъ всякихъ предрасудковъ. Къ этому онъ прибавитъ, что такое добро не должно все-таки поглощать всего нравственнаго существа женщины, что элементу жалости не слѣдуетъ слишкомъ давать развиваться въ ущербъ высшимъ задачамъ женщины-гражданина. Все это будетъ умно, даже симпатично и.... прѣсно. Но вѣдь я не поѣду къ Александру Дмитріевичу. Стало быть, нечего объ этомъ заводить и рѣчь“.

Она прервала нить этихъ соображеній, вынула изъ бювара листъ почтовой бумаги и поставила число; потомъ опять задумалась.

„А если не говорить о желаніи проститься съ мужемъ (она такъ и выговорила про себя „съ мужемъ“), то нельзя, или не къ чему говорить и о письмѣ. Скрывать?“

Лицо Катерины Николаевны подернулось опять легкимъ румянцемъ. Что-либо скрывать отъ кого бы то ни было, было для нея ножъ острый, по гордости и любви къ свободѣ.

„Но я вѣдь скрывала же отъ мужа“, вдругъ спросила она, „мои отношенія къ Борщову до самой той минуты, когда пришла къ нему въ кабинетъ объявить, что я не жена ему? Обмана, то-есть грубой лжи въ моемъ поведеніи не было; но искренности тоже не было. Быть можетъ, приходи я къ нему, какъ къ старшему товарищу, каждый вечеръ, и разсуждай вслухъ о моемъ сближеніи съ Борщовымъ“...

Она не докончила и встала. Ее точно испугало новое направление ея мыслей. И не за что ей было схватиться, что бы удержало ихъ на этой наклонной плоскости.

„Я могу сказать Борщову, о письмѣ къ Александру Дмитріевичу!... Но я уже промолчала о „миссиі“ Кучина. Съ перепиской будетъ, въ сокращенномъ размѣрѣ, тоже, что и съ планомъ поѣздки въ Ниццу. Довольно разсуждений!“

Минуту спустя она, съ разгорающимся лицомъ, писала скоро и порывисто, низко нагнувшись надъ бумагой.

Борщовъ вернулся къ обѣду. Онъ обыкновенно заходилъ въ кабинетъ Катерины Николаевны предъ самымъ обѣдомъ. Но на этотъ разъ прошелъ прямо въ столовую, когда человѣкъ доложилъ ему, что кушать готово.

Катерина Николаевна вышла къ столу съ пылающими щеками. Это, разумѣется, бросилось ему въ глаза.

— Что ты, писала что-ли? осторожно спросилъ онъ.

— Писала, проговорила она, глядя на суповую чашку, изъ которой она въ эту минуту черпала.— Лизы нѣтъ? замѣтила она, поглядѣвъ на пустой третій приборъ.

— Вѣрно матери совсѣмъ плохо. Ты была у ней вчера?

— Была.

— Какова она?

— Нехороша.

Въ головѣ Борщова мелькнуло нѣсколько вопросовъ. Онъ чувствовалъ, что Катерина Николаевна какъ будто стѣснена; но не хотѣлъ ни о чемъ ее допрашивать.

А она, дѣйствительно, была стѣснена. Письмо она написала и оно вышло у ней очень теплое. Когда она его перечитывала, то чуть-чуть не разорвала; но внутренней голосъ прошепталъ ей слова кротости, и сознание чего-то похожаго на вину охватило ее.

Она не разорвала письма, а запечатала его. Съ этой минуты между ею и Борщовымъ выросло что-то, чего прежде не было. Говорить о своей перепискѣ съ мужемъ она рѣшительно не могла; но была бы рада, еслибъ онъ самъ сдѣлалъ ей какой нибудь вопросъ, позволяющій дойти до этого сюжета.

Вопросъ не являлся.

— Лиза скоро останется сиротой, выговорилъ Борщовъ, не то вопросительно, не то утвердительно.

— Да, подтвердила Катерина Николаевна.

— Ты видѣла у Надежды Сергѣевны эту... Авдотью Степановну?

— Она не отходитъ отъ нея.

— Говорила она тебѣ что нибудь на счетъ процесса?

— Какже. Она положительно надѣется выиграть.

— Какая привязанность въ этой женщинѣ, къ Загариной! А больше, кажется, ее ни на что не подвинешь!

— Я пробовала, откликнулась Катерина Николаевна; но она отвѣчаетъ мнѣ все мистически.... говорить, что только Загарина и судьба Лизы и удерживаютъ ее „въ мірѣ“, какъ она выражается.... Мы съ нашей діалектикой безсильны съ такими натурами, закончила она и почти язвительно усмѣхнулась.

— Бѣда не большая! замѣтилъ сухогато Борщовъ.

— Ты ошибаешься! вскричала Катерина Николаевна.—Это по-казываетъ, что мы съ тобой—жалкіе теоретики.

— Можетъ быть.

Разговоръ прервался.

— Тебя, кажется, очень разстроилъ этотъ Кучинъ? началъ нерѣшительно Борщовъ:—и зачѣмъ ты выслушивала его любовную исповѣдь. Все это, навѣрно, была комедія. Неужели ты будешь посредницей между нимъ и Тимофѣевой?

— Каковъ бы ни былъ Кучинъ, отвѣчала Катерина Николаевна:—право ей гораздо лучше видти за него, чѣмъ искать *midi à quatorze heures*.

— Не понимаю, какъ бы про себя промолвилъ Борщовъ.

Катерина Николаевна ничего не сказала на это.

Конецъ обѣда прошелъ почти въ молчаніи. Въ первый разъ обомъ было неловко. И ей, и ему хотѣлось, чтобы Лиза пришла наконецъ; но Лиза не явилась. Вставъ изъ за стола, они разошлись по своимъ комнатамъ. Катеринѣ Николаевнѣ одной сдѣлалось еще тяжелѣе, чѣмъ было за обѣдомъ.

Борщовъ боялся задать себѣ какой-нибудь вопросъ о своемъ супружескомъ счастьи; но онъ видѣлъ, что отъ него что-то притаили....

II.

Лиза не возвращалась домой, то-есть къ Борщовымъ, у которыхъ она жила уже около трехъ мѣсяцевъ, до поздняго вечера.

Она провела этотъ день не у одной матери. Надежда Сергѣевна таяла какъ свѣча, и дѣвочка видѣла и сознавала это. Съ каждыиъ днемъ она все больше и больше приучала себя къ мысли, что вотъ скоро она останется безъ своей мамы. Она перестала даже плавать, сдѣлалась очень молчаливой, и на переносицѣ у ней явилась морщинка.

Во время обѣда Борщовыхъ, Лиза шла изъ лечебницы, гдѣ лежала ея мать, къ Сашѣ Чернокопытову. Ея пріятель наканунѣ заболѣлъ.

Лиза нашла, что Сашѣ хуже и даже начала дѣлать рѣзкія замѣчанія его отцу и матери. При ней пріѣхалъ докторъ. Она и съ нимъ вступила въ пренія. Докторъ назвалъ ее „глупой дѣвчонкой“ и она очень огорчилась.

У кровати Саши она просидѣла до одинадцатаго часа. Съ нимъ начался бредъ. Въ бреду онъ произносилъ всякія англійскія слова. Интонація этихъ словъ казалась ей ужасно смѣшной; но она удерживалась и лицо ея принимало тотчасъ же суровое выраженіе.

„Вотъ и онъ умретъ!“ сказала она и цѣлые полчаса глядѣла на своего товарища неподвижными глазами....

Катерина Николаевна была еще въ своемъ кабинетикѣ, когда Лиза вернулась. Ей отвели небольшую комнату рядомъ съ этимъ кабинетикомъ.

Услыхавъ, что въ Лизину комнату кто-то вошелъ, Катерина Николаевна окликнула:

— Это вы, Лиза?

— Я, отвѣтила громко дѣвочка и постучавшись въ дверь, спросила: къ вамъ можно?

— Войдите, пожалуйста, крикнула Катерина Николаевна.

Лиза вошла, не успѣвъ снять шляпки и своей неизмѣнной кофточки, изъ которой она сильно выросла.

— Я нынче такъ поздно вернулась, начала она болѣе объяснительнымъ, чѣмъ извинительнымъ тономъ.

— Мамѣ дурно? спросила безпокойно Катерина Николаевна.

— Да, ей сегодня хуже, чѣмъ вчера.... Я у ней была до пяти часовъ, а потомъ сидѣла у Саши.

— У вашего пріятеля?

— Онъ очень боленъ, бредитъ; и отъ него такъ и пышетъ: ужасный жаръ. И дѣлать его такъ глупо. Мнѣ хочется попросить васъ написать вашему доктору, тому, что былъ когда-то у мамы.... Пускай онъ осмотритъ Сашу. Я боюсь, что у него опасное что-нибудь.

Лиза сѣла и начала подробно объяснять Катеринѣ Николаевнѣ: почему ей кажется, что у Саши Чернокопытова опасная болѣзнь. Катерина Николаевна слушала ее разсѣянно, что Лиза вскорѣ и замѣтила.

— Вы напишете вашему доктору? спросила она, прерывая свой разсказъ.

— Хорошо, непремѣнно, успокоила ее Катерина Николаевна и чуть замѣтно зѣвнула.

Лиза встала, пожала ея руку и удалилась медленно въ раздумьи.

Съ тѣхъ поръ, какъ она жила у Борщовыхъ, она стала держаться взрослой дѣвушкой. И Катерина Николаевна, и Павелъ Михайловичъ обращались съ ней, точно съ равной себѣ по лѣтамъ, и ея тонъ потерялъ почти всякую дѣтскость. Ея ни въ чемъ не стѣсняли. Она могла приходиться и уходить когда хотѣла. За обѣдомъ ее старались развлекать. Катерина Николаевна давала ей интересныя книжки и предлагала готовить ее къ классамъ гимназiи. Лизѣ не было однако уютно въ ея новомъ жилищѣ. Она не дичилась Борщовыхъ, говорила съ ними совершенно свободно, называла ихъ про себя „des gens mogaux“, но не могла сойтись съ ними потеплѣе. Въ Катеринѣ Николаевнѣ она не находила той ласки, къ какой привыкла съ матерью. Вскорѣ послѣ своего переѣзда къ Борщовымъ, она спросила ее:

- У васъ вѣдь не было дѣтей?
- Нѣтъ, отвѣчала та спокойно.
- То-то, сказала значительно Лиза.

Она, про себя давно рѣшила, что у Катерины Николаевны дѣтей не было, потому что въ ней не чувствовалось матери.

Лиза очень мало бывала дома: только по вечерамъ, которые она больше все проводила у себя въ комнатѣ; но ей скоро начало дѣлаться скучно съ Борщовыми. Она не могла попасть въ тонъ ихъ разговоровъ, потому что они были все какіе-то особенные; а когда кто-нибудь изъ нихъ обращался къ ней, ей не нравилось то, какъ они это дѣлаютъ, хотя съ ней вовсе не обходились свысока.

„Какіе они странные“, почти каждый день повторяла она, дожась спать. Сначала ее огорчало то, что ей не удастся жить съ ними „en bons camarades“, что ей неловко приласкаться къ Катеринѣ Николаевнѣ, когда всгрустнется, но потомъ она начала всматриваться въ жизнь этихъ супруговъ, наблюдать ихъ и передушивать то, что она замѣчала и слышала.

Всѣ сравненія Лизы, когда дѣло шло о женщинахъ, начинались съ ея мамы. Мама была для нея основнымъ мѣриломъ, къ которому она сводила каждую женскую личность, желая по своему разумѣнію опредѣлить: что она такое.

„Мама моя работаетъ, она proletaire—разсуждала Лиза; а что дѣлаетъ Катерина Николаевна? Она не обязана каждый день работать. Она можетъ и ничего не дѣлать, не только одинъ день, но и цѣлый мѣсяцъ, цѣлый годъ, если ей угодно. Книжки она читаетъ; но она не пишетъ статей. Стало быть, можетъ и не

читать. Но отчего-же это она все такъ волнуется? Съ Борщовымъ она говоритъ про какой-то все приютъ? Ils font de la bienfaisance.... У нихъ есть деньги. Это хорошо. Между собой они очень ужъ серьёзны.... On dirait qu'ils font du sacerdoce. И я не знаю: весело ли имъ бываетъ, когда они остаются вдвоемъ“.

Чѣмъ больше чертъ домашней жизни Борщовыхъ подмѣчала Лиза, тѣмъ сильнѣе становилось ея недоумѣніе. Она не знала, что у Катерины Николаевны былъ прежде другой мужъ; но о свадьбѣ Борщова она тоже никогда не слыхала. Лиза знала, что такое „un ménage de Paris“. Это выраженіе она давно прочла, и ей почему-то, съ первыхъ дней показалось, что Борщовъ и Катерина Николаевна „не настоящіе мужъ и жена.“

Она вскорѣ увидала, что у Борщовыхъ нѣтъ общества. Къ Павлу Михайловичу являлись утромъ по дѣламъ разные господа; но у Катерины Николаевны не было совсѣмъ почти знакомыхъ. Вечера она проводила всегда одна или съ Борщовымъ. Изрѣдка они ѣздили въ театръ. Иногда заходилъ какой-нибудь мужчина, знакомый Борщова. Тогда поднимались большіе споры и продолжались далеко за полночь. Лиза сидѣла въ уголку и слушала. Говорили все „хорошія вещи“, какъ она выражалась про себя; но, глядя на Катерину Николаевну, дѣвочка замѣчала, что Борщовъ и его пріатели имѣли совсѣмъ другой тонъ, чѣмъ она.

„Нѣтъ, ей не хорошо дышется“, рѣшила Лиза. Послѣ того, ей очень часто хотѣлось заговорить съ Катериной Николаевной теплѣе; но это не удавалось.

Стали являться къ Катеринѣ Николаевнѣ и женщины. Лиза и ихъ осматрѣла и нашла, что онѣ должно быть изъ «proletaires». Ихъ разговоры находила она менѣе занимательными, чѣмъ мужскіе; но опять таки замѣтила, что и онѣ не подходятъ къ Катеринѣ Николаевнѣ. «Non, elles ne sont pas de son bord!» рѣшила она...

Придя въ свою комнату, Лиза начала раздѣваться. Она думала о матери и Сашѣ. Передъ ней какъ-то особенно отчетливо стояли двѣ смерти. Не черезъ недѣлю, такъ черезъ мѣсяцъ она останется сиротой. Это слово она произнесла отчетливо и не расплакалась. Слезы все рѣже и рѣже появлялись на ея рѣсницахъ. Каждый день, ложась въ постель, она перебирала всѣхъ, кого она любила и приготовлялась потерять ихъ. На Бескритнова она смотрѣла уже, какъ на покойника. Она знала, что онъ въ Петербургѣ; но онъ не шоль и Лиза понимала, что

это значить. Объ немъ она съ матерью больше уже не говорила. Въ послѣднее время, она очень подружилась съ Авдотьей Степановой. Думая о своемъ скоромъ сиротствѣ, она спрашивала себя: у кого ей будетъ лучше жить — у Борщовыхъ, или у Авдотьи Степановны? Оставаться у Борщовыхъ вплоть до своего совершеннолѣтія она не желала; но знала, что мать ея поручить ее имъ же. Ей бы гораздо пріятнѣе было жить у Авдотьи Степановны, хотя она и бывшая „femme du lac“. Лиза чрезвычайно скоро поняла эту женщину, тронулась ея чувствомъ къ матери и привязалась къ ней какой-то особенной привязанностью, точно къ меньшей сестрѣ, которую она хотѣла бы воспитать по своему и выучить всему тому, чему ее учили.

Лиза знала, что Авдотья Степановна живетъ въ Петербургѣ только для ея матери. Нѣсколько уже разъ слышала она отъ нея фразу:

— „Пора мнѣ изъ міра вонъ!“

И когда Лиза спрашивала ее:

— Куда-же?

Авдотья Степановна отвѣчала:

— На Волгу, къ себѣ уѣду.

Волга представлялась Лизѣ какой-то бездной, куда Авдотья Степановна погрузится на вѣки. Она боялась спрашивать ее подробнѣе. Для нея ясно было, что на Волгу съ Авдотьей Степановной она ѣхать не можетъ.

Авдотья же Степановна говорила ей, что она будетъ скоро богата, что ей достанется большое наслѣдство. Это наслѣдство сердило Лизу.

„Отчего же оно приходитъ теперь, спрашивала она, когда мамѣ осталось такъ мало жить! Сначала ей дали измучить себя; а потомъ, передъ смертью, сдѣлаютъ ее богатой“.

Иногда ей хотѣлось быть очень богатой, чтобы освободить всѣхъ, кто морить себя работой, дать имъ свободно вздохнуть, а себѣ оставить столько, чтобы не быть жертвой.

„Je ne veux pas être exploitée!“ восклицала про себя дѣвочка въ концѣ такихъ разсужденій.

И въ эту ночь, засыпая, она страстно хотѣла разбогатѣть, чтобы созвать консилиумъ изъ всѣхъ знаменитыхъ докторовъ, спасти маму и Сашу Чернокопытова... Съ этой мечтой она и заснула.

Полуночныя думы Катерины Николаевны были иного рода. Когда Борщовъ приблизился къ кровати, она притворилась спящей; но не могла заснуть до ранняго утра. Никогда еще она не испытывала такого недовольства собою. Въ самыя трудныя

минуты, передъ разрывомъ съ Александромъ Дмитріевичемъ, ей было легче. Тогда кипѣло въ груди ея иное недовольство. Она искала выхода изъ „духоты, куда ее втиснула жизнь и готовилась къ дѣйствительной борьбѣ. А теперь ей ужь больше нечего искать и не съ кѣмъ бороться.

„Я счастлива, писала она, сегодня, Александру Дмитріевичу, какъ только можетъ быть счастлива женщина, сознательно живущая“.

Какъ противна казалась ей теперь эта фраза и какъ мало она дышала счастьемъ; но переписывать письмо Катерина Николаевна не хотѣла: оно лежало въ ея письменномъ столѣ и должно было пойти завтра за границу.

Утромъ, на ней не было лица. Борщовъ спросилъ ее:

— Не больна-ли ты, другъ мой?

Она отвѣчала отрицательнымъ жестомъ головы. Онъ опять воздержался отъ всякихъ разспросовъ и на цѣлый день заперся въ кабинетѣ.

Катерина Николаевна отправила, кромѣ письма, въ Ниццу, еще другое письмо по городской почтѣ къ Зинаидѣ Алексѣевнѣ Тимофѣевой.

Она поспѣшила сдѣлать это не потому, чтобы хотѣла помириться съ Кучинимъ; но его „миссія“ поставила ее къ нему въ какое-то обязательное положеніе. Внутренно она была благодарна ему. Когда она подумала о томъ, что Александръ Дмитріевичъ могъ умереть, не получивъ отъ нея ни одного дружественнаго слова, ей стало ужасно стыдно. Миссія Кучина представилась, послѣ того, нравственнымъ одолженіемъ.

Къ полудню, отъ бессонницы и волненій у ней сдѣлался мигрень и она пролежала въ постелѣ до шести часовъ и обѣдать не вышла. Сонъ прогналъ ее боль. Часовъ въ семь горничная доложила ей о приходѣ Зинаиды Алексѣевны.

Она попросила ее въ спальную и приняла въ пеньюарѣ и ночномъ чепчикѣ.

Зинаида Алексѣевна вошла съ недоумѣвающимъ лицомъ; но замѣтно была рада видѣть Катерину Николаевну.

— Зачѣмъ вы беспокоились? встрѣтила ее Катерина Николаевна:—вы бы мнѣ написали въ которомъ часу васъ всего удобнѣе можно застать.

— Меня—цѣлый день! весело отвѣтила Зинаида Алексѣевна:—я вѣдь по прежнему баклуши бью! Да что же вамъ-то беспокоиться: я живу Богъ знаетъ въ какихъ меблированныхъ комнатахъ!

— О! я хожу по всякимъ квартирамъ! вскричала Катерина Николаевна.

— Вы продолжаете ваше дѣло? спросила Зинаида Алексѣевна очень просто; но этотъ вопросъ показался ей собесѣдницѣ насмѣшливымъ.

— О моемъ дѣлѣ я съ вами не буду говорить! замѣтила она, прикусивъ нижнюю губу.

— Почему такъ?

— Потому что я въ вашихъ глазахъ лита неразумное.

— Мало-ли что я болтаю!..

— Оставимъ эту тему, обрѣвала Катерина Николаевна:— я къ вамъ должна обратиться отъ третьяго лица... съ предложеніемъ.

— Чего? Мѣста? небрежно спросила Зинаида Алексѣевна.

— Нѣтъ, руки... и, если хотите, сердца.

— Вотъ какъ! И кто же сей несчастный?

— Оставимте этотъ тонъ, заговорила медленно и серьезно Катерина Николаевна:— и позвольте мнѣ исполнить мою роль посредницы. Къ вамъ очень привязался Степанъ Ивановичъ Кучинъ и просить васъ быть его женой..

— Кучинъ!.. и вы, Катерина Николаевна, сватаете мнѣ его? Позвольте, я совсѣмъ сбита съ толку: ничего не могу сообразить!

Зинаида Алексѣевна даже вскочила съ мѣста.

— Я очень хорошо знала, возразила Катерина Николаевна:— что васъ удивить такое посредничество...

— Я съ облаковъ свалилась!

— Погодите. Вы знаете, какъ я смотрю на Кучина. Моего взгляда я, до сихъ поръ, не мѣняла.

— Еще бы!

— Но останусь ли я при немъ, это еще вопросъ.

— Почему же такъ? воскликнула Зинаида Алексѣевна. Лицо ея выражало и недоумѣніе и любопытство.

— Да вотъ, видите-ли, добрая моя Зинаида Алексѣевна:— наша съ вами оцѣнка была слишкомъ теоретическая. Кучинъ не образецъ гражданскихъ добродѣтелей; онъ не забудетъ себя и своего самолюбія; но онъ все-таки живой человѣкъ.

— Онъ-то? съ совершеннымъ изумленіемъ вскричала Зинаида Алексѣевна.

— Да, онъ. Мы вотъ, тѣ самые люди, надъ которыми и вы подсмѣиваетесь, мы въ облакахъ паримъ и врядъ-ли что-нибудь путное сдѣлаемъ; а Степанъ Ивановичъ утилизируетъ то, что дѣйствительно существуетъ.

— Для того, перебила ее Зинаида Алексѣевна:— чтобы изъ

жидкой благотворительности пустых барынекъ дѣлать себѣ пьедесталь.

— А лучше было бы, еслибъ эти барыньки и такой благотворительностью не занимались?

— Однако, вѣдь вотъ вы же ушли пзъ этого міра?

— Обо мнѣ что говорить. Будемъ говорить о Кучинѣ и о васъ. Онъ васъ любить, это несомнѣнно.

— Старческая блажь!

— Блажь или нѣтъ, но вы ему на столько дороги, что онъ самъ явился ко мнѣ, зная мои чувства къ нему и слезно просилъ меня передать вамъ его предложеніе. Онъ думаетъ, что я для васъ авторитетъ...

— Ну, что жъ такое! возразила Зинаида Алексѣевна. — Въ немъ уязвленная гордость заговорила. Я осмѣлилась отвѣтить ему по своему на его миндальничанье. Вѣдь онъ уже разъ сватался!..

— Тогда вы не пошли за него, а теперь, быть можетъ, и пойдете.

— Это почему?

— Съ тѣхъ поръ вы, вѣроятно, все такъ же волнуетесь и ищете, и навѣрно ничего не нашли...

— Тихе ѣдешь—дальше будешь!

— Полноте, добрая моя! Если вы не имѣете еще никакого прочнаго положенія или не связаны судьбой съ другимъ человекомъ, идите за Кучина.

Выговоривъ это, Катерина Николаевна поглядѣла на гостью свою очень спокойно и сложила руки на груди.

— Да неужели вы мнѣ все это серьезно говорите? вскричала Зинаида Алексѣевна.

— Совершенно серьезно.

— Тогда, я васъ не узнаю, вы не та Катерина Николаевна, которая возила меня въ Гатчино.

— Та самая.

— Чѣмъ же васъ прельстилъ такъ почтеннѣйшій Степанъ Ивановичъ? съ задоромъ спросила Зинаида Алексѣевна.

— Онъ, вѣроятно, такой же, какимъ былъ и прежде, все такъ же спокойно отвѣчала Катерина Николаевна: — но вы можете его сдѣлать другимъ.

— Покорно благодарю!

Лицо Зинаиды Алексѣевны нахмурилось. Она даже поблѣднѣла и выпрямилась.

— Не раздражайтесь, пожалуйста, заговорила Катерина Нико-

лаевна:—а лучше обдумайте этот шагъ. На мое посредничество взгляните попроче и не поминайте меня лихою!

— Прощайте! сказала смущеннымъ голосомъ Зинаида Алексѣвна и протянула руку.

Катерина Николаевна пожала и не удерживала гостю.

По уходѣ ея, она опустилась глубоко въ кресло и такъ, закрывъ глаза, просидѣла съ добрыхъ полчаса. Сначала, ей было очень совѣстно. Она явилась передъ Тимофѣевой такою банальной личностью. Она сватала ее, какъ первая попавшаяся провинціальная кумушка. Потомъ, ощущенія Катерины Николаевны приняли другой оборотъ. Она увидала въ этомъ сватовствѣ, въ томъ, что она говорила сейчасъ Тимофѣевой, сильное впечатлѣніе вчерашняго. Но такой выводъ не смутилъ ее. Она, вотъ и теперъ бы повторила Зинаидѣ Алексѣвнѣ дружескій совѣтъ: выдти за Кучина. На исканіе людей она смотрѣла уже, какъ на наивную затѣю. Исканіе идеала принимало также, въ ея глазахъ, смутный колоритъ, близкій къ скептицизму. И въ такой натурѣ, какъ Зинаида Алексѣвна, она видѣла скороспѣлое олицетвореніе этого скептицизма. Ей сдѣлалось просто жалко ее. Она готова была сдѣлать все возможное, чтобы выдать ее за Степана Ивановича.

Всѣхъ этихъ думъ она Борщову не сообщила.

III.

„Недѣлая барыня!“ рѣшила Зинаида Алексѣвна, выходя на улицу. „Не лучше моихъ суженыхъ!“

Въ прежнее время, визитъ къ Катеринѣ Николаевнѣ, сдѣлался бы для нея предметомъ веселой болтовни съ Карповымъ; но въ этотъ вечеръ она возвращалась домой, зная, что придется говорить о другомъ.

Съ зимы много воды утекло. Прядильниковъ, поселившись у нихъ въ меблированныхъ комнатахъ, сначала, хоть и велъ себя странно, не выказывалъ однакожь ничего особенно дикаго. Онъ запирался у себя въ номерѣ, писалъ цѣлые дни, обѣдалъ съ ними вмѣстѣ почти каждый день, иногда смѣялся и болталъ безъ умолку, иногда же молчалъ упорно и только грызъ ногти. Вечеромъ, онъ опять запирался или пронадалъ изъ дому. Такъ прошло недѣли три. На четвертую показались иные признаки. Петръ Николаевичъ уѣхалъ вдругъ въ Москву и написалъ оттуда такое письмо Карпову, что тотъ полетѣлъ за нимъ и привезъ

его уже „совсѣмъ готовымъ“, какъ онъ тогда выразился объ немъ Зинаидѣ Алексѣевнѣ. Не оставалось другого средства, какъ помѣстить его въ лечебницу душевныхъ болѣзней, гдѣ онъ и сидѣлъ съ тѣхъ поръ. Состояніе его не возбуждало въ психіатрѣ особыхъ опасеній, но стояло все на одной точкѣ. Виды умственного разстройства мѣнялись у него чуть не каждый день, на взглядъ Карпова, который вначалѣ навѣщалъ его ежедневно. Потомъ, онъ долженъ былъ, по просьбѣ психіатра, отложить свои посѣщенія до болѣе благопріятныхъ дней. Такъ протанулся слишкомъ мѣсяць. Карповъ ѣздилъ часто въ лечебницу узнавать, какъ идетъ выздоровленіе, и возвращался всякій разъ все пасмурнѣе и пасмурнѣе... Разговоры его съ Зинаидой Алексѣевной вертѣлись почти исключительно около Прядильникова или другого больного—Бенескриптова.

Онъ тоже былъ плохъ. Запой овладѣлъ имъ сразу и получилъ „правильное теченіе“, слѣдуя номенклатурѣ Карпова. Промежутки трезвости дѣлались больше, за то періоды *болѣзни* продолжительнѣе. Жить съ нимъ въ одной комнатѣ не было возможности въ эти періоды. Карповъ помѣстилъ его въ отдѣльной комнаткѣ; но ни онъ, ни Зинаида Алексѣевна не оставляли его безъ призора. Бенескриптовъ, въ трезвые промежутки, длившіеся по двѣ недѣли и больше, не блажилъ и принялся за работу. Онъ началъ переводъ нѣмецкой книги, переводилъ усидчиво, разговаривалъ съ Карповымъ и Зинаидой Алексѣевной спокойно, о личной судьбѣ не распространялся и ни однимъ словомъ не проговаривался о своей любви...

Трезвый, онъ не шолъ къ Надеждѣ Сергѣевнѣ, боясь найти ее умирающей. Въ періоды запоя онъ порывался къ ней; но его не пускали изъ дому. Авдотья Степановна писала ему нѣсколько разъ, прося навѣстить Загарину. Онъ отвѣчалъ ей, что не принесетъ съ собою больной никакого утѣшенія. Внутренно онъ страдалъ, но умѣлъ заглаживать свои страданія такъ, что только одно вино выдавало его трагическое чувство. Карповъ не далъ ему сторгѣть въ нѣсколько дней, а его крѣпкая натура, схвативши запой, какъ схватываютъ лихорадку, взяла свое и заставила его жить, работать, подавлять въ себѣ душевную горечь и, не мирясь съ своей долей, тянуть лямку труда изъ-за насущнаго хлѣба. Всѣ его деньжонки вышли; а питаться подаеніемъ, даже и въ видѣ дружеской поддержки Карпова, онъ не хотѣлъ. Онъ видѣлъ, что его новые друзья сильно сокрушаются объ его болѣзани и много разъ просилъ ихъ махнуть на него рукой и покрѣпче его записать, когда онъ закутитъ.

Надежда Сергѣевна и Ливокъ для него умерли. Онъ уже не любилъ; онъ только оплакивалъ свою привязанность...

Зинаида Алексѣевна, вернувшись домой, прошла мимо каморки, гдѣ жилъ Бенескриптовъ, остановилась и прислушалась. Періодъ болѣзни его длился около недѣли и былъ изъ самыхъ бурныхъ.

Изъ каморки никакихъ звуковъ не долетало; не слышно было даже храпа. Зинаида Алексѣевна двинулась дальше и, подойдя къ комнатѣ Карпова, поглядѣла есть ли ключъ въ замочной скважинѣ? Ключъ былъ тутъ.

Она вошла.

Карповъ ходилъ по комнатѣ, опустивъ голову, и сильно раскачиваясь на ходу всѣмъ корпусомъ. Онъ не слышалъ, какъ отворилась дверь.

Зинаида Алексѣевна сейчасъ увидѣла, что Карповъ очень взволнованъ.

— Давно вы дома? окликнула она его.

Онъ быстро обернулся.

— Ужъ больше часа.

— Ну, что?

— Докторъ говорить, что я долженъ совершенно прекратить свои посѣщенія.

— Почему такъ?

— Разныя психіатрическія тонкости началъ выковыривать!

— Надо повиноваться, сказала полусутоливо Зинаида Алексѣевна.

— Все это вздоръ! вскричалъ Карповъ, остановившись посреди динѣ комнаты.— Я убѣжденъ, что у Николаича нѣтъ серьезнаго мозгового разстройства. Это просто страсть его душивъ. Отверойте клапанъ и машина начнетъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ.

— Ну, а какъ же отверить этотъ клапанъ?

— Вотъ объ этомъ-то я и думаю.

— И надумали что-нибудь?

— Вы, пожалуй, скажете, что глупость.

— А что же именно?

— Надо взять за бока Евдокію...

Зинаида Алексѣевна сѣла на диванъ, не снимая съ себя ни пальто, ни шляпы.

— Другими словами? подсказала она.

— Отправляться къ ней съ дипломатической миссіей.

— Съ такой же, какую Борщова имѣла сегодня ко мнѣ.

— А что она вамъ предлагала?

— Законный бракъ съ Кучиннымъ.

— Не можетъ быть! вскричалъ Карповъ.

— Сущая правда.

— И что вы отвѣтили?

— Что жду его завтра съ букетомъ!

Зинаида Алексѣевна разсмѣялась; но тотчасъ же удержала свой смѣхъ и продолжала серьезнымъ тономъ:

— Объ этомъ-то мы послѣ поболтаемъ, если оно васъ интересуетъ; а вы лучше мнѣ толкомъ разъясните, что вы намѣрены дѣлать у Евдокии?

— Безъ Евдокии Николаичъ погибъ!

— Чтожъ, вы серьезно хотите склонить ее' выдти за него?

— Мнѣ рѣшительно все равно: въ какой формѣ они сойдутся, въ законной или въ незаконной...

— Вы сообщали мысль вашу доктору?

— Нѣтъ, да и не думаю сообщать. Онъ, разумѣется, скажетъ, что это въ высшей степени нелѣпо, что одно свиданіе съ Евдокией можетъ произвести въ мозгахъ Николаича окончательное разстройство. Уже если я на это рѣшусь, то сдѣлаю по своему.

— Гдѣ же вы устроите ихъ свиданіе?

— Николаича я возьму изъ лечебницы.

— Какъ же можно!.. сорвалось у Зинаиды Алексѣевны.

— Да что вы думаете: эти психіатры тонкія наблюденія что-ли производятъ надъ своими пациентами! Просто туману напускаютъ и мямлятъ! Никакого я довѣрія къ ихъ премудрости не имѣю. Ну, рискованный это шагъ! Чтожъ изъ того? Либо панъ, либо пропаль! Въ рукахъ таеъ-называемой науки у Николаича, по моему, всѣ шансы превратиться въ идиота. Таеъ лучше же схватить что-нибудь острое и покончить свое бѣдственное бытіе!

— Какъ же можно шутить! тихо вымолвила Зинаида Алексѣевна.

— Я ни мало не шучу, дорогая моя, заговорилъ Карповъ другимъ тономъ, подходя къ ней и беря ее за руку.— Дороже Николаича у меня никого нѣтъ въ мужской половинѣ рода человѣческаго: вамъ это достаточно извѣстно. Стало быть, если я рѣшаюсь на такой экспериментъ, значить мнѣ жутко видѣть его въ рукахъ свѣтила науки.

— Да вы бы все-таки поговорили съ свѣтилами. Вѣдь это васъ ни къ чему не обязываетъ.

— Нѣтъ! выговорилъ рѣшительно Карповъ и заходилъ по комнатамъ.

Зинаида Алексѣевна хотѣла что-то замѣтить ему, но остановилась, услыхавъ въ корридорѣ какой-то странный шумъ. Она встала и прислушиваясь спросила:

— Что это такое въ корридорѣ?

Карповъ подошелъ къ двери, отворилъ и выглянулъ. За нимъ и Зинаида Алексѣвна.

— Заноси, заноси правѣе! кричалъ мужской голосъ хриплымъ басомъ.

Карповъ узналъ голосъ одного изъ дворниковъ.

— Несутъ кого-то?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Зинаиды Алексѣвны, другой такой же грубый голосъ крикнулъ:

— А ты чтожь не подаешься?..

— Что такое? крикнулъ Карповъ, выходя въ корридоръ и приближаясь къ тому мѣсту, откуда раздавались голоса.

Зинаида Алексѣвна послѣдовала за нимъ.

За уголь корридора, два дворника заносили что-то длинное, которое беззвучно поворачивалось въ ихъ рукахъ.

— Что вы несете? спросилъ ихъ Карповъ.

— Да вотъ барина изъ номеровъ. Тяжелый такой, Богъ съ нимъ! проговорилъ ослабляясь тотъ дворникъ, который несъ „тѣло“ впередъ, пятясь задомъ.

— Бенескриптовъ! прошептала Зинаида Алексѣвна.

— Онь, многогрѣшный, подтвердилъ Карповъ.

— Въ какой номеръ-то? спросилъ его передній дворникъ.

— Вотъ сюда, указалъ Карповъ: — да ключа-то нѣтъ, надо спросить ключъ.

Зинаида Алексѣвна побѣжала за ключомъ.

Пока отворили дверь въ коморку Бенескриптова, его длинная фигура покоилась на двухъ парахъ дворницкихъ рукъ. Онь на секунду очнулся, пробурлилъ что-то совершенно непонятное и опять захрапѣлъ. Лицо его было запачкано, волосы сбиты на лобъ, рукава и половина панталонъ въ грязи. Карпову, и безъ того разстроенному, не на шутку взгрустнулось...

Принесли ключъ и втащили Бенескриптова. Раздѣвать его было крайне затруднительно и съ него стащили только куртку и сапоги. По удаленіи дворниковъ, Карповъ заперъ дверь и пошелъ къ себѣ, гдѣ его ждала Зинаида Алексѣвна, немного всегда пугавшаяся „припадковъ“ Бенескриптова.

— Ну? спросила она какъ-то особенно значительно.

— Таковъ неисповѣдимый законъ судебъ, выговорилъ Карповъ и разставилъ руки.

— Вѣдь его этакъ гдѣ-нибудь задавятъ.

— Держать его въ заперти безъ насъ не могутъ...

— Неужели совсѣмъ погибъ? выговорила съ горечью Зинаида Алексѣвна.

— Здоровъ, и съ запоемъ долго проживеть; онъ не то что Николаичъ, у котораго нервы всегда были что твѣи скрипичныя струны.

— Но кудажь повело наше леченье? Не лучше ли было бы, слѣдуя вашей теоріи, сдѣлать экспериментъ сразу: онъ или сгинулъ бы, или всталъ бы на ноги.

— Какимъ же это образомъ?

— Да посредствомъ любви же.

— Нѣтъ, тутъ ужъ ничего новаго не будетъ. Его надо вонъ изъ Петербурга. Мы его возьмемъ съ собою.

— Будто мы ѣдемъ? спросила съ разстановкой Зинаида Алексѣевна.

— Черезъ двѣ недѣли все будетъ кончено съ Николаичемъ. Дольше я тянуть не хочу.

— И тогда?

— Мы пускаемся въ путь.

— А Бенескриптовъ?

— Суфлеръ того театра, гдѣ мы будемъ украшеніемъ подмостковъ...

Карповъ выговорилъ эту фразу шутовскимъ тономъ; но тотчасъ же замолчалъ и уныло поглядѣлъ на Зинаиду Алексѣевну.

— Полноте, Алексѣй Николаевичъ, подзадоривать себя, промолвила она съ дрожью въ голосѣ и протянула ему руку.

Онъ поцѣловалъ.

— Чтожь прикажете дѣлать? вскричалъ онъ. — Главу пепломъ, что ли посыпать? Глупо все это какъ-то, до надсады глупо! Два хорошихъ человѣка такъ нелѣпо гибнуть... Честнѣе я не зналъ людей... Николаичъ святой былъ человѣкъ... Мы-то хоть постараямся иначе протреться на бѣломъ свѣтѣ, добавилъ онъ, не выпуская изъ рукъ своихъ руки Зинаиды Алексѣевны.

Она примолгла и глядѣла на него мягкимъ, но не восторженнымъ взглядомъ.

— Постараямся, повторила она.

— Я знаю, вы на меня въ серъюзъ не смотрите... это всего лучше!

— А вы изъ любви ко мнѣ, ни съ ума не сойдете, ни пить не станете по Бенескриптовски? спросила Зинаида Алексѣевна.

— Нѣтъ не стану. Стану только васъ... любить.

Слово какъ бы сорвалось съ губъ Карпова; но звукъ его былъ спокойный и полный.

Зинаида Алексѣевна промолчала и только пожатіе руки отвѣтило Карпову.

— Больше ничего не общаю, проговорилъ онъ, тихо улыбаясь.

— Довольно и этого.

— И образцовыхъ россиянь не станете искать?

— Нѣтъ, не стану, отвѣтила она, радостно улыбаясь.

Точно боясь чего то, они скоро разошлись. Ни она, ни онъ не начали мечтать, даже и тогда, когда у нихъ на сердцахъ дрожали молодые силы, кажушія впереди что-то неизвѣданное. Заснули они скоро, и имъ ничего не снилось, хотя кровь и играла въ жилахъ.

„Довольно и этого“, повторила про себя, Зинаида Алексѣевна, засыпая крѣпкимъ сномъ.

„Вотъ и жена тебѣ, Алешка“, проговорилъ Карповъ и добавилъ: „а завтра къ Евдокии на слезное словоговореніе“.

IV.

Авдотья Степановна, въ день визита Карпова, была сердцемъ своимъ и думою очень далека отъ Придильникова. Она съ утра ждала адвоката, который велъ процессъ по наслѣдству Загариной; онъ долженъ былъ привести ей извѣстіе, когда будетъ слушаться дѣло окончательно, въ высшей инстанціи.

Въ началѣ двѣнадцатаго, дѣвушка доложила ей, что какой-то господинъ, изъ суда, желаетъ ее видѣть по дѣлу.

Горничная жила у ней всего вторую недѣлю. Прежнюю свою прислугу Авдотья Стѣпановна распустила, лошадей больше не держала и довольствовалась горничной и кухаркой.

Неизвѣстнаго посѣтителя она тотчасъ же велѣла просить, думая, что онъ посланъ ея адвокатомъ.

Она вышла принять его въ гостиную.

Передъ ней стояла лоснящаяся и улыбающаяся фигура Воротилина, отротившаго себѣ весьма порядочное брюшко.

— Господинъ Воротилинъ? выговорила съ недоумѣніемъ Авдотья Степановна.

Ея лицо, блѣдное и строгое, темный, почти траурный туалетъ и безстрастный взглядъ не смутили Иполита Ивановича.

— Собственной персоной, отвѣчалъ онъ, подавшись впередъ брюшкомъ и держа шляпу въ правой рукѣ, точно онъ просилъ съ кружкой подаванія.

— Что вамъ угодно? кротко и сухо проговорила Авдотья Степановна, не указывая на кресла.

— Разрѣшите присѣсть, продолжалъ все въ томъ же пріятель-

скомъ тонѣ Воротилинѣ, двигаясь въ бокъ, по направленію дивана.

— Покорно прошу, отозвалась Авдотья Степановна, медленно подходя къ дивану.

Иполитъ Ивановичъ разсѣлся, поставилъ шляпу на полъ и расправилъ свои бакенбарды, получившіе видъ роскошной бороды, раздѣленной на подбородкѣ узкой выбритой полосой. На немъ былъ свѣтлосѣрый весенній сюртъ съ крутыми обрѣзами бортовъ, выставлявшихъ на показъ низъ жилета.

Висморкавшись въ благоуханный батистовый платокъ, онъ обернулся въ полъборота къ Авдотѣ Степановнѣ и вскричалъ со смѣхомъ:

— Вы большая шутница!..

Авдотья Степановна поглядѣла на него нѣсколько удивленно, но ничего не вымолвила.

— Вы намъ учинили очную ставку съ Малявскимъ, продолжалъ онъ, какъ-то покачиваясь на мѣстѣ:— въ очень забавномъ вкусѣ. Любезнѣйшій Илларионъ Семенычъ сначала немного похорохорился, но потомъ взглянулъ на эту водевильную сцену также, какъ и я...

Авдотья Степановна все смотрѣла на него спокойными глазами и молчала, въ выжидательной позѣ.

— Я васъ прекрасно понялъ, безцѣнная моя Авдотья Степановна, и цѣлую ваши ручки за урокъ. Вы хотѣли намъ показать, что, если на то пошло, вы насъ обоихъ проведете и выведете. Не сомнѣваюсь, нисколько не сомнѣваюсь. Вотъ по тому-то я и надумалъ потолковать съ вами по пріятельски, сглазу на глазъ, въ томъ убѣжденіи, что мы сразу поймемъ друга друга...

Рѣчь его опять оборвалась. Онъ покосился на Авдотью Степановну и какъ будто подмигнулъ ей. Его апломбъ не убывалъ отъ того выраженія, съ которымъ она глядѣла на него.

„Господи Боже мой! что за нахаль!“ кротко думала Авдотья Степановна, не волнуясь и не возмущаясь, по прежнему, а точно съ нѣкоторымъ любопытствомъ выжидая: что-то еще онъ скажетъ?

— Но прежде чѣмъ мы потолкуемъ съ вами по душѣ, заговорилъ, откинувшись назадъ Воротилинъ:— объясните вы мнѣ, красавица моя, по какой причинѣ вы совсѣмъ покинули наши грѣшные стогны, въ какихъ преисподнихъ земли вы пропадаете, по комъ носите вы трауръ, или что-то въ этомъ родѣ? Скажите, Христа ради, что сей сонъ обозначаетъ?

— Все, что вамъ угодно, беззвучно проговорила Авдотья Степановна.

— Но мнѣ совсѣмъ неуютно, чтобы вы, наша звѣзда, украшеніе Сѣверной Пальмиры такъ похоронили себя... Для кого? спрашивалъ я тысячу разъ, и сколько ни ломалъ голову, не могъ добиться... Неужели вы оплакиваете генерала Саламатова? Голубушка моя! Да развѣ Петербургъ влиномъ сошелся? Одного вашего взгляда довольно, чтобы здѣсь валялся у ногъ вашихъ десятокъ Саламатовыхъ. Но вы закупорили себя такъ, что и я долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости, чтобы къ вамъ проникнуть!..

Иполить Ивановичъ чувствовалъ себя чрезвычайно блестящимъ, въ эту минуту. Прежде онъ съ Авдотьей Степановной никогда не бывалъ такъ рѣчивъ. Она ему, въ былое время, рта не позволяла раскрыть, чтобы не оборвать. А теперь у него такъ и лилось, такъ и лилось... Ея полутраурный видъ и нелюбезное молчаніе нисколько не смущали его.

— Неужели же, воспользовавшись имъ, повышая голосъ: — моя стародавняя дружба не заслуживаетъ того, чтобы вы открылись мнѣ! Мнѣ-то можно всякую штуку сообщить. Любовное горе? Поплачемъ вмѣстѣ и поскорѣй зальемъ его струей шипучаго. Доходили до меня слухи, что вы будто бы изволили втюряться въ какого-то юношу съ черными глазами... Ужь не тотъ ли, котораго я видѣлъ у васъ, годъ тому назадъ, на дачѣ?.. Помнится, что красивыхъ статей мужчина... Но такая ли вы женщина, чтобы вамъ проливать слезы горькія объ какомъ-то черноокомъ мусьякѣ? Конечно, любовь зла; но васъ я ставлю выше всякихъ такихъ душевныхъ болѣзней. Не такъ ли, красавица моя?

Онъ дотронулся рукой до платья Авдотьи Степановны, и, на этотъ разъ уже положительно подмигнулъ ей.

Она слегка отодвинулась и строже взглянула на него.

— Вы все безмолвствуете! Это меня, право, приводитъ въ отчаяніе. Ну, да Богъ съ вами: подожду другого настроенія. Я знаю, что это такъ, капризъ, оригинальная выходка, или какая-нибудь блестящая комбинація... вы не такой человекъ, чтобы даромъ тратить время. Вотъ почему мнѣ съ вами такъ и легко столковаться... Не правда ли?

Вопросъ Воротилина опять остался безъ отвѣта; но онъ его долго не ждалъ и заговорилъ снова:

— И въ доказательство, что вы времени не теряете, мнѣ прекрасно извѣстно—вы отпираться, конечно, не будете—какъ вы и никто больше вели и ведете процессъ по наслѣдству Загариной...

Выговоривъ это, Воротилинъ сдѣлалъ паузу.

Авдотья Степановна и на это ничего не сказала.

— Тайны тутъ быть не можетъ: дѣло ведено вами? уже серьезные спросилъ Воротилинъ и нѣсколько нахмурился.

— Да, отвѣтила наконецъ Авдотья Степановна, не мѣняя выраженія лица.

— Я знаю все досконально, и ужь, конечно, не стану допрашивать васъ: съ какою цѣлью взялись вы за это дѣло. По словицѣ, рыбакъ рыбака видитъ изъ далека. Вамъ и генераль Саламатовъ всегда говорилъ, что вы дѣлецъ первостатейный. Вы могли бы ворочать всѣмъ нашимъ дѣловымъ міромъ! И я убѣжденъ, что вашъ повѣренный потому только и дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ, что вы ему указываете на каждомъ шагѣ, что дѣлать и какъ изворачиваться...

— Я дѣла сама не веду, вымолвила глухо Авдотья Степановна: — потому, что ничего въ законахъ не смыслю.

— Не вѣрю, красавица мою, не вѣрю! Вы, быть можетъ, потому и насъ всѣхъ на время покинули, чтобы внучить во всѣхъ его тонкостяхъ десятый томъ. Вижу вашу головку въ каждомъ словѣ вашего повѣреннаго...

— Вы, развѣ, дѣйствуете въ этомъ дѣлѣ? вдругъ остановила его Авдотья Степановна.

— Я? вы знаете, что у противной стороны есть другой защитникъ... Меня, въ самое послѣднее время попросили дать нѣсколько совѣтовъ... Еслибъ я, съ самаго начала былъ приглашонъ, я бы, конечно, прежде всего явился къ вамъ, и мы съ вами порѣшили бы полюбовно. Теперь нѣсколько поздно; но все еще поправимо, такъ-какъ мы наканунѣ кассаціи.

— А коли ея не будетъ? оживленнѣе выговорила Авдотья Степановна.

— Не знаю, дорогая моя, старушка на двое сказала. Мы объ этомъ съ вами въ препирательство вступать не станемъ. Я продолжаю мои соображенія. Вы, какъ умнѣйшій смертный, взяли на себя веденіе этого дѣла не для Прусскаго короля, какъ говорятъ французы. Мнѣ рассказывали, будто Загарина умираетъ въ чахоткѣ, оставляя малолѣтнюю дочь, и вы такъ умилились этой трагической картиной, что сдѣлались благодѣтельной феей ихъ, взяли на свой счетъ обогатить оную умирающую вдовицу и ея дщерь, стяжать этимъ подвигомъ царство небесное...

Онъ расхохотался.

Щеки Авдотьи Степановны подернулись легкой краской. Внутри ея закипѣло что-то; но она сдержала себя и мысленно проговорила:

„Надо дослушать!“

Воротилинъ долго хохоталъ, и высморкавшись во второй разъ, пододвинулъ кресло ближе къ дивану.

— Мнѣ могли, началъ онъ опять: — нагородить еще съ три короба подобныхъ нелѣпостей; но я въ одно ухо выпускалъ, въ другое выпускалъ ихъ. Я, отправляясь отыскивать васъ, дорогая моя, издали видѣлъ, какъ мы съ вами поведемъ разговоръ.

Она слегка усмѣхнулась и вымолвила:

— Я васъ слушаю и жду какой конецъ будетъ.

Тонъ этихъ словъ, хотя и очень спокойный, слегка пере-дернулъ Воротилина.

— Мы уже подошли къ концу! вскричалъ онъ.— Вы вели дѣло Загариной на свой счетъ и весьма ловко, стало быть, дешево вамъ его уступить было бы сумасшествіемъ, даже если вы его приобрѣли и за безцѣнокъ.

— За безцѣнокъ? машинально повторила Авдотья Степановна, чувствуя, что внутри у ней все больше и больше клокочетъ.

— Я въ это и не вхожу. Допустимъ, что дѣло вамъ досталось задаромъ, но оно вами теперь такъ обставлено, что за чечевичную похлебку вы его не уступите, ха, ха, ха!.. Я бы и носа своего не показалъ къ вамъ, еслибы не имѣлъ полномочія отъ моихъ довѣрителей: предложить вамъ такое удовлетвореніе...

Авдотья Степановна выпрямилась и, прерывая его, спросила безстрастно:

— Какое такое удовлетвореніе?

— Какое вамъ будетъ угодно, красавица моя. Повѣрьте, всякая сумма, не выходящая изъ предѣловъ возможного, будетъ выплачена... Да чтобы не переливать изъ пустого въ порожнее: угодно вамъ удовольствоваться примѣрно пятьдесятью тысячами?..

— Чего? выговорила Авдотья Степановна, глядя на Воротилина широко раскрытыми глазами.

— Какъ чего!.. Вотъ это мило!.. Серебрянныхъ рублей!.. Отъ себя я предложилъ бы вамъ столько же фунтовъ стерлинговъ, еслибъ могъ; но и такая сумма, согласитесь сами, кругленькая... И это только вамъ, вамъ въ руки; а вашъ адвокатъ получить по условію, все равно, какъ бы онъ выигралъ процессъ! Право, я какъ вашъ старый другъ скажу, что на такія условія можно пойти!..

На этотъ разъ вышла пауза. Запасъ діалектики Ипполита Ивановича истощился.

Авдотья Степановна не перегибнула даже позы, приподняла только нѣсколько голову и сказала ровнымъ голосомъ:

— Вы мнѣ предлагаете пятьдесятъ тысячъ?

— Ну положимъ шестьдесятъ...

— Да за что же?

— Какъ за что?.. Отступного вамъ предлагаютъ!.. Что это, голубушка моя, вы притворяетесь какой-то непомнящей родства!.. Вѣдь мы съ вами съ глазу на глазъ бесѣдуемъ. Стало, нечего намъ стѣсняться... Или, можетъ быть, вы тамъ опять засадили какого-нибудь мусьяка?

И онъ, разсмѣявшись, указаль рукой на дверь въ будуаръ.

— Вы мнѣ даете пятьдесятъ тысячъ, продолжала Авдотья Степановна:—даже шестьдесятъ... Ну, я возьму эти деньги, да вамъ-то какая отъ этого польза будетъ?

— Какъ, какая польза? почти возопилъ Ипполитъ Ивановичъ и вскочилъ съ кресла.

— Дѣла я у госпожи Загариной не покупала и адвокату не платила еще ничего. Онъ получить процентъ по выигрышѣ; а если проиграеть, по условію...

— Прекрасно-съ, уже инымъ тономъ заговорилъ Воротилинъ:— ну а кто же заплатитъ ему по условію, какъ вы изволите говорить, если онъ дѣло проиграеть? Ужъ не сама ли Загарина? Такъ-какъ доподлинно извѣстно, что у ней нѣтъ кофѣйки суцей, что она и лѣжится-то на вашъ же счетъ.

— Эта неправда, возразила Авдотья Степановна:—я за лѣченіе ея не плачу. Ей друзья помогаютъ...

— Ну позвольте, голубушка, началъ опять фамиллярно Воротилинъ, наклоняясь къ ней:—зачѣмъ же меня-то, вашего благопріятеля, такъ въ глаза дурачить? Не хорошо-съ! Не великодушно!..

— Я вамъ двухъ разъ одного и того же повторять не стану, сказала она кротко, но твердо.—Напрасно вы трудились...

— Полноте, полноте, умница моя. Неужели мы съ вами торговаться будемъ? Восемдесятъ тысячъ и порукамъ!

— Лучше вы ихъ предложите повѣренному госпожи Загариной, чтобы онъ отступился; только онъ не отступится, да и вамъ какой же расчетъ видать въ печку восемьдесятъ тысячъ. Найдется и другой адвокатъ: вы сами же говорите, что дѣло те- перь отлично поставлено.

Съ этими словами, Авдотья Степановна приподнялась. Приподнялся и Воротилинъ. Его пухлыя щеки сильно покраснѣли. Онъ послѣшно взялъ шляпу съ пола, отступилъ назадъ шага два и дѣловымъ тономъ спросилъ:

— Такъ вамъ не угодно, Авдотья Степановна, принять мое предложеніе?

— Я даромъ денегъ больше не беру, отвѣчала она тихо и вышла изъ-за стола, стоявшаго передъ диваномъ.

— Это ваше послѣднее слово?

— Самое послѣднее.

— Да за кого-же вы наконецъ, закричалъ Воротилинъ:—меня принимаете? За олуха царя небеснаго что-ли? Такъ имѣю честь вамъ доложить, что я имъ никогда не былъ. Зачѣмъ это вы, скажите на милость, казанскую-то сироту изъ себя разыгрываете? Вѣдь это наконецъ ни съ чѣмъ не сообразно, позвольте вамъ доложить. Хотите торговаться, такъ надо дѣлать это на чистоту. Послѣднее слово—сто тысячъ и ни копѣйки больше!..

— Ни больше, ни меньше, проговорила съ улыбкой Авдотья Степановна:—а просто ни копѣйки. Такъ и для васъ будетъ выгодаѣ.

Воротилинъ схватился за правую половину бакенбардъ, и съ азартомъ дернулъ ее.

— Ну, такъ знайте же, что вы дѣла вашего не выиграете, а если и выиграете, то я похлопочу о томъ, чтобы васъ достойнымъ образомъ предать благодѣтельной гласности! Слышите, я, я, постараюсь объ этомъ!..

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери и, остановившись, повернулся на одномъ каблукѣ:

— Сто двадцать! выговорилъ онъ, сдвигая какъ-то прекуръзно брови.

— Не волнуйте себя, смиреннымъ голосомъ, вымолвила Авдотья Степановна и также смиренно улыбнулась.

— Ха, ха, ха! злобно разразился Воротилинъ.—Вотъ оно какъ! Модныя камелія за новый промыселъ взялись. Видно выгодаѣ скупать дѣла и набивать имъ цѣну, а на себя личину благочестія надѣвать, въ добрыхъ дѣлахъ упражняться!.. Такъ это во французскихъ романахъ хорошо выходитъ, а по русски—очень жалостно! ужъ вы бы лучше, милѣйшая, Авдотья Степановна, генерала Саламатова себѣ въ компаньоны взяли!.. Счастливо оставаться. Дама съ комельями Сѣверной Пальмиры! Только знайте, что благопріятели вашего Воротилина вамъ въ олухи царя небеснаго не произвести, чиномъ не вышли! Вы скорѣе очутитесь въ Пассажѣ или на Сѣнной, чѣмъ онъ промахнется въ своихъ дѣлахъ. Счастливо оставаться!..

Онъ опять повернулся на каблукахъ и его расчесанный затылокъ свернулъ проборомъ.

Авдотья Степановна точно приросла къ мѣсту. Вся кровь бросилась ей въ голову. Она хотѣла крикнуть: „Наглецъ! Ступай вонъ!“ но голосъ не повиновался ей.

Воротилинъ былъ уже въ передней, когда она очнулась, и, подавленная внутренней борьбой, опустилась на диванъ и зарыдала.

Долго текли слезы. Она опустила голову на подушку и такъ оставалась минутъ съ десять. Все успокоилось въ ней. Она осудила себя же самое въ гордости и порадовалась за Лизу: процессъ былъ выигранъ, подкупъ Воротилина слишкомъ ясно говорилъ это.

Какъ-то безмятежно и свѣтло сдѣлалось на душѣ Авдотьи Степановны и она благодарила молитвенными словами за испытаніе, посланное ей въ видѣ Воротилина.

Когда она подняла голову съ подушки, въ дверяхъ стоялъ Карповъ.

Петръ Ноборыкинъ.

МИРОСОЗЕРЦАНІЕ, МЫСЛЬ, ТРУДЪ И ЖЕНЩИНА

ВЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА.

Съ XVIII вѣка до сороковыхъ годовъ XIX и съ сороковыхъ годовъ до настоящаго времени.

II.

Взглядъ на общество.

Господство фетишическаго страха и человѣкобязаннаго возрѣнія на человѣческую природу въ первобытномъ общественномъ міросозерцаніи и строѣ. Человѣкобязанно-антагонистическій страхъ общества. Господство моноистическаго страха Божія и, съ одной стороны, богобязанно-братолюбиваго возрѣнія на людей, какъ братьевъ и сестеръ по Богу, а съ другой—богобязанно-аскетическаго взгляда на человѣческую природу въ допетровскомъ общественномъ міросозерцаніи и устройствѣ. Богобязанно-аскетическій и богобязанно-заговорный страхъ общества. Вліяніе западно-европейскихъ общественныхъ впечатлѣній и богобязанное воспріятіе ихъ. Съ XVIII вѣка, господство восторженнаго чувства удивленія во взглядѣ на общество и общественныя учрежденія. Восторженное восхищеніе идеей чело­вѣка, какъ существа общественнаго, и вліяніе его на понятія объ обществѣ и общественной жизни. Вліяніе сантиментально-филантропическаго взгляда на человѣческую природу, порожденнаго удивленіемъ ея чудесному устройству, на общественное развитіе и учрежденія. Сантиментально-филантропическая любовь къ обществу, любовь къ отечеству. Сантиментально-филантропическій принципъ общественныхъ учрежденій. Сантиментально-филантропическая идея «справъ чело­вѣчества» и «правосудія» и значеніе ея.

Возбудивши сантиментально-филантропическое и идеально-оптимистическое возрѣніе на чело­вѣка, восторженное чувство удивленія чудесному устройству чело­вѣческой природы было, въ то же время, послѣ допетровскаго страха таинственныхъ силъ чело­вѣческой природы, новою психически-возбудительною силою всего общественнаго обновленія и преобразованія. Чтобы яснѣе видѣть это, рассмотримъ напередъ предшествовавшіе фазисы общественнаго развитія.

Т. CCVII — Отд. I.

Въ первобытныхъ времена, фетишическій страхъ таинственныхъ силъ природы и грубой физической силы человѣческой былъ первымъ естественно-психологическимъ мотивомъ въ соединенію первоначальныхъ физиолого-генеалогическихъ, родовыхъ союзовъ въ гражданское общество, на первый разъ, въ формѣ первобытныхъ общинъ. Сколько можно приблизительно гадать, этотъ первоосновной, общинно-устроительный процессъ совершался такимъ образомъ. При всеобщемъ страхѣ такихъ невѣдомыхъ, совретенныхъ силъ природы, которыя обусловливали, напри- мѣръ, неудачу въ хищнической охотѣ, въ звѣринныхъ и дру- гихъ промыслахъ, въ обезпеченіи и сохраненіи жизни, или по- рождали голодъ, холодъ, болѣзни, моръ, либо непонятными инстинктивными побужденіями и внезапно наводили на людей хищныхъ звѣрей и хищную чуждъ и т. п.,— при всеобщемъ страхѣ такихъ непостижимыхъ силъ и предопредѣлений природы, раз- розненные славянскіе роды, жившіе въ лѣсахъ, все болѣе и бо- лѣе чувствовали потребность въ общихъ, взаимно-вспомогатель- ныхъ средствахъ сохраненія и обезпеченія жизни. Именно, они чувствовали потребность, во-первыхъ, въ наиболѣе легкомъ и удобномъ выборѣ такихъ вѣдуновъ и вѣдуней, которые бы умѣли «заговаривать» ихъ отъ разныхъ зловредныхъ таинственныхъ силъ природы или отъ другихъ зловредныхъ колдуновъ и кол- дуней, и предсказывали бы имъ удачу или неудачу звѣринныхъ и другихъ промысловъ. Во-вторыхъ, имъ необходимо было наи- большее число такихъ «сильныхъ мужей», «храбрыхъ воиновъ», богатырей, которые бы защищали, охраняли и спасали ихъ отъ разныхъ, сильно устрашавшихъ ихъ «чудовищъ» лѣсныхъ, вод- ныхъ и горныхъ, отъ страшныхъ хищныхъ звѣрей, отъ татей и разбойниковъ, отъ чуди бѣлоглазой, обровъ, аваровъ, козаръ и т. п. Наконецъ, они чувствовали потребность въ выработкѣ и знаніи такихъ «примѣтъ» относительно здоровья, промысловъ и благосостоянія людей, которыя необходимо было тогда всеѣмъ знать. А все это—и лучший выборъ нужныхъ вѣдуновъ и вѣ- дуней, и наибольшее число «сильныхъ мужей» — богатырей, и распространеніе знанія разныхъ предохранительныхъ примѣтъ, возможны были только при соединеніи всѣхъ отдѣльно-разроз- ненныхъ родовъ въ общины, съ цѣлю совокупнаго взаимнаго содѣйствія и вспомошествованія въ случаѣ какого-либо страха и опасности. И вотъ, вслѣдствіе такихъ естественныхъ побуж- деній, разрозненные роды, дѣйствительно, и стали соединяться въ общины, въ міръ. Въ общинахъ они всегда имѣли возмож- ность выбирать лучшихъ «связлюбенныхъ» вѣдуновъ и вѣдуней и, какъ свидѣтельствуеть одинъ древній памятникъ, «съ вѣромъ,

приходя къ нимъ, волквовали, желая узнать рога рожденій своихъ, бѣдственныхъ напастей, различныхъ смертей и казней, а также въ промыслахъ искали рога, призывали на помощь боговъ, волквовали, не вѣдая судебъ Божіихъ»¹. Устрашало общину какое-либо чудовище—звѣрь лютый, не дававшій людямъ ни проходу, ни проваду, или «въ озерѣ лютое чудо о трехъ головахъ, поѣдавшее многихъ людей» — міране, «людины» искали во всемъ своемъ міру, «на всякъ день вличъ вличали», чтобы боги послали такого «храбраго человѣка», который бы въ озерѣ чудо извелъ,—и въ общинномъ многолюдствѣ легко находили такихъ сильныхъ, храбрыхъ мужей, которые избавляли ихъ отъ общаго страшилища — губителя людей: и за силачашъ этимъ «весь міръ поклонялся»². Въ общинѣ, въ міру не странно было жить и въ дикомъ черномъ лѣсу, среди страшныхъ хищныхъ звѣрей: на міру и смерть была красна. Люди той или другой общины съ изумленіемъ и любопытствомъ шли въ лѣсъ смотрѣть, когда изъ среды ихъ находился какой-нибудь храбрѣйшій силачъ, преодолевавшій самыхъ страшныхъ и сильныхъ звѣрей. «Людіе града многіе — гласить эпосъ народный — поидоша въ дальные темные лѣса смотрѣть преславнаго того чудесе, какъ юноша младый хотѣлъ имѣть звѣриную дерзость: многіе люди поидоша смотрѣть храбрости его и дерзости, и видя, какъ онъ сразу преодолевалъ въ густомъ лѣсу не только лося и медвѣдя, но и самага лютаго звѣря, всѣ дивитись чудеси его, какъ дарова ему Богъ силу надъ всѣми храбрыми и сильными»³. Въ общинѣ, всѣ старѣйшины родовъ, всѣ «старцы, мужи честные сѣдинами» сходились вмѣстѣ съ своими сродичами на уличныя сборища или вѣча, и здѣсь «повѣствовали о звѣряхъ, о коняхъ, о птицахъ», передавали молодымъ людямъ свои «примѣты», повѣрья, былины, а также «мірскія басни», сказки, пословицы, миен и т. п.⁴. Далѣе, страхъ грубой физической силы такихъ «сильныхъ мужей», какъ богатыри-разбойники, тати и убійцы, былъ новымъ естественнымъ побужденіемъ, вызвавшимъ «маломочныхъ смердовъ» къ соединенію въ общины, къ основанію «вервей», «міровъ». И въ то же время страхъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ естественныхъ мотивовъ къ распространенію общинной колонизаціи по сѣверовостоку Европы, колонизаціи такъ-назы-

¹ Сборн. соловки. 64бл. л. 918: Списокъ отреченныхъ книгъ.

² Пам. II, 386—387.

³ Пам. II, 384.

⁴ Слова, направленные противъ язычества въ Лѣтопис. русск. литерат. и хрѣн. т. IV, слово VIII.

вашихъ «черныхъ земель» или «черныхъ динихъ лѣсовъ». Страхъ насилія сильныхъ мужей—татей и разбойниковъ, страхъ постоянныхъ вражскихъ нападений аварь, хозарь и другихъ варваровъ невольно заставлялъ славянъ искать убѣжища въ лѣсахъ и жить въ безпрестанномъ тревожномъ ожиданіи насилія, грабежа, разбоя, хищничества. «Отъ того у нихъ — говоритъ Маврикій—недоступны жилища въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе входы на всякой опасный случай, необходимыя вещи скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружу, но живя, какъ разбойники, вообще живутъ большею частію въ страхѣ»¹. Когда такимъ образомъ господствовали всеобщій паническій страхъ преобладающей физической силы «сильныхъ мужей», безопасно порабоцавшихъ, грабившихъ и убивавшихъ людей «маломочныхъ», тогда, естественно, всѣмъ этимъ маломочнымъ людямъ не оставалось никакого другаго спасенія, никакого другаго средства самосохраненія и самообезпеченія отъ насилія сильныхъ мужей, какъ только уходить въ черныя дикіе лѣса и тамъ собираться, соединяться въ общины и совокупными, общими силами бороться съ деспотической, порабоцавшей, хищнической и разбойнической силой «сильныхъ мужей». И вотъ, въ эпоху разложенія родоваго быта и естественнаго взаимнаго отчужденія многихъ отдѣльныхъ родовыхъ линій или поколѣній, въ эпоху усилившейся розни родовъ и умноженія «изгоевъ»—людей, отчужденныхъ отъ рода-племени, когда, вообще, «вставалъ родъ на родъ», сильные мужи часто утраивали весь міръ, въ лѣсахъ и по дорогамъ умножились «станишники и разбойники», когда всякій стремился быть «страшнымъ въ битвѣ въ полѣ» и шла всеобщая ожесточенная борьба за существованіе, — вотъ въ эти-то времена полнѣйшаго господства грубой физической силы и права сильнаго, созидались общины, міры. Страхъ убійственной, порабоцавшей, хищнической и разбойнической силы невольно заставлялъ всѣхъ разрознившихся «людей» или «людиновъ», всѣхъ маломочныхъ смердовъ заключать между собою согласіе, міръ и такимъ образомъ составлять общины, міры, или, по выраженію «Русской Правды», «вкладываться въ виру, изъ дружины приглядываться къ вирѣ, къ людямъ», къ міру, съ тѣмъ, чтобы всею «дружиною, всѣмъ вложившимся въ виру людямъ» сообща, общими силами искать всякаго зловреднаго сильнаго человѣка — «убійцу или разбойника или тати» и выдавать его «всею съ женою и съ дѣтьми

¹ Φοβῶ μάλλον ἢ Σῆρος εἰκοντες.

на потоки и на разграбленіе»¹. Въ то же время, общины или «верви», поговори межъ себя, всѣмъ міромъ обязывались съобща, совокупными силами охранять отъ хищничества и разбоя свои общинныя естественно-промышленныя угодыя — звѣринные ловы, борти, рыбныя ловли, пашни, межи на поляхъ, сѣти и т. п.² Наконецъ, тотъ же страхъ хищнической и разбойнической силы и права сильного побудилъ общины, въ концѣ концовъ, покориться охранительной силѣ и расправѣ варяжскихъ князей. И вслѣдствіе этого, всѣ общинныя обязанности относительно расправы съ татами и разбойниками утверждены были потому первымъ славяно-русскимъ законоположеніемъ — «Русской Правдой». Именно, въ «Русской Правдѣ» утверждена была, во-первыхъ, общинная расправа съ убійцами, татами и разбойниками: «иже будетъ кто убилъ въ сводѣ или въ пиру явлено — ему платити по вервинѣ (то-есть по складу общины, міра); а иже убьютъ огнищанина въ разбои и убійци не ищуть, то вирное платити, въ ней же вирѣ (верви) голова начнетъ лежати», то-есть той общинѣ, гдѣ найдутъ убитаго. Точно также «Русская Правда» предписывала общинамъ совокупными силами или всѣмъ міромъ охранять отъ хищнической и разбойнической силы свои общинныя угодыя: «аще будетъ разсѣчена земля, или на земли знаменіе есть, имъ же ловимо, или сѣть, то по верви (міромъ) искати въ собѣ татя; аще кто украдетъ бобръ или сѣть, или разломаетъ борть, или посѣчетъ древо на межи, то по верви (міромъ) искати татя въ собѣ» и т. п.³

Далѣе, вслѣдствіе страха таинственныхъ силъ вѣдшей природы и антропофагически-человѣкобоязненнаго взгляда на природу человѣческую, — и весь первобытный общественный строй простекалъ изъ побужденій этого страха и антропофагически-человѣкобоязненнаго умонастроенія. Фетишическій страхъ «рода» и «срожаницы» санкціонировалъ физиолого-генетическій, родовой складъ первобытной общины. Фетишическій страхъ «необычайной силы сильныхъ мужей», «богатирской головы» и «рода» вынуждалъ поклоненіе и покорность слабого сильному, младшаго старшему. Младшій въ родѣ боялся старшаго, слабый боялся сильного. Старшіе родоначальники старѣйшихъ родовъ, сильнѣйшіе родовые или племенные князья, какіе были, напримеръ, у древлянъ, постоянно усиливались побороть и вытѣснить младшихъ и слабѣйшихъ родоначальниковъ: такимъ образомъ

¹ Русская Правда, по изд. г. Калачева ст. LXXXVIII — XC. LXXXIX. LXXI.

² Русская Правда. OXXIX по синодальному списку.

³ Русская Правда. Лешкова, Русский народъ и государство, стр. 164.

«вставалъ родъ на родъ», была безрерывная междуусобная борьба родовыхъ или племенныхъ князей, и необходимо было призваніе иноплеменныхъ посредниковъ—варяжскихъ князей для ограниченія звѣрскихъ проявленій права сильного, для примиренія и объединенія разрозненныхъ родовъ, для установленія наряда и князей правды». Вообще, при полнѣйшемъ преобладаніи животнo-эгоистическихъ чувствъ и наклонностей,—каждый боялся зла и кровной мести со стороны ближнихъ, всѣ трепетали господства грубой физической силы—хищнической, разбойнической, и работоргивательной и человѣкоубійственной: отсюда происходило первобытное господство всеобщаго страха общества, всеобщихъ волшебныхъ заговоровъ отъ всякихъ лихихъ людей и злыхъ супостатовъ, отъ порчи, отъ призора или сглаживанья, отъ слѣда людскаго, отъ вѣдуновъ и вѣдуней, колдуновъ и колдуней и проч.; отсюда происходили всеобщія стремленія «быть страшнымъ въ битвѣ въ полѣ», «портить людей» всякими зелейническими лиходѣйствами, звѣрски «кусаться» и т. п. Наконецъ, всѣ боялись внезапнаго набѣга и грабежа хищной «бѣлоглазой чуди—сыроядцевъ», оброть, аварь, хозарь и т. п.; отсюда происходило господство войны, воинственныхъ, богатирскихъ подвиговъ и дружинъ, битвеннаго дѣла въ полѣ и необходимость воинственно-защитительной и охранительной силъ князей.

Вотъ, послѣ такого всеобщаго фетишическаго страха природы, порождавшаго антропофагически-человѣкобоязненныя отношенія людей, и послѣ этой паники буйнаго разгула грубой физической силы,—христіанская проповѣдь вдругъ грозно и громогласно возвѣстила страхъ Божій, какъ основу, какъ начало новаго общественнаго строя. «О, людіе, слышите! возгласили проповѣдники христіанства. Тако глаголетъ Господь: азъ Богъ вашъ, вы же не работаете мнѣ, какъ Богу. Неправда иная въ васъ умножилась, зависть и гнѣвъ жируютъ въ васъ, злоба возобладала вами, возненавидѣлъ братъ брата и другъ друга завистию снѣдаетъ, а князья немилостивы, судьи неправедны, неизбавляютъ худыхъ (то-есть «худшихъ») меньшихъ людей отъ руки сильныхъ, и плачутъ вдовы и сироты, не имѣя заступника, ибо князья не смиряютъ волостелей, а волостели не сжалатся муча худшихъ людей... Ненависть и злоба вселилась въ сердца ваша, не даетъ быть милосердными къ сиротамъ, не даетъ сознавать естество человѣческое. Какъ звѣри алчутъ насытиться плотію, такъ люди алчутъ и не перестаютъ алкать, какъ бы всѣхъ погубить, убить, ограбить. Звѣри ѣдятъ и насыщаются, а люди не могутъ насытиться, снѣдая другъ

друга, какъ звѣри.... И будутъ знаменія въ солнцѣ и лунѣ, и голодъ во всѣхъ странахъ, и туга племенамъ, и молва въ городахъ. Вложу ярость въ сердца князей вашихъ: будутъ частыя рати, не упокоитъ вставая родъ на родъ, отецъ пойдетъ съ оружіемъ на сына, и братъ на брата оружіе скуетъ. Наведу на страну вашу рати иноплеменные, и предамъ васъ въ плѣнъ поганымъ: осквернены будутъ дочери ваши и порабатятся поганымъ дѣти ваши, а кровь ваша, какъ сильная вода, прольется; храбрые падутъ отъ меча, и плоть ваша будетъ пищею звѣрамъ и птицамъ, а кость ваша на позоръ всякому животному. Городъ сегодня пусть, а завтра плѣненъ будетъ: изъ десяти городовъ сойдутся жить въ одинъ городъ. Небо не дастъ росы, а земля плода своего, опустѣетъ земля ваша: если кто посѣетъ сто мѣръ, то произрашу одну. Опустѣетъ красота селъ вашихъ, и наведу на поля ваши пруги и гусеницы, хрусты и сѣрины поѣдятъ остатки плодовъ вашихъ. Звѣрей злыхъ наведу на васъ, да поѣдятъ скоты ваши, и не будетъ стада пасомыхъ. Не воспоетъ земледѣлецъ на нивѣ своей, и волъ на выѣ своей не понесетъ ярма. Не будетъ жителей въ селахъ вашихъ, и родятъ нивы ваши бѣды, великія долины стануть пусты, а пути терніемъ поростутъ. И обращу праздники ваши въ плачь, а вкрища въ рыданія. Плоть ваша почернѣетъ отъ голода, а дѣвнця красота исчезнетъ. Не будетъ тогда дома, гдѣ бы не было мертвеца, и не кому будетъ погребать мертвыхъ.... О, братіе, покайтесь, и живите во страхѣ Божиѣ!»¹ И вотъ, вслѣдствіе такихъ сильныхъ внушеній страха Божія, подъ вліяніемъ богобоязненно-братолюбивыхъ воззрѣній на людей, какъ братій и сестеръ по Богѣ, началось искорененіе первобытнаго господства грубой физической силы и водвореніе богобоязненно-братолюбивыхъ общественныхъ отношеній.

Прежде всего, всѣ богобоязненные члены юнаго русскаго общества со страхомъ Божиимъ стали замѣнять первобытное господство «сильныхъ» богобоязненною «милостію», защитой слабыхъ, и немощныхъ отъ руки сильныхъ, призрѣніемъ бѣдныхъ, вообще, богобоязненными дѣлами христіанскаго милосердія и братолюбія. Такъ какъ въ первобытныя времена, сильные сплочь и рядомъ отнимали у малосильныхъ кормъ, пищу и цитѣ, обижали слабыхъ женщинъ и вдовицъ, убивали отцовъ и матерей и дѣтей ихъ, «отроговъ», «чадъ» брали себѣ въ рабство, безчеловѣчно ослѣпляли соперниковъ въ силѣ на томъ

¹ Измарагдъ, рукоп. Солов. Библіот. № 270. Прибавл. къ твор. св. отцевъ 1848 г. т. 2, стр. 195, 196, 202. Православн. Собесѣдн. 1858 г. июль стр. 475—480.

основаніи, что «нельзя слѣпу сильну бити», и такимъ образомъ, вообще, умножали въ обществѣ число нищихъ, бѣдныхъ, калѣкъ, слѣпыхъ, сиротъ и т. п.,—то св. Владиміръ, вотъ, тотчасъ же по принятіи христіанства, прежде всего, по внушенію страха Божія, явился, по словамъ лѣтописи, «истиннымъ отцомъ бѣдныхъ и слабыхъ», роздалъ убогимъ, прежде ограбленнымъ, много имѣнья, выдавалъ нищимъ и убогимъ всякую потребу, питье и яствы, велѣлъ развозить по улицамъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ. По церковнымъ уставамъ Владиміра и Ярослава, церковной охранѣ переданы были: «богадѣльни, больницы, страннопріимницы, гостинницы, слѣпцы, хромцы, задушныя рабы или, вообще, задушныя человѣды, вдовицы, нищія, лечцы» и т. п. Вообще, послѣ первобытнаго господства грубой физической силы или звѣрскаго насилія отъ руки сильныхъ, впервые наступило господство богобоязненной «милости», «богадѣльни». И на первыхъ порахъ эта «милость», какъ явленіе совершенно новое, невѣдомое первобытному, антропофагическому міру, изумляла темную массу маломозгныхъ смердовъ, какъ чудо Божіе, «яко дивитися всѣмъ человѣкомъ, яко такой милости никтоже не могъ сотворити прежде». Съ начала распространенія христіанства до XVI вѣка, богобоязненная благотворительность состояла главнымъ образомъ въ защитѣ слабыхъ отъ сильныхъ и въ удовлетвореніи физическихъ нуждъ бѣдныхъ, порожденныхъ первобытнымъ господствомъ хищнической гегемоніи сильныхъ, именно—въ кормленіи нищихъ, въ снабженіи ихъ одеждой и кровомъ и т. п. Такъ Владиміръ Мономахъ поучалъ дѣтей: «будьте отцами сиротъ, судите вдовицъ сами, не давайте сильнымъ губить слабыхъ; я не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ обиду сильнымъ»¹. Другіе богобоязненные князья и княгини также постоянно «кормили убогія, велѣли по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное больнымъ и нищимъ на потребу»². Съ XVI вѣка, когда богобоязненная благотворительность была признана государственнымъ дѣломъ и богадѣльни подчинены были вѣдомству Приказа Большаго Дворца, общественное «братолюбіе», не оставляя заботы о физическомъ обезпеченіи слабыхъ и немощныхъ, начинало простирается и на удовлетвореніе умственныхъ и нравственныхъ нуждъ несостоятельныхъ членовъ общества. По установленію Стоглава, въ богадѣльняхъ «учили и наказывали нищихъ страху Божію, а которые могли работать, тѣхъ побуждали трудиться

¹ Ист. Госуд. Росс. 133.

² Ипат. 6, 75, 102, 106, 112 и мн. др.

руководѣлемъ»¹. Богобоязненные люди «должныхъ изъ работы окупали, спроть грамотѣ и руководѣлю учили, мужской пользѣ женили, а женской замужъ выдавали, умирая, отпускали рабовъ на волю» и т. п.². Наконецъ, къ исходу XVII вѣка, богобоязненное чувство братолюбія, въ сферѣ общественнаго благоустройства, стало мало по малу возбуждать потребность чело-вѣколюбивыхъ учреждений «по еуропскимъ обычаямъ». Такъ, по указу 1682 года, въ Москвѣ построены были «шпитальни по еуропскимъ обычаямъ», которыя впервые предуготовляли общество къ будущимъ «человѣколюбивымъ обществамъ» и другимъ филантропическимъ учреждениямъ³.

Вовторныхъ, по внушенію страха Божія, подъ вліяніемъ богобоязненно - братолюбиваго взгляда на людей, духовенство и общество стали энергично стремитса искоренить первобытное господство грубой физической силы въ удѣльно-вѣчевомъ общественномъ управленіи, прекратить первобытную эгоистически-родовую борьбу старѣйшихъ и сильнѣйшихъ князей съ младшими и слабѣйшими и замѣнить первобытное экстенсивное господство грубой физической силы страхомъ интензивной, единодержавной силы или «крѣпкой и высокой десницы и державы великихъ князей и самодержцевъ всея Русіи». И въ этомъ отношеніи страхъ грозной силы Божіей былъ сильнымъ орудіемъ во власти духовенства къ пресѣченію первобытной борьбы грубой физической силы, съ новою энергіею проявившейся въ княжескихъ междусобіяхъ, къ сосредоточенію всѣхъ разрозненныхъ удѣльно-вѣчевыхъ силъ въ единодержавной силѣ, въ «крѣпкой рукѣ и державѣ московскихъ самодержцевъ и къ побужденію «великихъ князей и царей», искоренять въ обществѣ первобытное господство грубой физической силы законами правды. Перво-бытный, религиозно-языческій страхъ физической силы духовенство мало по малу перевоспитало въ страхъ силы Божіей и силы животворящаго вреста Господня, внушивъ убѣжденіе, что Господь Богъ разрѣшаетъ мощь ручную и даетъ силы творить правду»⁴, такъ что, вслѣдствіе этого и богатыри, эти пред-ставители первобытной физической силы, стали теперь называться «человѣками Божіими», получающими силу отъ Бога⁵. И силь-

¹ Стоглавъ гл. LXXIII.

² Домострой. М. 1849 г. гл. VII, X, XI, XII, LXIV.

³ Берка, истор. царствов. Федора Алексѣев. I, 86. Рихтера, исторія медицины въ Россіи II, 354.

⁴ Пам. III, 35. 36.

⁵ П. С. Лѣт. II, похъ 1148 годомъ; князь Мстиславъ Иязславичъ говорилъ богатырю Демьяну Бужевичу: «человѣкъ Божій, теперь время Божіей помощи и пречистна Богородици».

кѣйшіе князья, еще постоянно говоря о своей физической силѣ, въ то же время стали уже страшиться всепревозмогающей силы Божіей и животворящей силы креста, постоянно говорили: «боюсь Бога и страшнаго Божія суда, боюсь преступленія силы крестной». Вслѣдствіе этого, когда въ княжескомъ родѣ, по смерти Ярослава I, возобновилась древняя, дорюриковская борьба физической силы старѣйшихъ или сильнѣйшихъ князей съ младшими или менѣе сильными, — духовенство прежде всего усиленно старалось прекратить эту борьбу, какъ наводненіе отъ діавола, страхомъ силы Божіей и силы животворящаго креста Господня, страхомъ нарушенія крестнаго цѣлованія. «Мы, говорили владыки церковные, мы приставлены отъ Бога на русской землѣ удерживать, востыгивать васъ, князи, отъ кровопролитія» ¹ И лѣтописецъ, какъ учитель страха Божія, по случаю первой же усобицы между Ярославичами, обвиняя князя Изяслава за нарушеніе крестнаго цѣлованія, и Всеслава Полоцкаго одобряя за вѣрность силѣ крестной, грозой казней Божіихъ увѣщевалъ князей бояться силы крестной, какъ силы Божіей, не нарушать крестнаго цѣлованія и не начинать усобицъ: «вотъ Богъ проявилъ силу крестную, говоритъ онъ, — ибо Изяславъ, цѣловавъ крестъ, нарушилъ его, заключилъ Всеслава: за то на него Богъ навелъ поганыхъ, а Всеслава явно избавилъ крестъ честный, ибо въ день воздвиженія честнаго креста Всеславъ, вздохнувъ сказалъ: «крестъ честный! Какъ я въ тебя вѣровалъ, такъ ты и избавилъ меня отъ рва сего (плѣна и тюрьмы). Богъ показалъ силу крестную на показаніе землѣ русской, дабы князья не преступали честнаго креста, цѣловавъ его: если же преступитъ кто, то и здѣсь приметъ казнь, и въ будущемъ вѣкѣ ему будетъ казнь вѣчная» ². Точно также и впоследствии, когда междуусобная борьба удѣльныхъ князей достигла высшей степени ожесточенія, церковные учителя страхомъ Божіимъ унимали ихъ отъ кровопролитія ³. И дѣйствительно, страхъ суда Божія и крестнаго цѣлованія, хотя не всегда, но все-таки значительно сдерживалъ грубую эгоистически-родовую борьбу физической силы князей. Такимъ образомъ, когда сильнѣйшіе и богобоязненнѣйшіе князья, благодаря своей преобладающей силѣ, но въ то же время съ постояннымъ богобоязненнымъ выраженіемъ чувства страха Божія и надежды на силу Божію и животворящую силу креста, мало по малу стали одерживать верхъ надъ всѣми менѣе сильными князьями, —

¹ Ипатьев. лѣт. стр. 145.

² П. С. Лѣт. I, 73.

³ А. И I, № 12.

духовенство страхомъ Божиимъ поддерживало и утверждало это преобладаніе сильнѣйшихъ князей, какъ «предповелѣнныхъ самимъ Богомъ» для воздержанія міра, для пресвѣченія первобытнаго господства въ обществѣ грубой физической силы и водворенія правды Божіей. Оно тѣмъ усерднѣе поддерживало этихъ князей, что они, при преобладающей силѣ, въ то же время представляли большею частью отрасль самую богобоязненную и благоговѣрную въ княжескомъ родѣ, тогда какъ одолюваемые ими менѣе сильные князья нерѣдко глумились надъ крестомъ Господнимъ, называя его ничего незначащимъ, безсильнымъ «маленькимъ крестикомъ», или, по словамъ лѣтописей, «чинъ священническій не почитали, постовъ не хранили, чего ради у народа мало любимы были»¹. Такъ, во время же самаго ожесточеннаго усиленія и разгара родовой борьбы грубой физической силы князей, духовенство прежде всего стало на сторону перваго сильнѣйшаго и наиболѣе богобоязненнаго изъ князей великаго князя Владиміра Мономаха, который, по словамъ лѣтописей, будучи «срѣпоу тѣломъ, силенъ вельми, въ воинствѣ вельми храбръ и хитръ на устроенье воинской силы, въ то же время имѣлъ всегда страхъ Божій въ сердцѣ, со смиреніемъ молагался на силу Божію, плакался передъ Богомъ о насиліяхъ, причиняемыхъ другими князьями»². Митрополитъ ефесскій Исидоръ возложилъ на Мономаха царскій вѣнецъ и назвалъ его «царемъ», Кіевскій митрополитъ, грекъ Никифоръ въ посланіи къ Мономаху называлъ его «доблею главою всей христіанской земли, его же Бога надалека проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освѣти и помазавъ, отъ царской и княжеской крови смѣсивъ»³. И общины, согласно съ духовенствомъ, постепенно научались вѣровать въ божественную санкцію княжеской власти и все болѣе и болѣе склонялись на сторону сильнѣйшихъ и богобоязненнѣйшихъ великихъ князей. Духовенство поучало ихъ: «такъ глаголетъ Господь: князи азъ учиняю, священни бо суть; безъ Божія повелѣнія не бѣ княженія; князь есть небо земное, а душа его престолъ Христовъ; по Соломону, князи боги суть на земли, по Павлу слуги Божіи: Богъ, вмѣсто себя, избралъ васъ, князи, на земли и посади на престолѣ судити судъ правый»⁴. Подъ вліяніемъ такого ученія, общины все съ большаю и большаю страхомъ и благоговѣніемъ начинали смотрѣть на князей, какъ боговъ земныхъ, предназначенныхъ

¹ Татищ. II, 313.

² П. С. Л. I, 130. 131. Татищ. II, 229.

³ Русск. Достопамят. I, стр. 61.

⁴ Пам. IV, 184. Сказан. о вел. кн. Агекс. Невскомъ.

для суда правого и защиты слабого отъ сильнаго, и особенно любили и почитали «благовѣрную отрасль» перваго сильнѣйшаго князя «царской и княжеской крови» — племѣ Владиміра Мономаха, и такимъ образомъ постоянно поддерживали сильнѣйшихъ князей изъ этого племени, величали ихъ своими «царями и господинами». А при этомъ, и прежній страхъ грубой физической силы, постоянно поддерживаемый въ общинахъ княжескими междуусобіями, боярскими насиліями, нашествіями сосѣднихъ народовъ — половцевъ, литвы, татаръ и проч., — этотъ страхъ также естественно возбуждалъ въ общинахъ потребность положить конецъ бѣдственному, невыносимому игу всякой физической силы, и потому невольно побуждалъ ихъ, согласно съ еогра- тическимъ ученіемъ духовенства, покориться защитительной силѣ тѣхъ сильнѣйшихъ князей, которые, подобно Владиміру Моно- маху, были съ одной стороны «богобойны», по выраженію па- стырей церкви, и любили правду Божию, а съ другой — были «велими сильны», обладали большею ратною силою, слѣдова- тельно, въ силахъ были прекратить, наконецъ, грубую, бѣд- ственную междуусобную и международную борьбу физической силы. Киевляне и черныя ялабуи говорили одному князю на вѣщѣ: «князь, сила у Владиміра, князя галицкаго, велика, а у тебя дружины мало: ты тогда намъ князь, когда силенъ бу- дешь, и мы тогда съ тобою, а теперь не твое время, поѣзжай прочь»¹. Постоянно страшась то «свирѣпаго и гордаго нрава» недобрыхъ князей и великой тирости отъ нихъ, то страш- ныхъ, кровопролитныхъ и опустошительныхъ усобицъ сосѣднихъ удѣльныхъ князей и внезапнаго ихъ нападенія на свои города и села, — общины и сами, по словамъ лѣтописца, рады были поддерживать и всегда охотно призывали къ себѣ тѣхъ наибол- ѣе сильныхъ и богобоязненныхъ князей, которыхъ храбрости ради всѣ князья боялись и почитали, которые были наиболѣе «смужественны и сильны въ брани», въ силахъ были поддержи- вать миръ между князьями, полагаясь на силу Божию и живо- творящаго креста, судомъ Божиимъ и преобладающею ратною силою одерживали верхъ надъ особенно неспокойными удѣль- ными князьями — черниговскими, смоленскими и другими, и въ тоже время «любили правду, упражнялись въ совѣтахъ и рас- правѣ земской». Далѣе, страхъ насилія «сильныхъ мужей» — боя- рь и тиуновъ, часто вынуждавшій общины созывать особня «вѣща на боярь», опять невольно заставлялъ ихъ соединяться между собою и выбирать на вѣщахъ того сильнѣйшаго князя,

¹ П. С. Л. II, 52.

который общался, согласно съ богобоязненными внушеніями духовенства, оберегать ихъ отъ обидъ бояръ, мечниковъ, тиунъ и другихъ сильныхъ людей, разбирать дѣла между ними, давать людямъ «княжу правду». Страшась «сильныхъ мужей» — бояръ, общины поневолѣ заглядывались «за сильнѣйшихъ князей и за нихъ только и стояли, а не за бояръ, и то въ томъ только случаѣ, если князья избавляли ихъ отъ «злыхъ бояръ». Горожане говорили князю на вѣчѣ: «вндай злыхъ бояръ, за нихъ мы не будемъ стоять, а за тебя станемъ биться; если же не выдашь ихъ, то отворимъ городскіе ворота, и тогда промшляй о себѣ». Вообще, по внушенію духовенства, въ народѣ распространено было убѣжденіе, что только, «богобойный князь» можетъ охранять его отъ грубой силы и расправы тавихъ сильныхъ мужей, какъ тиуны или волостели, что каще будетъ князь богобойнъ, жалуетъ людей, любить правду то и тиуна или коего волостеля избираетъ мужа богобойна, страха Божія полна, разумна, праведна, по закону Божию все творяща и судъ вѣдуща; буде же князь безъ страха Божія, христіанъ не жалуетъ, сиротъ не милуетъ и вдовицъ не защищаетъ, то и тиуна или волостеля поставляетъ человекъ зла, Бога не боящагоса, суда не разумѣющаго, людей не щадящаго»¹. Вслѣдствіе такого убѣжденія общины естественно склонялись на сторону тавихъ богобоязненныхъ князей, которые, по внушенію страха Божія, обуздывали грубую физическую силу сильныхъ мужей. Такъ Владиміра Мономаха кievская община особенно любила за то, что онъ «сильнымъ не давалъ обидѣть ни худаго смерда, ни убогой вдовицы, и самъ оправливалъ людей отъ неправды сильныхъ». Наконецъ, постоянный, естественный и богобоязненно-христіанскій страхъ нашествія «злѣбныхъ и поганыхъ языковъ» — половцовъ, татаръ и проч. также побуждалъ общины покоряться тѣмъ сильнѣйшимъ и богобоязненнѣйшимъ князьямъ, которые обладали наибольшою физическою и нравственною силою, для того, чтобы оберегать «православное христіанство, христоименное людство Господне» отъ постоянныхъ набѣговъ некрещенныхъ «поганыхъ» половцевъ, татаръ, литвы, нѣмцевъ и проч. и, наконецъ, совершенно освободить общины отъ вѣковаго, тяжкаго ига «бусурманскаго». Кіевляне часто изъ-за одного страха половцевъ призывали князя: «ступай въ Кіевъ, говорили они ему, — чтобы насъ не взяли половцы: ты намъ князь, прійзжай». Вообще, изъ-за одного страха хищныхъ ордъ, общины однихъ князей изгоняли, какъ

¹ Нам. IV, 185.

напримѣръ Кіевляне Ізяслава I, недававшего оружія и не хотѣвшаго идти на половцевъ, а другихъ сами выбирали, любили и прославляли, какъ защитниковъ ихъ отъ поганыхъ и злобныхъ племенъ, какъ напримѣръ, Владиміра Мономаха, Андрея Боголюбскаго, Всеволода III, Мстислава Храбраго, Александра Невскаго, Дмитрія Донскаго и другихъ, которые были грозою для половцевъ, литвы, нѣмцевъ и татаръ и предпринимали противъ нихъ, какъ противъ злобныхъ, зловѣрныхъ и поганыхъ враговъ вѣста Христова, крестовые походы со всѣми церковными регаліями и обрядами, съ цѣлію избавить православное христіанство отъ хищныхъ набѣговъ враговъ вѣста Христова. Даже наиболѣе самостоятельныя, вѣчевыя общины, не въ силахъ будучи сами собою оборониться отъ страшныхъ сосѣднихъ народовъ, поневолѣ покорялись сильнѣйшему изъ князей— великому князю Московскому: «обижены мы,—говорили напримѣръ псковичи князю московскому,—обижены мы отъ поганыхъ нѣмцевъ, водою, землею и головами, церкви Божіи пожжены погаными»,—и били челомъ, чтобъ великій князь «жаловалъ и печаловался своею вотчиною, мужами псковичами, добровольными людьми и оборонялъ бы ихъ отъ поганыхъ нѣмцевъ». Къ концу татарскаго ига, когда всѣ стали ожидать, что Богъ, «перемѣнитъ орду», избавитъ православный народъ отъ ига «безбожныхъ бесерменъ»,—всѣ надѣялись на однихъ сильнѣйшихъ князей— московскихъ самодержцевъ— потомковъ богобоязненнѣйшей, и благовѣрной отрасли Мономаха, желая лучше быть въ подданствѣ одного «благовѣрнаго великаго князя русскаго», чѣмъ въ подданствѣ хана безбожнаго, бесерменскаго. И всѣ только отъ сильнѣйшаго тогдашняго князя и царя московскаго и ожидали такого великаго «общаго добра для всего православнаго Христіанства», какъ избавленіе отъ ига татарскаго. Пастыри церкви сильно убѣждали послѣднихъ удѣльныхъ князей—покориться сильнѣйшему московскому великому князю, самодержцу всея Русіи, и съ покорностью идти вмѣстѣ съ нимъ съ ратною силою противъ татаръ, «ибо, если великій князь московскій,—висалъ московскій митрополитъ,—получить верхъ надъ безбожными татарами, это будетъ общее добро для всего нашего православнаго христіанства». И вотъ вслѣдствіе такого-то постояннаго, опаснаго и тревожнаго положенія общинъ между двухъ огней—съ одной стороны, между первобытнымъ насиліемъ сильныхъ мужей— бояръ и неспокойныхъ, задорныхъ и свирѣпыхъ удѣльныхъ князей, а съ другой— между первобытными хищническими набѣгами поганыхъ злобныхъ сосѣднихъ народовъ, и вслѣдствіе возбужденнаго

богобоязненнымъ чувствомъ и внушеніемъ духовенства всеобщаго энергическаго стремленія къ прекращенію въ обществѣ первобытнаго господства грубой физической силы и грубыхъ эгоистическихъ наклонностей,—вотъ вслѣдствіе всего этого и въ общинахъ неизбежно развилось постепенное предрасположеніе покориться, въ концѣ концовъ, одному тому сильнѣйшему великому князю, который окажется наиболѣе сильнымъ въ искорененіи первобытнаго господства грубой физической силы и, въ частности, въ охраненіи и защитѣ общинъ отъ насилія бояръ и другихъ сильныхъ людей и отъ набѣговъ враждебныхъ и «зловѣрныхъ» народовъ—татаръ, литвы, нѣмцевъ и шведовъ. И вотъ, наконецъ, общины невольно, неизбежно покорились московскимъ великимъ князьямъ, оказавшимся, въ концѣ концовъ, сильнѣйшими самодержцами русской земли. И когда эти сильнѣйшіе великіе князья изъ благовѣрной отрасли мономаховой, утвердившись на сѣверѣ русской земли, въ московскомъ княжествѣ, при помощи не только духовенства, но и «ханскаго, царскаго пожалованія», окончательно одержали верхъ надъ всѣми слабѣйшими удѣльными князьями и надъ самыми непокорными общинами—новгородскою и псковскою, заставивъ ихъ держаться передъ собою «честно и грозно» по примѣру хановъ, царей ордынскихъ, распространили «свой улусъ», по образцу ханскому, стали называться «царями», «господарями» или «великими государями земскими, самодержцами всея Русси»¹, — тогда и духовенство окончательно и торжественно запечатлѣло, утвердило ихъ царственное единодержавіе страхомъ Божиимъ. Въ грозномъ посланіи къ Шемякѣ оно возвѣстило догматъ о богоустановленности царской власти, царственнаго единодержавія, и за противленіе московскому самодержцу угрожало отлученіемъ отъ Бога, отъ церкви Божіей, отъ православно-христіанской вѣры, и вѣчнымъ проклятіемъ. Точно также, и всему «христо-именитому людству», всѣмъ общинамъ московскій митрополитъ Іона грозно предписывалъ «бить челомъ и покориться единому сильнѣйшему великому князю—московскому царю и самодержцу всея Русси, великому земскому государю. «Пишу къ вамъ, писалъ онъ къ общинамъ, — пощадите себя, посылайте бить челомъ къ своему господарю великому князю о жалованіи, какъ ему Богъ положить на сердце. Если же не станете бить челомъ своему господарю, и прольется отъ того кровь христіанская, то вся эта кровь взмучится отъ Бога на васъ, за ваше окаменѣніе и неразуміе: будете лишены милости Божіей, своего хри-

¹ Собран. госуд. Грам. и договор. 1, № 52. А. И. 1, № 57, № 60 и 65.

стіанства, благословенія и молитвы нашего смиренія, да и благословенія всего великаго священства божія не будетъ на васъ, въ землѣ вашей никто не будетъ больше именоваться христіаниномъ, ни одинъ священникъ не будетъ священствовать, не всѣ Божія церкви затворятся отъ нашего смиренія ¹. И вотъ, съ тѣхъ поръ, въ народѣ укоренено было убѣжденіе, что «Богъ поставилъ царей, равно какъ и прочія власти, для воздержанія міра», для обузданія грубой физической силы въ обществѣ: «Занеже,—били челомъ царю обидимые сильными,—господине князь великій, намъ, твоимъ нищимъ, нечѣмъ оборонитися противу обидящихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и пречистю Богородицею и твоимъ, господине, жалованіемъ нашего господина и господара» ². Всему народу внушено было, что «ради страха Божія должно бояться и царя, какъ бога земнаго», что «Богъ сотворилъ благовѣрныхъ царей и великихъ князей для воздержанія міра, для печалованія объ общемъ народѣ и сохраненія его отъ руки сильныхъ и обидящихъ» ³. Вслѣдствіе такого убѣжденія, съ XVI в. и до конца XVII столѣтія всѣ отношенія общинъ къ царю состояли или выражались главнѣйшимъ образомъ въ челобитныхъ объ искорененіи первобытнаго господства грубой физической силы и грубыхъ эгоистически-безчеловѣчныхъ наклонностей. Во первыхъ, били челомъ общины объ искорененіи первобытнаго господства грубой физической силы—хищнической и разбойнической, о предоставленіи имъ права преслѣдовать, казнить, искоренять татей, разбойниковъ и всякихъ лихихъ людей ⁴. Во вторыхъ безпрерывно били челомъ сельскія и посадскія общины объ искорененіи первобытнаго господства эгоистической приобрѣтательной, хищнически поработительной гегемоніи «сильныхъ имѣніемъ надъ маломочными», требуя общинныхъ окладовъ земскихъ людей «въ Божию правду, по евангельской заповѣди» ⁵. Въ третьихъ, били челомъ общины о пресѣченіи первобытнаго господства животно-эгоистической, семейной родовой гегемоніи «небогобоязливыхъ» сильнѣйшихъ родовъ, стремившихся съ своимъ родомъ и племенемъ и семьями въ тяглѣ быть въ великой льготѣ, отъ чего «богобоязливымъ и страшливымъ» середнимъ и молодымъ людямъ передъ ними было тяжело, не въ мочь однимъ несть на себѣ все тягло» ⁶. Наконецъ, били че-

¹ Д. И. 1, № 43.

² А. И. 1, № 32.

³ Инокъ Вассіана.

⁴ А. А. Э. 1, №№ 192. 194. 330 и ст.

⁵ А. А. Э. 1, № 269.

⁶ А. А. Э. IV, № 6, III, № 105. Ден. IV, № 92.

ломъ общины и противъ первобытнаго господства безчеловѣчной «порчи людей», били челомъ посадскіе и крестьяне, что «у нихъ нѣкоторые лихіе люди отъ Христа Бога и отъ животворящаго сего креста отрекались, а вѣрують діаволу, православной христіанской вѣры чужи, вѣрують сатанѣ и діавольскими словами творять «порчу на людей» и нѣкоторыхъ испорчивали до смерти». Вообще, били челомъ общины объ искорененіи первобытнаго господства въ обществѣ грубой физической силы и закона сильнѣйшаго ееократической силой и закономъ единодержавной власти. И вотъ такимъ образомъ, вмѣсто первобытнаго экстенсивнаго проявленія и господства физической, мускульной силы сильнѣйшихъ и физиолого-генеологической, родовой гегемоніи старѣйшихъ родоначальниковъ, развилась и укоренилась интензивная, централизованная гегемонія нравственной силы единодержавной-государственной власти, возвысилась и укрѣпилась ееократическая держава «крѣпкой руки и высокой десницы» московскихъ самодержцевъ, «для воздержанія всего міра», для обузданія первобытнаго господства грубой физической силы и животно-эгоистическихъ наклонностей. И, вмѣсто первобытнаго закона сильнѣйшаго, кулачнаго права, послѣ первой «русской правды», появились «справы грамоты», «суставныя грамоты», царскіе судебники и государственное Уложеніе. Наконецъ, съ прекращеніемъ междуусобной борьбы грубой, эгоистически-родовой физической силы и съ сосредоточеніемъ всѣхъ разрозненныхъ особно-областныхъ силъ въ единодержавной десницѣ московскихъ самодержцевъ, — страхомъ Божиимъ и богобоязненно-ееократическими убѣжденіями санкціонированъ былъ и весь централизованный государственный строй, направленный къ пресѣченію первобытнаго господства грубой физической силы и животно-эгоистическихъ стремленій. Теорія самодержавной, монархической, царской власти въ окружныхъ посланіяхъ церковныхъ іерарховъ, въ объясненіяхъ самого царя Ивана Васильевича Грознаго въ полемикахъ съ Курбскимъ, въ разсужденіяхъ Юрія Крыжанича о московскомъ государствѣ, въ положеніяхъ московскаго церковнаго собора 1667 года и, наконецъ, въ «Правдѣ воли монаршей», основывалась на моноэтической идеи страха Божія, и страхъ царя, страхъ царской опалы выводился изъ страха гнѣва Божія. Установленіе Приказовъ и воеводствъ для областнаго управленія также мотивировалось, въ основныхъ убѣжденіяхъ, богобоязненно-ееократическими идеями. Въ XVI вѣкѣ инокъ Вассіанъ Косой писалъ: «Богъ сотворилъ не самовластна челоуѣка, а уставилъ царей и князей и прочія власти, давъ имъ, мірскимъ властямъ,

волости съ христіяны. Гдѣ не будетъ власти царскихъ воеводъ, тамъ и Божіей милости нѣтъ. Всѣмъ владѣти уставлено и обо всемъ въ мірѣ и вездѣ заповѣдати повелѣно царскимъ и княжескимъ властямъ»¹.

Вмѣстѣ съ развитіемъ ееократическаго государственнаго строя и всеобщаго страха единодержавной царской власти,—и первобытныя общины, древнія «верви» или «міры», подъ вліяніемъ христіанскаго страха Божія, мало по малу преобразовывались въ «міры православныя», въ «христоименитныя господни людства», въ «земли св. Софіи или св. Спаса», въ церковныя приходы. Какъ въ первобытныя времена, главнымъ стимуломъ къ ихъ внутреннему самоустройству былъ фетишическій страхъ таинственныхъ силъ природы и страхъ грубой физической силы сильнѣйшихъ,—такъ теперь главнѣйшей нравственной силой ихъ внутренняго самоустройства сталъ христіанскій страхъ Божій. Такъ, напримѣръ, въ «словѣ о недѣлѣ» такіа грозныя заповѣди возвѣщались общинамъ: «Такъ глаголетъ Господь Богъ: послушайте, люди мои, моего наказанія, и разумѣйте сіе писаніе словесъ моихъ: уже вамъ, океаннымъ, по многія лѣта и времена знаменія отъ меня много бываетъ, уже страшный судъ готовится. И вы, безумные люди, поживите въ совѣтѣ и въ любви, и воскресеніе Христова чтите, а также среду и пятокъ. Если же кто въ воскресеніе Христова труды полагаетъ, хочеть себѣ прибили, тотъ человекъ погубить у себя всѣ шесть дней въ недѣлѣ, ибо воскресеніе Христова, среду и пятокъ Богъ далъ и людямъ и скотамъ, и рабамъ и рабынямъ на покой. Если же, океанныя, безумные люди, словъ писанія моего не послушаете, не станете чтить воскресенія Христова, среды и пятка и праздниковъ господскихъ, и не станете въ церкви Божіи приходить и въ посты поститься, то я напушу на васъ много народовъ невѣрныхъ, и пролію кровь вашу, еще пушу на васъ голода большіе и морозы студеныя, трусь и огонь палацій, и моръ на людей и на скотовъ, и еще, безумные люди, пушу на васъ жажду и не дамъ воды на землѣ, изсушу рѣки и источники водныя. Если же вы, безумные люди, вида такой гнѣвъ мой, не воспомятесъ, то я не пушу дожда на землю и теплоты солнечной во время плодовъ земныхъ, отверзу всѣ седьмъ небесъ и пушу на васъ каменіе горящее и воду кипящую за ваши беззаконія. Какъ хотите отъ руки моея укрытсѣ или убѣжать отъ всевидающаго ока моего! И еще пушу на васъ звѣрей ядовитыхъ, и змѣй крылатыхъ, и тотчасъ поѣдятъ

¹ Ивожа Вассіана, о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами.

сердца и плоти ваши. А если видя, каковъ гнѣвъ мой, опять не воспоаяетесь, и еще пущу на васъ звѣрей двуглавыхъ, главы у нихъ львовы, а крылья орловы; и еще пущу на васъ тьму великую» и т. д. ¹. И вотъ, устрашаемые такими угрозами гнѣва Божія, со страхомъ Божиимъ сходились общины на мірскіе сходы, и сами собою устанавливали такія, напримѣръ, церковно-обрядовныя, «мірскія уложенія»: «се азъ староста тавренской волости Антонъ Ивановъ сынъ, да Василей Юрьевъ сынъ кузнецъ... и всѣ крестьяне тавренской волости ильинскаго приходу, обговорились сами промежъ собою, по благословенію отца своего духовнаго ильинскаго священника Ефрема Иванова сына, и учинили заповѣдь на три года, отъ рождества Николи чудотворца августа въ 23 день до того же 23 августа, что намъ въ праздникъ воскресенія Христова дѣла не дѣлати никакого, ни паснаго, ни силоваго, ни бѣлки не лѣсовати... а въ пятницу ни толчи, ни молотити, ни каменія не жечь, проводить съ чистотою и любовію, ни женамъ въ воскресеніе Христово ни шити, ни брати. И кто въ нашей тавренской волости сію заповѣдь порушитъ, станетъ въ воскресеніе Христово дѣло дѣлати, ваково ни есть, и доведутъ его людьми добрыми,— и на томъ заповѣди доставити соцкому, по мірскому уложенію, восемь алтынъ денегъ на церковное строеніе, а двѣ деньги соцкому, кой станетъ править» ². Такимъ образомъ, въ христіански-возрожденныхъ общинахъ, мускульная сила и дѣятельность, прежде съ необузданною, неудержимо-рефлективною стремительностью проявлявшаяся въ непрестанныхъ воинственно-битвенныхъ богатирскихъ подвигахъ, въ хищной звѣроловческой охотѣ, въ разбойническомъ и хищническомъ разгулѣ, въ ненасытимо-жадномъ, эгоистически-пріобрѣтательномъ «сманьи и собираньи имущества», — теперь впервые страхомъ Божиимъ регулировалась, сдерживалась, подчинялась правиламъ—богобоязненнымъ, церковно-обрядовнымъ «мірскимъ уложеніямъ». Подобныя, богобоязненно-церковно-обрядовныя «мірскія уложенія» устанавливали у себя, по внушенію страха Божія, и городскія; посадскія общины на своихъ мірскихъ сходахъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ устрашали какія-нибудь «казни Божіи», напримѣръ моровое повѣтріе, голодъ и т. п. ³.

Далѣе, вмѣсто первобытнаго, антропофагически-человѣкобояз-

¹ Пам. III, стр. 150—151.

² Акты юрид. № 358.

³ См. подобное мірское уложеніе, постановленное, по случаю мороваго повѣтрія, всѣмъ міромъ, по приговору всѣхъ посадскихъ людей въ городѣ Вологдѣ въ 1655 г. «Православн. собесѣдн.» 1856 г. іюнь, стр. 305—307.

неннаго страха общества, порождавшагося всеобщю боязнью грубой физической силы сильнѣйшихъ и физической «порчи людей» зелейничествомъ и т. п., — христіанское чувство страха Божія, на основаніи богобоязненно-аскетическаго взгляда на чело­вѣческую природу, внушало нравственно-человѣкобоязненный или богобоязненно-аскетическій страхъ «міра», порождаемый боязнью и отрицаніемъ первобытнаго господства грубыхъ, жи­вотно-эгоистическихъ чувствъ, страстей и наклонностей, какъ дьявольскихъ внушеній и прелестей. «Окаянень міръ сей, — во­піяль древній русскій аскетъ, — какъ море, невѣренъ, матеженъ, пропастью пакостей нечистыхъ духовъ, какъ вѣтрами, волнуется губительно, горекъ лжами, трясется и пѣнится навѣтами дьявольскими, вѣяньемъ грѣховъ свирѣпствуетъ и смущается, тщится погрузить міролюбцевъ, всюду плоти и пагубы свои простираетъ»¹. Все зло общественное, какое обуславливалось первобытнымъ господствомъ грубыхъ животно-эгоистическихъ наклонностей и страстей, и какое приписывалось прежде влія­нію таинственныхъ злоредныхъ силъ природы внѣшней и че­ловѣческой, теперь приписывалось внушенію дьявольскому. Вме­сто первобытнаго страха грубой физической силы сильныхъ му­жей — татей и разбойниковъ, лихихъ зелейниковъ, пертившихъ людей и т. п., — теперь все болѣе и болѣе усиливался страхъ нравственно-зловредной силы, нравственно-зловреднаго вліянія грѣшниковъ, еретиковъ, шепотниковъ, клеветниковъ, лжецовъ и всякихъ злокозненныхъ людей. И, вмѣсто первобытнаго про­тиводѣйствія силъ силой, порчѣ — порчей, вмѣсто волшебныхъ заговоровъ отъ всякихъ лихихъ людей, теперь признавались лучшими средствами противодѣйствія всякимъ зловреднымъ лю­дямъ страхъ Божій, смиренномудріе и смиреніе, постоянное богобоязненное бодрствование надъ собой и молитва. «Братіе, — поучали церковные моралисты, — да имѣемъ въ себѣ всегда страхъ Божій и страхъ суда Божія страшнаго: ибо многи сѣти бѣсовскія всюду простерты, и отовсюду уготованы уловленія дьявольскія на всѣхъ людей, на всякъ часъ, днемъ и ночью. Много намъ предстоить страха и боязни въ настоящемъ семъ житіи отъ сѣтей дьявольскихъ, отъ злыхъ людей, отъ шепот­никовъ, клеветниковъ, лжецовъ, еретиковъ, скомороховъ и вся­кихъ злокозненныхъ людей. И такъ, намъ потребно вниманіе и трезвеніе всегдашнее. Тѣмъ же, внимайте и трезвитесь, пре­бывайте въ смиренномудріи о Христѣ и молитесь, дабы прежде

¹ Житіе преподоб. Трифона Печенгскаго, по рукописи соловецкой бібліо­теки.

всего избавиться отъ сѣтей діавольскихъ: молитва есть лучшее оружіе на діавола и на всѣ козни его»¹. Вслѣдствіе такихъ представленій, вмѣсто первобытнаго необузданнаго, неупорядоченнаго-рефлективнаго проявленія въ дѣйствіяхъ всѣхъ грубыхъ живоотно-эгоистическихъ страстей и похотей, и особенно потребности пищи и полового чувства, — теперь, подъ вліяніемъ богобоязненно-аскетическаго страха и отрицанія плоти, плотскихъ страстей и похотей, какъ источниковъ грѣха, впервые стала развиваться и воспитываться нервно-мозговая способность задерживанія страстныхъ рефлексовъ, способность умственнаго и нравственнаго самообладанія и самовоздержанія въ удовлетвореніи плотской потребности пищи, полового чувства и т. п. Такимъ образомъ, послѣ первобытнаго всеобщаго, неупорядоченно-рефлективнаго увлеченія живоотно-чувственными пирами въ честь «бога чрева» и оргіями въ честь «богини-дѣвы», — возникло аскетическое стремленіе къ умерщвленію плоти, къ «чистотѣ цѣломудренной, дѣвственной жизни», къ воздержанію въ пищѣ и въ питъѣ, къ сдержкѣ всѣхъ тѣлесныхъ страстныхъ рефлексовъ постами и молитвой и, вообще, къ отреченію отъ міра, отъ общества, стремленіе къ пустынножительству, иночеству, монашеству. Вмѣсто богатыря физической силы первобытныхъ временъ, выступалъ богатырь силы нравственной, пустынножитель, отшельникъ отъ міра, подвижникъ-аскетъ, подобный чудотворцамъ Θεодосію Печерскому, Сергію Радонежскому, Кириллу Бѣлозерскому, Димитрію Вологодскому, Антонію Сійскому, Макарію Унженскому, Пафнутію Боровскому, Іосифу Волоколамскому, Зосимѣ и Савватию Соловецкимъ, Трифону Печенгскому, Ниводіаму Кожезерскому и множеству другихъ. Общимъ слѣдствіемъ такого богобоязненно-аскетическаго умонастроенія и стремленія было то, что монашество, въ лицѣ іерарховъ и игуменовъ, стояло во главѣ не только еоократическаго государственнаго строя, умственнаго движенія и нравственнаго воспитанія допетровскаго общества, но и во главѣ колонизаціоннаго земскаго устроенья, и монастырь былъ не только «спасеннымъ путемъ», тихимъ пристанищемъ отъ бури и хаоса первобытной борьбы грубой физической силы и живоотно-эгоистическихъ страстей, не только разсадникомъ церковной іерархіи, всеобщимъ училищемъ народа, средоточіемъ допетровской, всецѣло церковной и по преимуществу иноческой литературы, и даже крѣпостью или твердыней московскаго государства, житницей бѣднаго народа, но и разсадникомъ колонизаціи. Монастырская и

¹ Пам. IV, 144—149, 204.

владычня колонизація по ту и по другую сторону сѣверныхъ уваловъ, какъ въ области сѣверо-поморской, ильменско-двинской, новгородской рѣчной системы, такъ и въ предѣлахъ волжско-камской системы, въ области ростовско-суздальской и московской, преобладала надъ колонизаціей боярской и даже великокняжеской, такъ что каждая географическая область, какъ колонизаціонная первооснова отшельниковъ, подвижниковъ, чтла своего мѣстнаго святаго, своего мѣстнаго подвижника-отшельника, какъ осново-положителя ея первоначальнаго колонизаціоннаго земскаго устроенья ¹. Наконецъ, монашество представляло господствующій интеллектуальный классъ общества, такъ что простолюдины, рабочіе люди говорили: «книги чести есть чернецкое, а не наше дѣло» ².

Съ другой стороны, при остаткахъ первобытнаго антропофобическаго воззрѣнія на человѣческую природу, въ темной массѣ народа по прежнему сохранялся еще первобытный человѣкобоязненный страхъ людей, страхъ общества, но только уже въ видоизмѣненномъ выраженіи. Именно, первобытный грубый, антропофагически-человѣкобоязненный страхъ общества превращался въ нравственный, богобоязненно-предохранительный страхъ «міра православнаго». вмѣсто первобытныхъ волшебныхъ заговоровъ отъ зловредныхъ людей общества, народъ сталъ ограждать себя отъ нихъ богобоязненно-предохранительной молитвой и упованіемъ на защиту или покровъ силы небесной. Теперь маломочный смердь охранялся, на примѣръ, такою молитвою: «Господи благослови! Отче, Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго! Научи насъ дѣлать добрыхъ творити. Помилуй насъ, Боже! Какъ сталъ свѣтъ и заря, и солнце, и луна, и звѣзды, какъ взошло красное солнце на ясное небо и освѣтило всѣ звѣзды и всю русскую землю, и священныя церкви, и митрополитовъ, и владыкъ, и игуменовъ, и священниковъ, и весь міръ и всѣхъ христіанъ. Святый государь Спасъ и святый государь архистратигъ Михаилъ! Помилуй, Господи, мя грѣшнаго: освѣти, Господи, меня князьямъ, и боярамъ, и властямъ, и тиунамъ и недѣльщикамъ, и ихъ дворянамъ, и гостямъ, и мужамъ, и женамъ, и всему православному христіанству, что нареклось на семъ свѣтѣ, и на всякъ часъ, и на всяко время, и на всякое сердце, и на всякія очи моему сердцу, отъ всякаго зла и отъ злыхъ очей, закрой,

¹ См. статью: «Великорусскія области» въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1861 г.

² «О книжномъ почитаніи» въ древней Руси. «Правосл. Собесѣд.» 1858 г. июль, стр. 175—176.

Государь Михаилъ архангелъ, своею ризою нетлѣнною раба Божія. А входитъ во дворъ впередъ лѣвою ногою въ порогъ, а какъ отворятъ ворота, то опереться въ правую вереву воротъ правымъ плечемъ, и молвить всю сію молитву, перекреститься и молвить: святыи Спасъ и святыи архистратигъ Михаилъ! Закрой, Господи, отъ лиха челоуѣка и супостата на всякъ часъ и на всяко время, сохрани Господи отъ всякаго злодѣйскаго супостата и отъ лихаго челоуѣка, семдесятъ-семь именъ, отъ всего міру православнаго христіанскаго, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь!»¹

Наконецъ, въ силу богобоязненной вѣры въ непреложность предопредѣлений и уставовъ судьбы Божіихъ, весь истаринный, историко-традиціонный строй общества, утвержденный и санкціонированный богобоязненно-аскетическими, условно-обрядовыми и церковно-каноническими уставами, признанъ былъ во вѣки неизмѣннымъ, богоустановленнымъ учрежденіемъ. «Города и веси,—училъ, напримѣръ, инокъ Зиновій Отенскій,—ни чѣмъ не отличаются отъ монастырей относительно исполненія заповѣдей Господнихъ. И которая страна имѣеть свой обычай по особому ея строенія чину, солнечнаго ради обхожденія и воздушнаго пошествія. Посему, никакъ не возможно всѣ страны ввести въ одинъ обычай единаго гражданства. Василиій Великій говоритъ: что одежда и пища постащихся должна быть по обычаю каждой страны. Такъ и во всемъ разныя страны не одинакое устроеніе отъ Бога имѣють»². На основаніи такого ученія, древніе учителя народа, со временъ устройства московскаго государства и до конца XVII вѣка, постоянно повторяли, со словъ стоглаваго собора, и напоминали народу, какъ догматы, что истаринные, первобытные обычай и уставы страны должны быть священны, неизмѣнны и нерушимы: «въ коеждо странѣ,—учили они,—свой обычай, и не приходитъ чужой законъ въ другую страну, но каждая своего обычая законъ держитъ»³. Въ «книгахъ Еноха Праведнаго», сообщавшихъ божественный завѣтъ общественнаго строя и распредѣленія, народныя грамотники читали такой строгій зарокъ: «Проклятыя укоряяи твари Господни и глядаяи расказати уставы и предѣлы отецъ своихъ. Все сіе въ мѣрилѣ и въ книгахъ изобличитса въ день суда великаго. Никто же не можетъ расказати рукописанія Господни. Да наслѣдуете ставило свѣта во вѣки, и бу-

¹ Буслаява II, 44—45. «Знахарство на Руси»: Чтен. общ. истор. 1867 г. кн. 4, стр. 160, 162.

² «Истинны показаніе»—кн. Зиновія. Рук. Солов. библ.

³ Окружн. посланіе патріарха Іосифа. По рукописи В. Н. Григоровича.

деть вамъ въ достояніе покоя»¹. Протопопъ Аввакумъ въ короткихъ словахъ выразилъ всеобщее вѣрованіе допетровскаго общества въ неизмѣнность историко-традиціоннаго строя общественнаго: «не должно прелгать предѣлъ вѣчныхъ,—говорилъ онъ: «до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ»². Попъ Лазарь также взывалъ къ самому царю Алексѣю Михайловичу въ своемъ посланіи «о изгубленіи правовѣрныхъ государей власти»: «Царю благородный! Како хочеши вново устроить государство мудрыми философиами, разсуждающими лица небесе и земли. Ни, ни! Ветхій законъ стѣнь благодати есть: егда въ законѣхъ отеческихъ неотступно пребываху, того ради вся благая отъ Бога приимаху; а егда въ законахъ отеческихъ блудствоваху, того ради вся злая бываху имъ. Подобаеть ти, царю благовѣрный, заповѣдати благовѣрнымъ чадамъ своимъ, да пребываютъ въ законахъ отеческихъ неотступно»³. Изъ такихъ убѣжденій естественно происходила старообрядческая боязнь всякихъ общественныхъ нововведеній и преобразованій, какъ «новшества антихристіанскихъ».

Съ другой стороны, если допетровскіе умы и осмѣливались вводить какія-либо «новшества», то и самая идея этихъ новшества, идея церковной и гражданской реформы происходила первоначально также изъ побужденій чувства страха Божія и напередъ санкціонирована была богобоязненно-церковными исправленіями. Наибольше просвѣщенное, разумно-сознательное чувство страха Божія, вполнѣ отрѣшившееся отъ фетишическаго поклоненія великимъ внѣшнимъ предметамъ, прежде всего возбуждало идею богобоязненно-духовной, церковной реформы, и церковными нововведеніями санкціонировало идею государственныхъ и гражданскихъ нововведеній. Страхъ Божій внушалъ благочестивую потребность благолѣпнаго устройства храмовъ Божіихъ,—и такимъ образомъ, усвоеніе западныхъ искусствъ началось прежде въ сферѣ церковной архитектуры, такъ сказать, съ благословенія пастырей церкви, санкціонировано было, со времени призванія болонскаго художника Аристотеля Фиоравенти, построениемъ, по западнымъ архитектурнымъ образцамъ, великолѣпныхъ храмовъ Божіихъ, а потомъ и примѣромъ самихъ святителей церкви, строившихъ у себя, по западнымъ образцамъ, «палаты пречюдныя», заводившихъ «часы самозвонныя и преухищренныя» и т. п. Далѣе, страхъ Божій требовалъ

¹ Там. III, 16.

² Житіе протопопа Аввакума. Въ лѣтоп. русск. литер. и днѣвн.

³ Русск. расколъ старообряд. Казань, 1859 г. стр. 94.

искорененія, господствовавшего въ темной массѣ народа грубаго, такъ сказать, фетишическаго поклоненія церковнымъ предметамъ—трехперстному или осьмиконечному кресту, просфорамъ, богоявленской водѣ и неосвященному «хлѣбу», требовалъ искорененія всѣхъ остатковъ первобытныхъ фетишическихъ суевѣрій, образцовъ, предрасудковъ, пѣсней, игръ, и всѣхъ погрѣшностей, вправшихся въ церковныя книги и обряды. И вотъ, церковная реформа патріарха Никона предшествовала государственно-гражданской реформѣ Петра Великаго, богобоязненно-церковной санціей предуготовляла умы къ ней, и грамоты царенія и патріаршія объ искорененіи остатковъ языческихъ суевѣрій предшествовали введенію европейскихъ знаній, наукъ, просвѣщенія, предуготовляли умы къ рациональной критикѣ науки. Затѣмъ, страхъ Божій, отвлекши умы отъ фетишической боязни въ тѣлѣ человѣческомъ «чоха, окомига, уховзона, бога чрева, «трясца» и т. п., прежде всего въ самихъ, наиболѣе мыслящихъ учителяхъ церковныхъ сталъ возбуждать безбоязненную потребность смѣлаго познанія тѣла человѣческаго и леченія болѣзней. И вотъ, въ 1650 г. ученый инокъ Епифаній Славеницкій перевелъ, по повелѣнію, напимѣръ, Никона, «книгу врачейскую анатомію Андрея Вессалія Брукселенска», и самъ Никонъ сталъ заниматься западной «врачешкой наукой». Другой ученый инокъ, проникнутый глубокимъ чувствомъ страха Божія и строгій ревнитель православія, именно Максимъ грекъ первый, еще въ XVI вѣкѣ, указывалъ дѣтямъ русскихъ бояръ путь «въ науку за море». «Тамъ Паризія,—возвѣщаль онъ русскимъ въ XVI вѣкѣ,—Паризія — городъ нарочитый и многочиселѣнный въ Галліи, которая нынѣ зовется Франза — держава великая и преславная, богатыяся безчисленными благами, изъ коихъ первое и высшее благоученіе богословское и философское, даромъ преподаваемое рачителямъ его, всѣмъ вмѣстѣ. Тамъ найдешь всякое художество, не только философію, но и всякія виѣшнія науки, и всякія ученія тамъ руководятъ рачителей до совершеннаго достиженія, а рачителей этихъ тамъ множество многочисленное. Туда отовсюду стекаются, изъ западныхъ и сѣверныхъ странъ собираются въ великомъ городѣ Паризіи всѣ желающіе словесныхъ художествъ, не только дѣти простѣйшихъ людей, но и дѣти самихъ царей, королей, и дѣти боярскаго и княжескаго сана: у однихъ сыновья, у другихъ — братья, у иныхъ внучата и другіе сродники—всѣ текутъ туда, проводятъ довольно времени, упражняясь въ ученіяхъ, и возвращаются въ свои страны просвѣщенными, преисполненными всякой премудрости и разума, и являются украшеніемъ своего

отечества. Туда надобно стремиться, тамъ надобно заимствовать свѣтъ просвѣщенія и нашимъ боярамъ и ихъ сыновьямъ»¹. И вотъ, по такому предварительному указанію и побужденію богобоязненно-просвѣщенныхъ церковныхъ учителей, — смѣло потекли русскіе юноши на Западъ, и тамъ, на первыхъ порахъ, на всѣ чудеса природы, искусства и цивилизаціи смотрѣли съ богобоязненной точки зрѣнія, какъ на «созанія Божіа». О молодыхъ людяхъ, подобно сыну знаменитаго Ордина-Нащокина, начинавшихъ уже рваться и убѣгать на Западъ, царь Алексѣй Михайловичъ съ утѣшеніемъ говорилъ отцамъ: «Человѣкъ молодой, созанія владычнн и творенія руки его хочеть видѣть тамъ, въ европейскихъ странахъ»².

Наконецъ, не распространяясь о томъ, до какой степени проникнуты были богобоязненными чувствами и воззрѣніями и всѣ антрополого-этнографическія народныя понятія и самыя международныя и дипломатическія отношенія, — скажемъ только, въ заключеніе, что и самое географическое сближеніе московскаго государства съ западомъ первоначально мотивировалось или проникалось также богобоязненными чувствами и представленіями. Завоеваніе городовъ, служившихъ преддверіемъ къ западу, по чувству страха Божіа, приписывалось волѣ Божіей и пресвятой Богородицѣ. Такъ напримѣръ, посламъ, отправленнымъ въ Польшу, царь Алексѣй Михайловичъ давалъ такой совѣтъ: «смылость Божія да умножится съ вами, великими послами, и молитва пресвятыя Богородицы да поможетъ вамъ во всякомъ усердіи вашемъ: да послужитъ бы вамъ святой восточной церкви и намъ, государю, и приложить бы къ промыслу промыслъ, стоять бы за Полоцкъ крѣпко образа ради Пресвятыя Богородицы владимірскія, и чудесь, содѣянныхъ отъ него въ видѣніи орли во время пришествія того образа во градъ Полоцкъ, удержать бы Полоцкъ. Если не возможно удержать Полоцка и Динабурга, буди воля Божія и пресвятыя Богородицы, сдѣлается это по волѣ Божіей, а не отъ васъ»³. Точно также съ богобоязненными чувствами внушаль царь Алексѣй Михайловичъ Ордину-Нащокину промышлять и выговаривать шведовъ корабельной пристани на рѣкѣ Невѣ, «какъ его Богъ наставитъ». Заключался союзъ съ западными государствами, благопріятный для сближенія русскаго народа съ западными націями, — царь говорилъ о статьяхъ договора: «статьи угодны

¹ Максимъ грекъ, по рукоп. Солов. Библиот. № 495, л. 551.

² Изъ письма къ Ордину-Нащокину.

³ Соловьева, исторія Россіи т. XI, стр. 228—229.

Богу на небесахъ и отъ созданія руку его и намъ грѣшнымъ: союзъ—превеликое богоугодное дѣло». Начало политическихъ сношеній и союзовъ съ западомъ богобоязненно приписывалось волѣ Божіей. Царь говорилъ: «посольство совершается по праведной волѣ Божіей, Господь Богъ даруетъ между государями и государствами святой покой». ¹ И если съ какимъ-нибудь западнымъ государствомъ дипломатическія сношенія начинались позднѣе, чѣмъ съ другими европейскими государствами, то это приписывалось премудрой волѣ Божіей: «любительныя и спомочныя ссылки съ иноземскими государствами устроятся волею всеяльнаго Бога, строящаго все непостижимо въ ожиданіи лучшаго времени»; такъ писалъ царь въ посольской граматѣ въ Испанію, въ 1867 году ².

Вотъ вслѣдствіе всѣхъ такихъ богобоязненныхъ чувствъ и возрѣній, когда страхъ Божій, отвлекши умы отъ фетишической боязни всего новаго и поразительнаго, подготовилъ ихъ къ безбоязненному воспріятію всякихъ новыхъ, необычайно поразительныхъ впечатлѣній въ области внѣшней и человѣческой природы,—предки наши мало-по-малу начинали уже безъ страха, и съ удивленіемъ слышать разныя извѣстія и рассказы о дивныхъ чудесахъ западныхъ странъ. «Тамъ,—писалъ одинъ русскій человѣкъ, путешествовавшій на Западъ уже въ XV вѣкѣ,—тамъ есть города великіе, каменные, какихъ нѣтъ у насъ; тамъ въ городахъ есть палаты чудныя, мы такихъ не видывали, и дивились; тамъ есть города очень дивныя, поля, горы вокругъ великія, сады прекрасныя, палаты чудныя съ позолоченными верхами: товара въ нихъ много всякаго; воды проведены по городу, текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иные изъ столповъ, студены и сладки. Тамъ есть мудрость недоумѣнная и несказанная: вотъ, напримѣръ, чудное колесо на рѣкѣ, само воду беретъ изъ рѣки и пускаетъ во всѣ стороны... Тамъ, въ Лüneбургѣ городѣ, среди города устроены столпы изъ мѣди позолоченой, чудесныя! у каждаго столпа люди приражены тоже мѣдныя, текутъ изъ нихъ всѣхъ воды сладкія и холодныя—у одного изъ рта, у другаго изъ уха, а у третьяго изъ глаза, текутъ шибко, точно изъ бочекъ... Проведеніе водъ этихъ очень хитро и стеканіе несказанно! Тамъ, въ Брауншвейгѣ городѣ, крыши на домахъ дивныя, крыты дома досками изъ камня мудренаго, который много лѣтъ не рушится. А какъ хитръ, чуденъ и дивенъ городъ Нюрнбергъ,—сказать недоумѣнно и

¹ Соловьева, XI, 257.

² Тамъ же, т. XII, 250.

недомысленно! Но городъ Флоренція еще чуднѣе и дивнѣе, умъ недоумѣваетъ, какъ тамъ все мудрено, хитро и дивно! Въ 1659 году отправленъ былъ въ Италію, къ флорентинскому герцогу Фердинанду Медичи посломъ дворянинъ Лихачевъ. Какъ только прибылъ онъ изъ Архангельска во Флоренцію, обогнувши моремъ западную Европу,—его съ разу поразили чудеса природы и искусства въ отечествѣ Медичи: «на княжескомъ дворѣ,—писалъ онъ,—палаты обь осьми жильяхъ, числомъ ихъ 250, во всѣхъ законы дорогія, столы аспидные, писаны золотомъ травы, палаты подписаны золотомъ, чернильница золотая, фунтовъ 30, а вмѣсто песка руда серебряная; кресла крыты бархатомъ. На томъ же княземъ дворѣ садъ рыбный, рыбы живыя, вода вверхъ возведена сажени съ четыре, устроенъ Иорданъ, и выше Иордани сажени съ двѣ вверхъ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, къ солнцу, что камень хрусталь. А около княжого двора деревья кедровыя и кипарисныя, и благоуханіе великое, о крещеньи жара великая какъ у насъ обь Ивановѣ дни; яблоки великіе и лимоны рождаются по дважды въ годъ, а зимы во Флоренціи не бываетъ ни одного мѣсяца». Герцогъ велѣлъ приготовить для посланника театральное представленіе, стоившее 8,000 ефимковъ; посолъ нашъ чудился дивамъ театральныхъ декораций: «князь приказалъ играть, объявились палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ, и того было 6 перемѣнъ: да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море колебимое волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака съ людьми на низъ опущаться, подхвата съ земли челоуѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли; а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялись вверхъ. Да спустился съ неба же изъ облака челоуѣкъ въ каретѣ, да противъ въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачи подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ; а князь сказалъ, что оно солнце, а другое мѣсяцъ. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ-за занавѣса въ золотѣ и танцуютъ»¹.

Когда, такимъ образомъ, уже до Петра великаго русскіе люди съ изумленіемъ видѣли чудеса западной цивилизаціи,—то, понятно, съ какимъ удивленіемъ они должны были смотрѣть на дѣлюю массу западно-европейскихъ чудесъ, какую вдругъ открылъ всему русскому народу геній Петра Великаго въ западно-европейскихъ нововведеніяхъ и преобразованіяхъ московскаго государства. И вотъ, дѣйствительно, наступилъ наконецъ,

¹ Соловьева, т. XII, стр. 255.

настоящій «вѣкъ чудесъ», вѣкъ изумленія чудесамъ Бога Россіи».

Прежде всего, неожиданное появленіе такого «чрезвычайнаго, предивнаго ума, такого рѣдкаго антропологическаго феномена какъ геній Петра великаго, и произведенныя имъ невиданныя и неслышанныя въ древней Россіи радикальныя государственныя и общественныя преобразованія, послѣ допетровскаго страха «новшества», возбудили всеобщее восторженное чувство изумленія и удивленія, какъ «чудеса Юпитера или Марса», какъ «фавмазіи Бога Россіи». Въ геніи Петра великаго увидѣли въ началѣ не только съ изумленіемъ, но даже еще со страхомъ чудо естества. Раздалась ода удивленія ему по всей Россіи, и эхо ея долго оглашало слухъ народный. Поэты XVIII-го вѣка восторженно восклицали:

Какъ, планеты, вы стояли,
 Какъ Петра во свѣтъ встрѣчали?
 О премудро Божество!
 Отъ начала перва вѣва
 Такою челоука
 Не видало естество ¹.

Точно также и великія государственно-преобразовательныя нововведенія Петра великаго иначе и не прославлялись, какъ «чудеса яроя», чудеса премудрѣйшаго государя. И дѣйствительно послѣ вѣковаго допетровскаго однообразія и застоя византійско-татарскихъ основъ московскаго государства, послѣ вѣковой «непреложности, неизмѣнности предѣлъ вѣчныхъ и уставовъ отеческихъ», могло-ли русское общество не удивляться, какъ чуду, быстрой, гигантской реформѣ Петра великаго, быстрому, магическому возсозданію московскаго государства въ европейскую имперію? Учрежденіе европейскихъ коллегій и Сената, созданіе флота, устройство регулярнаго войска, изданіе разныхъ регламентовъ и уставовъ, основаніе новой столицы, учрежденіе губерній, введеніе мореплаванія, основаніе фабрикъ и заводовъ, учрежденіе ассамблей,—вся эта громада, все это разнообразіе и величіе учреждений, вся эта невиданная и неслышанная новость гигантскаго созданія всероссійской имперіи, дѣйствительно, не могли не изумлять русскій народъ, какъ чудеса челоуческаго генія. Или, видя вдругъ озарившій русскіе умы свѣтъ рационализма европейской науки—математики, физики, астрономіи, географіи, медицины и проч. и сравнивая этотъ свѣтъ съ тьмою допетровскаго невѣжества, суевѣрія, вѣдунства, чернокнижія и страха ереси,—могли-ли русскіе умы не востор-

¹ Сочиненія Сумарокова ч. II, стр. 3—4.

гаться изумленіемъ и удивленіемъ? Внезапное раскрытіе «пре- удивительныхъ чудесъ природы» въ кунсткамерѣ, внезапное воз- сіаніе «премудрыхъ, предивныхъ наукъ въ навигацко-математи- ческихъ и хирургическихъ школахъ, въ академіи наукъ и, по- томъ, въ университетѣ московскомъ, внезапное возвѣщеніе не- слышаннаго ученія Коперниковъ и Ньютоновъ, наконецъ—не- ожидаемое открытіе чудесъ западныхъ искусствъ и художествъ, фабрикъ и заводовъ,—все это тѣмъ болѣе должно было изум- лять, удивлять русскіе умы, какъ чудеса, что въ обществѣ цѣляи 7 или 8 столѣтій передъ тѣмъ господствовалъ страхъ «буйства и виченія дмящагося разума», боязливое предубѣжденіе противъ «естественнаго разума и хитрости художествъ». И вотъ, всѣ оды, всѣ похвальныя слова, даже письма и мемуары XVIII-го столѣтія и первой четверти XIX-го исполнены были разнообразѣйшихъ изліаній восторженнаго чувства удивленія всѣмъ этимъ неви- даннымъ и неслышаннымъ въ древней Россіи нововведеніямъ. Пятыи временъ Петра великаго, изумленные чудесами преобра- зованія, истощая все свое «риторское и поэтицкое искусство», «витійственно» выражали всеобщее удивленіе премудрымъ учре- жденіямъ преобразователя Россіи:

Кто не дивится толку мудрость царя зрящъ,
Ею же упремудри Россію толико,
Яко и врагъ нашъ долженъ есть рещи:
Не чаяхъ, Россія, такову тебе быти!
Не слышахъ такова въ тебѣ обученія,
Яко нынѣ дивна зрю заведенія;
Не видѣхъ прежде у тебѣ наукъ гражданскихъ,
Ниже регулярныхъ обхожденій воинскихъ.
Нынѣ же плодъ свободныхъ наукъ предивно цвѣтеть
И въ велие удивленіе спѣшно растеть.
Регулярство же войскъ всѣмъ странамъ славно.
О царь богомудрый! Кто ти не дивится!
Не точию же всякъ дивится, но и страшится! ¹

Затѣмъ, не только въ первой, но и во второй половинѣ XVIII столѣтія, высокаторжественныя оды и похвальныя слова неумолно трубили о всеобщемъ удивленіи чудесамъ учрежде- ній Петра Великаго. Ломоносовъ въ «Похвальномъ словѣ Петру Великому», «сколько есть духа и голоса» прославлялъ чудеса преобразователя въ обновленіи государства, «въ дѣлѣ распро- страненія славы наукъ», художествъ, оружія, флота и проч. Каждое государственное учрежденіе «бога Россіи», «ироя сла- вы» Ломоносовъ восхвалялъ какъ чудо миеологіи, изумлявшее, удивлявшее не только русскій народъ, но и всю Европу. Су-

¹ Пекарскаго, Наука и Литер. при Петрѣ Великомъ I, 369.

марковъ въ «торжественной одѣ» въ похвалу Петру Великому воспѣвалъ:

Петръ природу премѣняетъ,
 Новы души въ насъ влагаеть...
 Прежде жили мы въ темницахъ:
 Днесь живемъ во храмахъ мнѣ.
 Крылась красота въ дѣвницахъ,
 Въ мужахъ крылися умы:
 Нынѣ разумъ нашъ сияеть,
 Красота плѣняетъ око....
 Умножаются доходы,
 Торги начали цвѣсти,
 Тщатся разныхъ странъ народы
 Разны вещи къ намъ нести.
 Земледѣлецъ не лѣнится,
 Рукотворенникъ трудится,
 Богатѣетъ мѣщанинъ,
 Больше дворянинъ не тужить,
 Что отечеству оны служить!...
 Быстро Петръ тебя прославилъ,
 О блаженная страна!
 Россы! шествуйте въ храмъ славы:
 Равнѣйте Петромъ вашъ вѣкъ! ¹.

Затѣмъ, новый восторженный энтузіазмъ удивленія и восхищенія возбуждали «чудеса Минервы» — новыя, многочисленныя и разнообразныя учрежденія императрицы Екатерины Великой. Какъ въ геніи Петра Великаго, такъ и въ геніи Екатерины Великой съ изумленіемъ видѣли чудо природы. Одинъ панегиристъ, описывая чудесныя черты Екатерины Великой, между прочимъ, говоритъ: «самое устроеніе чувствъ ея, напримѣръ, слуха имѣло нѣчто необыкновенное. Она имѣла въ себѣ много электрической силы, такъ что изъ платковъ съ головы ея и изъ простынь, при чисткѣ ихъ, вылетали искры съ трескомъ. Мы находимъ въ ней и другую чудесность, которой осталось еще много свидѣтелей. Именно, всѣ животныя вообще ея любили и выражали поразительныя, чудесныя знаки любви, покорности и ласки къ ней. Вообще, весь составъ ея казался сотвореннымъ изъ огня, отъ коего малѣйшая искра въ силахъ произвести воспаленіе» ². Дашкова въ одномъ письмѣ къ Екатеринѣ писала: «мое удивленіе (mon admiration) и благоговѣніе къ вамъ были главнѣйшимъ услажденіемъ моей жизни» ³. Бецкій въ 1767 году тоже писалъ къ Екатеринѣ: «удивляться невѣроятнымъ трудамъ вашимъ для славы имперіи и блаженства под-

¹ Сочин. Сумарокова, т. II, стр. 8, 10.

² Русскій Архивъ, годъ 8-й, 1870. № 11, стр. 2078—2079.

³ Русскій Архивъ, годъ 2-й, стр. 572—573.

данныхъ — справедливо можетъ назваться верховнымъ человѣческой жизни блаженствомъ»¹. Вообще, по выраженію Державина, «на великую царицу всѣ смотрѣли *изумленными взлядами, съ изступленнымъ взоромъ* созерцали сіяніе ея красоть и чудесь»². При такомъ восторженномъ удивленіи чудесной личности Екатерины, еще восторженнѣе изливалось чувство удивленія «чудесамъ» ея государственныхъ учреждений. Державинъ, въ восторгѣ удивленія, вызывалъ чуднаго Рафаеля изобразить чудеса мудрости, щедроты, правосудія, милосердія Фелицы, возбуждавшія всеобщее удивленіе и восхищеніе въ водвореніи правосудія, въ новомъ благоустройствѣ судовъ, въ начертаніи новыхъ законовъ, въ учрежденіи разныхъ челоуѣколюбивыхъ заведеній—воспитательныхъ домовъ, больницъ, приказовъ общественнаго призрѣнія и т. п.³. Въ частности, такіа громкіа, славныа дѣла императрицы Екатерины Великой, какъ учрежденіе воспитательныхъ домовъ и училищъ, изданіе Наказа, собраніе депутатовъ для сочиненія проекта новаго Уложенія и т. п., рѣшительно изумляли недоумѣвающихъ современниковъ. Бецкій, въ презыбітѣ восторженнаго, энтузіастическаго чувства удивленія и восхищенія, по поводу учрежденія воспитательныхъ домовъ и училищъ, восклицалъ: «свѣтъ будетъ *удивляться* великости и премудрости намѣреній вашихъ, всемилостивѣйшая государыня!»⁴. «Наказъ» Екатерины, послѣ допетровскаго страха грозныхъ, жестокихъ уставовъ и каръ судебныхниковъ и уложеній, возбуждалъ всеобщій энтузіазмъ изумленія и восхищенія. Въ собраніи депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія, 13-го августа 1867 года, маршалъ депутатскій отъ лица всѣхъ представителей восторженно восклицалъ: «все велико, *все удивляется*, и все превосходитъ простое смертныхъ понятіе.... Ставь дѣлами твоими *удивленіе* свѣта, будешь Наказомъ твоимъ, государыня, наставленіе обладателей и благодѣтельница рода челоуѣческаго». Депутаты говорили: «Наказъ есть *удивленіе* не только всей Европы, но и цѣлаго земнаго шара»⁵. Вообще, вѣкъ Екатерины прославлялся, какъ «вѣкъ чудесь». И. И. Дмитріевъ въ стихотвореніи «Екатерина Вторая» восторженно восклицалъ:

Чѣмъ минувшій вѣкъ такъ славенъ?
Что гордится старина?

¹ Русскій Архивъ, годъ 4-й, стр. 1568.

² Сочиненіе Державина. Сиб. 1881 г. ч. II, стр. 19, 43, 64.

³ Сочинен. Державина.

⁴ Генеральное учрежденіе о воспитательн. домахъ. 1767 г.

⁵ Сборникъ историческаго общества, т. IV, стр. 64, 210.

МИРОСОЗЕРЦАНІЕ.

А Суворовъ.... а Державинъ!
 А великая жена!
 А побѣды и музы звуки!
 А скрижали нашихъ нравъ!
 Дѣти! Вѣкъ Екатерины,
 Вѣкъ величья и чудесъ!
 Люди были исполина!
 Взоръ ораний, сила львины,
 А полетъ ихъ до небесъ!
 Какъ Синай въ день грозной славы,
 Величавый зрѣлся тронъ!...
 Мы привыкли всѣ измлада
 Къ громамъ славы, къ бурямъ сѣчи и проч. ¹

Наконецъ, восторженное чувство удивленія новымъ государственнымъ учрежденіямъ, какъ чудесамъ мудрости и славы, не охладѣло еще и въ царствованіе императора Александра I ². Державинъ, воспѣвая въ лицѣ «благословеннаго царя такихъ чудесъ создателя, какихъ не видывалъ сей міръ», такого «избранника небесъ», который «въ образецъ вселенной творилъ чудеса», съ пророчественною восторженностью предвозвѣщаль, что учрежденія императора Александра «міръ въ удивленіе приведутъ» ³. Известный помѣщикъ александровскаго времени Карамзинъ восхищался «чудесами правленія», какія онъ видѣлъ въ учрежденіи министерствъ и государственнаго совѣта. На новое устройство сената, по словамъ Сперанскаго, многіе смотрѣли какъ на чудо. Карамзинъ тоже еще съ чувствомъ восторженнаго удивленія и восхищенія прославлялъ учрежденіе новыхъ училищъ, гимназій и университетовъ ⁴. Дамы прославляли благословеннаго императора, какъ *moderne David, non assez admiré, plus grand logicien du siècle* ⁵. Вообще, въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка въ русскомъ обществѣ еще сильно господствовало восторженное чувство удивленія славѣ новыхъ государственныхъ учреждений.

Такое восторженное удивленіе «чудесамъ» государственныхъ и общественныхъ преобразованій, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, порожденнаго восторженнымъ чувствомъ удивленія ея чудесному устройству, мало по малу стало возбуждать въ умахъ такіхъ

¹ Русскій Архивъ, годъ 4-й, стр. 52—55.

² На одно вошествіе на престолъ и на коронацію Александра I написано было больше 57 одъ, стиховъ, гласовъ, жертвъ, пѣсней, эпистолъ, пренеподобныхъ восторженнаго чувства удивленія и восхищенія. Русскій Архивъ, годъ 4-й, стр. 987.

³ Сочин. Державина, ч. II, стр. 204, 302.

⁴ Вѣстникъ Европы 1808 г. № 5, о новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи.

⁵ Русскій Архивъ, годъ 5-й, стр. 1038—1043.

новны идеи, чувства и потребности, которыя существенно имѣли допетровскія общественныя понятія. Во-первыхъ, послѣ допетровскаго страха «всего міра православнаго» и общественной взаимной боязни людей, восторженное чувство удивленія чудесамъ общественнаго преобразованія, подъ вліяніемъ сентиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, породило восторженно-радостный взглядъ на общество и любовь къ обществу. Сначала, послѣ вѣковаго допетровскаго страха общества, выражавшагося въ аскетической боязни «повсюду распростертыхъ сѣтей бѣсовскихъ» и въ суевѣрно-боязливыхъ заговорахъ «ото всего міра православнаго», отъ разныхъ враждебныхъ и страшныхъ началъ неустроеннаго общества, — вдругъ русскіе люди съ изумленіемъ увидѣли на западѣ такія общества, которыя не возмущали никакой страхъ, а напротивъ проникало всеобщее спокойствіе, общее веселое настроеніе общественнаго духа. И вотъ они съ удивленіемъ возвѣщали своимъ соотечественникамъ, какъ поразительную, невѣдомую имъ новость, что тамъ, въ западныхъ обществахъ «люди ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху не имѣютъ, всякой дѣлаетъ по своей волѣ, что хочетъ, и живутъ они всегда во всякомъ покое, безъ страху, безъ обиды и безъ тягостныхъ податей, что въ тѣхъ государствахъ самое лучшее основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть и страхъ сильныхъ міра сего»¹. Вслѣдствіе этого, первыя послѣпетровскія поколѣнія преисполнены были чувствомъ удивленія чудесамъ западно-европейской общественности, и особенно восторженно увлекались общественной жизнью Парижа. Это увлеченіе въ значительной степени проявлялось еще и въ XIX вѣкѣ. Далѣе, московское государство, пересозданное Петромъ Великимъ въ европейскую имперію, мало по малу все болѣе и болѣе принимало видъ европейскаго государственнаго общества. Послѣ допетровскихъ грозныхъ царствованій, въ родѣ царствованія Іоанна Грознаго, и немилосердно-карательной грозы Уложенія, — вдругъ русское общество увидѣло сравнительно «человѣколюбивое царствованіе» Елизаветы Великой и услышало кроткое, человѣколюбивое благовѣстіе «Наказа». Подъ вліяніемъ сентиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, въ государствѣ впервые стало признаваться значеніе личности человѣческой, и допетровскій страхъ царской опалы смягчался болѣе «кроткимъ духомъ правленія». «Елизавета Великая, — говоритъ Карамзинъ, — уважала въ подданномъ самъ человѣка, нравственнаго суще-

¹ Пекарскаго, I, 148, 154.

ства, созданнаго для счастья въ гражданской жизни. Петръ Великій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей; Екатерина хотѣла обходиться съ нами какъ съ людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единого слѣпнаго повиновенія, не даетъ отчета въ путяхъ своихъ: гримить и смертные упадаютъ въ прахъ ничтожества, не дерзая воззрѣть на всемогущество. Екатерина преодолѣла обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земные должны владѣть для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долгодѣтнымъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину.... Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Счастливыя россияне нашего вѣка! Вы уже не помните строгихъ, опасныхъ временъ, когда страшно было наименовать вѣнценосца; но имя Екатерины, съ самаго ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ; всѣ души успокоились; всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: «монархиня! мы не боимся тебя, ибо мы любимъ тебя»¹. И вотъ, опять, подъ вліяніемъ такихъ восторженно-оптимистическихъ очарованій, съ изумленіемъ и сентиментально-идиллическимъ восхищеніемъ заговорили русскіе люди объ исчезновеніи древнаго страха общества, о водвореніи, вмѣсто него, общественнаго «веселія, счастья, блаженства». «О блаженное время, опредѣленное благополучію нашему началомъ! говорилъ Сумароковъ въ высокоторжественномъ словѣ на день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II,—мы и все съ нами въ имперіи перемѣнилось, и новымъ облеклося благополучіемъ. Плодоносныя нивы, цвѣтами испещренныя луга, быстро текущія рѣки, журчащіе источники, лѣса, рощи, горы и долины соотвѣтствуютъ радости нашей и, обогащая насъ, приносятъ намъ изобиліе; земля разверзаетъ намъ нѣдра свои и драгоцѣнные проливаетъ металлы; науки и искусства возрастаютъ; и кажется, будто мы не въ томъ же, а въ блаженнѣйшемъ обитаемъ мѣрѣ: то же сіяетъ солнце, та же блистаетъ луна, но блаженство наше не сообразно состоянію предковъ нашихъ.... Восхищенны мысли наши, восхищенъ духъ нашъ! Дивимся величію дѣлъ монархини! Таковыхъ дѣлъ не могли предвидѣть предки наши. Но если бы они проснулись, не возопіяли ль бы они: почто мы не дожили дней сихъ! А мы,

¹ Похвальное слово Екатерины II. (1802 г.).

соучастники дней сихъ, торжествуемъ, управляемъе премудростію и благоденствующіе правосудіемъ»¹. Въ высшоторжественникъ одакъ на вѣщность императрицы Екаторины Великой, Сумароковъ съ сентиментально-идиллическою восторженностью воспѣваеъ иперореніе въ обществѣ всякаго страха и водвореніе покоя и блаженства:

Да будетъ радость наша явна,
 Вездѣ, гдѣ солнце пролетитъ....
 Се фортуна обновляетъ
 Спокойствіе и тишину!
 Златые дни востановляетъ...
 Законы тверды нинѣ стали,
 Грабители востренетали,
 Исчезнетъ лихоимства трудъ.
 Въ порфирѣ правосудіе блещетъ:
 Страшна вина, не страшнѣ судъ,
 Судимъ невинный не трепещетъ.
 Лучшѣ багрянцемъ земли прои,
 Судьба являетъ чудеса!..
 Спокойно земледѣлецъ пашетъ
 И въ нивахъ желты класы жнетъ,
 Въ покоѣ по трудахъ прилежныхъ
 Спать дѣлу ночь безъ сновъ мятельныхъ.
 Тревогъ ему въ день дѣлны нѣтъ.
 Пастухъ среди всего пріятства...
 Миръ сладкій воспитываетъ.
 Не видя птички бранной казни,
 Не слыша стопа, безъ боязни
 Гласятъ покой по всѣмъ мѣстамъ.
 Прозрачны струи катятся...
 Сладчайшій миръ изображаютъ
 И прославляютъ нашъ покой...
 Что часто дѣлалось страхомъ,
 Въ насъ дѣлать будетъ то любовь².

Точно также Державинъ, Карамзинъ и многіе другіе писатели екатерининскаго и александровскаго времени съ восторженными удивленіемъ и восхищеніемъ прославляли счастье и блаженство русскаго общества, наступившее послѣ допетровскаго страха и гнета. Вообще, съ того времени, какъ зародился сентиментально-филантропическій и оптимистическій взглядъ на людей и на общество, каждый восторженный почитатель «Наказа», слыша иностранцевъ, утверждавшихъ, что въ русскомъ обществѣ «всѣ боятся другъ друга», съ полнымъ самодовольствомъ отвѣчалъ имъ такъ же, какъ писала сама императрица Екаторина въ разборѣ книги Шапца: «Неправда, что въ Россіи общественности»

¹ Сочиненія Сумарокова, М. 1787 г. ч. II, стр. 283—286.

² Сочиненія Сумарокова ч. II, 81, 46—47, 70.

стѣсняется правительствомъ, что въ русскомъ обществѣ всѣ боятся другъ друга. Я имѣю честь быть русскимъ, но я никого не боюсь; я знаю, что пока я исполняю мои обязанности, мнѣ бояться некого, и я убѣжденъ, что не я одинъ такъ думаю»¹. И. М. Долгорукій также радостно провозглашалъ, что новыя государственно-общественныя «Судьбины»

Щедротъ умножили залогъ:
 Нашъ духъ почувствовалъ блаженство,
 Позналъ дней мирныхъ совершенство:
 Чего бояться? съ нами Богъ!..
 Блаженъ, кто самъ въ себѣ умѣетъ
 Свое спокойство находить...
 Кто любитъ честь и правду,
 Кто смѣлъ взоры на лукавыхъ
 Равно бросаетъ, какъ на правыхъ,
 Кому не страшна злѣбн мечь:
 Чего, чего ему бояться?
 Какихъ напастей устраниваться?
 Предъ нимъ сѣтъ міра—ничего:
 Онъ нища, сира не обидѣлъ,
 Онъ ближняго не возненавидѣлъ,
 Свое чужимъ не умножалъ,
 Подобно тигру разъяренну,
 Людей бевсильныхъ не терзалъ².

Такой безбоязненный, радостный, оптимистически-филантропическій взглядъ на общество, послѣ первоначальныхъ сантиментально-идиллическихъ восторговъ, сталъ мало по малу возбуждать въ обществѣ уже не страхъ «міра православнаго», а восторженное восхищеніе «прелестями общежитія», восхищеніе самымъ принципомъ общественности и гражданскую, патристическую любовь къ обществу. Вопервыкъ, восторженно-радостное, оптимистическое чувство удивленія чудесамъ общественного обновленія и преобразованія, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго возрѣнія на человѣка, какъ на существо общественное, породило, послѣ допетровскаго страха повсюду распростертыхъ въ обществѣ свѣтъ бѣсовскихъ и аскетическаго стремленія къ пустынножительному уединенію отъ общества, восторженное восхищеніе самымъ принципомъ общественности и первое разумное сознаніе важности общежитія и общественного развитія людей. Въ западно-европейскихъ книгахъ, въ родѣ книги «Картины природы», русскіе образованные люди съ восхищеніемъ усвоили такое, напимѣръ, изображеніе «человѣка въ обществѣ»: «Превосходство разума человѣ-

¹ XVIII-й вѣкъ, кн. 4-я, стр. 389.

² Битіе сердца моего. М. 1808 г. стр. 53, 222—223.

ческаго сїаетъ еще съ новымъ блескомъ въ учрежденіи обществъ или тѣлѣ политическихъ: тамъ добродѣтель, честь, страхъ и польза, различно располагаемыя или сопряженныя, содѣлываются источникомъ мира, счастья и порядка; всѣ недѣлимые, взаимно связуемые, шествуютъ правильнымъ и стройнымъ движеніемъ. Въ обществѣ подѣ сѣвію законовъ государь, князь, судья, употребленіемъ ввѣренной имъ власти, поощряютъ добродѣтель, исправляютъ пороки, и распространяютъ повсемѣстно благотворныя дѣйствія своего управленія. Въ обществѣ, какъ въ ясномъ и плодоносномъ климатѣ, произрастаютъ и развиваются таланты различныхъ родовъ. Тамъ процвѣтаютъ механическія и свободныя искусства. Тамъ рождаются поэты, ораторы, историки, врачи, философы, судовѣдцы, богословы. Тамъ образуются сіи благородныя души, сіи мужественныя воины, сіи великіе военачальники, твердѣйшія подпоры государства» и проч. ¹. Подѣ влияніемъ такихъ идей Сумароковъ писалъ: «Человѣкъ силенъ и преимуществуетъ надъ всѣми животными только обществомъ, общественнымъ просвѣщеніемъ... Общественныя дѣла несравненно похвальнѣе частныхъ» ². Карамзинъ въ 1790 г. оптимистически выражался: «всякое гражданское общество есть святня для добрыхъ гражданъ, и въ самомъ несовершеннѣйшемъ обществѣ *надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку*» ³. И. М. Долгорукій такимъ образомъ описывалъ «прелести общежитія» и преимущества «человѣка общественнаго надѣ человекомъ естественнымъ»: «жизнь уращается прелестями общежитія: сама природа указываетъ путь къ общежитію и на законахъ ея учредилося общество. Изъ человѣка естественнаго произведенъ я, человѣкъ общественный. Вмѣстѣ съ развитіемъ способностей человѣка общественнаго, умножились и его потребности. Естественный человѣкъ хотѣлъ быть только смѣть; общественный хотѣлъ поѣсть со вкусомъ. Тотъ нилъ изъ ручья для прохлады; этотъ искалъ прїятности въ простомъ утоленіи жажды. Дикарь одѣвался въ грубый посконный холстъ; общественный, образованный человѣкъ пожелалъ мягкой и покойной одежды. Тотъ валился на травѣ, среди кустовъ дикаго бурьяна; этотъ попробовалъ отдохнуть на мягкой постели, подѣ тонкимъ завѣсомъ. И въ обществѣ все это стало необходимостью. Общественный человѣкъ скоро увидѣлъ пользу въ размноженіи садовъ, виноградныхъ

¹ «Картины природы». М. 1822 г. ч. I, стр. 57—66.

² Сочин. Сумарокова, ч. VI, стр. 282—289.

³ Письма ру слагаго путешествія. 1790 г.

ловъ, въ искусствѣ разныхъ тканей, въ построеніи мельницъ и во многихъ подобныхъ руководѣльяхъ, которыми украсилась жизнь все еще простаго поселанина. Устройство городовъ и роскошь городская—дальнѣйшій шагъ впередъ общественнаго человѣка. Потомъ соединеніе людей между собой показало имъ необходимость управленія и распорядка гражданскаго. Построились села; размноженіе ихъ положило начало городамъ. Сталъ нуженъ приказникъ, судья, сторожъ, учитель, и протянулась широкая лѣстница чиновничества... Явилось кораблеплаваніе, торговля, промыслы, учреждены судилища и школы, заведены забавы. Роскошь отворила двери въ огромныя залы для тѣлесныхъ движеній, воздвигла театры для обольщенія чувствъ и наслажденія ума. Все это не было въ природѣ, но сдѣлалось полезнымъ, потому что ходъ самой природы приводилъ людей къ новой, общественной жизни, требующей новыхъ нуждъ и удовольствій»¹. Вслѣдствіе такого восторженнаго восхищенія принципомъ государственной общественности и перваго разумно-отчетливаго сознанія важности общественнаго благоустройства, умы русскіе впервые стали разсуждать не только о происхожденіи общества, но и о лучшихъ формахъ его устройства и развитія. Всѣ мыслящіе умы смѣло выражали мысль, что пришло время и служить государству не изъ-за одного только страха царя, а для блага общественнаго, и въ то же время безбоязненно, свободно разсуждать о формахъ государственнаго устройства, объ образѣ правленія и т. п. «Уже прошло то время въ Россіи,—говорилъ Карамзинъ,—когда одна милость монарха могла быть наградою за добродѣтели государственнаго дѣятеля въ теченіе его жизни; теперь лестно и славно заслужить и любовь просвѣщенныхъ россіянъ, которые чувствуютъ достоинства знаменитыхъ патріотовъ и цѣну ихъ усердія къ отечеству»². «Вѣкъ жи и лести,—говорилъ профессоръ царскосельскаго лицея Куницынъ,—кажется, оканчивается; нынѣ и о царяхъ судятъ съ благоговѣніемъ, но въ то же время уже и по чистотѣ сердца»³. Профессоръ санктпетербургскаго университета Арсеньевъ, излагая критическую или, по его выраженію, «мыслящую» статистику россійскаго государства, свободно разсуждалъ о происхожденіи правленія и особенно о необходимости такой государственной конституціи, въ которой народъ при-

¹ Дневникъ путешествія въ Кіевъ, 1817 г., стр. 88—84. Воспитатели дѣтей и профессора университетовъ «излагали великій вопросъ о происхожденіи общества». «Русскій Архивъ», годъ 4-й, стр. 88.

² «Вѣстникъ Европы», 1802, № 19.

³ «Русскій Архивъ», годъ 4-й, стр. 1091.

знавался бы выше государства или важнѣе правительства и не существовало бы произвола монарховъ. Другіе профессора санкт-петербургскаго университета впервые разумно-сознательно, критически объясняли первобытное господство силы и значеніе ея въ первоначальныхъ основахъ государствъ и обществъ, въ образованіи власти, сословій и т. п., вообще впервые пытались рационально понять и объяснить первобытный генезисъ историко-традиціонныхъ началъ общественнаго строя. Наконецъ, Сперанскій, какъ извѣстно, до такой степени смѣло критиковалъ и осуждалъ правительство, что подвергся даже гоненію, и, несмотря на то, въ письмѣ изъ Перми къ императору Александру I, все-таки смѣло оправдывалъ свои свободныя сужденія о правительствѣ. Вообще, къ двадцатымъ годамъ XIX столѣтія всѣ передовые умы впервые стали разумно-сознательно и серьезно помышлять о лучшемъ направленіи общественнаго развитія ¹. Но на первыхъ порахъ, послѣ вѣбоваго господства идеи московскаго государства, они, очевидно, не могли еще дойти до идеи соціальной реформы, а переживая фазисъ государственнаго преобразованія, фазисъ возсозданія московскаго государства въ имперію всероссійскую, на первый разъ, естественно, могли только помышлять о лучшемъ «планѣ государственнаго благоустройства» или идеѣ конституціоннаго устройства государственнаго общества. Таковы «планъ государственнаго преобразованія» Сперанскаго, таковы же проекты государственной конституціи Новосильцева, Муравьева и Пестеля ². Далѣе, вслѣдствіе возбужденія эзальтированно-оптимистическаго восхищенія новымъ благоустройствомъ и спокойствіемъ общества, а также «чудесною гармонією и прелестями общежитія», передовые умы, послѣ допетровскаго аскетическаго стремленія къ пустынножительному отреченію и уединенію отъ общества, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго возрѣанія на челоуѣческую природу, стали энергично отрицать мизантропическое отчужденіе отъ общества и требовали филантропической привязанности и любви къ обществу. Такъ И. М. Долгорукій, въ 1817 году, писалъ: «Слово *уединеніе* есть слово пустое, смыслъ его — идеаль безъ сущности. Челоуѣкъ самой природой призванъ не къ уединенію, а къ обществу. Челоуѣкъ въ обществѣ есть уже существо дѣя-

¹ Г. Сухомлинова: «Матеріалы для исторіи образованія при Александрѣ I». Г. Пипина: «Общественное движеніе при Александрѣ I». Г. Патковскаго: «Журналистика при Александрѣ I».

² См. подробности въ книгѣ г. Пипина: «Общественное движеніе при Александрѣ I». Сиб. 1871 г.

тельное, словесное, мыслящее, и съ сими свойствами уединяться не можетъ: *онъ для людей, люди для него*. Сама натура сей законъ поставила. Согласимся, что нынѣ *уединеніе* значитъ удалиться отъ суеты большаго свѣта, скрыться въ деревнѣ, жить въ природѣ, окружась безпрестанными ея чудесами, и въ нихъ полагать основаніе своему собственному, новому, волшебному міру. Согласимся на этотъ восторгъ пылаго воображенія. Но, посреди сей самой очаровательной мечты, увидимъ, что человѣкъ не есть существо уединенное: онъ ищетъ міра, но такого, который бы сходствовалъ съ его вкусомъ; онъ ищетъ общества, но расположеннаго по его произволу. Только человѣкъ самолюбивый, гордый мизантропъ ищетъ уединенія, да и онъ уединяется не отъ людей вообще, а только отъ такого-то именно общества такой-то страны, въ которомъ не уживается. Вообще же, повторимъ, человѣкъ есть существо живое, мыслящее, дѣятельное. Всѣ сіи три свойства требуютъ общества и людей. Уединеніе не есть его стихія. Самолюбивая гордость одна заставляетъ его предпочитать мертвыи и безмолвныи кругъ мысленно-искомыхъ людей сообществу живыхъ и глаголивыхъ тварей. И въ доказательство сей истины мы ежедневно видимъ на опытѣ, что уединенный человѣкъ почти всегда мизантропъ. Никогда я не встрѣчалъ въ пустынѣ человѣка счастливаго, довольнаго, сердца, согрѣтаго благоволеніемъ себѣ подобнымъ, ума, озареннаго тихимъ свѣтомъ истинной философіи. Самолюбіе насъ дѣлаетъ дикими. Когда мы спокойны, намъ люди не въ тягость¹. Далѣе, послѣ допетровскаго преобладанія семейно-родовыхъ эгоистическихъ чувствъ и наклонностей надъ общественными интересами, передовые умы, возбужденные сантиментально-филантропической идеей общественности, впервые стали требовать *общественнаго* воспитанія людей, развитія въ нихъ общественныхъ чувствъ и стремленій, подчиненія «*семейственнаго эгоизма*» общественнымъ интересамъ. Такъ въ «Періодическомъ изданіи общества любителей словесности» на 1804 годъ, въ статьѣ В. Попугаева, сказано было: «Общественное воспитаніе должно быть выше воспитанія семейственнаго. Даже и тогда, когда бы просвѣщеніе было удѣломъ цѣлости народовъ, семейственное воспитаніе можетъ научить токмо людей быть добрыми отцами, супругами, родственниками, но никогда совершенными гражданами. Эгоизмъ, удѣлъ всѣхъ людей, и можетъ быть, не токмо необходимый, но и полезный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, будетъ ихъ всегда отдалять отъ чувства

¹ Дневникъ путеш. въ Кіевъ въ 1817 г. въ Чтен. общ. истор., стр. 42—44.

общественности. Ибо люди, воспитанные въ семействахъ, почитаютъ себя обществу ничѣмъ неодоженными; привычка къ выгодамъ общественнымъ дѣлаетъ имъ непримѣтнымъ благо, неодоженной связью гражданскихъ выгодъ на нихъ изливаемое: они во всемъ видятъ одни условія, уже данныя временемъ, въ которое они живутъ, и ни мало не думаютъ, сколько вѣковъ и сколько напряженія геніевъ стоило природѣ, дабы образовать связь благодѣтельнаго сообщества и потому какимъ пожертвованіемъ сіе каждаго обязываетъ къ пользѣ онаго. Одно общественное воспитаніе, одно такое воспитаніе, направленное къ моральной цѣли, даетъ гражданину чувствовать съ самаго его младенчества, что государственное общество печется о его благодѣ, что оно ему не менѣе благодѣтельствуетъ, но еще болѣе, чѣмъ самые родители, ибо родители показываютъ ему токмо выгоды семейственныя, кои сами оснуются на выгодахъ общественныхъ, въ то время, когда общественное воспитаніе показываетъ ему все назначеніе, коимъ онъ обязанъ къ согражданамъ за тѣ блага, кои соединеніе ихъ на него изливаютъ»¹. И. М. Долгорукій точно также настоятельно доказывалъ необходимость любить общество, вслѣдствіе недостаточности семейной замкнутости и естественной потребности общественнаго взаимнаго самообразованія. «Многіе скажутъ,—говоритъ онъ,—вмѣсто общества, можно довольствоваться своимъ семействомъ. Нѣтъ, я и на это не согласенъ. Семейство доброе, вроткое, изъ сколькихъ бы лицъ ни составлялось, есть какъ одинъ человекъ: мысли, правила у каждаго одни [и тѣ же съ другимъ его членомъ]. Взаимные ихъ разговоры такъ притерлись отъ привычки одинаково видѣть вещи и судить объ нихъ, какъ мелкая монета въ торгу. Для нихъ нѣтъ ничего новаго; а гдѣ единообразность, тамъ и скука; (это такъ точно; а для чего оно такъ? Спросите натуру! Никакая эстетика этого не изъяснить. Человѣкъ любить сообщать свои мысли другому. Мыслить заставляютъ насъ предметы. Видя одни одно и то же, мы не находимъ пищи для бесѣды. Чтобъ не быть вовсе уединеннымъ, потребно общество, а семья своя его не составитъ. Сторонній человекъ видѣлъ то, чего я не видѣлъ: онъ мнѣ рассказываетъ, я ему, и вотъ гдѣ повѣствованіе получило свое начало. Отъ повѣсти рождаются размышленія. Я гляжу на предметъ съ одного боку, тотъ съ другаго: вотъ и разговоръ. Въ общественной бесѣдѣ раскрывается истина, и люди пріобрѣтаютъ общимъ умомъ полезныя правила для будущности: Du choc des idées

¹ Г. Пятковского, «Русская журналистика при Александрѣ I», въ «Дѣлѣ».

paît la lumière. Правило непреложное! Итакъ, одно свое семейство не составляетъ общество. Оно пріятно для сердца, оно необходимое благо для души, оно сокровище дней мирныхъ. Такъ, точно такъ! Но сему внутреннему міру потребенъ и внѣшній, дабы въ самомъ разнообразіи общества найти опѣнку домашняго счастья и самому, наслаждаясь имъ, имѣть удовольствіе дѣлать его съ другими. Люди! люди! Чувствую, что безъ васъ обойтись нельзя, хоть часто съ вами тяжело жить вмѣстѣ: но неужели же никогда не выходитъ на воздухъ, для того, что бываетъ непогода! Дождись солнца краснаго, и тогда шествуй безъ боязни и плаща подъ покровъ яснаго неба»¹. Наконецъ, вслѣдствіе возбужденія сантиментально-филантропической идеи общественности, всѣ передовые умы съ энтузіазмомъ стали требовать живѣйшей любви къ родному, отечественному, государственному обществу, «любви къ отечеству», «службы любезному отечеству», патриотической любви къ своей народности. Послѣ допетровскаго преобладанія эгоистическихъ наклонностей надъ чувствомъ общественнаго долга, такое требованіе «любви къ отечеству» было естественно и необходимо. И вотъ почему идея «любви къ отечеству», «службы любезному отечеству», идея патриотизма и гражданства, на первыхъ порахъ, вполне преобладала надъ идеей человѣка, надъ выраженіемъ сознанія и уваженія равнаго человѣческаго достоинства. «Хорошіи граждане, — писалъ императоръ Александръ I, будучи еще воспитанникомъ, въ одной своей учебной тетради, — хорошіи граждане уважаютъ законы и управление своей страны. Простительно дикому равнодушіе къ своей родинѣ и къ своимъ соплеменникамъ; но тотъ, кто имѣлъ счастье родиться въ средѣ образованнаго народа, у кого подъ рукою были всѣ средства образовать умъ, усовершенствовать разсудокъ, тотъ, кого судьба покровительствуетъ законами и гражданскими учрежденіями, не будетъ ли неблагодарнѣйшимъ изъ людей, если не возлюбить своего отечества. Какъ цѣлю всякаго добраго гражданина должно быть благоденствіе общества, къ которому онъ принадлежитъ, то люди самолюбивые никогда не могутъ ее достигнуть. Желательно было бы для образумленія себялюбцевъ, чтобы общество лишило ихъ своего покровительства: тогда они почувствовали бы необходимость трудиться въ его пользу; тогда выраженія: *отечество*, *отечественное благо* для нихъ уже не были бы пустыми словами»². Въ воспитаніи молодыхъ поколѣній

¹ Дневн. путеш. въ Кіевъ 1817 г. стр. 44—45.

² Г. Пятковскаго, Журнал. при Александрѣ I, въ «Дѣлѣ».

идея «любви къ отечеству» или идея «гражданина», «сына отечества» преобладала надъ идеей человѣка и человѣческаго достоинства и права. Въ книгѣ «О должностяхъ человѣка и гражданина» ни слова не говорится о сознаниіи или чувствѣ и уваженіи человѣческаго достоинства и права, а о любви къ отечеству, объ обязанностяхъ гражданина трактуется въ нѣсколькихъ главахъ, или въ болѣе части книги. Таковы, на примѣръ, статья 1-я: «о любви къ отечеству вообще», статья 2-я: «что подъ именемъ отечества и любви къ отечеству разумѣется?», статья 3-я: «отъ чего происходитъ любовь къ отечеству?», статья 4-я: «чѣмъ надлежитъ являть любовь къ отечеству вообще?», статья 5-я: «чѣмъ должны являть любовь къ отечеству простой народъ и мѣщане?», статья 6-я: «чѣмъ должны являть любовь къ отечеству духовенство, дворянство и военные люди?» и проч.¹ «Воспитаніе—провозглашалъ Шишковъ— должно быть отечественное, должно состоять въ возбужденіи отечественныхъ чувствъ, любви къ отечеству»². Вообще, въ воспитаніи, по выраженію князя Горчакова (1756—1824), старались «любви къ отечеству влить въ сердце жарки чувства». Или, по словамъ поэта Марина (1775—1813):

Служи отечеству! твердятъ всѣ съ юныхъ лѣтъ,
Люби отечество! твердятъ все бѣлый свѣтъ!

Въ литературѣ, «любовь къ отечеству перомъ водила», и не только написано было множество статей или размышленій о любви къ отечеству, о патриотизмѣ, о долгѣ гражданина, въ родѣ статей Карамзина, Шишкова и др., но и цѣлые журналы специально осмысливались и озаглавливались идеей и титуломъ «любви къ отечеству», каковы на примѣръ были «Патріотъ», «Сынъ Отечества», «Отечественныя Записки»—Свиньина и т. п. Критика требовала, чтобы даже въ романахъ основной идеей была «любовь къ отечеству». Вообще, на первыхъ порахъ, при господствѣ сентиментально-филантропическаго возрѣвія на человѣческую природу, всѣ требовали еще не столько развитія идеи «человѣка» вообще и сознаниія идеи равнаго человѣческаго достоинства и права, а требовали преимущественно образованія и умноженія «хорошихъ гражданъ», патриотовъ, чело-вѣколюбивыхъ начальниковъ, справедливыхъ и милосердныхъ судей, честныхъ чиновниковъ, благодѣтельныхъ купцовъ, чело-вѣколюбивыхъ воиновъ и т. п. И въ то время, когда, подъ вліяніемъ сентиментально-филантропической «чувствительности

¹ О должностяхъ чело. и гражданина. Спб. 1796 г., 110—142.

² Разсужденіе о любви къ отечеству, 1811 г.

къ человѣческому роду» и «любви къ отечеству», мало по малу стало пробуждаться на первый разъ филантропически-юридическое сознаніе «справъ челоуѣчества»,—въ то время даже лучшіе филантропы выражали еще сожалѣніе, что въ русскомъ обществѣ начали пробуждаться, вмѣсто древнихъ, допетровскихъ своенародно-гражданскихъ добродѣтелей, добродѣтели общечеловѣческія. Карамзинъ сѣтовалъ: «должно согласиться, что мы съ приобрѣтеніемъ добродѣтелей челоуѣческихъ утратили гражданскія добродѣтели древнихъ россіянъ.... Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи»¹. Вслѣдствіе такого возбужденія патріотически-соціальныхъ, «отечественныхъ чувствъ», естественно возникли двѣ общественныя школы, одинаково проникнутыя филантропическимъ чувствомъ любви къ народу, къ отечеству, но совершенно различно понимавшія эту любовь: школа отечественно-народная, національно-филантропическая, славяно-фильская, и школа общечеловѣчески-народная, филантропически-соціальная, такъ называемая западническая. Одни умы, вслѣдствіе преобладанія идеи отечества и любви къ отечеству, «отечественное начало» признали основнымъ принципомъ общественнаго развитія. Такъ рассуждалъ уже Шнишовъ (1754—1841). Потомъ, съ 20-тыхъ годовъ, идея отечественнаго, своенароднаго начала, подъ вліяніемъ филантропически-оптимистическаго и идеально-антропологическаго воззрѣнія на челоуѣческую природу, умозрительно выводилась изъ натуръ-философскаго ученія Шеллинга объ абсолютныхъ идеяхъ племенъ и національностей². Такъ послѣдователь философіи Шеллинга, Веневитиновъ въ своемъ проектѣ журнала «Московскій Вѣстникъ» развивалъ такую идею: «всякому челоуѣку, одаренному энтузіазмомъ, знакомому съ наслажденіями высокими, представляется естественный вопросъ: для чего поселена въ насъ страсть къ познанію и къ чему влечетъ насъ непреоборимое желаніе дѣйствовать? Къ самопознанію,—отвѣчаетъ намъ книга природы. Самопознаніе—вотъ идея, одна только могущая одушевлять вселенную; вотъ цѣль и вѣнецъ челоуѣка.... Съ сей точки зрѣнія должны мы взирать на каждый народъ, какъ на лицо отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ свои нравственныя ученія, ознаменованныя печатію особеннаго характера. Цѣль раз-

¹ Записки о древней и новой Россіи. 1811 г.

² См. въ «Антропологи» Велланскаго главу: «племена рода челоуѣческаго, рассматриваемыя по ихъ происхожденію и раздѣленію, различію и сходству, въ общемъ содержаніи, особомъ положеніи и въ отношеніи оныхъ къ внѣшней природѣ», стр. 371—458.

витія сихъ ученій или самопознанія народа есть та степень, на которой онъ даетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія. Изъ самопознанія народнаго вытекаетъ идея народнаго, *отечественнаго начала* общественнаго развитія. Вотъ изъ этой-то общей идеи «отечественнаго начала» славянофилы 20-тыхъ и 30-тыхъ годовъ и выводили свою патріотически-филантропическую идею народности. Другіе умы, также основываясь на идеально-антропологической, натурь-философской идеѣ «человѣчности» (*die Menschlichkeit*) и «общаго» въ человѣческой природѣ, на основаніи идеально-антропологическаго воззрѣнія на человѣческую природу, требовали не одной національно-патріотической сантиментальной любви къ отечеству и своей народности, а также—разумно-сознательной, рационально-филантропической критики общественнаго развитія своего отечества или разумной любви къ отечеству. Такъ Чаадаевъ, въ антитезѣ славянофиламъ, писалъ: «Повѣрьте, я больше, чѣмъ кто-либо изъ васъ, люблю свое отечество, желаю ему славы, умѣю цѣнить высокія качества своего народа; но справедливо также, что патріотическое чувство, меня одушевляющее, создано не совсѣмъ по тому способу, какъ то, чьи крики разрушили мое спокойное существованіе.... Я не умѣю любить свое отечество съ закрытыми глазами, съ преклоненной головой, съ запертыми устами. Я нахожу, что можно быть полезнымъ отечеству только подъ условіемъ ясно его видѣть; я думаю, что время слѣпыхъ амуровъ прошло, что теперь прежде всего мы обязаны отечеству истиной. Я люблю свое отечество такъ, какъ научилъ меня любить его Петръ Великій. Признаюсь, у меня нѣтъ этого блаженнаго (*béat*) патріотизма, этого лѣниваго патріотизма, который устроивается такъ, чтобы видѣть все въ лучшую сторону, который засыпаетъ за своими иллюзіями, и которымъ, въ сожалѣнію, въ наше время страдаетъ много нашихъ хорошихъ умовъ»¹. Литературная борьба такъ называемыхъ западниковъ съ славянофилами, особенно разгорѣвшаяся съ 30-тыхъ до половины 50-тыхъ годовъ, болѣе или менѣе извѣстна всякому, хоть сколько нибудь знакомому съ исторіей русской литературы.

Далѣе, восторженное чувство удивленія «чудесамъ» новыхъ государственно-общественныхъ преобразованій и учрежденій, послѣ допетровскаго страха «новшества» и всякихъ измѣненій общественныхъ уставовъ и обычаевъ, подъ вліяніемъ сантимен-

¹ Г. Пинина, «Характерист. литературы. нѣмц. Вѣстникъ Европы, 1871 г. № 12, стр. 498.

тельно-филантропическаго возрѣнія на человѣческую природу и общество, впервые возбудило энтузіазмъ къ «лучшимъ и человѣколюбивымъ учрежденіямъ» государственнымъ, и вообще, породило сантиментально-филантропическій принципъ общественнаго міросозерцанія. Въ царствованіе императрицы Екатерины Великой впервые стало замѣтно господство чувствительно-человѣколюбивыхъ идей о человѣческой природѣ. И вотъ, въ это время впервые проявился восторженный энтузіазмъ къ разнымъ человѣколюбивымъ, филантропическимъ учрежденіямъ. Таковы, напримѣръ, были: изданіе «Наказа», учрежденія воспитательныхъ домовъ, народныхъ училищъ, приказовъ общественнаго призрѣнія, гражданскихъ больницъ и т. п. Сама императрица Екатерина Великая съ гордостью сознавалась, что ея учрежденія были «человѣколюбивыя и лучшія». Такъ напримѣръ, въ письмѣ къ генералъ-прокурору кн. А. А. Вяземскому, сравнивая свой Наказъ съ ливонскими законами, она писала: «чтобы ливонскіе законы лучше были, нежели наши будутъ, тому статья нельзя: ибо наши правила само *человѣколюбіе* писало, а ихъ узаконенія наполнены варварствами, не выведены изъ таковыхъ человѣколюбивыхъ правилъ»¹. Филантропическія увлеченія Екатерины, желавшей исполнѣ осчастливить народъ русскій «лучшими человѣколюбивыми учрежденіями», и въ государственныхъ сотрудникахъ ея возбуждали такой же восторженный оптимистически-филантропическій энтузіазмъ государственно-учредительнаго соревнованія. Этимъ соревнованіемъ проникнуты были всѣ лучшіе депутаты въ собраніи комисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія. Вице-Канцлеръ (кн. А. М. Голицынъ) въ рѣчи своей къ депутатамъ говорилъ: «со стороны ея императорскаго величества въ достопамятномъ манифестѣ сказано уже, что ея желаніе есть видѣть свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство простираться можетъ на сей землѣ... И такъ, начинайте и вы сіе великое дѣло (сочиненіе проекта новаго уложенія), и помните, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было наше радѣніе о общемъ добрѣ и блаженствѣ рода человѣческаго, о введеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ. Вы имѣете случай прославить себя и нашъ вѣкъ. Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы: очи ихъ на васъ обращены. Слава

¹) XVIII вѣкъ кн. III, стр. 388—389.

ваша въ вашихъ рукахъ!»¹. Депутаты также провозглашали, что «взаимное человеколюбіе есть основаніе общественнаго спокойствія и государственныхъ добрыхъ дѣлъ», что «Начало Наказа научаетъ насъ непремѣнному правилу человеколюбія — взаимно дѣлать другъ другу добро, естественное же право подтверждаетъ, что мы столько добра другому желать должны, сколько его себѣ желаемъ» и т. п.². Государственные сановники тоже съ восторженнымъ чувствомъ удивленія учрежденіямъ Екатерины представляли ей проекты и планы разныхъ филантропическихъ, «человеколюбивыхъ учреждений», въ родѣ проэктовъ Бецкаго объ учрежденіи воспитательныхъ домовъ и училищъ, или проэктовъ кн. М. Волконскаго «о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ и о раздѣленіи имперіи на губерніи»³. Частные люди, также подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическихъ идей и чувствъ, составляли свои проекты объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, объ облегченіи солдатской службы, объ учрежденіи лучшаго судопроизводства, о вѣротерпимости и т. п.⁴. Затѣмъ, оптимистически-филантропическій энтузіазмъ къ учрежденіямъ съ наибольшею энергіею проявился въ царствованіе Александра I, въ послѣдній физичесъ господства восторженнаго чувства удивленія «чудесамъ правленія». Самъ императоръ Александръ, въ первые годы своего царствованія, до энтузіазма проникнуть былъ сантиментально-филантропическими идеями и чувствами. Вслѣдствіе этого, всѣ его государственныя и общественныя учрежденія происходили изъ человеколюбивыхъ побужденій, проникнуты были филантропическимъ духомъ. Таковы въ особенності были всѣ «публичныя учрежденія», основанныя на иждивеніи приказовъ общественнаго призрѣнія и, въ частности, основаніе императорскаго Человеколюбиваго Общества (1802 г.). «Всѣ наши подобныя учрежденія,—писалъ И. М. Долгорукій

¹ Сборн. русс. историч. общ. т. IV. Русс. Арх. годъ 5-й, стр. 363—364.

² Сборн. русс. историч. общ. IV, стр. 100, 169, 188.

³ XVIII-й Вѣкъ, кн. I, стр. 160—161.

⁴ Радицева, Путеш. Спб. 1868 г. стр. 25, 44, 60. Русс. Архивъ годъ 5-й, стр. 265—266: Записки Д. В. Мертваго. Высшею общественною, гражданскою добродѣтельно считалось устройство филантропическихъ, человеколюбивыхъ заведеній. Въ XVIII вѣкѣ не только богатые купцы, но и вельможи ознаменовывали свою жизнь «монументами филантропій». Шереметьевы строили странноприимныя дома, Куракины богадѣльни, Голицыны больницы, Демидовы осыпали золотомъ юный московскій университетъ и только что созданный Екатерининою Воспитательный домъ, Раумовскій жертвовалъ 85 червонныхъ за рѣшеніе задачи о назначеніи земли подъ крестьянское тягло и т. п. XVIII-й Вѣкъ, кн. 2, стр. 492—493.

въ 1810 году,—можно назвать образчиками филантропіи»¹. Карамзинъ ничѣмъ такъ не восхищался въ учрежденіяхъ императора Александра I, какъ ихъ человѣколюбивымъ духомъ, и ничего такъ не желалъ, какъ только «правъ, согласныхъ съ человѣколюбіемъ». «Государь,—писалъ онъ,—желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться его человѣколюбивыми уставами. Предупредимъ гласъ потомства, судъ историка и Европы, скажемъ, что *есть новые законы наши человѣколюбивы*. И мы желаемъ пользоваться единственно такими правами, которыя *согласны съ человѣколюбіемъ* и общимъ благомъ государства»². И дѣйствительно, государственныя или гражданскія учрежденія Александра I мотивировались филантропическими идеями, какъ можно видѣть на примѣръ изъ манифеста объ учрежденіи министерствъ 8 сентября 1802 г., изъ манифеста объ открытіи государственнаго совѣта и рѣчи императора Александра по этому поводу въ особомъ торжественномъ собраніи 1 января 1808 г., изъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ 1803 года, вызваннаго, по словамъ императора и графа С. П. Румянцева, «чувствительностію сердца» и т. п.³ Возбужденныя филантропическими идеями и чувствами императора, государственные дѣятели также съ восторженно-либеральнымъ увлеченіемъ сочиняли проекты и записки о новыхъ «лучшихъ и человѣколюбивыхъ учрежденіяхъ». Въ особомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ самыхъ приближенныхъ къ государю сановниковъ, говорились восторженныя филантропическія рѣчи, читались филантропическіе проекты и записки объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, о смягченіи деспотическаго «привычка нашего правленія», о филантропическомъ дарованіи народу конституціи и т. п. Сперанскій, по собственнымъ словамъ его, раздѣлявшій съ императоромъ Александромъ свои телеолого-оптимистическія и филантропическія идеи «о высокомъ предназначеніи челоуѣческой природы, о законѣ всеобщей любви, яко единомъ источникѣ бытія, порядка, счастья, всего изящнаго и высокаго»,—Сперанскій также воодушевленъ былъ филантропическимъ энтузіазмомъ «къ лучшимъ человѣколюбивымъ учрежденіямъ». Подъ влияніемъ его, онъ сочинилъ свой знаменитый «планъ государственнаго преобразованія» или «планъ конституціонной монархіи» для наилучшаго благодѣтельствованія на-

¹ Путешествіе въ Одессу и Кіевъ 1810 г. Чтен. общ. истор. 1869 г. кн. 2, стр. 12.

² О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи 1803 г.

³ См. на примѣръ, «Записку С. П. Румянцева о вольныхъ земледѣльцахъ» въ Русс. Арх. годъ 7-й (1869) № XI, стр. 1954—1966.

рода благоденствіемъ. Вообще, Сперанскій, (можно сказать, до мистицизма проникнуть былъ филантропическими принципами государственныхъ учреждений. Такъ въ письмѣ къ императору Александру 6 января 1816 года, онъ указывалъ на необходимость приложенія христіанско-филантропическихъ началъ къ государственнымъ учреждениямъ, на примѣръ, во имя христіанскаго человѣколюбія, требовалъ смягченія «весьма жестокой полиціи и уголовныхъ законовъ, улучшенія образа содержанія колодниковъ и устройства темничнаго, пресѣченія жестокаго обращенія «нисшихъ правительствъ съ преступниками, уже наказанными и долгъ свой правосудію заплатившими», усиленія «христіанскихъ утѣшеній» людей, заключенныхъ въ тюрьмахъ», далѣе, желалъ облегченія народа отъ податей, указывая на необходимость «скораго разсмотрѣнія уравнительнаго распредѣленія государственныхъ податей и тяжестей и проч. ¹. Точно также, и другіе либерально-мыслящіе умы александровскаго времени съ энтузіастическимъ увлеченіемъ помышляли о новыхъ «лучшихъ человѣколюбивыхъ учрежденіяхъ» государства. Такъ какъ идея государственно-общественнаго члена, гражданина, патриота тогда еще преобладала надъ «идеєю чловѣка,—то и въ государственно-гражданскихъ понятіяхъ всѣхъ тогдашнихъ либеральныхъ умовъ филантропическая идея лучшаго, наиболѣе благотѣльнаго для народа государственнаго устройства, идея «конституціи» еще вполне преобладала надъ реально-научной, антропологической идеей социальной реформы. Всѣ они помышляли и говорили о государственной конституціи. «Приѣзжающіе русскіе,—писалъ тогда Форгагенъ фонъ Энзе,—говорятъ о необходимости конституціонныхъ учреждений, которая чувствуется въ Россіи... Вся русская аристократія, какъ говорятъ, въ полномъ броженіи, потребность и желаніе имѣть конституцію простираются очень далеко... Движеніе 14 декабря было сильнѣе и глубже, чѣмъ хотятъ признаться... Всѣ кричали о конституціи». И эти конституціонныя идеи и стремленія, въ свою очередь, также всецѣло проникнуты были патриотически-филантропическими мотивами. По словамъ официального «денесенія» по дѣлу декабристовъ, авторы устава «Союза благоденствія» объявляли именемъ основателей его, что дѣль ихъ есть одно благо отечества, и въ первой отрасли предметовъ дѣятельности было *челотколюбіе*: она должна была имѣть надзоръ за всѣми блготворительными заведеніями, уѣдомляя начальство ихъ и самое правительство о злоупотребленіяхъ и без-

¹ Русскій Архивъ годъ 5-й, стр. 451—452. 454.

порядкахъ, какіе могли въ нихъ оказываться, а также о средствахъ ихъ исправленія и усовершенствованія. Во второй отрасли его дѣйствій заключалось умственное образованіе народа, заведеніе школъ, особенно ланкастерскихъ, все отечественное, въ третьей—исправленіе судовъ и т. п. ¹.

Вообще же, благотворнѣйшими слѣдствіями сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу и общество были не одни только «образчики филантропіи», но и зачатки сантиментально-филантропической идеи «права человѣчества» или разумно сознательной идеи справедливости. Восторженное чувство удивленія чудесному устройенію человѣческой природы, побудившее умы къ смѣлому антропологическому или фیزیолого-психологическому ея познанію, послѣ допетровской византійской идеи о «разницѣ людскаго достоинства», предначертаннаго отъ сотворенія человѣка, впервые возбуждало убѣжденіе, что человѣческая природа равна во всѣхъ людяхъ, что всѣ люди имѣютъ равное человѣческое достоинство и право. Съ половины XVIII-го столѣтія, всѣ передовые мыслящіе умы впервые стали все болѣе и болѣе сознавать ту фیزیолого-психологическую и соціально-антропологическую истину, что «во всѣхъ людяхъ, и въ свободныхъ и въ холопахъ течетъ та же кровь, та же плоть, тѣ же кости», что «безразсудн» допетровскаго времени должны всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія, чтобы увидѣть, что нѣтъ разницы между господиномъ и крестьяниномъ», что «всѣ люди имѣютъ равную душу, равныя чувства и страсти», что «спахарь и вельможа равны въ судѣ», «что саны различны, а прага людей равны», что «всѣ состоянія должны быть равны передъ закономъ», что

Законовъ подъ одною чертою
Равенъ вельможа и пастухъ ².

И вотъ вслѣдствіе зарожденія такихъ идей, сантиментально-филантропическая идея «правъ человѣчества», какъ выражался извѣстный законовѣдъ XVIII вѣка Полѣновъ, и «чувствительность къ человѣчеству» естественно-психологически вели къ первымъ зачаткамъ сантиментально-филантропической идеи справедливости, хотя, на первый разъ, еще въ легально-юридическомъ смыслѣ. Такимъ образомъ, послѣ первобытнаго понятія

¹ Г. Пыпина, Обществ. движеніе проч. Александрѣ I. Также его статья въ Вѣстн. Европы 1869 г. № 12. стр. 757—770.

² Сочиненія Кантемира, изд. 1836 г. т. I, стр. 35, 41 и 42. Сочиненія Сумарокова, изд. 1787 г. ч. VI. Радищева, Путешеств. изд. 1868 г. стр. 60. Сочиненія Державина, Сиб. 1831 г. ч. 2, стр. 27.

о правдѣ, какъ кулачному правѣ или праворучной расправѣ сильнѣйшихъ, и послѣ допетровской богобоязненно-теократической идеи «справды Божіей» и «справды князей» или «царской», такая внушалась страхомъ правосудія Божія и страхомъ княжеской или царской десницы и державы,—подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, впервые стала развиваться въ самомъ нравственномъ чувствѣ русскихъ людей и въ разумномъ сознаніи ихъ, на первый разъ, филантропически-юридическая идея справедливости. Такъ напр. Пнинъ (1772—1805) восторженно прославлялъ справедливость, въ филантропически-юридическомъ смыслѣ «Правосудія»:

О правосудіе! Тобой
Хранится только смертныхъ родъ. . .
Гдѣ ты—тамъ царствуютъ законы,
Тамъ человекъ всегда почтенъ,
И къ правдѣ путь не загражденъ,
Тамъ истина безъ страха ходитъ. . .
Гдѣ ты—тамъ равными правами
Граждане пользуются всѣ. . .
Гдѣ ты—тамъ воля не раздается
Несчастныхъ брошенныхъ сиротъ;
Всѣмъ нужна помощь подается,
Не работѣпствуешь народъ.
Тамъ земледѣлецъ не страшится,
Чтобъ насильствомъ могъ лишиться
Имъ въ потѣ собранныхъ плодовъ. . .
Гдѣ ты—тамъ геній просвѣщенья
Ведетъ на путь прямой людей,
Тамъ духъ зримой свободы,
Проникнувъ таинства природы,
Сторично собираетъ плодъ ¹⁾.

Когда же, такимъ образомъ, зародились первые зачатки разумно-сознательной, филантропически-юридической идеи «права человѣчества» и справедливости, тогда, естественно, возможно и необходимо стало и зарожденіе сантиментально-филантропической идеи наиболѣе человѣчнаго и наиболѣе справедливаго благоустройства общества. Чтобы яснѣе видѣть всю силу историко-логической послѣдовательности и необходимости такой перемѣны общественныхъ идей,—вспомнимъ вкратцѣ, какъ, сначала, первобытные предки наши, «жившіе въ гѣсу звѣринскимъ образомъ», преслѣдуемые страхомъ звѣрской силы и праворучной расправы сильнѣйшихъ мужей, при господствѣ антропофагически-человѣкобоязненнаго взгляда на человѣческую природу, создали самый несправедливый, съ современной точки

¹⁾ Журналъ россійской словесности. 1806. № 10.

зрѣнія, антропофагически-человѣкобязанный, животное-эгоистическій родовой строй общества, въ которомъ господствовали грубая физическая сила—человѣкоубійственная, хищническая, разбойническая, воинственно-поработительная и междуусобно-враждебная, или кулачное право, право сильного, порча людей, междуусобная звѣрски-ожесточенная борьба старѣйшихъ и сильнѣйшихъ родичей съ младшими и слабыми, человѣкоубійства и даже антропофагія въ видѣ человѣческихъ жертвоприношеній. Далѣе, вспомнимъ, какъ допетровскіе предки наши, возбужденные христіанскимъ чувствомъ страха Божія къ обузданію первобытнаго господства грубой физической силы и къ воспитанію мистико-теологической, богобязанной любви къ ближнимъ, какъ братьямъ и сестрамъ по Богѣ,—при возникновеніи идеи христіанскаго «братолюбія» или «братства людей», мало по малу преобразовывали первобытный, антропофагически-человѣкобязанный, междуусобно-враждебный родовой строй общества въ богобязанно-братолюбивый, еократически-государственный, въ которомъ при замѣнѣ междуусобной розни и борьбы грубой физической и физиолого-генеративной, «братоненавистной» родовой силы единодержавною «крѣпкою рукою и высокою десницею» московскихъ самодержцевъ, впервые зарождалась и воспитывалась богобязанная идея общественнаго союза людей, какъ братья и сестры по Богѣ, но въ тоже время еще сильно проявлялось и первобытное господство грубой физической силы и животное-эгоистическихъ наклонностей, напр. въ сохраненіи остатковъ кулачнаго права, «битвы въ полѣ», «порчи людей», звѣрскаго человѣкоубійства и т. п. Вспомнимъ все это,—и мы поймемъ, какъ, въ силу историко-логической послѣдовательности и преемственности идей, естественно и необходимо было, за тѣмъ, это дальнѣйшее движеніе развитія, именно—развитіе сантиментально-филантропической идеи или основы наиболѣе человѣчнаго и наиболѣе справедливаго общественнаго устройства. Оно неизбѣжно, естественно-психологически требовалось тогда, когда, подъ вліяніемъ восторженнаго чувства удивленія чудесному устройенію человѣческой природы, развилось сантиментально-филантропическое воззрѣніе на нее и на общество, когда въ умахъ, воспитанныхъ предварительно подъ вліяніемъ богобязанной идеи любви къ ближнимъ, сантиментально-филантропическое воззрѣніе на человѣческую природу, сосредоточивши умы на идеѣ человѣка, впервые порождало сантиментально-филантропическую идею любви къ человѣку; уваженія человѣческаго права и достоинства. Теперь во всѣхъ сферахъ общественной жизни, новыя радикальныя

преобразованія государственныя и общественныя, послѣ допетровскаго страха новшествъ, естественно возбуждали восторженное чувство удивленія, какъ чудеса геніевъ Петра великаго и Екатерины великой, какъ чудеса человѣческой природы, и подѣ влияніемъ сентиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, естественно порождали новыя, наиболѣе антропологичныя, сентиментально-филантропическія общественныя идеи и требованія. Не касаясь въ настоящемъ очеркѣ всѣхъ частныхъ сторонъ общественной жизни, на примѣръ общественнаго обезпеченія фізіологической потребности нищи, жилища и одежды, общественныхъ санитарныхъ или медицинскихъ понятій и учрежденій, эстетическихъ понятій и увеселеній, антрополого-этнографическихъ понятій и международныхъ отношеній,—мы прямо перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ преобразованій и нововведеній, какія произошли въ сферѣ общественнаго и умственнаго развитія, въ сферѣ общественнаго труда и въ сферѣ общественнаго положенія женщины, вслѣдствіе новыхъ идей, возбужденныхъ восторженнымъ чувствомъ удивленія чудесамъ природы внѣшней и человѣческой и сентиментально-филантропическимъ воззрѣніемъ на человѣческую природу.

А. Щановъ.

ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI¹.

Кто виноватъ?

Мое положеніе сдѣлалось опять жалкимъ, почти безвыходнымъ: жить было нечѣмъ, и частной службѣ не предвидѣлось. Одни откупщики, или, изрѣдка, подрядчикъ какой-нибудь нуждались въ грамотныхъ служащихъ, прочій же торгующій и спекулирующій еврейскій людъ искалъ людшекъ подешевле, позабытъе, которые довольствовались бы заплѣсневѣлымъ сухаремъ и нищенскимъ рубищемъ, которые, въ добавокъ, умѣли бы, при случаѣ, въ пользу своихъ хозяевъ, обсчитать, обмѣрить и обвѣсить кого слѣдуетъ.

Во что бы то ни стало, я долженъ былъ отправить мою семью къ родителямъ, въ деревню, чтобы приобрести временную свободу уѣхать куда-нибудь въ другое мѣсто для отысканія какой-нибудь частной службѣ. Но упорная жена моя на отрывъ отдалась тронуться съ мѣста.

— Корми какъ знаешь, твердила она съ непоколебимомъ упорствомъ: — на то ты мужъ. Куда ты, туда и я.

Чтобы образумить упрямыцу, я выписалъ мою мать. Все время я скрывалъ отъ матери, какъ несчастную мою семейную жизнь, такъ и скверную мою службу; я зналъ, что она моему горю пособить не можетъ; къ чему же огорчать ее и безъ пользы умножать ея собственныя горести?

Меня не было дома, когда мать моя пріѣхала. Я безъ цѣли шлялся по улицамъ, лишь бы не видѣть вѣчно угрюмаго лица жены и не слышать ея безконечныхъ упрековъ. Мнѣ опротивѣлъ и мой домъ, и моя семья. По правдѣ сказать, я и дѣтей своихъ

¹ См. предыдущія главы въ XI и XII №№ «От. Зап.» 1872 г.

не любилъ; я ихъ ласкалъ не подъ вліяніемъ натурального родительскаго чувства, а подъ вліяніемъ чувства состраданія и жалости къ этимъ несчастнымъ твореньицамъ, вѣчно хныкающимъ и плачущимъ, вѣчно ругаемымъ и наказываемымъ матерью.

Когда я возвратился домой и засталъ мою мать въ слезахъ, а жену что-то съ необыкновеннымъ жаромъ разсказывающею и жестикулирующею руками, я сразу понялъ, что моя супруга успѣла уже передать матери обо всемъ, и передать, конечно, въ томъ ложномъ и изуродованномъ видѣ, въ которомъ она всегда старалась выставить самыя простѣ мои поступки.

— Я всегда буду съ нимъ несчастна. Мы вѣчно будемъ нищенствовать. Онъ ни съ кѣмъ ужиться не можетъ. Его глупая гордость...

Завидѣвъ меня, она оборвалась на половинѣ фразы. Мать бросилась ко мнѣ въ объятія и зарыдала.

— Какой ты несчастный, бѣдный мой Сруликъ! Всѣ обвиняютъ тебя! пожалѣла она меня.

— Кто же эти всѣ, матушка?

— Ну, хоть бы жена твоя.

— Выслушайте прежде меня и затѣмъ судите: виновать ли я въ томъ, что съ нами случилось.

Я заботливо усадилъ мать и подробно разсказалъ ей то, что уже извѣстно моимъ читателямъ. Жена прерывала меня на каждомъ словѣ, но мать не обращала на нее никакого вниманія и сосредоточенно дослушала меня до конца.

— Посудите теперь, матушка, могъ ли я поступить иначе, могъ ли я остаться у плута, вздумавшаго, въ добавокъ, опутать меня векселями?

— Векселями?! передразнила меня жена, состроивъ презрительную гримасу. — Банкиръ важный, тоже векселей боится! Много съ тебя взяли бы?

— Ты дура, и притомъ злая дура! срѣзала ее мать: — ты честно и умно поступилъ, сынъ мой; я горжусь тобою. Богъ воздастъ тебѣ; повѣрь, что рано или поздно, но Богъ вознаграждаетъ праведныхъ. Вспомни слова святаго писанія: „Я не видѣлъ праведника, дѣти котораго молили бы о хлѣбѣ насущномъ“.

Но рассчитывая на краснорѣчіе моей матери, я горько ошибся. Ни убѣжденія, ни просьбы, ни угрозы ея не подѣйствовали на мою жену. Она твердила одно:

— Не поѣду я безъ него, не дамъ ему воли. Запрягся, пусть и тянетъ лямку, какъ всѣ мужья. Чтѣ онъ за цаца такая?

Мать провозилась съ невѣсткой цѣлѣмъ два дня къ ряду, и провозилась даромъ, безъ успѣха.

— Противъ такого закоснѣлаго упорства я средствъ не имѣю, сказала мнѣ мать, на третій день.—Мнѣ кажется, что было бы всего лучше, если бы ты съ ней вмѣстѣ переселился въ деревню, къ намъ.

— Мнѣ переселиться въ деревню? что вы, матушка? Чѣмъ же мы жить будемъ? что я тамъ дѣлать стану?

— Мой сынъ, послушайся моего совѣта, оставь откушциковъ и подрядчиковъ и живи такъ, какъ многіе евреи живутъ. Одѣнься просто, поеврейски, выбрось изъ головы кичливость, вспомни, что ты—самый обыкновенный еврей; вѣдь маленькое знаніе русской грамоты не Богъ знаетъ какаѣ мудрость.

— Чѣмъ же я жить стану?

— Отецъ уступить тебѣ лучшей кабакъ...

— Что вы, маменька? Я... въ кабачники? Ха-ха-ха! Что вы?

Мать замѣтила язвительный характеръ моего смѣха. Она грустно опустила голову и какимъ-то нерѣшительнымъ, притихшимъ тономъ сказала:

— Не знаю, сынъ мой, что въ моемъ предложеніи смѣшнаго; знаю только одно, что въ каждомъ ремеслѣ человѣкъ, если захочетъ, можетъ быть честнымъ. Скажи, чѣмъ Тугаловы и Клопы лучше кабатчиковъ? Не тѣмъ ли только, что они богаче?

— Трудно быть честнымъ кабатчикомъ, маменька. Необходимо воду въ водку подливать, обмѣривать, обсчитывать и... воровскими вещами шахровать.

— Необходимо, говоришь ты? Кто заставляетъ?

— Нужда, иначе насущнаго куска хлѣба имѣть не будешь.

— Вздоръ. Твой отецъ торгуетъ водкой, и торгуетъ честно, ручаюсь тебѣ.

— Вѣрю. Но онъ не кабатчикъ, а маленький откушчикъ, это совсѣмъ другое дѣло. Нѣтъ, питаться кабакомъ не желаю; лучше съ голоду умру.

— Ты не имѣешь права такъ разсуждать: у тебя жена и дѣти.

— Знаю, и знаю, что этимъ счастьемъ я тебѣ обязанъ.

Вѣроятно, въ моихъ послѣднихъ словахъ скрывалось много желчи. Лицо матери передернулось и крупныя слезы покатались по блѣднымъ щекамъ. Мнѣ стало жаль ее. Я приласкался къ ней.

— Извини, дорогая, я увлекся. Ты тутъ не причѣмъ. Ты поступила, какъ всѣ поступаютъ, не такъ ли?

— Нѣтъ, я загубила тебя и казнюсь предъ тобою. Я во многомъ была глупа и несправедлива. Сознаюсь тебѣ, что я въ послѣднее время много поняла изъ того, [чего прежде не понимала, такъ что даже отецъ твой, въ шутку, величаетъ меня по временамъ еретичкой.

За это искреннее признаніе я горячо поцаловалъ мою мать.

— Слушай, сынъ мой. Я накопила, тайкомъ отъ отца, тысячу, другую. Я намѣревалась сохранить ихъ на черный день. Но твое скверное положеніе, въ которомъ я, отчасти, сама виновата, я считаю чернѣйшимъ днемъ въ моей жизни. Съ радостью я отдамъ тебѣ эти деньги. Ты купишь себѣ въ деревнѣ домикъ—я уже имѣю такой на примѣтѣ—и устроишь себѣ лавочку. Честно шинкуя и торгуя, ты будешь имѣть кусокъ хлѣба и докажешь, что можно быть и честнымъ кабатчикомъ, и честнымъ крамаремъ. Не такъ-ли?

Я молчалъ. Внезапный наплывъ чувства сдавилъ мнѣ горло; я боялся заплакать. Но въ концѣ концовъ, разумѣется, я согласился.

Жена не была при этомъ разговорѣ. Я объявилъ ей о нашемъ рѣшеніи. Она даже не поблагодарила свекровь.

Черезъ нѣсколько дней, мы перетащили весь нашъ скарбъ въ деревню. Мать моя, между тѣмъ, купила для меня деревенскій камышевый домикъ на базарной площади, привела его въ порядокъ и позаботилась объ устройствѣ нашего хозяйства.

Когда я свидѣлся съ отцомъ, онъ хлопнулъ меня по плечу и похвалилъ.

— Молодецъ—ты у меня, Сруль! Мать сказывала, что ты у Клопа успѣлъ накопить кругленькую сумму. Очень радъ, очень радъ. Жаль только, что ты такъ поторопился его бросить; вѣдь на подобные случаи не каждый день наткнешься.

Мнимая моя способность копить деньги внушила отцу особенное уваженіе ко мнѣ. Онъ смотрѣлъ уже на меня какъ на дѣльнаго человѣка и пересталъ опекать, чему я былъ безконечно радъ. Я пересталъ быть зависимымъ отъ другихъ и зажилъ свободно и, относительно, счастливою жизнью, благодаря добротѣ и щедрости моей матери.

Домишко мой, состоявшій изъ двухъ комнатокъ, кухни, кладовой и сѣней, глѣпился въ углу деревенскаго, маленькаго, густаго, но одичалаго садика; за садикомъ тянулся небольшой лужокъ до самыхъ окраинъ болотистой рѣченки. Дворъ заключалъ въ себѣ обширное пустопорожнее мѣсто, тянувшееся до самой базарной площади. На концѣ двора, я выстроилъ, на скорую руку, деревянную лавочку подъ соломенной крышей, и [землянку для кабака. При содѣйствіи матери, я накупилъ разнаго деревенскаго лавочнаго товара. Тутъ были и яркія ленты, и гигантскіе гвозди, и деготь, и коноплянное масло, подковы, чоботы, медъ и купоросъ, иголки, сеledки, орѣхи и пряники, подошвы и ситецъ, однимъ словомъ: полное крамарское tutti-frutti. Смѣсь эту я однажды привелъ въ строгую систему, расположилъ на полкахъ

по роду и свойству продуктовъ и товаровъ. Кабакъ снабдилъ значительнымъ количествомъ пьянаго матеріала въ боченкахъ и стеклянной посудѣ, и посадилъ цѣловальницу, старую хохлушу. За устройствомъ моей торговли, осталась еще часть наличныхъ денегъ и для мелкой спекуляціи. Толковая мать руководила мною какъ опытный, но безгласный компаніонъ, но [хозяиномъ всѣхъ этихъ благъ именовался я.

Въ продолженіе длинной, суровой зимы, я не переставалъ тосковать въ глуши. Новыхъ книгъ я не имѣлъ, достать было негдѣ, съ живымъ человѣкомъ, съ которымъ можно было бы перекинуться интереснымъ словомъ, я не сталкивался. Мужики, даже престарѣлый деревенскій попъ, день и ночь копошились въ гумнахъ. Торговля шла копеечная, мелкая, противная. Я сначала попытался повесть торговлю безъ торгу, но мужики осмѣяли меня.

— Ишь, что выдумалъ! указывали они на меня узловатыми пальцами:—не торговаться! Гдѣ же это водится? Въ губерніи и то добрые люди торгуются, а онъ новые порядки заводитъ вздумалъ! сказано: молодо-зелено.

Волей, неволей приходилось запрашивать въ три дорога; мнѣ сулили въ три дешева и, послѣ цѣлыхъ потоковъ словоизверженій, упрасиванія, увѣренія и божьбы, сходились въ цѣнѣ. Все это было отвратительно до тошноты. Кабакъ причинялъ мнѣ то же не мало горя. Я строго-на-строго воспретилъ цѣловальницѣ обмѣривать потребителей; она аккуратно выполняла мои приказанія, и каждую налитую мѣру подносила подъ самый носъ покупателя, чтобы увѣрить его въ своей добросовѣстности. Но это не спасало ни ее, ни меня отъ обидныхъ подозрѣній.

— Что-то ужъ чрезъ край хватаетъ. Вѣдьма, должно быть, воду льетъ въ бочку, потому самому и не жалѣеть.

Вздумалъ было я не отпускать водки въ долгъ, но поднялся такой бунтъ, что я не зналъ куда дѣваться.

— Кабакъ разнесемъ! Ишь, ты, опохмѣлиться не даешь! Да есть ли у тебя душа, бусурманъ, нехристь ты этакій?

Пришлось и въ кредитъ отпускать.

Грустно было жить и по волчьей выть. Навѣдаешься бывало къ роднымъ, и тамъ тоска смертная. Отецъ вѣчно возится съ своими ступными пузатыми книжищами, мать въ хлопотахъ по хозяйству. Посидишь, назѣваешься вдоволь и поллетешься обратно въ свою конуру, отмахиваясь во всю дорогу отъ косматыхъ деревенскихъ собачищъ. Придешь домой—еще горестнѣе. Съ женою не о чемъ толковать, а заговоришь для очистки совѣсти, услышишь непремѣнно такую дичь, выраженную такимъ

самоувѣреннымъ, безаналогіоннымъ тономъ, что только озлянься и кровь себѣ испортишь. Я измѣнилъ всѣ свои городскія привычки: ложился съ курами, вставалъ съ пѣтухами; обѣдалъ въ десять часовъ утра. Къ торговлѣ я относился вало, почти апатично. На душѣ было пасмурно, туманно, сонливо. Иногда трехсуточная вьюга превратитъ деревню въ какую-то безлюдную пустыню, гдѣ, въ продолженіи цѣлнхъ сутокъ, не увидишь даже хрюкающей свинной морды. Въ такое бѣсовское время, одинъ кабакъ оглашался отъ времени до времени бессмысленными монотонами, или хрипкою заунывною пѣснью въ одиночку зашивающаго горе мужичка.

Мать замѣчала мою грусть и, при каждомъ случаѣ, утѣшала.

— Тебѣ скучно, сынь мой, знаю. Это отъ непривычки. Конечно, городъ совсѣмъ не то... Тамъ ты имѣлъ друзей. Да что-жь дѣлать? хлѣбъ не легко достается. Потерпи, наступитъ весна, лѣто, садикъ твой зацвѣтетъ, лужекъ покроется зеленью. Мы расплодимъ птицу. купишь себѣ коровку и лошадку. Въ лавченку прибавимъ товарцу краснаго, изъ первыхъ рукъ; станешь по ярмаркамъ развѣзжать, совсѣмъ не то будетъ. Вотъ, увидишь.

И точно, съ наступленіемъ весны, духъ мой обновился; вмѣстѣ съ первою зеленью, зародилась какая-то радостная надежда въ моемъ молодомъ сердцѣ. Моя лавочка была единственною въ деревнѣ. Торчать въ ней цѣлыя дни не было никакой надобности; кому что нужно, тотъ придетъ ко мнѣ на домъ и позоветь. И такъ, я имѣлъ довольно свободнаго времени. Я обзавелся и коровой, и лошадью, и разной птицей, и голубятней. Я началъ съ того, что нанялъ пожилого трезваго мужика въ услуженіе, опытнаго по сельско-хозяйственной части. Совмѣстно съ нимъ, мы возобновили плетень около двора, выбѣлили строеніе, исправили крыши, очистили садикъ, окопали фруктовыя деревья, раскопали удобное мѣсто для огорода. Я физически работалъ наравнѣ съ моимъ работникомъ, засучивъ рукава. Я сладко ѣлъ, и еще слаще спалъ послѣ дневнаго труда. По мѣрѣ того, какъ я втягивался въ физическій трудъ, внутренній мой разладъ съ самимъ собою и порядкомъ вещей, обращался въ довольство самимъ собою. Сотни сомнѣній и запросовъ поочередно исчезали куда-то, и, вмѣсто нихъ, приходили не крупныя, но тѣмъ не менѣе довольно важные интересы. Я, видимо, перерождался въ сельскаго, для котораго рожденіе теленка и смерть курицы составляютъ событія дня. Я дѣлался какъ-то проще, и чѣмъ далѣе шло мое превращеніе, тѣмъ больше и больше хотѣлось мнѣ привязаться къ своей женѣ, втануть ее въ наши общіе интере-

сы, возбудить въ ней какую-нибудь страсть, хоть къ расслаживанію цыплятъ и гусенятъ. Сначала, дѣло шло на ладъ; она низошла до того, что работала вмѣстѣ со мною въ саду, смазывала своеручно глиняный полъ, страпала мои любимыя блюда; но скоро она пуще прежняго заснула тѣломъ и духомъ, сложила руки и пошла меня угощать воркотней и кислой физиономіей.

Судьба, однакожь, помогла мнѣ. Старый деревенскій полъ приказалъ долго жить, а самъ отправился къ предкамъ. На мѣсто покойнаго поступилъ молодой священникъ, пѣвецъ и гитаристъ. Я сразу съ нимъ сошелся; мы оба любили музыку. Въ короткое время, мы полюбили другъ друга. Молодой священникъ страстно любилъ литературу, и не любилъ попадью, читалъ много и имѣлъ много книгъ свѣтскаго содержанія. Все досужее время мы, болѣею частью, проводили вмѣстѣ и много читали, и очень часто сами смѣялись надъ нашей оригинальной дружбой.

— Какъ странно, право, удивлялся священникъ: — пошь и жидъ — друзья!

— Пожалуйста, не предавай же меня анаемѣ! просиль я его въ шутку.

Я полюбилъ деревню отъ всего сердца. Я забросилъ свое городское платье и одѣлся подеревенски, несмотря на всѣ протесты моей жены и родителей. Развѣзжалъ я безъ кучера, научился всѣмъ деревенскимъ приемамъ, ѣздилъ верхомъ, на несоѣданной лошади, десятки верстъ тащилъ на собственныхъ плечахъ тяжести. Мои мускулы съ каждымъ днемъ крѣпли больше и больше, я наслаждался своей физической силой и почти гордился ею. По мѣрѣ возрастанія этой силы и укрѣпленія моего здоровья, уменьшалась и моя привитая воспитаніемъ трусость. Я чувствовалъ себя въ силахъ вступить въ борьбу, не опасаясь быть раздавленнымъ сразу.

Я былъ польщенъ и въ другомъ отношеніи. Какъ ни подозрительно относились ко мнѣ мужички сначала, они, все-таки, въ послѣдствіи, начали уважать меня. Они убѣдились, что я ихъ не обижаю, не обираю и не обчитываю. Довѣріе ихъ дошло наконецъ до того, что при расчетахъ они перестали пускаться со мною въ подробности.

— Да ты, братъ, посмотри въ книгу и скажи, сколько тамъ слѣдуетъ. Нечего разсказывать. Ты у насъ человѣкъ аккуратный, не обманешь.

Нерѣдко, случалось, что знакомые мужички, не сладивъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ или расчетѣ, выбирали меня почетнымъ медиаторомъ. Въ такихъ случаяхъ, мои рѣшенія исполнялись обѣими сторонами безпрекословно.

Одного только мужички не могли простить ни мнѣ, ни попу, это-то, что мы гнушались *ильновать*.

— Что это за попь и что это за шинкарь такой? Чарки отъ нихъ никогда не увидишь.

Ильнованіе, въ Малороссіи и Новороссіи, заключается въ томъ, что шинкари, крамары, чины сельской полицейской власти и даже священники, въ воскресные или праздничные дни, отправляются на домъ къ деревенскимъ жителямъ съ запасомъ водки, которою угощаютъ всѣхъ членовъ семьи. Въ награду за подобное вниманіе, всякій выпившій обязанъ сдѣлать подарокъ щедрому гостю. Кто подаритъ мѣшечекъ пшенички, кто ржи, кто проса, кто курицу, кто яичко. Ильнующій, израсходовавъ боченокъ водки впродолженіи дня, возвращается къ вечеру съ полнонагруженной разнымъ добромъ телегою. Безсовѣстная эта эксплуатация обратилась въ такой неизблемый обычай, что ильнующіе считаются гордцами, людьми невнимательными.

Торговля по лавкѣ пошла у меня тоже лучше прежняго. Я отправился на большую ярмарку и закупилъ свѣжаго товара изъ первыхъ рукъ, на значительную сумму, частью на наличныя деньги, а частью въ кредитъ. Мой „крамъ“ прославился въ околоселѣ; навѣзжали изъ близкихъ и дальнихъ деревень чтобы отдать честь моей лавкѣ. При чемъ, очень часто обнаруживалась моя неопытность. При покупкѣ бумажныхъ матерій или платковъ, я руководствовался собственнымъ вкусомъ, выбиралъ цвѣта понѣжнѣе, на дѣлѣ же оказывалось, что я закупилъ негодное.

— Да что ты мнѣ суешь? возмутится бывало деревенская красавица или сельской парубокъ-левъ.— Ты подай такое, что-бы изъ далека видно было.

Что-бы сбыть негодный товаръ, я началъ развѣзжать отъ времени до времени по ярмаркамъ, и, для экономіи, своеручно строилъ свой балаганъ. Нерѣдко случалось, что знакомые, знавшіе меня во время моей откупной службы, завидѣвъ меня въ деревенскомъ костюмѣ, съ заступомъ или топоромъ въ рукѣ, отворачивались отъ меня съ насмѣшкою, или притворялись не узнающими. Сначала, подобныя выходы меня огорчали, но въ скорости я привыкъ, и относился къ нимъ съ равнодушіемъ или презрѣніемъ.

Евреи вообще относятся враждебно къ тѣмъ, которые осмѣливаются думать собственною головою, поступать по собственной волѣ, не соображаясь съ рутинною большинства. Всякое вольнодумство, религиозное ли, житейское ли, осуждается, преслѣдуется и наказывается. Въ одной изъ ярмарочныхъ моихъ экскурсій, я нечаянно подслушалъ неслестное сужденіе о моей особѣ.

— Ты видѣлъ тамъ, на площади, въ балаганѣ, бывшаго откупнаго франта? спросилъ одинъ еврей другаго, назвавъ меня по имени.

— Да. Онъ одѣтъ по мужицки, да и рожа-то у него сдѣлалась какая-то нееврейская совсѣмъ.

— Его выгнали со службы, онъ и пошолъ мужиковать.

— За что же выгнали?

— Сплутоваль, квитанцію укралъ что-ли. Онъ было оверститься вздумалъ да въ мужики въ деревню записаться; хотѣлъ, да не приняли.

— Не приняли?

— „У насъ у самихъ безпутныхъ—много“ свазали ему. „Ты намъ честныхъ евреевъ подавай, а такихъ какъ ты не надо“.

Я ужился въ деревнѣ и чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Возвышенные идеалы улетучились, какъ ночныя видѣнія при восходѣ лучистаго, яркаго солнца. Даже неудовлетворенное молодое сердце, жаждавшее другой жизни, болѣе теплой, болѣе нѣжной, утомилось при этой прозаической обстановкѣ, звѣнѣвшей мѣдными копейками, довольствовавшейся ржаной, отрубистой коркой хлѣба. Около двухъ лѣтъ прожилъ я спокойною жизнью, какой не испытывалъ уже никогда. Дѣла мои шли отлично. Я приобрѣлъ довѣрiе крушыхъ торговцевъ, мать не хотѣла брать слѣдовавшихъ ей дивидендовъ.

— Нѣтъ, уклонялась она всякій разъ, когда я предлагалъ ей часть пользы.—Разширай лучше свою торговлю на этотъ капиталъ. Все равно, настарости лѣтъ тебѣ же насъ кормить придется. Богатѣй же, пока везеть.

Мое счастье было на самомъ зенитѣ, когда бѣдныхъ деревенскихъ евреевъ, и меня въ томъ числѣ, постигла неожиданная бѣда. Законъ внезапно воспретилъ евреямъ проживать въ деревняхъ и селахъ. На насъ набросилась цѣлая стая старшинъ, волостныхъ головъ и писарей, станowychъ, исправниковъ и оруженыхъ начальниковъ. Насъ прижимали, выживали и изгоняли. Мы откупались на время, расплачивались своими карманами. Мы выжимали изъ себя послѣднiе соки, но не могли насытить свору гончихъ и ищеекъ, нападавшихъ на насъ ежедневно. Мы выбивались изъ силъ и раззорялись, чувствуя, что долго такимъ образомъ не продержимся, что затѣмъ тебѣ уже пардона не будетъ. Болѣе разсудительные ликвидировали немедленно свои дѣла и переселялись въ мѣста, гдѣ евреямъ *жительство дозволяется*. Я рѣшился послѣдовать этому примѣру. Но для ликвидации моихъ дѣлъ требовалось время; необходимо было предварительно взыскать долги, распродать товары и имущество и ра-

считаться съ кредиторами, посматривавшими уже на еврейскую деревенскую торговлю какъ на ненадежную, угрожающую рано или поздно неизбежнымъ банкротствомъ.

Евреи изгонялись изъ деревень и селъ, какъ эксплуататоры деревенскаго пьянаго люда. Не смѣя вполнѣ отрицать основательность этого убѣжденія, во имя котораго темный людъ, и въ наше время, нападаетъ, грабитъ и разоряетъ безпомощныхъ евреевъ, среди бѣлаго дня, среди многолюднаго европейскаго города, я хочу только слегка коснуться вопроса, кто былъ, во время оно, виноватъ въ этой настоящей или мнимой эксплуатаціи? Кто давалъ первый импульсъ тому безобразію, которое вваливалось цѣликомъ на однихъ евреевъ? Я рѣшаюсь коснуться этого важнаго вопроса только въ прошломъ; въ настоящемъ же предоставляю этотъ вопросъ на рѣшеніе болѣе глубокихъ наблюдателей.

Я расскажу читателямъ былой случай изъ жизни знакомаго мнѣ деревенскаго еврея, изъ жизни двухъ негодаевъ, принадлежавшихъ къ различнымъ сферамъ. Предоставляю рѣшить другимъ, кто виноватъ: еврей, или...

На поселеняхъ одной мѣстности накопилась громадная позитивная недоимка. Поселяне были бѣдны, благодаря голоднымъ годамъ и безкорыстью сельскихъ чиновниковъ. Чтобы очистить хоть часть недоимки, поселяне сотнями выгнаны на работы, на сооруженіе какой-то шоссейной дороги. Время было тяжелое, требовавшее какого нибудь утѣшенія, хоть минутнаго, искусственнаго. Горемыки запили пуще обыкновеннаго. Благо, шинваръ Хаимко отпускалъ въ счетъ будущихъ благъ, обмѣривая наполовину, и присчитывая по десяти на каждую единицу. Хаимко рисковалъ, но рисковать стоило: взыщи онъ хоть сотую долю долга съ своихъ безхитростныхъ должниковъ, онъ былъ бы уже въ барышахъ. Итакъ, мужики пили да пили, а Хаимко записывалъ да записывалъ, въ ожиданіи урожая года.

Однажды, наѣзжаетъ исправникъ и останавливается у корчмаря. Кстати у корчмаря имѣлась въ запасѣ, для начальства, удобная комната со столомъ и чаемъ, и все это въ добавокъ предлагалось радушно даромъ, исправникъ къ тому же былъ падокъ на еврейскую фаршированную рыбу съ картофелемъ, лукомъ и цѣлымъ моремъ перцованной ухи.

— Что новаго, ваше высокородіе? спрашиваетъ фамиллярно Хаимко, накормивши и напоивши начальство.

— А вотъ, налетѣлъ выгонять батраковъ на шоссе, отвѣчаетъ исправникъ, потягивая крѣпчайшій пуншъ и поглаживая отяжелѣвшее брюхо.

- Боже, что со мною теперь будетъ!
- А что?
- Я несчастнѣйшій человѣкъ, я теперь—нищій: всѣ батраки мнѣ должны, всѣ долги лопнуть.
- А долги, за что? за водку?
- Нѣтъ... но...
- Не ври, мошенникъ! Ну, водочные долги твои, какъ есть, фу! Развѣ не знаешь, что водку въ долгъ отпускать запрещено законѣмъ?

Еврей поникъ головою и заломалъ руки. Воцарилось молчаніе.

- А много долга? спросилъ исправникъ чрезъ нѣсколько минутъ. Еврей назвалъ круглую цифру.
- Имѣешь росписки на должникахъ?
- Какія тутъ росписки? Развѣ не знаете, что мы на слово вѣримъ?
- Ну, значить, пиши, Хаимко, пропало.
- Если-бы ихъ не выгоняли! разсуждалъ задумчиво шинкарь.
- То что было бы?
- Уплачивали бы по немножку. Кстати, и хорошій урожай предвидится.

— А что дашь, если взыщу твои долги?

Хаимко затрепеталъ отъ радости.

— Дашь половину—возьмусь! рѣшительно объявилъ исправникъ, укладываясь на еврейскіе пуховики.

Дѣло уладилось.

На другой день, чуть заря деревня зашевелилась и ходуномъ заходила отъ ужаса. Сотскіе бѣжали какъ угорѣлые изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ, и сгоняли народъ какъ на пожаръ. Бабы сопровождали своихъ мужей и сыновей, и голосили на взрыдъ. Вся толпа сгонялась къ управѣ. Слухи разнеслись, что прямо изъ управы, неисправныхъ податныхъ плательщиковъ погонять на казенныя и частныя работы, куда-то въ страшную даль, за тридевять земель. О распространеніи этихъ страшныхъ слуховъ постарался, по наставленію самого исправника, ловкій Хаимко.

Народъ, сплошной толпой, съ обнаженными головами долго ждалъ появленія начальства, переминаясь съ ноги на ногу и шопотомъ сѣтуя на свою судьбину.

При появленіи исправника, толпа повлонила въ поясъ. Нѣсколько стариковъ выступило впередъ и бухнуло въ ноги строгому начальству.

— Не губи, батюшка, не губи, родимый! завопила депутація.

Т. ССVII. — Отд. I.

— А что? спросил надменно исправникъ.

— Не гони насъ на работы! Богъ милостивъ, хлѣбецъ народится, все уплатимъ, до копейки уплатимъ. Нешто платить не хотимъ? Не можется, родимый, видить Господь—не можется.

— Да что вы, ребята? Я совсѣмъ по другому дѣлу наѣхалъ; по дѣлу радостному—вотъ что!

Мрачныя лица толпы вмигъ озарились надеждою.

Исправникъ направился въ сельскую управу, позвавъ за собою толпу.

— Вѣдомо ли вамъ, ребята, что жидовъ изъ деревень гнать велѣно?

— Чули это мы, отозвались одни.

— Давно бы такъ, нехристей! одобрили другіе.

— Водку въ долгъ не отпускать;— жидамъ строго было за-казано. Объ этомъ знаете вы?

— Ни, ни, сего не вѣдаемъ.

— Такъ вѣдайте же!

— Значить, и платить не надо? спросилъ какой-то забуддыга, выдвинувшись изъ массы.

— Не только что платить не надо, но жида, отпусавшіе свою поганую водку въ долгъ, вопреки закона, должны еще платить громадамъ штрафу столько же, на сколько имъ народъ за-должалъ. Штрафъ этотъ пойдетъ на податную недоимку—вотъ что. Поняли?

— Какъ не понять, батюшка!

Поднялся восторженный говоръ и шумъ.

— Молчать! гаркнулъ исправникъ.—Что расходились? забыли, при комъ стоите?

Настало глубокое молчаніе.

— Пиши! скомандовалъ исправникъ, обращаясь къ писарю сельской управы.— Нужно составить списокъ, сколько деревня задолжала жиду, чтобы опредѣлить количество штрафа, предстоящаго ко взысканію въ пользу деревни. А вы, обратился исправникъ къ толпѣ:— говорите, каждый сколько долженъ шинкарю Хаймкѣ; только, чуръ, не врать.

Писарь, чуть замѣтно ухмыляясь, взялся за перо.

— Стой! остановилъ его исправникъ.—Притащить сюда жидасъ его расчетной книжкой.

Нѣсколько сотскихъ бросилось со всѣхъ ногъ за несчастнымъ, якобы, жидомъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился еврей съ толстою, растрепанною книгой подъ мышкой. Еврей имѣлъ растерянный и до смерти испуганный видъ.

— Укажи, шинкарь, сколько кто тебѣ долженъ денегъ.

— Ваше высокородіе! пролепетаць еврей: — они... занимали наличныя деньги... для посѣва...

— Укажи, кто долженъ и сколько! грозно прервалъ шинкарь исправникъ.

— Вотъ... онъ, указалъ шинкарь трепещущей рукою на одного изъ мужиковъ.

— Долженъ? допросилъ исправникъ мужика.

— Долженъ, батюшка, какъ не долженъ! отвѣтилъ радостно мужикъ.

— Сколько? продолжалъ исправникъ допрашивать жида.

Еврей развернулъ свою книгу.

— Пять рублей съ полтиною.

— Признаешь? спросилъ исправникъ мужика.

— Нѣтъ, родимый, чего врать: я долженъ ему девять рублей съ полтиною.

Еврей отскочилъ изумленный на два шага.

— Не знаю... можетъ, забылъ записать... замямлил онъ.

— Стало быть, забылъ, утвердилъ мужикъ. — Нешто не помнишь, когда я съ Сильвестромъ...

— Запиши! приказалъ исправникъ писарю.

Поочередно еврей указывалъ на своихъ должниковъ. Долги безпрекословно признавались. Но удивительно было то, что большая часть должниковъ спорила съ своимъ кредиторомъ о томъ, что цифры ихъ настоящаго долга гораздо значительнѣе цифры, записанной за ними въ шинкарской книгѣ, убѣждая еврея разными предположеніями и доказательствами, что онъ ошибся, забылъ записать. Нашлись, однакоже, и такіе мужики, которые ни за что не хотѣли признать себя должниками. Сосѣди ихъ лукаво подбивали.

— Чего отпираешься? вѣдь долженъ? злорадно усовѣщивали ихъ лукавыя сосѣди, подмигивая глазами и подталкивая локтемъ.

— Не могу я грѣха на душу брать. Стало быть, не долженъ — и шабашъ.

Когда списокъ долгамъ былъ такимъ образомъ составленъ, исправникъ велѣлъ прочитать его вслухъ.

— Вѣрно тутъ написано? спросилъ исправникъ поименованныхъ лицъ.

— Вѣрнѣшенько! утвердили вопрошаемые.

— Грамотные! подпишите и за себя, и за неграмотныхъ.

Приказаніе было исполнено. Поселяне, довольные, разбрелись по домамъ. Вѣдники радовались, что однимъ ударомъ убили двухъ мухъ разомъ: избавились отъ назойливыхъ домогательствъ шинкаря-кредитора и отчасти отъ податныхъ недоимокъ. А на

радостяхъ, набросились на водку Хаимен и пили на послѣдніе гроши. Хаимко, повидимому, былъ разъяренъ и въ долгъ уже не отпускалъ больше.

Заручившись личнымъ признаніемъ и подписью должниковъ, мудрый исправникъ смастерилъ актъ, что, вслѣдствіе прошенія мѣщанина Хаима N о томъ, что такіе-то и такіе-то, занявъ у него наличныя деньги на посѣвы и проч., отказываются нынѣ отъ уплаты, имъ, исправникомъ, лично были спрошены подлежащія лица, кои словесно признали и подписью утвердили основательность и законность требованій просителя Хаима N. Основываясь на этомъ актѣ, исправникъ строго предписалъ сельской управѣ принять самыя принудительныя полицейскія мѣры ко взысканію денегъ съ кого слѣдуетъ, коими и удовлетворить просителя.

Исторія кончилась тѣмъ, что съ мужиковъ выжали послѣднее. Исправникъ получилъ львиную долю добычи, а чрезъ нѣкоторое время, онъ же выгналъ еврея Хаима изъ деревни, а несчастныхъ мужиковъ погналъ на шоссеяныя работы.

Я и отецъ страдали отъ чиновныхъ обираль, относительно, меньше другихъ деревенскихъ евреевъ. Отецъ мой, какъ мелкій контрагентъ Тугалова, состоялъ подъ покровительствомъ откупа, а откупъ состоялъ подъ покровительствомъ тѣхъ, предъ которыми исправники, а тѣмъ болѣе чиновная мелкота, и пикнуть не смѣли. Отецъ мой заимствовалъ свѣтъ и теплоту у Тугалова, а я тоже грѣлся на этомъ фальшивомъ солнышкѣ. Но откупной терминъ приближался къ концу; торги на новые откупа висѣли на носу. На откупъ Тугалова оказывалось много претендентовъ. Самъ Тугаловъ не рассчитывалъ удержаться на своей откупной почвѣ. Въ ожиданіи скорого наступленія радикальныхъ пережѣвъ, мы съ матерью рѣшили покончить нашу торговлю въ деревнѣ и перенести ее, какъ можно скорѣе, въ близлежащій городокъ, гдѣ евреямъ дозволялось жить и торговать. Городская торговля требовала уже другихъ товаровъ, для чего я и накупилъ значительные запасы болѣе цѣнныхъ продуктовъ. По поводу этого я влѣзъ въ несравненно большіе долги у оптовыхъ торговцевъ. Всѣ мои запасы я складывалъ въ моей переполненной лавчонкѣ. Переѣздъ въ городъ я опредѣлилъ къ тому времени, когда узнаю, за кѣмъ остался откупъ Тугалова на будущее четырехлѣтіе.

Однажды, въ глухую полночь, меня разбудилъ осторожный стулъ въ окно и тихій говоръ нѣсколькихъ человѣкъ. Я перепугался со сна тѣмъ болѣе, что, съ нѣкотораго времени, начали проявляться крупныя воровства и грабежи въ окрестностяхъ и

даже въ самой деревнѣ. Я до того не былъ спокоенъ на счетъ моей лавчонки, что спеціально для нея нанялъ ночного сторожа. Меня до сихъ поръ никто не беспокоилъ по ночамъ: на товары, съ заката солнца, не было уже запроса, а о кабачныхъ посѣтителяхъ заботилась сама цѣловальница, безъ моего личного участія. Понятно, что тихій говоръ въ такую пору у окна моего жилья, стѣявшаго вдали отъ прочихъ сосѣднихъ жилищъ, какъ-то особнякомъ, не предвѣщалъ ничего хорошаго. Я не зналъ, что дѣлать и, въ нерѣшимости, продолжалъ лежать, дрожа всѣмъ тѣломъ. Стукъ въ окно раздался въ другой и третій разъ. Проснулась жена и вцѣпилась въ мою руку.

— Разбойники! прошептала она чуть внятно и потянула одѣяло черезъ голову.

Я рѣшился встать и подойти къ окну.

— Не ходи! удерживала меня жена.

Стукъ въ окно сдѣлался настоятельнѣе. Кто-то назвалъ меня по имени. Я соскочилъ съ постели и приблизился къ окну.

Ночь была бурная, темная. Лило какъ изъ ведра. Вдали раздавался рокотъ грома. Вѣтеръ бушевалъ въ саду и грозно завывалъ въ трубѣ. Непосредственно у окна я замѣтилъ неясный силуэтъ нѣсколькихъ человѣкъ. Нетвердымъ голосомъ я рѣшился спросить.

— Кто тамъ? что нужно?

— Да отпри дверь — чего боишься! Люди свои, знакомые; нешто не узнаешь! отозвались два, три молодца.

Я узналъ одного изъ нихъ, молодого, довольно зажиточнаго парубка деревни, вѣчно гулявшаго и плѣнявшаго красотокъ своей удалью и безшабашностью. Это былъ левъ и сердцеждъ, знаменитый во всей деревнѣ.

— Что вамъ отъ меня нужно?

— Дѣло есть. Не бойся, баба. Кабы дурное сдѣлать захотѣли, нешто спрашивали бы тебя. На, вотъ, смотри!

Съ этими словами, раздался сильный звонъ. Рама цѣликомъ была вырвана сразу. Рѣвкій, сырой вѣтеръ со свистомъ ворвался въ оконное отверстіе; дождь крупными, холодными каплями обдалъ меня съ головы до ногъ. Жена закричала не своимъ голосомъ.

— Уйми бабу! чего кричить! Вотъ тѣ крестъ святой — ничего дурного не сдѣлаемъ. Запали свѣчу, да отворай; а я тѣмъ временемъ прилажу окно.

Дѣлать было нечего. Скрѣпя сердце, я зажегъ свѣчу и впустилъ ночныхъ гостей.

Четыре молодыхъ парня, всѣ болѣе или менѣе знакомые, торопливо вошли въ комнату, неся на плечахъ чѣмъ-то наполнен-

ные мѣшки. Сбросивъ ношу на полъ и отряхнувшись, какъ собака, выскочившая изъ воды, они усѣлись.

— Ну, чего пужаешься? Не зарѣжемъ, небойсь. А ты дай намъ водки—щедро заплатимъ.

Волей-неволей пришлось угощать.

Въ нѣсколько минутъ былъ опорожненъ полный штофъ. У одного изъ посѣтителей лицо было исцарапано, и онъ примачивалъ раны водкой. Пока гости пили, я всматривался въ ихъ лица. Не замѣтивъ ни малѣйшаго признака недоброжелательства ко мнѣ, я нѣсколько ободрился.

— Скажите же, наконецъ, что вамъ нужно? спросилъ я ихъ твердо.

— Купи, братъ, товарцу, вонъ тамъ! указали мнѣ на мѣшки, валявшіеся на полу.

— Какой товаръ?

— А чортъ его знаетъ, какой онъ тамъ! Въ потьмахъ развѣ разглядишь.

— Полотно хорошее, сукно и еще много кое-чего.

— А гдѣ вы... это добро взяли? дерзнулъ я спросить.

— А тебѣ, жидъ, что за дѣло? Дешево—ну, и покупай. Что дашь?

— Нѣтъ, хлопцы, я... такого товару и даромъ не возьму!

— Какого товару?

— Ночного... Я этимъ не занимаюсь.

— Ишь, что выдумалъ! Шинкаръ и товару не покупаетъ! А кто же его купитъ?

— Продавайте, ребята, тѣмъ, которые до сихъ поръ у васъ покупали, а я не купецъ!

Ночные продавцы, какъ бы сговорившись, вскочили съ мѣстъ и подступили ко мнѣ. Лица ихъ горѣли яркимъ румянцемъ, въ глазахъ просвѣчивала злость и угроза.

— Не купишь? спрашивали они меня сиплымъ голосомъ, и все болѣе напирали на меня, сжавъ кулаки. Но я нѣсколько уже свыкся съ своимъ положеніемъ, и не потерялъ присутствія духа.

— Нѣтъ, не куплю; не могу! Дѣлайте со мною, что хотите. Я въ вашихъ рукахъ. Вы четверо—я одинъ.

Парубки отошли въ сторону и начали шушукаться. Я приблизился къ нимъ.

— Хлопцы! вы боитесь, что я васъ выдамъ? клянусь, что я постараюсь даже забыть о томъ, что вы у меня были.

— А твоя баба?

— Ручаюсь вамъ за нее. Она будетъ нѣма, какъ рыба.

— И попу не скажешь?

— Сохрани Богъ!

— Ну, смотри. Выдашь — задушимъ какъ курицу. Давай еще водки, выпьемъ и уйдемъ. Водки больше не было. Я отыскалъ бутылку русскаго рома. Они мигомъ покончили съ ней.

— Заяцъ ты, заяцъ! Посылаетъ тебѣ Господь скарбъ, а ты руками отпихиваешь.

Угрожая мнѣ кулаками на случай измѣны, воры забрали свою добычу и ушли. Я вышелъ въ слѣдъ за ними понавѣдаться къ лавкѣ и отыскать сторожа.

— Ты куда за нами? грозно спросили они меня.

— Къ лавкѣ посмотрѣть.

— Чего смотрѣть! Все дѣло, чертъ ее не взялъ. Лѣзь въ пору назадъ, не то...

Я повернулъ оглобли. Черезъ нѣкоторое время я, однакожъ, осмѣлился выйдти опять. Вѣтеръ улегся, небо нѣсколько прояснилась, кое гдѣ, между обрывками темно сѣрыхъ облаковъ, замерцали далекія звѣзды. Въ деревнѣ стояло мертвое затишье. Я обшелъ весь дворъ. Все обстоало благополучно. Сторожа моего не оказалось. Я напролетъ просидѣлъ всю ночь.

Чуть заруманилась утренняя заря, какъ въ деревнѣ поднялась тревога. Два зажиточныхъ мужика были обворованы, ночью, при чемъ была придушена женщина, спавшая въ коморѣ, куда вломались ночные рыцари. Сельская полиція зашевелилась. Мужики ей содѣйствовали. Начались обыски. Къ вечеру, открылась часть уворованныхъ вещей у какого-то бобыля съ израненнымъ лицомъ. Его арестовали. Онъ отпирался самъ и никого не выдавалъ. Наѣхалъ становой приставъ и пошло формальное слѣдствіе. Дѣло было серьезное, сопряженное съ убійствомъ; за него принялись энергически. Черезъ нѣсколько дней, злоумышленники были открыты, но они уже исчезли изъ деревни. Уличителемъ явился мой сторожъ. Онъ показалъ, что воры, ночью, приходили ко мнѣ съ ношей на плечахъ, что онъ, предчувствуя нечистое дѣло, испугался и удралъ. Меня привлекли къ слѣдствію и намѣревались арестовать. Къ счастью, мой другъ священникъ былъ коротко знакомъ съ слѣдователемъ и уладилъ дѣло. Я крупно приплатился однакожъ. Сначала, я далъ справедливое показаніе, рассказалъ какъ было на самомъ дѣлѣ; отпираться, чтобы рыцарски сдержатъ слово, данное убійцамъ, и самому впутаться въ уголовное дѣло, я счелъ и глупостью. Слѣдователь, однакожъ, сорвавъ съ меня крупную дань и желая выгородить меня совсѣмъ изъ дѣла, посовѣтовалъ взять назадъ свое первое показаніе и дать новое. Онъ приказалъ мнѣ рѣшительно отпереться по всѣмъ статьямъ.

— Ты, братецъ, даешь только зацѣпку, за которую въ острогѣ

сгниешь, пока еще судъ да дѣло. Скажутъ, вель знакомство и хлѣбосольство съ разбойниками, зналъ и не донесъ, значить: „самъ подстрекалъ, укрывалъ и принималъ участіе“. Лучше всего: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“.

Я выпутался изъ этого дѣла; но Боже мой, сколько горя и страха за свою судьбу, сколько горькихъ слезъ было пролито жоей бѣдной матерью, сколько ночей провелъ я безъ сна! Я пересталъ думать о своихъ дѣлахъ и ликвидаціи. Мнѣ мерещился мрачный острогъ, слышалось бряцанье тяжелыхъ цѣпей, предъ глазами носились образы полубритыхъ арестантскихъ головъ, сермяжниковъ съ заплатой на спинѣ и... плеть палача. При одной мысли о страшной плети, кровь застывала въ моихъ жилахъ. Не разъ приходили мнѣ на память преимущества купеческаго сословія, исчисленныя, когда-то Клопомъ: „попадешься ты, на-примѣръ, въ уголовной штукѣ, тебя драть не могутъ“, сказали: практическій подрядчикъ. А я еще такъ самоувѣренно отвѣтилъ: „я преступленія не совершу“! Человѣкъ не имѣетъ права ни за что ручаться, и нѣтъ такого положенія, въ которое не могла бы судьба или рокъ внезапно поставить его.

Слѣдствіе давно уже кончилось. Арестанты, кромѣ одного, были пойманы и давно уже отправлены въ губернскую тюрьму. Я нѣсколько поуспокоился и съ большимъ рвеніемъ принялся за ликвидацію своей деревенской торговли, какъ однажды, возвращаясь отъ родныхъ, въ туманные сумерки, наткнулся на какого-то парня въ кожанѣ, съ нахлобученной на глаза шапкой. Я не обратилъ бы на незнакомца вниманія, если бы не почувствовалъ сильнаго толчка отъ его локтя, отъ котораго, я едва удержался на ногахъ. Толкнувшій меня быстро побѣжалъ и исчезъ въ туманѣ. Меня удивилъ этотъ случай, но я не придавалъ ему особенной важности. По предположенію моему, это былъ пьяный, пошатнувшійся на ногахъ при встрѣчѣ со мною, и нанесшій мнѣ толчокъ нечаянно.

У себя дома, я засталъ священника. Я рассказалъ ему объ этомъ случаѣ.

— Вы всмотрѣлись въ этого пьянаго человѣка? спросилъ меня безпокойно священникъ.

— А что?

— Поговариваютъ, что одинъ изъ бѣжавшихъ убійцъ (помните?) возвратился и тайкомъ шляется у насъ по деревнѣ. Берегитесь. Я слышалъ, что родные арестованныхъ негодяевъ обвиняютъ васъ и вашего сторожа въ томъ, что вы донесли на виновныхъ, что вы ихъ выдали. Какъ бы они вамъ не сказали спасибо, по своему!

Я встревожился не на шутку. Въ эту ночь я ворочался съ боку на бокъ, но заснуть не могъ. Мысли одна мрачнѣе другой толпились въ моей разболѣвшей головѣ, какое-то тяжелое предчувствіе сжимало сердце. Въ ночной тишинѣ протяжно и жалобно завывала собака, мнѣ мерещились какіе то тихіе шаги у моихъ оконъ. Я подошелъ къ окну и выглянулъ. Никого не оказалось.

— Позови въ комнату сторожа, мнѣ страшно! упрасивала жена.

Вооружившись толстымъ дрючкомъ я вышелъ на дворъ. Кругомъ было спокойно и тихо. Я отыскалъ сторожа, исправно спавшаго подъ деревомъ, на травѣ, растолкалъ и привелъ его въ комнату, гдѣ онъ растянулся на полу и немедленно заснулъ какъ убитый. Нѣсколько успокоенный, я впалъ въ тяжелый сонъ.

Долго ли мы спали—не знаю, какъ вдругъ бѣготня, топотъ, шумъ, крикъ и говоръ разбудили насъ.

— Бѣгите! вставайте! кричали со двора, колотя въ двери и окна:—скорѣе... горить... пожаръ!

Мы высочили на дворъ въ однихъ рубахахъ, босикомъ... Меня била лихорадка, зубы стучали, въ глазахъ троилось. Ночь была темная, небо покрыто тучами, вѣтеръ былъ сильный. Громадное зарево вырѣзывалось на черномъ фонѣ ночнаго неба, какимъ-то гигантскимъ, уродливымъ, красно-багровымъ пятномъ. И это пятно, какъ показывалось моимъ помутившимся глазамъ, багровѣло гдѣ-то безконечно далеко, на самомъ краю горизонта. Я удивился, что, несмотря на страшную даль зарева, я явственно слышу рѣзкій свистъ и трескъ пожирающей стихіи, что дымъ, заносимый вѣтромъ, выѣдаетъ глаза, что я, на своемъ лицѣ, ощущаю какой-то жгучій жаръ... Я какъ пошванный дико обвелъ глазами и остановилъ свой взоръ на окружавшей меня суевающей толпѣ.

— Гдѣ горить? спросилъ я.

— Да твой же крамъ горить... нешто, не видишь?

Что затѣмъ было не помню...

Я очнулся въ объятіяхъ моей матери. Она и жена моя истерически, захлебываясь, рыдали; отецъ, вытирая кулаками слезы, стоялъ тутъ же, мрачный какъ туча; полунагія дѣти пищали и хныкали. Я все видѣлъ, все чувствовалъ, но, не будучи въ состояніи шевельнуть пальцемъ, лежалъ безмолвный, бездыханный, какъ человекъ въ летаргическомъ снѣ, въ которомъ мнимый трупъ съ полнымъ сознаниемъ присутствуетъ на собственныхъ похоровахъ, слышитъ, чувствуетъ все происходящее, но не имѣетъ силы, крикомъ или движеніемъ, протестовать противъ страшной участи...

Все сгорѣло, все было истреблено огнемъ. Я остался нищимъ, неплатнымъ должникомъ-банкротомъ. Я ограбилъ свою бѣдную мать.

Я опускаю завѣсу на мои чувства, на мое внутреннее я, въ тѣ минуты невыразимаго горя и крайняго отчаянія; мнѣ страшно переживать еще разъ это прошлое даже мысленно.

Но молодость вынослива, живуча.

И въ бреду самаго свирѣпаго пароксизма охватившей меня нервной лихорадки, и въ то время, когда я началъ исподволь поправляться, воснѣ и наяву, неотразимо мучили меня вопросы, неотступно вертѣлись въ моемъ мозгу.

— Кто виновенъ въ моемъ несчастіи? — За чтѣ жестокій рокъ меня преслѣдуетъ? Кто изуродовалъ мою жизнь? за чтѣ?

Съ какой стороны ни взглянуть бы я на свою жизнь; пройду ли воспоминаніемъ горькое прошлое, стану ли лицомъ къ лицу съ безутѣшнымъ настоящимъ, воображу ли себѣ вѣроятное будущее, вездѣ и всюду я наталкиваюсь на неразрѣшимый вопросъ: кто виноватъ?

Конечно, прежде всего я самъ виноватъ: я еврей!

Быть евреемъ—самое тяжкое преступленіе; это вина ни чѣмъ не искупимая; это пятно ни чѣмъ не смываемое; это клеймо, впечатлѣваемое судьбою въ первый моментъ рожденія; это призывный сигналъ для всѣхъ обвиненій; это кайнскій знакъ на челѣ неповиннаго, но осужденнаго за ранѣе человѣка.

Стонъ еврея ни въ комъ не возбуждаетъ состраданія. Подѣломъ тебѣ: не будь евреемъ. Нѣтъ, и этого еще мало! „не родись евреемъ“.

— Но, вѣдь, я имѣлъ уже это несчастіе: родиться? могу ли я это совершившееся сдѣлать не совершившимся?

Мнѣ отвѣчаютъ: „Это не наше дѣло!“

— Не ваше? такъ ли? а взваливать все на еврея цѣликомъ, безъ провѣрки, это ваше дѣло?

Кто кого подстрекаетъ: укрыватель краденныхъ вещей вора, или воръ—укрывателя?

Кто убійца: топоръ ли, наносящій непосредственный ударъ, или разумная сила, направляющая орудіе гибели на голову жертвы?

Еслибы я хотѣлъ задаться вопросами, робко прячущимися за кулисы *невозможнаго*, то этимъ вопросамъ не было бы конца. Я сконцентрирую ихъ въ одинъ сжатый общій:

— Кто виноватъ?

Гр. Богровъ.

ЖИЗНЬ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИДЕИ ГЕРВИНУСА.

... dem Historiker selbst die Bande von Volkthum und Vaterland nicht die Unbefangenheit des Geistes beengen dürfen. (Gervinus).

I.

Совершившіеся въ Европѣ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія политическіе перевороты и особенно самый яркій изъ нихъ, военное единство Германіи, послужили хорошимъ пробнымъ камнемъ для нѣмецкихъ ученыхъ, особенно для тѣхъ, которые, желая не согрѣшить противъ либерализма, не рѣшаются и плыть противъ господствующаго въ данную минуту теченія. Въ это десятилѣтіе пришлось пережить не одну крутую смѣну въ физиономіи политическихъ дѣлъ и сообразно съ тѣмъ, — *volens nolens*, чтобъ не остаться позади, сдвигать и раздвигать свои убѣжденія. Хорошо еще такимъ ученымъ, какъ Моммзенъ; ему современный оборотъ дѣлъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати: этотъ поклонникъ откровеннаго цезаризма вообще, Юлія Цезаря въ особенности, презирающій донъ-вихотство т. е. всякое честное движеніе во имя общихъ интересовъ и прославляющій смѣлыхъ, энергическихъ, не особенно совѣстливыхъ народныхъ вождей, умѣющихъ ловко, желѣзною рукою управлять массою, долженъ былъ чувствовать себя въ своей сферѣ среди мѣропріятій современнаго энергическаго прусскаго правительства. Другое дѣло объективный унитаристъ Зибель; принципъ объективности въ исторіи не мѣшаетъ ему съ участіемъ относиться къ современности: еще въ 1864 г. Зибель считался въ первыхъ рядахъ либеральной оппозиціи прусской политикѣ, какъ непрогрессивной; съ переворотомъ 1870 г. — тотъ же Зибель изъ первыхъ преклонился предъ новымъ порядкомъ тѣмъ легче, что

ему, какъ объективному историку, знакомому съ путями историческаго развитія національностей, а къ тому же и унитаристу, безъ сомнѣнн, пришла въ это время мысль, что все совершившееся неминуемо ведетъ Германію къ прогрессу и само по себѣ разумно. Сопоставленіе текущей эпохи съ временемъ предъ послѣднимъ десятилѣтіемъ поучительнѣе всего, если перенестись мысленно къ 1862 году, когда Пруссія, послѣ двухъ-трехлѣтнихъ либеральныхъ колебаній, возвращалась къ преобладанію абсолютизма, подъ руководствомъ только что достигшаго тогда власти Бисмарка. На страницахъ тогдашнихъ журналовъ прусскій консерватизмъ противопоставлялся либеральнымъ реформамъ Австріи; доказывалось, что отъ Гогенцоллерновъ, по самымъ традиціямъ ихъ дома, нельзя было и ожидать ничего другого (какъ будто бы традиціи Габсбурговъ были лучше) и что Германія, конечно, съумѣетъ отличить, гдѣ ей искать себѣ поддержки въ стремленіяхъ къ единству и свободѣ. Замѣчательно, что искони всѣ мечтанія добропорядочныхъ нѣмцевъ о единствѣ и свободѣ общаго отечества непремѣнно основывались на необходимости чьей нибудь поддержки, — не Австріи, такъ Пруссіи, или даже Франціи. Мысль о самостоятельномъ союзѣ небольшихъ нѣмецкихъ областей не пользовалась благосклонностью. Мудрено-ли, что тѣже нѣмцы въ восторгѣ отъ реставрированной Германской имперіи: въ ней, прежде всего, они видятъ «поддержку» національному чувству. Какъ мы сказали, такое настроеніе раздѣляется и видными, либеральными нѣмецкими учеными въ родѣ Зибеля или Трейчке, не говоря уже о Момзенѣ, направленіе котораго указано выше, или о Ранке, который, по самому званію главы объективной школы, долженъ прославлять совершившіеся факты, насколько это сообразно съ величіемъ науки.

Но въ Германіи еще можно натолкнуться и на ученыхъ другого, должно признаться, отживающаго типа: въ видѣ совершеннаго анахронизма промелькнуло гдѣ то недавно извѣстіе, что въ Геттингенѣ существуетъ еще профессоръ Эвальдъ, — одинъ изъ знаменитыхъ въ свое время «семи», протестовавшихъ въ 1837 году противъ нарушенія ганноверской конституціи. Эти и подобные имъ, — если найдутся, послѣдніе могиканы прежняго времени все еще желаютъ возстановленія прежняго порядка вещей т. е. существовавшаго до 1866 года. Къ числу такихъ могикановъ, голосъ которыхъ теперь звучитъ даже какъ то дико, и даже именно къ числу семи профессоровъ, отрѣшенныхъ когда-то отъ геттингенской кафедры за либерализмъ, а теперь оставленныхъ событіями далеко позади, принадлежатъ

и тотъ почтенный ученый, который вначалѣ 1871 г. «стоя на краю могилы», въ самый разгаръ прусскихъ побѣдъ и торжественнаго клика нѣмецкихъ либераловъ,—имѣлъ смѣлость,—какъ тогда, въ Геттингенѣ,—заявить протестъ противъ объединенія путемъ политики крови и желѣза, и, какъ тогда изъ Ганновера, былъ теперь изгнанъ изъ среды ученаго, либеральнаго, нѣмецкаго круга: его осыпали проклятіями, къ нему относились съ сожалѣніемъ,—его называли разочарованнымъ честолюбцемъ, наказаннымъ уже самою своею изолированностью отъ всѣхъ порядочныхъ нѣмцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, не должны-ли отшатнуться отъ человѣка, который, презирая логику силы, считаетъ возможнымъ совѣтовать побѣдителю,—какого нѣмцы не видали со временъ Карла Великаго,—добровольно разрушать плоды своихъ побѣдъ, возстановлять падшихъ соперниковъ во имя патріархальныхъ добродѣтелей, во имя національнаго единства, которое и безъ того не только признано массою, но даже прославляется учеными. *Unsere Zeit* знала, что говорила, указывая на необходимость «патологическаго» объясненія подобнаго явленія; но за неимѣніемъ такого объясненія она ограничилась присужденіемъ виновному высшей мѣры наказанія,—сидѣть рядомъ съ Бебелемъ. «*National Zeitung*» занялась разборомъ всей публицистической и даже исторической карьеры ученаго и, разумѣется, пришла къ выводамъ, неслестнымъ для самолюбія Гервинуса. Нашлись люди, которые доказывали, что и умершіе друзья, на которыхъ онъ ссылался, какъ на своихъ единомышленниковъ, никогда и не думали иначе, какъ въ смыслѣ современнаго нѣмецкаго единства. Мало того: весь нѣмецкій народъ только и ожидалъ установленія существующей формы устройства и потому-то съ восторгомъ ее принялъ, а Гервинусъ—противникъ волѣ нѣмецкаго народа. Какъ жаль, что этимъ энтузіастамъ и хвалителямъ нельзя показать тутъ же въ какомъ нибудь историческомъ зеркалѣ, настроеніе хотя бы 1862 года. Впрочемъ, такое явленіе не ново; усильхъ привлекаетъ къ себѣ не только поклонниковъ, но и легистовъ, которые, путемъ различныхъ юридическихъ и политическихъ тонкостей, слятся вставить совершившійся фактъ въ историческія рамки,—докажутъ всѣмъ и каждому, что у этого факта самая логическая и легальная родословная,—что всѣ и каждый всегда желали именно современнаго, а не другого—положенія вещей.

Гервинусъ умеръ одинокій, оскорбленный соотечественниками, но въ оправданіе противъ нападокъ на свою прошлую дѣятельность, оставилъ (изданную послѣ его смерти) брошюру политическаго содержанія, гдѣ анализируетъ всю свою прошлую,

оклеветанную дѣятельность,—доказываетъ, что и въ послѣдніе дни ни на шагъ не отступалъ отъ убѣжденій всей своей жизни, и обращается къ прусскому королевскому дому съ торжественнымъ увѣщаніемъ по поводу только что заключеннаго мира. Къ этой брошюрѣ мы еще вернемся не разъ для объясненія политическихъ дѣйствій Гервинуса и для характеристики его политическихъ идей.

Гервинусъ извѣстенъ большинству, какъ политической историкъ, продолжатель Шлоссера, авторъ «Исторіи XIX вѣка»; людамъ, специально изучающимъ литературу, онъ извѣстенъ еще, какъ талантливый авторъ «Исторіи нѣмецкой поэзіи», переработкѣ которой за-ново онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни, и изслѣдованія о Шекспирѣ, въ которомъ Гервинусъ находилъ идеалы, однородные съ основною идеею собственныхъ стремленій. Немногіе соединяютъ съ именемъ Гервинуса представленіе о публицистѣ, игравшемъ не послѣднюю, а одно время даже руководящую роль въ нѣмецкомъ національномъ движеніи, въ эпоху реформъ и неясныхъ порываній Германіи 1848 года.

Собственно говоря, Гервинусъ, хотя очень строго относился къ обязанностямъ историка, но, по самой натурѣ своей, которая требовала дѣятельности и энергіи и для себя и для другихъ, больше былъ публицистомъ: лучшія мѣста его исторіи именно тѣ, гдѣ онъ даетъ общую характеристику какой нибудь личности или эпохи,—всегда яркими, имѣющими прямое отношеніе къ современности чертами; тогда какъ въ собственно историческомъ разсказѣ, по строгой добросовѣстности изложенія и мелочности описываемыхъ событій, «Исторія XIX вѣка» мѣстами производитъ утомляющее дѣйствіе. Какъ ученикъ Шлоссера,—хотя совершенно не похожій на созерцательную и чуждую всякой практической политики фигуру своего учителя, Гервинусъ слѣдовалъ исторической школѣ Шлоссера, въ противоположность другой, также исторической, нѣмецкой школѣ, которую самъ Гервинусъ называетъ дипломатически-архивною и и лучшимъ представителемъ которой служитъ Ранке. Обѣ школы имѣютъ общую черту,—строго критическое направленіе и тщательную провѣрку источниковъ, но затѣмъ способы и цѣли изложенія въ каждой школѣ различны. Девизомъ школы Ранке служитъ безусловная объективность, строгое служеніе наукѣ, только одной наукѣ, внѣ всякихъ политическихъ условій, помимо всякихъ оживотворяющихъ и связывающихъ исторію съ современностью общихъ тенденцій. Эта школа ищетъ возможно большей фактической полноты, — дорожитъ открытіемъ но-

выхъ источниковъ больше, чѣмъ выводомъ новыхъ взглядовъ, смотреть на жизнь нѣсколько свысока. «Допустить вліяніе жизни на науку», говоритъ Ранке, разбирая историческія тенденціи Гервинуса, «значить допустить вліяніе элемента случайнаго, соразмѣрнаго индивидуальному воззрѣнію отдѣльнаго человѣка, на всеобщее, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало. Мы (т. е. ученые) только тогда можемъ оказывать истинное вліяніе на современность, когда не будемъ обращать на нее большаго вниманія и возвысимся до чистой науки». Но вовсе отрѣшиться отъ современности не въ состояніи даже такой жрець чистой науки, какъ Ранке. Онъ можетъ не имѣть вліянія на жизнь, это несомнѣнно; но самъ будетъ на себѣ чувствовать ея вліяніе и именно въ смыслѣ реакціонерномъ, въ смыслѣ восхваленія разумности существующаго, какъ это и доказалъ самъ Ранке своимъ панегирикомъ событіямъ послѣдней войны, который онъ счелъ нужнымъ включить, — вѣроятно, въ видѣ параллели съ мнѣніями Гервинуса, — въ рѣчь, посвященную памяти послѣдняго. Школа Ранке, отбрасывая субъективный элементъ въ разработкѣ историческихъ фактовъ, основывая исторію на внѣшнихъ, надлежащимъ образомъ провѣренныхъ памятникахъ, безстрастно къ получаемымъ этимъ путемъ историческимъ результатамъ, какъ скоро они получены правильнымъ способомъ. Хорошую характеристику особенностей той и другой школы мы находимъ у самого Гервинуса. При служеніи «чистой наукѣ» или архивномъ методѣ, говоритъ онъ, легко преувеличить значеніе неизданныхъ источниковъ, только потому, что они новы и, наоборотъ, отвергать значеніе сочиненій великихъ ученыхъ для современной науки, если изъ нихъ нельзя извлечь ничего новаго; общіе взгляды замѣняются тщательной разработкой отдѣльныхъ памятниковъ. Различіе двухъ школъ Гервинусъ наглядно показываетъ на отношеніяхъ къ Макиавелли: послѣдователи «архивной» школы остались бы равнодушны къ сочиненіямъ итальянскаго ученаго, не представляющимъ ничего новаго, но цѣнили бы дипломатическія извѣстія Макиавелли, какъ агента флорентинскаго правительства. Другая же школа (Шлоесера и самого Гервинуса) осудила бы въ этомъ человѣкѣ дипломата, но признала бы за нимъ великій государственный умъ и удивлялась бы его историческому пониманію. Эта послѣдняя школа не добивается обилія матеріаловъ, а старается лучше освѣтить тѣ, какіе уже есть въ наличности, останавливается на важнѣйшихъ событіяхъ и показываетъ ихъ значеніе путемъ сравненія съ дѣйствительною жизнью, путемъ сопоставленія съ другими событіями, — не столько заботится о полнотѣ историческаго разказа

(впрочемъ, въ этомъ самого Гервинуса никакъ нельзя упрекнуть), сколько о томъ, чтобъ читатель понялъ связь и смыслъ событій; проникая въ жизнь и дѣйствія историческихъ лицъ, въ значеніе совершавшихся событій, она старается представить вѣрную оцѣнку характера историческихъ дѣятелей, народовъ и цѣлыхъ эпохъ, «Для этого», прибавляетъ Гервинусъ, «необходимо объясненіе идеальныхъ мотивовъ въ исторіи, изученіе литературы, вниманіе къ духовнымъ стремленіямъ народа, не зависящимъ отъ произвольныхъ правительственныхъ распоряженій».

Какъ Шлоссеръ, такъ и Гервинусъ, излагая исторію избранной эпохи, не упускаютъ изъ виду такого воздѣйствія на умъ читателей, чтобъ послѣдніе могли примѣнить рассказы историка объ отдаленныхъ событіяхъ къ дѣйствительной жизни. Гервинусъ въ предисловіи къ самому блестящему изъ своихъ историческихъ сочиненій, — «Введенію въ исторію XIX вѣка», даже прямо говоритъ, что оно имѣетъ цѣлью доставить соотечественникамъ утѣшеніе и поддержку (это было писано осенью 1852 года, въ самый разгаръ реакціи), «послужить къ возстановленію пошатнушагося довѣрія къ нашему будущему, поднять упавшую вѣру въ настоящее, приготовить убѣжище надеждамъ тѣхъ, которые потерпѣли крушеніе въ послѣдніе годы». Съ этой точки зрѣнія, исторія дѣлается наставницею современниковъ, — указываетъ, какъ они должны относиться къ текущимъ событіямъ, отличать полезныя отъ вредныхъ, опредѣлять ихъ цѣль. Благодаря мысли о сообразности исторіи съ современными политическими потребностями читателей, — въ особенности при своей живой натурѣ, Гервинусъ и сдѣлался публицистомъ въ исторіи, никогда не скрывалъ своихъ симпатій или антипатій къ описываемымъ лицамъ и событіямъ.

При такомъ коренномъ различіи въ отношеніяхъ двухъ историческихъ школъ къ излагаемымъ въ исторіи событіямъ съ полнымъ основаніемъ возникаетъ вопросъ о безпристрастіи, о степени справедливости историческихъ приговоровъ. Школѣ Ранке именно это качество ставили въ заслугу. Можно возразить, однакожъ, что представители этой школы, какъ люди, живущіе все-таки въ водоворотѣ событій, не могутъ же дойти до олимпійскаго равнодушія къ нимъ, и неминуемо тѣмъ самымъ погрѣшать противъ абсолютныхъ требованій безпристрастія (примѣромъ служить, какъ мы сказали, тотъ же объективный Зибель, унитаристъ — въ вопросѣ объ устройствѣ Германіи), съ другой же стороны безпристрастіе вовсе не составляетъ исключительнаго достоинства этой школы: Шлоссеръ и Герви-

нужь, строго порицая дурное, сочувствуя хорошему въ описываемыхъ событіяхъ, умѣли сохранить полное безпристрастіе въ томъ смыслѣ, что для нихъ нѣтъ партій, кромѣ «партіи судьбы», какъ выражается Гервинусъ, т. е. дѣла историческаго прогресса, которому историкъ постоянно остается вѣренъ. Шлоссеръ и Гервинусъ видятъ и отмѣчаютъ на своемъ пути хорошее и дурное не по отношенію своему къ той или другой партіи, — но лишь съ точки зрѣнія успѣха движенія къ улучшенію въ чело-вѣчествѣ или задержки его въ данную эпоху.

Въ этомъ смыслѣ понималъ Гервинусъ заявленную имъ въ небольшомъ сочиненіи „Grundzüge der Historik“ необходимость для историка „Unbefangenheit des Geistes“, которую не должны ограничивать ни народность, ни отечество. Гервинуса упрекали близорукие критики за космополитизмъ въ исторіи, за пренебреженіе роднымъ, нѣмецкимъ элементомъ; между тѣмъ, этотъ мнимый космополитизмъ именно и составлялъ ту Unbefangenheit, которой требуетъ для историка Гервинусъ. Напротивъ, въ своемъ философскомъ обзорѣ исторіи, т. е. во «Введеніи» онъ скорѣе является германофиломъ въ томъ смыслѣ, что цивилизующему значенію германской народности и событій ея исторіи отводитъ преобладающее мѣсто, съ чѣмъ не всегда можно согласиться. Реформацію Гервинусъ ставитъ на недостижимую высоту: по его мнѣнію, ей одной одолжена Европа развитіемъ своей гражданственности, особенно сильной, конечно, въ отечествѣ реформаціи. Лютеръ—образецъ реформатора, и втораго Лютера историкъ желалъ бы для нашего столѣтія, чтобъ возродить Германію и повести ее къ осуществленію своего идеала—господства демократическихъ началъ. Между тѣмъ, кому же неизвѣстно, что Лютера меньше всего можно обвинить въ демократическихъ мнѣніяхъ, и благоприятное свободѣ дѣйствіе реформаціи на европейскую культуру возникло совершенно независимо отъ самихъ основателей реформаціи.

Впрочемъ, требованіе господства демократическихъ началъ у Гервинуса на практикѣ сводилось къ весьма скромной мѣрѣ. Демократизмъ его является, конечно, искреннимъ, но болѣе старомодно-доктринерскимъ, чѣмъ истинно соотвѣтствующимъ нашему времени, и нужна, дѣйствительно, эпоха Бисмарка, чтобъ Гервинуса серьезно въ печати могли ставить рядомъ съ Бебелемъ (впрочемъ, не по честиности стремленій, относительно которой это сравненіе, конечно, справедливо). Историко-теоретическіе взгляды Гервинуса, развитые во «Введеніи», своею оригинальностью и блескомъ обобщеній въ свое время обратили на себя общее вниманіе, но соглашаться съ ними совершенно

нелзя. Самъ авторъ косвенно подтвердилъ такую невозможность, прервавъ, по неутѣшительности современныхъ событій, продолженіе «Исторіи XIX вѣка», которая предназначена была служить доказательствомъ его идеямъ объ историческомъ прогрессѣ. Теорія Гервинуса грѣшитъ излишнимъ оптимизмомъ и также односторонностью. У него всѣ событія въ концѣ концовъ, ведутъ къ торжеству прогресса, къ усиленію демократическихъ идей, — примѣнительно же къ текущему столѣтію, онъ обозначаетъ движеніе этихъ идей даже графически (мы имѣли уже случай вложить ихъ, говоря о положеніи Австріи («Отч. Записки» 1871 г. № 6-й) въ періодъ реакціи, характеристика которой Гервинусомъ сдѣлана мастерски); въ силу повторяемости историческихъ событій, онъ предусматриваетъ великія потрясенія въ пользу свободы, въ концѣ нынѣшняго столѣтія Биографъ Гервинуса, Эмиль Леманъ, очевидно, старающійся и не сказать ничего непріятнаго памяти своего бывшаго профессора, и не пойти въ разрѣзъ съ господствующей нынѣ политической силой, дальновидно замѣчаетъ, что, быть можетъ, Гервинусъ ошибся временемъ, и что ожидаемыя на текущее столѣтіе потрясенія уже совершились во время недавней парижской коммуны. Еслибы дальновидный и осторожный г. Леманъ выпустилъ свою брошюру годомъ позже, то, конечно, поостерегся бы такъ комментировать мысль своего учителя, потому что, — какъ поясняетъ Гервинусъ въ своей посмертной «Самокритикѣ», — указанная періодичность революціонныхъ сотрясеній, падающая, по пропорціональному расчету, на послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка, вовсе не есть «прогностикъ», а только «диагноза» событій предыдущихъ вѣковъ, и что «тотъ, кто рѣшится предсказывать событія на пять, на десять лѣтъ впередъ, въ наше время, когда семидневная война низвергла одну великую державу, семимѣсячная — другую, — тотъ, прежде всего, рискуетъ быть осмѣяннымъ».

Основная мысль Гервинуса, — идея постоянного прогресса человеческихъ обществъ заимствована, какъ и самъ онъ повторяетъ не разъ, у Аристотеля, взятая отъ котораго, она же потомъ встрѣчается, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, у Макиавелли. Мысль о необходимомъ переходѣ власти, по мѣрѣ развитія общества, отъ одного лица къ нѣсколькимъ, отъ нѣсколькихъ къ большинству, первоначально возникла при разсмотрѣніи послѣдовательнаго хода событій въ греческихъ и итальянскихъ городахъ-республикахъ, и уже потому должна быть принимаема съ осторожностью, что подобныя явленія (республики-города) впоследствии въ исторіи не повторились. Не лишены основа-

тельности замѣчанія Ранке по этому поводу. Судьба націи, говоритъ онъ, опредѣляется совокупнымъ дѣйствіемъ умовъ и силъ, служащихъ ея двигателями; это дѣйствіе, охватывающее всѣ области, — нравственную, умственную и матеріальную, — опредѣляетъ положеніе данной націи въ исторіи и рѣшаетъ ея судьбу. Форма же той или другой націи, учрежденій ея, — власти, какая въ ней преобладаетъ, опредѣляется результатомъ перевѣса тѣхъ или другихъ силъ, изъ числа участвующихъ въ великой міровой борьбѣ. Самъ Гервинусъ допускаетъ въ отдѣльныхъ событіяхъ господство человѣческой воли. Но если такъ, то общественныя учрежденія, по мнѣнію Ранке, въ своемъ происхожденіи и развитіи опредѣляются масштабомъ національности, и, слѣдовательно, въ отдѣльныхъ случаяхъ неизбежны такія значительныя отклоненія, что нельзя непременно ожидать повторенія, въ другомъ мѣстѣ, при другихъ обстоятельствахъ и настроеніи, — того, что случилось въ извѣстныхъ эпохи у грековъ и итальянцевъ.

При разсмотрѣніи событій новѣйшей исторіи, не замѣтно ни того перехода власти въ руки демократіи, который составляетъ, по Гервинусу, необходимую точку развитія государства, ни регрессивнаго движенія, означающаго, по его же мнѣнію, упадокъ, замираніе политическаго организма; регресса не видно, впрочемъ, только потому, что въ современныхъ европейскіхъ политическихъ организмахъ, — за исключеніемъ Швейцаріи и двухъ-трехъ конституціонныхъ странъ, твердо удерживающихъ свою свободу, — послѣдняя вовсе и не была достигнута. Если объяснить, съ приведенной точки зрѣнія, современное политическое положеніе колебаніями, историческимъ атавизмомъ, то придется значительно подорвать увѣренность и въ солидности самого закона: современная дѣйствительность представляетъ въ этомъ отношеніи крайне неутѣшительную параллель хотя бы съ XVIII вѣкомъ. Остается только принять спасительный компромиссъ, выгораживающій теорію историческаго прогресса и хотя нѣсколько утѣшающій современниковъ, а именно, что упомянутыя формы политическаго развитія прилагаются къ чрезвычайно большимъ историческимъ эпохамъ, и потому незначительное число лѣтъ, обозначаемое нами новѣйшимъ временемъ, и не можетъ идти къ дѣлу въ этомъ случаѣ, такъ какъ идеи свободы, да и всякія другія — проникаютъ въ массы крайне медленно, а дѣло идетъ о вѣчномъ господствѣ массъ. Такимъ образомъ, можно приблизительно обозначить европейскія общества стоящими на второй изъ приведенныхъ ступеней, на господствѣ «нѣсколькихъ», и указать на признаки зарождающейся

уже борьбы, которая начинается сознаниемъ необходимаго условия «солидарности» для достиженія свободы, а кончится господствомъ «всѣхъ».

Кромѣ предвзятости и гадательности историко-политической теоріи Гервинуса, въ его взглядахъ о постепенномъ распространеніи демократическихъ началъ видна еще и неопредѣленность, свойственная прежнимъ понятіямъ о демократіи, наслѣдію эпохи французской революціи. Какую именно демократію и какое господство свободы разумѣть Гервинусъ въ теоріи? Указывая на количественное, поверхностное распространеніе демократіи, онъ ничего не говоритъ о ея качествахъ. Слово «демократія», безъ особаго поясненія, уже настолько износилось въ современномъ политическомъ лексиконѣ, что, напримѣръ, въ Америкѣ кличка демократовъ дается консерваторамъ. Можетъ ли демократія, одна, въ доктринерски-политическомъ смыслѣ, положить начало новому фазису политическаго развитія въ современныхъ обществахъ? Конечно, нѣтъ. Федеративный принципъ, присоединяемый къ демократіи Гервинусомъ, дѣйствительно, составляетъ наиболѣе крѣпкую изъ существовавшихъ до сихъ поръ основъ демократическихъ зданій, но Гервинусъ ставитъ его совсѣмъ особо, какъ увидимъ при взглядѣ его на политическія формы, какія онъ считалъ пригодными для Германіи. Самое же главное, на что въ политическихъ теоріяхъ и въ историческихъ взглядахъ Гервинуса нѣтъ сочувственнаго намека—это экономическая подкладка политическаго строя, на которую указывалъ уже нелюбимый Гервинусомъ Берне, — реальное социальное движеніе, безъ котораго одни политическіе переходы власти, дѣйствительно, напоминаютъ строй древнихъ или средневѣковыхъ крошечныхъ республикъ, — соглашеніе борющихся общественныхъ силъ, безъ котораго всевозможные чисто-политическіе перевороты, въ родѣ древнихъ, не что иное, какъ дымъ.

II.

Гервинусъ родился въ 1805 г. въ купеческомъ семействѣ. Родительскій домъ ничего не могъ доставить для его умственнаго развитія, а также немного помогла въ этомъ отношеніи и гимназія, въ которой учился будущій историкъ. Всѣмъ послѣдующимъ развитіемъ и стремленіемъ къ научному труду Гервинусъ обязанъ исключительно самому себѣ, политическій же колоритъ, который не оставлялъ Гервинуса даже среди ученыхъ его тру-

товъ, зависѣлъ, быть можетъ, и отъ тѣхъ впечатлѣній, какими окруженъ былъ мальчикъ при первомъ достиженіи сознательнаго отношенія къ окружающему. Это было вскорѣ послѣ великаго движенія 1813 года, волны котораго еще не совершенно улеглись—и въ Дармштадтѣ—родинѣ историка—еще давали себя чувствовать. Хотя это была и великогерцогская резиденція, но мальчика не коснулось вліяніе придворной атмосферы, потому что онъ принадлежалъ къ зажиточному семейству средняго сословія, которое вообще въ городахъ, подобныхъ Дармштадту, держалось поодаль и достаточно независимо отъ придворной и административной сферъ. Данная въ 1820 г. Дармштадту конституція, хотя, по существу своему, была и прозрачною, однакожь до нѣкоторой степени способствовала возбужденію вниманія къ общественной жизни и къ политикѣ. Средоточіемъ такой политической жизни сдѣлались вообще резиденціи владѣтельныхъ особъ, какъ оживленные, административные центры, и отставаніе либеральныхъ идей выпало именно на долю средняго класса, вполне соответствуя его давнишнему антагонизму съ дворомъ и чиновничествомъ. Дармштадтъ, въ этомъ отношеніи, не отставалъ отъ другихъ подобныхъ центровъ, но свои надежды на политическое улучшеніе долженъ былъ обращать вдаль, такъ-какъ окружающее представляло мало утѣшительнаго. Революціонныя движенія въ Испаніи и Италіи, борьба грековъ за свободу казались тогдашнимъ либераламъ началомъ эпохи свободы; парламентская борьба во Франціи возбуждала здѣсь тѣмъ болѣе живое вниманіе, что въ Дармштадтѣ, какъ вообще въ западныхъ нѣмецкихъ владѣніяхъ, находившихся въ болѣе прямомъ отношеніи къ Франціи, во времена рейнскаго союза, не было такой ненависти къ французамъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Германіи, хотя народное движеніе 1813 года, подкрѣпленное заманчивыми обѣщаніями внутренней свободы со стороны нѣмецкихъ правительствъ, также нашло и здѣсь отголосокъ. Нельзя сказать, чтобъ и дѣла Германіи не возбуждали здѣсь участія, но общее положеніе вещей тогда, а въ особенности въ наступившую вслѣдъ затѣмъ эпоху реакціи 1823—1830 годовъ, было таково, что хорошо было уже и то, если Дармштадтъ не поддавался такой же глубокой апатіи къ національнымъ интересамъ, какая господствовала въ югозападныхъ и южныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Большею частію, поэтому, умственная жизнь города сосредоточивалась на литературѣ и искусствахъ; политикѣ удѣлялось гораздо менѣе мѣста. Кромѣ хорошаго опернаго и драматическаго театра, въ Дармштадтѣ была лучшая въ цѣлой Германіи бібліотека. Тогдашняя эпоха находилась

еще подъ сильнымъ вліаніемъ раздѣта нѣмецкой поэзіи въ послѣдней трети XVIII-го столѣтія, но съ расширеніемъ круга зрѣнія со времени французской революціи одна нѣмецкая поэзія не могла удовлетворять читателей; умы обращались къ иностраннымъ литературамъ и особенно къ англійской: Байронъ и Шекспиръ стояли на первомъ планѣ. Къ поэзіи, драмѣ и оперѣ присоединялись въ Дармштатѣ и пластическія искусства, — живопись и архитектура: превосходныя коллекціи великогерцогскихъ картинныхъ галлерей составляли гордость города. При такой обстановкѣ, для воспримчивой молодой натуры не было недостатка въ разностороннихъ возбужденіяхъ. Это могло бы произвести даже вредное вліаніе на молодого Гервинуса, нутемъ привычки къ поверхностному разбрасыванію себя по разнымъ предметамъ, если бы отъ такого дилетантизма не спасла его врожденная способность не увлекаться впечатлѣніями минуты, подчинять господству мысли тотъ многосторонній матеріалъ, который другого могъ бы совершенно сбить съ толку. Все, къ чему обращался Гервинусъ, онъ старался такъ проникнуть и понять, какъ будто бы изученіе даннаго предмета составляло его обязанность. Въ низшихъ классахъ гимназіи онъ не только выказалъ отличные успѣхи въ занятіяхъ классическими языками и литературами, но находилъ въ себѣ силу заниматься и новѣйшими языками, въ особенности англійскимъ, изучалъ нѣмецкую поэзію, пытался самъ составлять гекзаметры, думалъ даже завести журналъ. Съ другими мальчиками-товарищами онъ образовалъ «союзъ» (нѣчто въ родѣ геттингенскаго Hainbund), цѣлю котораго были поэтическія стремленія и достиженіе славы. «Завязалась борьба между разумнымъ и неразумнымъ принципами», замѣчаетъ Гервинусъ въ своей автобіографіи, «и наконецъ перевѣсъ началъ переходить на сторону неразумнаго. Собственно все дѣло состояло въ чувствѣ превосходства надъ другими, въ обособленіи, въ неясномъ стремленіи къ чему-то лучшему. Этотъ союзъ сильно раздулъ занятія поэзію; я сдѣлался, замѣчаетъ Гервинусъ, ужасно лѣнивъ и началъ презирать классныя занятія, такъ что мнѣ стало невыносимо пробывать въ гимназіи даже одинъ день послѣ конфирмаціи. Безъ сомнѣнія, такому рѣшенію способствовало частію дурное состояніе гимназіи, о которой Гервинусъ вспоминалъ не только не съ благодарностью, какъ предвѣщали учителя, но съ истиннымъ ожесточеніемъ. Лишь только я вспомню, что цѣлый персоналъ учителей смотрѣлъ на преподаваніе только, какъ на бремя, и стремился только къ его облегченію, хотя бы даже на счетъ учениковъ, вспомню, какая пошлость господствовала вездѣ,

какъ и прилежныя и лѣнныя ученики одинаково оставались въ небреженіи, — короче, какъ цѣлое заведеніе, повидимому, рассчитано было на то, чтобъ давить всякое доброе проявленіе, гдѣ бы оно ни шевельнулось, — то думаю, что едвали что другое можетъ такъ вбѣсить меня, какъ это воспоминаніе».

Не послѣднюю роль въ прекращеніи ученія молодымъ Гервинусомъ играло и желаніе его отца, который былъ такого мнѣнія, что университетское образованіе ни къ чему не ведетъ, и только торговля и ремесла могутъ доставить человѣку безбѣдную жизнь. Онъ заставлялъ сына сдѣлаться кушцомъ: единственный выборъ, допущенный при этомъ, былъ выборъ книжной торговли, вмѣсто всякой другой. Впрочемъ, и самъ Гервинусъ замѣчаетъ: «я надѣялся въ занятіяхъ торговлею найти досугъ для поэзіи». Къ 14 годамъ мальчикъ былъ уже нѣсколько сформированъ умственно, и потому скоро увидѣлъ, что это занятіе не по немъ. Всѣ друзья удалились, и въ этомъ уединеніи «поэзія и вся умственная дѣятельность замерла, и остались только новыя ямки». Но это продолжалось недолго: прежняя привычка къ усидчивымъ и методическимъ занятіямъ, огромное прилежаніе, способность быстро усваивать себѣ предметъ, сдѣлали для Гервинуса не потерянными и тѣ нѣтъ, которыя онъ пробылъ за прилавкомъ. Только онъ все еще не могъ сосредоточиться на одномъ предметѣ. Въ это время на Гервинуса оказывалъ значительное вліяніе нѣкто Гессемеръ, впоследствии профессоръ архитектуры во Франкфуртѣ на Майнѣ; они вмѣстѣ писали стихи, печатали ихъ въ Мангеймскомъ листѣ, вели знакомство съ лучшими актерами дармштадтскаго театра, писали драматическія критики, прологи. Въ свободныя часы Гервинусъ изучалъ великихъ поэтовъ англійскихъ, итальянскихъ и испанскихъ. Изъ нѣмецкихъ писателей онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ Жанъ-Поля. Наконецъ, занятія торговлей сдѣлались Гервинусу невыносимы. Осенью 1824 г. онъ оставилъ контору и обратился къ продолженію своего научнаго образованія. Поводомъ къ этому была сильная ссора съ хозяиномъ, у котораго онъ жилъ. Пришлось выдержать еще бурю со стороны отца, который не хотѣлъ и слышать о переходѣ сына отъ торговли къ другому поприщу. Въ дѣло вступились мать молодого человѣка, его прежніе товарищи и, главнымъ образомъ, старшій братъ, мѣстный виноторговецъ, который снабдилъ будущаго историка деньгами, необходимыми для университетскаго ученія. Такъ-какъ время, проведенное въ конторѣ, было употреблено не безъ пользы на подготовительныя занятія, то теперь Гервинусу осталось только поработать полгода надъ

греческимъ и латинскимъ языками, которые нѣсколько забылись. Черезъ полгода онъ могъ уже поступить въ университетъ сначала въ Гиссенъ, а потомъ въ Гейдельбергъ, гдѣ, подъ руководствомъ Шлоссера, окончательно опредѣлилась его будущая карьера, то-есть выборъ направленія для лучшаго приложенія дарованій, почти уже созрѣвшихъ. До тѣхъ поръ Гервинусъ колебался еще въ выборѣ между исторіей и филологіей, хотя и близокъ былъ къ первой по природной склонности къ анализу всякаго научнаго матеріала, за который брался. Шлоссеръ помогъ ему уяснить свое призваніе и рѣшительно склониться на сторону исторіи. Шлоссеръ въ это время былъ на верху своей славы и въ самомъ разгарѣ дѣятельности. Какъ извѣстно, онъ ввелъ въ научный курсъ также и литературу, сдѣлавъ послѣднюю необходимою составною частью исторической науки. Основная мысль его чтеній, какъ и литературныхъ произведеній, была для Германіи чѣмъ-то совершенно новымъ. Это былъ политическій интересъ, внесенный имъ въ исторію,—идеи о выработкѣ и преобразованіи понятій о государствѣ и гражданской свободѣ. Сущность его политическихъ воззрѣній совпадала съ тогдашнимъ нѣмецкимъ либерализмомъ, который, при постоянно возрастающей реакціи, вынужденъ былъ ограничиться теоретической оппозиціей. Шлоссеръ также постоянно отклонялъ отъ себя всякое внесеніе излагаемыхъ съ кафедры взглядовъ въ дѣйствительную жизнь, да, впрочемъ, это было и невозможно при тогдашнемъ положеніи вещей.

Хотя вліяніе профессора и было сильно на Гервинуса, однакожь послѣдній все еще нѣкоторое время колебался, пока не написалъ первое историческое сочиненіе «Обзоръ исторіи англосаксовъ». Но до начала собственно ученой карьеры, (которая, по характеру Гервинуса и по духу того времени, потомъ повела его къ политической) ему предстояло пройти еще нѣсколько митарствъ, неизбежныхъ для человѣка, который трудомъ зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба. Весною 1827 г. Гервинусъ оставилъ университетъ и хотѣлъ заняться какимъ-нибудь практическимъ дѣломъ, чтобъ имѣть возможность спокойно продолжать заниматься наукой, а частію, прибавляя онъ, и для того, чтобъ сойти съ родительскаго хлѣба. Нѣкоторое время онъ колебался между обыкновенными учительскими занятіями и университетской доцентурой. Года полтора пробылъ онъ учителемъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, давалъ еще нѣкоторое время частные уроки и, въ качествѣ домашняго учителя въ одномъ англійскомъ семействѣ, ѣздилъ въ Италію. Для Гервинуса это былъ удобный случай познакомиться съ классической страной, гдѣ онъ

имѣлъ возможность изучить классическій періодъ литературы; въ этомъ путешествіи вкусъ молодого ученаго окончательно совърѣлъ и критическая способность сформировалась. Вернувшись въ Германію, онъ поступилъ въ Гейдельбергскій университетъ, и тутъ началась настоящая его ученая дѣятельность.

III.

Между тѣмъ, приближался 1830 годъ. Несмотря на усиленную реакцію 1823—30 годовъ и даже благодаря ей, броженіе умовъ въ Европѣ возрастало. Разразилась іюльская революція и дала общественной жизни другое направленіе. Въ Германіи эта революція отразилась стремленіями добыть отъ нѣмецкихъ государей конституціи, подобныя французской. Въ эту-то эпоху выступалъ Гервинусъ. Разумѣется, его научная дѣятельность не могла остаться безъ сильнаго политическаго отбѣна. Ранке справедливо замѣчаетъ, что вообще, при сравненіи литературныхъ произведеній второй половины XVIII вѣка съ литературою середины XIX вѣка, поражаетъ почти-исключительное обращеніе первыхъ къ чисто-литературнымъ, поэтическимъ или философскимъ интересамъ, тогда какъ въ послѣдней безусловно преобладаетъ политическое направленіе. Причина такого явленія коренится, безъ сомнѣнія, въ тѣхъ великихъ переворотахъ, которые совершились въ указанный періодъ времени, сдѣлали возможнымъ большое участіе народа въ общественной жизни и проложили дорогу постоянно возрастающему значенію печати. Въ другое время Гервинусъ, получившій основательную научную основу, и хотя, быть можетъ, склонный къ политикѣ, но не обладавшій ни ораторскимъ талантомъ, ни спеціально-политическою подготовкою, остался бы такимъ же, по общественному характеру, какъ и прочіе нѣмецкіе ученые, т.-е. профессорствовалъ бы многіе годы и издавалъ бы въ свѣтъ ученныя изслѣдованія, хотя и почтенныя, но написанныя не на особенно удачную тему, чему онъ уже и положилъ начало своей «Исторіей англо-саксовъ», а вскорѣ послѣ того «Внутренней исторіей Арагоніи», которая появилась вмѣстѣ съ «Исторіей флорентинской историографіи до XVI столѣтія», заключающей въ себѣ превосходную «нравственную, гражданскую и литературную характеристику Макиавелли», писателя, къ которому Гервинусъ всегда питалъ большое уваженіе. Матеріалы для этого сочиненія, составляющаго результатъ глубокаго и неутомимаго изученія, Гервинусъ привезъ изъ первой своей поѣздки

въ Италію. Онъ первый правильно взглянулъ на великаго флорентинскаго историка и государственнаго чловѣка, вопреки установившемуся взгляду, потому что разсматривалъ его не какъ отдѣльную личность, но вмѣстѣ съ общимъ ходомъ политическихъ идей и стремленій его эпохи.

Къ этому же времени относится трудъ, который не остался безъ вліянія на дальнѣйшую собственно публицистическую дѣятельность Гервинуса. Какъ ни сильна была въ немъ чисто-научная завкаса, какъ ни старался онъ сначала, вопреки своей склонности, посвятить себя только «наука» и оставаться на исключительно-ученой почвѣ, но толчокъ, данный іюльской революціей, до такой степени оживилъ въ Германіи воспоминанія о проявленіи народнаго духа въ 1813 г. и возбудилъ стремленія къ сближенію науки съ жизненными интересами, что Гервинусъ, какъ умственно-сильная натура, не могъ, въ силу своихъ основныхъ воззрѣній, не выступить на встрѣчу болѣе живымъ интересамъ, которые являлись въ обществѣ благодаря пробужденію національнаго духа. Его взглядъ на этотъ вопросъ ярко выразился въ только-что тогда вышедшемъ первомъ томѣ «Исторіи національной нѣмецкой литературы».

Значеніе, какое авторъ придавалъ этому первому своему крупному труду, ясно выражено въ предисловіи къ первому тому; точка зрѣнія Гервинуса крайне оригинальна и показываетъ, какой уже въ то время совершался въ его взглядахъ поворотъ къ политической дѣятельности.

Нѣмецкая поэзія, по мнѣнію автора, въ то время достигла совершенства, — конечно условнаго, — такого, какое возможно безъ вліянія счастливо развитой государственной жизни. Поэтому, современный историкъ могъ уже разсматривать нѣмецкую поэзію, какъ нѣчто законченное, какъ вполне сформированный объектъ исторіи. Свою исторію Гервинусъ считаетъ какъ бы эпитафіей отжившему, идеально-созерцательному направленію и ставить своею цѣлью пробудить въ читателѣ сознаніе, что теперь слѣдуетъ направить силы нѣмецкаго народа къ области дѣйствія. Поэтическая дѣятельность нѣмцевъ сдѣлала свое дѣло; она дала толчокъ національной жизни въ прошломъ столѣтіи, вызвала къ жизни народное самосознаніе. Послѣ тяжелыхъ трудовъ въ этой области, нація заняла почетное мѣсто своими поэтическими созданіями сравнительно съ произведеніями творчества другихъ народовъ, а между тѣмъ въ политической сферѣ продолжаетъ еще играть подчиненную роль. Необходимо обратиться къ практической дѣятельности и употребить добытое національное самосознаніе на осуществленіе новѣйшихъ

идей о государствѣ и гражданской свободѣ. Самъ Гервинусъ переживалъ тогда переходное состояніе, —отъ начатой уже чисто-научной дѣятельности къ политической; онъ хотѣлъ заставить нѣмецкій народъ, —какъ подтверждаетъ въ «Самокритикѣ», —«отъ безсмысленнаго наслажденія искусствомъ и абстрактной науки перейти къ дѣламъ государства, политики и народной жизни, —оторвать нѣмцевъ отъ ненасытнаго запоя писательства (schreibwuth), съ парнасса привести ихъ на форумъ». Это основное возрѣніе, постепенно усиливаясь, проходить чрезъ всю послѣдующую дѣятельность Гервинуса и составляетъ ея характеристическую черту. «Муза Гервинуса есть дѣйствіе», какъ выразился Сень-Рене-Тальянде при разсмотрѣніи произведеній германскаго историка. Съ переходомъ къ дѣйствительной жизни, Гервинусъ видѣлъ новый разцвѣтъ и для самой нѣмецкой литературы и для поэзіи, «которая въ состояніи будетъ достигнуть той исключительной, недосыгаемой высоты, какою достигли только древніе, а изъ новѣйшихъ—одинъ Шекспиръ». Гервинуса возмущало то, что лучший цвѣтъ нѣмецкаго ума обращается на науку и искусство, а не на государственную арену, —онъ видѣлъ въ этомъ причину жалкаго положенія нѣмецкой націи. Въ своемъ увлеченіи политической дѣятельностью онъ говорилъ даже: «если, по словамъ Гете-Шиллеровскихъ эпиграммъ, гдѣ начинается ученый, тамъ кончается политическій дѣятель, то я лучше хочу, чтобъ вовсе кончилось существованіе перваго, только чтобъ скорѣе явился послѣдній». Въ такой оцѣнкѣ вѣншей жизни и состоитъ единственное разнорѣчіе Гервинуса съ Шлоссеромъ. Послѣдній видѣлъ главное наслажденіе человѣка во внутренней жизни, искалъ пищи уму и сердцу въ чтеніи и комментированіи созерцательнаго Данте. Гервинусъ считалъ эту жизнь только убѣжищемъ, отдыхомъ отъ жизни дѣйствительной, и всѣмъ поэтамъ предпочиталъ Шекспира, который даетъ «самую здоровую» пищу для подготовки къ реальной жизни, какова она есть». Въ Шекспирѣ, результатомъ изученія котораго у Гервинуса явилось вполнѣ дѣльное сочиненіе, онъ видитъ точность, силу, естественность, вѣрный и проникательный взглядъ на человѣческія дѣла, —находитъ тотъ принципъ энергической дѣятельности, который вездѣ является главнымъ требованіемъ самого Гервинуса.

Была и еще болѣе опредѣленная причина, почему Гервинусъ уже въ то время—въ половинѣ тридцатыхъ годовъ—такъ настойчиво требовалъ обращенія лучшихъ силъ нѣмецкаго народа къ политической дѣятельности. Положеніе политическихъ дѣлъ Германіи, на взглядъ Гервинуса, представляло ненормальный

видъ,—неестественный застой, проникнутый уже глухимъ радикальнымъ движеніемъ. Какъ человекъ, стремившійся стать во главѣ либеральной, возрожденной послѣ реакціоннаго гнета Германіи,—какъ ученый, обладавшій уже «навыкомъ и склонностью въ стройному, систематическому ходу событій, Гервинусъ добивался либерально-конституціоннаго порядка вещей (впослѣдствіи онъ подробно развилъ свои взгляды на этотъ предметъ въ «Самокритикѣ»), хотѣлъ быть серьезнымъ реформаторомъ политической жизни Германіи и вести націю путемъ правильнаго политическаго развитія. Партію «Молодой Германіи», которая тогда опредѣленно обрисовалась, онъ считалъ вредною для этого развитія и профанирующею дѣло свободы. При появленіи «Парижскихъ писемъ» Верне, Гервинусъ написалъ противъ нихъ рѣзкую статью, въ которой осуждалъ тенденціи автора, находя, что онъ подрываетъ то самое дѣло, которому хотятъ служить. «Молодая Германія», говоритъ Гервинусъ, «разбивала всѣ предрассудки, но съ ними также и всякое разумное сужденіе,—возмущалась противъ существующаго порядка, но на мѣсто образованія поставила упадокъ нравовъ и одичаніе: поэтому, мы прониклись силою зла, политическія стремленія направились на тайные пути. Безумныя нападенія молодой литературы на государство и общество составляли одинъ изъ симптомовъ возраставшей трудности втискивать гигантскіе члены германской націи на пигмейское ложе стараго союза». Опасность, усматриваемую въ будущемъ отъ столкновенія двухъ враждебныхъ нѣмецкой свободѣ крайностей, Гервинусъ силится устранить сосредоточеніемъ всѣхъ адорovýchъ умственныхъ силъ націи въ области государственной жизни, не отягкая ихъ на другія сферы—художественную и научную. Онъ указывалъ на необходимость сильнаго, но осторожнаго политическаго движенія, которое обновило бы нарождающееся поколѣніе Германіи въ желаемомъ смыслѣ. Обращаясь къ прошлому своего отечества, Гервинусъ считалъ еще счастьемъ, что, послѣ вырожденія религіозной жизни въ XVII вѣкѣ, «страшныя времена несчастій и неудачъ впрвали нѣмцевъ изъ глубины паденія». Сознавая политическую приниженность и плачевное реакціонное положеніе Германіи, онъ искалъ ей руководителя, который бы «очистилъ авгіевы ясли» внутреннѣхъ дѣлъ и разбилъ бы цѣпь реакціонной зависимости отъ восточныхъ державъ». Такимъ руководителемъ, по мысли Гервинуса, какъ и другихъ передовыхъ людей старолиберальнаго движенія, должна была сдѣлаться Пруссія, что онъ впослѣдствіи подробнѣе объяснилъ въ особой брошюрѣ по поводу прусской конституціи.

Изложенныя мысли Гервинуса, которыя онъ выразилъ преимущественно въ предисловіи къ «Исторіи нѣмецкой поэтической литературы», а частію въ мелкихъ историко-политическихъ статьяхъ того времени, привлекли на автора общее вниманіе. Книга его произвела эпоху, но не удовлетворила ни ту, ни другую изъ тогдашнихъ рельефныхъ нѣмецкихъ партій. Основное воззрѣніе Гервинуса однимъ показалось революціоннымъ, другимъ—реакціоннымъ: люди прежняго литературнаго періода не имѣли ни охоты, ни способности выступать на новую дорогу, которую указывалъ имъ авторъ; — съ другой стороны, нѣмецкая молодежь, сама проникнутая духомъ времени,—возбужденная воспоминаніями о нѣмецкомъ національномъ движеніи 1813 года и революціоннымъ отголоскомъ 1830, далеко опередила стремленія Гервинуса и усвоила себѣ гораздо болѣе рѣшительный политическій характеръ, чѣмъ хотѣлъ бы допустить Гервинусъ. Направленіе этой партіи ярче всего выражается у Верне, парижскія письма котораго Гервинусъ считалъ несомнѣнными съ требованіями политическаго развитія. Гервинусъ, въ силу своихъ тенденцій осторожнаго прогресса, черезъ которыя онъ, если и переступалъ, то только въ теоріи, остался между двухъ партій, и этимъ объясняется его конечный неуспѣхъ въ политическомъ отношеніи. Въ эпохи политической борьбы иначе и быть не можетъ. Въ глазахъ современной демократической партіи воззрѣнія Гервинуса останутся крайне несовершенными, между тѣмъ какъ реакціонерная сторона,—недавно еще носившая названіе національно-либеральной,—откровенно признаетъ, для упоенія вышнимъ національнымъ величіемъ, господство диктатуры: эта тенденція нѣмцевъ высказывалась уже давно, и новѣйшій бисмаркизмъ значительною долею своего успѣха обязанъ именно тому, что пришелся по уровню политической зрѣлости націи.

Что Гервинусъ, несмотря на свой конституціонный практическій идеалъ и на относительную умѣренность своихъ взглядовъ, и въ то время не былъ слѣпымъ сторонникомъ рутиннаго конституціонализма, который завзятые поклонники англійскаго образца не могутъ себѣ представить иначе, какъ съ двумя палатами и строго разграниченнымъ дѣленіемъ власти между тремя конституціонными факторами, доказывается его свободнымъ отношеніемъ къ воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ тогдашнихъ вліятельныхъ кружкахъ. По вопросу о приложимости въ Германіи системы двухъ палатъ и о правѣ нѣмецкаго дворянства на привилегированное положеніе, онъ высказывался слѣдующимъ образомъ: «Мы не должны обманываться;—въ Германіи ничто

не благоприятствуетъ самостоятельному значенію дворянства, какъ дворянства, хотя и жаль не имѣть такой нравственной и матеріальной силы. Даже въ Англіи аристократія приходитъ въ столкновеніе съ промышленными элементами. Имущественная сила лучше сѣумѣетъ принаровиться къ возрастающимъ потребностямъ времени. Эта истинно-живая часть націи (среднее сословіе) безъ труда найдетъ себѣ правильное и живое представительство. 2-я камера представляетъ принципъ матеріальнаго, практическаго, инстинктивнаго, непосредственнаго, подвижнаго. Оправданіемъ первой камеры могли бы быть высшія государственныя цѣли, чуждыя житейскимъ расчетамъ и хлопотамъ. — Существенную часть этой камеры составляло бы дворянство, представляющее собою теоретическій, идеальный принципъ, но гдѣ мы возьмемъ его? первая камера будетъ олицетвореніемъ только неподвижности. Мы можемъ, впрочемъ, утѣшиться тѣмъ, что слабость аристократическаго представительства есть нѣчто естественное и неизбѣжное, — какъ нѣкогда была слабость городовъ, когда дворянство значило все.

Громкая литературная извѣстность, пріобрѣтенная Гервинусу его историческими трудами, и общее вниманіе, обратившееся на его политическія тенденціи, послужили поводомъ къ призванію его на кафедру исторіи и литературы въ знаменитый Геттингенскій университетъ, Georgia Augusta. Здѣсь завязались тѣсныя дружескія отношенія Гервинуса къ братьямъ Гриммамъ и Дальману, скрѣпляемыя одинаковостью политическихъ мнѣній, — которая была доказана историкомъ цитатами изъ переписки умершихъ друзей, несмотря на противоположныя увѣренія сына одного изъ нихъ.

Въ Геттингенѣ же было положено начало семейной жизни Гервинуса, которая подрѣпляла его въ дни послѣдующихъ невзгодъ; здѣсь также ему пришлось сдѣлать первый рѣшительный шагъ политическаго свойства и тѣмъ приложить къ дѣлу свою теорію о необходимости практически-политической дѣятельности для Германіи.

Послѣ возбужденія, произведеннаго въ Германіи іюльской революціей, составлены были въ разныхъ нѣмецкихъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Ганноверѣ, относительно-либеральныя конституціи, по соглашенію правительства съ выборными отъ народа. Когда волненіе поулеглось, нѣмецкіе владѣтели стали исвать случая, если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ, видоизмѣнить эти конституціи въ свою пользу. Англійскій принцъ, герцогъ Кумберлендскій, зачатый тори, сдѣлался, по праву наслѣдованія, въ 1837 году ганноверскимъ королемъ и,

не безъ основанія полагаясь на реакціонный духъ верховнаго судьи германскихъ дѣлъ,—франкфуртскаго сейма,—первымъ дѣломъ отмѣнили ганноверскую конституцію 1833 года, замѣнивъ ее старинною конституціею 1819 года, при которой король освобождался отъ безпокойнаго контроля земскихъ чиновъ, въ особенности—въ правѣ распоряженія доходами съ государственныхъ имуществъ. Университетъ Georgia Augusta только-что отпраздновалъ свой 100-лѣтній юбилей. По поводу такого вопіющаго самовластия короля семь профессоровъ университета подали протестъ и отказались отъ присяги. Они немедленно лишились мѣстъ, а трое главныхъ зачинщиковъ (Гервинусъ, Дальманъ и Яковъ Гриммъ) были, въ теченіе трехъ дней, изгнаны изъ предѣловъ королевства. Это изгнаніе имѣло огромное значеніе для политическаго развитія Гервинуса. Онъ былъ даже радъ такому обстоятельству, потому что оно открывало ему дорогу къ болѣе свободной публицистической дѣятельности, къ роли предводителя политической партіи, и воспрепятствовало сдѣлаться цеховнымъ ученымъ, подъ вліяніемъ окружающей среды. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Гервинусъ въ предисловіи къ третьему тому своей исторіи литературы: «изгнаніе изъ Геттингена и Ганновера безспорно послужило мнѣ въ счастье. Гдѣ на тронѣ сидитъ безнравственность и грубое насиліе, которое даже не считаетъ нужнымъ надѣть маску права,—тамъ нѣтъ мѣста ни для чловѣка честнаго, ни для научнаго дѣятеля. Событіе, которое могло и имѣло цѣлью сдѣлаться моимъ несчастьемъ, послужило, напротивъ, поводомъ къ изъявленію мнѣ знаковъ любви отъ учениковъ и друзей, чѣмъ я горжусь, и подготовило жизнь, полную семейнаго счастья, равнаго которому не въ силахъ предложить мнѣ ни одинъ земной король».

Послѣ изгнанія, Гервинусъ провелъ зиму въ Римѣ, занимаясь историческими трудами, а потомъ избралъ своимъ постояннымъ жилищемъ Гейдельбергъ, гдѣ остался до конца жизни, съ рѣдкими выѣздами въ Италію или въ Англію. Сначала онъ велъ уединенную жизнь частнаго ученаго, который занимается своими научными трудами безъ всякаго оффиціальнаго положенія. Въ виду оживленнаго броженія разнообразныхъ политическихъ силъ, которыя волновали политическую мысль націи въ началѣ сороковыхъ годовъ, а съ другой стороны — реакціи, которая крѣпко держала въ своихъ когтяхъ сдавленное движеніе начала прошлаго десятилѣтія, Гервинусъ охотно посвящалъ свои досуги политическому руководству націи на случай будущихъ событій, выражая свои мнѣнія при благопріятныхъ поводахъ

въ формѣ политическихъ памфлетовъ. Жизнь въ Гейдельбергѣ устраивалась для историка недурно, благодаря свободному его положенію, физическому вліянію природы, красоту которой онъ умѣлъ цѣнить, и дружескому кружку, который образовался около бывшаго профессора; въ этомъ обществѣ господствовала свѣжая, чуткая въ современности умственная струя, которой не было въ педантическомъ Геттингенѣ, за исключеніемъ Гриммовъ и Дальмана.

Благодаря частнымъ лекціямъ, которыя Гервинусъ давалъ баденскимъ принцамъ, формально-опальное положеніе его въ 1844 году кончилось: онъ опять назначенъ былъ профессоромъ въ гейдельбергскій университетъ. Затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ читалъ публичныя лекціи по новѣйшей исторіи и политикѣ, на которыя стекалось множество слушателей различныхъ общественныхъ классовъ. Увлеченіе публики политическимъ характеромъ этихъ лекцій было тѣмъ замѣчательнѣе, что вообще рѣчь Гервинуса, чуждая всякихъ ораторскихъ украшеній (онъ вообще былъ противникомъ блестящей внѣшности), выливалась въ простую, сухую форму. Гервинусъ и отъ природы не былъ одаренъ ораторскимъ талантомъ: взойдя на кафедру, онъ складывалъ передъ собою на пюпитръ тетрадь и начиналъ говорить,—оставаясь неподвижнымъ, опустивъ глаза,—почти беззвучно, безъ всякихъ модуляцій тона: голосъ его ослабѣлъ отъ частыхъ горловыхъ болѣзней. По словамъ одного изъ гейдельбергскихъ слушателей Гервинуса, онъ, въ частной жизни, былъ всегда простъ и доступенъ, подобно своему учителю Шюссеру. Онъ взялъ за правило всегда съезжаться дома посѣтителю, всегда готовъ былъ—безъ доклада—принять каждаго, дать совѣтъ, подѣлиться свѣденіями, оставаясь въ своей рабочей комнатѣ, изъ которой изгнанъ былъ всякій наружно-ученый аппаратъ. Комната эта отличалась простотой, но была со вкусомъ меблирована и не содержала въ себѣ ничего, напоминающаго о ея назначеніи. Библіотека находилась рядомъ, въ особомъ помѣщеніи. Въ этотъ періодъ затишья, между перережитыми невзгодами и будущими, еще болѣе сильными, жизнь Гервинуса раздѣлялась между работой, наслажденіемъ природой и избранными собесѣдниками, въ числѣ которыхъ былъ историкъ Лудвигъ Гейссеръ. Гервинусъ употреблялъ это время на изученіе двухъ любимыхъ своихъ англійскихъ талантовъ,—Шекспира, произведенія котораго читались по вечерамъ въ основанныхъ имъ же шекспировскихъ собраніяхъ, и Генделя, музыкой котораго Гервинусъ любилъ заниматься и вполнѣтствіи посвящалъ Генделю даже особое сочиненіе.

.. Политическія воззрѣнія Гервинуса и въ эту мирную эпоху его жизни развивались послѣдовательно, по избранному раньше направленію; онъ все дальше, хотя осторожно, подвигался по тому пути, который сообщалъ воззрѣніямъ Гервинуса демократическую окраску, несмотря на умѣренность ихъ практическаго приложенія.

- Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія взгляды, высказанные Гервинусомъ въ 1848 г., въ приложенной къ изданію сочиненій Георга Форстера характеристикѣ послѣдняго. Форстеръ мало извѣстенъ въ наше время, и то скорѣе, какъ путешественникъ и натуралистъ, нежели какъ писатель и политическій дѣятель. Въ концѣ прошлаго столѣтія, во время французской революціи, онъ былъ бібліотекаремъ Майнцаго курфюрста, принадлежалъ къ самымъ рѣшительнымъ республиканцамъ, и въ 1793 году былъ посланъ, въ качествѣ депутата, въ Парижъ, для выраженія желаній рейнской провинціи о соединеніи съ Франціей; это порученіе онъ выполнилъ и произнесъ даже въ конвентѣ рѣчь, принятую благосклонно. Гервинусъ характеризуетъ Форстера, какъ человѣка, всецѣло обращеннаго къ дѣятельной жизни, «который долженъ намъ служить образцомъ практической выработки, энергіи характера, путеводителемъ въ томъ политическомъ направленіи, какое, послѣ отцвѣта художественно-литературной эпохи, должно быть пережито и нѣмецкою жизнью и уже теперь предчувствуется инстинктомъ массы и пронизательностью отдѣльныхъ лицъ». Если прежде, напримеръ, въ 1833 году, при характеристикѣ Макиавелли; Гервинусъ, при всей выскокой цѣнѣ политической дѣятельности, все еще не рѣшался безусловно предпочесть ее умственной, — если спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1836 году, — разбирая сочиненіе Дальмана о «Политикѣ», онъ, хотя уже объявилъ безусловно-необходимымъ политическое развитіе для нѣмецкаго народа, но все еще увѣщевалъ сохранять крайнюю осторожность и умѣренность на пути прогресса, и еще недавно выражалъ сожалѣніе, что въ Германіи нѣтъ элементовъ для дворянской палаты, то теперь, при характеристикѣ Форстера, Гервинусъ сдѣлалъ новый шагъ впередъ, — призналъ, что освобожденіе политическихъ силъ нѣмецкаго народа должно послѣдовать во что бы то ни стало, даже подъ рискомъ большихъ переворотовъ, если нельзя иначе, чтобъ не дать совершенно погрязнуть всей національной нѣмецкой жизни. Теперь онъ требовалъ уже не только сближенія науки съ жизнью; съ интересами современности, а дѣятельнаго обращенія къ политической жизни всѣхъ отечественныхъ силъ. Приведенный Гервинусомъ взглядъ Форстера на терро-

ризмъ французской революціи показываетъ также существовавшее измѣненіе во взглядахъ самого историка на тѣ средства, къ какимъ прибѣгаетъ народъ, когда событія устраняютъ возможность постепеннаго, мирнаго развитія, въ которомъ онъ былъ еще увѣренъ по отношенію къ Германіи, когда бранилъ Берне за радикализмъ и насмѣшливое отношеніе къ общественному порядку: «въ порывистомъ стремленіи къ свободѣ Форстеръ видѣлъ только реакцію природы противъ давленія; необходимый скачекъ отъ одной крайности къ другой не могъ заключать въ себѣ ничего страшнаго для знатока человѣческой природы. Форстеръ завѣшивалъ жестокости революціи съ систематическими убійствами тысячъ людей изъ-за удовольствія честолюбія воинственныхъ деспотовъ, съ разрушеніемъ спокойствія и радости сотенъ тысячъ семействъ путемъ вѣковыхъ притѣсненій и давленія, и нашелъ, что первая чашка вѣсовъ легче. Гервинусъ тутъ же сильно вооружается противъ тѣхъ историковъ, «всплывающихъ особенно часто теперь, среди гнѣлаго мира нѣмецкаго общества», которые только и знаютъ, что указываютъ, какою дорогою цѣною купила Франція себѣ свободу, а о томъ молчатъ, что измѣнила революція въ цѣломъ организмѣ Европы и даже Америки,—молчатъ, что всѣ хорошіе, свободные, чистые элементы, какіе еще остались въ нашемъ положеніи, составляютъ результатъ того же великаго переворота».

Уже въ приведенныхъ нами мысляхъ находятъ довольно задатковъ, разъясняющихъ позднѣйшіе, демократическіе взгляды Гервинуса. Характеристичны еще его взгляды на національность, по поводу упомянутаго выше посольства Форстера отъ нѣмецкихъ провинцій къ французскому революціонному правительству. Указавъ на иностранное происхожденіе Форстера, его космополитическое образованіе и бѣдственное положеніе тогдашней Германіи, Гервинусъ, слѣдующимъ образомъ, оправдываетъ его поступокъ, достойный всякихъ провѣтій, по мнѣнію нѣмецкихъ либераловъ, къ которымъ принадлежитъ и біографъ Гервинуса: «Форстеру предстоялъ выборъ между оставленіемъ отечества и лишеніемъ свободы, которая была основою его жизни; такой выборъ, даже и намъ, въ эпоху спокойной жизни и повседневныхъ привычекъ, не могъ бы быть сомнительнымъ, а для человѣка съ энергическимъ умомъ, съ сильнымъ характеромъ, въ подобную эпоху, едвали можетъ даже и называться выборомъ. Для Форстера не было выбора потому, что онъ научился цѣнить свободную страну выше рабской,—безъ свободы для него не существовало патріотизма, и только свободныя націи, по его мнѣ-

нью, нѣють отечество». Допуская вѣрность такого положенія вообще, Гервинусъ прибавляетъ, что наши дѣйствія обыкновенно получаютъ направленіе отъ тѣхъ невидимыхъ узъ, которыя съ молодости приковываютъ насъ къ родному мѣсту, вводятъ въ кругъ отечественныхъ взглядовъ и идей, отъ которыхъ трудно отрѣшиться. Особенностью Форстера было отсутствіе у него такъ называемаго «тѣснаго» отечества (англичанинъ родомъ, онъ былъ воспитанъ въ Германіи), а образованіе открывало передъ нимъ широкій міръ. Въ приведенныхъ мысляхъ видѣнъ весь Гервинусъ, съ его пламенною любовью къ нѣмецкой націи, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, — любовью, соединенною съ полнымъ безпристрастіемъ. Послѣднее, какъ мы упоминали, давало поводъ близорукимъ или недобросовѣстнымъ критикамъ обвинять Гервинуса въ пренебреженіи къ нѣмецкой національности, которой онъ въ своихъ сочиненіяхъ будто бы отводилъ второстепенное мѣсто, и даже новѣйшія свой взглядъ о пользѣ федеративнаго устройства Германіи будто бы, собственно по недоброжелательству къ современной Германіи, заимствовалъ со словъ французскаго историка, Шербюлле. Это обвиненіе, при доказанномъ всею дѣятельностью Гервинуса его глубокомъ патриотизмѣ, не заслуживаетъ возраженія, а относительно инсинуацій насчетъ яраго республиканизма Гервинуса, мы имѣемъ объясненіе самого историка, къ которому возвратимся при изложеніи его мнѣнія о государственной формѣ, какую онъ считалъ лучшею.

IV.

Между тѣмъ, для Гервинуса, сообразно съ подготовившимися на европейскомъ материкѣ событіями, наступала пора болѣе живаго участія въ политическихъ дѣлахъ, которое вскорѣ должно было перейти въ преобладающее предъ ученою дѣятельностью. Окончивъ ранѣе начатія литературно-историческія работы, онъ съ жаромъ бросился въ политическую жизнь. Впрочемъ, участіе въ ней Гервинуса, въ теченіе періода 1846—49 годовъ, ограничивалось почти исключительно публицистикою, посредствомъ которой онъ обсуждалъ тѣ или другія событія. Первымъ поводомъ высказаться по ягучему вопросу дня, хотя и не собственно-политическому, было движеніе «нѣмецкихъ католиковъ», которые отвергали зависимость отъ папы, не признавали различныхъ благочестивыхъ католическихъ обрядовъ, а также таинствъ, кромѣ крещенія и причащенія, — короче, ратовали въ пользу свободн. совѣсти, приближаясь этимъ къ протестантизму. При-

надлежа вообще къ оппозиціи противъ всякаго преобладанія, какъ церковнаго, такъ и политическаго, Гервинусъ, — самъ протестантъ и человекъ индифферентный въ религіи, — увидѣлъ въ этомъ движеніи «зародышъ прекрасныхъ результатовъ для націи». Цѣль его была чисто политическая; онъ считалъ нужнымъ пользоваться каждымъ случаемъ, чтобъ «пріучать націю къ необходимости единодушнаго дѣйствія, къ болѣе широкимъ политическимъ взглядамъ, формировать въ ней проникательность и тактъ, необходимыя для успѣшной политической дѣятельности». Въ глазахъ Гервинуса движеніе нѣмецкихъ католиковъ было мимолетнымъ случаемъ, который можетъ привести къ великимъ результатамъ, то-есть къ убѣжденію, что въ наше время единично нельзя произвести ничего истинно великаго и долговѣснаго, но что все должно совершаться массами, и потому высшую задачу всѣхъ дѣятельныхъ и просвѣщенныхъ патріотовъ должны составить руководство и направленіе движеній этихъ массъ. Только въ этомъ смыслѣ, по разумности и современности общаго взгляда на народныя движенія, и имѣетъ значеніе брошюра, о которой мы говоримъ. Въ примѣненіи же къ данному случаю, Гервинусъ возставалъ противъ руководителей движенія, которые хотѣли сдѣлать изъ него секту, — старался, путемъ церковнаго соединенія всѣхъ нѣмцевъ и низверженія папскаго авторитета, достигнуть единенія и внѣ-церковнаго, возможности общаго дѣйствія въ нѣмецкомъ народѣ для политическихъ цѣлей. Но тутъ же онъ доказывалъ, что и наоборотъ, даже при политическомъ единеніи, неизбѣжно зло, пока римское церковное преобладаніе не будетъ совершенно изглажено съ нѣмецкой почвы. Нельзя не замѣтить здѣсь аналогіи съ современнымъ антипапскимъ католическимъ движеніемъ въ Германіи; Гервинусъ уже тогда понималъ важное значеніе этого церковнаго вопроса для усиленія того же національнаго единства и для успѣховъ культуры, отсталость которой, со времени реформации, въ Австріи и Баваріи, объяснялъ именно этою церковною зависимостью.

По отношенію къ Пруссіи Гервинусъ, какъ мы сказали, подобно большинству тогдашнихъ либеральныхъ дѣятелей Германіи, все еще обманывался, видѣлъ въ ней безкорыстную руководительницу германскихъ дѣлъ на пути прогресса, и этимъ-то объясняется его вторая брошюра, уже чисто политическаго свойства, по поводу прусской конституціи, которую Фридрихъ Вильгельмъ IV даровалъ Пруссіи, въ видѣ собранія соединенныхъ ландтаговъ, патентомъ 3-го февраля 1847 года. Этотъ патентъ долженъ былъ служить исполненіемъ торжественнаго обѣщанія

короля Фридриха Вильгельма III дать Пруссіи конституціонное устройство. Созваніе по особому повелѣнію короля соединеннаго сейма, съ совѣщательнымъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ голосомъ, было, однакожь, далеко не то, что періодическое выборное собраніе всего народа или хотя части его, но съ голосомъ рѣшительнымъ. Такая конституція, исходившая вполнѣ изъ средневѣковыхъ воззрѣній короля, не удовлетворила никого. Король, при открытіи сейма, счелъ нужнымъ даже пояснить, что его политическія убѣжденія остались прежнія и что «никакой силѣ въ мірѣ не удастся превратить естественныя отношенія между государемъ и народомъ въ условныя, конституціонныя». «Государь въ Пруссіи—пояснялъ король—можетъ и долженъ царствовать по законамъ этой страны и по собственному произволению, а не по волѣ большинства». Эти выраженія, казалось бы, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ воззрѣній тогдашняго прусскаго короля, вполнѣ соответствующихъ традиціонной политикѣ Гогенцоллерновъ. Тѣмъ непонятнѣе ослѣпленіе либеральной нѣмецкой партіи во время послѣдующихъ политическихъ смуть. Отъ этого ослѣпленія, даже послѣ такой рѣчи, не взяли быль и Гервинусъ, какъ увидимъ при обзорѣ его публицистической дѣятельности. На счетъ значенія самаго королевскаго патента Гервинусъ вовсе не заблуждался: по его выраженію, этотъ патентъ долженъ былъ составить крѣпостную стѣну противъ напора истинныхъ представительныхъ учреждений, которыя проложили себѣ дорогу въ малыя нѣмецкія государства и опоясали Пруссію по всей ея нѣмецкой границѣ. Гервинусъ припоминалъ, что въ тридцатыхъ годахъ въ высшихъ прусскихъ придворныхъ и военныхъ кругахъ шла даже рѣчь о томъ, чтобъ возвратити вынужденныя у мелкихъ нѣмецкихъ правительствъ конституція, хотя бы силою оружія, къ совѣщательной формѣ. При всемъ томъ, Гервинусъ не отчаивается еще въ прусскомъ королевскомъ домѣ. Въ этой брошюрѣ онъ только вновь и самымъ настоятельнымъ образомъ высказываетъ убѣжденіе въ необходимости политической дѣятельности для народа,—напоминаетъ, что время мудрѣ всѣхъ теорій и убѣждаетъ прусское правительство отрѣшиться отъ того вреднаго направленія, которое съ 1815 года угрожаетъ здоровому развитію европейскихъ государствъ, и, согласно требованіямъ времени, выступитъ на путь истиннаго конституціонализма. «Время идетъ, минуя всѣ республиканскія, коммунистскія и абсолютистскія вліянія, къ представительнымъ формамъ, и этому великому стремленію не можетъ безнаказанно противиться никакое государственное устройство». Держась все-таки за мысль о миссіи Прус-

сін въ Германіи, Гервинусъ указываетъ, что въ теченіе 30-лѣтняго мира Пруссія выпустила изъ своихъ рукъ такую миссію своею внутреннею политикою застою, чуждою интересовъ и симпатій народа, и также виѣшнею зависимостью. Безнаказанно слѣдовать консервативной внутренней политикѣ можетъ, по мнѣнію Гервинуса, только Англія, потому что тамъ барометръ политическихъ потребностей устроенъ самымъ чувствительнымъ образомъ, доступенъ и подверженъ зоркому контролю публичности. «У насъ же», заключаетъ Гервинусъ, «при отсутствіи правильныхъ общественныхъ формъ, при отсутствіи открытой борьбы партій, незамѣтно набирается духъ недовольства и при какой-нибудь несчастной случайности можетъ потрясти все существующее положеніе вещей и поставить въ опасность самую нѣмецкую культуру».

Эта брошюра послужила для Гервинуса толчкомъ къ постоянному занятію современными политическими дѣлами, тѣмъ болѣе, что своими политическими тенденціями, основанными на требованіи свободы и порядка, онъ сталъ въ первые ряды умѣренно-либеральной партіи. Между тѣмъ, въ Гейдельбергѣ давно уже явилась мысль основать періодическій политическій органъ, который могъ бы служить соединительнымъ пунктомъ всѣмъ литературнымъ силамъ, какія стремились къ публицистической дѣятельности, но въ тогдашней прессѣ не могли выражать свои взгляды. Городъ Гейдельбергъ хотѣлъ сдѣлаться центромъ политическихъ идей при предстоящемъ оживленіи, признаки котораго уже чувствовались всѣми; германскій сеймъ ошочательно потерялъ значеніе въ общественномъ мнѣніи, неудовлетворительность существующаго порядка вошла въ общее сознаніе. вмѣстѣ съ стремленіемъ къ единству и съ возвышеніемъ идеи германской національности, и наконецъ, волненіе проникло въ народныя массы, надъ которыми тяготѣли еще остатки феодальныхъ службъ, и произвело рядъ возстаній.

Гервинусъ радостно схватился за мысль основать газету, всталъ во главѣ предпріятія и немедленно пустилъ дѣло въ ходъ. Въ началѣ 1847 года появилась программа «Нѣмецкой Газеты», а съ іюля она стала выходить подъ отвѣтственной редакціей Гервинуса, при участіи какъ извѣстныхъ ученыхъ и профессоровъ, Миттермайера, Гейссера, Дальмана, Бевелера, Вайца, такъ и молодыхъ литературныхъ силъ. Задача газеты опредѣлялась, при извѣстныхъ взглядахъ редактора, тогдашнимъ политическимъ уровнемъ націи; серьезная политическая дѣятельность только еще подготавливалась, а между тѣмъ въ народѣ, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, были вложены раз-

личныя политическія завѣскы, масса націй находилась въ брожѣніи и нерѣшимости: нужнѣе всего было, поэтому, распространѣніе въ народѣ твердыхъ политическихъ убѣжденій и взглядовъ, которые въ свое время могли бы послужить руководствомъ при какихъ-нибудь усложненіяхъ. Такую теоретическую задачу предстояло еще согласить съ обстоятельнымъ сообщеніемъ читателямъ текущихъ событій. Гервинусъ выполнилъ эту двойную задачу превосходно и до половины 1848 года посвящалъ газетѣ преобладающую часть своей дѣятельности, которая въ то время была энергичнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Большинство руководящихъ статей перваго года газеты—особенно тѣхъ, которыя опредѣляли положеніе ея въ обществѣ и направленіе,—принадлежали его перу. О способности Гервинуса къ этому дѣлу можно судить уже по отзыву, не лишеному ядовитости, противника его, Ранке, который сознается, что Гервинусъ обладалъ рѣдкимъ публицистическимъ талантомъ, «хотя не особенно глубокимъ и не очень ловкимъ; онъ умѣлъ, однакожъ, съ перваго довода логически увлекать читателя далѣе, умѣлъ убѣждать и даже импонировать». Руководящія статьи газеты касались всевозможныхъ задачъ политической науки, которыя до того времени обыкновенно предлагались публикѣ въ видѣ отдѣльныхъ книгъ или памфлетовъ. Гервинусъ умѣлъ соединить въ своихъ статьяхъ двойное качество: обладая научною основательностью и послѣдовательностью, онѣ поражали убѣдительностью и ясностью для пониманія большинства читателей, какъ лучшіе летучіе политическіе листки. Тутъ впервые нашла себѣ систематическое выраженіе доктрина умѣренно-либеральной партіи, которая до тѣхъ поръ держалась въ Германіи исключительно на отвлеченной почвѣ или, самое большее, на случайныхъ, отдѣльныхъ вопросахъ. Здѣсь все направлено было къ разъясненію цѣлой нѣмецкой націи ея общихъ интересовъ, ея общихъ политическихъ и государственныхъ дѣлъ, ея стремленій, которыя только при общемъ дѣйствіи могутъ найти себѣ удовлетвореніе.

Можно сказать, что своей газетой Гервинусъ создалъ національную партію и впервые ясно указалъ ея цѣль. Правда, что потомъ она пошла по другой дорогѣ, но важно уже и то, что вызвано было къ жизни сознаніе существованія «нѣмецкаго вопроса», которое затерялось-было у націи вслѣдствіе измѣльчанія ея интересовъ въ духѣ узкаго партикуляризма. Образованный классъ націи болѣе и болѣе проникался убѣжденіемъ, что всѣ единичныя желанія, надежды и опасенія, волновавшія уже, были только отдѣльными проявленіями и результатами общаго положенія вещей въ данное время, и что, слѣдовательно, и въ

будущемъ также будутъ зависть отъ того развитія, какого достигнетъ общее цѣло: очевидно, что всѣ единицы, для улучшения собственнаго положенія, должны были соединить свои силы и заботы для лучшаго устройства этого общаго цѣлага. Такова была главная и прочная заслуга газеты Гервинуса, тѣмъ болѣе важная, что распространение подобныхъ понятій пришлось какъ-разъ ко времени политической всышки нѣмецкаго народа и не осталось безъ вліянія на событія слѣдующаго года. Если прибавить къ этому главному дѣлу другую, упомянутую уже нами задачу, — очищеніе и укрѣпленіе въ читателяхъ теоретически-политическаго мышленія, то очевидно будетъ, что своей газетой Гервинусъ поднялъ нѣмецкую прессу на неизвѣстную до тѣхъ поръ высоту политической дѣятельности и вліянія. Но для достиженія этого Гервинусъ ни на шагъ не отступилъ отъ прежнихъ своихъ принциповъ умѣреннаго, но рѣшительнаго прогресса и противодѣйствія той и другой крайней партіи. Бороться съ реакціей, содѣйствовать реформѣ въ смыслѣ свободнаго союза нѣмецкихъ государствъ въ общемъ германскомъ цѣломъ и препятствовать революціи — такова была поставленная Гервинусомъ задача его публицистической дѣятельности въ «Нѣмецкой газетѣ».

Когда всыкнула февральская революція и нашла живой отголосокъ въ Германіи, «Нѣмецкая газета» пользовалась уже серьезнымъ политическимъ и нравственнымъ авторитетомъ и старалась направлять общественное мнѣніе при предстоящихъ замѣшательствахъ. Стремленія нѣмцевъ къ единству и свободѣ готовы были осуществиться. Стремленія Гервинуса къ положительной политической и общественной дѣятельности осуществлялись.

Ходъ событій въ томъ актѣ «Комедіи всемірной исторіи», который разыгрался въ Германіи, слишкомъ извѣстенъ, чтобы стдило его повторять. Мы упомянемъ о немъ лишь сколько это нужно по отношенію къ дѣятельности Гервинуса и къ его критикѣ ошибокъ и промаховъ нѣмецкаго движенія. Народное волненіе въ Германіи, по полученіи извѣстія о событіяхъ въ Парижѣ, вынудило у правительство свободныя конституціи, напрасно ожидавшіяся съ 1815 г. Мысль о нѣмецкомъ единствѣ подъ руководствомъ Пруссіи, лелѣемая уже давно конституціонною партією, не замедлила всплыть. Гервинусъ, какъ приверженецъ свободы безъ революціи, и — по своимъ идеальнымъ взглядамъ — увѣренный, что Пруссія способна составить безкорыстный противовѣсъ тогдашнему пугалу — Австріи, писалъ, спустя уже два дня по полученіи извѣстія о февральской революціи: «теперь

настало время Пруссіи принять на себя руководство нѣмецкимъ дѣломъ», и остался вѣренъ этой программѣ даже когда грозилъ разрывъ съ Австріей и междоусобная война, даже когда видѣлъ, что эта мысль въ самомъ правительствѣ прусскомъ потеряла шансы на успѣхъ. Указывая на несомнѣнность существованія двухъ соперничающихъ державъ въ нѣмецкомъ союзѣ, онъ хотѣлъ удержать Германію отъ тѣхъ опасныхъ кризисовъ, на которые осуждена Австрія своею политикою. Въ стремленіи къ разрыву съ Австріей онъ не хотѣлъ отступать даже передъ войной, и вида кругомъ себя недостатковъ въ готовности на подобное рѣшеніе, упрекалъ нѣмцевъ въ слабости. Это была одна изъ опасностей, которыя предвидѣлъ Гервинусъ. Другая, которую онъ также хотѣлъ отвратить отъ своихъ соотечественниковъ, была опасность продолжительной, разрушительной революціи, которая «истребитъ германскіе княжескіе дома,—сотретъ въ крови провинціализмъ, федерализмъ, партикуляризмъ и проложитъ дорогу абсолютному единству». Въ конечномъ торжествѣ послѣдняго онъ и тогда не вѣрилъ, такъ какъ и послѣ смерти Александра Македонскаго монархія послѣдняго рушилась не только по неимѣнію преемника, но и въ силу духа обособленности (Stammgeist) покоренныхъ земель: «превратятся сотрясенія», говорилъ онъ, «и поблекшіе листья федерализма оживутъ». Гервинусу казалось только, въ теченіе первой половины 1848 года, что хорошаго результата можно достигнуть и мирнымъ путемъ. Со стороны Пруссіи онъ ничего не опасался, какъ потому, что вначалѣ 1848 г. унитаристовъ въ Германіи можно было счесть по пальцамъ, такъ и по причинѣ добросовѣстности Пруссіи (gut deutsch) и нѣкоторой ея апатичности, доказанной событіями; «да и кто», прибавляетъ Гервинусъ, «могъ бы предположить что-нибудь подобное въ эпоху Ольмюца, Мальме и т. п.». Отношеніе большинства депутатовъ въ цвѣтущій періодъ національнаго франкфуртскаго собранія къ мысли о предводительствѣ Пруссіи въ германскихъ дѣлахъ характеризуется тѣмъ, что когда сдѣлано было, въ самомъ началѣ засѣданій, предложеніе передать Пруссіи временную центральную власть, то въ парламентѣ—разсказываетъ Шерръ—не послышалось ни одобренія, ни гнѣва, ни опасеній, раздался только хохотъ. Черезъ какой-нибудь годъ многое измѣнилось: настроеніе собранія перемѣнилось очень скоро, какъ только первое усвоеніе величіемъ нѣмецкаго единства прошло и собраніе разглядѣло всю призрачность своей силы,—перемѣнились и надежды Гервинуса на безкорыстную роль прусскаго монархизма въ германскихъ дѣлахъ. До тѣхъ поръ, цѣлый годъ,

до самого отказа Фридриха-Вильгельма IV отъ императорской короны, онъ направлялъ всю свою публицистическую дѣятельность въ пользу прусской гегемоніи и соглашенія между національнымъ собраніемъ и отдѣльными правительствами въ дѣлѣ начертанія конституціи. Гервинусъ участвовалъ даже практически въ этомъ дѣлѣ съ самаго начала. Его имя встрѣчается уже 5-го марта въ гейдельбергскомъ собраніи либеральныхъ депутатовъ (числомъ 51) различныхъ нѣмецкихъ сеймовъ, которые совѣщались о нуждахъ Германіи, рѣшили обратиться къ своимъ правительствамъ съ приглашеніемъ созвать національное собраніе и образовали комиссію изъ 7 членовъ для составленія проекта общегерманскаго народнаго представительства. Возбужденіе умовъ было такъ сильно, что даже союзный сеймъ созналъ необходимость своего преобразования на началахъ, сообразныхъ съ духомъ времени, и пригласилъ союзныя правительства прислать «лучшихъ людей въ предварительное собраніе для выработки новаго союзнаго устройства».

Выбранный депутатомъ отъ ганзейскихъ городовъ, Гервинусъ ревностно принялъ участіе въ выработкѣ конституціи, но уже тогда замѣчалъ промахи и самообольщенія избранниковъ нѣмецкаго народа, которые должны были привести къ плачевному концу; онъ не закрывалъ глазъ на шаткость всего дѣла. Голоса въ пользу федеративно-республиканскаго устройства Германіи остались въ меньшинствѣ; одержала верхъ конституціонно-монархическая партія. Гервинусъ хотѣлъ, чтобъ предварительное собраніе представило будущему парламенту уже готовый проектъ конституціи, и чтобъ въ утвержденіи послѣдней, а также въ выборѣ главы союза, было предоставлено участіе и отдѣльнымъ нѣмецкимъ государствамъ, въ устраниеніе будущихъ раздоровъ. Между тѣмъ, предварительное собраніе именно признало, что будущій національный парламентъ вправѣ утвердить для Германіи конституцію, безъ согласія отдѣльныхъ правительствъ. Уже это начало не предвѣщало ничего хорошаго. Но нужно было, по крайней мѣрѣ, не терять времени, пока не прошелъ первый чадъ упоенія самостоятельностью нѣмецкой національности.

Гервинусъ не могъ не видѣть, что зданіе нѣмецкихъ либераловъ строится на пескѣ. Отъ республики они отшатнулись, но—провозглашая монархическій принципъ, третировали высокомерно нѣмецкихъ монарховъ, надѣясь на свою призрачную «нѣмецкую національную» силу, которая будто бы устранишь всякія реакціонныя попытки. Упиваясь величіемъ небывалой еще въ Германіи эпохи, либерально-конституціонная партія, овла-

дѣйствіемъ, вообразила, что никакая неудача невозможна именно по причинѣ этого величія. Между тѣмъ, упустили изъ виду существенное, — что самый импульсъ движенію былъ данъ извнѣ, изъ Франціи, революціоннаго пыла которой не на шутку боялись тогда нѣмецкія правительства. Этимъ опасеніемъ крупныхъ монархическихъ силъ Германіи за исходъ февральской революціи, а частію и внутренними смутами въ Пруссіи и Австріи, — только и обусловливалась возможность самаго существованія франкфуртскаго парламента и другихъ либеральныхъ собраній общегерманскаго характера. Правительства, неувѣренныя еще, въ какой степени сильна европейская революція, хотѣли пока заручиться, на всякій случай, союзомъ конституціонной партіи, которая, пропагандируя идею единства Германіи съ умѣренно-конституціонной программой, все-таки мѣшала дѣйствію демагогическихъ элементовъ, пока послѣдніе были опасны, а по минованіи надобности — отъ этихъ невзвѣнныхъ мечтательныхъ поборниковъ національнаго единства можно было всегда легко отдѣлаться. У національнаго нѣмецкаго собранія не было дѣйствительной матеріальной силы, которая бы обезпечила повиновеніе даже мелкихъ нѣмецкихъ государей, не говоря уже о Пруссіи и Австріи. Гервинусъ, видя главную опасность со стороны Австріи, предсказывалъ, что германское дѣло погибнетъ, если въ этомъ государствѣ будутъ подавлены внутреннія смуты и именно венгерское возстаніе, «усмиреніе котораго будетъ имѣть для всего европейскаго либеральнаго движенія такое же значеніе, какъ паденіе Варшавы въ 1831 г.». Онъ указывалъ на опасность, грозящую дѣлу прусско-германскаго единенія отъ австро-русскихъ интригъ. Обстоятельства показали, однакожъ, что не нужно было ждать и грознаго прѣзрѣнія Россіи для наступленія реакціи въ Германіи. Уже въ декабрѣ 1848, съ выборомъ Людовика Наполеона Бонапарта президентомъ французской республики, австрійское и другія дальновидныя нѣмецкія правительства сразу перемѣнили тонъ по отношенію къ мирнымъ, и по большей части ученымъ представителямъ національнаго нѣмецкаго единства, которые, засѣдая во Франкфуртѣ больше полугода, тратили невозвратное время первой паники реакціонеровъ не на фактическое закрѣпленіе хотя того, чего можно было достигнуть, а на сужденія объ основныхъ правахъ, на колебанія по вопросу о формѣ имперскаго устройства, и на выборъ временной центральной власти вперед до выбора постоянной.

Гервинусъ былъ избранъ во франкфуртскій парламентъ депутатомъ отъ прусской Саксоніи. Позднѣйшіе противники исто-

рина сваливали на него отвѣтственность за ошибки парламента потому, что онъ будто бы былъ тамъ рагъ шагна. На дѣлѣ все участіе Гервинуса ограничилось, какъ мы замѣтили, обсужденіемъ мѣропріятій нѣмецкаго собранія въ «Нѣмецкой Газетѣ», и при томъ тѣ особенности его возврѣній, о которыхъ мы частью уже сказали, вскорѣ поставили Гервинуса въ разладъ съ его же собственной партией. Онъ заботился больше всего о скорѣйшемъ довершеніи конституціи, пользуясь благопріятнымъ настроеніемъ умовъ, и съ жаромъ возсталъ противъ проекта образованія временной союзной власти, находя, что до окончанія конституціи лучше ограничиться однимъ сеймомъ, лишь бы только «ковать желѣзо, пока горячо». Но даже въ томъ случаѣ, если подобное учрежденіе неизбѣжно, то онъ предлагалъ или передать исполнительную власть Пруссіи, чтобы само время укрѣпило новый порядокъ, или ввѣрить власть директоріи изъ трехъ членовъ, но ни въ какомъ случаѣ не назначать единоличнаго представителя этой власти, чтобы не произвести антагонизма между національнымъ собраніемъ и самими могущественнымъ изъ истинно-нѣмецкихъ государствъ—Пруссіей. Гервинусъ старался охранить нравственный принципъ германскаго движенія, не потерять почвы изъ подъ ногъ. Известно, что собраніе приняло, очертя голову, совершенно иное рѣшеніе. Оно также начало понимать непрочность положенія и пока думало найти опору въ предложеніи Гагерна, которое получило кличку «Kühne Griff»—смѣлый шагъ, т. е. въ выборѣ блюстителемъ Германіи эрцгерцога австрійскаго Іоанна, который, хотя приобрѣлъ либеральную репутацію, но не имѣлъ ни навыка къ правленію, ни средствъ установить что-нибудь прочное среди тогдашняго хаоса; притомъ же, въ сущности, онъ былъ, какъ справедливо замѣчали потомъ, «добрый австріецъ». По всѣмъ подобнымъ причинамъ Гервинусъ признавалъ подобный шагъ крайне опрометчивымъ и въ своей газетѣ неумолимо критиковалъ ошибки парламента, указывалъ на слабость его въ виду подкоповъ реакціи, на колебанія между робостью и самоувѣренностью, на нелогичность «преслѣдованія революціоннаго принципа лояльными способами»,—доказывалъ, что спросомъ мнѣній нѣмецкихъ правительствъ относительно выбора намѣстника устранилась бы, на случай реакціи, возможность непризнанія дѣла объединенія Германіи со сторонитѣхъ же правительствъ,—предвидѣлъ возможность обмана довѣрія народа мелкими германскими владѣтелями, предостерегалъ отъ повторенія реакціи 1816—30 гг., послѣ блестящаго возбужденія народныхъ силъ въ 1813 г.; наконецъ, не находилъ до-

статочныхъ словъ для порицанія медленности собранія и траты времени на предметы маловажныя. Но дѣлюю такого прямодушнаго порицанія Гервинусъ терялъ прежнюю руководящую роль въ своей партіи и всталъ даже въ оппозицію съ другими ея вождями. Около того-же времени у Гервинуса вышли раздоры съ издателемъ Нѣмецкой газеты. Гервинусъ вышелъ изъ парламента и уѣхалъ на три мѣсяца въ Италію.

Обсуждая такой шагъ въ «Selbstkritik» въ отвѣтъ на обвиненія National Zeitung въ разочарованномъ самолюбіи, Гервинусъ замѣчаетъ: «Многіе бранили меня, зачѣмъ я критиковалъ дѣятельность народныхъ представителей. Но такъ какъ шовинизмъ 1870 г. не былъ еще тогда нѣмецкою добродѣтелью, то нашлись и такіе, которые считали небезполезнымъ для рейхстага послушать голоса критики и даже самый выходъ мой изъ парламента считали дурнымъ признакомъ для успѣха всего дѣла». Критикуя политику рейхстага и повидая его, Гервинусъ «дѣйствовалъ подѣ влияніемъ политическаго инстинкта, который въ немъ всегда былъ сильнѣе умствующаго разсудка. Онъ вѣрилъ тогда въ непогрѣшимость рейхстага столь-же мало, какъ теперь (въ 1871 г.) въ непогрѣшимость новой государственной политики Германіи,—былъ и тогда столь-же одинокъ, какъ теперь, потому что шумъ тысячеголоваго общественнаго мнѣнія заглушалъ его отдѣльный, скромный голосъ,—тогда такъ же мало заблуждался, какъ и теперь, также не скрывалъ своего мнѣнія, какъ и теперь, но высказывалъ его такъ же спокойно, какъ теперь, потому что—въ невозможности удержать зарвавшуюся въ опьненіи массу былъ тогда убѣжденъ, какъ и теперь». Въ этихъ словахъ мѣтко схваченъ и современный чадъ, обуявшій нѣмецкую націю.

Зимой 1848 г. Гервинусъ возобновилъ сотрудничество въ «Нѣмецкой газетѣ», но уже устранился отъ главнаго заведыванія ею. Притомъ и обстоятельства начали сильно измѣняться: Австрія приняла повелительный тонъ и объявила, что не допустить своего исключенія изъ союза. Гервинусъ, въ дѣломъ рядѣ статей, настаивалъ на немедленномъ, открытомъ разрывѣ съ Австріей, видя въ этомъ уже единственное средство привести Германію безъ революціи къ прочному политическому сформированію. Но когда и эта надежда была потеряна, Гервинусъ, въ порывѣ гнѣва, писалъ: «мы еще не способны къ самоуправленію, хотя и много твердили о народномъ самодержавіи. Мы не созрѣли для единства Германіи. Франкфуртскій рейхстагъ неоспоримо доказалъ это. Мы ничего не понимаемъ во внѣшней политикѣ и ея первыхъ требованіяхъ, а безъ это-

го нація никогда не может сдѣлаться чѣмъ-нибудь. Мы не со-
зрѣли, поэтому, и для національности въ политическомъ смислѣ.
Если таковъ уровень способности народа, то уровень прави-
тельствъ—не лучше. Я ошибался, думая, что сила умственного
образованія можетъ, на первый разъ, замѣнить у народа недо-
статокъ специальной подготовки для политической дѣятельности;
школа искусства и науки мало принесла намъ политической
проницательности, испортила истиннѣе воли и сломала силу
дѣйствія. Одряхлѣвшіе члены не избѣгнуть Меденна котла ре-
волюціи, да и не должны избѣгнуть, лишь бы только могли отъ
этого помолодѣть». Несмотря на такое отчаяніе, Гервинусъ не
переставалъ еще работать на пользу франкфуртскаго собранія,
нова была хотя тѣнь надежды на успѣхъ. Въ послѣдній пери-
одъ своего существованія, національное собраніе пригото-
влялось, наконецъ, къ избранію императора. Удѣпившись сначала
за Австрію, но чувствуя свой близкій конецъ, оно хваталось те-
перь за Пруссію. Между тѣмъ, Австрія заранѣе отвергала им-
ператорскую франкфуртскую конституцію и адресовала Пруссіи
угрожающія и ироническія ноты. Гервинусъ и его друзья требо-
вали прямо изгнанія австрійскаго уполномоченнаго изъ рейхста-
га, напрягали послѣднія силы въ борьбѣ съ реакціей, и среди
этой борьбы ихъ облилъ холодной водой отказъ короля прус-
скаго принять императорскую корону. Для Гервинуса это было
личнымъ, тяжелымъ разочарованіемъ. Съ этого времени начи-
нается у него поворотъ въ отношеніяхъ къ прусской политикѣ,
хотя, въ сущности, послѣднія оставалась всегда вѣрна себѣ, и
заблужденіе національныхъ либераловъ нельзя сваливать на мо-
нархическую Пруссію, исконный легитимизмъ которой могъ
позволить себѣ уклоненіе только предъ завоевательными соблаз-
нами, но никакъ не предъ фиктивной волей нѣмецкаго народа.

Работу національнаго собранія съ этихъ поръ Гервинусъ, не
безъ основанія, считалъ оконченною, но совѣтовалъ сдѣлать
еще попытку соглашенія съ второстепенными государствами, ко-
торыхъ, въ интересъ своей независимости, должны были, по его
мнѣнію, склониться на это. Но второстепенныя государства не
забыли еще своего устраненія отъ участія въ обсужденіи нѣ-
мецкихъ дѣлъ національнымъ собраніемъ, когда оно было въ
цвѣту. Предсказаніе Гервинуса исполнилось; реакція приближа-
лась во всей красѣ; послѣдовало распаденіе и бѣгство парла-
мента, а затѣмъ уничтоженіе его въ Штуттгартѣ вооруженной
силой. Гервинусъ рѣшился удалиться совершенно съ поприща
практической политики. Онъ объявилъ, что «будущность теперь

принадлежитъ демократіи и что монархизмъ самъ себя оставилъ, его дѣло въ Германіи совершенно потеряно.

По поводу этихъ словъ, повидимому, какъ нельзя болѣе опредѣленныхъ, и вообще поворота въ воззрѣніяхъ Гервинуса на Пруссію, его упрекали, что эту послѣднюю онъ сдѣлалъ возломъ отпущенія за всѣ бѣды только потому, что она не пошла по указанному имъ пути,—что свое личное недовольство возвелъ въ научную систему, а изъ нея а priori философски построилъ (во «Введеніи») всю нѣмецкую исторію и пришелъ къ выводу, что будущее и въ Германіи принадлежитъ господству массъ, республикѣ или чему-нибудь подобному. Гервинусъ на это возражалъ, что взятый имъ Аристотелевскій законъ теченія исторіи касается не одной Германіи, но всего человѣчества. Въ этомъ ходѣ развитія настоящая эпоха достигла, по его мнѣнію, такого положенія, когда третье сословіе совершенно сравнялось съ первыми двумя, а четвертое сословіе стремится сравняться съ тремя остальными, что, конечно, соотвѣтствуетъ республиканской государственной формѣ. Но когда именно это совершится,—въ современной или будущей Европѣ, Гервинусъ оставляетъ нерѣшеннымъ, устанавливая только фактъ «побѣднаго шествія свободы» и правильного хода исторіи, который не исключаетъ человѣческаго произвола въ отдѣльныхъ событіяхъ. «Республика или монархія, монархія конституціонная или демократическая одержитъ побѣду? Либеральныя правительства должны ли служить только переходомъ или должны установиться окончательно? Должно ли четвертое сословіе, завоевавъ свои права, занять мѣсто рядомъ съ прочими, или оно сравнится, сольется съ ними въ одно однородное общество? Это вопросы, разрѣшеніе которыхъ будетъ зависетьъ отъ способности прочихъ классовъ и политическихъ силъ, отъ разумности или неразумія ихъ оппозиціи».

Изъ этихъ общихъ воззрѣній историка видно уже, что онъ, преслѣдуя торжество практическихъ дѣлей, не считалъ нужнымъ держаться, по отношенію къ современности, ни республиканской, ни вообще какой бы то ни было особой политической формы. Въ «Selbstkritik» онъ даетъ по этому вопросу не безинтересное объясненіе и считаетъ нужнымъ возражать противъ приписываемыхъ ему республиканскихъ мнѣній относительно современного устройства Германіи.

Приведенныя слова о гибели монархизма въ Германіи сказаны, очевидно, въ увлеченіи, и самый гнѣвъ, съ которымъ они вырвались у Гервинуса, показываетъ, что ихъ произнесъ не приверженецъ республики: послѣдній долженъ былъ бы радо-

ваться каждой ошибкѣ представителей монархизма, а особенно его саморазрушенію. Подобное настроеніе въ 1849 году вовсе не было единичнымъ явленіемъ въ Германіи; уже въ предварительномъ парламентѣ республиканцы довольно громко заявили свои мнѣнія, — были и практическія попытки республиканскаго восстанія. Но даже приверженцы монархіи, видя разрушеніе своихъ надеждъ, съ гнѣвомъ говорили, какъ удостовѣряетъ Гервинусъ: «на будущій разъ: wir werden nicht mehr vor den Thronen stehen bleiben!» Практическое осуществленіе эти слова, конечно, имѣли не у многихъ: монархисты боялись республики, которая олицетворялась для нихъ только въ видѣ кровопролитія; даже самъ Гервинусъ, въ своей кратковременной публицистической и политической дѣятельности, постоянно предсказывалъ опасность для Германіи съ этой стороны, и въ такой опасности винилъ неразумный образъ дѣйствій монархическихъ правительствъ, — въ особенности, короля прусскаго. Гервинусъ утверждаетъ, что и въ 1866 г. Пруссіи было бы не такъ легко ниспровергнуть троны мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, еслибы они сами себя не оставили въ эпоху 1848 г.; вслѣдствіе неискренности, боязливости и эгоизма въ пору общегерманскаго дѣла, ихъ никто не хотѣлъ поддержать и въ минуту опасности. Что же касается собственно республиканизма, то Гервинусъ видѣлъ его приближеніе даже раньше, чѣмъ писалъ свое «Введеніе», — видѣлъ въ томъ, что само настроеніе народное, со времени независимости Америки и французской революціи, дѣлается демократическимъ и будетъ развиваться въ томъ же смыслѣ, тогда какъ въ прошедшемъ столѣтіи настроеніе народовъ было монархическое, а реформаторское настроеніе преобладало въ государяхъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ выражается духъ времени, а сверхъ того, по мнѣнію Гервинуса, сами монархи способствуютъ выработкѣ такого духа и въ массахъ и въ отдѣльныхъ единицахъ. Лично Гервинусъ никогда не былъ врагомъ республики, но никогда и не принадлежалъ къ числу упорныхъ республиканцевъ уже потому, что въ дѣлѣ свободы всегда обращалъ вниманіе больше на сущность, чѣмъ на форму; болѣе всего заслуживающимъ сочувствія казался ему всегда такой порядокъ, который можно одинаково назвать и республиканскою монархіей и монархическою республикой. «Онъ охотно сохранилъ бы монархическую форму, лишь бы правы народа были строго республиканскими, а въ томъ случаѣ, если развитіе, мнѣнія, убѣжденія, дѣйствія гражданъ окажутся зрѣлыми для республики, то, разумѣется, онъ послѣднимъ сталъ бы ей сопротивляться». При обзорѣ партій въ рейхс-

тагѣ 1848 г. Гервинусъ писалъ въ своей газетѣ: «если судьба приведетъ къ тому, что существующіе до сихъ поръ европейскіе государственные порядки уступятъ мѣсто республикѣ, то пусть этотъ жребій коснется насъ не раньше, какъ самые лучшіе и мудрые среди насъ объявятъ себя за республику, — когда съ этимъ словомъ будетъ соединиться понятіе не о разнузданности и анархіи, но о высшемъ порядкѣ и справедливости, — пока нравы не сдѣлаются республиканскими т. е. простыми, строгими, умѣренными, воздержными, пока любовь и уваженіе къ закону не сдѣлаются среди насъ безмолвною, но прочною страстью». Но пока въ требованіяхъ республики выражается незрѣлость народа для этой формы, до тѣхъ поръ Гервинусъ считалъ своею обязанностью развивать монархію до возможно лучшей ея формы. Присоединиться Гервинусу вообще къ незрѣлой политической партіи, по собственнымъ словамъ его, было бы такъ же невозможно, какъ Шлоссеру посѣщать демократическій клубъ, и именно потому, что человѣкомъ партіи, въ современномъ политическомъ смыслѣ, Гервинусъ не могъ и не хотѣлъ быть. Въ приведенныхъ нами въ началѣ статьи словахъ ярко выражено, какъ высоко онъ цѣнилъ свою дѣятельность, какъ историка: историкъ не долженъ допустить овладѣть собою никакой партіи; ему невозможно «налагать на себя оковы, суживать свои убѣжденія» подъ рамку партіи; но при этомъ онъ, — какъ *conditio sine qua* поп своего призванія — долженъ былъ оставаться всегда приверженцемъ свободы и прогресса. Такова была политическая программа, какую указывалъ себѣ и старался выполнять Гервинусъ, не входя въ противорѣчіе съ «призваніемъ» (*Beruf*) историка, выпавшимъ на его долю.

Но, какъ мы видѣли, практическая дѣятельность Гервинуса была неудачна, даже послѣ того огромнаго авторитета, какимъ онъ уже пользовался предъ 1848 годомъ въ развитыхъ кругахъ Германіи. Какая же была этому причина? Дѣятельность Гервинуса какъ въ эпоху движенія, такъ и во всю остальную жизнь была проникнута строгою честностью, чтобы ни говорила «*National-Zeitung*». Относительно поставленнаго вопроса могутъ быть даны различныя объясненія; съ точки зрѣнія современныхъ нѣмецкихъ либераловъ, на примѣръ, вся вина, разумѣется, на сторонѣ Гервинуса. Онъ былъ увнй, разочарованный доктринеръ всю жизнь, всегда хотѣлъ приладить дѣйствительность къ своимъ предвзятымъ теоріямъ и потому всегда оставался одинокимъ — таковъ главный мотивъ, особенно звучно раздающійся съ 1870 года. «*Unsere Zeit*» хочетъ выразить ту же мысль нѣ-

сколько легче. «Политическія воззрѣнія «Нѣмецкой Газеты», говорятъ она, «хотя и преобладали въ большинствѣ образованныхъ людей Германіи, но вовсе не соответствовали требованіямъ дѣйствительности. Въ силу внутренней логики политическаго дѣйствія, оно противорѣчитъ системѣ доктрины, и какъ только это противорѣчіе сознано,—тогда остаются только два пути: одинъ—подчиниться фактическому ходу развитія, не покидая своихъ принциповъ и цѣлей, другой — устоять на своей доктринѣ потому только, что нельзя доказать ея ошибочность формальными логическими доводами. Разумѣется, Гервинусъ принадлежалъ къ послѣднему направленію, не потому только, что былъ доктринеромъ: другіе также были доктринерами, но умѣли принудить себя отложить пока въ сторону свою доктрину, а потому, что сего участіе въ практической политикѣ не было потребностью характера служить національному дѣлу, какъ высшему дѣлу на свѣтѣ, но основывалось только на разсудкѣ». По мнѣнію цитируемаго нами журнала, Гервинусъ, также по логическому требованію теоріи и разсудка, считалъ своею обязанностью посвятить свои силы воспитанію націи на политическомъ поприщѣ и на аренѣ гражданской свободы, но поводомъ къ этому не служила у него врожденная симпатія къ дѣлу, такъ какъ и вообще національное чувство высказывалось у него слабо.

Если не останавливаться на проницающемъ приведеннаго слова нѣмецкомъ шовинизмѣ, который въ узкомъ, неразборчивомъ служеніи внѣшнему національному величію видитъ главную обязанность политическаго дѣятеля, то въ приведенномъ мнѣніи можно отисать долю справедливости. Гервинусъ не увлекался узкимъ націонализмомъ и не умѣлъ подчиняться требованіямъ минуты—это правда. Какъ историкъ и философъ, онъ привыкъ смотрѣть вдаль и разсматривать событія съ болѣе широкой, сравнительно съ современниками, точки зрѣнія, но это одно не воспрепятствовало бы понять потребности времени: общее понятіе не исключаетъ подчиненнаго и частнаго; но дѣло въ томъ, что Гервинусъ, восхваляя въ сочиненіяхъ своихъ дѣятельную жизнь, не привыкъ къ ея условіямъ, не привыкъ вращаться въ томъ омутѣ, какой создаютъ въ дѣйствительности люди, при столкновеніи разнородныхъ партій. Привыкнувъ къ выраженіямъ абсолютной мысли, онъ на практикѣ не присоединялся къ представителямъ чистаго демократизма, а думалъ управлять партіей конституціонныхъ компромиссовъ, но, между тѣмъ, не зналъ, какъ надо вести дѣло, когда приходится управлять людьми,—

у него не было того, что называется политической сварливой, и этому способствовала, кромѣ привычки къ научнымъ занятіямъ, еще и честность его натуры. Онъ вѣрилъ въ возможность объединенія своего отечества одною силою идеи національной свободы, дѣвота до крайности пренебреженіе къ формѣ послѣдней, упуская изъ виду, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Онъ требовалъ великодушнаго содѣйствія германскому дѣлу отъ Пруссіи, игнорируя ея прошлое, и отъ нѣмецкихъ правительствъ, которыя ему лично уже доказали свою приверженность къ чьей бы то ни было свободѣ, и въ то же время отстранялся отъ единственнаго естественнаго своего союзника—республиканской партіи. Увлекался самъ грандіозной идеей служенія дѣлу прогресса цѣлаго человечества въ лицѣ Германіи, Гервинусъ былъ прозванъ политическимъ мечтателемъ отъ практическихъ людей, при помощи которыхъ хотѣлъ осуществить эту идею. Своимъ нежеланіемъ влиять въ разныя стороны онъ поссорился съ національно-либеральной партіей; служеніемъ дѣлу свободы навлекъ на себя ненависть реакціонеровъ, которые и не замедлили это ему довазвать.

V.

Гервинусъ рѣшился, съ наступленіемъ повсемѣстной реакціи, обратиться исключительно къ ученымъ трудамъ. Что онъ не могъ упускать изъ виду при этомъ политическихъ цѣлей,—впрочемъ, не какихъ нибудь исключительныхъ, а въ смыслѣ общаго напоминанія о состояніи и путяхъ современнаго прогресса,—это видно уже изъ приведенныхъ вначалѣ нашей статьи словъ предисловія къ его «Введенію въ исторію XIX вѣка» о томъ, что въ философскомъ построеніи историческихъ событій, въ господствѣ прогресса онъ думалъ найти утѣшеніе для нѣмецкаго народа за наступившую реакцію. Гервинусъ, какъ мы знаемъ, вообще не принадлежалъ къ числу тѣхъ холодныхъ жрецовъ науки, которымъ чужда дѣйствительность,—теперь же, подъ вліяніемъ испытанныхъ невзгодъ, онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ: привлеченіе массъ къ политической дѣятельности составляло всегдашнюю мысль его произведеній, но теперь онъ видитъ выраженіе его въ стремленіи народовъ къ демократизму, не довольствуясь конституціонализмомъ,—такова основная мысль его «Введенія», въ которомъ онъ впервые приложилъ свой любимый Аристотелевъ законъ прогресса къ опредѣленному исто-

*

рическому періоду. За ту или другую политическую форму, какъ мы знаемъ, Гервинусъ не стоялъ: установленіе республики или монархіи, положеніе четвертаго сословія, — все это, по его мнѣнію, зависѣло отъ способностей и политической силы народа; хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія у него и выражена надежда, что Германія, безъ большихъ переворотовъ, достигнетъ демократическаго (но не непременно республиканскаго) порядка, но это было сказано лишь въ связи съ сужденіемъ о судьбахъ новаго міра, развитіе котораго онъ ставилъ въ зависимость отъ двухъ представителей главныхъ современныхъ племенъ, — отъ французовъ и нѣмцевъ. Демократизація народовъ, уменьшеніе великихъ дарованій соразвѣрно увеличенію дарованій среднихъ, преобладаніе распространенности образованія надъ высотой его у отдѣльныхъ лицъ, — активная роль въ политикѣ самихъ народовъ, постепенно возрастающая доступность массамъ образованія и благосостоянія, — энергія жизни общественной, соединенная съ усиленіемъ индивидуализма, который разрушилъ прежнее суровое понятіе о государствѣ, стремленіе четвертаго сословія къ возвышенію, общее сближеніе сословія, — эманципація всѣхъ угнетенныхъ и страдающихъ, — сила убѣжденія и самоотверженія въ народномъ лагерѣ и проистекающій изъ нея характеръ необходимости въ современномъ историческомъ движеніи къ свободѣ, — правильность повторенія и возрастаніе распространенности народныхъ движеній, — таковы главныя черты новаго времени, послѣ наполеоновскихъ войнъ, по характеристикѣ Гервинуса. Что это мысли существенно политическаго характера, и даже публицистическаго, такъ какъ прямо говорятъ о современномъ обществѣ, анализируютъ его и подмѣчаютъ его жизнь, — въ этомъ, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія; сочувствіе автора къ дѣлу народнаго прогресса, къ усиленію народныхъ движеній также не скрывается, но, конечно, теперь никто не увидитъ во «Введеніи» Гервинуса политическаго памфлета. Не то было во время появленія книги, 1852 г. въ самый разгаръ реакціи, когда господствовавшая партія въ Германіи озлобленно старалась истребить самыя слѣды только что минувшаго народнаго движенія. Баденское правительство возбудило противъ автора процессъ, по обвиненію въ государственной измѣнѣ, въ стремленіи возбудить народъ противъ конституціонной монархіи и поставить въ опасность порядокъ и спокойствіе. Процессъ этотъ представлялъ многія полуконическія, полутрагическія черты, характеризующія ту трудность, съ которою относилась въ то время реакціонерная

партія въ воображаемой опасности: прокуроръ, въ заключеніе своей обвинительной рѣчи, сказалъ, что если правительство не встрѣтитъ ожидаемой въ настоящемъ случаѣ помощи у судей, то вынуждено будетъ обратиться къ самопомощи. Судьи, впрочемъ, далеки были, чтобъ доводить правительственную власть до такой крайности: предсѣдатель суда не считалъ умѣстнымъ, напримѣръ, позволить защитнику подсудимаго много распространяться на счетъ высказаннаго тѣмъ сомнѣнію въ божественномъ правѣ монарховъ, на которомъ построена была защита авторскихъ идей; но вовсе запретить касаться этого предмета въ конституціонной странѣ было также не совѣмъ ловко, и потому догадливый предсѣдатель позволилъ защитнику ограничиться приложеніемъ упомянутаго сомнѣнія къ примѣру англійскихъ Стюартовъ и ихъ судьбы.

Несмотря на блестящую защиту Суарона и на двѣ собственные превосходныя рѣчи, Гервинусъ былъ осужденъ, въ первой инстанціи Мангеймскаго суда, на двухмѣсячное заключеніе въ окружной тюрьмѣ, и уже только при переносѣ дѣла, въ высшую инстанцію, благодаря какому-то случайному обстоятельству, былъ освобожденъ отъ наказанія. Самъ Гервинусъ смотрѣлъ на эту защиту и на процессъ, какъ на отстаиваніе не своей личности, а свободы научнаго изслѣдованія, съ точки зрѣнія котораго должно быть позволительно, даже при господствѣ реакціи, стремиться къ лучшему сформированію государственной жизни, и въ этомъ смыслѣ выражалъ негодованіе, какъ всегда, въ предисловіи къ ближайшему тому «Исторіи нѣмецкой поэзіи.» (Впослѣдствіи, и тутъ противники Гервинуса старались найти доводъ въ пользу личныхъ мотивовъ его полемики противъ новой имперіи). Относительно себя Гервинусъ заботился только о томъ, чтобъ не пришлось писать задуманную «Исторію XIX вѣка» внѣ предѣловъ отечества, въ случаѣ если судъ приговорилъ бы обвиненнаго къ изгнанію, а «заточеніе», прибавлялъ онъ, «можетъ сдѣлаться даже праздникомъ для чело-вѣка, одареннаго благородною страстью къ игрѣ, застольнымъ удовольствіямъ и т. п.» Этотъ процессъ служить, напротивъ, новымъ подтвержденіемъ безпристрастія и объективности взгляда Гервинуса на послѣдующія событія. Баденъ былъ уже второе изъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, въ которомъ онъ подвергался преслѣдованію и гдѣ ему грозили тюрьмой или изгнаніемъ изъ предѣловъ Германіи; въ Ганноверѣ его изгнали прямо, безъ процесса. Казалось бы, Гервинусъ долженъ былъ поклясться въ ненависти къ мелкимъ государствамъ, тѣмъ бо-

лѣе, что въ Пруссіи остановлено было преслѣдованіе его книги, конфискованной въ Баденѣ. Казалось бы, ему только и войти въ нѣдра Пруссіи, сдѣлаться унитаристомъ, занять видное мѣсто въ рядахъ новѣйшихъ національно-либераловъ, радоваться изгнанію короля ганноверскаго,—если бы Гервинусъ въ своихъ политическихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ руководился эгоистическими тенденціями. Уже по поводу шлезвигъ-голландскихъ дѣлъ онъ выражалъ негодованіе на вѣроломный образъ дѣйствій Пруссіи, для которой права августенбургскаго дома были только лѣстницей къ завладѣнію герцогствами въ свою пользу. Но образъ его мыслей до такой степени мало понимали въ Германіи, что даже въ 1866 и въ послѣдующіе годы были люди, которые видѣли въ совершавшихся событіяхъ выполненіе желаній самого Гервинуса и присылали ему поздравленія по этому поводу. Въ самомъ дѣлѣ,—онъ прежде признавалъ желательнымъ руководство Пруссіи въ германскихъ дѣлахъ,—пруско-германское единеніе противопоставлялъ русско-австрійскому; онъ хотѣлъ преобразовать союзъ, крѣпче затянуть узлы национальной жизни, укрѣпить согласіе и внутреннюю связь между союзными вѣтвями и для этого, во время своей публицистической дѣятельности, всѣми силами старался изгладить въ народѣ южной Германіи слѣдующую антипатію къ Пруссіи. Необходимымъ условіемъ будущности общаго отечества онъ считалъ однородное конституціонное устройство его и совмѣстное дѣйствіе Пруссіи съ конституціонными мелкими нѣмецкими государствами. Онъ отвернулся отъ Пруссіи только за отказъ отъ короны, поднесенной представителями германскаго народа: въ такомъ отказѣ онъ видѣлъ отступничество отъ выпадавшей Пруссіи роли въ общегерманскихъ дѣлахъ. По принципу, Гервинусъ не былъ противникомъ возврата Эльзаса и Лотарингіи, хотя расходился въ понятіи о средствахъ этого возврата, совершеннаго безъ спроса желаній самаго населенія. Почему же Гервинусъ сдѣлался противникомъ не только успѣховъ 1870 года и учрежденія нѣмецкой имперіи, но уже и 1866 года,—онъ, ставившій всегда своимъ лозунгомъ исключеніе Австріи изъ германскаго союза?

Первое объясненіе по этому поводу мы находимъ въ извѣстномъ предисловіи къ новѣйшему изданію «Исторіи нѣмецкой поэзіи»; а потомъ и больше всего въ тѣхъ же посмертныхъ сочиненіяхъ, которыя къ тому и были направлены, чтобъ оправдать всю политико-публицистическую дѣятельность автора и доказать справедливость его новѣйшихъ воззрѣній. Въ предисловіи историкъ объяснилъ, какія причины заставили его прервать продол-

женіе неоконченнаго труда (Исторія XIX вѣка), и принятыя за переработку старой книги (Исторія нѣмецкой поэзіи), при выпускѣ которой онъ естественно вспомнилъ объ умершихъ друзьяхъ (Дальманъ и Гриммахъ), такъ какъ имъ всегда посвящались прежнія изданія этого труда. «Если-бы они были живы», говоритъ историкъ, «въ то время, когда, послѣ богемской войны, Пруссія распорядилась судьбами Германіи, и упущена была завидная возможность, великодушнымъ употребленіемъ побѣды быстро залечить раны, нанесенныя междоусобной войной;—когда цѣлая Германія, не имѣя ни одного пораненнаго члена, могла быть собрана въ истинно свободный союзъ, подъ прусскимъ покровительствомъ, и нѣмецкія дѣла могли утвердиться навсегда прочно, безъ тревоги извнѣ, обезпеченныя внутри доброю волею народа; если бы друзья дожили до того, когда добровольно протянута и обидно оттолкнута въ 1849 г. рука малыхъ государствъ Германіи,—въ 1866 г. была рѣшительно отрублена—они изгладили бы эти дни изъ календаря, какъ эпоху вѣроломства, позора и насилія». Великія военныя дѣла 1870 года для человѣка, который смотритъ на современную исторію не съ точки зрѣнія одного дня, но проникаетъ взоромъ въ будущность,—кажутся полными неисчислимыхъ опасностей, потому что ведутъ насъ на путь, противный и натурѣ нашего народа и, что еще важнѣе, тенденціямъ цѣлой нашей эпохи».

Ратуя еще во времена Нѣмецкой газеты, за главенство Пруссіи, Гервинусъ надѣялся, что Пруссія не будетъ гнаться за увеличеніемъ своихъ владѣній, но будетъ *gut deutsch* и въ этомъ только смыслѣ возьметъ себѣ покровительство и первенство въ Германіи. Придавая большое значеніе малымъ государствамъ въ дѣлѣ свободы и культурнаго развитія, онъ тѣмъ болѣе противился возрожденію цезаризма и появленію унитаризма въ Германіи, что и въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ признавалъ въ исторіи этой страны преобладаніе индивидуальнаго начала: все въ государственномъ устройствѣ германцевъ стремилось къ самостоятельности и самоуправленію отдѣльныхъ частей, раздѣленныхъ естественными границами,—къ мѣстному обособленію, къ образованію небольшихъ государствъ и, самое большее, къ федеративному соединенію. «Этого-то федеративнаго соединенія, съ округленіемъ мелкихъ областей въ болѣе крупныя единицы, и хотѣлъ для Германіи Гервинусъ, а такъ же и его друзья, къ которымъ онъ взывалъ. Несмотря на возраженія сына одного изъ Гриммовъ, современнаго нѣмецкаго романиста, Гервинусъ отрывками изъ переписки съ Гриммами и Дальманомъ доказалъ,

что Яковъ Гриммъ всегда стоялъ за германскую федерацію и Дальманъ, хотя склонялся на время къ преобладанію Пруссіи, но потомъ вступилъ на ту же дорогу. Въ своей антикритикѣ противникамъ Гервинусъ напоминаетъ, что еще въ февралѣ 1849 г., когда прусское правительство стало склоняться къ служенію волѣ и интересамъ Австріи, онъ уже, къ ужасу тогдашнихъ національныхъ либераловъ, заявилъ, что только тогда можетъ сдѣлаться *gut preussisch*, когда сама прусская сторона останется не только *gut*, но прежде всего—*gut deutsch*. Лучше бы, говорилъ онъ, совсѣмъ отказаться отъ возвращенія родной вѣтви, которая въ продолженіе 20 лѣтъ была любимымъ дѣтищемъ нѣмецкаго патріотизма (Шлезвигъ-Голштейнъ), чѣмъ возвращать ее политикой, достойной варваровъ, лучше бы видѣть паденіе прусскаго главенства и даже германскаго единства, чѣмъ для достиженія того и другого жертвовать лучшими нѣмецкими племенами. Гервинусъ желалъ появленія человѣка дѣла, который бы повелъ Германію рѣшительно къ цѣли, хотя бы даже *durch das Gesetz hindurch*, но разумѣлъ такого человѣка, который со страстною энергіею соединяетъ благоразуміе, знаніе исторіи и современной эпохи, человѣка въ родѣ Лютера, а не Бисмарка, котораго въ своей «Исторіи XIX вѣка» онъ сравниваетъ съ Полиньякомъ, проводя параллель между завоеваніемъ Алжира и экспедиціей въ Шлезвигъ-Голштейнъ, такъ какъ цѣлью обоихъ этихъ предпріятій было—успѣхомъ оружія подавить внутреннюю свободу. Свое сопротивленіе новѣйшей прусской политикѣ Гервинусъ выводитъ какъ изъ современныхъ демократическихъ стремленій, изъ повсемѣстныхъ требованій свободы, съ которою несомнѣнно существованіе большихъ постоянныхъ армій, такъ и изъ историческаго закона, въ силу котораго всѣ нѣмецкія племена жили въ федеративномъ порядкѣ. Минутный порывъ вѣтра, думалъ онъ, не въ силахъ будетъ низвергнуть 2000 лѣтній строй, тѣмъ болѣе, что существенная политическая черта этого строя состоитъ въ стремленіи каждой малой національности охранять свою независимость, особенности и своеобразное развитіе, а это направленіе благоприятно именно союзному устройству, внутренняя формировка котораго явилась бы свободнымъ продуктомъ многочисленнаго движенія. Для этой-то цѣли, казалось Гервинусу, Германія должна была приберечь свои политическія силы, и тогда имя германскаго союза, вмѣсто потѣшнаго, сдѣлалось бы почетнымъ. Понятно, поэтому, что Гервинусъ не увлекался, подобно большинству современныхъ нѣмецкихъ историковъ, ни мнимымъ союзомъ 1866 г.,

чи внѣшними формами нѣмецкаго единства 1870 года; нѣмецкую имперію онъ отвергалъ и смѣялся надъ мыслью о ней еще въ 1835 г., а для Пруссіи хотѣлъ оставить титулъ протектора, такъ какъ самый звукъ императорства былъ ему непріятенъ.

Германія стремилась къ объединенію и Гервинусъ, сколько могъ, служилъ ей въ этомъ стремленіи. Но когда она выступила на ложную дорогу, — а что она выступила, въ томъ порукою единодушное опыненіе нѣмцевъ современнымъ величіемъ, — то ученый поспѣшилъ указать на опасность для умственного и матеріальнаго прогресса страны, который можетъ успѣшно развиваться только при свободномъ федеративномъ устройствѣ, тождественномъ съ мирнымъ развитіемъ, тогда какъ политика военныхъ успѣховъ свойственна унитаризму. Сверхъ того, такая политика, по мнѣнію Гервинуса, опасна еще и въ другомъ отношеніи. Ударъ, нанесенный новымъ устройствомъ Германіи легитимизму и монархизму, далъ возбуждающій толчекъ недовольнымъ умамъ партіи движенія; «произведено было разнузданіе революціи.» Указывая на то, что текущее столѣтіе принесло съ собою зародыши новыхъ политическихъ идей, Гервинусъ предсказываетъ, что онѣ не осуществятся безъ тяжелой борьбы. Въ процессѣ броженія, охватившаго Европу послѣ реакціи, слѣдовавшей за 1848 г., Гервинусъ усматриваетъ неестественное спокойствіе, равнодушіе, составляющее крайне тревожный признакъ. Во внутреннихъ дѣлахъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ онъ находитъ что-то въ родѣ магометанскаго фатализма, подъ вліяніемъ котораго и Франція покорно переносила цезаризмъ, и въ Италіи народъ покорился новымъ порядкамъ новаго государства, и Германія въ 1866 г. подчинилась гнету обстоятельствъ. «Общую бурю, которую могло предвѣщать это зловѣщее затишье въ народныхъ движеніяхъ, могли бы, по мнѣнію Гервинуса, предупредить Пруссія и Германія благоразумнымъ и справедливымъ политическимъ устройствомъ, при содѣйствіи умѣренности, свойственной нѣмецкому народу. Между тѣмъ, усиленіе военнаго духа и цезаризмъ, соединенные съ принятіемъ разнаго рода мѣръ противъ выступающаго впередъ четвертаго сословія, ускорили процессъ броженія въ обществѣ и, въ видѣ противовѣса, усилили демократизмъ, принявшій своимъ лозунгомъ также федеральное начало. Этотъ лозунгъ демократіи тѣмъ болѣе опасенъ, по мнѣнію Гервинуса, что онъ имѣетъ соотношеніе съ природнымъ политическимъ инстинктомъ германскаго народа и съ силами времени, которыя стремятся къ индивидуальной свободѣ, въ ущербъ авторитету государства. Хотя эти политическія силы отодвинуты

на задній планъ въ упомянутый періодъ застоя, но тѣмъ не менѣе онѣ опасны. Уже предъ 1848 годомъ зарождалось въ политической атмосферѣ что-то неувидимое и непонятное,—какое-то внезапное сознаніе силы и самостоятельности охватило массы и влекло ихъ на арену дѣйствія.

Учрежденіемъ федеративнаго германскаго государства Гервинусъ считаетъ возможнымъ составить противовѣсъ и завоевательному, солдатскому духу, и демагогическимъ движеніямъ. Но эта федерація должна состояться изъ самостоятельныхъ, округленныхъ, монархическихъ единицъ.

Таковы политическіе взгляды Гервинуса на устройство Германіи, высказанные почти наканунѣ смерти, которая послѣдовала 18 мая 1871 года.

Н. Поповскій.

ЕРЕТИКЪ ДЕГО.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ КАРЛИСТСКАГО ВОЗСТАНІЯ.

(Съ англійскаго).

I.

Еслибъ кто нибудь вздумалъ утверждать, что Сантъ-Амаръ-де-Лосъ-Добланосъ не самый религіозный городъ во всей Испаніи, а слѣдовательно и во всемъ свѣтѣ, то я счелъ бы своею обязанностью доказать всю ошибочность этого взгляда. Я не желаю дѣлать никакихъ оскорбительныхъ сравненій, но пока другой городъ не докажетъ, что онъ повѣсилъ и сжегъ столько же еретиковъ, сколько Сантъ-Амаръ-де-Лосъ-Добланосъ во времена инквизиціи, что онъ объявилъ столько же пропунсіamento въ менѣе счастливыя времена, послѣ уничтоженія инквизиціи, и что онъ съ такимъ же увлеченіемъ готовъ начать завтра снова вѣшать, жечь и объявлять пропунсіamento, я учтиво, но твердо буду настаивать на томъ, что Сантъ-Амаръ-де-Лосъ-Добланосъ стоитъ во главѣ городовъ, служащихъ свѣточемъ, утѣшеніемъ и примѣромъ для человѣчества.

Всѣмъ извѣстно, что первые пятьдесятъ папъ были признаны святыми, за исключеніемъ Феликса II, который за драчливость не былъ удостоенъ этой награды; что папы Іоаннъ XII, Александръ III, и еще нѣкоторые, имена которыхъ всѣмъ памяты, были люди богобоязненные и непогрѣшимые, что Урбанъ VIII, предавшій суду Галилея, былъ также непогрѣшимъ, что наконецъ двадцать-два генерала ордена Іисуса, начиная съ Лойолы и кончая отцемъ Бекомъ, были люди святые, чистосердечные и враги всякаго коварства, но не всѣмъ извѣстно, что Донъ-Жуанъ-Бенито-де-Большаранда, епископъ Сантъ-Амаръ-де-Лосъ-Добланосъ, достоинъ безграничнаго уваженія со стороны каждаго

человѣка, имѣющаго душу въ своемъ несчастномъ тѣлѣ, и что каждый не уважающій его подвергнется жестокой участи въ тотъ роковой день, о которомъ лучше не распространяться. Я знаю, что епископъ Большаранда большой знатокъ въ винахъ, что онъ никогда не приметъ оленины за баранину и что, примѣняя на практикѣ осторожность, эту гervѣйшую христіанскую добродѣтель, онъ никогда не помѣщаетъ своихъ денегъ въ предпріятія, дающія менѣе шести гарантированныхъ процентовъ. Я не могу въ то же время скрыть, что онъ питаетъ болѣе дѣйствительныя чувства къ молодымъ женщинамъ, чѣмъ къ старымъ, и что, ревностный служитель истины, онъ, не обинуясь, называетъ вещи по именамъ, когда дѣло идетъ объ его врагахъ. Но я позволяю себѣ замѣтить, что было бы даже странно, еслибъ епископамъ не дозволялось вести жизнь, согласно ихъ собственнымъ понятіямъ о святости, и что враги подобныхъ людей должны считать себя счастливыми, если на нихъ обращаютъ хоть какое-нибудь вниманіе, хотя бы вниманіе это заключалось единственно въ томъ, что ихъ посылаютъ туда, гдѣ климатъ жарче, чѣмъ въ Бискайѣ.

И кто эти люди, которые нападаютъ на благочестиваго епископа и тѣмъ заслуживаютъ его справедливое презрѣніе и проклятіе? Конечно, это завзятые противники религіи, которые уже довели испанскую церковь до ея теперешняго униженнаго положенія, и не откажутся отъ борьбы, пока не погубятъ ее совершенно. Этихъ людей называютъ въ Англіи позитивистами, или сторонниками отдѣленія церкви отъ государства, во Франціи — свободными мыслителями, въ Испаніи — республиканцами, протестантами или лучше „hijos del diablo“. Въ блаженное царствованіе ея католическаго величества, королевы Изабеллы, донъ Жуанъ-де-Большаранда, еще будучи патеромъ, ясно доказалъ, каково онъ мнѣніе объ этихъ людяхъ. Онъ обличалъ ихъ въ обществѣ и въ церкви, за обѣдомъ и послѣ обѣда; онъ даже увѣрялъ, что правительство Изабеллы слишкомъ мягко, и что только одинъ Донъ-Карлосъ можетъ установить правленіе по сердцу истинно-вѣрующихъ. Подобныя идеи онъ проповѣдывалъ впрочемъ, пока ему не зажали ротъ епископской митрой; съ тѣхъ поръ его пылъ значительно охладѣлъ и онъ съ тою же энергіей началъ заявлять, что истинно-вѣрующіе могутъ поддерживать и Изабеллу, пока она будетъ, по прежнему, представлять своимъ подданнымъ примѣръ добродѣтелей, которыя ее прославили. Но, можетъ быть, лучше ужъ и не передавать того, что говорили епископъ, когда вспыхнула революція 1868 года. Его единственная тогдашняя надежда заключалась въ томъ, что нечестивые либералы не замедлятъ впасть въ крайности и тѣмъ проложатъ

путь реакціи, которая возведетъ наконецъ на престолъ Донъ-Карлоса и доставитъ побѣду религіи. Сохраняя въ глубинѣ души эту христіанскую надежду, онъ радовался, какъ только можетъ истинно-набожный человѣкъ, междуособіямъ, которыя съ того времени стали терзать его бѣдную страну. При извѣстіи объ избіеніи республиканцевъ, онъ умильно благодарилъ небо; а каждый слухъ о скандалѣ въ засѣданіи кортесовъ наполнялъ его сердце такимъ удовольствіемъ, что самый воздухъ казался ему болѣе благоухающимъ. Когда же стало извѣстно, что принцъ Амедей избранъ въ короли, у него потемнѣло въ глазахъ, точно кто нибудь неожиданно вошелъ въ его столовую во время обѣда и выбросилъ всѣ кушанья въ окно. Впрочемъ, не слѣдуетъ предполагать, чтобъ онъ подчинился пассивно сыну отлученнаго отъ церкви врага папы. Революція 1868 года, какъ извѣстно, конфисковала церковныя земли, и король Амедей издалъ законъ, по которому патеры, желавшіе получать отъ казны содержаніе, должны были присягнуть въ вѣрности королю. Епископъ Большаранда поклялся, что ни онъ, ни его патеры не примутъ содержанія отъ правительства, хотя бы умерли съ голода. Но при этомъ нельзя скрыть, что добротныя пожертвованія богатыхъ прихожанъ доставили ему лично лучшее положеніе, чѣмъ онъ могъ ожидать отъ правительства, тогда какъ въ сельскихъ приходяхъ, многіе патеры, не смѣя ослушаться своего епископа, дѣйствительно испытывали мучительный годъ. Такъ чтожъ? какъ справедливо замѣтилъ епископъ одному легкомысленному, ненасытному патеру (подозрѣваемому въ либеральныхъ стремленіяхъ), который жалобнымъ тономъ заявлялъ, что онъ цѣлую недѣлю питался кореньями:— „Кто не согласился бы жить на однихъ кореньяхъ ради святаго дѣла?“ Сказавъ это, почтенный епископъ удался въ свой кабинетъ, внесъ патера въ черную книгу, какъ человѣка не твердой вѣры и написалъ письмо своему страпчему о покупкѣ на 10,000 дол. акцій новыхъ золотыхъ приисковъ.

И такъ, въ ту минуту, какъ начинается нашъ разговоръ, городъ Санъ-Амаръ-де-Лосъ-Добланосъ былъ образцовымъ изъ избранныйшихъ городовъ, а Донъ-Жуанъ-де-Большаранда, его духовный пастырь, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пользовался любовью и уваженіемъ своихъ прихожанъ.

Былъ апрѣльскій вечеръ. Узкія улицы стараго города тускло освѣщались небольшими, рѣдко разставленными фонарями; полицейскихъ сторожей было видно на столько, на сколько требовало внѣшнее приличіе; прыгавшія изъ рытвины въ рытвину телѣги и на каждомъ шагѣ оступавшіеся прохожіе краснорѣчиво

доказывали набожность городских властей, которые обращали болѣе вниманія на святыхъ дѣла, какъ на примѣръ, украшеніе церквей и бой быковъ, чѣмъ на такія мірскія мелочи, какъ освѣщеніе улицъ и исправность мостовыхъ. Въ шесть часовъ раздался звонъ колокола и вскорѣ хлынула толпа рабочихъ изъ вновь открытаго механическаго завода, въ числѣ которыхъ были и испанцы, но большинство французовъ и англичанъ. Спустя полчаса, когда улица приняла прежній, пустынный, уединенный видъ, изъ дверей конторы вышелъ молодой человѣкъ въ плащѣ, подъ которымъ онъ несъ что-то длинное, большое,—очевидно гитару.

Это былъ красивый, двадцати-двухъ лѣтній юноша. Діего Герда былъ основателемъ и собственникомъ механическаго завода. Онъ много путешествовалъ для своихъ лѣтъ и мало по малу пришелъ къ убѣжденію, что Испанія не была первой страной на свѣтѣ, какъ онъ прежде привыкъ вѣрить. Придя къ такому убѣжденію, человѣкъ, если онъ желаетъ спокойствія, долженъ сохранять его про себя; такъ Діего и сдѣлалъ. Но, отличаясь патріотизмомъ и искреннимъ желаніемъ содѣйствовать на сколько возможно улучшенію, образованію и обогащенію своего отечества, молодой человѣкъ и пріобрѣтенный въ путешествіяхъ опытъ и свое состояніе примѣнилъ къ открытію механическаго завода въ родномъ городѣ. Испанія имѣетъ очень мало подобныхъ заводовъ и большая часть машинъ получаютъ ея изъ Англій и Франціи; поэтому, Діего Герда разсчелъ, что если ему удастся освободить Испанію отъ иностраннаго ига въ этомъ отношеніи, то онъ окажетъ большую услугу своимъ соотечественникамъ. Этотъ разсчетъ былъ совершенно вѣренъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, молодой человѣкъ вооружилъ противъ себя многихъ враговъ. Всѣ власти въ городѣ, начиная съ Алькада, смотрѣли на Діего съ неудовольствіемъ, потому что онъ построилъ заводъ на пустопорожней землѣ, которая, въ виду давности, предназначалась самимъ небомъ, быть пустопорожнимъ мѣстомъ; кромѣ того, самая идея основать заводъ казалась имъ слишкомъ смѣлымъ и либеральнымъ нововведеніемъ. Низшій классъ былъ недоволенъ Дономъ Діего, потому что, за недостаткомъ искусныхъ рабочихъ въ Испаніи, онъ выписалъ ихъ изъ другихъ странъ. Наконецъ духовенство высказалось противъ завода потому, что большинство иностранныхъ рабочихъ были протестанты и Діего собирался выстроить близъ своего завода протестантскую церковь и школу для обученія дѣтей этихъ еретиковъ. Обучать же еретиковъ чему нибудь, кромѣ принциповъ истинной религіи, проповѣдываемой католическимъ духовенствомъ, очевидно, дѣло,

сдѣланное самимъ дьяволомъ. Съ этимъ вполне были согласны всѣ благонамѣренные люди.

Но Діего Герда не заботился о томъ, что думали о немъ другіе, считая необходимымъ только, чтобы его собственная совѣсть оправдывала его дѣйствія. Онъ любилъ свой заводъ и любилъ Аделину Фіоро, а до остальнаго міра, ему не было дѣла. Аделина Фіоро была дочь почтенной старушки, вдовы офицера, служившаго правительству почти во всѣхъ войнахъ и возстаніяхъ, оживлявшихъ исторію Испаніи съ 1830 по 1860 годъ, и оставившаго послѣ себя честное имя и небольшое состояніе. Семейство Фіоро уважалось всѣми и Діего Герда считалъ за честь быть принятымъ въ этомъ домѣ, сначала, какъ хорошій знакомый, а потомъ, какъ признанный поклонникъ Аделины. Три раза въ недѣлю, въ сумерки, согласно испанскому обычаю, онъ являлся подъ окно Аделины и давалъ ей серенату, то-есть перемывалъ струны гитары впродолженіи нѣсколькихъ минутъ, потомъ съ четверть часа разговаривалъ съ Аделиной, открывавшей для этого окно и наконецъ, принеся эту жертву силѣ обычая, звонилъ въ парадную дверь, какъ подобаешь порядочному человѣку, окончивая вечеръ въ обществѣ Аделины, ея матери и обычныхъ посѣтителей ихъ дома. Въ одинъ изъ такихъ-то вечеровъ донъ Діего вышелъ изъ дому съ гитарой.

Онъ пошелъ прямо по улицѣ, которая вдоль его завода была также хорошо вымощена и также блестяще освѣщена, какъ любая улица Парижа; но мы съ сожалѣніемъ должны сказать, что проходя мимо статуи св. Добра, покровителя города, которая красовалась на углу улицы, онъ не снялъ шляпы, какъ это всегда дѣлается людьми, уважающими обычай и заботящимися о спасеніи души. Мало этого, увидѣвъ нищаго, колѣнопреклоненнаго у статуи святаго, въ ожиданіи милостыни, молодой человѣкъ имѣлъ дерзость сказать, что гораздо полезнѣе было бы вырабатывать себѣ кусокъ хлѣба, чѣмъ стоять по цѣлымъ часамъ на колѣняхъ, въ чемъ однакожь нищій усумнился, такъ какъ работа влечетъ за собою усталость, а стояніе на колѣняхъ у статуи святаго, пока публика не наградитъ мелкой монетой за примѣрную набожность—было совсѣмъ не тяжелымъ препровожденіемъ времени. Донъ-Діего продолжалъ идти далѣе, жадуя почти вслухъ на дурную мостовую; наконецъ, онъ достигъ небольшой, но болѣе широкой и красивой улицы, гдѣ уже двое или трое молодыхъ людей давали серенады своимъ возлюбленнымъ.

Діего Герда остановился подъ окномъ Аделины Фіоро, отбросилъ на плечо свой плащъ, настроилъ гитару и началъ пѣть

старую, веселую бискайскую балладу. Въ концѣ перваго куплета, Аделина показала за желѣзной рѣшеткой своего окна въ нижнемъ этажѣ; она была вся въ черныхъ кружевахъ; въ чудныхъ, черныхъ какъ смоль волосахъ ея видѣлась алая роза, а въ рукахъ былъ вѣеръ, эта необходимая принадлежность каждой испанки.

— Добраго вечера, Діего, сказала она.

— Добраго вечера, красавица моя, отвѣчалъ Діего, перекидывая гитару черезъ плечо, снимая шляпу и посылая ей поцѣлуй: — вы догадались, что увидѣтъ васъ минутой ранѣе доставить мнѣ гораздо больше удовольствія, чѣмъ повторять гвѣсни, которыя люди когда-либо слагали о любви.

— О, Діего! сказала Аделина, тяжело вздыхая и качая головой: — мнѣ надо передать вамъ грустныя вѣсти.

— Грустныя вѣсти! промолвилъ онъ, тотчасъ измѣняя тонъ: — вы здоровы?

— Я здорова, отвѣчала грустно Аделина: — но право, я съ радостью занемогла бы, если бы это могло заставить нашего патера, отца Малалиаса, перестать дурно отзываться о васъ. Его слова приводятъ меня въ отчаяніе.

— Если вы здоровы, любовь моя, то все обстоитъ благополучно; что же касается до отца Малалиаса... произнесъ Діего и прибавилъ крѣпкое, бискайское словцо, очевидно не выражавшее сочувствія въ этому свѣточу истинной церкви въ Санъ-Амарьде-лосъ-Добланосъ.

Аделина поспѣшно перекрестилась, потому что она, какъ приличная молодая дѣвушка, привыкла уважать духовенство вообще и отца Малалиаса въ особенности.

— Не говорите объ этомъ такъ легко, Діего, сказала она грустно и обтирая слезы, показавшіяся у нея на глазахъ: — онъ бываетъ у насъ каждый вечеръ и когда васъ нѣтъ, то называетъ васъ еретикомъ и говорить, что....

— Что же?

Аделина взглянула изъ за желѣзной рѣшетки, и произнесла шопотомъ:

— Мы совсѣмъ одни, Діего, не правда-ли?

— Вдали двое или трое влюбленныхъ даютъ серенады своимъ красавицамъ, отвѣчалъ Діего: — но они не могутъ насъ слышать; мнѣ кажется, что я, разговаривая съ вами, не услышала бы голоса, который громко кричалъ бы мнѣ надъ самымъ ухомъ. Такъ скажите же, въ чемъ дѣло?

— Вы не должны никому повторять того, что я вамъ скажу, Діего, промолвила Аделина, прильнувъ лицомъ къ самой рѣ-

шесть и устремивъ на молодого человѣка тревожный взглядъ:— но это такъ страшно, что со вчерашняго вечера я все плакала. Да, Диего, отецъ Малалиасъ говоритъ, что вскорѣ будетъ новое карлистское возстаніе (она остановилась на минуту, чтобы по-смотреть, какое впечатлѣніе производятъ ея слова, но Герда не выказала ни малѣйшаго смущенія и она продолжала дрожащимъ голосомъ) и... отецъ Малалиасъ говоритъ, что вы, Диего, примете сторону не карлистовъ, но амедеистовъ.... Когда же карлисты одержатъ побѣду, что непременно будетъ.... то вамъ придется бѣжать изъ страны.... вамъ и всѣмъ, которые идутъ противъ христіанской религіи. Скажите, Диего, что вы говорили отцу Малалиасу, чтобы возстановить его такъ противъ себя? О, Диего! общайте мнѣ, что не будете больше спорить съ патеромъ, не будете еретикомъ и не дадите повода говорить дурно о васъ. Это слишкомъ терзаетъ мое сердце.

Говоря это, Аделина бросила на полъ свой вѣеръ, и, скрестивъ руки, устремила взглядъ полной мольбы на молодого человѣка; крупныя слезы катились по ея щекамъ и Диего искренно пожалѣлъ, что не могъ въ эту минуту прижать ее къ своему сердцу и осушить ея слезы поцѣлуями.

— Пусть всѣ чудовища Апокалипсиса не дадутъ покоя сегодня ночью отцу Малалиасу! воскрикнулъ онъ гнѣвно:—этотъ безпокойный патеръ всегда возбуждаетъ распри и горе. Онъ и епископы представляютъ отличный образецъ той шайки, которая губила Испанію впродолженіе послѣднихъ пятисотъ лѣтъ и которая, повидимому, и теперь не хочетъ оставить насъ въ покоѣ. Знаете ли что, Аделина, если Малалиасъ перейдетъ на сторону карлистовъ и попадется мнѣ подъ руку, то влягусь, онъ болѣе не станетъ рассказывать вадора ни обо мнѣ, ни о комъ другомъ.

— Вотъ этого-то я и боюсь! воскрикнула съ ужасомъ Аделина и начала горько всхлипывать.

Диего кусалъ себѣ губы, едва стоялъ на мѣстѣ отъ злости и грозилъ погибелью не только отцу Малалиасу, но и всему духовенству въ Испаніи.

— Какъ вы можете вѣрить пустякамъ, которые вамъ рассказываетъ этотъ старый джець! проклянешь онъ съ нетерпѣніемъ;— онъ называетъ меня еретикомъ за то только, что, по моему мнѣнію, патеры должны заботиться о церквяхъ, какъ я забочусь о своихъ машинахъ, и оставить остальныхъ людей въ покоѣ. Посмотрите, что выходитъ, когда люди вмѣшиваются не въ свое дѣло. Благодаря этому старому болтуну, ваши глаза заплаканы, а у меня руки такъ чешутся когонибудь придушить. Нечего сказать, хорошій результатъ для служителя алтара!

— Но вы не понимаете, къ чему все это можетъ привести, сказала Аделина продолжая плакать:—вы смотрите на это легко, Діего, но еслибъ вы знали, какъ мою мать пугаютъ такіе отзвыи о васъ. Еще немного, и я увѣрена, она скажетъ, что наша свадьба не возможна.

— Но ваша мать была женой не карлиста, замѣтилъ Діего съ удивленіемъ:—вашъ отецъ всегда боролся съ ними и любилъ свободу, какъ я ее люблю и вѣчно буду любить, моя голубушка.

— Моя мать католичка, отвѣчала Аделина, серьезнымъ тономъ:—она полагаетъ, вмѣстѣ съ патеромъ и епископомъ, что Амедей сынъ человѣка, отлученнаго отъ церкви и преслѣдуемаго нашего святого отца Папу! Я и сама того же мнѣнія, Діего, и не могла удержаться отъ слезъ, когда отецъ Малалиасъ рассказывалъ, какъ Папу держать въ заточеніи, отказывая ему въ деньгахъ и пищѣ. Я отдала патеру все, что имѣла для отсылки въ Римъ. О, Діего! не будьте на сторонѣ тѣхъ, которые мучаютъ святого старца. Перейдите на нашу сторону. Отшлите вашихъ еретиковъ-рабочихъ, которые прибыли изъ Франціи, гдѣ убиваютъ архіепископовъ, и изъ Англии, гдѣ вовсе нѣтъ никакой религіи. Если Карлъ VII возвратится къ намъ, то подумайте, легко ли мнѣ будетъ видѣть, какъ васъ стануть преслѣдовать. Я просто умру, Діего! И потомъ подумайте, мой милый! если вы будете убиты, сражаясь за Амедея, то вы отдадите свою жизнь за человѣка, отлученнаго отъ церкви, и попадете на десять тысячъ лѣтъ въ чистилище, гдѣ мы не встрѣтимся, еслибъ я даже совершила какое нибудь преступленіе, чтобы соединиться съ вами! И всего этого можно избѣгнуть! стоить вамъ! только послушаться отца Малалиаса и меня. Подумайте объ этомъ, мой дорогой, милый Діего, если не ради себя, то ради меня! вѣдь вы любите меня, неправда ли? И не желали-бы, чтобы я умерла съ горя, по вашей винѣ?..

Человѣкъ, который можетъ устоять противу подобной мольбы любимой женщины, долженъ быть высѣченъ изъ камня. Діего не былъ каменной глыбой и, подъ сповойной, холодной оболочкой, у него въ жилахъ текла испанская кровь, горячая, какъ лава. Онъ не задумался бы лишитъ себя, или кого другого жизни, чтобы избавить Аделину хотя бы отъ минутнаго страданія. Поэтому, онъ сталъ уговаривать ее успокоиться и общалъ исполнить всѣ ея желанія, то есть помириться съ отцемъ Малалиасомъ и даже сдѣлать все, чтобы полюбить этого достойнаго человѣка. Конечно, впоследствии, онъ надѣялся убѣдить ее въ несправедливости ея предразсудковъ, когда между ними не будетъ такой непреодолимой преграды, какъ желѣзная

рѣшетка; но теперь онъ желалъ только остановить ея слезы, и конечно, успѣлъ въ этомъ. Она осушила свои чудные глазки, повторила, что была до этой минуты очень несчастлива и, поглядывая на него съ радостной улыбкой, спросила, какъ онъ провелъ день. Онъ далъ подробный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отъ восхода до заката солнца и между прочимъ упомянулъ о заказахъ, полученныхъ имъ на двѣ машины изъ Барселоны и на одну изъ Бильбао, умолчавъ о любезной выходкѣ епископа Бальсаранда, который писалъ послѣднему заказчику, что машины Діего Герды не доброкачественны, и что на нихъ очевидно лежитъ печать проклятiя. Аделина отвѣчала, надувъ губки, что она не любитъ машинъ, потому что въ нихъ наливаютъ масла и ихъ изобрѣли еретики, но увидавъ насулпленные брови молодого человѣка, она быстро встала и бросила черезъ рѣшетку розу, которая красовалась въ ея волосахъ. Онъ поднялъ цвѣтокъ, прижалъ къ своимъ губамъ и вдѣлъ въ петлицу скюртука, посылая ей поцѣлуй рукой.

— Мы васъ скоро увидимъ, Діего? спросила она.

— Я приду черезъ часъ, отвѣчалъ онъ.

— И... если... отецъ Малаласъ будетъ у насъ, то вы будете такъ же любезны съ нимъ какъ и со мной?

— Да, я ему скажу, что его голосъ для меня прiятнѣе звуковъ арфы, что одинъ его взглядъ наполняетъ мое сердце счастьемъ на цѣлую недѣлю, что я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ жду той минуты, когда, взявъ его на руки, унесу на край свѣта и тамъ буду жить съ нимъ одинъ на одинъ, вдали отъ всѣхъ. Достаточно ли это нѣжно, моя радость?

— Вы не должны смѣяться надъ нимъ, Діего, сказала она съ улыбкой:—будьте въ отношеніи его добрымъ, привѣтливымъ Діего, и я большаго отъ васъ не требую. Но *Madre di Dios!* что же вы дѣлаете!

Это восклицаніе было вызвано гимнастическимъ упражненіемъ донна Діего, которое онъ исполнилъ съ такой ловкостью, которая, показывала, что онъ принимался за него не впервые. Именно: вставъ на цыпочки, и ухватившись за рѣшетку, онъ приподнялся на рукахъ, и уперся колѣнками въ подоконникъ.

— О! Діего, сколько разъ я вамъ говорила не дѣлать этого, воскликнула Аделина, но не отшатнулась отъ окна, какъ можно было бы предположить изъ ея словъ, а напротивъ приблизилась къ нему.

Діего просунулъ обѣ руки сквозъ желѣзныя полосы, нѣжно взявъ за голову молодую дѣвушку и сталъ пламенно ее цѣловать.

— Радость моя! Ангелъ мой! бормоталъ онъ, впиваясь въ ея

мягкіе, бархатные глазки:—я не выпущу изъ рукъ вашей милой головки, пока вы не отдадите мнѣ моихъ поцѣлуевъ.

Красивѣя, какъ мажъ и увѣряя, что это очень грѣшно, она безъ большого отвращенія отплатила ему поцѣлуемъ за поцѣлуй. Тогда онъ быстро опустился на землю и, весело смѣясь, удалился по улицѣ. Еще нѣсколько минутъ раздавался его голось, напѣвавшій балладу, прерванную появленіемъ Аделины. И только тогда, когда совсѣмъ замерли эти звуки, молодая дѣвушка закрыла окно.

II.

Синьора Фіоро, имѣя, какъ мы уже сказали, небольшое состояніе, любила принимать лучшее общество въ Санъ-Амаръ-делось-Добланось, а лучшее общество любило бывать у нея, такъ какъ, дозволяя по испанскому обычаю мужчинамъ курить въ своемъ присутствіи, она, по сѣверному обычаю, угощала гостей чаемъ, кофе, мороженымъ и т. д. Излишне, кажется, объяснять, что лучшее общество въ городѣ состояло во-первыхъ изъ патеровъ и во-вторыхъ изъ купцевъ, членовъ муниципалитета (Ayuntamiento) и тому подобныхъ лицъ. Офицеровъ бывало немного, потому что синьора Фіоро, не смотря на военное званіе своего покойнаго мужа, вполне раздѣляла нелестное мнѣніе соотечественниковъ объ арміи. Грустно, что постоянныя арміи не приводятъ къ болѣе утѣшительнымъ результатамъ, даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ ихъ всего болѣе цѣнятъ; а постоянная армія въ Испаніи занимается главнымъ образомъ разрѣшеніемъ вопроса, что выгоднѣй, вѣрность ли правительству или возстаніе противъ него. Глубоко оплакиваемые маршалы Нарваесъ, О'Доннель и Примъ могли бы представить блестящіе примѣры того факта, что возстаніе выгоднѣе, а благополучно процвѣтающій и достойно уважаемый маршалъ Серано можетъ служить доказательствомъ, почему порядочный булочникъ считается въ Испаніи болѣе почетнымъ членомъ общества, чѣмъ капитанъ въ золоченномъ мундирѣ.

Поэтому, войдя въ гостинную синьоры Фіоро, спустя часъ послѣ разговора съ Аделиной, Діего Герда увидалъ почтеннаго синьора Понго, Альеада города, синьоровъ Онограсъ и Подограсъ, членовъ Ayuntamiento, съ ихъ женами и избранное духовенство, въ томъ числѣ епископа и отца Малалиаса. Но тутъ не было ни одного офицера. Появленіе Дона Діего точно обдало холодомъ всѣхъ присутствующихъ; какъ бы не замѣчая этого, онъ учтиво поклонился хозяйкѣ, Аделинѣ, остальнымъ дамамъ

и даже епископу, который курилъ, подобно другимъ, *cigaritto* и бросилъ на Дона Діего многозначительный взглядъ.

— Я очень радъ слышать, Донъ Діего, сказалъ епископъ торжественно: — что вашъ заводъ вполне отвѣчаетъ вашимъ ожиданіямъ.

— Да, мы всё этому радуемся, произнесъ патеръ Малалиасъ, всегда служившій вѣрнымъ эхо своего духовнаго главы.

Діего поклонился и молча съѣлъ, но не закурилъ папироски.

— Говорятъ, что вы намѣреваетесь устроить отличную школу, произнесъ епископъ, выпуская изъ своихъ красноречивыхъ устъ клубы дыма.

— Донъ Діего посвятить нашъ городъ въ тайны анти-католическаго обученія, замѣтилъ отецъ Малалиасъ съ сухимъ, рѣзкимъ смѣхомъ.

— Онъ хочетъ научить насъ также, что угольный дымъ здоровѣе чистаго воздуха небесъ, замѣтилъ Алькадъ Понго.

При этой шуткѣ, синьоры Онограссъ и Подограссъ смѣялись до слезъ, какъ они обыкновенно дѣлали при всякой попыткѣ къ остроумію со стороны ихъ начальнига. Между тѣмъ, ихъ жены, бывшія гораздо моложе своихъ мужей, по чувству состраданія въ молодому человѣку, стали метать копыя за него.

— Я люблю шумъ колесъ и длинныя столбы дыма; это придаетъ жизнь городу, сказала синьора Онограссъ.

— А я люблю смотрѣть на лица чужестранныхъ рабочихъ, прибавила синьора Подограссъ: — нѣкоторые изъ нихъ очень хороши собой.

— Трудно угодить всѣмъ, сударыня, сказалъ Діего съ улыбкой: — но я искренно желалъ бы, чтобы вы были членами *Ayuntamiento* вмѣсто этихъ почтенныхъ господъ; тогда я вѣрно не встрѣтилъ бы столько затрудненій при открытіи моего завода.

— Нашъ городъ католическій, замѣтилъ Алькадъ съ такимъ жаромъ, какъ бы онъ открылъ новый фактъ въ естественной исторіи, и въ тоже время уже предвидѣлъ многочисленныя возраженія ученыхъ.

— Наши отцы были не менѣе набожны оттого, что у нихъ не было машинъ, прибавилъ строгимъ тономъ синьоръ Онограссъ.

— И протестантскія школы не помѣшаютъ нашимъ потомкамъ пойти въ адъ, если они того заслужатъ, торжественно произнесъ его товарищъ.

По веселой улыбкѣ добраго епископа можно было догадаться, какъ отрадно ему было, что церковь находила такихъ преданныхъ защитниковъ, даже безъ его вмѣшательства. Наконецъ, среди сочувственныхъ возгласовъ отца Малалиаса и другихъ на-

теровъ, онъ произнесъ, сопровождая каждое слово облакомъ дыма.

— Провидѣнію угодно, чтобы города подвергались испытаніямъ, благодаря жаждѣ къ новизнѣ, которой отличаются молодые, невѣжественные люди. Я не говорю этого на счетъ Дона Діего, который, я полагаю, человѣкъ ученый. Но эти испытанія временныя и настанетъ день, когда религія вступить снова въ свои права на зло врагамъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ исторія, если ужъ мы не довѣряемъ ничему иному.

— Да, прибавилъ сухощавый, высокаго роста патеръ, чрезвычайно воинственнаго вида:— да, недолго продлится оргія нечестія, которую съ горькою ироніей называютъ царствомъ свободы и прогресса. Въ концѣ концовъ, плохо придется человѣку, который поставилъ свою фабрику выше церкви.

На всѣ эти прямыя и косвенныя нападки Діего ничего не отвѣчалъ; онъ рѣшительно избѣгалъ не только ссоры, но и простого спора. Къ тому же, отъ времени до времени, Аделина бросала на него умоляющіе взгляды, которые придавали новыя силы его терпѣнію. Синьора Фіоро, любившая своего нареченнаго зятя, но гораздо болѣе любившая или скорѣе боявшаяся патеровъ, пыталась пережѣнить разговоръ глубокомысленнымъ замѣчаніемъ, что, кажется, взошла луна. Но добрая женщина не принадлежала къ числу искусныхъ дипломатовъ-хозяевъ и ловкое замѣчаніе епископа снова возвратило разговоръ на опасную почву... Діего упорно молчалъ, но человѣческая натура такъ благородна, что Алькадь Понго и синьоры Онограссъ и Подограссъ, не говоря уже о мелкихъ патерахъ, приписали его терпѣнію трусости и начали безжалостно нападать на него, какъ мальчишки на собаку, которая не кусается. Они зашли такъ далеко въ этомъ отношеніи, что даже жены почтенныхъ муниципальных совѣтниковъ перестали защищать молодого человѣка, видя, что онъ отказывался отъ боя. Одна только Аделина оставалась ему вѣрной, телеграфировала знаками, чтобы онъ не выходилъ изъ себя. Но вскорѣ румянецъ на ея щекахъ и нервное движеніе вѣера стали ясно доказывать, что Діего ускользалъ изъ подъ ея контроля. Раза два глаза его метали огонь и онъ вскакивалъ съ мѣста при какой нибудь мѣтко направленной злобой выходящій патеровъ.

Наконецъ, его терпѣніе лопнуло и онъ съ трескомъ порвалъ связывавшія его узы.

— Viva Carlos! воскликнулъ сухощавый, воинственный патеръ, окончивая рѣчь, пропитанную ядомъ и бросая на Діего вызывающіе взгляды.

— Viva l'España! отвѣчалъ твердымъ голосомъ Діего, смотря прямо въ глаза патеру.

При этихъ словахъ, всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ епископа, вскочили съ своихъ мѣстъ, словно ихъ подняла невѣдомая сила.

— Между нами шпионъ! воскликнулъ синьоръ Понго, гнѣвно размахивая руками, но изъ осторожности отступая на нѣсколько шаговъ отъ опаснаго врага.

— Да, между нами шпионъ Сагасты, который донесетъ въ Мадридъ, что власти Санъ-Амаръ-де-лосъ-Добланосъ измѣнники! произнесъ синьоръ Онограсъ съ отчаяніемъ.

— И онъ потребуетъ нѣсколько полковъ, чтобъ насъ усмирить! воскликнулъ синьоръ Подограсъ, отступая за кресло.

Дамы, не зная что дѣлать, также встали съ своихъ мѣстъ, а Аделина положила руку на плечо Діего, умоляя его не горячиться. Добрый епископъ Больсаранда не упустилъ случая произнести нѣсколько словъ, которыя подлили масла на огонь.

— Будемте снисходительны, господа. Если синьоръ Діего выдастъ насъ, то онъ исполнитъ только свой долгъ. Къ тому же, мы всегда готовы принять мученическій вѣнецъ за свои вѣрованія. По крайней мѣрѣ, что касается меня, то я съ радостью встрѣчу своихъ гонителей.

И съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ, епископъ бросилъ докуренную папирску и началъ свертывать новую.

— Вы находитесь подъ защитою своихъ рясъ, сказалъ Діего съ жаромъ, обращаясь къ патерамъ:—но васъ, синьоръ Алькадъ, предохраняетъ только присутствіе дамъ. Если вы желаете повторить ваши слова мнѣ наединѣ, то я могу доставить вамъ этотъ случай.

— О! Діего, Діего! жалобно молила Аделина, блѣднѣя, какъ полотно и хватаясь обѣими руками за плечо молодаго человѣка.

— Прошу васъ, Донъ Діего! сказала синьора Фіоро со страхомъ.

— Да, Донъ Діего, укротите свой нравъ, проповѣдническимъ тономъ произнесъ епископъ, который никогда не пропускалъ случая для примиренія:—мы, патеры, вамъ прощаемъ, но не оскорбляйте главнаго начальника вашего города.

— Да, Донъ Діего, докажите, что вы можете уважать хоть чтонибудь! если не церковь, то гражданскую власть! прибавилъ отецъ Малалиасъ, присоединяясь къ умиротворяющей попыткѣ епископа.

Дону Діего было бы лучше молчать; но кровь его кипѣла, и, освободясь отъ рукъ Аделины, онъ быстро подошелъ къ столу,

отъ котораго съ ужасомъ отшатнулись муниципальные совѣтники, и произнесъ съ пламенной энергіей:

— Я рѣшительно не сознаю, чтобы былъ въ чемъ нибудь виновенъ передъ кѣмъ либо изъ присутствующихъ, поэтому могу объяснить странныя выходы, направленные противъ меня, только ненавистью къ моимъ убѣжденіямъ, которыя или не поняты, или ложно истолкованы. Кто имѣеть противъ меня заранѣе составленное предубѣжденіе, съ тѣми мнѣ нечего говорить, тѣмъ-же, которые меня не понимаютъ, я отвѣчу, что никогда не имѣлъ убѣжденій не патриотическихъ. Я католикъ и либераль, но прежде всего я испанецъ и слишкомъ хорошо знаю, что вынесла до сихъ поръ моя бѣдная страна; поэтому, я смѣло называю врагомъ Испаніи того человѣка, который желалъ бы возвращенія этихъ унижительныхъ временъ подъ какою бы то ни было формой и съ какою бы то ни было псевдорелигіозной цѣлью. Я полагаю, судя по вашимъ смѣлымъ рѣчамъ, что готовится новое карлистское возстаніе и долженъ сознаться, что это меня ни мало не огорчаетъ. Полезно еще разъ, но уже въ послѣдній, вступить въ бой старому порядку вещей съ новыми, тѣмъ людямъ, которые хотятъ возвратить Испанію ко временамъ инквизиціи, съ нами, которые желаютъ видѣть Испанію свободной, процвѣтающей и достойной занять мѣсто среди образованныхъ государствъ. Горе странѣ, если вы одержите побѣду, но я убѣжденъ въ нашемъ окончательномъ торжествѣ. Вы, представители прошедшаго, и можете узрѣть результаты своей дѣятельности въ быстромъ, неудержимомъ паденіи каждой страны, которая руководствовалась вашими принципами, начиная съ Испаніи. Чтоже касается до насъ, то намъ все равно, Амедей или кто другой сидитъ на престолѣ, мы признаемъ въ немъ избранника народа и кто бы ни возсталъ противъ него, Карлисты, Монпансьеристы или Альфонсисты, мы сочтемъ ихъ за разбойниковъ и возмутителей общественнаго спокойствія. Если вы спросите, кого я подразумѣваю подъ словомъ „мы“, то я вамъ отвѣчу—всѣхъ Испанцевъ, которые пойдутъ противъ васъ въ минуту вашего безбожнаго возстанія. Вашими сторонниками могутъ быть только люди, ослѣпленные вашимъ прежнимъ правленіемъ, и, позвольте мнѣ прибавить отъ глубины души истиннаго христіанина, что тѣ патеры, которые возбуждаютъ въ людяхъ ненависть другъ противъ друга и презрѣніе къ закону, не достойны называться служителями Христа. Тѣ изъ васъ, которые унижаютъ апостольское служеніе до проповѣди матаея въ Италіи, Ирландіи, республикахъ южной Америки или здѣсь въ Испаніи, лишаютъ себя всякаго права на уваженіе честныхъ людей.

Мы не вѣрно передали бы факты, еслибъ стали увѣрять, что эта маленькая рѣчь произвела большое впечатлѣніе. Она не произвела ровно ничего. Синьоры Понго, Онограсъ и Подограсъ слишкомъ были убѣждены въ своемъ превосходствѣ надъ Дономъ Діего, чтобы считать его слова чѣмъ либо инымъ, а не идиотствомъ, а слѣпая вѣра епископа и патеровъ въ свою непогрѣшимость побуждала ихъ отнестись съ презрѣніемъ къ такимъ безумнымъ, нечестивымъ рѣчамъ. Только женщины обратили вниманіе на слова молодого человѣка, и на нихъ онъ очень подѣйствовалъ. Жены Онограса и Подограса съ ужасомъ творили крестное знаменіе, синьора Фіоро со страхомъ озиралась по сторонамъ, а Аделина горько плакала.

Видя, что всего лучше въ подобномъ случаѣ удалиться, Донъ Діего пожелалъ добраго вечера хозяйкѣ и ея дочери, поклонился дамамъ и пошелъ къ двери. Но на порогѣ онъ остановился и холодно сказалъ, обращаясь къ синьору Понго:

— Я подожду васъ на улицѣ десять минутъ, синьоръ Алькада. — Если желаете, то можете послѣдовать за мною.

— Такъ молодъ и такой заклятой еретикъ! произнесъ епископъ, когда дверь затворилась за молодымъ человѣкомъ:— страшно даже подумать сударыня (обращаясь къ синьорѣ Фіоро), что этотъ нечестивый юноша едва не вступилъ въ ваше набожное семейство!

Синьора Фіоро ничего не отвѣчала; она какъ бы окаменѣла, а Аделина продолжала громко рыдать.

Что-же касается до синьора Алькада, то онъ впродолженіи двухъ часовъ, не выходилъ изъ дома Фіоро, и когда наконецъ рѣшился на такой подвигъ, то со страхомъ озирался по сторонамъ.

III.

Еслибъ патеръ Малазіасъ, самъ епископъ и все духовенство Санъ-Амаръ-де-лосъ - Добланосъ вздумали-бы пугать Аделину адскими муками за любовь къ Діего Герда, то всѣ ихъ усилія были бы тщетны. На сколько дѣло касалось ея самой, Аделина не послушалась бы цѣлаго собора духовныхъ лицъ и ни мало не испугалась бы, еслибъ ей было въ очію доказано, что вслѣдствіе ея любви къ Діего, она лишится всякой надежды на будущую блаженную жизнь. Но патеры дѣйствовали иначе. Набожный и святой отецъ Малазіасъ старался всячески ей доказать, что не только она на вѣки будетъ проклята, но главнымъ образомъ Діего. Небо никогда не освящаетъ браковъ между ерети-

ками и вѣрующими, а потому единственнымъ результатомъ этого союза будетъ то, что Діего ее скорѣе разлюбитъ, она умретъ съ горя, а онъ предастся самой нечестивой жизни, пока дьяволъ не приберетъ своей вѣрной добычи. Все это добрый патеръ повторялъ Аделинѣ въ церкви на исповѣди, въ гостининой ея матери, на улицѣ, вездѣ, гдѣ онъ ее ни встрѣчалъ. Бѣдная Аделина начала убѣждаться, что она или должна наставить Діего на истинный путь въ религіи и политикѣ, или, ради его собственнаго счастья, отказаться отъ всякой мысли быть его женой. Однако она все еще боролась противъ этой ужасной дилеммы и каждое утро ходила съ горничной въ церковь, гдѣ ставила свѣчи передъ ликомъ св. Добрака и пламенно молилась. Но отецъ Малалиасъ, увидавъ ее однажды на колѣняхъ въ церкви, холодно замѣтилъ, что подобными изворотами ничего не выиграешь и что небо не взглянетъ милостиво на еретика, потому только, что упрямая дѣвчонка встанетъ на колѣни и будетъ плакать въ два ручья.

Бѣдная Аделина отправилась домой съ отчаяніемъ въ сердцѣ; но на дорогѣ, идучи по бульвару, она случайно встрѣтила Діего. Ровно недѣля прошла со времени непріятной сцены въ гостининой синьоры Фіоро и Аделина съ тѣхъ поръ не видала Діего, который считалъ благоразумнымъ не являться, пока не изгладится воспоминаніе о роковомъ вечерѣ. Теперь онъ показался ей еще болѣе привлекательнымъ, хотя она тотчасъ замѣтила, что лице его было сумрачно, какъ будто съ нимъ случилась непріятность.

Увидавъ ее, онъ остановился, а пожилая горничная, шедшая съ Аделиной, какъ всегда подобаетъ душенькамъ, занялась разсмотрѣніемъ вѣрочекъ, выставленныхъ въ окнахъ ближайшаго магазина. Аделина схватила за руку Діего и съ смѣлымъ презрѣніемъ всякаго приличія, отличающимъ влюбленныхъ женщинъ, увлекла его въ ворота сосѣднаго дома.

— Діего, Діего! Я не могу болѣе терпѣть! воскликнула она, бросаясь къ нему на шею и рыдая истерически: — никто на свѣтѣ такъ не страдалъ, какъ я. Ты знаешь, что я все бы сдѣлала, что бы ты ни пожелалъ, даже пожертвовала-бы своею жизнью! неужели же ты не можешь для меня пожертвовать своими идеями? Какое намъ дѣло до того, кто царствуетъ: Карлосъ или Амедей, и что будетъ съ Испаніей? для меня въ тебѣ весь міръ, и мнѣ кажется, что и я должна быть для тебя дороже, чѣмъ Амедей и либералы! О милый Діего! я чувствую, что намъ грозитъ великое несчастье, если ты останешься врагомъ церкви и патеровъ! Я только что молилась Богородицѣ, и она такъ жалостно смотрѣла на меня, словно провидѣла какое-то

горе. О, это ужасно! Когда я воскликнула: „Милосердная Богородица! если ктонибудь долженъ изъ насъ страдать, то пусть страдаю я, а не онъ; но умоляю тебя, если это возможно, спаси насъ обоихъ“,—то она посмотрѣла на меня и этотъ взглядъ былъ строгій, леденящій.

— Мое милое, дорогое дитя, произнесъ Діего, прижимая ее къ своей груди и покрывая поцѣлуями:—эти люди тебя запугали. Ты не должна смѣшивать ихъ съ Богомъ и Бога съ ними. Неужели ты думаешь, что Богъ разсуждаетъ и дѣйствуетъ, какъ патеръ Малазіасъ, который въ тотъ памятный вечеръ проклиналъ девять десятыхъ человѣчества за то, что они не раздѣляютъ его мнѣній? Ты знаешь, что моя жизнь, всѣ мои мысли и надежды сосредоточены на тебѣ; но ты не должна просить, чтобы я поклонялся твоимъ суевѣрнымъ патерамъ, которые желаютъ сдѣлаться нашими тиранами. Я борюсь съ ними, моя радость, и нуждаюсь въ твоей поддержкѣ. Они стараются разорить меня. Сегодня утромъ, одинъ заводчикъ, заказавшій мнѣ машину, отказался отъ нея, говоря, что не смѣетъ послушаться духовенства, отъ котораго онъ всецѣло зависитъ. Они повсюду чернятъ меня и нѣтъ въ городѣ ни одного дома, въ которомъ они не оклеветали бы меня. Что я буду дѣлать, если ты меня не поддержишь, моя любовь?

Эти слова нисколько не утѣшили Аделину; напротивъ ея волненіе и слезы удвоились. Она пламенно обвила руками его шею и, вѣриво прижимаясь къ нему, воскликнула:

— Діего! мой милый Діего.... жизнь моя!... прошу тебя, умоляю.... не разсуждай со мною. Когда ты говоришь, я тебѣ вѣрю и чувствую себя мужественной, но безъ тебя, я снова становлюсь низкой трусихой. Прошу тебя, умоляю.... сдѣлай, что я желаю.

Онъ не успѣлъ отвѣтить, какъ глаза у ней помутились, лицо помертвѣло и она упала въ обморокъ.

Приведя въ чувство бѣдную молодую дѣвушку, Діего проводилъ ее домой, съ помощью горничной и возвратился на заводъ. Сотни мыслей и плановъ толпились въ его головѣ. Прежде всего, онъ хотѣлъ идти къ епископу и патеру Малазіасу и дать имъ торжественную клятву, что убьетъ ихъ, какъ собакъ, если они осмѣлятся пугать Аделину. Но онъ тотчасъ понялъ всю непрактичность этого плана. Тогда онъ впалъ въ уныніе, и спрашивалъ себя, къ чему онъ велъ борьбу? Не лучше-ли прогнать всѣхъ еретиковъ-работниковъ, предоставить судьбѣ заводъ, помириться съ духовенствомъ, давать патерамъ денегъ, отказаться отъ своихъ идей и спокойно жить съ Аделиной, имѣя одну цѣль—ея счастье? Всякій, возстававшій противъ сильныхъ

міра, испыталь подобныя минуты унынія. А для Діего Герда искушеніе было гораздо сильнѣе, чѣмъ для многихъ, потому что, собственно говоря, онъ даже не стремился ни къ какой честолюбивой цѣли. Успѣхъ его идей могъ только увеличить его состояніе, въ чемъ онъ не нуждался, такъ какъ и безъ того былъ богатъ, между тѣмъ какъ неуспѣхъ могъ привести его къ совершенному разоренію, къ потерѣ Аделины, къ изгнанію изъ родного города, а быть можетъ и къ худшей долѣ.

Однако, онъ твердо стоялъ на своемъ, хотя многіе на его жѣстѣ склонились бы подъ ударами судьбы. Возвратясь на заводъ, онъ увидалъ на дворѣ всѣхъ рабочихъ испанцевъ, выстроенныхъ въ рядъ. Они объявили ему, что если онъ не прогнать иностранныхъ рабочихъ, то они немедленно сдѣлаютъ стачку.

Это требованіе было нелѣпно. Діего съ большимъ трудомъ обучилъ испанскихъ рабочихъ и платилъ имъ дороже обыкновеннаго только для того, чтобы не имѣть однихъ иностранцевъ. Онъ могъ вести дѣло съ англійскими и французскими рабочими, безъ испанцевъ, но съ одними испанцами оставаться было немислимо. Депутатъ рабочихъ, объяснявшійся отъ ихъ имени, повидимому, понималъ всю несообразность ихъ требованія и, отвѣда Діего въ сторону, чистосердечно объяснилъ, въ чемъ дѣло. Карлистское возстаніе было неминуемо, и если карлисты одержать верхъ хотя на нѣсколько дней, что очень вѣроятно, то патеры натравятъ ихъ на заводъ, который будетъ сожженъ, а работники всѣ перерѣзаны. Поэтому, донъ Діего хорошо бы сдѣлалъ, отпустивъ всѣхъ иностранцевъ до окончанія грозившаго мятежа. Конечно, рабочимъ было очень грустно, по словамъ депутата, такъ поступить съ хозяиномъ, который всегда былъ до нихъ очень добръ, но карлисты и патеры были слишкомъ опасными врагами.

— Я думалъ, что могу всегда рассчитывать на васъ, Мигуель, отвѣчалъ сповойно Діего: — если мнѣ придется защищать свое добро отъ разбойниковъ, то, конечно, я желалъ бы имѣть вокругъ себя хоть нѣсколько испанцевъ.

— У меня жена и дѣти, донъ Діего, и въ такомъ же положеніи бѣдшая часть моихъ товарищей, произнесъ Мигуель:—мы можетъ быть остались бы у васъ, еслибъ вы были англичанинъ и даже протестантъ; тогда васъ не тронули бы, но либеральный католикъ—всеобщій врагъ и патеры ненавидятъ его болѣе чорта, такъ какъ онъ подаетъ дурной примѣръ.

— Ну, дѣлать нечего, чему быть, того не мнновать, сказалъ Діего и пошелъ въ контору рассчитывать своихъ рабочихъ испанцевъ.

Не успѣлъ онъ окончить этого дѣла, какъ въ контору вбѣжалъ одинъ изъ его лучшихъ друзей, человѣкъ, принадлежавшій къ тому роду людей, которые никогда не измѣняютъ дружбѣ, и остаются вѣрными до конца, но тѣмъ не менѣе всего пугаются и передъ всею робѣютъ.

— Діего! тебѣ грозитъ опасность, произнесъ онъ въ полголоса, заперѣвъ осторожно дверь:—объ этомъ всѣ говорятъ въ городѣ. Карлисты готовятъ возстаніе; оно, можетъ быть, вспыхнетъ завтра или сегодня же ночью, и на тебя нападутъ на перваго. Патеры подняли всѣхъ противъ тебя. Уступи имъ, помирись, и когда вспыхнетъ возстаніе, объяви себя карлистомъ, до той минуты, пока ихъ побьютъ.

Діего только засмѣялся и подалъ своему другу папироску.

— Но клянусь святымъ Добланомъ, я совсѣмъ не шучу! воскликнулъ послѣдній, и, схвативъ за плечи Діего, съ безпокойствомъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза:— ты погибшій человѣкъ, ты одной ногой въ могилѣ! Рабочіе ненавидятъ тебя, патеры тебя проклинаютъ, а муниципальныя власти, которыя будутъ въ тайнѣ поддерживать карлистовъ, съ радостью попустились бы лишнюю недѣлю, чтобъ только видѣть тебя на висѣлицѣ. Если же ты слишкомъ упрямъ, чтобъ склонить передъ ними голову, то спасайся бѣгствомъ. Отправляйся съ первымъ поѣздомъ въ Мадридъ. Не теряй ни минуты. Гдѣ твой чемоданъ?

— Но кто же сказалъ тебѣ, что они придутъ сюда? спокойно замѣтилъ Діего.

— Кто сказалъ! Да они уже здѣсь; они вездѣ, быть можетъ, въ твоемъ домѣ, и ждутъ только сигнала. Всѣ дѣла стоятъ, никто ничего не продаетъ, не покупаетъ, не зная, что будетъ завтра. Ты съ ума сошелъ, Діего! Ну, не разговаривай, надѣвай шляпу и пойдемъ со мною.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Діего, бросая папироску и гордо скрепя руки на груди:—я не побѣгу и не отрекусь отъ своихъ убѣжденій, Антоніо! Зачѣмъ же намъ даны руки, если не для борьбы съ врагами! Я остаюсь здѣсь, какаѣ бы опасности, меня ни ожидала.

— Ты дуракъ! воскликнулъ Антоніо, вѣвъ себя отъ негодованія:—еслибы это были чужестранные враги, то я понялъ бы тебя. Но что ты можешь сдѣлать противъ патеровъ? Я тебя спрашиваю, что ты можешь сдѣлать противъ патеровъ?

IV.

Здѣсь мы должны сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Если читатель полагаетъ, что мы желаемъ нападать на католическую цер-

ковъ и на ея служителей, то онъ совершенно ошибается. Мы твердо вѣримъ, что католическій патеръ не можетъ сдѣлать ничего дурного и что всё его дѣйствія, даже самыя непонятныя съ перваго взгляда, дышать высшимъ вдохновеніемъ. Поэтому, мы утверждаемъ, что если одинъ патеръ или собраніе патеровъ предназначаютъ себѣ какую нибудь цѣль, то они имѣютъ полное право (которымъ, впрочемъ, они всегда и пользуются) достигать этой цѣли всевозможными средствами, хотя бы эти средства были и не совсѣмъ чисты, какъ это иногда кажется разстроенному воображенію невѣрующихъ. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ ничего сказать противъ епископа Большаранды, отца Малалиаса и другихъ набожныхъ, духовныхъ лицъ, которые считали полезнымъ, для спасенія души Діего Герды, возбудить противъ него гоненіе и отравить ему жизнь. Религію должны всё уважать, а патеры и религія, какъ всѣмъ извѣстно, одно и то же. Что же касается до карлистныхъ продѣлокъ, то мы можемъ сказать только слѣдующее: если подобнымъ людямъ заблагоразсудится перевернуть вверхъ дномъ цѣлую страну для того, чтобъ распорядиться нами по своему, то намъ остается только благодарить провидѣніе и радоваться...

Изъ всего вышесказаннаго, читатели поймутъ, что мы нисколько не отвѣчаемъ за убѣжденія Діего Герда и если мы ему сочувствуемъ, то лишь вообще, и нисколько не совѣтуемъ другимъ подражать ему.

Послѣ посѣщенія Дона Діего его другомъ Антоніо, прошло три дня и карлисты не появлялись еще въ городѣ. Но все же Діего употребилъ это время съ пользою: прежде всего онъ отправилъ гонца въ ближайшій городъ съ письмомъ къ губернатору, котораго извѣщаль о состояннн умовъ въ Санъ-Амара-де-Лосъ-Добланосъ и о недостаточномъ количествѣ мѣстнаго гарнизона, состоявшаго изъ двухъ сотъ человѣкъ. Губернаторъ, или лучше сказать, его секретарь любезно отвѣчалъ, что сообщаемыя имъ извѣстія не могутъ быть справедливы, такъ-какъ Алькадъ, синьоръ Понго, ручался за вѣрнопопданническія чувства всѣхъ жителей города. Съ тою же почтой синьоръ Понго получилъ письмо отъ того же губернаторскаго секретаря, который спрашивалъ, что за человѣкъ былъ синьоръ Герда, вмѣшавшійся въ чужія дѣла. Такъ-какъ Діего ни мало не желалъ играть роли доносчика и погубить синьора Понго, то онъ удовольствовался отвѣтомъ секретаря. Онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ теперь, что ему не на кого надѣяться, кромѣ самого себя.

Въ теченіе этихъ трехъ дней, Діего не выдалъ Аделины. Онъ заходилъ къ ней, но синьора Фіоро рѣшилась прервать всякія

сношенія съ нимъ до тѣхъ поръ, пока не разыграется карлистская исторія. Еслибъ карлисты одержали верхъ, то, она, конечно, поблагодарила бы себя за эту осторожность, если же бы они потерпѣли поражение, то она могла бы снова принять съ распростертыми объятіями нареченнаго зятя. Что же касается до духовенства, то, въ случаѣ пораженія карлистовъ, оно вѣроятно будетъ въ самомъ примирительномъ настроеніи духа, и Донъ Діего, можетъ быть, сдѣлается даже предметомъ ихъ поклоненія.

Такимъ образомъ, ему временно было отказано отъ дома. Онъ долго ходилъ взадъ и впередъ подъ окнами Аделины, топалъ и кашлялъ, но все тщетно: ея окна и даже ставни были закрыты. Тогда онъ поддушилъ одну изъ служанокъ и передалъ черезъ нее письмо. На другое утро, онъ получилъ отвѣтъ карандашомъ: „Да хранить васъ Богъ“.

Это письмо онъ получилъ ровно за часъ до той минуты, когда вспыхнуло карлистское возстаніе. Сторонники доблестнаго Бурбона въ Санъ-Амаръ-де-Лосъ-Добланосъ должны были ждать, какъ сигнала для возстанія, появленія на границѣ Дона Карлоса. Наконецъ, телеграфъ принесъ извѣстіе, что Донъ Карлосъ вступилъ въ Испанію и совершилъ торжественный въездъ въ одно селеніе, состоявшее изъ трехъ сотъ душъ. Не прошло и часа послѣ полученія этой телеграммы, какъ нѣсколько сотенъ горожанъ, подъ предводительствомъ патера Малалиаса прошли торжественнымъ шествіемъ по улицамъ города, обезоруживая полицію, обращая въ бѣгство тѣхъ солдатъ гарнизона, которые не хотѣли дезертировать (около 50 человекъ изъ 200) и распѣвая воинственные гимны, фальшиво, но съ большимъ жаромъ. Усиленные солдатами, измѣнившими правительству, они направились на ратушу и прибѣгли для вида къ насильственному удаленію Альеада и членовъ *auntamiento*, которые съ величайшимъ удовольствіемъ разошлись по домамъ, громко протестуя на случай, еслибы впослѣдствіи пришлось дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ правительству. Послѣ этого, мятежники, видя, что побѣда досталась имъ легко, и что большинство населенія на ихъ сторонѣ, вторично прошли по улицамъ города торжественной процессіей при общихъ крикахъ: „Viva Донъ Карлосъ!“ „Смерть Амедею!“ водрузили гдѣ-то бѣлое знамя и начали собирать реквизиціи виномъ и пищей. Тутъ-то отецъ Малалиасъ вспомнилъ (по правдѣ сказать, эта мысль его никогда не покидала) о своемъ другѣ Діего Герда.

Между тѣмъ, Діего, убѣдившись, что ему придется имѣть дѣло съ могущественнымъ врагомъ, созвалъ всѣхъ своихъ англійскихъ и французскихъ рабочихъ и объяснилъ имъ, что нельзя отвѣ-

чать за фанатическую толпу, предводительствуемую патерами, а потому совѣтовать или покориться тотчасъ, или бѣжать, или наконецъ принять мѣры къ энергической защитѣ. Англичане отвѣчали, что они пойдутъ къ судѣ, покажутъ ему подъ присягой, что находятся въ опасности и потребуютъ усмиренія карлистовъ, какъ возмутителей общественнаго спокойствія. Половина французовъ мгновенно исчезла, не объяснивъ своихъ намѣреній, а остальные раздѣлились на двѣ части: одни хотѣли сопротивляться карлистамъ, потому что они клерикалы, а другіе желали ихъ поддержать, потому что они возставали противъ правительства, а правительство такое учрежденіе, съ которымъ мирится рѣдкій французъ. Не легко было убѣдить англичанъ, что присяжныя показанія, судейскіе приговоры и прочія учрежденія еретическихъ государствъ были мертвой буквой въ святой Испаніи; но когда они поняли, въ чемъ дѣло и убѣдились, что карлисты грозятъ ихъ свободѣ и совѣсти, то объявили, что въ случаѣ нападенія будутъ бороться до послѣдней крайности. Діего вооружилъ ихъ ружьями, пистолетами и прочимъ оружіемъ, которое досталъ отъ своихъ друзей. Потомъ, съ двумя револьверами въ карманѣ, онъ сталъ ждать толпу, твердо рѣшившись самъ не давать предлога къ открытію военныхъ дѣйствій.

Но дѣлая всѣ эти приготовления, Діего не подумалъ, что обстоятельства могутъ его заставить противъ воли принять вызывающее положеніе и, когда онъ впервые увидалъ эту опасность, то было уже поздно ее отвратить. Тотчасъ послѣ возстанія карлистовъ, вооруженные люди со всѣхъ сторонъ города начали стекаться по одиночѣ и группами къ заводу Діего Герда. Это были солдаты и офицеры, отказавшіеся измѣнить своему знамени, нѣсколько дворянъ, торговцевъ, студентовъ, отставныхъ офицеровъ, ненавидѣвшихъ карлистовъ и кой-какіе личные друзья Дона Діего, всего человѣкъ двѣсти или триста. Они слышали, что Діего хотѣлъ сопротивляться, а такъ какъ примѣръ храброго человѣка дѣйствуетъ заразительно, то явились, съ твердымъ намѣреніемъ повиноваться ему, какъ своему главнокомандующему.

— Вашъ заводъ можетъ служить отличной крѣпостью, замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ, обращая вниманіе на практическую сторону вопроса.

— Да, если намъ придется выдержать осаду, отвѣчалъ Діего:—но вѣдь еще не рѣшено, будетъ ли осада.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе послышался громкой свистъ пули. Это былъ первый выстрѣлъ карлистерской колонны, показавшейся въ началѣ улицы. Этотъ выстрѣлъ принадлежалъ самому отцу Малапіасу.

На заводѣ былъ поднятъ бѣлый флагъ, но отецъ Малалиасъ не желалъ вступать въ какіе бы то ни было переговоры. Онъ прямо объявилъ своему отряду, что предстоитъ уничтожить гнѣздо еретиковъ, а при видѣ бѣлаго флага воскликнулъ, что это западня и что еретикамъ никогда нельзя довѣрять. Сопровождавшая его толпа, принимая бѣлый флагъ за доказательство страха, присоединилась въ мнѣвію патера и черезъ десять минутъ вся улица наполнилась дымомъ, а пули, какъ градъ сыпались съ той и другой стороны. Карлисты атаковали, а Діего Герда съ своими сторонниками зацѣпился, какъ могъ. Всюду слышались крики женщинъ и дѣтей, стоны и проклятія раненныхъ, трескъ разбитыхъ стеколъ и сыпавшейся штукатурки. И надъ всѣмъ этимъ грознымъ хаосомъ звуковъ раздавался голосъ отца Малалиаса, который, надо отдать ему справедливость, находился впереди всѣхъ и принималъ, быть можетъ, даже слишкомъ большое участіе въ стрѣльбѣ. Онъ хорошо зналъ, что въ случаѣ успѣха карлистовъ, его ожидали и епископская митра и многія другія житейскія и духовныя блага, и поэтому съ пламенной энергіей кричалъ своимъ сподвижникамъ: „Не падите ихъ, братія! ихъ не много и всѣ они трусы!“

Невозможно описать, что чувствовала Аделина, когда раздался въ городѣ первый ружейный залпъ. Она знала, что это карлисты атакуютъ заводъ Діего и безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что первые пять минутъ показались ей цѣлты годами. Она сидѣла въ эту минуту у себя въ комнатѣ и, быстро вскочивъ, бросилась по лѣстницѣ къ двери на улицу; но дверь была заперта и ея мать, съ помощью прислуги, отвела несчастную молодую дѣвушку назадъ въ ея комнату. Тутъ всѣ онѣ провели три ужасныхъ часа, въ продолженіи которыхъ Аделина стояла неподвижно на колѣняхъ и отъ времени до времени, среди раздирающихъ душу воплей, возносила къ Богу горячія мольбы. Другія женщины, также стоя на колѣняхъ, перебирали четки и молились съ нервнымъ жаромъ. Мать Аделины не пыталась ее утѣшать, такъ-какъ утѣшенія теперь были невозможны. Отъ времени до времени слуги оглашали воздухъ криками, при видѣ пули, пролетавшей надъ домою, который находился въ разстояніи не болѣе полумили отъ завода Герда.

Наконецъ, часамъ къ пяти пальба уменьшилась. Выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ съ болѣе продолжительными промежутками. Потомъ, они совершенно прекратились и наступило еще болѣе страшное безмолвіе, продолжавшееся около получаса. Аделина, словно окаменѣлая, встала и опустилась въ кресло; глаза ея безмысленно смотрѣли въ пространство. Служанки ста-

рвался ее успокоить, но она не обращала на них вниманія. Наконецъ одна изъ жехъ воскликнула: „Я слышу шумъ! Все кончено! Раздаются побѣдныя клики!“

Дѣйствительно, по улицѣ шли побѣдители, очерчивающіе отъ порока и оглашая воздухъ криками торжества; отовсюду простиралась къ нимъ рука съ виномъ, сигарами и пищей, какъ это всегда бываетъ съ побѣдителями. Они были еще далеко отъ дома синьоры Фіоро, но всѣ ея домашніе уже выбѣжали на улицу, чтобъ посмотреть, кто были побѣдители. Это были карлисты. Молодой работникъ шелъ впереди отряда, одной рукой размахивая ружьемъ, а другой посылая подѣлуи молодымъ женщинамъ, показывавшимся въ окнахъ. Вдругъ на его плечо опустилась маленькая ручка.

— А Диего Герда? спросила Аделина.

— Диего Герда! со смѣхомъ воскликнулъ юный карлистъ:— онъ боролся до конца, но нашъ добрый патерь, отецъ Малаціасъ, убилъ его собственноручно. Онъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера, когда тотъ стоялъ къ нему спиной, и еретику грохнулся мертвый къ его ногамъ.

Тогда люди, окружающіе добраго патера Малаціаса, который шелъ нѣсколько усталый, увидали молодую дѣвушку, неожиданно бросившуюся на нихъ. Она растолкала толпу и кинулась на патера, какъ юная павтера. Неожиданный толчокъ сбилъ съ ногъ патера и онъ упалъ на землю, а молодая дѣвушка, держа его крѣпко за обгаженную кровью рясу, начала быстро наносить ему удары какимъ-то орудіемъ, походившимъ на инжаль. Кровь ружьемъ потекла изъ горла патера, обрызгавъ лицо и руки молодой дѣвушки. Все это произошло такъ быстро, что никто не успѣлъ опомниться, какъ дѣвушка вскочила и съ дикимъ хохотомъ, размахивая смертоноснымъ орудіемъ, омазаннимъ длинными ножницами, воскликнула:

— Посмотрите на этого челоука! Онъ билъ патера и онъ убилъ моего Диего! Убилъ своей рукой... Своей рукой! Ха, ха, ха! Теперь пусть онъ идетъ на тотъ свѣтъ съавъ Диего, что я его люблю и никогда не забуду! Посмотрите, на что онъ похожъ, этотъ патерь! Фу! Его кровь меня мараетъ, ободрите ее!

Она сошла съ ума.

Черезъ двѣ недѣли похоронили бѣдную Аделину, но не въ священной землѣ, потому что она убила патера. Кто-то, едва-кожъ, тайкомъ посадилъ на ея мѣстокой могилѣ нѣсколько дустовъ розъ, которыя и служили поминъ ея подпробнымъ намѣникомъ.

ПАНЪ ТАДЕУШЪ.

ГЛАВА П.

Завтракъ. — Схватка изъ-за Стрѣлы и Яничара. — Вмѣшательство Робала. —
Рѣчь Войскаго. — Заглады. — Въ лѣсъ по грибы!

Мгновеніе спустя настала тишь кругомъ.
Графъ къ дому двинулся: сначала тихъ былъ домъ,
Но вдругъ онъ ожилъ весь, послышались клики!
Какъ въ улей, что былъ пустъ, влетаетъ рой великій, —
Пустыя комнаты наполнились гурьбой
Охотниковъ и дамъ. Толкуя межъ собой
О полеваниі, толкаясь другъ о друга,
Садятся къ завтраку, что вмигъ дала прислуга,
И начинаютъ пить, бесѣдовать и ѣсть.
Кому не удалось къ столу порядкомъ сѣсть,
Тѣ, предъ собой держа тарелки и стаканы,
Усѣлись кое-какъ на лавки, на диваны,
На подоконники иные забрались —
И тутъ-то пренія живыя начались
О псахъ, о русакахъ различныхъ категорій,
О ружьяхъ, о коняхъ... Судья и Подкоморій
Сидѣли у стола. Порядокъ позабытъ,
На что, какъ водится, хозяинъ былъ сердитъ,
Привыкнуши слѣдовать вездѣ системѣ строгой:
Въ дому, за завтракомъ, въ охотѣ и дорогой.

Прислуги разныя для дамъ и для пановъ
Носили кушанья: тѣмъ куръ и кашуновъ,
А этимъ — поросятъ, гусей; и въ заключенье
Былъ кофей принесенъ и подано варенье.
Стаканы съ чашками усѣлись на поднось,
Гдѣ нарисованы букеты были розъ;

И тутъ-же свѣтлыя кофейники изъ жести
 Бурились кофеемъ душистымъ; съ ними вмѣстѣ
 Стояли, въ линію построися рядкомъ,
 Горшечки малые съ горячимъ молокомъ
 И сливками. Нигдѣ ей-ей же нѣту больше
 Такого кофею, какъ на Литвѣ и въ Польшѣ:
 Тамъ, въ каждомъ хорошо-устроенномъ дому,
 Всегда есть женщина особая къ тому,
 Боторую зовутъ кавяркой. Утромъ рано
 Готовы у нея и сливки, и смѣтана,
 И кофеи на плитѣ внимательно сожженъ;
 Когда его сварятъ, какъ уголь черенъ онъ,
 Прозраченъ какъ янтарь; а если разольется
 По чашкамъ—ничего на днѣ не остается
 Въ кофейникѣ. Когда-жъ готовится у ней
 Для кофе молоко: чтобъ было повкуснѣй,
 Она по нѣсколькимъ горшечкамъ разливаеъ
 Его; на нихъ въ почѣ смѣтана набѣгаетъ,
 Поутру съ погреба горшечки тѣ берутъ
 И вмѣстѣ съ кофеемъ на завтракъ подаютъ.

Но многія изъ дамъ напились кофе рано:
 Такъ имъ принесена изъ погреба смѣтана,
 Холодный варенецъ, со сливками творогъ
 И поданъ сверхъ того съ говядиной пирогъ.

Поѣвъ, компанія по всѣмъ угламъ разбилася.
 Гдѣ сѣли старшіе, тамъ больше говорилось
 О сельскихъ новостяхъ, о просѣ, о пшенѣ.
 Судья заговорилъ про слухи о войнѣ
 И началъ разныя послѣдствія отсюда
 Предвидѣть, выводить, чтд хорошо, чтд худо
 Для Польши и Литвы. А Войскаго жена
 Съ Подкомориною вести была должна
 Бесѣды разныя и занимать порою
 Ее гаданіемъ на картахъ — кабаломъ.

Въ другомъ углу другой былъ слышенъ разговоръ:
 Обычный молодежь затѣяла тамъ споръ
 Изъ-за своихъ собакъ; но не было большова
 Азарту въ спорѣ томъ и крику никакова,
 Затѣмъ—что первые въ повѣтъ крикунъ,
 Ассессоръ и его противникъ, смущены

Сидѣли тѣмъ, что ихъ борзнымъ не удалось
 Настигнуть русака: ушелъ онъ изъ-подъ носа
 У нихъ, юркнувши въ рожь несжатую. Уже
 Висѣли на хвосту, но, ставши на межѣ,
 Судья угомонилъ ихъ бурные порывы
 И не позволилъ мять убогихъ хлоповъ нивы
 Охотникамъ; и такъ никто изъ нихъ не зналъ,
 Стрѣла-ли догнала, иль Лычарь догналъ,
 Летя позадъ полей по скатамъ горъ зеленымъ —
 И споръ попрежнему остался нерѣшеннымъ.

А Войскій съ кожаной хлопужкою ходилъ
 И взоры по стѣнамъ и потолку водилъ,
 Рассказы всякіе пуская мимо уха,
 Онъ только наблюдалъ, куда садилась муха,
 Подкрадывался къ ней на цыпочкахъ — и хлопъ!

Тадеушъ изъ всѣхъ сидѣвшихъ тамъ особъ
 Взялъ въ собесѣдницы сосѣдку Телимену
 И съ нею близъ дверей, облокотясь о стѣну,
 Велъ тихій разговоръ, изъ коего узналъ,
 Что братъ ея, судья, ее сестрою звалъ
 Изъ шутки болѣе, иль просто по привычкѣ,
 Съ какихъ не помнить поръ; какъ были невелички,
 Почти еще дѣтьми, такъ вздумали назвать
 Ихъ, Богъ вѣсть изъ чего, ея отецъ и мать,
 Хоть дѣти разнились между собой лѣтами
 Значительно. Потомъ, въ столицѣ, хлопотами
 Различными она Солицѣ помогла
 Обдѣлать многія домашнія дѣла —
 И съ той поры они еще сошлись болѣ,
 И точно братъ съ сестрой другъ съ дружкой дотогѣ
 Живутъ въ одномъ дому, хоть есть вблизи у ней
 Фольварокъ собственный, нисколько не бѣднѣй
 Фольварка братняго.

Въ той комнатѣ большая
 Толпа охотниковъ сидѣла. Искушая
 Ассесора, сказалъ проказникъ—становой:
 „Я вамъ вчера еще ручался головой,
 Панове, что ничѣмъ окончится охота
 У насъ, когда въ поляхъ, идетъ еще работа
 И хлѣбъ неубранный повуда на корню
 Стоить. А графъ, я чай, къ назначенному дню

Не прибылъ потому-жь: графъ варварствомъ считаетъ
 Охоту на Литвѣ, гдѣ всякій выѣзжаетъ
 Охотиться въ поля безъ спросу и безъ правъ,
 Что долженъ быть на то особенный уставъ,
 Что въ этомъ москаля давно опередили
 Литву: различные порядки учредили,
 Когда охотиться подь осень и весной,
 Съ такою цѣлю, чтобы ловець иной
 Отнюдь не выѣзжалъ съ охотой по лисицѣ,
 Какъ звѣрь начнетъ лянать, и не стрѣлялъ по птицѣ,
 Сидящей на гнѣздѣ: у москалей указъ
 На все это; по мнѣ: такъ нужно-съ и у насъ!“

Судья съ есендзомъ въ марьяжъ игралъ; опослѣ взятѣи
 Онъ молвилъ: „Пусть себѣ московскіе порядки
 Живутъ для москалей, для нѣмцевъ, а Литва
 Имѣетъ у себя особня права
 И важныхъ оттого, я думаю, послѣдствій
 Не будетъ, если мы чинить не станемъ слѣдствій
 За то, что протравилъ лису въ поляхъ сосѣдъ,
 Сосѣда не спросясь. Или дичины нѣтъ
 У насъ? Иль на Литвѣ уже не стало жита?
 По Божьей милости, все, что живетъ, то сыто
 Въ Литвѣ! Такъ, панство, я по крайности сужу.
 Однакожь выѣзжать на хлопскую межу,
 Покуда хлѣбъ стоять, отнюдь я не позволю:
 Гоняй по моему, коли угодно, поля!“

Тутъ вставилъ экономъ словечко: „дива нѣтъ,
 Что сытъ у пана хлопъ; то знаетъ цѣлѣи свѣтъ,
 Какъ щедро платитъ панъ за всякую потраву,
 Не то побой въ поляхъ. Подчасъ и не по праву
 Приходятъ съ жалобой, а ваша милость, панъ,
 Даешь, чтобъ не было никакъ у поселянъ
 Нужды и тягости, и не вступаешь въ споры!“...

Рѣчь эту не дали окончить разговоры,
 Возникшіе въ бою про вѣней и про псовъ,
 Гдѣ въ гуль одинъ слилось полсотни голосовъ...

Тадеушъ также вѣлъ бесѣду съ Телименой,
 Басаясь что-ни-мигъ дрожащею колѣной

Колѣнь ея; порой позвать онъ даже могъ
 И ручку нѣжную, и ножку подъ шумокъ.
 Коветка старая не очень-то сначала
 Порывамъ юноши горячимъ отвѣчала,
 Но послѣ (какъ-то такъ случилось)—и у ней
 Огонь въ очахъ играть сталъ ярче и сильнѣй —
 И подъ-конецъ у нихъ былъ слышенъ только шопотъ,
 Какъ будто бы ручья подъ камнемъ тихій ропотъ,
 Иль воркованье итиць... вдругъ Войскій муху хлопъ —
 И это юношу то въ жаръ, а то въ ознобъ
 Бросало...

На Литвѣ различныхъ мухъ довольно,
 Есть смирная межъ нихъ, другія-жъ очень больно
 Кусаются; иныхъ простой у насъ народъ
 Невѣдомо за что шлякетскими зоветъ:
 Быть можетъ оттого, что больше эти мухи
 Другихъ; какъ изумрудъ зеленя ихъ брюхи
 Блестять и лоснятся; летаючи жужжать
 Тѣ мухи; а когда случится, налетятъ
 На сѣтку паука: съ иной онъ бьется-бьется!..
 Другой и улетѣть оттуда удается.
 Все это Войскій зналъ и даже говорилъ,
 Что родъ шлякетскихъ мухъ чернъ мушью породѣтъ,
 Что мухи тѣ для мухъ какъ межъ пчелами матеи:
 Отъ этого онъ ему и были гады
 Особенно и ихъ онъ страшно истреблялъ:
 И билъ хлопущою, и зелья измышлялъ
 На нихъ различныя. Хоть пани-окмистрина,
 А съ ней и всендѣ-плебанъ, шлякетскихъ мухъ отъ гнива
 Не научились ни разу отличить,
 Но было старика нельзя переучить
 И онъ повсѣмуду судилъ о мушьемъ родѣ,
 Былъ неизмѣнно строгъ къ шлякетской мухъ породѣ:
 Чуть шляхтичь запоетъ—ужь Войскій тутъ-какъ-тутъ,
 Съ хлопущою: махнетъ—и шляхтичу капутъ!

Вдругъ споры мелкіе, кипучіе рассказы,
 Шутливый разговоръ, отрывочныя фразы —
 Все это у стола охотниковъ слилось
 Въ одинъ нестройный крикъ, въ рѣшительный хаосъ.
 Такъ, бросивъ гончихъ въ лѣсъ, охотничья орава
 Пока слѣдитъ лису — тиха еще дубрава,

Лишь-только тамъ и сямъ немного голосовъ
 Перебликаются, да взвизгиванье псовъ
 Порою слышится. Вдругъ крикнетъ доѣзжачій:
 „Ведутъ по кабану!“ — Тутъ все: и лай собачій,
 И ярный гамъ стрѣлковъ: „кабанъ! кабанъ! кабанъ!“
 Все вмигъ сливается въ ревущій ураганъ,
 Чась-отъ-часу громчѣй, азартнѣе и пуще,
 Какъ-будто всѣ дубы ревутъ и воютъ въ нуцѣ:
 Такимъ, среди бесѣдъ стрѣлцкихъ, кабаномъ
 Былъ споръ охотниковъ, приправленный виномъ:
 Такъ много волкостей, обидныхъ словъ и брани
 Изъ устъ посыпалось, ругательствъ, пожеланій
 Недобрыхъ, что едва въ ходъ не пустили дланей!..

Посчастью тѣ, кто пилъ поменѣе вина,
 Туда нахлынули, какъ бурная волна —
 И мигомъ выперли бранившихъ за двери,
 Но и въ саду они ревѣли точно звѣри,
 Показишь Бернардинъ, хоть тощій и худой
 На видъ и человекъ уже не молодой,
 Однакоже весьма здоровый и плечистый,
 На шумъ не прибѣжалъ. Ужъ спорщикъ голосистый,
 Ассесоръ напиралъ на недруга и тотъ,
 Не уступая, лѣвъ тоже напередъ:
 Мигъ — и схватились бы! Тутъ, споръ прервавъ кипучій,
 Внезапно Бернардинъ схватилъ рукой могучей
 Того и этого бойца за воротникъ
 И бросилъ въ сторону, а самъ, единый мигъ,
 Стоялъ между враговъ, и тихій, и незлобный,
 Столбу — указику дорогъ весьма подобный:
 „Рах, рах vobiscum!“ рекъ — и скрылся. Тишина
 Настала. Та и та молчала сторона,
 Не смѣя возражать. Къ тому-жъ межъ ними вскорѣ
 Явились изъ дому Судья и Подкоморій;
 А Войскій по толпѣ проворно сталъ ходить,
 Стараяся огонь послѣдній погасить
 Въ заднихъ спорщикахъ и партіи другъ съ дружкой
 Свести; порой махалъ въ ту сторону хлопнушкой,
 Гдѣ споръ еще кипѣлъ и, наконецъ, поднявъ
 Ее, какъ нѣкій жезлъ и посрединѣ ставъ,
 Сказалъ: „вниманіе! Оставьте ваши споры,
 Вы, чьею славою полны лѣса и горы
 Повѣта дѣлаго! Вы — первые стрѣлки!

Вы, на кого у насъ надежды велики!
 Вы—споры заводить? На что́ это похоже?
 Вы, кто примѣромъ быть обязанъ молодежи!
 И безъ того у насъ въ охотѣ жаръ остылъ!..
 Въ дни оны, помню я, когда еще тутъ жилъ
 Рейтанъ — кто былъ въ Литвѣ ему охотникъ равный
 И выше славою въ поляхъ, въ глуши дубравной?
 Кабана-ль, жубра ли, сохатаго-ль слѣдя,
 Будревичъ, что́ ходилъ одинъ на медвѣдь!
 Самъ точно какъ медвѣдь, валить онъ буря-бурей
 Бывало!.. Наконецъ Бялопетровичъ Юрій,
 Что́ пулей, на конѣ скача во весь опоръ,
 Могъ срѣзать русака!.. Когда случался споръ
 У нихъ, то ставили различные заклады:
 Коней, собакъ, ружье, охотничьи снаряды.
 Разъ, въ спорѣ объ лисѣ, Огинскій генераль
 Сто морговъ дубняку Рейтану проигралъ,
 Сто морговъ дубняку! Какъ начали вдругорядъ
 Жегота съ Лейкою насчетъ кабана спорить,
 То Лейка проигралъ фольварокъ да село
 Жеготѣ! И у васъ коли на споръ пошло:
 Побейтесь объ закладъ — и дѣло разрѣшится,
 Чѣмъ такъ терять слова, шумѣть и пѣтушиться!
 Панове-братія: слова—что́ вѣтра вой,
 Шумъ только безъ конца!“

Тутъ молвилъ Становой:

„Кона черкесскаго я ставлю, съ нимъ и сбрую:
 Сѣдло, вальтрапъ, чунгуръ, уздечку—да какую!
 Бакыхъ не видано нигдѣ, я вамъ скажу!
 И перстень сверхъ того въ salagium сложу
 Судьѣ!“

Ассесоръ-же сказалъ: „я ставлю пару
 Златыхъ ошейниковъ: какъ угли прямо съ жару
 Горять и свѣтятся, какъ истые огни!
 И въ ящеръ хитростно обдѣланы они.
 И сворку и смычокъ, котораго плетенье
 Приводить знатока съ восторгъ и удивленье:
 Мнѣ эти рѣдкости вручилъ Сангушко князь,
 Когда, охотиться съ нимъ вмѣстѣ стоворясь,
 Семь сряду русаковъ взалъ сухой я одною.
 Случившійся тогда съ Сангушкой и со мною
 Князь Феликсъ Радзивилъ изволилъ слѣзть съ коня,
 Потомъ поцаловалъ онъ три раза меня,

А послѣ этого поцаловаль и суку:
 „И жить, и буду жить, но эдакую штуку
 Ужь не увидѣть мнѣ!“—Такъ онъ проговорилъ
 И перстень съ вензелемъ своимъ мнѣ подарилъ,
 А суку имя далъ: *книжка на Мирдонъ*,
 Затѣмъ — что этого названія въ дубровѣ
 Тогда охотились. Подчасъ Наполеонъ
 Такъ титулы даетъ, когда бываетъ онъ
 Доволенъ маршаломъ какимъ или генераломъ!“

Тутъ Телимена вдругъ въ плащѣ выходитъ аломъ
 И говорить: „прошу, панове, мнѣ простить:
 Я оставляю васъ, желая угостить
 Грибами свѣжими. Кому угодно, можетъ
 За мною слѣдовать: пусть руку онъ предложитъ
 Кому либо изъ дамъ; а мы одгѣ идемъ
 Съ Подкомориною, условясь такъ вдвоемъ!“

Сказала и пошла; и плащъ, какъ пламень алыѣ,
 Мелькаеть между деревъ... потомъ Тадеушъ (малый
 Догадливый) побрель и въ сумрагѣ исчезъ...

Чтобъ кончить споръ, судья: „Панове! (крикнуть) въ лѣсъ!
 Кто лучший грибъ найдетъ, тотъ будетъ за обѣдомъ
 Одной изъ лучшихъ дамъ слугою и сосѣдомъ;
 А если лучший грибъ одна изъ дамъ найдетъ —
 Пусть лучшаго сама сосѣда избереть!“

Великой радостью всѣ озарились лица.
 Передѣвшися пошли. Ведеть Соплица.

ГЛАВА III.

Волокитство.

Экскурсія графа въ садъ.—Таинственная фея.—Тѣни Элизіума.—Разныя
 породы грибовъ.—Телимена въ храмѣ Мечты.—Совѣты объ участи Тадеуша.—
 Графъ пейзажистъ.—Артистическія замѣчанія Тадеуша о деревьяхъ и обла-
 кахъ.—Мнѣніе графа объ искусствахъ:—Звонокъ.—Медвѣдь, отцы мои!

А графъ межъ-тѣмъ шажкомъ пустиль коня назадъ
 И ѣхаль, изрѣдка бросая взоры въ садъ;
 Забыты имъ уже и замокъ, и охота,
 Другая на сердце легла ему забота:

Опять почудилось, что будто сквозъ окно
 Мелькнуло бѣлое сорочки полотно—
 И что-то вслѣдъ затѣмъ по грядкамъ полетѣло
 И въ темной зелени свѣтилось и блестяло,
 Какъ свѣтъ на темѣ горѣ, или какъ солнца лучъ,
 Когда, прорѣзавшись внезапно изъ-за тучъ,
 Ударить въ камень онъ, среди луговъ лежащей,
 Или на токъ воды, съ вершины въ доль летящей.

Спрыгнувъ съ коня долой и слугъ домой пославъ,
 Тихонько наровилъ къ плетню подкрасаться графъ:
 Замѣтилъ лазею—пролѣвъ въ нее и далѣ,
 Межъ грядъ, по лопухамъ, чтобъ только не видали —
 И на другомъ концѣ остановился вдругъ.
 Росли черешни тамъ съ крыжовникомъ, и веругъ
 На грядкахъ всякое усматривалось жито:
 Горохъ, ячмень, овесъ — ничто не позабыто;
 Его насѣяли нарочно межъ кустовъ, —
 Изобрѣтеніе хозяйки тѣхъ краевъ,
 Извѣстной всѣмъ въ Литвѣ, той пани Кокосниці,¹
 Который монументъ должны поставить птицы,
 Въ хозяйствѣ нужныя: гусь, курица, индюкъ:
 Она поистинѣ была ихъ лучшій другъ,
 Онъ всегда у ней добрѣли и плодились.
 Секреты дивныя для свѣта пригодились
 И нынѣ книжица такая издана:
 О курахъ широкъ вытѣйствуетъ она,
 Тамъ для хозяевъ есть безцѣнные страницы—
 И, вѣжета, портретъ приложенъ Кокосниці.

Такой-то садикъ былъ устроенъ въ тѣхъ мѣстахъ.
 Средь жита всякого и въ вишневыхъ кустахъ
 Цыпляты крылись и утенята тоже,
 Когда, среди двора стоявшій насторожѣ,
 Пѣтухъ, нето гусакъ, чтò воинъ на часахъ,
 Увидѣвъ коршуна въ далекихъ небесахъ,
 Давалъ имъ громко знать: благимъ видались матомъ!
 Подчасъ и голуби летѣли въ кустъ къ цыплятамъ,
 Укрыться не успѣвъ отъ ястреба въ гнѣздѣ.

Теперь опасности невидится нигдѣ.

¹ Кокосница въ переводѣ Куричница, отъ Кокосъ (кокошь) ку ца.

Лишь золотомъ лучей обливши садъ зеленый,
 Катится по небу дискъ солнца раскаленный:
 Отъ этого, свое дыханье притая,
 Забилася въ кусты пернатая семья;
 Одни наружи всё; другіе, съ головою
 Въ лугъ мягкій утонувъ, привернулись муравю.

Но графъ иною былъ картиной умиленъ:
 Увидѣлъ онъ дѣтей, съ кудрями точно лень,
 И подлѣ дѣвушку, съ очами голубыми,
 Постарше возрастомъ. Какъ разъ повѣдь за ними
 Стоялъ въ травѣ павлинъ, хвостъ пышный распусть,
 Переливаясь огнями и блестя
 Мильономъ искръ и звѣздъ; на фонѣ чудномъ этомъ,
 Головки дѣтскія сіяли яркимъ свѣтомъ,
 Какъ лики ангеловъ, въ окладѣ золотомъ,
 Сіяютъ иногда на образѣ святомъ.
 А стройный папушой и трости молочая,
 Салтаны въ воздухѣ роскошныя качая,
 Съ пшеницей пололамъ, рѣшетку заплели—
 И ангеловъ своихъ за нею берегли:
 Рѣшетка, тѣни, блескъ—все двигалось, ходило
 И въ юношѣ Богъ-вѣсть какіе сны будило!..

Межь-тѣмъ, надъ группами колосьевъ и листковъ,
 Повисъ, какъ балдахинъ, рой легкихъ мотыльковъ:
 Ихъ крылья нѣжныя, прозрачныя какъ слюда,
 Съ игрою яхонта, сапфира, изумруда,
 Дрожали въ воздухѣ неслышимо. А графъ,
 Какъ очарованный, сквозъ сѣти разныхъ травъ
 И межъ колосьями усатыми пшеницы,
 Смотрѣлъ—то на дѣтей смѣющіяся лица,
 То на волшебницу, чья стройная рука
 Обмахивала ихъ пучкомъ травы слегка
 Отъ бабочекъ и мухъ докучныхъ, а другою
 Рогъ изобилія, изогнутый дугою,
 Держала: такъ рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, графъ,
 Мечтая, что ему, среди родныхъ дубравъ,
 Приснился чудный сонъ: волшебныя затѣи
 Какой-нибудь изъ фей—Армиды, Амаглен..

Графъ вдругъ приподнялся — волшебница бѣжать!
 Но дѣти начали и плакать, и кричать:

Безъ всякой помощи оставить ихъ не смѣя,
 Вернулась нехотя съ дороги Амалтея,
 Ну съ ними нянчиться! утикли дѣти вновь
 И выражали ей глазенками любовь,
 Ласкаясь нѣжно къ ней и весело смѣясь;
 Она же, пальчикомъ тихонько погроваясь
 На нихъ и покачавъ сердито головой,
 Сказала: „видано-ль гдѣ плачь такой и вой?
 Гость испугается и убѣжить отсюда!
 Гость добрый, ласковый, не бука, чудо-юдо!
 Взгляните на него, какъ миль онъ и хорошъ!“
 И такъ угомонить старалась ребятежь,
 На графа искоса волшебница смотрѣла,
 Сама-жь, какъ маковъ цвѣтъ алѣла и горѣла.
 А графъ, не вѣдая, какъ рѣчь ему начать
 И какъ волшебницѣ свою провѣличать,
 Доволенъ былъ ея одноюжь похвалами.
 Онъ вправду былъ хорошъ: подъ русыми кудрями
 Немного-блѣдное, не свѣжее лицо;
 Отерптый, смѣлый взглядъ; усь, вьющійся въ кольцо;
 Станъ стройный, темныя, не такъ-густыя брови —
 Все говорило въ немъ, что онъ высокой крови;
 А листья, чтѣ къ его прильнули головѣ,
 Когда, согнувшись, полость онъ по травѣ,
 По житу всякому и по кустамъ зеленымъ—
 Казались вѣнкомъ, случайно-расплетенымъ...

„О Ты, кто-бъ ни была!“ Сказалъ онъ наконецъ:
 Дриада, фея-ли, всѣмъ феямъ образецъ,
 Духъ, или смертная! Повѣдай мнѣ, откогдѣ
 И для чего ты здѣсь, и по своей-ли волѣ,
 Иль вызвана сюда заклятіемъ какимъ?
 Позволь мнѣ, Дивная, быть рыцаремъ твоимъ!
 Отецъ иль опекунъ твой недругъ—все едино:
 Ты вѣрнаго во мнѣ увидишь Паладина,
 Я стану защищать тебя моимъ мечомъ;
 Препрады, бури, громъ намъ будутъ ни по чемъ—
 И ты отъ тяжкаго освободишься плѣна!“

Тутъ рыцарь преклонилъ предъ нимфою колѣна;
 Она-же на него съ улыбкою смотря,
 Спокойно слушала, лишь рдѣла какъ заря,
 Но неожиданной не испугалась встрѣчи

И тѣшили ее загадочныя рѣчи,
 Какъ тѣшить сказочный нерѣдко міръ дѣтя.
 Потомъ одумавшись и глазки опустя,
 Спросила у него: „зачѣмъ тутъ пань-добродій?
 Чего пришелъ искать на нашемъ огородѣ?“

Графъ молча выслушалъ вопросъ ея; смущонъ
 Такою простотою, перемѣняетъ тонъ:
 „Прошу не гнѣваться, сказалъ, не будьте строги,
 Паненка: я искалъ прямой себѣ дороги
 И больше ничего: иначе мнѣ кругомъ
 Пришлось бы обходить, а здѣсь—какъ-разъ мой домъ!“

— Но только, молвила, прошу не черезъ гряды,
 Нигдѣ травы не мять и не ломать ограды,
 А все тропинками идти: вездѣ у насъ
 Тропинки! Панъ придетъ домой къ себѣ сейчасъ:
 Домъ панскій здѣсь, вблизи!—„Направо или налѣво?“
 Спросилъ онъ — на него глядитъ уставясь дѣва:
 — Да вотъ онъ, вотъ вашъ домъ! съ улыбкой говоритъ:
 Какъ на ладони весь, смотрите: вотъ стойтъ!—
 И указала домъ ему рукой своею;
 А онъ—ему бы лишь болтать подольше съ нею!
 „Паненка, стало быть, спросилъ онъ, тутъ живетъ?
 Или прѣзжая?... Чей это огородъ?
 Чья деревенька здѣсь? чей паркъ? чьи эти крошки?..
 Ужъ не паненкины-ль глядятъ сюда окошки,
 Тамъ, въ мезонинѣ, три?“

Тагъ съ нею бармоча,
 Смотрѣлъ онъ ей въ лицо, на грудь и на плеча
 И думалъ: „пусть себѣ она не героиня
 Романа, повѣсти; не фея, не богиня,
 Но просто сельская красавица: подчасъ
 Во прахѣ кроется невиданный алмазъ
 И роза иногда лѣсною скрыта чащей:
 Острой, яви на свѣтъ сей діамантъ блестящій,
 Отъ взоровъ знатока во мракѣ не таи!
 Тогда—что сонмы звѣздъ, что солнца всѣ твои!“

Она-же, знаеъ идти давъ старшему дѣтяти,
 Меньшова-жъ на руки поднявши,—жъ ближней хатѣ
 Тихонько двинулась; вдругъ, глянувши назадъ,
 Сказала: „можетъ, панъ, въ кусты-бъ загналъ цыплятъ,

А то они совсѣмъ разбились врозь по саду!
И это вымолвя, укрѣдась за ограду...

Остался графъ одинъ. Пылавшее огнемъ
Мгновеніе назадъ, остыло сердце въ немъ,
Какъ пашня черная на солнечномъ закатѣ.
Принялся онъ мечтать, но и мечтавъ нежстати:
Сны безотрадныя носились передъ нимъ...
Очнувшись, надъ собой смѣяться сталъ самимъ:
Какъ поразмыслилъ все, да пообдумалъ строго,
Не вѣдалъ, на кого сердился онъ такъ много:
Что дѣлать, ежели мечтанье не сбылось!
Когда по лопухамъ и въ житѣ онъ полость,
Кровь клокотала въ немъ и сердце билось шибко,
Богъ-вѣсть что грезилось—и въ этомъ вся ошибка!
Украсилъ въ мысляхъ онъ пастушку черезъ-чуръ;
На дѣлѣ—стережетъ его богиня куръ!
Безспорно, лично смазливо—но и только!
За то ужъ талин не видно ни насколько:
Обрубокъ дерева; и какъ утюгъ горитъ
Румянецъ на щекахъ! Когда-жъ заговорить —
Скорѣе прочь бѣги, зажавъ руками уши,
Чтобъ не наслушаться различной сельской чуши...

Едва для юноши исчезло божество—
Преобразилось все мгновенно для него:
Рѣшетка изъ сребра и золота, что скрывала
Картину дивную—ея какъ не бывало:
Волшебный блескъ ея разсѣялся, потухъ:
Графъ видитъ впрѣдъ собой солому да лопухъ!
Рогъ изобилія, который Амагтея
Держала, былъ не рогъ: увя! морковь, желтѣя,
На мѣстѣ самомъ томъ вадляса въ овсѣ...
И такъ, прощайте сны, прощайте чары всѣ!

Такъ малое дитя цвирья цвѣтъ пушистый
(Непрочности всего земнаго образъ истинъ)
Желаетъ ухватить и, думувъ на него
Нечаянно, уже не видитъ ничего:
Въ рученкакъ маленькыхъ одинъ лишь стебель, пада,
Безъ всякаго цвѣта—и мальчижъ плачетъ жалко...

Надвинувши картузъ, графъ, сумрачный какъ ночь,

Изъ царства сельскихъ фей бѣжать пустился прочь
 По грядамъ, по цвѣтамъ, черезъ арбузы, дыни,
 Бобовникъ и горохъ—забывъ наказъ богини—
 Вдругъ мысль ему пришла: что скажетъ челядь, домъ?
 Что будетъ говорить деревня вся потомъ,
 Когда побѣгъ его случайно вдругъ замѣтитъ?
 Сосѣди спрашивать начнутъ—что онъ отвѣтитъ?
 Что сметень налетутъ и всякой чепухи!—
 Не долго думая, онъ снова въ лопухи—
 И около плетня пробрался въ лѣсъ, за садомъ,
 Бояся повосить въ ту сторону и взглядомъ.
 Такъ воръ на житницу не смотреть иногда,
 Сбираясь завернуть при случаѣ туда,
 Иль завернувъ уже. Затѣйника тревожить,
 Что мысль его прочесть иной во взглядъ можетъ,
 Хоть это никому еще и не вдомекъ:
 Такъ графъ глядѣлъ не въ садъ, а въ сторону да въ бокъ.

Лѣсокъ, куда чудакъ бѣжалъ, какъ воръ, въ ту пору
 Былъ по зеленому раскинуть косогору,
 Гдѣ межъ раскидистыхъ орѣшинъ и березъ
 Кустарникъ кое-гдѣ не такъ высокій росъ.
 Тамъ, отъ куста къ кусту, по зелени сновали
 Фигуры странныя, какъ будто танцовали,
 Подобныя духамъ таинственныхъ долинъ,
 Что пляшутъ при лунѣ. Кто въ шляпѣ точно блинъ,
 Кто съ голой головой; тѣ въ черное одѣты,
 Другіе въ бѣлое—и словно хвостъ кометы
 Невѣсть что длинное таскаютъ за собой;
 Въ различныхъ позахъ всѣ: одинъ стойтъ, другой
 Сгибается къ землѣ, вотъ вытянулся снова,
 Какъ бы отдавъ поклонъ сосѣду—и ни слова
 При встрѣчакъ! Языка какъ будто лишены;
 А взоры призраковъ въ траву устремлены.

Графъ, сквозь древесныя выглядывая сѣни,
 Рѣшилъ, что передъ нимъ Элизіума тѣни,
 Живущія безъ муки, безъ крови, безъ страстей—
 А это, попросту, была толпа гостей
 Солищны. Намъ уже извѣстно, что собрались
 Въ лѣсъ по грибы они и для того убрались
 Въ нарядъ особенный: мущинамъ на плеча
 Была наброшена льняная эпанча;

Вслѣдъ за мущинами преобразились тоже
И дамы,—оттого и были всѣ похожи
На дѣховъ и тѣней. Осталась лишь одна
Сестра хозяина иначе убрана,
А съ ней и молодежь.

Грибовъ довольно было
Въ травѣ и всякая особая манила
Порода: правился паненкамъ *боровикъ*,
Что въ пѣсняхъ сельскій людъ полковникомъ привѣтъ
Съ чего-то называть; *груздей* искали пани,
Старухи-же *сморчковъ*, чтобъ жарить ихъ въ смѣтанѣ.
А что до *рыжика* и *бѣлаго гриба* —
До нихъ охочи всѣ: такая ихъ судьба!
Въ соли иль уксусѣ нѣтъ лучше ихъ безъ спору.
А Войскій полеваль всегда по *мухомору*.

Но кромѣ этого есть тѣма другихъ породъ,
Жаль только, что ни кто ихъ въ пищу не беретъ.
Негодны для жаркихъ, ни въ соль, ни въ супъ, ни въ щи,
Они сотворены красой лишь быть для рощи:
По сватерти луговъ, ласкаясь къ кустамъ,
То кучками они, то розно, здѣсь и тамъ,
Сидятъ, какъ разныхъ формъ ставаны или чашки:
Серебряный *бѣлякъ*, *осинникъ*, *сырояжки*,
Грибъ, называемый въ народѣ *козлякомъ*,
Подобный малому сосуду съ молокомъ;
Дождевка наконецъ съ гнилымъ и тухлымъ сердцемъ,
На чудной трапезѣ, что перечница съ перцемъ.
А далѣ шли рады такихъ грибныхъ племень,
Которымъ человекъ не выдумалъ имени;
Названья тѣхъ грибовъ, тѣхъ таинственныхъ свѣдей,
Ищи на языкѣ волковъ либо медвѣдей.
Кто ненарокомъ грибъ отыскивалъ такой—
Бранилъ его, не то растаптывалъ ногой.

Ни тѣхъ и ни другихъ не ищетъ Телимена:
Ее разгнѣвала Ассесора измѣна:
Гуляетъ по лѣсу съ поднятой головой.
Подварауливъ то, проказникъ становой
Сказать, что знать грибовъ разыскивала пани
Не такъ какъ прочіе: совсѣмъ не на полянѣ,
А по верхамъ деревъ. Кипящій противъ ней
Ассесоръ узвѣить еще ее сильнѣй,

Сказавъ, что на гнѣздо собирается насѣдка,
Лишь хочеть высмотрѣть, гдѣ попрочнѣе вѣтка.

Не слыша колкостей, иль презирая ихъ
И бросивъ въ сторонѣ товарищей своихъ,
Шла Телимена, шла настойчиво-упрамо,
Покуда пышный холмъ не всталъ предъ нею прямо.
Прохладнѣй было тамъ и больше темноты,
Затѣмъ, что веругъ холма кудравые кусты
Какъ стѣны зашлелись: горячій солнца пламень
Туда не проникалъ. Въ срединѣ сѣрый камень
Лежалъ; изъ-подъ него, роскошенъ и кипучъ,
Серебряной струей вилса и прыгаль ключъ,
Но, видно самъ ища и тишины, и тѣни, —
Сворачиваль въ кусты—и въ сумрачныя сѣни
Скрывался вдругъ, и тамъ, на лонѣ сочныхъ травъ,
Повѣса принималъ другой, спокойный нравъ
И чуть журча бѣжалъ, что ухо еле слышнито.
Такъ мать, когда дитя крикливое колышетъ,
Чтобы не плакало, чтобы ему спалось—
Настелеть въ колыбель благоуханныхъ розъ
И маки въ головѣ снотворные положить —
Дитя тотчасъ заснетъ, блажить уже не можетъ.
Тотъ холмъ, гдѣ чудно такъ переплелись кусты
И гдѣ бѣжалъ ручей, былъ названъ *Храмъ Мечты*.

Едва туда придя, разстроенная пани
Плащъ бросила въ траву и словно на диванѣ
Раскинулась по ней, вытягивая станъ
И сладко вѣжася. Потомъ, доставъ романъ
Французскій, началъ пребирать небрежно
Листъ за листамъ она рукою бѣлоснѣжной
И тѣшила, что блескъ атласистыхъ перстовъ
Почти не разлился отъ мрамора листовъ;
По мрамору же плечъ и вокругъ лебяжьей шеи
Ложились пряди косъ, вися точно вѣи.
Плащъ, платье пестрое, травъ пышныхъ бирюза—
Все яркостью цвѣтовъ бросалось въ глаза:
Судья, издалека увидѣвши сестрицу,
Чуть за огромную не принялъ гусеницу.

Напрасно локоны однакожь и рука,
И ножка для себя искали знатова:

Всѣ были до того увлечены грибами,
 Что и не думали итти молиться въ *Храмъ*
Мечты. Тадеушу лишь только одному
 Пришло сейчасъ на мысль забратся въ эту тьму
 Кустовъ и велени: туда стрѣляя окомъ,
 Незамѣчаемо онъ подвигался бокомъ,
 Какъ дѣлаеть стрѣлокъ, охотяся на дрофъ,
 Въ степи, на залежахъ, не то среди паровъ:
 Подмѣтивъ издали кулигу птицы тайкой
 За двухколесною присядеть таратайкой
 И двигаетъ ее тихонько по межѣ,
 Держа въ рукахъ ружье. Тадеушъ былъ уже
 Внѣ лѣсу, гдѣ грибы собиралъ, и близокъ къ цѣли,
 Вдругъ слышетъ шелестъ онъ—и сучья заскрипѣли:
 То тяжело на холмъ взбирался панъ судья;
 Чтѣ крылья, эпанчи широкіе края
 Играли по вѣтру, а шляпа втылъ свалилась
 И по плечамъ его и прыгала, и билась.
 Взойдя на холмъ, судья мытъ лобъ свой принялся
 И руки; послѣ сѣлъ, на палку оперся
 И къ Телименѣ рѣчь затѣмъ повелъ такую:

„Къ тебѣ, сестра, пришелъ: я плохо маравую
 Во всѣхъ такихъ дѣлахъ. Среди моихъ гостей,
 Ты знаешь, Яцка сынъ явился. Мнѣ лѣтей
 Богъ не далъ: оттого Тадеуша какъ сына
 Люблю я, да къ тому-жъ, хорошій онъ хлопчина.
 Мое имѣніе, фортуна всю мою,
 Чтѣ нажилъ, чтѣ сберегъ — ему передаю:
 По милости небесъ кой-чтѣ таки получить,
 Кусокъ порядочный! Но вотъ меня что мучитъ:
 Мой братъ — Богъ вѣдаетъ, что въ мысляхъ у него! —
 Межъ нами не живетъ, а сына своего
 Ни какъ не отдаетъ мнѣ въ полную опеку.
 Послалъ было его я въ Вильну, къ человѣку
 Надежному — къ всендзу; такъ нѣтъ, чудакъ мой братъ
 Велѣлъ Тадеуша оттуда взять назадъ
 И въ войско польское отдать легіонеромъ.
 Чтѣ было муки мнѣ! Какимъ ужъ тамъ манеромъ
 Поправилъ дѣло я, не помню: былъ конецъ
 Такой, что приехалъ пока ему отецъ
 Въ имѣннѣ жить моемъ, и ежели случится
 Невѣста добрая—пожалуй и жениться.

Скажу тебѣ, сестра: невѣста ужь наплась,
 Какихъ, пейстинѣ, немного здѣсь у насъ:
 Дочь Подкоморія, Подкоморянка Анна...
 Да что ты на меня оставилась такъ странно?"

— Я, братецъ, ничего! Сказала поблѣднѣвъ
 Слегка сестра судьи: но будь вамъ не во гнѣвъ,
 Панъ братецъ, ежели на то я вамъ замѣчу:
 Тадеушъ съ этихъ поръ начнетъ здѣсь сѣять гречу!
 Возможно-ли! Въ землѣ зарыть такой талантъ!
 На свѣтъ не показать подобный брилліантъ!
 Не огранить его! Не вывезть въ люди! Боже!
 Гдѣ это водится? На что это похоже?..
 Чтобъ видѣть свѣтъ, людей — столицы есть на то:
 Свезите вы его въ Варшаву, а не то
 Въ Москву или Петербургъ: вотъ гдѣ ему дорога!
 Пусть потолкается, послужить тамъ немного,
 Получить орденъ, чинъ, хотя какой-нибудь:
 Тогда въ имѣніе онъ можетъ заглянуть,
 Между сосѣдами знакомство пусть завяжетъ
 И даже вступить въ бракъ — что братъ на это скажетъ? —

„Ученье, точно, свѣтъ, а неученье тьма!
 Судья отвѣтилъ ей: я самъ, сестра, ума
 Набрался въ странствіяхъ: былъ въ Дубнѣ, въ Ченстоховѣ,
 Въ Радомѣ, Люблинѣ, Варшавѣ и Пётрковѣ.
 Въ Пётрковѣ возилъ меня съ собою трибуналь,
 Какъ палестранта разъ... не прочь я, чтобъ узнать
 И онъ людей и свѣтъ, постранствовалъ немного.
 Но что до орденовъ, чиновъ — такъ, ради-Бога,
 Прости: не вѣдаю премудрости я сей;
 Тьму знаю поляковъ: слывуть у шляхты всей
 За обывателей почтенныхъ, не таковскихъ:
 Межъ-тѣмъ ни орденовъ и ни чиновъ московскихъ.
 Никто изъ нихъ, а чай, не видѣлъ и во снѣ.
 Служить по выборамъ — пожалуй! Тутъ по мнѣ
 Есть смыслъ: ассесоромъ или становымъ въ повѣтѣ...
 Но такъ, какъ хочешь ты — такъ ни за что на свѣтѣ!"

— Какъ быть, коли мои совѣты не пришли
 Вамъ по сердцу, панъ братъ: ну, по просту, пошли
 Его постранствовать! сказала Телимена:

Конечно, юности такая перемена
Природы, климата...

„Все такъ, прервалъ судья,
Да видишь-ли: бѣда! тутъ воля не моя:
Панъ братъ досель изъ глазъ не выпускаетъ сына
И мнѣ прислалъ сюда на шею Бернардина,
По школѣ стараго коллегу своего,
Боторый знаетъ все, всѣ замыслы его
На счетъ Тадеуша: у нихъ, вотъ видишь, въ планѣ;
Чтобы вступилъ онъ въ бракъ съ воспитанницей пани,
Съ сироткой Зосею: такъ Яцекъ наказалъ
И Зосѣ всю свою фортуна отказалъ,
Что благопріобрѣлъ: всѣ суммы, капиталы,
А это, какъ сестрѣ извѣстно, кушъ не малый.
Сверхъ этого, должна на ихъ же долю пасть,
Конечно, и моя, почти такая жъ часть,
О чемъ ужъ сказано. Займись-же, Бога ради,
Ты Зосею: она не дѣлаетъ ни пади
Изъ сада своего, со скотнаго двора,
Изъ курника отъ куръ, а кажется пора!“

Межъ тѣмъ, какъ говорилъ судья сестрѣ объ этомъ —
Имъ недовольная, она, по всѣмъ примѣтамъ,
Въ волненьи на руку тихонько оперлась,
Другую-жъ въ воздухъ махала всякій разъ,
Какъ неприятное что въ ухо ей влетало,
Какъ будто комаровъ доучныхъ отгоняла
Отъ своего лица.

„Такъ вотъ какъ наконецъ!
Сказала: вотъ чего Тадеуша отецъ
Желаетъ! Что жъ, пускай! Перечить я не стану!
Пускай его судьба рѣшится такъ, какъ пану
Иль брату панскому угодно: пусть цыплятъ
Выводить; а не то — отдай его панъ-братъ
Въ корчму, чтобъ тамъ народъ обжѣривалъ онъ чаркой!
Пусть, что мнѣ до него! Но Зосѣ быть корчмаркой,
Въ деревнѣ вѣкъ провесть не дамъ я ни за что:
Не даромъ столько лѣтъ съ ней нянчалась!.. А то,
Что Яцекъ капиталъ для ней какой-то причесъ
И пенсію даетъ — еще немного значить:
Тѣмъ сыну своему онъ Зосю не купилъ,
А лишь по Божьему закону поступилъ:
Горешкамъ, знаетъ братъ, всегда должны Соплицы!“

Не ждалъ подобнаго урока отъ сестрицы
 Судья: весь вспыхнувши и духомъ возмутясь:
 — А что, проговорилъ: коль, бракомъ соединишь,
 Тадеушъ съ Зосею навѣки счастливъ будетъ?
 Коль въ этомъ счастье ихъ? Какъ тутъ сестра разсудить?
 Кто знаетъ: можетъ быть, ужъ Зосю любить онъ,
 Ея наивностью ребяческой плѣненъ?
 Быть можетъ, и она ужъ любитъ Тадеуша?
 „Да! любить! молвила сестра: на вербѣ груша!..
 Но любить, или нѣтъ, по мнѣ такъ все равно,
 Нѣтъ въ этомъ важности; я знаю лишь одно,
 Что Зося не вошла еще куда въ годы,
 Притомъ: вельможная и внука воеводы,
 Горешкамъ кровная, не изъ какихъ-нибудь:
 Поэтому, не слѣдъ бояться ей ничуть,
 Что въ дѣвкахъ просидитъ: авось достанемъ мужа!“

— Что жъ, ладно, такъ, такъ-такъ! но гнѣваться къ чему же?
 Спокойно отвѣчалъ сестрѣ своей судья:
 Богъ видитъ — счастья желаю Зосѣ я,
 Хотѣлъ все къ лучшему для ней теперь устроить
 И брата своего съ тѣмъ вмѣстѣ успокоить.
 Коль такъ настаивалъ — прощенья прошу!
 А брату своему тотчасъ же отпишу,
 Что я не виноватъ, коль дѣло не клеится,
 Коль свадьба Зосина никакъ не состоится.
 Я съ Подкоморіемъ бесѣды поведу:
 Тамъ, можетъ, до конца скорѣе я дойду! —

Но тутъ произошла съ чего-то перемѣна
 Съ сестрицею судьи: такъ брату Телимена
 Отвѣтила: „Пускай не гнѣвается братъ,
 Что спорила я съ нимъ — быть можетъ, не впопадъ! —
 Тадеушъ... ничего дурного я не знаю
 На счетъ Тадеуша; но я напоминаю:
 Братъ находилъ и самъ, что молоды они:
 Пусть познакомятся! Господь насъ сохрани
 Отъ торопливости излишней въ этомъ дѣлѣ,
 Чтобы чего-нибудь мы тутъ не проглядѣли
 И не попались бы въ какой-либо капканъ:
 Вѣдь сердце не слуга: ему ни кто не панъ!“

Такъ кончилась у нихъ бесѣда. Полонъ думы,

Съ сестрой простившись, ушелъ судья угрюмый.
 Тадеушъ выступилъ тогда изъ-за кустовъ,
 Стараясь показать, что онъ искалъ грибовъ
 Въ томъ мѣстѣ, оттого что гуще тамъ дубрава
 И злаки разрослись. Онъ слѣва шелъ, а справа
 Туда же подходилъ блуждавшій въ роцѣ графъ.
 Портфель и карандашъ походный свой доставъ
 (Они во всѣхъ путяхъ его сопровождали)
 Накинулъ онъ ландшафтъ, покамѣстъ разсуждали
 Подъ сѣнью вѣтвей старикъ судья съ сестрой.
 Контрасты лицъ, одеждъ оригинальный строй,
 Красивый холмъ, ручей, темнѣющія скалы,
 Деревья — все это давало материалы
 Артисту: онъ своей работѣ отдался,
 Забывъ про цѣлый мѣръ, и добрыхъ полчаса
 Стоялъ какъ вкопанный; мечты опять кипѣли,
 Онъ думалъ про себя: „о Боже! неужели
 И тутъ иллюзія такая-жъ и обманъ?
 Едва приближуся — разсѣется туманъ
 Воображенія, и я, взявъ Ундины,
 Увижу грязную фигуру Охмистрины;
 А ткань зеленая, сей бархатъ — будутъ мхи,
 Бралива, лебеда, репы да лопухи!“

Графъ въ домъ у судьи сестру его нерѣдко
 Видалъ, но тутъ ему знакомая сосѣдка
 Какъ незнакомая представилася вдругъ:
 Изысканный костюмъ, зеленый аркій лугъ,
 Блескъ солнца: все это пестрѣло и рябило
 И въ очи красками живыми рѣзко било;
 Къ тому-же измѣнилъ черты недавній гнѣвъ...

Узналъ онъ наконецъ, подходит покраснѣвъ
 И говорить: „пришелъ вымаливать прощенья,
 Что дерзко перервалъ я пани размышленья,
 Которымъ предалася она тутъ въ тишинѣ.
 За вдохновеніе-жъ, ниспосланное мнѣ,
 Пришелъ благодарить и поклониться низко:
 Карай, какъ женщина, помилуй, какъ артистка!“
 И тутъ, почтительно, чело склоняя внизъ
 Предъ Телименою, онъ подалъ свой эскизъ.

Принявши, начала судить довольно строго,

Чтобъ графу показать, что и она немного
 Въ искусствѣ смыслила: „А! браво, Брейгель нашъ!
 Литовскій Рюисдаль! Прекрасный карандашъ!
 Но слѣдуетъ искать роскошнѣе природы:
 Небесъ Италіи, гдѣ Римъ, гдѣ Тибра воды,
 Счастливой Генуи, Венеціи дворцы:
 Тамъ, тамъ художества таятся образцы!
 О, край божественный!.. но здѣсь? Всесильный Боже,
 Гдѣ небо на сужно солдатское похоже —
 Здѣсь быть художникомъ?... Хоть это мило тоже:
 Я много вкусу тутъ въ деталяхъ нахожу
 И въ рамку вашу эскизъ обдѣлать прикажу,
 Чтобъ на стѣнѣ въ своемъ повѣсить будуарѣ,
 Гдѣ всякихъ видовъ тѣма: Неаполь, Мирамарѣ“...

Тутъ толковать они про южный край пошли,
 Нисколько не щадя родной своей земли
 (Какъ водится у насъ), хоть сзади и предъ ними
 Тянулся пышный лѣсъ съ дубами вѣковыми,
 То сумрачный какъ ночь, то рѣже и свѣтлѣй,
 А дальше кленовъ рядъ, матерыхъ тополей,
 И сосны наконецъ и, словно башни, ели
 Высоко въ небесахъ вершинами шумѣли.
 Все было истинной поэзіи полнѣ,
 Все было смертному на диво создано.
 При старцахъ молодежь тѣснилась: дѣлхи, буки,
 Какъ будто дѣти ихъ, праправнуки и внуки.

Тадеушъ, подошедъ, сначала все молчалъ
 И только головой сомнительно качалъ.
 Когда-же принялись полудня рощи славить,
 Съ дубами сѣвера невѣсть что рядомъ ставить:
 Алое, кипарисъ, миндаля, бананъ, орѣхъ,
 Оливы, апельсинъ — Тадеуша взялъ смѣхъ,
 И онъ заговорилъ, исполненъ вдохновенья:
 „Да! истинно сказать, счастливыя сравненья!
 Какъ въ Вильнѣ проживалъ въ минувшемъ я году,
 Тамъ въ ботаническомъ не разъ видалъ саду
 Деревья, здѣсь теперь исчисленные вами:
 Ужели съ нашими имъ спорить деревьями?
 Алое тощее летитъ въ небесный сводъ,
 Какъ жердь своимъ стволомъ, точь-въ-точь громоотводъ;
 Лимонъ иль апельсинъ приземистый, пузатый,

Подъ тяжестью плодовъ — какъ бы урожай богатый,
 Богъ вѣдаетъ, за что въ чести у всѣхъ людей;
 Щедущий кипарисъ — что траурный лакей
 На похоронахъ баръ — прямой, худой, высокій,
 Торчать, не двинется, хряпа покой глубокой,
 Какъ бы боится тѣмъ нарушить этикетъ.
 „Панъ графъ бывалъ вездѣ, извѣздилъ цѣлый свѣтъ:
 Ужель онъ не нашель, какъ это вижу нынѣ,
 Предмета поживѣй: все скалы, да пустыни!
 Все ночь да сумраки — и только! Неужель
 Въ Литвѣ иныхъ картинъ не видано досель?“

— Все такъ! отвѣтилъ графъ: но красоты природы,
 Небесная лазурь, ручья живыя воды —
 Все это только фонъ, а самая душа,
 Все вдохновеніе, вся жизнь карандаша,
 Иль кисти чудеса, скрываются не въ этомъ:
 Свои здѣсь тайны есть: тьма будетъ яркимъ свѣтомъ,
 Смерть жизнью, а ночь блестящимъ, чуднымъ днемъ,
 Когда божественнымъ согрѣешь ихъ огнемъ!
 Чудесь въ природѣ тьма, но всѣ-ль ихъ кистью схватишь?
 Коль искры Божьей нѣтъ — ты время лишь потратишь,
 До цѣли недойда ни на волосъ, ничуть.
 Объ этомъ обо всемъ прочтешь когда-нибудь.
 А что касается искусства, о которомъ
 Мы заняты теперь такимъ горячимъ споромъ:
 Тутъ много значить пунктъ; нерѣдко отъ него
 Зависитъ весь успѣхъ. Но болѣе всего
 Небесъ Итали, ея намъ солнца нужно!
 Не даромъ искони искусство съ нею дружно;
 Она художниковъ отечествомъ была
 Издревле, образцы высокіе дала
 Во всемъ; а что края полуночныя дали?
 Двухъ пейзажистовъ, трехъ начтешь у насъ едва-ли:
 Одинъ лишь Рюисдалъ да Брейгель — и шабашъ!“

А Тилемена тутъ: „За то Орловскій нашъ
 Имѣлъ по истинѣ болѣзнь и вкусъ Соплицы,
 Любилъ одно свое: его пейзажи, свитцы —
 Все дышетъ Польшею, все это — край родной..
 Онъ въ Петербургѣ жилъ и былъ знакомъ со мной,
 Рисуновъ отъ него имѣю я не мало...
 Жилъ не нуждаяся, а сердце тосковало

По родинѣ; бѣжалъ отъ всякихъ онъ забавъ
И умеръ полякомъ.“

— И былъ, конечно, правъ,

Любя отечество всего на свѣтѣ больше“
Тадеушъ возразилъ: „нѣтъ края лучше Польши
Для поляка... Слыхалъ я, наши, чудеса
Про итальянскія, какъ яхонтъ небеса:
По мнѣ — то стужей окованныя воды.
Литвину во сто кратъ милѣ непогоды!
Люблю въ осенній день я наши облака:
Какая въ нихъ игра! Волшебника рука,
Мнѣ кажется, жезломъ тогда по небу водить —
И образомъ тамъ во слѣдъ за образомъ выходить!
Вотъ тучи темныя, какъ сонмъ богатырей,
Идутъ по небесамъ, съ распущенныхъ мудрей,
Висящихъ до земли, дождь катится струями —
И молніи блестять подъ черными бровями!
Вотъ туча круглая, живой аэростатъ,
Несется высоко, на землю мечетъ градъ;
А тамъ, среди луговъ сияющей лазури,
Какъ стадо лебедей отъ сокола — отъ бури,
Раскиданныя врознь по небу облака,
Поднявши крылья вверхъ, летятъ издалева,
Сшибаются, растутъ — и вотъ другое диво:
Явились ногъ ряды, заволновалась грива,
Загнулись головы, поднялся хвостъ трубой —
И кони понесли по степи голубой!
Всѣ бѣлыя, какъ снѣгъ; смѣшались — и въ мгновенье
Иное, чудное представилось видѣнье:
Изъ ерѣпкаго хребта взлетѣли въ небеса
Три мачты, а изъ гривъ повисли паруса,
Канаты напряглись — и вотъ, въ замѣну стада,
Возникла корабля воздушная громада:
Встряхнулъ снастями онъ — и, воздымая грудь,
Среди безбрежныхъ волнъ помчался въ дальній путь“...

Графъ съ Телименою, рѣчамъ такимъ внимая
И, можетъ, смысла ихъ путемъ не понимая, —
Взглянули все-таки невольно въ небеса.
Графъ что-то рисовать въ альбомѣ принялся.
Настала тишина. Во время этой сцены
Тадеушъ ухватилъ вдругъ руку Телимены...
Тутъ зазвонилъ звоночекъ — и звуки понеслись

По роцѣ... спрятавши неконченный эскизъ,
 Портфель, карандаши, графъ молвилъ важнымъ тономъ:
 „Такъ, все кончается на этомъ свѣтѣ звономъ!
 Великій замыселъ возвышенной души,
 Планъ дивный генія, задуманный въ тиши,
 И мелочной расчетъ, и дружескіе споры,
 И шутки юности, и смѣхъ, и разговоры, —
 Ударить въ уши звонъ, поутру или въ ночи —
 Все дрогнетъ, все смиришь, утихни и молчи!“

Такую пышную произнеса тираду,
 Витія вдругъ умолкъ — и Телимены взгляда
 Искалъ — съ нимъ встрѣтился — и молвилъ ей: „а что
 Останется въ замѣнѣ?“ — Она ему на то:
 — Воспоминаніе! — и улыбаясь мило,
 Артисту пылкому букетъ цвѣтовъ вручила
 (Изъ незабудокъ былъ онъ связанъ): что есть силъ
 Графъ сжалъ его въ рукахъ, лобзаньями покрывъ...
 Тадеушъ въ этотъ мигъ нечаянно услыша,
 Что кто-то крадется къ нему, траву колыша,
 Со стороны другой и трогаетъ слегка, —
 Взглянулъ украдкой: а то была рука
 Бѣдѣе лиліи: онъ къ ней прильнулъ устами!
 Такъ иногда пчела, кружась надъ цвѣтами,
 Почуетъ скрытый въ нихъ благоуханный медъ —
 И въ чашу лиліи забившись, тамъ замретъ...
 Но скоро юноша былъ чѣмъ-то вдругъ уколотъ,
 Почувствовавъ не жаръ въ устахъ своихъ, а холодъ:
 То ключикъ малый былъ, при ключикѣ-же томъ
 Пакетикъ, розовымъ обвязанный шнуркомъ.
 Что значить ключикъ тотъ? На что онъ? Тайны эти
 Конечно въ маленькомъ скрываются пакетѣ:
 Тадеушъ жадною рукой его схватилъ
 И спряталъ.

А звонокъ, звонилъ все да звонилъ!
 Звонки тѣ на Литвѣ установили дѣды;
 Чтобъ сельскій людъ собирать на завтраки, обѣды.
 Живя по старинѣ, судья въ своемъ дому
 Охотно слѣдовалъ обычаю тому.
 Звонокъ услышавши, народъ валить изъ бору.
 Что криковъ, хохоту, что спору, разговору!
 Паненки съ панями кошолки, кузовки,

Грибами полныя, несутъ; не то платки.
 Иная, боровикъ найдя въ лѣсу, махала
 Имъ на подобіе большого опахала;
 Другая, разные грибы въ пучокъ собравъ,
 Связала что цвѣты. Тадеушъ и панъ графъ
 Вернулись безъ грибовъ.

Толпа шумить какъ море.

Садятся за обѣдъ. Всѣхъ выше Подкоморій
 (Такъ слѣдуетъ ему по званью и лѣтамъ.
 Садясь, онъ кланялся учтиво всѣмъ гостямъ),
 Съ нимъ рядомъ Квестаръ сѣлъ и дамы. Посрединѣ
 Хозяинъ. Ксендзъ прочелъ молитву по латынѣ;
 Тутъ, водки выпивши, усѣлись наконецъ
 И стали живо ѣсть литовскій холодецъ.

Случайно не было у нихъ объ эту пору
 Ни толковъ, ни бесѣдъ и никакого спору,
 Тѣ, кто между собой въ обычной былъ войнѣ,
 Теперь о завтрашнемъ подумывали днѣ:
 Что, чей-то песь возьметъ? Кто лучше всѣхъ протравить?
 (Мысль важная всегда утихнуть насъ заставить).
 А Телимена, бой съ Тадеушемъ начавъ
 Глазами, — и туда смотрѣла, гдѣ панъ графъ
 Сидѣлъ задумавшись, въ молчаніи глубокомъ;
 И на Ассесора пострѣливала окомъ.
 Такъ иногда зарей, въ дубравѣ, птицеловъ,
 Заманивая въ сѣть чижей, не то щегловъ,
 Подчасъ и воробья нечаянно прикроетъ.

Тадеушъ присмирѣлъ, затѣмъ-что планы строить,
 Затѣмъ-что весель былъ, доволенъ и счастливъ.
 Завѣтный ключикъ свой въ карманѣ прихвативъ,
 Пошучивалъ порой, какъ будто былъ онъ птица
 И могъ вдругъ улетѣть. Хозяинъ же Сопица
 Имѣлъ на головѣ такую тьму хлопотъ,
 Что было не до словъ. Такъ весь молчалъ народъ.
 Лишь брякали ножи, гремѣли ложки, вилки
 Да хлопали подчасъ венгерскаго бутылки.

Вдругъ—точно бурей его какой внесло—
 Вбѣжалъ лѣсничій къ нимъ. Вспотѣвшее чело,
 Разстроенный нарядъ—все вмѣстѣ говорило,

Что нѣчто у него особенное было
 Собранью передать. Тутъ, мысли всѣ свои
 Въ порядокъ приведа; „Медвѣдь, отцы мои!“
 Воскликнулъ громко онъ, ажъ гулъ пошелъ по залѣ:
 „Медвѣдь!“—А прочее всѣ сами угадали,
 Всѣ поняли, что госте въ ихъ роци и луга
 Пришелъ изъ дальнихъ мѣсте; что надо на врага
 Ударить, навалить стремительно и дружно;
 Что приготовится къ тому порядкомъ нужно;
 Споръ, крики, суета; смѣшались голоса,—
 И всякій отдавать приказы принялся.

„Эй! сотника сюда! Пошлите на деревню!“
 Кричалъ слугамъ судья: „нѣтъ дома, такъ въ харчевню!
 Навѣрно тамъ сидитъ! Скажите отъ меня:
 Кто явится съ ружьемъ, изъ барщины три дня
 Я вычту у того!“

— Эй, Томашъ! Эй, Григорій! —
 Наказывалъ своей прислугѣ Подкоморій:
 Мордашекъ мнѣ сюда! Бѣги, лети, спѣши!
 Сядь живо на коня!.. А чтѣ за мордаши:
 Теленокъ въ пасть войдетъ! мы ихъ, для смѣху, вличемъ
 Квартальнымъ одного, другого городничимъ.
 Я самъ для нихъ прибралъ такія имена;
 Увидите въ лѣсу, что по шерсти дана
 Имъ кличка!—

„Ванька! Эй!“ скомандовалъ порусски
 Лакею становой: „попомни про закуски,
 Про водку и аракъ! А паче не забудь
 Кинжалъ персидскій мой на брусъ потянуть!
 Да огляди потомъ мою Сагаласовку,
 Мою любимую, завѣтную винтовку:
 Не видно-ль раковинъ внутри, или съ краевъ?
 Да живо нарубить картечи, жеребьевъ,
 Да осмотрѣть камень въ сѣдельномъ пистолетѣ!“
 — Да сбѣгать по ксендза! сказать, чтобъ на разсвѣтѣ
 Была-бы у него—добавилъ панъ судья:
 Въ часовнѣ Губерта ¹ святая литія!—

Утихли наконецъ и шумъ, и восклицанья;
 Всѣ думаютъ, среди глубокаго молчанья,

¹ Св. Губертъ считается покровителемъ охотниковъ.

Кому вручать они охоты булаву:
И разомъ очи всѣхъ упали на главу,
Давно ужъ бѣлую отъ лѣтъ и отъ заботы:
Пусть Войскій маршаломъ становится охоты!
Старикъ желаніе друзей своихъ смѣнулъ:
Серебряный шнурокъ легонько потянулъ
И вытащилъ часы, какъ грушу: „въ половинѣ
Четвертаго всѣмъ быть на Щуровой долині!“
Потомъ лѣсническому далъ знакъ глазами онъ—
И оба толковать о чемъ-то вышли вонъ.

Такъ хитрые вожди, приготовляясь къ бою,
Заранѣ ведутъ бесѣду межъ собою,
Въ тиши, подъ сѣнію широкого шатра,
А ратникъ спитъ себѣ спокойно до утра,
Безпеченъ и пова ни для кого ненуженъ;
Не то на вертѣлѣ готовить скудный ужинъ.

Н. Бергъ.

КАКЪ Я НАШЕЛЪ ЛИВИНГСТОНА.

(Разсказъ Генриха М. Стэмпи).

III.

БѢГЕМОЙ О.

Островъ Занзибаръ съ своими кокосовыми, мангиферовыми, гвоздичными и цинаммоновыми рощами и сторожевыми островками Чумби и Иль-де-Франсомъ, съ своими выбѣленными городами, запахомъ хлѣбнаго дерева, съ своею гаванью и кораблями, мало-по-малу исчезалъ изъ виду, и на западѣ подымался африканскій материкъ, имѣющій видъ вала изъ зелени, подобнаго тому, который мало-по-малу уходилъ на задній планъ и наконецъ виднѣлся простою излучистою линіей надъ горизонтомъ въ сѣверномъ направленіи. Разстояніе отъ Занзибара до Бѣгомойо составляетъ около двадцати пяти миль, однакоже тяжелыя и неповоротливыя двоу употребили на переходъ его десять часовъ времени, прежде тѣмъ бросили якорь у вершины корабельнаго рифа, явственно виднѣвшагося въ пяти футахъ надъ поверхностью воды, во ста ярдахъ отъ бухты.

Новозавербованные солдаты, охотники до шума и суеты, разражались привѣтствіями, обращенными къ смѣшанной толпѣ арабовъ, бѣнъянцевъ и мзевеагили, которые стояли на берегу, чтобы принять муссунгу (бѣлыхъ людей). Они смотрѣли на насъ, выпучивъ глаза, и хоромъ кричали: „Ямбо бана“ (какъ поживаете, господинъ?).

Изъ числа привѣтствовавшихъ насъ людей первымъ былъ священникъ общества Святаго Духа, который, вмѣстѣ съ другими іезуитами, подѣ начальствомъ настоятеля Горнера, устроилъ въ Бѣгомойо миссіонерскій постъ, пользующійся значительнымъ вліяніемъ. Мы были приглашены воспользоваться гостепріимствомъ миссіи, пообѣдать тамъ и, если желаемъ, расположить свой ла-

геръ на ея землѣ. Но я отвѣчалъ гостепріимному падре, что я могу оставить свой лагерь только на одну ночь.

Я выбралъ для своего помѣщенія домъ близъ западныхъ окраинъ города, гдѣ находится большой открытый свверь, чрезъ который идетъ дорога отъ Уньяньембе. Мои палатки были поставлены противъ дома, занимающаго небольшой четырехугольникъ, гдѣ можно было заключать сдѣлки, наблюдать за тюками, разсматривать и помѣчать ихъ, въ безопасности отъ вторженія любопытныхъ. Заведя двадцать семь животныхъ экспедиціи въ загородку позади дома, сложивъ тюки и товары и поставивъ вокругъ кордонъ изъ солдатъ, я отправился въ іезуитскую миссію на поздній обѣдъ, усталый и голодный, оставивъ новоустроенный лагерь подъ присмотромъ бѣлыхъ людей и своего капитана Бомбѣя.

Миссія находится въ разстояніи доброй полумили отъ города; она сама по себѣ есть деревня, состоящая изъ 15 или 16 домовъ. Въ этомъ учрежденіи находится болѣе десяти отцовъ и столько же сестеръ и всѣ они сильно заняты дѣломъ извлеченія искры ума изъ череповъ туземцевъ. Истина обязываетъ меня сказать, что ихъ усилія сопровождаются большимъ успѣхомъ. Миссія имѣетъ двѣсти учениковъ и ученицъ-дѣвочекъ и всѣ они отъ старшихъ до младшихъ носятъ на себѣ отпечатокъ полезнаго воспитанія, которое они получили.

Поданный отцами гостю ихъ обѣдъ состоялъ изъ такого количества блюдъ, какое обыкновенно бываетъ въ первоклассныхъ парижскихъ отеляхъ, и былъ приготовленъ почти съ такимъ же искусствомъ, хотя при далеко не одинаковой обстановкѣ. Я увѣренъ также, что святые отцы не только неравнодушны къ своимъ супамъ и рагу, но и не притупляютъ своего ума недостаткомъ стихій, которую такъ прославляли Гораций, Гамфизъ и Байронъ. Шампанское — вообразите объ шампанское влико въ Восточной Африкѣ! — лафить, Ла Розъ, бургонское и бордоское были первостепеннаго качества и кроткіе опущенные доду глаза отцовъ не мало просіяли подѣ влияніемъ винныхъ паровъ. О, эти отцы понимаютъ жизнь и цѣнятъ сохраненіе ея. Ихъ обильный столъ отгоняетъ мукунгuru (африканскую лѣсную лихорадку) отъ ихъ порога и смягчаетъ тьму и пустынность, охватывающую ужасомъ человѣка, который выходитъ изъ освѣщенной комнаты и погружается въ глубину мрака африканской ночи, оживляемой только однообразнымъ кваканьемъ лягушекъ, трескотней кузнечиковъ и отдаленнымъ завываніемъ гіены. Безъ помощи рубиновой, веселящей сердце влаги нужно дѣлать сверхъестественныя усилія для того, чтобы быть постоянно яснымъ и вѣжливымъ среди неудобствъ жизни въ Африкѣ.

Послѣ обѣда наиболѣе успѣвшіе ученики, въ числѣ двадцати, вышли впередъ съ мѣдными музыкальными инструментами, представляя собою такимъ образомъ полный оркестръ. Я былъ удивленъ, услыхавъ гармоническіе звуки, производимые черными курчавыми юношами, и хорошо знакомую французскую музыку въ этомъ уединенномъ портѣ; услыхавъ, какъ мальчики-негры, которые нѣсколько мѣсяцевъ назадъ не знали ничего, кромѣ преданій, рассказываемыхъ невѣжественными матерями ихъ, пѣли парижскія пѣсни о французской доблести и славѣ, со всею хладнокровіемъ гаменовъ Сентъ-антуанскаго предмѣстья.

Ночь проспалъ я самымъ освѣжительнымъ сномъ и утромъ отправился въ свой лагерь.

Въ числѣ моихъ посѣтителей, въ первый день моего пребыванія въ Вагемой, былъ Али бинъ Селимъ. Такъ какъ его брату Сеиду бинъ Селиму предстояло быть моимъ агентомъ въ Уньявези, то я не колеблясь принялъ его предложеніе — помочь мнѣ. Но я обманулся въ немъ. Онъ обѣщалъ мнѣ въ теченіи 15 дней доставить 140 пагазисовъ, т. е. носильщиковъ, но срокъ этотъ миновалъ и ни одного носильщика не являлось въ мой лагерь. Поэтому, разбранивши Али-бинъ-Селима, я послалъ своего переводчика въ Занзибаръ къ капитану Уэббу, убѣдительно прося его достать отъ Тэріа Топана рекомендательное письмо, столь запоздавшее. Это была послѣдняя карта въ моихъ рукахъ. На третій день мой посланный возвратился и привезъ мнѣ письмо Тэріа Топана къ Суру Хаджи Паллу, которымъ этому ловкому молодому человѣку поручалось найти для меня 140 пагазисовъ въ возможно скорѣйшее время. Суръ Хаджи Паллу сказалъ мнѣ, что немедленная доставка носильщиковъ будетъ стоить очень дорого, но что если я дамъ имъ отъ 25 до 40 доти (отъ 100 до 160 аршинъ матеріи) каждому, то я могу отправить ихъ ранѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ. Въ заключеніе онъ замѣтилъ, что у него есть уже десять носильщиковъ дома и что если я дамъ ему четыре тюка матеріи, два мѣшка бусъ и 20 пучковъ проволоки то носильщики могутъ оставить Вагемой на слѣдующій же день, подъ конвоемъ изъ трехъ солдатъ. Онъ объяснилъ при этомъ, что гораздо лучше и дешевле будетъ послать нѣсколько маленькихъ каравановъ, чѣмъ одинъ большой. Большіе караваны представляютъ приманку для нападеній, или задерживаются корыстолюбивыми вождями подъ самыми ничтожными предлогами, между тѣмъ какъ маленькіе караваны проходятъ незамѣченными.

Требуемыя вещи были отправлены въ домъ Сура Хаджи Паллу и я началъ готовить первый караванъ къ отправленію.

Пребываніе мое въ Бэгемойо продолжалось шесть недѣль. Вскоре послѣ моего прибытія туда я отправился въ лагерь Мисгуди, чтобы посѣтить „караванъ Ливингстона“, который англійскій консулъ отправилъ 1 ноября 1870 г., для оказанія Ливингстону помощи. Но составлявшіе этотъ караванъ люди жили въ Бэгемойо вовсе не думая объ исполненіи своего дѣла и о послѣдствіяхъ своей безпечности. Оправдывать это замедленіе неимѣніемъ носильщиковъ было бы нелѣпо; такъ какъ я знаю, что начиная съ 15 декабря отправлено было во внутренность Африки пятнадцать каравановъ; а между тѣмъ караванъ, посланный къ Ливингстону, прибывъ въ Бэгемойо 2 ноября, оставался тамъ до 10 февраля, т. е. 100 дней, по неимѣнію какихъ нибудь 35 носильщиковъ, которыхъ можно было достать при посредствѣ консула въ теченіе двухъ дней. Я былъ крайне удивленъ этимъ обстоятельствомъ и спрашивалъ себя: англійскій консулъ не можетъ собрать 35 человекъ, какимъ же образомъ частное лицо соберетъ сто сорокъ?

Бэгемойо пользуется самымъ пріятнымъ климатомъ, который во всѣхъ отношеніяхъ лучше Занзибарскаго. Мы могли спать на открытомъ воздухѣ и вставали бодрые и здоровые утромъ, купались въ морѣ и дѣятельно занимались приготовленіями къ походу. Однообразіе нашего времяпрепровожденія оживлялось посѣщеніями арабовъ, тоже отправлявшихся въ Уньяньембе, комическими сценами въ лагерѣ, кулачнымъ боемъ между Фаркуаромъ и Шо, потребовавшимъ моего вмѣшательства, по временамъ охотою и т. п. Фаркуаръ и Шо вообще не ладили другъ съ другомъ. Поэтому я разлучилъ ихъ, поручивъ Фаркуару вести третій караванъ, и по объявленіи такого рѣшенія миръ между этими задорными буянами былъ немедленно восстановленъ.

Со времени прибытія экспедиціи въ Бэгемойо, 6 февраля 1871 г., я снарядилъ пять каравановъ, которые и отправились въ путь одинъ за другимъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Февраля 18. Первый караванъ: 24 пагазиса, 3 солдата.

Февраля 21. Второй караванъ: 28 пагазисовъ, два начальника и два солдата.

Февраля 25. Третій караванъ: 22 пагазиса, десять ословъ, одинъ бѣлый человекъ, одинъ поваръ и три солдата.

Марта 11. Четвертый караванъ: 55 пагазисовъ, два начальника и три солдата.

Марта 21. Пятый караванъ: 28 пагазисовъ, двѣнадцать солдатъ, двое бѣлыхъ людей, одинъ портной, одинъ поваръ, одинъ переводчикъ, одинъ ружьеносецъ, семнадцать ословъ, двѣ ло-

нади и одна собака. Этотъ послѣдній караванъ, находился подъ моимъ предводительствомъ.

Число всѣхъ душъ въ караванахъ экспедиціи Нью-Йоркскаго Вѣстника было 192.

IV.

Чрезъ Укверъ, Ужэми и Удо до Узегули.

21-го марта, ровно черезъ семьдесятъ три дня по прибытіи моемъ въ Занзбаръ, пятый караванъ, подъ моимъ личнымъ предводительствомъ, оставилъ городъ Бегемой и направился къ западу. Кирангови, или проводникъ, распустилъ американскій флагъ и сталъ въ главѣ каравана; носильщики, животныя, солдаты и проч. выстроились въ ряды для марша, — и мы надолго простились съ *dolce far niente* цивилизованной жизни, съ синимъ океаномъ и съ его широкою дорогою, ведущею къ родинѣ и съ сотнями темнокожихъ зрителей, провожавшихъ насъ многократными салютами ружейныхъ залповъ.

Нашъ караванъ состоялъ изъ двадцати восьми пагазисовъ (носильщиковъ) съ проводникомъ включительно; двѣнадцать солдатъ, подъ командою Мбарака Бомбая, смотрѣвшихъ за семнадцатью ослами и ихъ вьюнами; моего переводчика Селима, подъ надзоромъ котораго состояла вьючная телѣга съ осломъ; одного повара и его помощника, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ играть роль портнаго и оказывать услуги всякаго рода; онъ велъ сѣрую лошадь; изъ Шо, бывшаго подшкипера, нынѣ начальника арьергарда и надсмотрщика каравана, ѣхавшаго на хорошемъ верховомъ ослѣ; наконецъ на великолѣпномъ гнѣдомъ конѣ, подаренномъ мнѣ м-ромъ Гудью, ѣхалъ я самъ — голова, репортеръ, мыслитель и предводитель экспедиціи, прозванный моими людьми „Бана Мкуба“ т. е. „большой хозяинъ“.

Всю же экспедицію, въ день отправленія, составляли: двадцать три солдата, четыре сверхкомплектныхъ, четыре начальника и сто пятьдесятъ три носильщика; въ ней было двадцать семь ословъ, и одна телѣга, на которой экспедиція везла съ собою разнообразныя запасы, какъ-то: матеріи, бусы, проволоку, палатки, кухонныя снаряды и блюда, лекарства, порохъ, дробь, ружейныя пули, и металлическіе патроны, инструменты, мыло, сахаръ, чай, кофе, мясной экстрактъ Либиха, пеммиканъ¹, свѣчи и проч. что составляло итогъ 153 тюка. Оружіе экспедиціи было слѣ-

¹ Сушеное pulverизованное мясо, смѣшанное съ жиромъ. Оно содержитъ въ себѣ много питательнаго вещества въ маломъ объемѣ и весьма употребительно въ дальнихъ путешествіяхъ.

лучшее: одно дружественное, заряжающееся съ казенной части ружье; одна американская винтовка Винчестера съ шестнадцатью выстрѣлами; винтовка Геври, тоже съ шестнадцатью выстрѣлами; два ружья Старра и два Джослина, заряжающіеся съ казенной части; одна винтовка для слоновъ съ пулями въ $\frac{1}{8}$ фунта каждая; два заряжающіеся съ казенной части револьвера, двадцать-четыре кремневыхъ ружья, шесть одноствольныхъ пистолетовъ, одна алебарда, двѣ сабли, одна пика, двѣ американскихъ сѣкиры, по 4 фунта каждая, двадцать четыре топора и двадцать четыре мясницкихъ ножа.

Мы оставили Богемою съ большими ёлат и двинулись по ушному проулку, темному отъ густой тѣни, распространенной двумя параллельными плетнями изъ мимозъ. Мы всё находились въ восторженномъ состояніи. Солдаты пѣли, проводникъ возвышалъ свой голосъ до самыхъ громкихъ нотъ и потрясалъ американскимъ знаменемъ, которое какъ бы говорило зрителямъ: „восхитите: это караванъ бѣлаго“; мое сердце, какъ мнѣ казалось, билось слишкомъ скоро для серьезной физиономіи предводителя. Но я не могъ остановить его; не смотря на мой многократный путешествія, во мнѣ еще не погасъ энтузіазмъ юности, пульсъ мой трепеталъ отъ избытка здоровья; я оставилъ за собой тревоги и безпокойства, мучившія меня болѣе двухъ мѣсяцевъ.

На первую нашу станцію Шамба Гонера мы прибыли черезъ нѣкотора часа, сдѣлавъ $3\frac{1}{4}$ мили. Этотъ первый короткій переходъ былъ совершенъ безъ особенныхъ приключеній. Шамба Гонера въ переводѣ значить поле Гонеры. Гонера—богатая вдова очень расположенная къ вассунгу (бѣлымъ). Она занимается торговлею, отправляя во внутренность страны много тканей, бусъ и проволоки и получая въ замѣнъ слоновую кость. Домъ ея устроенъ по образцу городскихъ домовъ. Съ южной и восточной его стороны простираются обработанныя поля, снабжающія Богемою волонистскимъ зерномъ изъема, продуктомъ Восточной Африки; сѣвѣя растутъ ямсъ и много—корень, похожій на ямовый, бѣловатаго цвѣта, называемый нѣкоторыми мѣстами; когда онъ высохнетъ то его мелить и дѣлаютъ изъ него лепешки, въ родѣ походныхъ сухарей. Къ сѣверу, какъ разъ повади дома, находится черная трава, въ своихъ наиболѣе глубокихъ мѣстахъ постоянно наполненная водою—грязное жилище любителей папоротника и тростника „кайбоко“ или гиппонотамовъ. Ея берега, покрытые мажорскими зентичными пальмами, высокими рѣчными тростниками и акаціями, служатъ убѣжищемъ для многочисленныхъ водяныхъ птицъ, диликановъ и проч. Направляясь къ сѣверовостоку, она сливается съ рѣкою Кингани, которая, на раз-

стоянии четырехъ миль отъ загороднаго дома Гонеры, поворачиваетъ на востокъ къ морю. Къ западу, въ миль разстоянїи, за обработанными полями, то выдавался впередъ, то отступая, тянутся морскіе берега, густо покрытые лѣсною травой и болотнымъ тростникомъ. На ихъ возвышенностяхъ растутъ черное дерево, тиввенное дерево и мангифера.

Три дня пребыванїя въ Шэмба Гонера были употреблены на окончателныя приготовленїя къ продолжительному путешествію и на предосторожности противъ маляки, т.-е. дождливаго времени года, которое было весьма близко, и на сведенїе счетовъ. Солдаты и носильщики въ промежуткахъ посѣщали своихъ знакомыхъ женскаго пола, но я запретилъ всякую *скандальную, шронтку*. На четвертый день въ 6 часовъ утра мы кончили свой завтракъ, и носильщики и ослы выступили изъ станціи Гонера.

Дорога представляла собою не болѣе какъ пѣшеходную тропинку и вела черезъ почву, хотя несчаную, но необыкновенно плодородную, которая, не смотря на самую неискусную обработку, даетъ самый стокъ урожая, какъ въ хлѣбѣ, такъ и въ овощахъ. На поляхъ, лѣниво работая, видны были мужчины и женщины въ такихъ скудныхъ костюмахъ, что сравнительно съ ними, — Адамъ и Ева, въ своемъ нарядѣ изъ фиговыхъ листьевъ, показались бы en grande tenue. Женщины нимало не были смущены позворающими взглядами нашихъ мужчинъ, не привыкшихъ видѣть нагія тѣла. Онѣ бросили свою работу, какъ только подошли къ нимъ бѣльи — эти уроды въ широкополыхъ шляпахъ, въ одеждѣ изъ бѣлой фланели и ботфортахъ! Если бы вассунгу пожелали изучать анатомію и физиологію, то какое имъ представилось бы здѣсь обширное поле для изученїя! Мы прошли мимо этихъ женщинъ съ серьезными лицами, между тѣмъ какъ онѣ смѣялись и хихикали и указывали пальцами то на то, то на другое, что казалось имъ страннымъ и нелѣпнымъ.

Часа черезъ полтора мы оставили за собою поля, засѣянные мятѣмой, арбузами, огурцами и, мѣнюкомъ и перебравшись черезъ покрытое тростникомъ болото, вошли въ лѣсъ изъ чернаго и тиввеннаго дерева. Въ глубинѣ этого лѣса водится множество оленей, а ночью его посѣщаютъ кингэнскіе гиппопотамы, чтобы питаться его травой. Еще черезъ часъ мы вышли изъ лѣса и предъ нами открылась широкая долина Кингэни. Зрѣлище, представившееся нашимъ глазамъ, было до того не похоже на все что рисовалось въ моемъ воображенїи, что я почувствовалъ себя прїятно облегченнымъ. Я видѣлъ долину, простиравшуюся на четыре мили къ востоку и западу и около восьми миль къ сѣверу и югу; богатая почва ея, предоставленная собственной

дикой растительности, была покрыта травой (въ цивилизованной странѣ это былъ бы великолѣпный лугъ для откармливанія скота) и окружена густыми лѣсами, чернѣвшими на горизонтѣ со всѣхъ сторонъ.

При шумѣ, производимомъ нашимъ караваномъ, справа и слѣва отъ насъ прыгали въ сторону красныя антилопы, и лягушки переставали квакать. Солнце сильно пекло и переходя эту долину мы отчасти испытали настоящій африканскій зной.

Скоро мы дошли до мутной Кингэни, извѣстной своими гиппопотамми, и вступили въ лѣсъ, идущій по ея правому берегу, какъ вдругъ мы остановились передъ узкою полосой гравия, имѣющей необыкновенную глубину. Затрудненіе, представляемое этимъ препятствіемъ, было весьма велико, хотя ширина канавы не превышала восьми футовъ. Ослы, а тѣмъ болѣе лошади не могли перейти по двумъ жердочкамъ, подобно двуногимъ носильщикамъ, ни перебраться прямо черезъ канаву, гдѣ они немедленно потонули бы. Пришлось дѣлать мостъ и переправлять вещи въ лодкѣ, поданной намъ съ другого берега и состоявшей изъ выдолбленнаго дерева. Увѣрившись, что работа началась какъ слѣдуетъ, я сѣлъ въ лодку и сталъ забавляться стрѣльбою по гиппопотаммъ, стараясь пробить ихъ толстыя черепа своею гладкостволкой № 12. Винчестерова винтовка (калибръ 44), подарокъ достопочтеннаго Джоя Морриса, наносила имъ только легкіе удары, не причиняя никакого вреда. Ея выстрѣлы были вѣрны: я десять разъ сразу попалъ въ вершину ихъ головъ между ушами. Одному старому гиппопотаму, со взглядомъ мудреца, пуля попала какъ разъ возлѣ праваго уха. Въмѣсто того, чтобы тотчасъ же нырнуть, какъ это дѣлали другіе, онъ хладнокровно повернулъ свою голову, какъ будто желая спросить: „къ чему вы тратите на насъ свои дорогіе патроны?“ Отвѣтомъ на этотъ безмолвный вопросъ была пущенная изъ гладкостволки пуля, вѣсомъ въ одну унцію съ четвертью, которая заставила его заревѣть отъ боли и черезъ нѣсколько минутъ онъ снова приподнялся, корчась въ предсмертныхъ судорогахъ. Стоны его были такъ жалобны, что я воздержался отъ бесполезнаго уничтоженія жизни и оставилъ въ покоѣ эту орду земноводныхъ.

Въ теченіе немногихъ минутъ, проведенныхъ нами у переправы, я приобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ странныхъ обитателяхъ африканскихъ водъ. Когда ихъ не беспокоитъ какой нибудь непривычный шумъ, они собираются въ мелкой водѣ на песчаныхъ отмеляхъ, выставивъ переднюю половину своего тѣла на солнцѣ и въ своемъ сонномъ отдыхѣ похожи на стадо огромныхъ свиней. Будучи напуганы какимъ нибудь внезапнымъ

зпужомъ, они поспѣшно ныряютъ въ глубину, возмущая воду, которая покрывается желтоватою пѣной, и разсѣваются подъ водною поверхностью. По временамъ изъ подъ нея вновь показываются, выфыркивая изъ ноздрей воду, нѣсколько головъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и осмотрѣться вокругъ. Въ такихъ случаяхъ бываютъ видны только ихъ уши, лобъ, глаза и ноздри, и такъ какъ они вслѣдъ за тѣмъ снова ныряютъ, то для стрѣльбы по нимъ нужно обладать твердостью въ рукѣ и быстротою прицѣла. Я слышалъ много сравненій относительно того, на что они похожи, плавая такимъ образомъ. Нѣкоторые арабы говорили мнѣ прежде, когда я еще не видалъ гинопотамовъ, что они похожи на деревья, плывущія по рѣкѣ; другіе, видавшіе свиней, находили въ нихъ сходство съ этими послѣдними, но на мой взглядъ они больше похожи на плавающихъ лошадей: ихъ выгнутыя шеи, заостренныя уши, большіе глаза и вздутыя ноздри оправдываютъ это сравненіе.

По ночамъ они выходятъ на берегъ и дѣлаютъ по нѣскольку миль, нѣжась въ тучныхъ травахъ африканской пустыни. Ихъ слѣды видны на пространствѣ четырехъ миль отъ города Бегемойо (Кингэни находится въ восьми миляхъ отъ него). Часто, когда ихъ не беспокоитъ человѣческій голосъ, они дѣлаютъ набѣги на богатныя нивы туземныхъ земледѣльцевъ и дюжина гинопотамовъ въ нѣсколько минутъ можетъ произвести страшное опустошеніе въ большомъ полѣ хлѣба.

Между тѣмъ караванъ благополучно переправился со всѣми его тюками, багажемъ, ослами и людьми. Я подумалъ было стать лагеремъ на берегу, чтобы заняться охотой за антилопами, но вслѣдствіе благоговѣнія и страха, внушаемыхъ моимъ людямъ гинопотами, я поспѣшилъ въ Кайкоку, небольшую деревушку, находящуюся въ четырехъ миляхъ отъ рѣки.

Западный берегъ рѣки представлялъ значительное улучшеніе пути сравнительно съ восточнымъ. Здѣсь не было тинистыхъ топей и бассейновъ черной грязи, черезчуръ высокихъ травъ и лѣсовъ съ вредными миазмами, здѣсь были обширныя луга съ рошицами, достаточными для того, чтобы придать разнообразіе ландшафту. Пройдя открытую равнину, дорога шла черезъ рошу изъ молодыхъ эбеновыхъ деревьевъ, гдѣ попадались намъ цесарки и южно-африканскія антилопы; затѣмъ она извивалась, со всевозможными эксцентричными излучинами кельей тропинки, вверхъ и внизъ по волнистой почвѣ, увѣчанной темнозеленою листвою мангиферы и болѣе скудными свѣтлыми листьями громадныхъ тьевенныхъ деревьевъ. Углубленья были наполнены болѣе или менѣе густымъ лѣсомъ, между тѣмъ какъ тамъ и сямъ

видѣлись прогалины, покрытыя даже въ молдень тѣнью рѣдкихъ, высоко поднимающихся деревь. При нашемъ приближеніи, въ страхѣ разлетались стада зеленыхъ голубей, сойки, ибисы, горлицы, золотые фазаны, перенета, водяныя курочки, вероны и соколы; по временамъ видѣлся пеликанъ, летѣвшій въ отдаленіи.

Иногда попадались антилопы и обезьяны, внезапно издавшіяся въ сторону подобно австралійскимъ двуутробкамъ; эти обезьяны были большого размѣра, съ круглою какъ шаръ головою, бѣлов грудью и длиннымъ хвостомъ, пушистымъ въ концѣ.

Мы приближи въ Кайкоку въ 5 часовъ пополудни, успѣвъ накормить и развѣчить своихъ ословъ четыре раза, перебравшись черезъ глубокую лужу, грязный прудъ и рѣку и сдѣлавъ одинадцать миль. Слѣдующій день былъ употребленъ на отдыхъ въ Кайкокѣ, такъ какъ четвертый караванъ задерживалъ скорость передвиженія. Мы вышли изъ Кайкоки въ 7 часовъ утра.

За исключеніемъ сосѣднихъ деревень, мимо которыхъ мы проходили, на нашемъ пути не было никакихъ слѣдовъ обработки. Мѣстность, простирающаяся между нѣсколькими станціями, пустыня на мѣнѣ Сахары, хотя видъ ея гораздо привлекательнѣе. Дѣйствительно, еслибы первый человѣкъ въ дни сотворенія міра, посмотрѣвъ вокругъ себя, увидѣлъ красоту, отличающую эту часть Африки, то онъ не имѣлъ бы повода къ жалобамъ. Въ дремучихъ чащахъ, разсѣянныхъ подобно островамъ среди моря зеленыхъ травъ, онъ могъ бы укрыться отъ полдневнаго зноя и напалъ бы для себя и своей жены безопасное убѣжище на время ночной темноты. Утромъ онъ могъ ходить по покатоному лугу и умываться въ какомъ нибудь изъ многихъ потоковъ, бегущихъ у его ногъ; вокругъ него было бы множество прекрасныхъ лѣсовъ, наполненныхъ такимъ количествомъ животныхъ, какого только можно пожелать. Много дней можетъ идти человѣкъ въ какомъ бы то ни было направленіи,—къ сѣверу или къ югу, къ востоку или къ западу—и онъ будетъ видѣть ту же самую сцену.

Не смотря на свое пламенное желаніе поскорѣе добраться до Уньянембе, я, въ безпокойствѣ по поводу медленности моего четвертаго каравана, пройди девять миль, остановился лагеремъ. Едва мы устроили свой лагерь, какъ узнали о страшномъ числѣ и разнообразіи насѣкомыхъ, которыя на нѣсколько времени были для меня новымъ источникомъ безпокойства, пока тщательное изслѣдованіе различныхъ видовъ ихъ не успокоило меня. Я началъ ловить ихъ съ цѣлью рѣшить—не находится ли между ними муха, извѣстная натуралистамъ подъ названіемъ *glossina morsitans*, а Ливингстону,

Вердану, Кэммингу и Кэрку подъ туземныйя именемъ *тсетсе* (или сетсе), укушение второй, какъ я слышалъ, смертельно для лошадей. Я жалелъ сохранить своихъ двухъ лошадей, если это возможно, между тѣмъ д-ръ Кэркъ говорилъ мнѣ, что этими мухами изобилуетъ страна, лежащая къ западу отъ Вагемой.

Было три рода мухъ, влетающихъ въ мою палатку. Всѣ онѣ вмѣстѣ составляли безпрерывный хоръ звуковъ, однѣ жужжали густымъ басомъ, другія теноромъ и третьи слабымъ контральто, Басовые звуки принадлежали прожорливой и свирѣпой мухѣ, длиною въ одинъ дюймъ, и имѣющей изумительную вмѣстимость брюха для крови.

Я думалъ, что это и есть тсетсе и потому подвергнувъ самому тщательному осмотру этотъ видъ прежде всѣхъ другихъ. Я позволилъ одной изъ такихъ мухъ сѣсть на мой фланелевый костюмъ, который я носилъ въ лагерь въ видѣ *déshabillé*. Какъ только она сѣла, то задняя часть ея и голова поднялись и ея оружіе, состоящее изъ четырехъ, подобныхъ волоскамъ, жалъ, вышло изъ хоботовиднаго вмѣстилища и я мгновенно почувствовалъ боль, похожую на ту, которую производитъ ловкій ударъ ланцета или уколъ тонкой иголки. Я позволилъ ей насыщаться вдоволь, хотя мое терпѣніе и моя любознательность, въ качествѣ натуралиста, подверглись жестокому испытанію. Я видѣлъ, какъ ея брюшныя части расширялись, покажѣсь она не распухла втрое противъ ея первоначальной величины у сжатого перехвата и не улетѣла по собственной волѣ, напитавшись кровью. Сдѣланная ею рана была подобна глубокому уколу тонкой булавы, но боль, исчезла вмѣстѣ съ мухой.

Поймавъ одинъ экземпляръ этой мухи, я началъ сравнивать ее съ описаніемъ тсетсе, сдѣланнымъ Ливингстономъ, и убѣдился что это не тсетсе.

Муха эта называется у туземцевъ мэбонга. Она гораздо больше обыкновенной домашней мухи и на треть болѣе обыкновенной пчелы; и ея цвѣта обозначены гораздо явственнѣе. Голова у ней черная съ зеленоватымъ блескомъ; задняя часть тѣла отмѣчена бѣлою линіей, идущею вдоль отъ ея соединенія съ туловищемъ, и съ обѣихъ сторонъ этой бѣлой линіи находятся еще двѣ линіи: одна малиноваго, а другая свѣтло-коричневаго цвѣта. Жужжанье ея не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго; его можно принять за жужжаніе пчелы. Будучи поймана, она дѣлала отчаянныя усилія, чтобъ освободиться, но никогда не пыталась укусить. Эти мухи, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ, напали на мою сѣрую лошадь и такъ искусали ея ноги, что онѣ казались вымытыми въ крови. Я постарался узнать, какими особенностями обла-

даетъ кусающія части упомянутой мною мухи—мэбонга. Ея голову можно уподобить мельчайшему миниатюру головы слона, такъ какъ она имѣетъ черный хоботокъ и пару роговыхъ усиковъ, которые по цвѣту и изгибу похожи на клыки. Впрочемъ черный хоботокъ есть не болѣе какъ футляръ, вмѣщающій въ себѣ, когда муха не кусаетъ, четыре красноватыхъ и острыхъ ланцета. Посредствомъ микроскопа можно видѣть, что эти четыре ланцета различны по своей толстотѣ: два изъ нихъ очень толсты, третій тоньше, а четвертый, опаловаго цвѣта и почти прозрачный, тонокъ до высшей степени. Этотъ послѣдній служить должно быть для сосанія, роговые усики для охватыванія, остальные ланцеты для укула. Эту муху я считаю африканскимъ оводомъ.

Другая муха, жужжавшая теноромъ, по своему объему и виду близко подходила къ тсетсе. Она была необыкновенно проворна и три солдата употребили почти цѣлый часъ на то, чтобы поймать одинъ ея экземпляръ; когда же она, наконецъ, была поймана, то она тотчасъ же съ остервенѣннѣемъ укусила руку, и была неутомима въ своихъ усиліяхъ нападенія до тѣхъ поръ, пока ее не посадили на булаву. Черезъ заднюю часть ея тѣла идутъ три или четыре бѣлыя мѣтки; кусающія части этой мухи состоятъ изъ двухъ черныхъ усиковъ и стрѣлки опаловаго цвѣта, свернутой подъ шейю. Предъ укушеніемъ эта стрѣлка быстро выпрямляется и усики крѣпко обхватываютъ ее. Мертвая, эта муха теряетъ свои бѣлыя отмѣтки. Мы видѣли во время этой стоянки только одинъ экземпляръ ея.

Третья муха, называемая „чофва“, жужжавшая слабымъ *alto-crescendo*, была на одну треть больше домашней мухи и имѣла длинныя крылья. Если это насѣкомое пѣло наиболѣе слабымъ голосомъ, то оно, безъ сомнѣнія, дѣлало больше дѣла и наносило наиболѣе тяжкій вредъ. Она такъ упорно не отставала отъ своей добычи, пока не удовлетворялась вполне, что ее легко было убить, но этотъ страшный врагъ скотины постепенно возросталъ въ числѣ. Три вышеупомянутые вида мухъ, по словамъ туземцевъ, губельны для скота, и въ этомъ можетъ быть заключается причина, почему на этомъ громадномъ великолѣпномъ пастбищѣ не пасется никакой домашней скотины; жители деревень держатъ только небольшое количество возъ. Послѣдняя изъ трехъ этихъ видовъ мухъ оказалась страшною „тсетсе“.

На слѣдующее утро, вмѣсто того чтобы продолжать путь, я счелъ болѣе благоразумнымъ—подождать четвертаго каравана, который велъ Маганга, но и на второй и на третій день о немъ не было никакихъ извѣстій. Поэтому я послалъ Шо и Вомбэя

поторопить его всѣми средствами. На четвертый день они воротились въ сопровожденіи, Маганги и его людей. Онъ извинялся тѣмъ, что его люди были слишкомъ больны и онъ боялся истощить ихъ силы прежде, чѣмъ они оправятся на столько, чтобы выдерживать походъ. При этомъ онъ совѣтовалъ мнѣ отправиться далѣе до деревни Кингэру, находившуюся въ 5 миляхъ, и тамъ ожидать прибытія его каравана, который принужденъ остановиться здѣсь на одинъ день. Поэтому я отправился въ Кингэру.

Здѣсь пала моя сѣрая арабская лошадь, подаренная мнѣ Занзибарскимъ султаномъ Сеидомъ Бургашемъ. Чтобы ея трупъ не заразилъ воздуха долины, я велѣлъ зарыть его глубоко въ землю въ двадцати ярдахъ отъ лагеря. Это ничтожное обстоятельство имѣло своимъ послѣдствіемъ страшную суматоху со стороны Кингэру, начальника деревни и начальниковъ другихъ сосѣдственныхъ деревень, состоящихъ изъ плетневыхъ хижинокъ. Желая вынудить отъ муссунгу (бѣлаго) одинъ или два доти мерикени, они пришли къ убѣжденію, что зарытіе въ ихъ землѣ мертвой лошади, безъ позволенія мѣстной власти, было тяжкимъ и достойнымъ наказанія проступкомъ. Притворяясь сильно разгнѣваннымъ за это непростительное упущеніе, онъ, Кингэру, рѣшилъ послать ко мнѣ четырехъ молодыхъ людей, поручивъ имъ сказать мнѣ: „Ты похоронилъ лошадь на моей землѣ;—хорошо, пусть она тамъ и останется, но ты долженъ заплатить мнѣ за это два доти мерикени“. Я отвѣчалъ посланнымъ, что я желалъ бы поговорить объ этомъ съ ихъ начальникомъ лично, если онъ соизволитъ посѣтить меня въ моей палаткѣ. Такъ какъ деревня находилась весьма близко отъ моего лагеря, то черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ моей палатки показался начальникъ деревни, старикъ съ морщинистымъ лицомъ, въ сопровожденіи почти половины всего населенія.

Происходившій между нами разговоръ можетъ служить образцомъ нравовъ народа, съ которымъ мнѣ предстояло имѣть дѣло въ теченіе цѣлаго года.

Бѣлый человѣкъ:—Ты большой начальникъ Кингэру?

Кингэру:—Да.

Бѣлый человѣкъ:—Большой, большой начальникъ?

Кингэру:—Да.

Бѣлый человѣкъ:—Сколько у тебя солдатъ?

Кингэру:—Что такое?

Бѣлый человѣкъ:—Сколько у тебя воиновъ?

Кингэру:—Ни одного.

Бѣлый человѣкъ:—А! я думалъ, что у тебя ихъ тысяча чело-

вѣтъ, если ты думаешь взять два дота у сибянаго бѣлаго чело-
вѣка, имѣющаго много ружей и солдатъ, за то, что онъ похоро-
нилъ мертвую лошадь.

Кингэру (въ смущеніи):—Нѣтъ, у меня нѣтъ солдатъ. Я имѣю
только нѣсколько молодыхъ людей.

Бѣлый человѣкъ:—Такъ зачѣмъ же ты пришелъ безповонтъ
меня?

Кингэру:—Это не моя вина. Мои братья сказали мнѣ: „Поди-
ка сюда Кингэру; посмотри, что сдѣлалъ бѣлый человѣкъ! Развѣ
онъ не завладѣлъ твоею землею, зарывши въ нее свою лошадь
безъ твоего позволенія? Ступай же къ нему и спроси, по ка-
кому это праву. Поэтому я и пришелъ къ тебѣ спросить, кто
далъ тебѣ позволеніе воспользоваться моею почвою для владѣ-
ннца?“

Бѣлый человѣкъ:—Я не нуждаюсь ни въ чѣмъ позволеніи—
дѣлать то, что слѣдуетъ. Моя лошадь пала; если бы я оставилъ
ее гнить и вонять на вашей долинѣ, то въ твоей деревнѣ по-
явилась бы зараза, ваша вода сдѣлалась бы нездоровою и кара-
ваны не останавливались бы здѣсь для торговли, они сказали
бы: „это несчастное мѣсто, пойдемъ прочь“. Но довольно; изъ
твоихъ словъ я понимаю, что ты не желаешь, чтобы моя лошадь
была похоронена въ твоей почвѣ; ошибку, которую я сдѣлалъ,
поправить легко. Мои солдаты выкопаютъ ее сію минуту снова
и засыпятъ яму, а лошадь будетъ похоронена тамъ, гдѣ она
издохла. Эй, Бомбэй! возьми солдатъ съ заступами: выройте мою
лошадь изъ земли и стащите туда, гдѣ она пала. Затѣмъ при-
готовьте все къ выступленію завтра утромъ“.

Кингэру значительно усилилъ голосъ и съ волненіемъ, качая
головою, закричалъ: „Аюна, аюна бана!“ (Нѣтъ, нѣтъ; хо-
зяинъ!) Пусть бѣлый человѣкъ не сердится. Лошадь издохла и
похоронена, — пусть она останется въ землѣ, такъ какъ она уже
тамъ, и будемъ друзьями по прежнему“.

Такимъ образомъ, шейхъ Кингэру былъ образумленъ и имъ
дружески простились съ нимъ. На слѣдующее утро издохла и
другая моя лошадь, такъ что я лишился обѣихъ лошадей въ
теченіи пятнадцати часовъ.

4-го апрѣля явился Маганга съ четвертымъ караваномъ, воз-
вѣщая о своемъ прибытіи ружейною пальбой и звуками рога,
обычными въ этой странѣ признаками приближенія каравана, и
сдѣлавъ тутъ дневку, отправился на слѣдующій день дальше, съ
обѣщаніемъ, что какъ бы скоро мы ни слѣдовали за нимъ, но
мы не увидимъ его по эту сторону Синбамвенни.

Мы выступили въ слѣдующее утро и сдѣлали нѣсколько пе-

реходовъ, 11-го апрѣля прибыли въ Кайземо, деревню, расположенную въ лѣдной мѣстности и имѣющую въ сосѣдствѣ еще менѣе пяти другихъ деревень. Каждая изъ нихъ окружена частоколомъ и волочимъ плетнемъ; каждая была расположена на какой-нибудь возвышенности или низкомъ холмѣ, и имѣла заносчивый, вызывающій видъ, напомилавшій пѣтуха на навозной кучѣ. За деревнею течетъ рѣка Унджеренджерри, въ дождливое время, стремительный потокъ, способный выйти изъ своихъ крутыхъ береговъ, а въ сухую пору возвращающійся къ своему нормальному состоянію небольшой рѣки, съ очень свѣтлою и пріятною водою.

Кайземскія красавицы, отличающіяся гигантскими размѣрами своихъ заднихъ частей, извѣстны своею любовью къ суетнымъ украшеніямъ изъ мѣдной проволоки, которая спиральными кольцами обвивается вокругъ ихъ рукъ и лодыжекъ, и разнообразіемъ куафюръ, которое представляютъ ихъ шетинистыя головы, между тѣмъ, какъ ихъ бѣдные мужья принуждены довольствоваться темными изорванными лохмотьями и проколотыми ушами. Кроме этихъ мѣдныхъ украшеній на оконечностяхъ и разнообразныхъ головныхъ уборовъ, кайземскія женщины часто носятъ длинныя ожерелья, которыя сбѣгаютъ потоками ярнхъ цвѣтовъ по ихъ черному тѣлу.

Рѣдко можно видѣть что-нибудь комичнѣе зрѣлища, представляемаго какою-нибудь изъ этихъ нарядныхъ женщинъ съ вынесукоманутымъ великолѣпнымъ развитіемъ нѣкоторыхъ частей, когда она толчетъ зерна для приготовленія изъ нихъ кѣбба. Необходимый для этого дѣла аппаратъ состоитъ изъ двухъ частей: толстаго пшста изъ твердаго дерева, около шести футовъ длиною, и большой деревянной нарки въ три фута вышины. Поднимаясь и опускаясь вѣстѣ съ ударами пшста, грудница и задняя часть ея тѣла, вторятъ этимъ ударамъ, и составляетъ самый забавный ритмъ, до того явственный, что и болся за стѣны хижины, передъ которою я видѣлъ подобную операцію.

12-го апрѣля нашъ караванъ дошелъ до деревни Миссуди на берегу рѣки Унджеренджерри; 14-го переправился черезъ эту рѣку, на западной сторонѣ которой начинается территория Воаме; 16-го были въ селеніи Мугалле, на территоріи Везегутта. Здѣсь мы нашли свой четвертый караванъ, предводимый Магаейгой, а также встрѣтили араба Селима брата Рашида, направляшагося къ востоку съ большимъ караваномъ, который весь состоялъ изъ слоновыхъ кнзювъ. Этотъ добрый арабъ не только привѣтствовалъ меня занасомъ риса, но и сообщилъ мнѣ извѣстіе о Ливингстонѣ. Онъ встрѣтилъ знаменитаго путешественника въ

Уджиджи и жилъ двѣ недѣли въ сосѣдней съ нимъ хижинѣ. По его описанію, Ливингстонъ старъ на видѣ, носить длинныя сѣдые усы и бороду; онъ только что оправился отъ тяжелой болѣзни и очень блѣденъ. По окончательномъ возстановленіи силъ, онъ намѣревался посѣтить страну, называемую Мэнайема.

Слѣдуя черезъ долину Унджеренджерн, мы прошли у самой стѣны Симбамвенни, столицы Узегугги. Видъ обведеннаго стѣною города, у западной подошвы Уругурусскихъ горъ, съ его прекрасною долиною, орошаемой двумя рѣками и множествомъ прозрачныхъ потоковъ, представлялъ зрѣлище, котораго мы не ожидали найти въ Восточной Африкѣ. Въ персидской провинціи Мазандеранѣ подобная сцена соотвѣтствовала бы нашимъ ожиданіямъ, но здѣсь она была вовсе неожиданна. Городъ содержитъ въ себѣ приблизительно 3,000 жителей, и около 1,000 домовъ. Дома имѣютъ африканскій характеръ, только наилучшаго типа постройки. Укрѣпленія построены по арабско-персидскому образцу, соединяя арабскую чистоту отдѣлки съ персидскому плану. На пространствѣ 950 миль моего путешествія по Персіи, я, за исключеніемъ большихъ городовъ, не встрѣчалъ города, укрѣпленнаго лучше Симбамвенни. Въ Персіи укрѣпленія даже такихъ городовъ, какъ Касвинъ, Тегеранъ, Испаганъ и Ширазъ, сдѣланы изъ глины, укрѣпленія же Симбамвенни каменные, съ двумя рядами амбразуръ для ружей. Городъ занимаетъ пространство въ половину квадратной мили и представляетъ собою четырехугольникъ. Каждый уголъ охраняютъ каменные, прочно построенныя башни; четверо воротъ, изъ которыхъ одни обращены фасадомъ на всѣ главные пункты и находятся на поддорогѣ между башнями, служатъ для входа и выхода жителей. Ворота замыкаются прочными четырехугольными дверьми изъ африканскаго тика и украшены необыкновенно тонкою и сложною рѣзбою изъ арабскихъ девизовъ, изъ чего я заключаю, что двери эти сдѣланы въ Занзибарѣ или на берегу, и привезены въ Симбамвенни по частямъ; впрочемъ, такъ-какъ Бегемойо и Симбамвенни находятся въ частыхъ сношеніяхъ, то, можетъ быть, что эта орнаментальная работа принадлежитъ туземнымъ мастерамъ, такъ-какъ въ болѣе обширныхъ домахъ я видѣлъ двери съ подобною же, хотя и не столь тщательно сдѣланною рѣзбою. Дворецъ султана построенъ по образцу тѣхъ, которые я видѣлъ на берегу: съ длинною покатою кровлей, съ обширными капелликами и верандою съ лицевой стороны.

Султанша Симбамвенни—старшая дочь знаменитаго Кайзебетто, который приобрѣлъ позорную славу въ сосѣднихъ странахъ Удо, Узэми, Укверѣ, Книгѣру, Уквени и Кайренга Ванна, за свои

хищническія наклонности. Кайзебенго былъ вторымъ Теодоромъ въ меньшихъ размѣрахъ. Происходя изъ низкаго рода, онъ выдвинулся съ помощью своей личной силы, своего дара слова и своего пріятнаго и ловкаго обращенія, которыми онъ приобрѣлъ большое вліяніе между бѣглыми рабами и былъ избранъ ихъ вождемъ. Спасаясь бѣгствомъ отъ правосудія, угрожавшаго ему со стороны Занзибарскаго султана, онъ прибылъ въ область Укэми, которая въ то время простиралась отъ Уквера до Узегеры и здѣсь началъ свое завоевательное поприще, результатомъ котораго было отторженіе отъ Вэеми огромной полосы плодородной земли, въ долинѣ Унджеренджери. Онъ построилъ свою столицу на прекраснѣйшей мѣстности, орошенной рѣкою, которая течетъ у городскихъ стѣнъ и назвалъ ее Симбамвенни, что значитъ „Левъ“, т.-е. самый сильный городъ. Въ старости этотъ счастливый хищникъ и грабитель перемѣнилъ свое имя Кайзебенго, приобрѣвшее такую извѣстность, на Симбамвенни, по названію своего города, и при смерти пожелалъ имѣть старшую дочь свою наслѣдницей; онъ далъ и ей тоже имя Симбамвенни, которое и остается за нею и въ настоящее время.

Во время нашей переправы чрезъ быстрый потокъ, который, какъ я сказалъ уже, течетъ подъ стѣнами, жители Симбамвенни имѣли прекрасный случай удовлетворить свое любопытство и видѣть „Большаго Муссунгу“, котораго караваны предшествовали ему и распространили слухъ объ его богатствѣ и силѣ. Такимъ образомъ я былъ предметомъ всеобщаго вниманія. На берегахъ рѣки собралось за одинъ разъ болѣе тысячи туземцевъ, проходя чрезъ разныя времена и наклоненія глагола „глазѣть“ или обнаруживая всѣ фазы сущестительнаго „глазѣнье“, какъ-то: глазѣнье самоувѣренное, наглое, хитрое, лукавое, скромное и случайное. Воины султанши, держа въ одной рукѣ копьё, лукъ или ружье, обнимали другою своихъ друзей, которымъ они повѣряли свои мнѣнія о моей одеждѣ и цвѣтѣ моего лица. Когда я продолжалъ свой путь до Унджеренджери, находившейся въ четырехъ миляхъ отъ города, то я побаивался ихъ. Къ счастью они были побѣждены знойнымъ солнцемъ и разстояніемъ, которое намъ предстояло пройти до мѣста стоянки.

Такъ-какъ намъ нужно было пересмотрѣть свой багажъ и полечить нѣкоторыхъ изъ своихъ животныхъ, то я рѣшился остановиться здѣсь на два дня. Притомъ въ Симбамвенни было очень много провизіи, хотя она продавалась сравнительно дорого.

На другой день, я въ первый разъ почувствовалъ, что акклиматизація моя въ лихорадочныхъ болотахъ Арканзаса безсильна противъ музунгуру Восточной Африки. Впрочемъ, принятыя

мѣри оказались успѣшными противъ этой лихорадки африканскаго типа.

На третій день, нашъ лагерь посѣтили послы отъ ея величества властительницы Симбамвенни, явившіеся въ качествѣ ея представителей, чтобы потребовать отъ насъ дани. Но они получили отвѣтъ, что такъ-какъ имѣть извѣстенъ ихъ обычай—брать съ владѣльцевъ каравановъ дань только одинъ разъ, и такъ-какъ они помнятъ, что Муссунгу (Фаркуаръ, бывшій въ этомъ мѣстѣ прежде насъ) заплатилъ уже ее, то не честно требовать съ меня новой уплаты. Послы сказали на это: „очень хорошо“, и обѣщались передать мой отвѣтъ своей властительницѣ. Но не такъ-то хорошо это оказалось на самомъ дѣлѣ. Въ слѣдующей главѣ будетъ видно, какъ Симбамвенни воспользовалась моимъ несчастіемъ для того, чтобы заставить меня заплатить ей.

V.

До Угого.

Разстояніе отъ Бегемою до Симбамвенни составляетъ 119 миль и мы прошли его въ четырнадцать переходовъ. Благодаря затрудненіямъ, происшедшимъ отъ дождливаго времени, а въ особенности отъ медлительности третьяго каравана, состоявшаго изъ людей лѣнливыхъ, распущенныхъ, слабыхъ и безпрестанно заболѣвавшихъ, эти переходы мы сдѣлали въ 29 дней, такъ что на одинъ день приходится нѣсколько болѣе четырехъ миль, что весьма мало. Путешествуя отъ Бегемою до Симбамвенни въ дождливое время, мы видѣли эту страну при неблагоприятныхъ условіяхъ, но даже и въ этомъ видѣ, при всей глубинѣ ея черной грязи, чрезмѣрной росѣ, холодной и мокрой травѣ, пустотѣ лѣсныхъ чащъ, лихорадкахъ, я вспоминаю о ней съ удовольствіемъ, принимая въ соображеніе богатство и благоденствіе, обѣщавша ея какою нибудь цивилизованной націи, которая когда нибудь придетъ туда и овладѣетъ этою территоріею. Желѣзную дорогу отъ Бегемою до Симбамвенни можно бы построить съ такою же легкостью и быстротою, и гораздо съ меньшими издержками, чѣмъ съ какими строится „Союзная желѣзная дорога Тихаго океана“ въ Америкѣ. Жизнь въ этой части Африки, по выполненіи полной системы дренажа, не представляла бы большихъ неудобствъ, чѣмъ тѣ, которыми обыкновенно сопровождается занятіе новой страны. Температура во время сезона жара днями никогда не превышала 85° по Фаренгейту. Ночи были приятны, единственныя комодны для того, чтобы обходиться безъ двухъ одеждъ, и, что касается до Симбамвенни, ихъ спокойствіе не нарушалось

москитами,—этою страшною язвою луговъ Небраски и Канзаса. Единственное неудовольствіе, съ которымъ тяжело было бы бороться поселенцу, это—зловредныя мухи, о которыхъ я говорилъ выше и которыя до тѣхъ поръ, пока густые лѣса и заросли останутся въ настоящемъ видѣ, безъ сомнѣнія, будутъ дѣлать содержание домашняго скота невыгоднымъ.

Вопреки ожиданію, экспедиція не могла отправиться далѣе черезъ два дня; она провела и третій и четвертый день въ этой злополучной долинѣ рѣки Унджеренджерри. Эта рѣка, маленькая въ сухое время, дѣлается большою и стремительною во время мазйки (дождливаго сезона), что мы, къ сожалѣнію, испытали сами. Она служитъ водосточною канавою для нѣсколькихъ пиковъ и двухъ длинныхъ горныхъ цѣпей; извиваясь у ихъ подножія, она принимаетъ въ себя каскады всѣхъ рывннѣ и овраговъ, дѣлающихъ длинную лицевую сторону горныхъ склоновъ обрывистою и неправильною, и затѣмъ вливается въ долину Симбамвенни страшною массою воды, представляющею серьезное препятствіе для каравановъ, которые не запаслись средствами для постройки мостовъ. Къ этому присоединился еще непрерывный дождь, такой дождь, что онъ заставляетъ людей заператься въ своихъ домахъ и дѣлаетъ ихъ несчастными и брызгливыми, — настоящій лондонскій моросащій дождь, сопровождаемый мглою и туманомъ. Когда появлялось солнце, то оно казалось только блѣднымъ образомъ себя самого, и старые носильщики, умудренные опытомъ, подобно старымъ капитанамъ китоловныхъ судовъ, при видѣ этого тусклаго призрака, съ зловѣщею миной покачивали головами и говорили, что дождь едва ли перестанетъ идти даже черезъ три недѣли. Мѣсто расположенія лагеря по эту сторону Унджеренджерри, было парникомъ зловреднаго воздуха, о которомъ страшно вспомнить. Неопрятность носильщиковъ порождала безчисленныя полчища насѣкомыхъ. Цѣлыя арміи черныхъ, бѣлыхъ и красныхъ муравьенъ копошатся тамъ въ зарытой почвѣ; стоножки, какъ черви, всякихъ цвѣтовъ всползаютъ на кусты и растенія, сотворидныя гнѣзъ, да желтоголовыхъ осъ, съ жалами, ядовитыми какъ жало скорпіона, свѣшиваются съ деревьевъ; громадные жуки, не уступающіе въ величинѣ взрослой мыши, тащатъ по землѣ навозныя кучки; почва кишитъ міриадами гадовъ всѣхъ родовъ, видовъ, величинъ и отгнѣнковъ; словомъ, богатѣйшая энтомологическая коллекція не могла бы, въ разнообразіи и многочисленности, доспорить съ экземплярами, которые съ утра, до ночи наполняли мою палатку.

Въ пятое утро, т.е. 23-го апрѣля, дождь на нѣсколько часовъ.

совъ прекратился, и мы воспользовались этимъ промежуткомъ, чтобы перебраться чрезъ отвратительную дымящуюся трясину къ наводненному берегу рѣки. Въ 5 часовъ утра, солдаты начали перетаскивать багажъ съ одного берега на другой по мосту самаго первобытнаго вида. Только невѣжественный африканецъ въ состояннн довольствоваться подобнымъ мостомъ, какъ средствомъ къ переправѣ черезъ глубокой и быстрый потокъ. Даже легконогимъ вѣнъямвезскимъ носильщикамъ онъ былъ неудобенъ для перехода. Чтобы перейти чрезъ африканскій мостъ, для этого требуется: вопервыхъ, большой скачекъ съ берега на обрубокъ дерева (который, можетъ быть, покрытъ или не покрытъ водою), затѣмъ большой скачекъ на берегъ. Съ 70 фунтами тяжести на спинѣ, носильщикъ находитъ эту операцію довольно трудной. Иногда ему помогаютъ импровизированныя веревки изъ вьющихся растений, свѣшивающихся почти съ каждаго дерева, но это бываетъ не всегда, такъ-какъ туземцы считаютъ подобную помощь излишествомъ.

Къ счастью, багажъ былъ переправленъ безъ всякихъ приключеній и хотя потокъ былъ быстръ, но черезъ него перетаскали ослось, хотя и съ большими усилиями. Переправа черезъ Унджеренджерери заняла пять часовъ времени, при чемъ было потрачено столько энергнн, ругательствъ и бѣшенства, что ихъ достаточно было бы для цѣлой армнн. Выжавъ свое платье досуха, мы удалились отъ страшнаго сосѣдства рѣки съ ея испареннми и грязью, въ направленнн къ сѣверу, по дорогѣ, которая вела къ удобному и ровному грунту. Такимъ образомъ мы избѣжали холмовъ, оставшихся у насъ влѣвѣ и, миновавъ ихъ, потеряли изъ виду эту ненавистную долину.

Остановившись у деревни Симбо, мы 24-го числа готовились уже выступить оттуда, какъ произошелъ случай, который былъ причиною большихъ для меня безпокойствъ въ теченнн многихъ дней. Бондеръ Саламъ, малабарскнн уроженецъ, мой поваръ, за многократное воровство былъ мною, наконецъ, наказанъ. Едва ему развязали руки, онъ бросился вонъ изъ лагеря, оставивъ свою шляпу, осла и вещи. Какъ ни звали его онъ не хотѣлъ вернуться назадъ. Въ предположеннн, что онъ одумается, мы привязали осла съ его вещами къ дереву возлѣ лагеря, а сами продолжали свой путь. Пройдя 10 миль, на чтѣ потребовалось 10 часовъ времени, мы остановились среди пустынной Мэкетской долины. Телѣга наша пришла уже около полуночи и съ нею кромѣ трехъ или четырехъ носильщнковъ, явился Бомбей и рассказалъ слѣдующее: положивъ на землю свою ношу, именно: большую американскую сѣкуру, два форменныхъ кафтана,

свои рубашки, бусы и ткани, порохъ, пистолеть и топоръ, чтобы помочь вытащить телѣгу изъ грязи, онъ потомъ воротился къ мѣсту, гдѣ оставилъ эти вещи, но уже не нашелъ ихъ. По его предположенію, ихъ украли туземцы, вѣшенси, имѣющіе обыкновеніе подстергать караваны и, слѣдуя за ними по патамъ, грабить отстающихъ людей.

Вслѣдствіе этого, я отправилъ Бомбая отыскивать пропавшія вещи, а Кингэру, Мабруки Большаго и Мабруки Маленькаго — искать бѣжавшаго повара.

Прошло три дня, а мы все еще стояли въ лагерѣ, въ ожиданіи солдатъ, посланныхъ отыскивать безумнаго индуса. Бомбай вернулся безъ успѣха, вслѣдствіе чего подвергся большой опалѣ. На четвертый день я послалъ Шо, вмѣстѣ съ двумя другими солдатами, узнать, что случилось съ Кингэру и двумя Мабруки. Къ ночи онъ вернулся въ совершенномъ изнеможеніи, съ сильнымъ припадкомъ африканской лихорадки, но привелъ съ собою пропавшихъ солдатъ, которые сами рассказали свои заключенія. Сущность ихъ разсказа состояла въ слѣдующемъ:

Оставивъ нашъ лагерь, они пошли къ Симбо. Осмотрѣвъ всю мѣстность вокругъ этого пункта нашей бывшей стоянки, они отправились прямо къ мосту рѣки Унджеренджерери и тамъ изъ разспросовъ узнали, что, по направленію къ Симбамвенни черезъ рѣку, былъ переправленъ бѣлый оселъ, — такой, какой былъ у Муссунгу (бѣлаго), но индуса въ платьѣ Кайзунгу не было видно. Такое извѣстіе подстрекнуло энергію моихъ темнокожихъ сыщиковъ; они не сомнѣвались въ томъ, что поваръ былъ убитъ двумя вѣшенси, которые вели его осла, навьюченнаго его вещами. Скоро они пришли въ Симбамвенни и тамъ рассказали солдатамъ, стоявшимъ у западныхъ воротъ города, что два вѣшенси, которые должны были пройти чрезъ ихъ городъ, съ бѣлымъ осломъ, умертвили человѣка въ одеждѣ кайзунгу, принадлежащаго бѣлому человѣку. Симбамвенцы проводили моихъ посланцевъ къ султаншѣ, которой и рассказали свою исторію. Султанша спросила часовыхъ — не видали ли они двухъ вѣшенси съ бѣлымъ осломъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, послала въ погоню двадцать человѣкъ изъ своихъ мушкаторовъ, которые вернулись къ вечеру, ведя съ собою двухъ вѣшенси и осла со всѣмъ имуществомъ повара. Владѣтельница Симбамвенни, очевидно наслѣдовавшая энергію своего отца, вмѣстѣ съ его жадностью къ обогащенію, велѣла тотчасъ же привести къ себѣ моихъ пословъ, двухъ вѣшенси и осла съ вещами моего повара. Виновные, спрошенные о томъ, какимъ образомъ они завладѣли осломъ и вещами, отвѣчали, что они нашли осла, привязаннаго

къ дереву и вещи, лежавшія возлѣ, на землѣ. Не найдя ни хозяина, ни претендента на нихъ нигдѣ по сосѣдству, они считали себя въ правѣ завладѣть этимъ имуществомъ и взяли его съ собою. Мои солдаты признали и осла и вещи и, затѣмъ заявили ея высочеству, что они искали не только осла и вещей, но также и хозяина ихъ, бѣжавшаго отъ ихъ господина и желали бы знать, чтó вѣнсені сдѣлали съ нимъ. Ея высочество потребовала съ своей стороны отвѣта, обвиняла вѣнсені въ умерщвленіи повара, и спрашивала, что они сдѣлали съ тѣломъ. Тѣ увѣряли съ жаромъ, что они сказали всю правду, что они не видали описываемаго человѣка и готовы поклясться въ точности своихъ показаній. Не допустивъ ихъ вклясться въ томъ, что она въ глубинѣ души считала ложью, султанша велѣла заковать ихъ въ цѣпи и послать ихъ съ караваномъ въ Занзибаръ къ сеиду Бургашу, который будетъ знать, какъ поступить съ ними. Затѣмъ, обратясь къ моимъ солдатамъ она спросила: почему Муссунгу (бѣлый человѣкъ) не заплатилъ дани, за которую она послала своихъ вождей? Солдаты не могли отвѣтить на этотъ вопросъ, не зная дѣлъ своего господина. Тогда наследница Кайзебенго, объявила моимъ трепетавшимъ людямъ, что такъ-какъ муссунгу не заплатилъ дани, то она сама возьметъ ее; что ихъ ружья будутъ у нихъ отобраны вмѣстѣ съ ружьемъ повара, что она возьметъ также матеріи и бусы, найденныя на ослѣ; платье повара будетъ удержано: ея вождямъ, а сами они, мои люди, будутъ закованы до тѣхъ поръ, пока не вернется самъ муссунгу, чтобы взять ихъ силой. Она такъ и сдѣлала. Мои солдаты шестнадцать часовъ сряду были въ цѣпяхъ, на торговой площади, подвергаясь поруганіямъ со стороны раболѣпной черни. На слѣдующій день, Шейхъ Тэни, котораго я встрѣтилъ въ Кингару и опередилъ въ пути пятью днями, прибылъ въ Симбамвенни и, проходя по городу для закупки путевой провизіи, увидѣлъ узниковъ и тотчасъ же узналъ въ нихъ людей, принадлежавшихъ къ моей экспедиціи. Выслушавъ ихъ исторію, онъ явился къ султаншѣ и сказалъ ей, что она поступаетъ очень дурно, — такъ дурно, что это можетъ окончиться только кровопролитіемъ. „Муссунгу силенъ, — говорилъ шейхъ, — у него есть два ружья, которыя стрѣляютъ сорокъ разъ не переставая, изъ которыхъ пули хватаютъ на полчаса разстоянія, онъ имѣетъ ружья съ такими пулями, что они лопаются и разрываютъ человѣка въ куски. Онъ могъ бы взойти на вершину вонъ той горы и перебить всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ городѣ, прежде, чѣмъ хоть одному изъ твоихъ солдатъ удалось добраться до вершины. Тогда путь будетъ отрѣзанъ, сеидъ Бургашъ выступитъ противъ ва-

шей земли, Вэдо и Вэкеми придуть и выместятъ на томъ, что останется; и въ городѣ, который твой отецъ сдѣлалъ столь сильнымъ, не будетъ болѣе и помину о Вэзегугга. Освободи солдатъ муссунгу; дай имъ пищи и зерна для муссунгу; возврати ружья людямъ и отпусти ихъ, потому что, можетъ быть, бѣлый человекъ уже теперь находится на пути сюда“.

Преувеличенный рассказъ о моей силѣ и страшная картина, нарисованная арабскимъ шейхомъ, произвели хорошій результатъ. Кингэру и двое Мабруки были тотчасъ же освобождены, снабжены пищею, достаточною для прокормленія нашего каравана въ теченіе четырехъ дней, имъ возвратили одно ружье съ его принадлежностями и запасомъ пуль и пороху, а также осла, пару очковъ, книгу малабарской печати и старую шляпу, принадлежавшую повару, котораго мы считали умершимъ. Шейхъ принялъ на себя заботу о солдатахъ до Симбо и въ его-то лагерѣ нашелъ ихъ Шо. Ихъ вдоволь угощали рисомъ и масломъ и такое же щедрое гостепрѣимство было оказано Шо и его товарищамъ.

Я слушалъ эту длинную исторію съ большимъ изумленіемъ; она была такъ отлична отъ всего, чего я ожидалъ. Впервыхъ, я думалъ, что поваръ найдется и не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія насчетъ постигшей его ужасной участи. Горько сожалѣя, что наказалъ его, я далъ себѣ мысленный обѣтъ, что кто бы изъ членовъ моего каравана ни обворовалъ меня, я не выгону его и не дамъ ему погнубить отъ руки этихъ безжалостныхъ убійцъ. Въ вторыхъ, я удивлялся поведенію амазонки Симбамвенни, такъ-какъ было противно обычаю — требовать двухъ даней отъ одного хозяина; еслибъ я не зналъ этого навѣрное, то имѣлъ бы время исправить свою ошибку, которую я сдѣлалъ, отказавъ заплатить новую дань и, конечно, я не сталъ бы подвергать свой караванъ опасности, еслибы послы Симбамвенни возвратились повторить свое требованіе. За этими мыслями послѣдовалъ сильный гнѣвъ за отобраніе моихъ ружей, которое побудило бы меня выместить зло на городскихъ предмѣстьяхъ, еслибы я находился ближе къ Симбамвенни; но, четырехдневная остановка по поводу отысканія повара охладила мое негодованіе и я сталъ благодарить судьбу, что со мною не произошло чего нибудь хуже этого. Наконецъ, было много и забавнаго въ благонамѣренныхъ преувеличеніяхъ Шейха Тэни и плачевномъ рассказѣ трехъ солдатъ.

Мы рады были оставить наконецъ этотъ злополучный лагерь, несмотря на проливной дождь, который, идя всю ночь, могъ бы при другихъ обстоятельствахъ нѣсколько охладить наше рвеніе къ путешествію. Мы перебрались черезъ нѣсколько потоковъ и

черезъ рѣку Мэкету, которая въ сухое время имѣетъ не болѣе сорока футовъ ширины, а весной принимаетъ большіе размѣры. Въ случаѣ необыкновенной дождливой погоды, она заливаешь обширную равнину, простирающуюся по обѣимъ ея сторонамъ, и превращаетъ ее въ большое озеро. Переправившись черезъ Мэкету, что заняло у насъ пять часовъ времени, мы не рѣшились идти далѣе по болоту, образованному дождемъ и остановились лагеремъ. Пролитной дождь, посѣтившій насъ въ день переправы, оказался послѣднимъ днемъ сезона Мазики. Первый дождь былъ 23-го марта, а послѣдній 30-го апрѣля, слѣдовательно, дождливый сезонъ продолжался 39 дней.

На тридцать миль отъ нашего лагеря простиралось громадное болото. Средняя глубина его воды составляла одинъ футъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы попадали въ ямы, имѣвшія три, четыре и даже пять футовъ глубины. *Плишъ-сплашъ*, *плашъ-сплашъ*—были единственными звуками, которые мы слышали отъ начала нашего перехода до тѣхъ поръ, пока не дошли до нѣсколькихъ хижинъ, занимавшихъ немногія сухія мѣста на нашемъ пути. Такое путешествіе продолжалось два дня; затѣмъ мы увидѣли Рудиву, быструю, вздущуюся отъ дождей рѣку. Когда мы перебрались черезъ рукавъ этой рѣки и вышли изъ жорныхъ болотныхъ тростниковъ западнаго ея берега, то главамъ нашимъ представилась громадная сватерть воды, надъ которою возвышались группы покрытыхъ травой кочекъ и листва разбросанныхъ деревьевъ, замыкаемая вдаль, въ десяти или двѣнадцати миляхъ разстоянія, горною цѣпью Узегера. Пятимильный маршъ отъ рукава Рудивы былъ въ высшей степени неудобенъ. Мы три часа шли по водѣ въ четыре фута глубиной, наконецъ добрались до сухой земли и переходъ черезъ болото Мэкеты былъ оконченъ. Этотъ переходъ оставилъ глубокое впечатлѣніе въ нашихъ умахъ. Никто изъ насъ не могъ забыть его трудностей и того, почти до тошноты доходящаго отвращенія къ путешествію, которое онъ въ насъ возбудилъ. Въ послѣдствіи намъ пришлось вспомнить еще болѣе живо этотъ переходъ и пожалѣть, что мы предприняли путешествіе въ сезонъ мазики, когда наши вьючныя животныя стали издыхать по двое и по трое почти каждый день, такъ что у насъ осталось наконецъ только пять больныхъ, совершенно изнуренныхъ ословъ; когда солдаты и носильщики заболѣвали безчисленными недугами; когда я самъ наконецъ принужденъ былъ лечь въ постель отъ дисентеріи, отъ которой я чуть не умеръ.

Единственнымъ деревомъ, которое я видѣлъ на возвышенностяхъ долины Мэкеты, была пальмирская пальма (*Borassus fl-*

belliformis). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти деревья росли группами довольно большими для того, чтобы ихъ назвать рощами. Остальная растительность состояла изъ разныхъ видовъ терновника и граціозныхъ зонтиковидныхъ вѣчнозеленыхъ мимозъ.

4-го мая мы по легкому склону поднялись до Ригенеко, въ горной области Узегера. Ригенеко—большая, расположенная четырехугольникомъ компактная деревня, имѣющая около тысячи жителей, и окруженная глиняною стѣною. Дома ея, съ конусообразными вершинами, покрыты бамбукомъ и жердями изъ голькуса. Пользуясь чистою водою и прекраснымъ воздухомъ, мы пробывали здѣсь два дня и 8-го мая стали взбираться по крутымъ склонамъ первой линіи холмовъ.

Это первый переходъ по гористой области Узегеры былъ для меня и моихъ людей пріятною перемѣною послѣ постоянного путешествія по плоскимъ и тяжелымъ изгибамъ приморской почвы, но для нагруженныхъ и обезсилѣвшихъ животныхъ онъ былъ въ высшей степени труденъ. Подымаясь и спускаясь по крутизнамъ, сходя въ темныя глубокія долины, мы внезапно очутились передъ рѣкою Мукондоква съ ея узкою долиною, наполненною тростникомъ, камышемъ, колючими кустами разнаго вида и тамарискомъ, борющимся за существованіе съ чудовищными чужеродными растеніями, которыя обвивались вокругъ его стволовъ съ такимъ упорствомъ и съ такою силою, что тамарискъ, казалось, росъ единственно для того, чтобы служить имъ опорой.

14-го мая послѣ семимильнаго перехода по холмамъ, достигнувъ высоты около 800 футовъ надъ поверхностью рѣки Мукондоквы, мы увидѣли озеро Угомбо, какъ разъ у подножья холма, съ вершины котораго мы обозрѣвали окрестность.

Сойдя съ горнаго края, мы направились по сѣверному берегу озера. Берега озера со всѣхъ сторонъ, на пространствѣ по крайней мѣрѣ пятидесяти футовъ отъ его воды, представляютъ собою непроходимое болото, поросшее густымъ тростникомъ и камышами, гдѣ массивная фигура гиппопотама оставляетъ покрытыя водою тропинки на мягкой болотной почвѣ, проходя по ней изъ озера для своихъ ночныхъ экскурсій. Другія животныя, какъ-то: буйволы, зебры, жираффы, медвѣди, кролики и антилопы тоже приходятъ сюда ночью, для утоленія жажды. Поверхность озера кишитъ изумительнымъ разнообразіемъ водяныхъ птицъ, каковы: черныя лебеди, утки ибисы, журавли, пеликаны; рыболовы и соколы, паря надъ озеромъ, высматриваютъ добычу, между тѣмъ, какъ окрестность оглашается громкимъ вудаханьемъ цесарокъ, призывающихъ своихъ дѣтенышей, рѣзкимъ крикомъ тукана, ворованіемъ голубя и завываніемъ совы. Изъ высокихъ травъ по

сосѣдству доносится скрипучій и громкій крикъ глухаря и тетереви.

Здѣсь мы пробыли два дня. 16-го мая мы пошли по равнинѣ, лежащей между Угомбо и горною цѣпью Мпваива. Черезъ два дня, измученные длинными переходами отъ Угомбо, мы почувствовали расположеніе воспользоваться изобиліемъ, представляемымъ страшною Мпваива караванамъ, только что прибывшимъ изъ странъ Везегугга и Вэдо. Мы застали здѣсь Шейха Тэни, устроившагося подъ тѣнью большой сикоморы. Съ самаго прибытія своего сюда, за два дня до насъ, онъ лакомился свѣжимъ молокомъ, вкусной бараниной и телятиной. По его словамъ, онъ не чувствовалъ расположенія промѣнять такъ скоро это изобиліе благъ на соленую селитрянную воду Мэренга-Мезэли.

— „Нѣтъ, сказалъ онъ съ жаромъ: — лучше остаться вамъ здѣсь на два, на три дня, чтобы дать отдыхъ вашимъ усталымъ животнымъ. Возьмите всѣхъ носильщиковъ, какіхъ только можете достать, наполните свой желудокъ свѣжимъ молокомъ, картофелемъ, говядиной, бараниной, масломъ, медомъ, бобами, мятѣмой и орѣхами, и затѣмъ — иншаллахъ! мы пойдемъ вмѣстѣ черезъ Угого, не останавливаясь нигдѣ“. Такъ-какъ этотъ совѣтъ совершенно совпадалъ съ многими собственными желаніями и сильнымъ аппетитомъ ко всѣмъ хорошимъ вещамъ, о которыхъ онъ упомянулъ, то я скорѣ согласился ему послѣдовать. „Угого, продолжалъ шейхъ, изобилуетъ молокомъ и медомъ, мукой, бобами и почти всякими съѣстными припасами; иншаллахъ! прежде чѣмъ пройдетъ другая недѣля — мы будемъ въ Угого!“

Отъ проходившихъ каравановъ я слышалъ такъ много хорошихъ отзывовъ объ Угого и его произведеніяхъ, что эта область представлялась мнѣ настоящею обѣтованною землею и я съ величайшимъ нетерпѣніемъ желалъ освѣжить свой истощенный желудокъ какими нибудь лакомыми съѣстными припасами ея; но когда я услышалъ, что и Мпваива тоже производитъ кое-что хорошее, то большая часть утра была употреблена на то, чтобы подкрѣпить пищу моихъ людей. Она была изобильна и довольно разнообразна для того, чтобы удовлетворить самому прихотливому вкусу и притомъ дешева.

Абдулла бинъ Назибъ, котораго я нашелъ здѣсь съ пятьюстами носильщиковъ и свитою изъ арабскихъ и везевегильскихъ тѣлохранителей, посѣтилъ меня въ моемъ лагерѣ и спросилъ меня: не желаю ли я купить ослѣвъ. Такъ-какъ мои животныя были больны, или изнурены, то я поспѣшилъ отвѣтить утвердительно; послѣ чего онъ любезно обѣщалъ прислать мнѣ столько ослѣвъ, сколько я пожелаю, прибавивъ, что я могу за-

платить ему кредитивомъ на Занзибаръ. Онъ показался мнѣ чело-
вѣкомъ весьма разсудительнымъ и добрымъ, вполне оправды-
вающимъ восторженныя похвалы, расточаемыя ему въ книгѣ Бёр-
тона „Приозерныя страны Центральной Африки“, и потому я отно-
сился къ нему съ уваженіемъ, подобающимъ важной и достойной
особѣ. Но наступило утро — Абдулла бинъ Назибъ отпра-
вился далѣе со всѣми своими носильщиками, со всею своею сви-
той и со всѣми имѣвшимися у него ослими, по направленію къ
Багемойо, даже не простившись со мною.

Въ этомъ мѣстѣ обыкновенно можно найти отъ десяти до
тридцати пагазисовъ, поджидающихъ каравановъ. Мнѣ, въ сча-
стію, удалось завербовать двѣнадцать человекъ хорошихъ но-
сильщиковъ, которые, по прибытіи моемъ въ Уньяньембе, всѣ безъ
исключенія, добровольно вызвались быть моими носильщиками до
Уджиджи. Въ виду страшныхъ переходовъ по равнинѣ Мэренга
Мзэли, я былъ благодаренъ этому счастливому случаю, успокоив-
шему мои тревоги на счетъ предстоявшихъ мнѣ трудностей,
такъ-какъ у меня осталось только десять ословъ и четыре изъ
нихъ были такъ слабы, что оказывались совершенно бесполез-
ными въ качествѣ вьючныхъ животныхъ.

Мивапва есть горная цѣпь, возвышающаяся на 6,000 футовъ
надъ поверхностью моря и замыкающая на сѣверѣ обширную
долину, которая начинается отъ озера Угомбо, а на востокѣ ту
часть равнины, которая называется Мэренга-Мзэли и прости-
рается до окраинъ Угомбо. Противъ Мивапвы, въ разстояніи
тридцати миль или около того, поднимается Анаекскій пикъ Ру-
белскихъ горъ, вмѣстѣ съ другими высокими пиками, увѣн-
чивающими длинныя линіи прямолинейныхъ отрывовъ, ко-
торые поднимаются съ равнинъ Угомбо и Мэренга-Мзэли таки-
ми правильными формами, какъ будто они высѣчены руками цѣ-
льныхъ поколѣній каменщиковъ и каменотесовъ.

Глядя на зеленые слоны Мивапвы, темные отъ множества
деревьевъ, покрытыхъ густою листвою; на его многочисленныя
свѣтлыя ручьи, питающіе, кромѣ густыхъ группъ камедоваго
дерева и терновника, гигантскую сикомору и зонтиковидную
миому, и позволяющихъ моему воображенію рисовать пріятныя
виды по ту сторону высокихъ коническихъ горъ, я почувство-
валъ желаніе ввобратъ на вершину, пренебрегая усталостію.
Любовь моя къ живописному не была обманута. Тамъ однимъ
взоромъ можно было окинуть согни квадратныхъ миль равнины
и горъ отъ Пика Угомбы, до отдаленнаго Угого и отъ Рубега и
Угого до темныхъ и пурпурныхъ пастбищъ дикой неукротимой
Вэгомбы. Равнины Угомбо и Мэренга Мзэли, повидимому глад-

кѣ какъ море, были по мѣстамъ отмѣчены подобными точкамъ холмиками, которые „природа уронила въ своей торопливости“ и которые казались островами среди темнаго и зеленого пространства. Гдѣ лѣсъ былъ густъ, тамъ цвѣтъ былъ зеленый, перемежаясь съ темно-коричневымъ; гдѣ равнина казалась лишешною кустарниковъ и папоротника, тамъ она имѣла бѣловато-коричневый колоритъ, на который мимолетныя облака по времени набрасываютъ свой темныя тѣни. Говоря вообще, эта сторона картины не заманчива, она слишкомъ откровенно представляетъ на показъ пустыню въ ея самомъ суровомъ видѣ. Можетъ быть, я относился къ этой равнинѣ съ предубѣжденіемъ, зная, что въ доль ея нѣтъ ни одной капли воды, кромя горькой, какъ селитра влаги, которую невозможно пить иначе, какъ съ отвращеніемъ. Охотникъ можетъ находить эту страну раемъ, такъ какъ она наполнена всевозможною дичью; но для обыкновеннаго путешественника она далеко не привлекательна.

— Богѣ красивый видъ представлялся къ сѣверу, по направленію къ густой группѣ горъ, которая подпираетъ передовую цѣпь, обращенную къ Рубего. Мивава, при всей благодарности, которую можетъ чувствовать путешественникъ къ этой странѣ за ея молоко и проч., въ высшей степени изобилуетъ клещами. Въ моей палаткѣ можно было считать ихъ тысячами, въ моей всячей койкѣ сотнями, на простыняхъ и одѣялѣ я находилъ ихъ по пятидесяти штукъ, на шеѣ и на рукахъ по нѣскольку дюжинъ. Стрекозы, блохи и вши ничто въ сравненіи съ этими проклятыми клещами. Правда, они не кусаютъ и не раздражаютъ кожи, но чувство, внушаемое ихъ видомъ и многочисленностью, имѣло въ себѣ нѣчто столь ужасное, что оно доводило почти до сумасшествія.

Вторыми по важности и многочисленности были бѣлые муравьи, способность которыхъ къ разрушенію была, по истинѣ, ужасна. Цыновки, платье, чемоданы, словомъ, всѣ мои вещи, повидимому, находились на краю гибели и, будучи свидѣтелями прожорливости этихъ насѣкомыхъ, я боялся, какъ бы они не съѣли мою палатку, во время моего сна.

Послѣ трехдневнаго отдыха въ Мивавѣ, я рѣшился пуститься въ путь къ Мэренга-Мэали, намѣреваясь сдѣлать это путешествіе безостановочно, пока мы не дойдемъ до Мэуми въ Угого, гдѣ мнѣ предстояло заплатить дань вэогскимъ вождямъ.

EN VENTE CHEZ

E. MELLIER.

Libraire de la Cour Impériale,

au pont de Police, maison de l'Église, Hollandaise,

à St.-Petersbourg.

- Jung.** La vérité sur le masque de fer, (Les empoisonneurs) 1 vol. in-8° avec plans et gravures. Prix 2 r. 80 c.
- Pichot.** Le jardin d'acclimatation illustré. Animaux et plantes. 1 magnifique volume gr. in-8° joliment relié et contenant 12 planches sur acier et coloriées à la main, 28 planches tirées en noir et un grand nombre de figures intercalées dans le texte. Prix 10 r.
- Guisot.** Les vies de quatre grands chrétiens français. I. St-Louis. II. Calvin. 1 vol. in-8°. Prix 2 r. 65 c.
- L. Rambaud.** Les Français sur le Rhin. 1792—1804. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
- J. Barni.** Les moralistes français au XVIII-e siècle. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 cop.
- Tivier.** Histoire de la littérature dramatique en France depuis ses origines jusqu'au Cid. 1 vol. in-8°. Prix 2 r. 65 c.
- Granier de Cassagnac.** Histoire des origines de la langue française. 1 vol. in-8°. Prix 2 r. 45 c.
- Litté.** Dictionnaire de la langue française. 4 vol. in-4°. Prix 35 r.
- Ducamp.** Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la 2-e moitié du XIX-e siècle. Tome IV: La Mendicité.—L'assistance publique.—Les hôpitaux.—Les enfants trouvés.—La Vieillesse.—Les Aliénés, etc., etc. 1 vol. in-8°. Prix 2 r. 65 c.
- Osmond** (comte d'). Symphonies du cœur et chanson de l'esprit. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
- Bonhomme.** Le dernier abbé de cour. Etude d'histoire de mœurs au XVIII-e siècle. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
- Fertault.** Les féeries du travail. Conférences familiares. Origine et histoire des travaux de dames. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 5 c.
- Annuaire-Almanach de commerce.** Didot-Bottin. Paris et les départements pour 1873. 2 forts volumes gr. in-8°. Prix 12 r.
- Annuaire du bureau des longitudes pour 1873.** 1 vol. in-16. Prix 45 c.
- Rayon de soleil et ses vacances,** par l'auteur de «John Halifax». (Ouvrage pour la jeunesse). 1 vol. in-12. Prix 90 cop.
- La sœur d'Étienne Bède,** traduit de l'anglais. (Ouvrage pour la jeunesse). 1 vol. in-12. Prix 90 c.
- Latour et Cassend.** Travaux hydrauliques maritimes. 1 vol. in-4° avec un grand atlas infolio cartonné. Prix 35 r.
- Beissonade.** Histoire de la réserve héréditaire et de son influence morale et économique. 1 vol. in-8°. Prix 3 r. 50 c.

- Hermite.** Cours d'analyse de l'école polytechnique. 2 vol. in-8° (la première partie est en vente). Prix 4 r. 90 c.
- Wurtz.** Dictionnaire de chimie pure et appliquée. 14° fascicule in-8°
Prix 1 r. 25 c.
- Grévin.** Nouveaux travestissements parisiens. Album de costumes coloriés. Prix 3 r.
- Guérard.** Dictionnaire encyclopédique d'anecdotes. 2 vol. in-8°. Prix 3 r. 50 c. (avec des restr.).
- Max Muller.** Essai sur l'histoire des religions. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 40 cop.
- Taine.** Notes sur l'Angleterre. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
- Fiammarion.** Récits de l'infini. Lumen. Histoire d'une comète dans l'infini. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
- Nicolardot.** Journal de Louis XVI. 1 beau vol. in-12. Prix 1 r. 75 c.
- Voyage aux pays rouges par un conservateur.** 1 vol. in-12. Prix 90 cop.
- Thiercelin.** Chez les anthropophages. Aventures d'une Parisienne à la Nouvelle Calédonie. 1 vol. in-12. Prix 70 c.
- Dumas (fils).** L'homme-femme. 1 vol. in-12. Prix 70 c.
- Girardin.** L'homme et la femme. Réponse. 1 vol. in-12. Prix 70 c.
- Marr (Alphonse).** Les Guépes. 2-e année, 19-e livraison. Prix 25 c.
- Freeman.** Select historical essays. 1 vol. in-12. Prix 60 cop.

Pièces de théâtre nouvelles.

- Dolt-on le dire?** comédie, en 3 actes par Labiche et Duru. Prix 80 c.
- La dépêche** (The speaking wire). Le fil qui parle, drame en 5 actes par Boucicaut et Nus. Prix 60 c.
- Un monsieur en habit noir**, comédie en 1 acte par Dreyfus. Prix 40 cop.
- La chanson de l'étoile**, opéra-comique en 1 acte par Blau, musique de Göttsche. Prix 40 c.
- La fleur du quartier**, vaudeville en 1 acte par Mérimot. Prix 40 c.
- L'amour au village**, opérette en 1 acte par Jouhaud. Prix 20 c.
- Le paletot et l'avare**, opérette en 1 acte par le même. Prix 40 c.
- Les perversités**, comédie-drame en 3 actes par Servem. Prix 60 c.
- Figulier.** L'année scientifique et industrielle. 16-e année: (1872). 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
- Le lendemain de la mort ou la vie future selon la science. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
- Malet.** La belle M-me Donis. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
- Colet (M-me Louise).** Les dévotés du grand monde. Types du second empire. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 5 c.
- Yvartte.** Le paritain. Scènes de la vie parisienne. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
- Diguen.** La belle aux cheveux d'or. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
- H. H.** Le port pour l'Amérique sera calculé selon le nouveau tarif de la poste.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГОРОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ СТОЛИЦАМЪ.

Большая часть русскихъ областныхъ городовъ уже пользуются благами общественнаго «самоуправленія». Для нихъ законъ 16 іюня 1870 года дѣйствительно составляетъ новую эру городской жизни, прежде совершенно приниженой и разстроенной. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся наши обѣ столицы, давно уже пользующіяся нѣкоторою долею самостоятельности по прежнимъ законамъ и имѣющія свои давно уже сложившіяся подъ самыми разнообразными условіями городскія хозяйства. Примѣнить къ нимъ прямо и всецѣло «Городовое Положеніе», писанное для областныхъ городовъ, было невозможно, и потому было предпринято нѣсколько предварительныхъ работъ въ мѣстныхъ думахъ и въ правительственной комиссіи, для рассмотрѣнія степени примѣнимости новаго закона къ столицамъ и для соотвѣтственныхъ дополненій его по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ столичныхъ хозяйствъ. Всѣ эти работы окончены и новое «Городовое Положеніе» съ необходимыми дополненіями и измѣненіями вводится и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Въ виду предстоящей реформы намъ представляется существенно важнымъ рассмотреть новый весьма сложный законъ во всѣхъ его подробностяхъ, съ тою особенноцѣлю, чтобы выяснитъ себѣ, на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ городского хозяйства столицъ, насколько въ самомъ дѣлѣ широко даруемое имъ «самоуправленіе», гдѣ предѣлы ихъ «самостоятельности» и въ какой мѣрѣ наши столицы дѣйствительно могутъ воспользоваться новыми правами? Предлагаемый обзоръ «Городоваго Положенія» да послужитъ отвѣтомъ на эти вопросы, волнующіе теперь городскія общества столицъ ¹.

¹ Изъ этого обзора мы исключаемъ только вопросъ объ *избирательномъ* правѣ городскихъ обывателей.

Пособіями для этого разсмотрѣнія послужили слѣдующія изданія: 1) «Городовое Положеніе», съ важными для пониманія закона объясненіями министерства внутреннихъ дѣлъ; 2) «Городовое Положеніе» съ дополненіями, изд. К. С. Толоконникова; 3) «Журналы» правительственной комиссіи о примѣненіи новаго закона къ столицамъ; 4) печатные документы столичныхъ думъ.

I.

Въ чемъ состоитъ основное начало «Городоваго Положенія»?—Гдѣ предѣлы городского самоуправления?—Роль губернскаго начальства по отношенію къ думамъ.—Въ чемъ состоитъ надзоръ губернатора?—Составъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія.—Разногласіе московской и петербургской думъ.—Общая подчиненность общественнаго управленія высшему правительству.

I.

Основное начало «Городоваго Положенія» заключается въ томъ, что общественное управленіе «въ предѣлахъ предоставленной ему власти, дѣйствуетъ самостоятельно», но подъ непосредственными «надзоромъ» начальства (въ Москвѣ—губернатора, въ Петербургѣ и Одессѣ—городначальника, *ст.* 2). Этотъ «надзоръ», смотря по личнымъ свойствамъ начальника, могъ бы или остаться мертвою буквою, или разтануться до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, если-бы въ новомъ законѣ не были указаны «случаи и порядокъ, въ которыхъ дѣйствія и распоряженія общественнаго управленія подлежатъ утвержденію и наблюденію правительственныхъ властей» (*ст.* 5). Въ опредѣлительности этихъ указаній нельзя не видѣть преимущества новаго закона передъ старымъ. Здѣсь важно уже стремленіе законодателя—каждому органу управленія и надзирающей за нимъ власти отвести подобающее мѣсто, указать каждому изъ нихъ опредѣленный кругъ дѣйствій съ извѣстными правами и обязанностями. Только при такомъ условіи общественное управленіе можетъ знать, на что имѣетъ право и гдѣ искать ему законныхъ средствъ для огражденія себя отъ внѣшнихъ притязаній¹. Первообразомъ относящихся сюда постано-

¹ Въ «Объясненіяхъ» къ «Городовому Положенію» министерство справедливо замѣчаетъ, что «возможно опредѣлительное указаніе предметовъ вѣдомства городского общественнаго управленія необходимо какъ для уясненія самому управленію круга его дѣйствій, такъ и для предупрежденія «несудобствъ, затрудненій и пререканій съ другими общественными и правительственными учрежденіями», «дабы каждое изъ нихъ не впадало въ недоумѣнія касательно исполненія своихъ обязанностей, въ предѣлахъ предоставленной имъ власти»

вленій послужило «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ», гдѣ впервые были точно разграничены взаимныя права и обязанности земства и губернскаго начальства и къ которому вобщемъ принаровлено «Городовое Положеніе» какъ въ общихъ основныхъ статьяхъ, такъ и во многихъ частностяхъ, подробностяхъ. Посмотримъ же, въ чемъ состоятъ «случай и порядокъ, въ которыхъ дѣйствія и распоряженія общественнаго управленія подлежатъ утвержденію и наблюденію правительственныхъ властей?»

Правительственныя установленія, земскія и сословныя учрежденія, равно какъ и общественное управленіе въ отношеніи этихъ послѣднихъ обязаны оказывать взаимное содѣйствіе къ исполненію ихъ законныхъ требованій. Въ случаѣ же неисполненія этихъ требованій тою или другою стороною жалобы поступаютъ къ губернатору, который передаетъ дѣло на обсужденіе особаго учрежденія—«губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія» (о немъ будетъ сказано ниже). Такимъ же образомъ поступаетъ губернаторъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда «непосредственно усмотритъ незаконность распоряженія или опредѣленія городского общественнаго управленія» (ст. 6 и 151). Въ свою очередь и общественное управленіе «можетъ обращаться» къ губернатору съ жалобой въ случаѣ наложенія на городъ неуставленныхъ закономъ податей, тягостей, или службъ, «а равно другихъ, относящихся до города неправильныхъ распоряженій правительственныхъ, земскихъ и сословныхъ установленій». Если губернаторъ не приметъ зависящихъ отъ него мѣръ къ восстановленію законнаго порядка, то думѣ предоставляется приносить жалобы непосредственно въ сенатъ по 1-му департаменту (ст. 8)¹. Далѣе губернаторъ «напоминаетъ» общественному управленію, если оно не сдѣлало распоряженій къ исполненію тѣхъ повинностей, отправленіе которыхъ законъ признаетъ обязательнымъ для города, и, буде дума не уважитъ этого напominанія, то онъ приступаетъ, но опять таки по постановленію «губернскаго присутствія» (а не по собственному распоряженію), къ исполненію на счетъ города указанныхъ повинностей (ст. 12).

«Надзоръ» губернатора за дѣйствіями городской думы и управы въ кругѣ указанныхъ имъ дѣлъ выражается въ слѣдующемъ: 1) въ томъ, что онъ, въ случаѣ надобности, можетъ «требовать» созванія думы; 2) въ томъ, что съ его «утвержденія» назначаются думою сроки назначенія засѣданій для разсмотрѣнія городскихъ росписей и отчетовъ (ст. 56); 3) въ томъ,

(см. «Городовое Положеніе съ объясненіями» изд. министерства внутреннихъ дѣлъ Спб. 1870 г.)

¹ Важное неудобство этого постановленія состоитъ въ томъ, что сенатъ ничѣмъ не обязывается къ скорѣйшему рѣшенію жалбы и въ случаѣ промедленія его городу не предоставлено права не исполнять «неправильныхъ распоряженій» подлежащихъ установленій—впредь до рѣшенія дѣла сенатомъ.

что городской голова обязанъ каждый разъ «доводить до его свѣдѣнія» какъ о назначеніи дней для обыкновенныхъ засѣданій думы, такъ и о предметахъ обсужденія (ст. 57); 4) въ томъ, что ему «безъотлагательно представляются копии со всѣхъ опредѣленій думы», а равно и отчеты управы, которые и «передаются» имъ для напечатанія въ газетахъ, если только онъ «не усмотритъ» въ этихъ постановленіяхъ «нарушенія законовъ» (ст. 68 и 72); 5) въ томъ, что городской голова представляетъ ему, для внесенія въ губернское присутствіе, о всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, опредѣленіе большинства членовъ управы «противно законамъ» и въ которыхъ возбуждается «разногласіе между думою и управою» (ст. 77 и 80); 6) въ томъ, что «до свѣдѣнія его доводится» какъ о временномъ исправленіи должности городского головы его товарищемъ или старшимъ членомъ управы, такъ и о возвращеніи головы изъ отпуска и вступленіи его въ должность (ст. 83 и 100); 7) въ томъ, что ему представляются жалобы частныхъ лицъ и обществъ на неправильныя распоряженія думы и вообще по всѣмъ пререканіямъ съ городскимъ общественнымъ управленіемъ «о предѣлахъ (его) вѣдомства, власти и обязанностяхъ», для внесенія этихъ жалобъ на обсужденіе губернскаго присутствія и въ томъ еще, что въ такихъ случаяхъ онъ имѣетъ право «приостанавливать» исполненіе опредѣленія думы «на срокъ не болѣе одного мѣсяца» со времени его полученія (ст. 150, 151 и 155).

Таковы общіе случаи вмѣшательства губернатора въ дѣла общественнаго управленія, въ первый разъ съ такою точностью опредѣленные въ законѣ. Изъ этого перечня можно видѣть, что вообще права губернатора являются здѣсь, сравнительно съ прежнимъ, въ предѣлахъ весьма ограниченныхъ и что при настоящихъ порядкахъ столь дѣйствительная и самостоятельная власть мѣстнаго начальства сведена почти на страдательную роль. И точно, во всѣхъ перечисленныхъ въ законѣ случаяхъ, губернаторъ является лишь промежуточной ступенью между общественнымъ управленіемъ и совершенно новымъ коллегіальнымъ учрежденіемъ—губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ, которое и есть главный посредникъ въ рѣшеніи всѣхъ жалобъ, споровъ, пререканій и пр. между думою, частными лицами, общественными и сословными установленіями. Вотъ почему на устройствѣ и обстановкѣ именно этого учрежденія, и сосредоточивается особенное вниманіе, такъ какъ отъ его быстро и безпристрастнаго разрѣшенія вопросовъ долженъ въ степени весьма значительной зависѣть успѣхъ городского дѣла. Въ первое время при введеніи «Городоваго Положенія» въ областныхъ городахъ, большинство нашихъ журналовъ и газетъ высказались очень рѣшительно противъ этого учрежденія. Между прочимъ, ими доказывалось тогда, что въ учрежденіи губернскаго присутствія нѣтъ никакой существенной надобности, потому будто бы, что общественнымъ управленіемъ, частнымъ лицамъ

и разнымъ установленіямъ и безъ того предоставлено право, въ послѣдней инстанціи, приносить взаимныя жалобы сенату и что такое учрежденіе, какъ лишнее звено въ общей цѣпи городского управленія, можетъ оказаться даже вреднымъ тормазомъ для общественнаго дѣла. Несостоятельность подобнаго мнѣнія обнаруживается сама собою передъ лицомъ дѣйствительныхъ фактовъ. Вопреки приведенному сейчасъ мнѣнію, мы утверждаемъ, напротивъ, что учрежденіе такого посредствующаго органа между общественнымъ управленіемъ, высшимъ правительственнымъ судилищемъ и частными лицами и разными установленіями должно быть признано по мысли своей безусловно полезнымъ уже потому, что оно своимъ коллегіальнымъ устройствомъ замѣнило единоличную и слѣдовательно всегда произвольную власть генераль-губернатора и въ томъ еще, что оно, находясь въ самомъ городѣ и собираясь немедленно по возбужденіи спорнаго вопроса, непременно будетъ содѣйствовать его скорѣйшему разрѣшенію. Не слѣдуетъ также забывать, что городское хозяйство, ввѣренное общественному управленію, состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ мелочныхъ подробностей, и если всѣ жалобы, споры и неудовольствія по нимъ вносить каждый разъ на рѣшеніе сената, то онъ былъ бы положительно заваленъ этими мелочами (по всѣмъ городамъ имперіи!) и поставленъ въ совершенную невозможность давать по нимъ быстро свои рѣшенія. А кто не знаетъ, какъ важна бываетъ въ дѣлахъ чисто-хозяйственныхъ быстрота рѣшеній, особенно въ виду безотлагательности мѣръ, возбуждающихъ сомнѣнія или споры. Не говоримъ уже про то, что дѣлать высшее правительственное судилище судьей и посредникомъ въ спорахъ думы съ полиціей и домовладѣльцами, напримѣръ, по такимъ предметамъ, какъ содержаніе въ чистотѣ городскихъ закоулковъ или заднихъ дворовъ и пр. было бы просто бессмыслицей.

Вотъ почему должно быть сочувственно встрѣченъ этотъ новый весьма полезный органъ въ ряду учрежденій общественнаго самоуправленія, являющійся съ своимъ рѣшающимъ голосомъ во всѣхъ тѣхъ частныхъ случаяхъ, когда нарушаются чьи либо права, частныя и общественныя и не попирается сила закона. Исключеніе отсюда составляютъ единственно дѣла по изданію думою, совмѣстно съ полиціей, «обязательныхъ для городскихъ жителей постановленій» (ст. 103), о которыхъ подробно будетъ сказано ниже. Но чтобы такое коллегіальное учрежденіе могло принести общественному дѣлу истинную пользу особенно въ отношеніи безпристрастія въ разрѣшеніи возникающихъ вопросовъ, необходимо, чтобы въ немъ установилось полное равновѣсіе между общественнымъ и правительственнымъ элементами, а это возможно лишь при допущеніи въ присутствіи одинаковаго числа представителей отъ общества и правительства. На сколько же въ этомъ отношеніи удовлетворителенъ личный составъ этого учрежденія? По ст. 11 «Положенія»

губернское присутствіе собирается подъ предсѣдательствомъ губернатора, и состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: вице-губернатора, управляющаго казенною палатою, прокурора окружнаго суда, предсѣдателя мирового съѣзда (или одиго изъ членовъ съѣзда), предсѣдателя губернской земской управы и головы. Въ случаѣ пререканій между городомъ, казною и удѣльнымъ вѣдомствомъ присутствуетъ еще начальникъ соотвѣтствующаго управленія; если-же пререканіе касается денежныхъ расчетовъ, то и управляющій контрольною палатою. Такимъ образомъ по этому составу присутствія три постоянныхъ члена отъ общества противопоставляются тремъ постояннымъ членамъ отъ правительства, а губернаторъ, какъ предсѣдатель, можетъ рѣшительно склонять это равновѣсіе на ту или другую сторону. Если-же въ этомъ составѣ будутъ принимать участіе еще представители удѣльнаго вѣдомства, контрольной палаты и пр., то общественный элементъ можетъ отойти на задній планъ. Такой составъ присутствія, далеко неуровновѣшивающій оба элемента, установленъ собственно для областныхъ городовъ. Московская же и петербургская думы проектировали *особыя* городскія присутствія собственно для дѣлъ столичныхъ и находили полезнымъ въ интересѣ общественномъ опредѣлить составъ присутствій слѣдующимъ образомъ: 1) *въ Петербургѣ* предсѣдатель—губернаторъ, члены: съ одной стороны оберъ-полицеймейстеръ, вице-губернаторъ, управляющій казенною палатою и прокуроръ суда, съ другой представитель мирового съѣзда, предсѣдатель губернской земской управы, городской голова и одинъ изъ гласныхъ. Въ этомъ составѣ уже 8 постоянныхъ членовъ оба элемента находятся въ томъ же сочетаніи, что и въ «Городовомъ Положеніи»; 2) *въ Москвѣ* предсѣдатель генераль-губернаторъ, члены: отъ правительства губернаторъ, оберъ-полицеймейстеръ, предсѣдатель казенной палаты и прокуроръ; отъ общества предсѣдатель губернской земской управы, городской голова, товарищъ его и два предсѣдателя двухъ мировыхъ съѣздовъ (теперь два съѣзда соединенные въ одинъ). Такимъ образомъ московская дума хотѣла дать большій просторъ общественному элементу и проектируя 10-членный составъ присутствія, ввела по 5 представителей каждаго элемента, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя: здѣсь желаемое равновѣсіе является уже полнымъ. Но ни то, ни другое предположеніе городскихъ думъ не было утверждено и новый составъ для столицъ опредѣлился въ «Городовомъ Положеніи» изъ слѣдующихъ лицъ: вице-губернатора, управляющаго казенною палатою, прокурора суда, предсѣдателя мирового съѣзда, предсѣдателя губернской земской управы и городского головы; предсѣдательство же оставлено въ Москвѣ губернатору (или въ случаѣ надобности генераль-губернатору, но тогда губернаторъ занимаетъ мѣсто вице-губернатора), въ Петербургѣ—градоначальнику. При этомъ семичленномъ составѣ присутствія въ столицахъ общественный

элементъ также неуравновѣшенъ съ элементомъ правительственнымъ, который при условіи разрѣшенія вопросовъ по большинству голосовъ (ст. 152) всегда можетъ преобладать надъ элементомъ общественнымъ. Обстоятельство—очень важное не въ пользу городского самоуправления, особенно при томъ высокомъ положеніи, въ которое поставленъ этотъ новый коллегіальный трибуналъ. Изъ всего этого выходитъ, что весь успѣхъ новаго учрежденія, въ отношеніи его безпристрастія и соблюденія общественного интереса, будетъ зависѣть отъ того, въ какое отношеніе къ обѣимъ сторонамъ поставитъ себя лично председатель присутствія, могущій такъ рѣшительно склонять вѣсы справедливости въ ту или другую сторону. А слѣдовательно, несмотря на *коллегіальность* учрежденія, влияние въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ остается фактически за *единоличною* властью генералъ-губернатора или градоначальника.

Говора о значеніи и составѣ новаго губернскаго присутствія нельзя пройти молчаніемъ одного важнаго обстоятельства, находящагося въ ближайшей связи съ сейчасъ высказаннымъ мнѣніемъ. Дѣло идетъ именно о докладчикѣ присутствія, или о его секретарѣ, отъ котораго по составленію докладовъ и журналовъ засѣданій, требуется много личной ловкости, умѣнья и безпристрастія, такъ-какъ онъ по самому положенію своему можетъ попасть между двухъ огней. По «Городовому Положенію» дѣлопроизводство присутствія возложено на городского секретаря въ тѣхъ именно соображеніяхъ, что онъ «спеціально изучилъ» дѣла городского хозяйства, «воспиталъ въ себѣ сочувствіе и любовь къ этимъ дѣламъ» и можетъ быть «свободенъ отъ духа соперничества» (см. Жур. Ком. стр. 32). При разсмотрѣніи этого пункта въ примѣненіи къ столицамъ нѣтербургская дума разошлась въ мнѣніи съ московскою. А именно: первая изъ нихъ нашла, что вмѣненіе столичному городскому секретарю въ непремѣнную обязанность завѣдывать дѣлами присутствія было бы обременительно для него, въ виду многосложности ванятій его по городской думѣ, какъ составителя журналовъ общей думы и докладовъ особыхъ комиссій, въ которыхъ онъ непремѣнно участвуетъ (хотя по иныишнему «Положенію» работа возлагается не на городского секретаря, а на комиссію), и что по саму удобіе было бы предоставить городской думѣ назначить особое лицо для доклада дѣлъ въ присутствіи и дѣлопроизводство въ ономъ». Иначе взглянуло на эту должность московское городское общество. Оно не только «не нашло неудобствъ въ предоставленіи городскому секретарю права быть докладчикомъ въ присутствіи по городскимъ дѣламъ», но на-противъ усмотрѣло въ этомъ правѣ «выраженіе довѣрія правительства къ общественному управленію», и потому признало полезнымъ сохранить для присутствія участіе городского секретаря, полагая въ немъ гарантію въ правильности составленія докладовъ и постановокъ вопросовъ. Последнее изъ приведен-

ных мѣръ, безъ сомнѣнія, вѣрнѣе перваго, особенно въ виду объясненнаго выше личнаго состава присутствія. Какъ бы то ни было, но согласно съ мнѣніями обѣихъ думъ въ Москвѣ докладчикомъ присутствія оставленъ городской секретарь, въ Петербургѣ же обязанность эта возложена «на особое лицо, определенное по соглашенію градоначальника и губернатора и по постановленію присутствія» (прим. 3 къ ст. 11), а не самимъ общественнымъ управленіемъ, какъ того желала петербургская дума, лишившаяся такимъ образомъ непосредственнаго вліянія на выборъ этого важнаго органа въ составѣ присутствія.

Что касается до общей подчиненности общественнаго управленія высшей правительственной власти, то она выражается въ томъ, что всѣ «жалобы на незаконность такихъ опредѣленій и постановленій городскихъ думъ, которыя были утверждены министромъ внутреннихъ дѣлъ или губернаторомъ приносятся правительствующему сенату» (ст. 149). Исключеніе изъ этого правила составляютъ дѣла по нарушенію общественнымъ управленіемъ гражданскихъ правъ частныхъ лицъ, обществъ и разныхъ установленій, — дѣла, подлежащія разсмотрѣнію суда на общемъ основаніи (ст. 148). Сенату же обжалываются также и всѣ рѣшенія губернскаго присутствія, какъ частными лицами и общественнымъ управленіемъ, такъ и губернаторами, въ шестинедѣльный срокъ (ст. 153).

Къ числу прерогативъ общественныхъ управленій надо отнести еще и то, что должностныя лица этихъ управленій (городской голова, товарищъ его, члены управы и пр.) подвергаются ответственности за преступленія по должности не иначе, какъ по суду и по опредѣленію самой думы (ст. 156 и 157). Власть губернатора въ такихъ случаяхъ значительно ослаблена тѣмъ, что если онъ и «сумотритъ противузаконныя дѣйствія должностныхъ лицъ» управленія, то передаетъ ихъ на обсужденіе губернскаго присутствія, которое свое опредѣленіе о преданіи ихъ суду, «предварительно приведенія онаго въ исполненіе», сообщаетъ думѣ, и эта послѣдняя вслучаѣ своего несогласія съ этимъ опредѣленіемъ можетъ, въ шестинедѣльный срокъ, обжаловать его сенату (ст. 158). Наконецъ, городскіе головы предаются суду «не иначе, какъ по опредѣленію 1 департамента правительствующаго сената, основанному на опредѣленіи городской думы или губернскаго присутствія» (ст. 159). По всѣмъ исчисленнымъ проектамъ новое «Городовое Положеніе» не можетъ идти въ сравненіе съ нынѣ дѣйствующимъ закономъ, по которому губернской власти предоставленъ не только «надзоръ» за законностью дѣйствій управленія, но и прямое начальствованіе надъ нимъ. Такъ, въ ст. 17 «Полож. объ общ. управл. города Москвы» сказано: «распорядительная дума, сверхъ подчиненности въ общемъ порядкѣ управленія правительствующему сенату, а въ мѣстномъ главному начальнику губерніи, на-

ходится въ непосредственномъ *вѣдѣніи* московскаго гражданскаго губернатора. По тѣмъ дѣламъ городского хозяйства и общественнаго управленія, кои по общимъ узаконеніямъ восходятъ на разсмотрѣніе губернскаго начальства, распорядительная дума представляетъ свои журналы къ подписанію гражданскому губернатору, который независимо отъ сего предсѣдательствуетъ въ распорядительной думѣ во всѣхъ случаяхъ, когда признаетъ сіе необходимымъ. Сверхъ всего этого на распорядительную думу, наравнѣ со всѣми равностепенными губернскими мѣстами, распространяется еще надзоръ губернскаго прокурора, прекратившійся съ введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ. Тутъ разница между двумя «Положеніями» слишкомъ очевидная.

II.

Въ чемъ состоятъ предметы вѣдомства общественныхъ управленій?—Зависимость думы по городскимъ выборамъ: ограниченіе по выбору городского головы.—Въ чемъ выражаются права общественныхъ управленій по внѣшнему благоустройству столицъ и благосостоянію жителей?—Отношеніе къ полиціи.—Изданіе обязательныхъ для жителей постановленій.—(1) ограниченіе правъ столичныхъ думъ по устройству благотворительныхъ заведеній, городскихъ школъ и театровъ.—Право ходатайствъ передъ высшимъ правительствомъ.

Перейдемъ къ изложенію главныхъ «предметовъ вѣдомства городского общественнаго управленія» по тѣмъ разрядамъ, какіе помѣчены въ «Городовомъ Положеніи». Эти предметы поименованы въ немъ (ст. 2) такъ:

- 1) «Дѣла по устройству общественнаго управленія и по городскому хозяйству»;
- 2) «Дѣла по внѣшнему благоустройству города»;
- 3) «Дѣла, касающіяся благосостоянія городского населенія»;
- 4) «Устройство на счетъ города благотворительныхъ заведеній и больницъ и завѣдываніе ими, участіе въ попеченіи о народномъ образованіи, а также устройство театровъ, библіотекъ, музеевъ и другихъ подобнаго рода учрежденій»;
- 5) «Представленіе правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ нуждъ и пользы города и ходатайство по симъ предметамъ»;
- 6) «Другія обязанности, возлагаемыя закономъ на общественное управленіе».

Разсмотримъ ближе каждый изъ этихъ отдѣльныхъ пунктовъ: въ чемъ заключаются здѣсь права и обязанности общественнаго управленія въ связи со степенію зависимости его отъ мѣстнаго начальства и высшаго правительства?

- 1) *Дѣла по устройству управленія и по городскому хозяйству.* Что это за дѣла—во 2-й статьѣ «Положенія» не указано. Оче-

видно, что здѣсь надо разумѣть выборы равныхъ лицъ управления и его внутреннее устройство (составъ управы, исполнительныхъ комиссій и другихъ подчиненныхъ ей учреждений). Въ этомъ отношеніи на городское общество возложены прежде всего выборы гласныхъ: въ Москвѣ въ числѣ 180, въ Петербургѣ 252, въ Одессѣ, на общемъ основаніи, не болѣе 72, составляющихъ городскую думу (ст. 17—49), которая избираетъ «должностныхъ лицъ и кандидатовъ къ нимъ» (ст. 65 и 84), а именно: городского голову (ст. 82), товарища его, только въ столицахъ (ст. 70), членовъ управы въ томъ числѣ, какое признаетъ нужнымъ сама дума (ст. 70 и 80), городского секретаря (ст. 80), членовъ торговой депутаціи и комиссій для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ (ст. 85) и исполнительныхъ комиссій (ст. 73). Сверхъ того, общественному управленію предоставлено «устройство» торговой полиціи (ст. 111) и замѣщеніе должностей въ разныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: для раскладки земскихъ повинностей, мировыхъ судей, попечителей, смотрителей и экономовъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ, директоровъ общественныхъ банковъ (ст. 1 прилож. ко 2 ст. «Полож.»), и наконецъ, назначеніе лицъ на исполнительныя должности инженеровъ, архитекторовъ, смотрителей городскихъ зданій и проч. (ст. 99). Изъ всѣхъ перечисленныхъ должностей правами государственной службы пользуются только: городской секретарь по званію докладчика въ губернскомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи, да инженеры, архитекторы и прочіе техники (ст. 99). Равнымъ образомъ и всѣ должности въ канцеляріяхъ замѣщаются по найму (ст. 97), безъ правъ государственной службы.

Что касается до упомянутыхъ во 2-й статьѣ «Положенія» *дѣлъ по городскому хозяйству* вообще, то это выраженіе слишкомъ обще и никакого опредѣленнаго содержанія въ себѣ не заключаетъ.

По производству выборовъ и устройству управления главный «надзоръ» начальства: генераль-губернатора и губернатора въ Москвѣ и градоначальника въ Петербургѣ и Одессѣ, заключается лишь въ томъ, что имъ приносится жалобы на неправильное составленіе думою избирательныхъ списковъ (ст. 29) и городскимъ головою на нарушеніе вообще установленнаго для выборовъ порядка (ст. 45). Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ эти начальствующія лица не имѣютъ права разрѣшать спорные вопросы собственною властью, а только «передаютъ» ихъ на разсмотрѣніе губернскаго присутствія.

Наконецъ, въ избраніи перечисленныхъ выше лицъ степень зависимости общественнаго управленія можетъ выразиться лишь въ томъ, что для вступленія въ должность того или другаго лица требуется чье либо утвержденіе—мѣстнаго начальства, или высшаго предикательства. Въ этомъ отношеніи новое общественное управленіе поставлено гораздо самостоятельнѣе прежняго.

Такъ, напримѣръ, по старому «Положенію» Москвы не требовалось утвержденія губернской или правительственной власти только для слѣдующихъ второстепенныхъ должностей: секретарей, бухгалтеровъ и проч. въ канцеляріяхъ распорядительной думы, базарныхъ и рыночныхъ смотрителей, торговыхъ и рядскихъ старостъ, членовъ козайственной полиціи, присяжныхъ аукціонистовъ, маклеровъ, цѣновщиковъ и добросовѣстныхъ свидѣтелей—и только. Всѣ же остальные должности можно было занимать лишь съ утвержденія губернатора, или высшей правительственной власти. Для будущаго общественнаго управленія почти совсѣмъ отмѣнено это ограниченіе. По новому «Городовому Положенію» утверждаются: 1) городскіе головы въ столицахъ по прежнему верховною властью, въ Одессѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ; 2) товарищи головы въ столицахъ—также министромъ (ст. 92). Равнымъ образомъ для отлучекъ изъ города на срокъ долѣе двухъ мѣсяцевъ столичныя городскіе головы испрашиваютъ разрѣшеніе у министра внутреннихъ дѣлъ, а товарищи ихъ — у губернаторовъ (ст. 100). Для вступленія же въ должность всѣхъ остальныхъ, избираемыхъ и назначаемыхъ общественнымъ управленіемъ лицъ, никакого разрѣшенія ни у кого не испрашивается (ст. 93).

Съ другой стороны, по отношенію къ столицамъ введено теперь весьма рѣшительное ограниченіе, котораго не было въ прежнемъ «Положеніи» и котораго не постановлено для остальныхъ городовъ Россіи. А именно: въ измѣненіи ст. 48 «Городоваго Положенія» сказано, что «мѣстные» городскіе головы, въ Петербургѣ и Москвѣ, принимаютъ предсѣдательство въ думахъ лишь въ томъ случаѣ, «когда Государю Императору не угодно будетъ назначить для предсѣдательства особымъ лицамъ». По существу дѣла это ограниченіе не можетъ имѣть особенной важности, такъ-какъ верховной власти, по общему закону, принадлежитъ неотъемлемое и неограниченное право назначенія и смѣщенія даже высшихъ правительственныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе въ приведенной выше оговоркѣ, касающейся однихъ только столицъ, замѣчается нѣкоторое недоумѣніе къ ихъ общественнымъ управленіямъ,—недоумѣніе, для котораго въ многолѣтней практикѣ столичныхъ думъ нельзя найти достаточное основаніе. Правда, такое же ограниченіе постановлено и въ «Полож. о земск. учр.» относительно губернскихъ предводителей, которые предсѣдательствуютъ въ собраніяхъ (ст. 53). Но справедливѣе было бы и тамъ исключить эту оговорку, нежели переносить ее въ новое «Городовое Положеніе». Ограниченіе это имѣлось въ виду при составленіи первоначальнаго проекта «Городоваго Положенія», но о немъ не заходило рѣчи въ правительственной «комисіи по обсужденію предположеній о примѣненіи» новаго закона къ столицамъ и Одессѣ. И только потомъ вопросъ о немъ былъ опять возбужденъ въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ, а самая редакція названнаго огра-

ниченія была введена въ представленіи министра государственному совѣту, которымъ она и была утверждена¹. Впрочемъ, въ засѣданіяхъ правительственной комиссіи начальникъ Пе-

¹ Чтобы яснѣе понять причины, побудившія перенести эту статью въ «Городовое Положеніе» для обоихъ столицъ, позволимъ себѣ привести слѣдующія слова изъ представленія г. министра внутреннихъ дѣлъ государственному совѣту: «Не могу, впрочемъ, не остановиться на одномъ предметѣ, на который было обращено вниманіе еще въ 1868 году, когда проектъ общаго Городоваго Положенія разсматривался въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ, но который при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла не былъ подвергнутъ окончательному обсужденію, и точно также остался безъ разсмотрѣнія въ высочайше учрежденной подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссіи; а между тѣмъ предметъ сей представляется, по моему мнѣнію, наиболѣе важнымъ именно въ примѣненіи къ столицамъ. Въ ст. 53 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ изъяснено: «въ губернскомъ земскомъ собраніи, въ тѣхъ случаяхъ, когда *Государю Императору неудобно будетъ назначить для предсѣдательства въ ономъ особое лицо*, предсѣдательствуетъ губернской предводитель дворянства». Въ виду сего, въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ былъ возбужденъ вопросъ: не слѣдовало ли бы оставить за правительствомъ подобное право назначенія, по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, предсѣдателя собранія и по отношенію къ городскимъ думамъ? При чемъ большинство членовъ совѣта высказалось въ томъ смыслѣ, что коль скоро правительствомъ оставило за собою означенное право по земскимъ учрежденіямъ; то нѣтъ причинъ не примѣнить его и къ учрежденіямъ городскимъ; что правительство уже достаточно доказало, съ какою осторожностью пользуется оно этимъ правомъ, и безъ сомнѣнія въ будущемъ, собственно по отношенію къ городскому управленію можно предпологать лишь очень рѣдкіе случаи примѣненія связаннаго права; что посему не усматривается оснований къ описанію за самостоятельностью дѣйствій городского управленія; что хотя прежде не было допускаемо введенія въ составъ общественнаго управленія въ городахъ выборныхъ представителей оного, но за то оно прежде не пользовалось и такою самостоятельностью, какая дарована ему нынѣ и что въ виду сей-то самостоятельности право правительства, о которомъ идетъ рѣчь, и приобрѣтаетъ теперь существенную важность. вмѣстѣ съ тѣмъ, было разъяснено въ совѣтѣ слѣдующее: если нельзя безусловно отрицать возможность случаевъ, хотя бы исключительныхъ, въ коихъ настояла бы необходимость назначать предсѣдателя городского собранія отъ правительства, то можетъ представляться къ разрѣшенію лишь вопросъ о томъ, лучше ли теперь ввести въ Городовое Положеніе правило, въ силу коего правительство имѣло бы право назначать, въ извѣстныхъ случаяхъ предсѣдателя городского собранія, или же допустить возможность такого назначенія по особому усмотрѣнію высочайшей власти, хотя бы о томъ въ Положеніи и не было оговорено? Въ семъ же отношеніи едва ли могло бы представляться какое либо сомнѣніе въ томъ, что предпочтеніе должно быть отдано первому способу, въ виду того, что назначеніе предсѣдателя общественнаго собранія, вопреки Положенію, по коему предсѣдатель долженъ быть безусловно избираемъ самими представителями сего управленія, было бы прямымъ нарушеніемъ предоставленныхъ имъ Положеніемъ преимуществъ, тогда какъ оставленіе за правительствомъ права назначать, въ крайнихъ случаяхъ, предсѣдателя городского собранія отъ себя, какъ то принято по Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, не представляло бы ничего новаго въ законѣ». Противъ этихъ соображеній министра ничего не возразило и второе Отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи.

тербургской губерніи гр. Левашовъ пошелъ еще дальне въ этомъ направленіи и выразилъ мнѣніе о необходимости кореннаго измѣненія «Положенія» въ томъ отношеніи, чтобы не только столичный голова прямо назначался высочайшею властью изъ лицъ, имѣющихъ права быть гласными», но и «сновина членовъ городской управы была назначаема изъ означенныхъ лицъ министромъ внутреннихъ дѣлъ»... По мнѣнію гр. Левашова, установленіе такого порядка нисколько «не было бы стѣсненіемъ общественной свободы дѣйствія, ибо если, съ одной стороны, этимъ было бы отнято у общества право выбора головы и части членовъ управы, то съ другой стороны, не только сократило бы и ускорило производство общественнаго дѣла (голова, на правахъ губернатора, сносился бы непосредственно съ министромъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ дало бы городскому управленію полный просторъ въ его дѣйствіяхъ». Но это предложеніе, какъ прямо противорѣчившее основнымъ началамъ «Городоваго Положенія», было отклонено комиссіей.

2) *Къ дѣламъ по внѣшнему благоустройству города* отнесены: а) «попеченіе объ устроеніи города, согласно утвержденному плану» и б) «завѣдываніе устройствомъ и содержаніемъ улицъ, площадей, мостовыхъ, тротуаровъ, городскихъ общественныхъ садовъ, бульваровъ, водопроводовъ, сточныхъ трубъ, каналовъ, прудовъ, канавъ и протоковъ, мостовъ, гатей и переправъ, а равно и освѣщеніемъ города» (ст. 2, п. б.)

3) *Дѣла, касающіяся благосостоянія городского населенія* составляютъ: «мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія, устройство рынковъ и базаровъ; попеченіе объ охраненіи народнаго здравія, о принятіи мѣръ предосторожности противъ пожаровъ и другихъ бѣдствій и объ обезпеченіи отъ причиняемыхъ ими убытковъ; попеченіе объ огражденіи и развитіи мѣстной торговли и промышленности, объ устройствѣ пристаней, биржъ и кредитныхъ учрежденій» (ст. 2, п. в.).

До настоящаго времени, по всѣмъ перечисленнымъ предметамъ городского благоустройства и благосостоянія, общественнаго управленія въ столицахъ занимали подчиненное, страдательное положеніе, или точнѣе сказать: они не могли имѣть на нихъ никакого прямого вліянія. Вся обязанность нынѣшнихъ думъ состоитъ почти только въ томъ, что они отпускаютъ изъ городской кассы деньги на ту или другую потребу; дѣйствительная же забота о благоустройствѣ города и благосостояніи его жителей принадлежитъ высшему городскому начальству и полиціи. Послѣдняя, какъ извѣстно, стоитъ по сіе время совершенно самостоятельно и дѣйствуетъ независимо, безъ всякаго соглашенія съ общественнымъ управленіемъ. Бѣда была бы еще не велика, еслибы полиція вѣдала лишь внѣшніе распорядки городского благоустройства, но дѣло въ томъ, что она издаетъ и такіа распоряженія, исполненіе которыхъ «сопряжено съ расходами для городскихъ обывателей или ограниченіями въ про-

изводствѣ торговли и промысловъ», и въ такихъ-то случаяхъ она можетъ имѣть весьма сильное прямое или косвенное вліяніе на самое благосостояніе жителей, нарушая бюджеты частныхъ людей. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ хоть слѣдующій примѣръ, памятный для москвичей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ полиція, въ видахъ охраненія общественной безопасности, сдѣлала распоряженіе, которымъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность всѣмъ домовладѣльцамъ, сверхъ обыкновенныхъ дворниковъ, держать еще ночныхъ сторожей¹. Это распоряженіе легло тяжелымъ бременемъ на шею недостаточныхъ домовладѣльцевъ, которымъ поневолѣ пришлось увеличить свои расходы въ общей массѣ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, въ то время, какъ каждый изъ нихъ, платя въ городъ установленный налогъ съ своего имущества, справедливо предполагалъ, что охраненіе общественной безопасности должно лежать всецѣло на полиціи, получающей свое содержаніе отъ города. Въ то время такое распоряженіе вредно отозвалось даже на общемъ городскомъ бюджетѣ. По-крайней-мѣрѣ тогдашняя дума, представляя городскую смѣту на утвержденіе высшаго правительства, прямо высказалась, что установленіе такихъ немнѣющихся въ виду управленія *полицейскихъ* налоговъ можетъ препятствовать установленію высшаго дозволеннаго закономъ размѣра процентнаго сбора. Къ такимъ же косвеннымъ налогамъ можно отнести также ежегодно повторяющіяся весной распоряженія полиціи о повсемѣстной сколкѣ льда и снятіи съ мостовыхъ снѣга, вслѣдствіе чего значительно затрудняется, а иногда и совсѣмъ прекращается подвозъ на городскіе рынки изъ окрестныхъ мѣстъ дровъ, сѣстныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ, по той простой причинѣ, что кругомъ Москвы лежатъ еще глубокіе снѣга, а въ Москвѣ голыя мостовыя. Отъ этихъ распоряженій по веснѣ до того поднимаются цѣны на рынкахъ, что малодостаточные жители города принужденіи очень стѣсняться въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ и переплачивать немалыя суммы изъ своего тощаго кармана.

Правда, городское начальство иногда находитъ нужнымъ запрашивать предварительно заключеній общественнаго управленія; но, во первыхъ, такіе случаи бываютъ рѣдки, а, во вторыхъ, заключенія эти ни для кого не обязательны: хотять — исполняютъ ихъ, не хотять — оставляютъ безъ вниманія; это — дѣло личнаго воззрѣнія начальника. Вообще же городскому управленію приходится теперь быть спокойнымъ зрителемъ чужихъ распоряженій и въ случаѣ необходимости только просить, ходатайствовать и больше ничего. На сколько же, при такихъ

¹ Въ то время родилось въ полиціи странное желаніе дать какую-то форму дворникамъ и обязать ихъ носить шапки съ особыми жестяными знаками, за которые одна изъ московскихъ газетъ остроумно прозвала дворниковъ *бляхоносцами*.

порядкахъ, общественное управленіе фактически безсильно въ сравненіи съ полицейскою властью, доказательствомъ можетъ служить хоть слѣдующій примѣръ. Москва испоконъ вѣковъ отличалась своимъ уличнымъ запустѣніемъ, грязью и несмѣнною неряшливостью многихъ домовладѣльцевъ, которые годами накапливаютъ въ своихъ дворахъ цѣля горы сора и бассейны жидкихъ нечистотъ, въ дождливую пору спускаемыхъ по ночамъ зловонными потоками по мостовымъ города.

«Громъ не грянетъ — мужикъ не перекрестится», говоритъ пословица. Громомъ этимъ явилась въ прошломъ году холера, которая начала-было незримо пощипывать москвичей. Тогда сразу все взгомозилось, заголось, и въ общемъ хорѣ негодовація наши газетчики опрокинулись на общественное управленіе за его преступное нерадѣніе о народномъ здоровьѣ. Испугалось и высшее городское начальство, встрепенулся санитарный комитетъ, пробудилась какъ будто и городская полиція. Тогда-то, въ виду всеобщей опасности, по предложенію генералъ-губернатора, были избраны отъ думы особыя попечители изъ гласныхъ и назначены врачи для постоянного осмотра всѣхъ закоулковъ города. Въ распоряженіе этихъ лицъ были ассигнованы особыя суммы для устройства временныхъ больницъ и очистки дворовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписано полиціи быть готовою къ услугамъ попечителей и принимать, по ихъ указаніямъ, скорѣйшія мѣры къ прекращенію зла. Дѣйствительно, нашлись такіе рьяные попечители, которые горячо взялись за дѣло, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сосредоточены городскіе рынки и трактиры, и разоблачили тамъ такіа безобразія, о которыхъ, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Крикъъ, гамъ поднялся страшный и громче всѣхъ заголосьи тѣ самые торговцы и трактирщики, которые въ этой мѣстности были главными виновниками зла. Составлены были донесенія въ думу о творимыхъ злоупотребленіяхъ, полицейскіе акты осмотровъ, даны полиціи предписанія и проч. Но вотъ съ тѣхъ поръ прошло чуть не два года, хлопотня улеглась — и все-таки ничего не исполнено. Попрежнему на дворахъ кучи и лужи нечистотъ, смываемыхъ лишь обильными дождями; попрежнему внутри городскихъ рынковъ и въ подвалахъ ихъ разлагающаяся провізія и гнѣющіе остатки битой скотины; попрежнему ни по одной улицѣ нельзя проѣхать ночью, не заткнувши носа. Словомъ, попрежнему все обстоитъ благополучно впродъ до новой эпидеміи, когда, на страхъ больнымъ и здоровымъ, опять разворожатся вороха нечистотъ для вячаго питанія болѣзней.

Въ чемъ же заключается причина зла? Намъ кажется именно въ томъ, что права и обязанности общественнаго управленія и полиціи не введены въ должное согласіе. Вслѣдствіе этого полиція, поставленная совершенно независимо, не сообразуется съ общими потребностями и цѣлями общественнаго управленія,

а дума бессильна совершить то, что по ея убѣжденію было бы необходимо для городского благоустройства и въ частномъ интересѣ городскихъ жителей. Оттого же самаго общественное управление часто несетъ вовсе незаслуженное нареканіе отъ городского общества, а полиція, не опираясь на общественное управление, не можетъ стать популярною въ глазахъ жителей и заслужить его уваженіе. Вотъ почему важнѣйшую заслугу «Городоваго Положенія» мы полагаемъ въ томъ, что оно сдѣлало первую попытку къ примиренію этихъ двухъ словно враждующихъ началъ и постаралось сдѣлать общественное управление непосредственнымъ участникомъ въ дѣлахъ какъ городского благоустройства, такъ и благосостоянія городскихъ обывателей. Къ разряду этихъ дѣлъ отнесены: содержаніе въ исправности очистки улицъ, площадей, мостовыхъ и проч., принадлежащихъ какъ городу, такъ и частнымъ лицамъ и обществамъ; устройство пристаней, переправъ, перевозовъ, конно-желѣзныхъ и другихъ усовершенствованныхъ путей и производствъ извознаго промысла; очистка дворовъ, отхожихъ мѣстъ и проч., а равно устройство и порядокъ содержанія боенъ и помѣщений для продажи съѣстныхъ припасовъ и напитков; охраненіе народнаго здоровья и мѣры предосторожности противъ пожаровъ и другихъ бѣдствій; наконецъ, соблюденіе благочинія и порядка въ публичныхъ мѣстахъ и всякія мѣры, сопряженныя съ расходами или ограниченіями въ производствѣ торговли и промысловъ. По всѣмъ этимъ дѣламъ «городской думѣ предоставляется издавать *обязательныя* для городскихъ жителей постановленія» (ст. 103), а сверхъ того для Москвы и Петербурга въ частности въ кругъ этихъ предметовъ введены еще «мѣры къ огражденію общественнаго здоровья отъ опасности, происходящей вслѣдствіе неправильнаго устройства и неисправнаго содержанія фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и вообще помѣщений для рабочихъ» (прим. къ ст. 103, п. 1).

Такимъ образомъ, отнынѣ всѣ мѣры и постановленія, начинающія отъ охраненія отъ опасности жизни и огражденія рабочаго класса и кончая разѣздами экипажей на улицахъ и подметаніемъ мостовыхъ дворниками, должны зависѣть не отъ одной только полиціи, вообще безотвѣтственной передъ городскимъ обществомъ, но и отъ думы. Правда, этимъ постановленіемъ на послѣднюю возлагается новая важная и тяжелая забота, которой она прежде не имѣла, но за то она получаетъ и право непосредственнаго вмѣшательства въ благоустройство и благосостояніе жителей, а потому законно и справедливо должна нести передъ ними и тяжелое бремя отвѣтственности за нихъ. Само собою разумѣется, что, при соблюденіи этого порядка и при разумномъ пользованіи думою этимъ новымъ правомъ, долженъ сократиться и произволъ полиціи, обязанной отнынѣ дѣлать свои распоряженія не иначе, какъ съ согласія уполномоченныхъ.

По точному смыслу ст. 103-й «Городоваго Положенія», проекты названныхъ выше постановленій составляются управою и, прежде утвержденія ихъ думою, сообщаются начальнику мѣстнаго полицейскаго управленія, который доставляетъ по нимъ свое заключеніе, а съ другой стороны, онъ можетъ и самъ сообщать управѣ свои проекты и постановленія (ст. 104). Если общественное и полицейское управленія взаимно согласятся на эти проекты, то они сообщаются губернатору, который обнародуетъ ихъ для обязательнаго исполненія обывателями. Буде же губернаторъ «встрѣтитъ препятствія къ ихъ изданію», то «передаетъ ихъ на обсужденіе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія», которому предоставляется въ этомъ случаѣ рѣшающій голосъ на общемъ основаніи (ст. 105, 106). Всѣ обнародованныя такимъ порядкомъ совмѣстныя постановленія думы и полиціи становятся обязательны для исполненія какъ для той, такъ и для другой (ст. 107). На основаніи тѣхъ же соображеній, общественному управленію предоставляется право разрѣшать устройства фабрикъ, заводовъ и «иныхъ промышленныхъ заведеній изъ разряда тѣхъ, которыя, по своей безвредности, могутъ быть допущены повсемѣстно», для чего министеромъ внутреннихъ дѣлъ ежегодно публикуется списокъ заведеній, разрѣшеніе которыхъ выходитъ изъ предѣловъ власти общественнаго управленія (ст. 115). Повторяемъ: этими совершенно новыми статьями закона практически расширяется кругъ хозяйственнаго вѣдомства общественнаго управленія, получающаго возможность имѣть непосредственное вліяніе на благоустройство города и благосостояніе жителей. Весь уснѣхъ дѣла будетъ зависѣть лишь отъ практическаго исполненія его: въ какой мѣрѣ общественное управленіе воспользуется своимъ правомъ, въ какой мѣрѣ полиція захочетъ идти рука объ руку съ думою и въ какое положеніе поставитъ себя по этому предмету губернская власть, которая, по объясненію министерства внутреннихъ дѣлъ, «можетъ въ свое время остановить и отмѣнить *неправильно* состоявшіяся постановленія», наконецъ въ чемъ могутъ заключаться мѣры понужденія полиціи и думы къ исполненію сообщаемыхъ постановленій.

Сообразно съ этимъ важнымъ нововведеніемъ и на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта 16-го іюня 1870 г. п. VII б. должны быть сдѣланы необходимыя измѣненія въ соотвѣтствующихъ статьяхъ различныхъ уставовъ: строительнаго, пожарнаго и проч.

4) *Устройство на счетъ города благотворительныхъ заведеній и больницъ и заведываніе ими; участіе въ попеченіи о народномъ образованіи, а также устройство театровъ, библиотекъ, и другихъ подобнаго рода учрежденій.* По отношенію къ этимъ предметамъ городскаго хозяйства для руководства общественному управленію прямо указаны основанія, изложенныя въ «Положе-

ніи о земскихъ учрежденіяхъ» (ст. 2, п. VI и VII), и нивакихъ дальнѣйшихъ разъясненій въ «Городовомъ положеніи» не сдѣлано. А потому, не входя въ подробное разсмотрѣніе этого пункта, нельзя не замѣтить, что приведенный текстъ закона далеко не можетъ быть примѣненъ къ столицамъ во всемъ объемѣ и вотъ почему. Хотя общественному управленію и разрѣшено «устройство на счетъ города благотворительныхъ заведеній и больницъ и пр.», однако, сдѣланное московскою думою дополненіе къ этой статьѣ относительно завѣдыванія городомъ «содержимыми нынѣ на городскія средства московскими постоянными и временными городскими больницами», было рѣшительно отвергнуто на томъ основаніи, что вообще «вопросъ о столичныхъ больницахъ долженъ получить *отдѣльное* разрѣшеніе» (см. жур. ком. стр. 21). Такое постановленіе, ставить въ трудное положеніе не столько общественное управленіе, сколько самня благотворительныя учрежденія, о которыхъ идетъ рѣчь. Такъ, московская дума издавна отпускаетъ значительныя суммы на содержаніе постоянной городской больницы, находящейся, однако, въ завѣдываніи «попечительнаго совѣта». Отсюда происходитъ двоякое затрудненіе. Съ одной стороны, дума не имѣетъ никакого контроля надъ отпускаемыми суммами, и потому недобровѣрчиво смотритъ на ихъ расходваніе, а съ другой стороны больница отъ дурнаго ли управленія или отъ недостатка отпускаемыхъ суммъ, пришла въ значительное разстройство; если же теперь управленію ея удастся испрашивать у города новыя суммы на ея содержаніе, то потому только, что общественное управленіе почему-то увѣрено, что вмѣстѣ съ введеніемъ «городоваго положенія» больница эта перейдетъ въ завѣдываніе города. Отсрочка въ разрѣшеніи этого вопроса можетъ привести еще къ большимъ неудобствамъ. Точно также «городовое положеніе» значительно ограничиваетъ право столицъ по устройству театровъ. Такъ въ примѣчаніи къ ст. 115 сказано мимоходомъ слѣдующее: въ отношеніи устройства театровъ и другихъ зрѣлищъ въ столицахъ сохраняется въ силѣ существовавшій до изданія настоящаго закона порядокъ, причемъ соблюдаются и особыя о публичныхъ забавахъ и увеселеніяхъ правила» (уст. пред. и пресѣч. прест. ст. 214 — 235). Эта добавка сдѣлана, очевидно, для сохраненія въ столицахъ на прежнемъ основаніи монополіи казны по содержанію театровъ. Впрочемъ московская дума, какъ извѣстно, уже обратилась къ выснему правительству съ особымъ ходатайствомъ — устроить общественный городской театръ; но на удовлетвореніе этого ходатайства рассчитывать трудно.—Наконецъ, что касается до народнаго образованія, то общественному управленію предоставляется только «участіе въ попеченіи» о немъ, а не право открывать училища и завѣдывать ими по своему усмотрѣнію. Въ виду извѣстныхъ новыхъ правилъ по надзору за народными училищами, можно положи-

тельно утверждать, что вышняя дума по завѣдыванію своими городскими училищами пользуется большею свободою, нежели какая предоставлена ей теперь по новымъ правиламъ инспекціи за народными школами.

5) *Представленіе правительству свидѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ нуждъ и пользы города, и ходатайства по симъ предметамъ.* Право ходатайства, если его только можно назвать правомъ, существуетъ и теперь. Просить, ходатайствовать не возбранено никому даже частному человеку, точно также какъ не на кого не возложено закономъ обязанности непременно исполнить просимое. Нѣкоторое расширение права состоитъ здѣсь только въ томъ, что въ настоящее время мѣстная правительственная власть, въ лицѣ генералъ-губернатора, черезъ котораго происходить всѣ сношенія города съ высшимъ правительствомъ, можетъ по своему усмотрѣнію давать и не давать ходъ ходатайству думы, тогда какъ по новому «городовому положенію», о всѣхъ ходатайствахъ думы «губернаторъ обязанъ представить высшему начальству, съ своимъ заключеніемъ, не далѣе мѣсячнаго срока» (ст. 13). Въ этомъ вся разница, важная лишь въ томъ смыслѣ, что общественное управленіе болѣе высвобождается изъ подъ власти мѣстнаго начальства.

6) *Другія обязанности, возлагаемая закономъ на общественное управленіе, съ дополненіями и измѣненіями, въ приложеніи къ сей статьѣ указанными.* Въ названномъ приложеніи къ этой статьѣ содержится подробный перечень возложенныхъ на общественное управленіе *другихъ* обязанностей, которыя касаются выбора должностныхъ лицъ въ разныя учрежденія, наблюденія городской управы за правильностью производства торговли, взиманія налога съ недвижимыхъ имуществъ и пошлинъ за право торговли, засвидѣтельствованія и разсмотрѣнія книгъ нотаріусовъ и маклеровъ, выдачи свидѣтельствъ на продажу питей, отношеній къ сословнымъ управленіямъ, участія въ рекрутчинѣ и пр. Распространяться объ этихъ стороннихъ обязанностяхъ общественныхъ управленій не настоятъ здѣсь никакой надобности, тѣмъ болѣе, что это разсмотрѣніе не прибавитъ ничего новаго къ разъясненію вопроса о самостоятельности общественнаго управленія и мѣрѣ правительственнаго и административнаго вмѣшательства въ него.

III.

Права думы въ имущественныхъ дѣлахъ города.—Право заключать займы.—Какъ это важно.—Что такое городскіе капиталы.—Отчетность думы.—Право составленія смѣтъ и отчетовъ.—Надзоръ губернатора по отчетности думы.

Изложенные выше предметы еще далеко не исчерпываютъ вопроса о предѣлахъ городского общественнаго самоуправленія

и мѣръ зависимости его отъ правительственной и мѣстной губернаторской власти, и намъ остается еще разсмотрѣть права этого управленія въ имущественныхъ дѣлахъ города и въ отношеніи его отчетности.

1. По «дѣламъ имущественнымъ» общественное управленіе, черезъ свой главный исполнительный органъ—управу, имѣетъ право именемъ города приобретать, отчуждать недвижимыя и движимыя имущества, вступать въ договоры, искать и отвѣчать на судѣ на основаніи общихъ законовъ о судопроизводствѣ (черезъ повѣренныхъ), и согласно съ этимъ всѣ обязательства, заключенныя управою имѣютъ обязательную силу для города, несущаго и денежную по нимъ отвѣтственность (ст. 116, 117 и 118). Какъ прямое послѣдствіе этого кореннаго права собственности на городскія имущества думѣ предоставляется самой опредѣлять и способы извлеченія изъ нихъ городскихъ доходовъ, то-есть отдавать ли эти имущества въ оброчное содержаніе по контрактамъ или завѣдывать ими хозяйственнымъ образомъ (ст. 119 и 55 п. 10). Но съ другой стороны, существенныя ограниченія въ этомъ отношеніи установлены въ тѣхъ случаяхъ, если думѣ вздумается отчуждать земли, которыя по высочайше утвержденному плану «состоятъ въ общемъ всѣхъ пользованіи» (ст. 120). Такия отчужденія могутъ совершаться лишь съ высочайшаго разрѣшенія, такъ-какъ на примѣръ въ ст. 113 всѣ измѣненія въ планахъ столицъ, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, утверждаются высочайшею властью. Точно также въ видѣ ограниченія того же права собственности постановлено: 1) сборъ за употребленіе общественныхъ вѣсовъ и мѣръ не устанавливать выше 1 коп. съ пуда, четверика или ведра взвѣшиваемыхъ или переимѣриваемыхъ предметовъ (ст. 119); 2) испрашивать утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ на отдачу *впервые* въ чье либо исключительное пользованіе участковъ земель, въ общемъ пользованіи находящихся, и на устройство на такихъ участкахъ сооружений, стѣсняющихъ проходъ или проѣздъ. Равнымъ образомъ только съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ можетъ быть назначенъ думою размѣръ платы за проходъ и проѣздъ по сооружениямъ, воздвигнутымъ на городской счетъ для сообщенія внутри города, или же за стоянку судовъ на водныхъ сообщеніяхъ, пролегающихъ черезъ городскія земли (ст. 122 и 123). Здѣсь расширеніе права общественного управленія состоитъ уже въ томъ, что при нынѣ существующихъ порядкахъ контракты *утверждаются* высшимъ городскимъ начальствомъ, которое утверждаетъ торги на сумму свыше 10.000 р. и даетъ разрѣшеніе на производство расходовъ хозяйственнымъ образомъ (см. инструк. Расп. Д.).

Гораздо важнѣе совершенно новое право, предоставленное думамъ относительно заключенія городомъ займовъ, поручительствъ и гарантій. Отнынѣ думы могутъ сами, безъ утвержденія правительства заключать займы отъ имени города, лишь

бы только сумма такихъ обязательствъ не превышала въ общей совокупности суммы городскихъ доходовъ за два послѣдніе года. Если же они превысятъ эту сумму, то требуется опять разрѣшеніе министра, съ положительнымъ указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ предполагается покрывать ежегодные платежи по обязательствамъ. Право это, несмотря на указанное ограниченіе, все-таки довольно широко и представляется существенно важнымъ въ томъ отношеніи, что оно значительно развязываетъ думамъ руки по исполненію, напримѣръ, такихъ капиталныхъ сооружений, которыя не должны быть производимы на текущія и запасныя средства города. Извѣстно изъ многолѣтней практики какъ петербургской, такъ и московской думы, что строительная часть города составляла всегда гордіевъ узелъ для общественнаго управленія. Изъ года въ годъ столичнымъ думамъ, особенно московской приходилось, да и теперь приходится строить мосты, казармы и др., и каждый разъ она задумывается надъ ихъ исполненіемъ. Обыкновенно текущихъ доходовъ города недостаетъ на производство этихъ работъ и на нихъ употребляются такъ-называемый «остаточный капиталъ» города, состояющійся изъ неисполненныхъ расходовъ финансоваго года и отъ поступающихъ послѣ срока дѣйствія смѣты недоимокъ по разнымъ сборамъ. Въ нѣкоторые года городскія постройки бывають такъ настоятельны и такъ значительны, что на нихъ не хватаетъ даже и наличныхъ средствъ города, и тогда по неволѣ откладывается на нескончаемое время исполненіе такихъ улучшеній, безъ которыхъ рѣшительно немислимо городское благоустройство. Уважу хоть на слѣдующее обстоятельство. Въ теченіе протекшаго десятилѣтія московская дума, несмотря на свои крайне стѣсненные денежныя обстоятельства, успѣла однако исподволь построить нѣсколько постоянныхъ мостовъ, выстроить заново огромные корпуса для военныхъ казармъ, которыя прежде завѣдывались городскимъ и военнымъ начальствомъ, а потомъ въ полуразрушенномъ видѣ были переданы въ управленіе города, вновь замостить большія пространства незамощенныхъ прежде улицъ и переулковъ и др. Все это завѣдало окончательно такъ-называемыя «запасныя» средства города, и теперь, за неимѣніемъ наличныхъ средствъ, дума находится въ невозможности исполнить важнѣйшую обязанность по устройству подземныхъ водоотводныхъ трубъ, безъ которыхъ Москва никогда не очистится отъ вѣками накопленныхъ въ ней нечистотъ и не станетъ благоустроеннымъ городомъ. На все это потребуются, конечно, многіе миліоны, которыхъ взять теперь неоткуда, такъ что заемъ представляется здѣсь единственно выгоднымъ источникомъ для исполненія этихъ неотложныхъ нуждъ столицы. Но этого мало: заключеніе займовъ представляется не только единственно выгоднымъ, но и единственно разумнымъ средствомъ для исполненія городскихъ сооружений, такъ-какъ имъ будетъ

пользоваться не одно лишь настоящее поколѣніе городскихъ жителей, но можетъ быть еще въ большей степени поколѣнія послѣдующія, которыя по справедливости и должны нести на себѣ часть расходовъ по этимъ сооружениямъ. Опровергнуть это положеніе нельзя; съ нимъ согласна и нынѣшняя московская дума, которая лишь на послѣднихъ дняхъ своей дѣятельности единогласно положила приобрѣсти у казны въ пользу города громадное имущество, называемое «казенными винными и солянными дворами». Правительство уже разрѣшило уступить ихъ за 500.000 р. с. съ тѣмъ, чтобы теперь было внесено деньгами лишь 110.000 р., остальные же до 400.000 р. разсрочены на 28 лѣтъ съ уплатою 6% въ погашеніе капитала и интересъ. Только посредствомъ займа могутъ быть исполнены устройство подземной канализаціи и другія подобныя вѣковыя работы. Если на все сказанное возразятъ намъ: «что же въ такомъ случаѣ дѣлать съ запасными средствами города?», — то на это мы отвѣтимъ впервыхъ тѣмъ, что собственно неприкосновенныхъ капиталовъ города весьма немного, да и тѣ имѣютъ каждый свое спеціальное назначеніе, воторыхъ тѣмъ, что городскихъ «запасныхъ» капиталовъ въ точномъ смыслѣ этого слова не существуетъ, потому что остатки отъ неисполненныхъ расходовъ предыдущаго года употребляются иногда всецѣло на расходы въ будущемъ году. Это не капиталъ, а текущая сумма сборовъ города, то возрастающая до значительныхъ размѣровъ, то опять расходуемая до послѣдней копейки. Если даже отъ ежегодныхъ расходовъ города будутъ постоянно оставаться значительные статьи, то изъ нихъ справедливо было бы составлять дѣйствительный, а не фиктивный только, какъ теперь, *запасный* капиталъ, на удовлетвореніе изъ этихъ остатковъ текущихъ надобностей города. По ст. 125 новаго город. пол. городскіе капиталы могутъ быть вносимы «для обращенія изъ процентовъ» въ кредитныя учрежденія какъ правительственныя, такъ и частныя или употребляемы въ процентныя бумаги. Проценты съ этихъ капиталовъ и могли бы быть употребляемы на уплаты по заключеннымъ займамъ. Наконецъ, если бы и за тѣмъ оказывались значительные статьи отъ текущихъ доходовъ, то можно было бы приступить къ облегченію городскихъ плательщиковъ особенно по процентному налогу и по нѣкоторымъ сборамъ за производство торговли и промысловъ (трактирный налогъ, сборъ съ меблированныхъ комнатъ и пр). Впрочемъ, это только мечта, которая не осуществится при настоящемъ порядкѣ вещей.

2. Въ настоящее время порядокъ отчетности, по составленію и утвержденію ежегодныхъ смѣтъ и отчетовъ, слишкомъ сложенъ и безъ нужды крайне стѣснителенъ для думы. Тутъ достаточно указать хоть на тѣ мѣтательства, которыя проходятъ городская смѣта прежде утвержденія ея высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ—государственнымъ совѣтомъ. По существующему порядку

проектъ смѣты составляется распорядительной думою, причеиъ журнальное «постановленіе» ея по этому предмету подписывается и губернаторомъ. Затѣиъ этотъ проектъ, въ подробности разсмотрѣнный общею думою, представляется генераль-губернатору, который вноситъ его въ особый «губернскій комитетъ по разсмотрѣнію смѣты». Отсюда онъ идетъ въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ вновь пересматривается и съ заключеніемъ министра представляется на окончательное рѣшеніе государственнаго совѣта. Какъ продолжительно эта совершенно излишняя и стѣснительная для городского управленія процедура, видно изъ того, что проектъ смѣты, изготовленный, напримѣръ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, возвращается въ думу, утвержденный государственнымъ совѣтомъ, для исполненія не прежде апрѣля мѣсяца, а иногда и гораздо позднѣе, причеиъ поневолѣ приходится испрашивать особаго разрѣшенія производить текущіе расходы согласно проектамъ еще неутвержденной смѣты. Если же по составленіи этого проекта явится надобность произвести какой-нибудь иной, прежде непредвидѣнный расходъ, то на каждый такой случай должны составляться дополнителныя смѣты, которыя проходятъ тѣже мытарства. Кромѣ смѣты, имѣющей установленный срокъ 1-го мая, составляется еще по прошествіи смѣтнаго года «счетъ дѣйствительныхъ оборотовъ» города, также по особой установленной формѣ, и этотъ документъ, вмѣстѣ со смѣтою слѣдующаго года, представляется генераль-губернатору. Наконецъ, по прошествіи уже общаго гражданскаго года, составляется «годовой отчетъ объ оборотѣ сумиъ, принадлежащихъ городской думѣ», который долженъ представляться «на ревизію» казенной палаты, не позже 1-го марта.

Такова эта сложная процедура составленія и утвержденія думской отчетности, которая несмотря на свои семь нянекъ оказывается все-таки безъ глаза. Новое «Городовое Положеніе» не только совершенно отиѣняетъ этотъ порядокъ, но и освобождаетъ думу отъ ея теперешней столь многосложной подчиненности. По ст. 141 новаго закона управа обязана, «въ сроки, опредѣленные думою», составлять ежегодно смѣту доходовъ и расходовъ города, «которая разсматривается и *утверждается* думою» (окончательно). Вся зависимость этой послѣдней отъ начальства состоитъ лишь въ томъ, что смѣта черезъ двѣ недѣли по ея утвержденіи доставляется губернатору, который *наблюдаетъ* только: 1) «чтобы не устанавлились сборы, закономъ не дозволенные, дозволенные же не назначались свыше разрѣшенныхъ закономъ размѣровъ; 2) чтобы не допускалось неуравнительности въ обложеніи сборами предметовъ, казнѣ или удѣлу принадлежащихъ, въ сравненіи съ частными, и 3) чтобы назначаемыя были необходимыя сумиы на удовлетвореніе потребностей, закономъ *обязательно* на городскія средства отнесенныхъ» (ст. 143). Слѣдовательно, по новому закону губер-

наторъ совершенно устраненъ отъ прямого вмѣшательства въ составленіе смѣты и сохраняетъ за собою лишь право протеста въ случаѣ неисполненія думою закона и нарушенія казеннаго интереса. Дума же, за исполненіемъ всѣхъ *обязательныхъ* для нея по закону расходовъ, можетъ употреблять городскія средства, «по своему усмотрѣнію», на всякіе вообще предметы общественной пользы, не противные законамъ, не испрашивая на то ничего разрѣшенія (ст. 141). Согласно съ этимъ, составленный думою годовой отчетъ не нуждается также ни въ чемъ утвержденіи, и если «препровождается» губернатору, то лишь «для свѣдѣнія». Вообще отчетность общественнаго управленія «не подлежитъ ревизіи общихъ контрольныхъ учрежденій» (ст. 147).

Таковъ новый, положенный въ основу «Городоваго Положенія», широкій взглядъ на право городской думы въ распоряженіи общественными суммами въ кругѣ внутреннихъ хозяйственныхъ дѣлъ города. Но насколько этотъ взглядъ можетъ получить дѣйствительное осуществленіе, на сколько новыя права думы изъ мертвой буквы могутъ сдѣлаться дѣйствительнымъ правомъ—будетъ зависѣть лишь отъ того, какія суммы могутъ остаться въ собственномъ распоряженіи общественнаго управленія. Тутъ недостаточно еще знать вообще, что *по закону* общество можетъ *самостоятельно* распоряжаться своимъ хозяйствомъ, и за исполненіемъ *обязательныхъ* расходовъ можетъ безконтрольно употреблять городскія суммы на предметы общественной пользы,—а надо еще опредѣлить, и это главное, въ какомъ размѣрѣ имѣются у города матеріальныя средства для того, чтобы воспользоваться своимъ правомъ. Дайте бѣдному волю распоряжаться милліонами, которыхъ у него нѣтъ, и онъ отъ этого разрѣшенія не станетъ свободнѣе и самостоятельнѣе: по прежнему останется онъ безсильнымъ бѣднякомъ, жующимъ черствый хлѣбъ и пожалуй сочтетъ ваше разрѣшеніе за горькую насмѣшку надъ собою.

IV.

Право думы въ установленіи городскихъ сборовъ. — Ничего новаго здѣсь нѣтъ. — Примѣры прежнихъ лѣтъ городского самоуправленія. — Обязательный пересмотръ всей системы городскихъ сборовъ. — Неотложность этой работы. — Квартирный налогъ. — Что такое расходы обязательныя и необязательныя. — Всѣ расходы обязательны. — Числовые примѣры столичныхъ бюджетовъ. — Необходимость пересмотра городскихъ расходовъ и раздѣленія ихъ на расходы, вызываемыя и невызываемыя общественною надобностью. — Открытіе новыхъ источниковъ доходовъ. — Общее финансовое положеніе столицъ передъ преобразованиемъ. — Заключение.

Относительно городскихъ доходовъ думѣ предоставляется «устанавливать» въ пользу города лишь слѣдующіе сборы: 1) оцѣ-

ночный съ недвижимыхъ имуществъ, 2) съ документовъ на право производства торговли и промысловъ и 3) съ трактирныхъ заведеній, постоялыхъ дворовъ и събстныхъ лавочекъ (ст. 128). Но это право «установленія» налоговъ не имѣетъ никакого существеннаго значенія для столицъ, потому что въ нихъ давно уже существуютъ не только эти три капитальные сбора, но еще и много другихъ, на основаніи особыхъ, въ разное время изданныхъ, спеціальныхъ «Положеній». Впрочемъ, въ прим. къ ст. 128 дополнено, что думѣ предоставляется еще *вводить* (вѣрнѣе сказать *проектировать*) сборы: съ извозчиковъ и перевознаго промысла (также существующіе и въ Москвѣ и въ Петербургѣ), съ лошадей, экипажей, содержимыхъ частными лицами, и съ собакъ. Но на каждомъ изъ этихъ сборовъ право думы ограничено тѣмъ, что предположеніе ея и размѣры ихъ должны быть представляемы на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ (ст. 137). Слѣдовательно и здѣсь для обѣихъ столицъ въ «Городовомъ Положеніи» ничего новаго важнаго не усматривается, такъ какъ и теперь, на основаніи прежнихъ «Положеній» городскія думы *имѣютъ право составлять проекты* новыхъ сборовъ или измѣненій старыхъ, *вводитъ* же ихъ могутъ не иначе какъ съ утвержденія высшаго правительства. На этомъ основаніи въ теченіе прошлыхъ 10 лѣтъ московская дума составила проектъ о взиманіи адреснаго сбора и тогда же представила его на утвержденіе правительства; но съ тѣхъ поръ прошло, кажется, 6 лѣтъ, а дѣло не разрѣшено еще до сихъ поръ, въ ожиданіи результатовъ общей паспортной реформы. Два другіе проекта, объ извозничьемъ акцизѣ и налогѣ на лошадей, экипажи и собакъ, не получили никакого движенія и замерли, кажется, въ стѣнахъ самой думы. Сборы съ документовъ на право торговли и промысловъ могутъ быть опредѣлены со всѣхъ, установленныхъ «Положеніемъ» о пошлинахъ», свидѣтельствъ купеческихъ и промысловыхъ, съ билетовъ на торговныя и промышленныя заведенія и со всякаго рода патентовъ, выдаваемыхъ по питейному уставу на заводы для выдѣлки напитковъ и издѣлій изъ спирта или вина, а также на заведенія для продажи питей. Размѣръ этихъ сборовъ устанавливается въ процентахъ со взимаемой по нимъ казенной пошлины (ст. 132).

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ сборовъ, въ городской доходъ поступаютъ еще сборы: при совершеніи, засвидѣтельствovanіи и протестѣ различныхъ актовъ; — при влейменіи мѣръ и вѣсовъ; — съ аукціонныхъ продажъ движимаго имущества; — съ привозимыхъ въ городъ и отвозимыхъ изъ него товаровъ (лишь въ пользу нѣкоторыхъ городовъ), и особыя пособія изъ государственнаго казначейства (также не для столицъ) и изъ земскихъ сборовъ (ст. 136). Къ этому перечню дозволенныхъ сборовъ сдѣлано дополненіе, въ которомъ сказано, что существую-

щѣ нынѣ въ столицахъ сборы, на основаніи особыхъ положеній (за исключеніемъ въ Москвѣ сборовъ за записку въ бывальскую книгу и съ торгующихъ по акцизу—нынѣ совершенно отмѣняемыхъ), сохраняются въ силѣ лишь «въ теченіе 3-хъ лѣтъ», по введеніи «Городоваго Положенія». За этотъ промежутокъ времени столичнымъ думамъ «вмѣняется въ обязанность» представить свои соображенія «объ отмѣнѣ существующихъ въ нихъ по мѣстнымъ положеніямъ и оставляемыхъ на первое время сборовъ, или же объясненіе причинъ, по коимъ таковая отмѣна нѣкоторыхъ изъ сихъ сборовъ была бы, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, несвоевременна», съ тѣмъ, чтобы окончательныя заключенія по этому предмету были внесены министромъ внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе законодательнымъ порядкомъ» (см. *Мн. Гос. Сов. 20-го іюня 1872 г. п. IV и 4*). Дѣйствительно, пересмотръ всѣхъ существующихъ нынѣ сборовъ, отличающихся необыкновенною путаницею и неуравнительностью, представляетъ одну изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей по крайней мѣрѣ для Москвы. Еще лѣтъ 7 тому назадъ нынѣшняя московская дума задумала исполнить эту работу и составить подробный проектъ общей системы городскихъ сборовъ; но къ сожалѣнію такъ и осталась лишь при одномъ похвальномъ намѣреніи. Теперь эта работа становится еще настоятельнѣе не только въ интересѣ большей уравнительности сборовъ, но и изысканія новыхъ источниковъ доходовъ, потому что нынѣшнихъ доходовъ не достанетъ на покрытіе всѣхъ текущихъ расходовъ, которые должны значительно увеличиться вслѣдствіе одного только преобразования. Впрочемъ, новое «Положеніе» само указываетъ общественному управленію на одинъ изъ такихъ источниковъ и притомъ очень обильный—квартирный налогъ, иначе называемый «сборомъ съ жилищъ помѣщичьихъ». Этотъ налогъ, если только онъ установится, можетъ имѣть важное значеніе не въ одномъ только денежномъ отношеніи, потому что мнѣніемъ государственнаго совѣта 16-го іюня 1870 года министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется войти съ особымъ представленіемъ «о предоставленіи права на участіе въ общественномъ управленіи и лицамъ, обложеннымъ симъ сборомъ въ опредѣленномъ размѣрѣ». Слѣдовательно, исполненіе этого предположенія можетъ современемъ доставить столичнымъ думамъ значительный запасъ новыхъ, молодыхъ силъ, нынѣ избирательнымъ цензомъ устранимыхъ отъ управленія. Какъ бы то ни было, но разсмотрѣнныя сейчасъ положительныя статьи новаго закона относительно доходовъ ни въ чемъ въ сущности не измѣняютъ настоящаго положенія денежныхъ средствъ нашихъ столицъ. Что же касается до измѣненія общей системы сборовъ, или каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, то это пока не больше какъ добрыя намѣренія, которымъ, въ виду многочисленныхъ инстанцій, черезъ которыя проходятъ подобныя

проекты прежде ихъ утвержденія и многочисленныхъ бывшихъ примѣровъ, суждено осуществиться развѣ по прошествіи многихъ и многихъ лѣтъ.

Всѣ городскіе расходы раздѣлены въ новомъ «Положеніи» на два главные разряда: расходовъ *обязательныхъ* и *необязательныхъ* (ст. 139). На обѣ столицы, наравнѣ съ областными городами, *обязательно* возложены слѣдующіе предметы: 1) содержаніе общественнаго управленія, въ размѣрахъ, опредѣленныхъ думами; 2) содержаніе общественныхъ зданій и памятниковъ; 3) уплата долговъ по прежнимъ займамъ и выполненіе другихъ обязательствъ; 4) производство пособій разнымъ учрежденіямъ, вѣдомствамъ и проч. на содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, «на основаніи новыхъ, утвержденныхъ законодательнымъ порядкомъ постановленій», и производство государственному казначейству пособій, занесенныхъ въ государственную роспись; 5) отправленіе воинскаго поста и другихъ воинскихъ потребностей, а также по содержанію тюремъ; 6) содержаніе городской полиціи и пожарной команды; 7) содержаніе городскихъ площадей, улицъ и проч., а также городского освѣщенія; 8) отводъ мѣстъ для своза нечистотъ и для зарытія палаго скота. Только по удовлетвореніи этихъ *обязательныхъ* расходовъ, за которыми губернаторъ имѣетъ непосредственное наблюденіе, остающіяся городскія деньги могутъ быть употреблены «по усмотрѣнію» думъ, безъ разрѣшенія начальства, на дѣло общественной пользы (ст. 140).

Изъ этого общаго перечня открывается, что вводимое «Положеніемъ» раздѣленіе расходовъ на *обязательные* и *необязательные* не можетъ имѣть никакого существеннаго значенія, потому что по смыслу приведенной статьи почти всѣ производимые нынѣ обѣими столицами расходы должны быть отнесены въ разрядъ обязательныхъ въ смыслѣ «Положенія». А слѣдовательно и дополненіе о томъ, что денежныя средства, остающіяся за покрытіемъ этихъ расходовъ, могутъ быть употребляемы на предметы общественной пользы, по «усмотрѣнію» самихъ думъ, лишено дѣйствительной силы. Чтобы нагляднѣе представить себѣ положеніе вопроса, приведемъ слѣдующія данныя столичныхъ бюджетовъ. Городскіе сборы исчислены: въ Москвѣ (по отчету 1871 г.) въ 2.261,368 р. 40 к., а въ Петербургѣ (не по отчету, а по смѣтѣ 1872 года) въ 3.554,052 р. 98 к. Съ другой стороны всѣ текущіе расходы обѣихъ столицъ составляютъ:

	въ Москвѣ.	въ Петербургѣ.
Уплата долговъ	57,542 р. 19 к.	24,264 р. 94 к.
Общественное управленіе	176,758 > 06 >	308,757 > 78 >
Контора адресовъ	16,456 > 16 ¹ / ₂ >	18,702 > 53 >
Городская полиція	525,111 > 77 >	1.106,365 > 38 >
Пожарная часть	157,474 > 99 >	196,451 > 12 >
Мировныя учрежденія	112,451 > 10 ¹ / ₄ >	235,600 > 77 >
Тюремныя учрежденія	61,575 > 50 ¹ / ₂ >	78,805 > 89 >
Пенсія и пособія	10,052 > 84 >	6,220 > 86 >
Водопроводъ	96,055 > 11 >	— — ¹
Улицы и площади	24,716 > 96 ¹ / ₂ >	— — ¹
Освященіе города	174,636 > 21 ³ / ₄ >	384,416 > 96 >
Воинская и квартирная часть	86,145 > 08 ³ / ₄ >	150,819 > 60 >
Учебная часть	44,269 > 46 ¹ / ₂ >	101,292 > 85 >
Благотворительныя заведенія	199,342 > 37 ¹ / ₂ >	277,306 > 82 >
Пособія разнымъ учрежденіямъ	169,483 > 67 >	66,573 > 04 >
Разныя расходы	57,415 > 18 ³ / ₄ >	43,127 > 37 >
Строительная часть	466,591 > 63 >	985,055 > 46 >
Итого	2.436,078 р. 33 к.	3.978,761 р. 37 к.

Вглядѣвшись пристальнѣе въ внутренній смыслъ исчисленныхъ расходовъ въ Москвѣ и Петербургѣ, можно ясно видѣть, что почти всѣ они должны быть отнесены къ разряду *обязательныхъ*, т.-е. такихъ, за которыми губернаторъ имѣетъ постоянный надзоръ. Исключеніе могутъ составить развѣ нѣкоторыя расходы, да еще нѣкоторыя изъ строительныхъ работъ. Впрочемъ, изъ 466,591 р. 63 к., истраченныхъ въ Москвѣ на строительныя работы, до 250,000 р. пошли на отстройку казармъ, полицейскихъ зданій и проч., т.-е. на такіе предметы, которые должны быть признаны также *обязательными* по закону. Мало того, изъ приведеннаго перечня видно также, что въ настоящее время ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ текущихъ сборовъ недостаетъ на удовлетвореніе всѣхъ этихъ обязательныхъ расходовъ.

Вообще вводимое «Городовымъ Положеніемъ» раздѣленіе расходовъ на обязательныя и необязательныя представляется очень страннымъ, а потому и новое право думъ расходовать остаточныя суммы на предметы общественной пользы, лишь по одному собственному «усмотрѣнію» (т.-е. безъ разрѣшенія начальства) лишено въ нашихъ глазахъ всякаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что въ данный годъ, за исполненіемъ всѣхъ *обязательныхъ* расходовъ, въ городской кассѣ осталось 500,000 руб., которые дума можетъ истратить на «предметы общественной пользы». Что же это за «предметы»? Улучшеніе освѣщенія, очищеніе города, открытіе школъ и проч., т.-е. все тѣ же

¹ Эти статьи показаны въ петербургскомъ бюджетѣ въ общемъ расходѣ на строительныя работы.

потребности, которыя отнесены «Положеніемъ» къ числу «обязательныхъ» для города. Строго говоря, никакихъ другихъ потребностей, не общественнаго или общепользнаго значенія и быть не можетъ.

Если и теперь текущихъ доходовъ не хватаетъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей столицъ, то съ открытіемъ новыхъ общественныхъ управленій неминуемо еще болѣе должны увеличиться ихъ расходы, тогда какъ источники доходовъ останутся пока тѣ же. Если, напримѣръ, въ скорѣйшемъ времени, до приведенія въ порядокъ городскихъ бюджетовъ, послѣдуетъ передача въ вѣдѣніе Москвы и Петербурга нѣкоторыхъ больницъ, крайне стѣсненныхъ теперь въ своемъ содержаніи, то новымъ столичнымъ думамъ можетъ даже грозить опасность оказаться въ невозможности исполнить всѣ возложенныя на нихъ по закону расходы. Гдѣ же искать средствъ къ устраненію такого совершенно неправильнаго порядка вещей? «Городовое Положеніе», очевидно, не имѣло въ виду этого вопроса. А между тѣмъ отвѣтъ на него не труденъ и самъ собою подсказывается практическимъ положеніемъ городского дѣла въ столицахъ. Дѣло въ томъ, что и въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ разное время было отнесено на счетъ городской кассы множество расходовъ, вызываемыхъ не мѣстною общественною, а общегосударственною потребностью, такъ что суммы, отпускаемыя на эти предметы имѣютъ значеніе постоянныхъ пособій государственному казначейству и другимъ вѣдомствамъ. Къ числу такихъ расходовъ можно отнести: содержаніе хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, генераль-губернаторскаго и губернаторскихъ управленій, жандармовъ, центральныхъ тюремъ, въ родѣ московскаго острога, содержащаго преступниковъ не одной лишь столицы, а со всѣхъ концовъ Россіи, воинская повинность и квартирное довольствіе и проч. Здѣсь не мѣсто, конечно, въ подробности исчислять эти расходы, но во всякомъ случаѣ ихъ окажется очень много. Слѣдовательно, чтобы предоставляемое «Городовымъ Положеніемъ» право столицъ самостоятельно распоряжаться городскими суммами на общественную пользу, имѣло дѣйствительное реальное значеніе, необходимо было бы прежде всего, не избирать настоящаго положенія вещей за исходный пунктъ реформы, а разсмотрѣть тщательно всѣ производимыя столицами расходы и точно вычислить: которые изъ нихъ по существу дѣла *вызываются* городскою, чисто общественною надобностью и потому всецѣло должны лежать на обязанности городскихъ кассъ, и которые изъ этихъ расходовъ, какъ *невызываемыя* мѣстными городскими потребностями, справедливо было бы снять съ обязанности столицъ и отнести на другіе источники, государственные или земскіе. Только въ такомъ смыслѣ и слѣдовало бы употреблять термины *обязательныхъ* и *необязательныхъ* расходовъ.

О сложеніи и сокращеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ расходовъ московская дума неоднократно ходатайствовала передъ высшимъ правительствомъ, но не получила удовлетворенія.

На все сейчасъ сказанное намъ могутъ возразить тѣмъ, что наши города вообще, и столицы въ особенности не должны быть совершенно освобождены отъ такихъ тягостей, которыя не оправдываются одними только чисто общественными, городскими потребностями, что столицы непременно должны быть солидарны съ общегосударственными цѣлями и приходить на помощь государству, особенно при его стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Подобное возраженіе дѣйствительно справедливо, но лишь въ извѣстную мѣру. Не считая удобнымъ опровергать его здѣсь въ его общемъ смыслѣ, мы все-таки утверждаемъ, что наши столичные общественныя управленія, при настоящихъ крайне стѣсненныхъ средствахъ и обремененіи *обязательными* (не въ смыслѣ «Городового Положенія») расходами, не будутъ въ состояніи воспользоваться даже малою долею предоставляемымъ имъ правомъ употреблять городскія средства на предметы общественной пользы и произвести существенныя улучшенія въ отношеніи «городскаго благоустройства и благосостоянія жителей», впредь до приведенія городскихъ бюджетовъ въ правильное равновѣсіе. Правда, есть еще другое средство, могущее привести къ той же цѣли, это—увеличеніе городскихъ доходовъ или открытіе новыхъ источниковъ сборовъ, или возвышеніе размѣровъ существующихъ налоговъ. Но этимъ средствомъ, ведущимъ къ большому или меньшему обремененію плательщиковъ, можно воспользоваться лишь съ большою осмотрительностью. Во всякомъ случаѣ было бы несправедливо нынѣ же прибѣгнуть только къ этому средству и совершенно отвергнуть сокращеніе непроезводительныхъ расходовъ. Обѣ эти задачи должны быть разрѣшаемы одновременно и до тѣхъ поръ, пока наши столицы не будутъ облегчены въ расходахъ не вызываемыхъ мѣстною общественною надобностью и не изыщутъ болѣе обильныхъ и правильныхъ источниковъ сборовъ, до тѣхъ поръ ихъ новыя общественныя управленія рискуютъ остаться въ финансовомъ отношеніи въ значительной долѣ только приходорасходчиками городскихъ сборовъ, безконтрольно употребляемыхъ на множество постороннихъ, независимыхъ отъ думъ учреждений.

ДРАМА ВЪ ЕВРОПѢ И У НАСЪ.

Статья вторая.

III.

Различіе западно-европейской жизни отъ нашей ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнено съ такимъ успѣхомъ, какъ съ различіемъ жизни деревенскихъ мальчишекъ и воспитанниковъ какаго-либо фешенебельнаго пансіона. Вы не скажете конечно, чтобы воспитаніе деревенскихъ дѣтей представляло нѣчто такое идеальное, выше чего трудно было-бы чего-либо и искать. Напротивъ того, вы встрѣтите въ немъ массу всевозможныхъ недостатковъ; скажу болѣе, найдете здѣсь полное отсутствіе всякаго воспитанія; за исключеніемъ нѣсколькихъ турмановъ въ день, изрѣдка жаркой порки, мальчикъ предоставляется самому себѣ, рыщетъ по полямъ и лѣсамъ, и живетъ въ волюшку, дѣлая все, что только Богъ ему на душу положить, и если при этомъ онъ не утонетъ въ рѣкѣ, не сорвется съ верховаго дерева и не искалечится въ схваткѣ съ товарищами, то въ этомъ онъ никому не будетъ обязанъ, какъ самому себѣ. Но при всемъ этомъ въ жизни деревенскихъ сорванцевъ есть многое такое, чему по всей справедливости могутъ позавидовать сытые духовною и матеріальною пищею, тепло одѣтые, обруженные всевозможнымъ комфортомъ, взлелеянные гуманнымъ обращеніемъ и неусыпнымъ надзоромъ, воспитанники самаго идеальнаго заведенія.

Дѣло въ томъ, что въ силу именно полного отсутствія всякой опеки у деревенскаго мальчика всегда есть свой заповѣдный міръ, въ который никто не заглядываетъ и не ставитъ никакихъ препонъ и регламентацій. Въ этомъ-то мірѣ дѣтскихъ игръ, шалостей и различныхъ походовъ въ шумной толпѣ товарищей закаляется его характеръ, развивается та смѣтливость, предпримчивость и богатая фантазія, которыми такъ часто отличаются сельскія дѣти и которыя утрачиваются ими впоследствии подъ различными тлетворными вліяніями жизни. Никѣмъ не стѣсняемая, не останавливаемая игра сельскихъ дѣтей отли-

чаются безконечнымъ разнообразіемъ и причудливостью. Это своего рода драматическія представленія, въ которыхъ дѣти отражаютъ всю жизнь окружающую ихъ. Рядомъ съ традиціонными играми, изъ которыхъ многія могутъ послужить нашимъ археологамъ матеріаломъ для изученія языческихъ обрядовъ отдаленной древности, каждое новое явленіе жизни создаетъ новую игру. Я лично имѣлъ случай наблюдать, какъ дѣти одной деревни, расположенной недалеко отъ желѣзной дороги, играли цѣлое лѣто въ машину, разставляли сторожей съ флагами и бѣгали, до того искусно подражая свисту локомотива, что на этотъ свистъ не разъ выбѣгали изъ домовъ взрослые, ожидавшіе прибытія настоящаго поѣзда. Въ другой деревнѣ дѣти играли въ бунты, при чемъ у нихъ были на сценѣ всѣ атрибуты сельскихъ бунтовъ: мировые посредники и становые, солдаты со штыками и неизбѣжныя въ этихъ случаяхъ розги. Кому въ дѣтствѣ не запрещали рѣзвиться безъ всякаго стѣсненія въ кругу товарищей и кто игралъ въ подобныя игры, тотъ навѣрное помнитъ, сколько было живой, поэтической обаятельности въ этихъ дѣтскихъ лицедѣйствіяхъ и еще бы: прелесть этихъ игръ заключалась не въ одномъ только бѣганьи и разбиваніи носовъ: въ нихъ инстинктивно присутствовалъ тотъ-же самый эстетическій элементъ, который доставляетъ столько наслажденія талантливому актеру, когда онъ исполняетъ роль Гамлета.

Но подобнаго наслажденія конечно никогда не приходится испытывать воспитаннику фешенебельнаго пансіона, въ которомъ вся жизнь ребенка подчинена разъ опредѣленному машинообразному строю въ самыхъ тѣсныхъ границахъ и за каждымъ шагомъ мальчика наблюдаютъ сотни глазъ. У воспитанниковъ бываютъ свои опредѣленные часы, въ которые предписывается имъ дѣлать движенія въ родѣ игры въ мячъ или гимнастическихъ упражненій по всѣмъ правиламъ искусства и подъ руководствомъ наставника, за тѣмъ, если и остаются у нихъ свободныя минуты отъ многочисленныхъ занятій, то бдительно око всевозможныхъ гувернеровъ, туторовъ, воспитателей не оставляетъ ихъ и здѣсь. Не говоря уже о томъ, что дававшее разнообразіе обстановки и жизни даетъ не много пищи фантазіи и потому репертуаръ игръ въ закрытыхъ заведеніяхъ всегда бываетъ самый жалкій, даже и въ этихъ немногихъ играхъ дѣти стѣсняются ежеминутными замѣчаніями, стѣсненіями и обуздываніями; достаточно наконецъ одного присутствія бдительнаго, начальственнаго ока и уже рѣзвость дѣтей гаснетъ, дѣлается сдержанною, натынутою. Высшій идеаль дѣтскаго поведенія въ головѣ весьма многихъ воспитателей заключается въ томъ, чтобы благовоспитанныя дѣти смиренно ходили по парамъ и скромно бесѣдовали между собою о разныхъ возвышенныхъ добродѣтеляхъ. И отчасти такой идеаль осуществляется. Послѣ двухъ, трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ закрытомъ заведеніи, маль-

чикъ дѣйствительно во многомъ измѣняется въ пользу вышеозначеннаго идеала: онъ дѣлается неловокъ, вялъ, сосредоточенъ, молчаливъ; ему дѣлается стыдно и боязно сдѣлать мало-мальски свободное движеніе; онъ пугается каждаго звука своего голоса, при ежеминутно преслѣдующей его мысли: прилично-ли, не осудили-бы, не нажить-бы посрамленія или иной какой бѣды. Дѣти въ какіе нибудь три, четыре года дѣйствительно доводятся до того, что ходять по парамъ и жмутся въ пугливо перешептывающіяся кучки.... насколько только при этомъ бесѣды ихъ касаются возвышенныхъ добродѣтелей, объ этомъ ужъ не будемъ говорить; во всякомъ случаѣ, идеаль воспитанія достигнуть: въ заведеніи господствуетъ мертвая, ни однимъ живымъ возгласомъ ненарушимая тишина, порядокъ и благонравіе... Но введите хоть одного 13-лѣтняго мальчика изъ подобнаго заведенія въ кругъ сельскихъ дѣтей, Боже, какимъ жалкимъ созданіемъ покажется онъ среди нихъ, какимъ неловкимъ, неулыжимъ, подавленнымъ, одинокимъ почувствуетъ онъ себя среди шума и гама дѣтскихъ игръ, и какъ онъ будетъ смѣшонъ со своими прилично-ли, ловко-ли, и вѣчнымъ побужденіемъ ходить съ кѣмъ-либо взявшись подъ руку мѣрными шагами въ ногу и разговаривать при этомъ если не о возвышенныхъ добродѣтеляхъ, то о только что прочитанномъ романѣ Поль-де-Кова,

Наша жизнь по всѣмъ своимъ внѣшнимъ порядкамъ весьма напоминаетъ жизнь воспитанниковъ закрытыхъ заведеній. Все у насъ стройно распредѣлено и размѣрено, отъ какаго и до какаго часа заниматься и что дѣлать во время рекреаций и уже Боже упаси, отступить хоть на шагъ отъ положенной программы.

Вверху насъ стѣсняетъ цѣлый рядъ чопорныхъ обычаевъ и приличій, внизу за нами сторожатъ сотни бдительныхъ очей на каждомъ шагу и нужно-ли распространяться насчетъ той избитой истины, что въ жизни нашей замѣчается полное отсутствіе той радостной, шумной, игривой общественной веселости, которая съ испоконъ вѣковъ проявлялась и проявляется въ жизни западнаго человѣка, веселости, въ которой мѣсто грубаго, пьянаго разгула занимала-бы свободная, ничѣмъ не стѣсняемая игра остроумія, юмора и воображенія. Много уже было говорено насчетъ той одуряющей скуки, которая повсюду преслѣдуетъ насъ на балахъ и маскарадахъ, на пикникахъ и объѣздахъ; всѣ наши общественныя собранія имѣютъ видъ какихъ-то официальныхъ обрядовъ, исполняемыхъ по заказу или обязанности, такъ что вы иногда не разберете, зачѣмъ собрались люди, на веселье или погребѣльную процессію. Всѣ наши такъ называемыя народныя гулянья походятъ не столько на сборища людей, собиравшихся веселиться, сколько на пастбища коровъ, молча жующихъ травку и смотрящихъ куда-то вдаль, переминаясь съ ноги на ногу. Вездѣ мы чувствуемъ себя неловко,

стѣсненно, сдерживаемся, молчимъ и уходимъ въ себя, какъ будто мы не у себя дома и боимся, что вотъ сейчасъ подхватятъ насъ подъ руки и выведутъ или поведутъ куда либо въ недоброе мѣсто. Вѣчно мы чувствуемъ, то слишкомъ знакомое всѣмъ скучающимъ дѣтямъ чувство, что будто намъ чего-то недостаетъ, чего-то хочется такого, выходящаго изъ обыкновеннаго уровня, чего мы не въ силахъ никакъ вообразить. И чтобы хоть какъ нибудь удовлетворить эту жажду, мы какъ воры или школьники, боящіяся гувернера выбираемъ для этого ночь и все наше веселье состоитъ въ томъ, чтобы летѣть съ гиванѣмъ и свистомъ на тройкѣ, давая всѣхъ встрѣчающихся на дорогѣ или разбивать посуду и зеркала въ гостинницахъ. Послѣ такого диваго, чисто-азиатскаго разгула мы снова замыкаемся въ себя и опять наша жизнь течетъ монотонно, вяло.

Но было-бы совершенно напрасно обусловливать такую вопиющую разницу въ развитіи общественности на западѣ и у насъ исключительно степенью умственнаго развитія. Западъ, молъ, стоитъ на высшей степени цивилизаціи, потому люди и веселиться умѣютъ тамъ утонченнѣе, изящнѣе и умнѣе: а наше веселье ограничивается однимъ пьянымъ разгуломъ, потому что мы грубые варвары. Тысячу разъ нѣтъ. Мы видимъ, что на Западѣ, даже въ отдаленные вѣка самаго грубаго варварства, во всѣхъ классахъ общества — общественныя увеселенія были исполнены богатаго содержанія. Люди собирались для того, чтобы устроить турниръ, разыграть мистерію, пройти въ какой нибудь уличной процессіи въ разноцвѣтныхъ костюмахъ съ флагами и хорами, а вовсе не для того, чтобы сойдясь, не зная, чѣмъ разсѣять общую скуку, искать единственнаго утѣшенія въ буйномъ хмѣлѣ и въ довершеніе всѣхъ благъ учинить какой нибудь грязный скандалъ. Вино служило на Западѣ по большей части не столько цѣлюю сходовъ, сколько спутникомъ веселья. Даже въ тавернахъ, куда шли специально затѣмъ, чтобы пить, слушаніе куплетовъ, импровизированныхъ сценъ и фарсовъ, разыгрываемыхъ гистріонами и жонглерами отвлекало собесѣдниковъ отъ буйства хмѣля и обуздывало ихъ отъ какихъ-либо безобразныхъ порывовъ веселья. У насъ-же, если мы возьмемъ людей, стоящихъ на самой высокой степени образованности, то и въ нихъ мы встрѣтимъ тоже отсутствіе умѣнья веселиться такъ, чтобы веселье, вполне оправдывая это слово, въ тоже время было разумнымъ человѣческимъ весельемъ, чтобы всѣ силы природы, физическія и умственныя, принимали равное участіе въ немъ. Нашъ образованный человѣкъ, если только онъ не хочетъ уподобиться животному, то сдерживается и скучаетъ вдосталь, корча изъ себя обыкновенно святошу, сердце котораго доступно только для высшихъ изящныхъ наслажденій, и всѣ эти высшія изящныя наслажденія заключаются въ томъ, что онъ въ сотый

разъ слушаетъ одну и ту же оперу, дремлетъ подъ звуки такъ называемой серьезной музыки или низойдетъ иногда до того, что прошаркаетъ кадрили, занимая даму пріятными разговорами о погодѣ; если-же жажда развернуться преодолеваетъ напускную серьезность подъ вліаніемъ темперамента, тогда онъ ничѣмъ не въ состояніи бываетъ удовлетворить этой жадѣ, какъ тоу-же бессмысленною и грязною оргією, какъ и любой сапожникъ или купеческій сыночекъ, проучивающій батюшкино наслѣдство.

Причинъ всего этого слѣдуетъ искать въ историческихъ условіяхъ нашей жизни; эти историческія условія должны объяснить намъ, почему въ нашемъ обществѣ замѣчается такое полное отсутствіе всякой общественности; почему повсюду господствуетъ таваа! замкнутость; откуда эта монотонность и вялость во всѣхъ отправленияхъ общественной жизни; мы увидимъ далѣе, что тѣми-же самыми причинами обуславливается и бѣдность нашей сцены.

Если мы обратимъ вниманіе на первыя страницы нашей исторіи, мы увидимъ, что въ началѣ среднихъ вѣковъ жизнь наша сложилась совершенно такъ же, какъ и въ Западной Европѣ; если и отличалась какими-либо частными особенностями, отличіями на примѣръ удѣльной системы отъ феодальной, за то общія условія были тѣ же самыя.— Мало этого: мы найдемъ въ нашемъ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ такія благопріятныя условія для развитія, какихъ мы не находимъ въ Европѣ этого-же времени. Такъ мы видимъ, что у насъ гораздо ранѣе развиваются города, чѣмъ на Западѣ. Въ то время, какъ на Западѣ города находились еще вполнѣ подъ игомъ феодализма, у насъ они уже получали льготныя грамоты, имѣли свой голосъ въ общественныхъ дѣлахъ на вѣчахъ, призывали и изгоняли князей, разрѣшали или запрещали имъ тѣ или другіе походы.— Съ развитіемъ городовъ соединяется развитіе средняго сословія и дѣйствительно мы видимъ присутствіе средняго сословія въ нашей удѣльно-вѣчевой жизни въ такое время, когда на Западѣ о немъ не было еще и помину. Не говоря уже о томъ, что въ XI и XII вѣкахъ Россія вела обширную торговлю со всѣми странами, окружавшими ее, что заселеніе сѣвернаго и восточнаго края было дѣломъ колонизаціи чисто промышленно-торговой, что на всѣхъ народныхъ вѣчахъ рѣшеніе зависѣло по большей части отъ голосовъ купцовъ, достаточно указать на тотъ характеристическій фактъ, что въ то время, какъ на Западѣ могъ существовать одинъ только аристократическій эпосъ, у насъ рядомъ съ дружиннымъ эпосомъ—возникъ купеческій, и богатыри промышленнаго сословія Садко и Василий Буслаевъ парадруютъ рядомъ съ военными богатырями, Добрынями, Ильями Муромцами и пр.

При всѣхъ этихъ условіяхъ мы видимъ въ первые вѣка нашей исторіи такое-же развитіе духа общественности, какъ и

на Западѣ. Люди, сообща рѣшавшіе свои общественныя дѣла, сообща молились и веселились. Между сель происходили шумныя игрища, сохранившіяся отъ временъ язычества, заключавшіяся въ пляскахъ и пѣніи различныхъ пѣсень въ честь древнихъ стихійныхъ божествъ; остатки этихъ игрищъ мы и теперь находимъ въ деревенскихъ хоровахъ, заключающихъ въ себѣ, какъ извѣстно, такое обиліе драматическаго элемента. По улицамъ городовъ въ святки и въ масленицу устраивали процессіи въ фантастическихъ костюмахъ, сопровождаемыя пѣснями, плясками и разыгрываньемъ импровизированныхъ сценъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи, что въ областяхъ, въ которыхъ наиболѣе была развита свобода общественной жизни, какова новгородская область, наиболѣе сохранились и остатки этихъ древнихъ карнаваловъ. Такъ мы видимъ, что въ Тихвинѣ до сихъ поръ во время масленицы снаряжается большая лодка, ставящаяся на нѣсколько саней; въ сани впрягается множество лошадей, на которыхъ верхомъ ѣдутъ окрутники; окрутники же въ разнообразныхъ костюмахъ стоятъ въ этой лодкѣ, нарядно убранной и украшенной флагами; во время процессіи стоящія въ лодкѣ разыгрываютъ въ ней, какъ на подвижномъ театрѣ различныя сцены, поютъ комическія пѣсни и пляшутъ. Въ Кириловѣ до сихъ поръ на святкахъ происходитъ маскарадное шествіе или, по мѣстному названію, *кудесъ*. Ряженые въ уродливыхъ маскахъ собираются толпами отъ трехъ до пятнадцати человѣкъ; передовые несутъ на плечахъ метлы и ухваты, за ними двигаются остальные члены процессіи и, останавливаясь передъ разными домами, заходятъ въ нихъ и исполняютъ всесвѣтную комедію о Максимилианѣ и его сынѣ Адольфѣ. Кромѣ того во многихъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи до сихъ поръ сохраняется обычай устраивать такъ называемыя *игрища*, гдѣ при нѣкоторой театральной обстановкѣ, устройствѣ полукругомъ мѣсть для зрителей и т. п. вводятся одинъ за другимъ ряженые (халавы, какъ ихъ называютъ въ Ярославской губерніи или *нарядики* въ Олонецкой) и исполняютъ различныя сцены изъ традиціоннаго репертуара святочныхъ игръ. Приходящіе съ улицы новыя ряженые подкрѣпляютъ составъ исполнителей и разнообразятъ забаву новыми сценами. (См. ст. т. въ Евр. А. Веселовскаго стр. 299 и 300).

Подобно западнымъ гистрионамъ, жонглерамъ и менестрелямъ неизбѣжными спутниками всѣхъ народныхъ и частныхъ празднествъ были у насъ скоморохи. Появленіе скомороховъ въ нашей жизни теряется въ глубокой древности. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что о присутствіи скомороховъ при княжескомъ дворѣ упоминается уже въ житіи Феодосія Печерскаго, написанномъ Несторомъ. «Непрерывный рядъ обличеній, говоритъ г. Веселовскій, которыми духовенство всегда громило любезныхъ народу скомороховъ, обличеній, не прекращающихся почти вплоть до XVIII вѣка, свидѣтельствуетъ о распространеніи и живучести

скоморошества и при этомъ косвенно сообщаетъ наибольшее число свѣдѣній о немъ. Обличенія эти рисуютъ намъ скомороховъ главнѣйшими участниками народныхъ обрядовъ; въ свадебной драмѣ они играютъ одну изъ первыхъ ролей и всегда идутъ съ пѣснями, плясками и импровизированными шуточными сценами во главѣ свадебнаго поѣзда. Настаетъ-ли трезна по умершемъ и на кладбище сойдется толпами народъ, невольно настроенный на грустный ладъ, являются скоморохи, и мигомъ настроеніе мѣняется, печаль уступаетъ мѣсто необузданному веселью и «мужи и жены отъ плача переставше начнутъ скакать и плясати, и въ долони бити и пѣсни сатанинскія пѣти». Купальскіе и колядныя обряды также не обходились безъ участія скомороховъ. Игра на музыкальныхъ инструментахъ, замрахъ или зурнахъ, домрахъ, гудкахъ, трубахъ, гусяхъ, шутовскія пѣсни, разъ сложившіяся и хранимыя народною памятью, цѣлыя сцены съ правильнымъ распредѣленіемъ ролей между членами скоморошей артели, одѣтыми въ пестрые костюмы, увѣшанные бубенчиками, переряживание въ звѣринныя шкуры или людскія наряды и наконецъ надѣваніе масокъ (хари, скураты), казавшіяся почему-то въ глазахъ пуристовъ наибольшимъ и тягчайшимъ прегрѣшеніемъ «глумотворцевъ», — таковы были занятія, таковъ репертуаръ, или, употребляя подлинное выраженіе, промыселъ скомороховъ. Участвуя въ народныхъ обрядахъ, они входили во внутренній бытъ народа, проникали въ семейную жизнь и, славясь остроуміемъ и находчивостію, нерѣдко становились посредниками въ рѣшеніи важныхъ семейныхъ вопросовъ». (См. ст. т. въ Евр. стр. 304, 305). вмѣстѣ со всѣмъ этимъ скоморохи съ раннихъ поръ начинаютъ носить съ собою подвижныя куклы или маріонетки и при помощи ихъ давать болѣе обширныя размѣры представленіямъ. По словамъ г. Веселовскаго у Олеарія встрѣчается любопытное описаніе незатѣливой переносной сцены, которую скоморохи устраивали для представленія маріонетныхъ пьесъ. «Для этого, говоритъ онъ, они обвязываютъ вокругъ своего тѣла простыню, поднимаютъ свободную ея сторону вверхъ и устраиваютъ надъ головой своей такимъ образомъ нѣчто въ родѣ сцены (*theatrum portatile*), съ которою они и ходятъ по улицамъ, и показываютъ на ней изъ куклозъ разныя представленія». Иногда же вмѣсто подобнаго устройства скоморохи носили на головѣ простыя доски съ подвижными куклами, придавая имъ различныя забавныя положенія. Странствующие комедіанты, введшіе въ употребленіе маріонетки, при своихъ играхъ, были, безъ сомнѣнія, какъ Русскіе, такъ и пришельцы; въ послѣднемъ случаѣ, болѣе всего Голландцы, такъ какъ Олеарій, говоря объ описываемыхъ представленіяхъ, отмѣчаетъ даже современное голландское названіе ихъ — *klucht* (шалость). Какъ всегда, скоморохи-маріонетщики ходили по городамъ и селамъ не одиноко, а въ сопровожденіи другихъ фигляровъ и музыкантовъ. Тотъ-же путешественникъ говоритъ,

что напр. вожаки медвѣдей имѣли при себѣ всегда подобныхъ комедіантовъ, что уличные скрипачи всенародно воспѣвали съ аккомпаниментомъ музыки тѣ циническія дѣйствія, которыя тутъ-же показывались молодыми комедіантами». (см. Ст. т. въ Евр. стр. 308 и 309).

Рядомъ со всѣми этими языческими элементами театра, мы видимъ возникновеніе и первыхъ зачатковъ духовно-религіозной драмы—въ видѣ драматическихъ церковныхъ обрядовъ. Такихъ обрядовъ было четыре въ древней Руси: пещное дѣйство передъ Рождествомъ, шествіе на ослати на вербной недѣлѣ, омовеніе ногъ въ страстной четвергъ и дѣйство страшнаго суда. Здѣсь мы опять встрѣчаемся въ книгѣ Г. Веселовскаго съ тѣмъ же невѣрнымъ толкованіемъ относительно судьбы духовной драмы въ Россіи, какое мы встрѣтили уже по поводу развитія западной мистеріи. По мнѣнію г. Веселовскаго вышеупомянутые церковные обряды остались у насъ въ своемъ неизмѣнномъ видѣ и не развились въ мистеріи единственно потому, что наша церковь, употребляя понятный для народа славянскій языкъ, не нуждалась въ наглядныхъ представленіяхъ событій изъ священнои исторіи. Но такое объясненіе, повторяю еще разъ, крайне натянуто и искусственно главнымъ образомъ потому, что предполагаетъ развитіе драмы въ зависимости не отъ естественныхъ причинъ, лежащихъ въ человѣческой природѣ, а отъ причинъ чисто внѣшнихъ, случайныхъ, искусственныхъ педагогическихъ цѣлей. Если бы захотѣли сдѣлать прямой логическій выводъ изъ предположеній г. Веселовскаго, то вамъ придется вывести такой законъ для развитія драмы, что драма можетъ естественно развиваться изъ религіозныхъ обрядовъ только у тѣхъ народовъ, у которыхъ богослуженіе совершается на непонятномъ для народа языкѣ; странность подобнаго вывода бросается въ глаза и опровергается всевозможными фактами исторіи. Послѣ этого, остается предположить, что и религіозный культъ древней Греціи совершался тоже на иностранномъ языкѣ; иначе какъ же бы могла развиться греческая драма изъ него, если жрецы, совершая свои обряды на отечественномъ языкѣ, не нуждались въ наглядныхъ представленіяхъ передъ народомъ подвиговъ Діонисія? Но въ томъ-то и дѣло, что какъ въ древней Греціи жрецы совершали свои драматическіе обряды, вовсе не ради поученія, а въ честь самихъ боговъ, такъ поступало и западное духовенство, и наше въ средніе вѣка. Стремленіе представить религіозное дѣйствіе обусловливалось ничѣмъ инымъ какъ религіознымъ экстазомъ, смѣшаннымъ съ поэтическимъ восторгомъ при созерцаніи чествуемаго событія. Въ то же время Г. Веселовскій забываетъ, что на западѣ религіозные обряды начали развиваться въ цѣль для драматическія представленія только тогда уже, когда ихъ взялъ въ свои руки народъ; неужели-же и народъ занимался этимъ съ цѣлью поучить кого либо своими драмами. До тѣхъ

же поръ пока народъ не завладѣлъ церковною драмою, она ограничивалась подобно тому, какъ и у насъ, нѣсколькими обрядами. Г. Веселовскій забываетъ, что и въ Западной Европѣ былъ такой зачаточный періодъ въ развитіи драмы, когда весь цикл ея ограничивался переодѣваніями двухъ-трехъ священниковъ во время святочныхъ и пасхальныхъ богослуженій. Различіе заключается только въ томъ, что на Западѣ этотъ зачаточный періодъ имѣлъ мѣсто гораздо ранѣе, чѣмъ у насъ,—еще въ V и VI вѣкахъ, такъ что въ XII вѣкѣ духовная драма могла уже развиться до отдѣленія отъ церкви, въ то время, какъ у насъ она только что еще возникла въ четырехъ вышеупомянутыхъ обрядахъ. Что же касается до того, что дальше этихъ обрядовъ наша драма не пошла, то причину этого слѣдуетъ искать не въ славянскомъ языкѣ богослуженія, а въ той страшной катастрофѣ, которая парализовала на долгіе вѣка всякое умственное развитіе въ Россіи, разорвала всѣ узы общественности, довела молодое общество до крайняго одичанія и разложенія. Однимъ словомъ духовная драма не развилась у насъ потому-же самому изъ религіозныхъ обрядовъ, почему и ничего не развилося у насъ ни въ жизни, ни въ литературѣ изъ тѣхъ зародышныхъ зачатковъ, какіе мы видимъ въ началѣ нашей исторіи.

Много было говорено о всевозможныхъ ужасахъ, съ какими соединено было татарское иго и о томъ общественномъ и нравственномъ разлѣніи, какое оно повело за собою, но до сихъ поръ еще не исполнѣ ясно и всесторонне представлено то страшное перерожденіе, какое испытало наше общество вслѣдствіе этой бѣдственной катастрофы. Если мы скажемъ, что камня на камнѣ не осталось отъ древней Руси послѣ 200-лѣтняго татарскаго погрома, то и тѣмъ мы не исполнѣ передадимъ мѣру этого перерожденія. Но особенно поразительнымъ представляется разгромъ нашей древней жизни, если мы рядомъ съ этимъ вспомнимъ, что происходило въ наше время въ западной Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, именно въ то самое время, какъ на западѣ города все болѣе и болѣе процвѣтають, приобрѣтають самостоятельность и начинаютъ привлекать къ себѣ лучшія силы общества—наша исторія представляетъ напротивъ того всеобщее разрушеніе городовъ: разграбленные, одичалые отъ страха и отчаянія жители прячутся по лѣсамъ и тамъ гибнутъ отъ холода и голода. Въ то время, какъ на западѣ начинается все болѣе и болѣе развиваться торговая промышленность и среднее сословіе богатѣетъ и вѣршеть, наше среднее сословіе нищаетъ, обезсиливаетъ, пока наконецъ совсѣмъ не уничтожается. Съ паденіемъ Новгорода и Пскова — почти прекращается всякая внѣшняя торговля, едва поддерживаемая дипломатическими сношеніями западныхъ дворовъ, напоминающими сношенія Англіи съ Китаемъ или Японіею. Всѣ богатія экономическія силы страны или остаются непродуцируемымъ мертвымъ капиталомъ, или стягиваются на востокъ въ дань татарскимъ влады-

камъ. Въ тоже время усиливающаяся подъ вліаніемъ татарскаго ига власть Москвы начинаетъ стягивать къ своему центру всю жизнь народа; удѣлы падаютъ, вѣчевые колокола отвозятся въ Москву, свободолюбивые, именитые граждане древнихъ народопробствъ тысячами переселяются въ отдаленные города; мѣсто выборныхъ посадниковъ и старостъ замѣняютъ намѣстники и воеводы. Начинается мрачная эпоха московской волокиты, правей и казней. Грозная личность Іоанна возстаеъ, чтобы рушить послѣдніе остатки всякой самостоятельности въ народѣ.

Не говоря уже о тысячахъ матеріальныхъ препятствій, какія поставило татарское иго умственному и общественному развитію страны, препятствій, въ родѣ постоянныхъ разгромовъ, всеобщаго обѣдненія, обезлюженія, не говоря уже о томъ уніиніи и упадкѣ народнаго духа, которые были естественнымъ слѣдствіемъ потери независимости,—всякое развитіе должно было остановиться въ силу одного того историческаго закона, который говоритъ намъ, что ничто не развивается въ народѣ такъ сильно упорнаго, узкаго консерватизма, какъ потеря независимости. Въ самомъ дѣлѣ: народъ свободный не особенно дорожитъ своими формами и легко мѣняетъ ихъ сообразно развитію; онъ знаетъ, что новыя формы, какія онъ принимаетъ, точно также будутъ принадлежать ему, какъ и старыя, что, принявши новыя формы, онъ не только ничего не потеряетъ, но выиграетъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ. Совершенно въ иномъ отношеніи къ формамъ своей жизни становится народъ поработенный: всѣ умственныя силы его устремляются не на развитіе этихъ формъ, а на отстаиванье ихъ противъ всякаго чуждаго вліанія; наиболѣе свѣтлыя умы и сильныя характеры тратятся на то, чтобы сохранить все родное въ томъ неизмѣнномъ видѣ, въ какомъ оно представляется въ моментъ поработенія; идеаломъ является не человекъ новой идеи, движенія, стремленія къ лучшему, а мученикъ, готовый претерпѣть всякія мученія и смерть, лишь бы не отступилъ отъ іоты вѣровавша и обычаевъ своей родной земли. Такимъ путемъ и развивается тотъ узкій формализмъ, дрожащій за каждую букву закона, который можно встрѣтить у всѣхъ народовъ, долго находившихся въ рабствѣ, какъ на примѣръ у Евреевъ, та подозрительность ко всему новому, готовая въ каждомъ малѣйшемъ отступленіи отъ обычая видѣть измѣну отечеству и преданность врагамъ. И надо замѣтить, что подобнаго рода консерватизмъ долго обыкновенно сохраняется по какой то слѣпой инерціи и послѣ того, какъ народъ давно уже успѣлъ сбросить свое иго. Такимъ образомъ то дикое, тупое недоброжелательство ко всему иноземному, то дрожаніе за каждую букву закона, тотъ мелочный формализмъ, окружавшій каждый шагъ жизни равными бессмысленными обрядами и заботящійся о точномъ исполненіи каждаго,—все это, владущее такую рѣзкую печать на нашу допетровскую старину, было не однимъ только слѣдствіемъ невѣжества, какъ многіе

наивно думаютъ. Невѣжество само по себѣ не обусловливаетъ еще консерватизма: поставьте его на почву свободы и независимости, и на какой-бы низкой степени образованности оно ни стояло, въ силу свойствъ человѣческой природы, оно непремѣнно потянется къ развитію, какъ растеніе къ свѣту. Нѣтъ это было не одно невѣжество; это была общественная болѣзнь, причиненная долгимъ рабствомъ, тяжкая болѣзнь, оковавшая всѣ умственные силы народа, обрекшая его на вѣковую неподвижность. Подъ вліяніемъ этой болѣзни мысль народа страшно съузилась, одичала; съ одной стороны она кинулась въ мрачный мистицизмъ, подъ гнетомъ котораго людямъ на каждомъ шагу начали мерещиться чары волшебства, черти и всякіе ужасы, съ другой стороны она ниспустилась до грубаго фетишизма преисполненнаго безсмысленныхъ суевѣрій и тупой обрядности. Люди, которые ужасаются при видѣ ужасовъ религіознаго фанатизма въ Испаніи Филиппа II, костровъ инквизиціи, козней іезуитовъ, не думаютъ о томъ, что все это изувѣрство было свѣтомъ сравнительно съ изувѣрствомъ нашихъ предковъ въ XV и XVI вѣкахъ. Какъ ни мраченъ былъ религіозный фанатизмъ въ Испаніи, во онъ, требуя только вѣрности церкви, не доходилъ до того, чтобы гнать всякую улыбку съ устъ вѣрныхъ и преслѣдовалъ малѣйшее побужденіе къ какимъ либо наслажденіямъ въ жизни. Такъ мы видимъ, что инквизиторамъ не только не приходило въ голову сожигать на площадяхъ костюмы актеровъ или музыкальные инструменты, но они сами поощряли театральныя зрѣлища своимъ личнымъ участіемъ: монахи писали драмы, подражая древнимъ образцамъ, хотя бы и съ одной формальной стороны. У насъ же изувѣрство дошло до такого крайняго отрицанія всей веселой стороны жизни, что при Михаилѣ Федоровичѣ неоднократно отбирались у скомороховъ маски и музыкальные инструменты и грудами сожигались на площадяхъ.

Подобное крайнее проявленіе изувѣрства вы можете найти въ Европѣ въ одномъ развѣ только экземплярѣ: именно въ запрещеніи театральныхъ представленій въ Англіи во время пуританской революціи. Но тамъ то это запрещеніе является революціонной конвульсіей въ разгарѣ политическихъ страстей, у насъ же оно представляется правительственною мѣрою, предпринятою въ совершенно спокойное время, такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, изъ одной мысли о томъ, что всякое веселье отъ бѣса.

Прямимъ слѣдствіемъ подобнаго односторонняго направленія мысли, было умственное отупѣніе, заключающееся въ отсутствіи всякой критики, способности понимать явленія, выходящія изъ уровня обыденности и отдавать себѣ отчетъ въ нихъ. При встрѣчѣ съ подобными явленіями, люди, считавшіеся образованнѣе другихъ и занимавшіе высокія мѣста въ обществѣ, какъ дѣти, терялись и усваивали одинъ безсвязный рядъ внѣшнихъ признаковъ, не понимая сущности. Такъ на примѣръ русскому

посланнику Лихачеву случилось въ 1659 году во Флоренціи присутствовать при представленіи какой-то пьесы, должно быть балета. Изъ всего этого зрѣлища онъ вынесъ слѣдующее впечатлѣніе: «объявилось море, кишеть онъ въ своемъ отчетѣ о видѣнномъ спектаклѣ: колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; а въ верху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и начали облава и съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли. Потомъ на сценѣ явилось солнце и мѣсяць, въ видѣ сѣдаго человѣка и дѣвицы въ каретахъ, запряженныхъ орсамачками, которые «какъ быть живые, ногами подрагиваютъ». Затѣмъ декорация перемѣнилась и стало видно поле, полное костей человѣческихъ, которыхъ клевали вороны; поле смѣнилось моремъ, на которомъ колыхались корабли, полные народа. Потомъ было дано на сценѣ примѣрное сраженіе, гдѣ рубились саблями и изъ пищалей стрѣляли, и наконецъ балетъ, исполненный «молодцами и дѣвицами въ золотѣ». Все представленіе завершилось фарсами шута, который притворялся голоднымъ, поѣдалъ громадное количество хлѣбовъ и «все прошалъ ѣсть». Совершенно подобное же впечатлѣніе вынесъ посольскій Потемкинъ изъ спектакля, видѣннаго имъ въ Парижѣ въ 1668 году, заключавшагося въ двухъ пьесахъ «Игрѣ любви и фортуны» и Мольеровомъ Амфитрионѣ. Мольеровской пьесы онъ совсѣмъ не замѣтилъ, а восхитился только послѣдовавшею за нею свачкою.

Къ такому отсутствію способности усвоенія мало-мальски необычайнаго явленія присоединялся суевѣрный, паническій ужасъ въ виду малѣйшаго измѣненія обычныхъ формъ жизни и внесенія въ нихъ чего нибудь новаго при этомъ. Всякая нравственная перспектива, заключающаяся въ раздѣленіи существеннаго отъ маловажнаго была потеряна. Люди никакъ не могли понять, что между куреніемъ табаку, бритіемъ бороды или принятіемъ латинской вѣры была какая нибудь разница. Имъ казалось, что за одно присутствіе на представленіи комедіи, особенно если играли актера, имъ угрожаютъ такія же муки въ будущей жизни, какъ за рядъ самыхъ ужасныхъ преступленій. Мало этого: они съ большею смѣлостью совершали неслыханныя злодѣянія, чѣмъ позволяли себѣ выпить стаканъ молока въ пятницу. Послѣ этого понятно, что когда въ Москвѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ появилась труппа нѣмецкихъ актеровъ, подъ управленіемъ Іоанна Грегори, изъ этого былъ поднятъ чуть-что не государственный вопросъ. Не смотря на то, что въ то время (1672 г.), высшее русское общество все болѣе и болѣе свыкалось съ обычаями иностранной жизни и начинало уже соблазняться ими, появленіе нѣмецкихъ комедіантовъ сильно смутило дворъ. Какъ ни велико было желаніе извѣдать сладость запретнаго плода, но боязнь слишкомъ смѣло пойти въ разрѣзъ съ преданіемъ и этикетомъ и нарушить характеръ величавой замкнутости, умышленно придаваемой внутреннему быту государя, возбудила

робость и нерѣшительность. Съ одной стороны потребовали разъясненія отъ актеровъ, съ другой искали совѣта у высшаго духовенства. И только тогда рѣшились вкусить запретнаго плода, когда узнали, что репертуаръ Грегори состоялъ изъ пьесъ набожнаго и богобоязненнаго содержанія и не могъ ни въ чемъ уронить честь государя, и когда опасенія упрека въ новшествахъ и уклоненіи отъ православныхъ преданій были разсѣяны царскимъ духовникомъ, указавшимъ на употребительность театральныхъ представленій при византийскомъ дворѣ.

Такое печальное извращеніе умственной сферы народа должно было отразиться и на общественныхъ отношеніяхъ его. Не говоримъ уже о томъ всеобщемъ огрубеніи нравовъ, которое было прямымъ слѣдствіемъ татарскаго ига, о затворничествѣ женщинъ, о исчезновеніи всякаго понятія о чести и чувствѣ человеческого достоинства и замѣнѣ этого чувства рабскимъ подобострастіемъ и уничиженіемъ, о страшномъ развитіи тѣлесныхъ наказаній, распросраненныхъ равно на всѣ классы народа и пр. и пр. Кромѣ всѣхъ этихъ прямыхъ слѣдствій татарскаго владычества, мы видимъ рядъ мрачныхъ явленій въ развитіи нашей общественности, зависящихъ отъ измѣненія самыхъ основъ общественнаго быта и того умственнаго извращенія, о которомъ мы говорили на предыдущихъ страницахъ. По мѣрѣ того, какъ различныя области и города теряли свою самостоятельность и Москва все болѣе и болѣе стягивала жизнь народа въ своемъ центрѣ, угасалъ и тотъ духъ живой общественности, который былъ влючемъ повсюду въ домонгольскій періодъ. вмѣстѣ съ усиленіемъ власти въ московскомъ правительствѣ росла и полицейская подозрительность, въ каждомъ мало-мальски живомъ движеніи народа видѣвшая покушеніе на измѣну, или продерзостное вмѣшательство. Подозрительность эта, соединяясь съ суевѣрнымъ страхомъ всевозможной бѣсовщины въ видѣ чаръ, наговоровъ и наущеній всякаго рода доходила до магіи. Правительственныя лица представлялись какъ-бы постоянными мишенями для различныхъ бѣсовскихъ, чародейскихъ экспериментовъ. Стоило высочайшей особѣ захворать какою нибудь необыкновенною болѣзнью и сейчасъ являлись подозрѣнія въ навожденіи бѣсовской силы, отравѣ, начинались доносы и процессы съ пытками и казнями. При легкости, съ какою принимались всякіе наговоры, все общество было превращено въ шайку доносчиковъ: доносили слуги на господъ, жены на мужей, дѣти на родителей. Естественно, что вслѣдствіе всего этого люди стремились не къ общенію другъ съ другомъ, а къ разобщенію: самые загадочные повидимому пріатели, самые близкіе родственники подозрительно косились другъ на друга, потому что ни за кого нельзя было ручаться и всякое неосторожно оброненное слово вело человѣка къ полной зависимости отъ ближняго, въ уши котораго это слово проникло. При такихъ мрачныхъ условіяхъ жизни всѣ сосредоточивались въ семейные кружки,

старались съуживать какъ можно болѣе кругъ сношеній съ чужими людьми; вечеринки, пирушки и всякія бесѣды были рѣдки, отличались крайнею натянутостью, перемонною этикетностью и отсутствіемъ всякой искренности. Очевидно, что не до народныхъ празднествъ, не до шумныхъ процессій и ликованій было этому поистинѣ сумасшедшему, разлагавшемуся обществу, въ которомъ разрывались всѣ семейныя и общественныя узы, всѣ подрядъ подозрѣвали другъ въ другѣ лихихъ враговъ, богатые зарывали въ землю свои сокровища и принимали убогій видъ въ опасеніи грабежа со стороны воеводъ, дьяковъ и подьячихъ, бѣдные бѣжали отъ притѣсненій ч поборовъ въ лѣса, на Волгу, на окраины. Казалось все общество готово было распасться на мельчайшіе атомы.

Такова была эта знаменитая и восхваленная славянофилами допетровская Русь, эта дикая по своей нелѣпости фантазмагорія, доказавшая возможность сумасшествія цѣлаго общества. И нужно-ли изобрѣтать какія либо мнимыя причины отсутствія развитія мистеріи въ нашей средневѣковой жизни, приписывать этотъ фактъ общепонятному языку богослуженія, когда достаточно вышеописанной картины состоянія нашего общества до реформы Петра, чтобы понять, почему въ этомъ обществѣ зародыши самобытной драмы такъ и должны были остаться зародышами. Не до мистеріи было этому загнанному, забитому, запуганному народу, доведенному до послѣдней степени идиотизма подъ гнетомъ разграбленій, поборовъ, пытокъ и казней. Не одна духовная драма осталась въ своемъ зародышномъ періодѣ. Укажите хоть на одинъ родъ поэтическаго творчества, который продолжалъ-бы развиваться послѣ XII вѣка... Развивалось только мракобѣсіе разныхъ витій, отрицавшихъ на своемъ тарабарскомъ языкѣ всякое живое человѣческое движеніе, не подходившее мало-мальски въ ихъ мрачному аскетическому идеалу.

И однакоже при всеобщей подавленности жизни, даже и въ допетровской Руси не переставалъ дѣйствовать тотъ законъ, о которомъ мы говорили въ прошлой главѣ: законъ, обусловливающий развитіе драмы духомъ свободной общественности. Въ то время, какъ въ сѣверной Россіи было окончательно погнано все человѣческое, живое, въ южной Россіи, удѣлѣвшей силою историческихъ обстоятельствъ отъ московскаго ига, дышалось все-таки легче, хотя и тамъ не вполне легко жило отъ блиставшихъ татарскихъ ордъ, кочевавшихъ въ южныхъ степяхъ и дѣлавшихъ постоянныя набѣги на осѣдлыхъ сосѣдей, отъ католической реакціи и господства іезуитовъ въ Польшѣ и пр. Въ южныя степи на окраины бѣжали всѣ, которые не могли ужиться съ московскими порядками, которые жаждали воли и широкаго простора для своихъ могучихъ силъ. Изъ этихъ выходцевъ сложилась знаменитая казацкая вольница, неоднократно потрясавшая то Рѣчь посполитую, то Московское царство. И при

всемъ томъ, что дико-воинственная жизнь южной Руси не особенно повидному была благоприятна для процвѣтанія мирныхъ искусствъ, все-таки на сторонѣ южной Руси было то преимущество, что здѣсь жизнь не имѣла той мертвой обрядности, какъ въ Московскомъ царствѣ, не было развито того тупаго консерватизма, соединеннаго съ отвращеніемъ ко всему иноземному, того наконецъ изувѣрства, отрицавшаго въ жизни весь свѣтскій элементъ и причислявшаго его къ бѣсовскому наводненію. И вотъ мы видѣли, что въ XV и XVI вѣкахъ въ Малороссіи начинается драма, замолишная и заглохшая окончательно въ сѣверной Россіи. Близость Польши, а черезъ нея и западной Европы, какъ извѣстно, сильно вліяла на Кіевскую Духовную Академію, въ которой, рядомъ съ духовными науками, были введены и свѣтскія и въ ряду послѣднихъ занесена была изъ Польши и духовная драма, вошедшая въ составъ преподаванія словесности. Правда, что духовная драма не имѣла и тѣни подобія съ средневѣковыми мистеріями Запада; она была послѣднимъ отголоскомъ ихъ. Это была не народная драма, а школьно-схоластическая, поддерживаемая іезуитами съ педагогическими цѣлями. Правда, что на нашей почвѣ эта школьно-схоластическая драма получила еще большій характеръ мертвенности, отчасти отъ отсутствія въ авторахъ поэтического таланта и всякаго литературнаго навыка, отчасти отъ невыработанности языка, отчасти отъ нелѣпаго предрасудка, возникшаго на почвѣ схоластики, требовавшаго, чтобы дѣйствующія лица выражались съ самою надутою и туманною напыщенностью. Но при всемъ томъ и эта убогая, схоластическая кіевская драма могла сдѣлаться популярною въ народѣ и даже заинтересовать народъ до активного участія въ ней именно вслѣдствіе того, что она представлялась не передъ одними знатными людьми, а передъ народомъ, такъ какъ особенныя условія жизни кіевскихъ бурсаковъ создали походную сцену, разыгрывавшую духовныя драмы по хуторамъ и селамъ; съ другой стороны и народъ могъ обогатить эту духовную драму своими свѣтскими фарсами въ видѣ интерлюдій, потому что это былъ хоть сколько нибудь живой народъ, не доведенный до такой крайней степени апатіи, какъ въ сѣверной Россіи. Относительно того, какъ различна была судьба одной и той же духовной драмы въ южной и сѣверной Россіи, мы можемъ судить по слѣдующей выдержкѣ изъ книги Г. Веселовскаго:

«Разъ представленная и разученная піеса становилась какъ-бы достояніемъ учениковъ, употреблявшихъ ее затѣмъ для своихъ личныхъ цѣлей; въ привольное украинское лѣто разредутся они небольшими группами по селамъ и хуторамъ и, живя истыми дѣтьми природы, изо дня въ день, повторяютъ піесу своего учителя у богатыхъ или зажиточныхъ поселянъ, козаковъ и сельской знати. Такимъ образомъ севершалась незамѣтная пропаганда духовной драмы въ народѣ Украины, возбуждался

вкусъ и любовь къ подобнаго рода удовольствіямъ, а въ тоже время сближеніе съ народомъ облегчало возможность освобожденія драмы отъ схоластическихъ оковъ и освѣженіе ея мѣстными элементами. Съ этой стороны эти лѣтнія прогулки бурасовъ, это пѣніе духовныхъ кантовъ и исполненіе школьныхъ мистерій по селамъ имѣютъ важное значеніе въ исторіи стариннаго духовнаго театра. Имъ обязанъ онъ своею популярностію на югѣ Россіи, а исключительная замкнутость духовныхъ представленій въ законоспасской академіи или на придворной московской сценѣ не мало содѣйствовала быстрому паденію духовнаго театра на Сѣверѣ. Примѣръ польскихъ школьныхъ обычаевъ повліялъ и на введеніе въ кievской академіи маріонетныхъ представленій на Рождествѣ; подражаніе Szork-ѣ, украинскій вертепъ, также введенный впервые въ стѣнахъ школъ, былъ популяризированъ въ массѣ тѣмъ же способомъ, какъ и большіе піесы. Объ руку съ народовымъ обычаемъ колядованья вошло въ нравы пошеніе вертепа въ началѣ учениками школъ, а за ними и благочестивыми людьми изъ мірянъ. Сближеніе съ народомъ оказалось въ этомъ случаѣ еще полезнѣе по своимъ результатамъ; затѣянная забава стала скоро народною, и въ свою очередь изъ Украйны стала расходиться во всѣ концы русской земли, даже въ Сибирь, и уцѣлѣла по сю пору». (См. Ст. т. въ Евр. стр. 337).

Изъ одной этой выдержки мы можемъ судить о томъ, какъ велико было различіе условій жизни въ южной и сѣверной Россіи. Тамъ семинаристы свободно по собственной инициативѣ представляютъ передъ народомъ свою духовную драму; здѣсь же эту же самую перенесенную изъ Кіева духовную драму заставляютъ насильно, подъ угрозою батоговъ и розогъ, представлять различнымъ приказнымъ въ потѣху однихъ придворныхъ, да предварительно еще просить у духовенства разрѣшенія, возможно-ли допустить эту потѣху и нѣтъ ли въ ней чего-либо сатанинскаго. Понятно послѣ этого, что въ то время какъ въ Москвѣ духовная драма сначала и до конца осталась мертворожденнымъ чадомъ, смѣненнымъ впоследствии другимъ столь же мертворожденнымъ потомствомъ, на Югѣ, едва только драма пришла въ соприкосновеніе съ народомъ, сейчасъ же народное творчество начало обставлять ее своими аксесуарами, появились живые народные фарсы, выражавшіе дѣйствительность, — начался, однимъ словомъ, тотъ же процессъ развитія драмы, какой мы видѣли на западѣ и конечно онъ продолжался-бы, если-бы условія южнорусской жизни не измѣнились и она не была-бы втянута въ тоже всеоградушившее колесо московской централизаціи.

IV.

Такъ какъ я пишу не подробную исторію развитія драматическаго искусства, а представляю только очеркъ условій, при которыхъ развивалась въ Россіи драма, то я не считаю нужнымъ входить въ подробности относительно драматическихъ представлений въ законодательной академіи и при дворѣ Алексѣя Михайловича, о покровительствѣ нѣмецкимъ труппамъ и заведеніи русской подъ руководствомъ Грегори, о страсти къ театру боярина Матвѣева и царевны Софіи Алексѣевны, о началѣ свѣтскихъ представлений въ видѣ переводовъ Мольера и пр. и пр. Все это я тѣмъ болѣе имѣю право пройти молчаніемъ, что оно имѣло замкнутый характеръ придворныхъ потѣхъ, неизмѣющихся никакого отношенія къ народу, и значеніе всего этого развѣ только то, что оно приучило русскихъ людей видѣть въ драматическихъ представленіяхъ невинное времяпрепровожденіе, а не бѣсовскую потѣху.

Реформы Петра положили рѣшительный конецъ господству исключительной религіозности, и тотъ переворотъ, который Петръ проявлялъ въ мировоззрѣніи всего народа, особенно высшихъ слоевъ общества, имѣетъ чуть ли не большее значеніе, чѣмъ всѣ его общественныя реформы. Пересаживая на русскую почву всѣ плоды западной цивилизаціи, Петръ не забылъ конечно театральныя зрѣлища, которыя не мало восхищали его за границею. Но въ этомъ отношеніи онъ не довольствовался одною выпискою изъ за границы иностранныхъ труппъ и поощреніемъ драматическихъ представлений въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Путешествуя за границей, онъ не могъ не обратить вниманія на вопіющую противоположность монотонной замкнутости и однообразія русской жизни сравнительно съ шумною пестротою европейской. И вотъ, среди тысячи всевозможныхъ преобразованій, онъ не забылъ и того духа общественности, котораго онъ не находилъ въ русской жизни. Въ этомъ отношеніи онъ не ограничивался однѣми придворными ассамблеями и семейными пирушками у своихъ любимцевъ. Онъ стремился пересадить на русскую почву весь гамъ европейской жизни съ шумными народными празднествами, уличными процессіями, триумфальными шествіями, иллюминаціями и пр. При этомъ безчисленные празднества, маскарады и процессіи, которыми сопровождалось все его царствованіе, постоянно принимали драматическій характеръ пародированья и осмѣиванья устарѣлаго, съ чѣмъ боролся гениальный преобразователь. Можно положительно сказать, что въ жару отрицанія всей обвѣтшавшей старины, Петръ обращалъ улицы и площади городовъ въ драматическія сцены, на которыхъ онъ самъ съ приверженцами реформъ разыгрывалъ цѣлыя комедіи. Эти представленія, въ которыхъ

жизнь и сцена, зрители и актеры, были перемѣшаны въ какой-то чудовищной фантазмагоріи, были правильно организованы Петромъ въ видѣ «сумасброднѣйшаго, всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора»,—весьма напоминающаго собою шутовскія общества среднихъ вѣковъ. Членамъ этого собора, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ Петръ, были розданы различныя роли съ тенденціозными цѣлями: такъ во главѣ собора стоялъ князь кесарь, который во всѣхъ церемоніяхъ являлся въ облаченіи древнихъ московскихъ царей, олицетворяя въ своей роли всю чопорную, натянутую, византійскую этикетность древняго московскаго двора; ему отдавались всѣ тѣ почести, какими окружали московскихъ царей и самъ Петръ называлъ себя «холопомъ и послѣднимъ рабомъ его». За княземъ цезаремъ слѣдовалъ князь-папа, пародировавшій московскаго патріарха и являвшійся въ церемоніяхъ, въ свою очередь, въ патріаршемъ облаченіи. За нимъ слѣдовали «Владыки»—архіереи различныхъ городовъ; ихъ окружали протодіаконы, діаконы и прочіе мелкіе чины; при чемъ самъ Петръ былъ въ чинѣ протодіакона. Нѣкоторые члены представляли собою различныя олицетворенія пьянства; такъ напримѣръ въ процессіяхъ монахи торжественно несли на плечахъ Бахуса; занятый въ обыкновенные дни различными дѣлами, всешутѣйшій соборъ только въ праздники, и въ особенно торжественные дни, являлся въ полномъ своемъ блескѣ. Онъ засѣдалъ на всѣхъ полуторжественныхъ и торжественныхъ пирахъ, присутствовалъ во всѣхъ процессіяхъ и маскарадахъ; иногда собирался для избранія новаго члена, при чемъ Петръ самъ предварительно назначалъ весь порядокъ церемоніи и избраніе совершалось обыкновенно по всѣмъ правиламъ церковнаго рукоположенія. Иногда соборъ посвящалъ свои досуги на наѣзды къ разнымъ лицамъ и тогда передъ всешутѣйшими все и вся отворялось; козьева и козляки спѣшили оказать гостямъ всевозможное гостепримство. Иногда же въ порывѣ разгуга соборъ устраивалъ всенародное зрѣлище, превращаясь въ шумную, уличную арлекинаду. Такова была напримѣръ въ 1715 году шуточная сватба князя папы Зотова. Зотовъ вздумалъ отпроситься въ Москву съ цѣлю поступить въ монастырь, но Петръ вмѣсто этого указалъ ему въ Москвѣ выбрать жену, соответствующую его 70-ти лѣтнему возрасту. Невѣста была скоро найдена и въ началѣ 1715 года была совершена сватба квази-патріарха, обставленная рядомъ комическихъ фарсовъ. Считаемо не лишнимъ сообщить читателямъ нѣкоторыя подробности этой петровской комедіи, сценою которой была вся Москва.

Еще въ декабрѣ государь сдѣлалъ смотръ всѣмъ лицамъ, назначеннымъ въ свадебный маскарадъ, т. е. осматривалъ ихъ курьезныя платья, экипажи и проч. Все до послѣдней мелочи было назначено самимъ Петромъ; по его повелѣнію, именитѣйшія лица, начиная съ его супруги до послѣдняго деньщика, всѣ должны были принять участіе въ потѣхѣ. Въ рукахъ у

каждаго былъ какой нибудь инструментъ; гудокъ, балабайка, мѣдныя тарелки, колокольчики, скрипичи, собачьи свистки, охотничьи дудочки, варганъ, трещетки, пузыри съ гарухомъ и т. п. Въ числѣ «дамскихъ персонъ» была «архіерейша» Бутурлина въ нагольной шубѣ и лѣтничѣ; князь-игуменя Ржевская—въ шубѣ и тѣлогрѣѣ. Приглашеніе гостей предоставлено было отборѣйшимъ занямамъ и совершалось по особому объявленію, составленному самимъ Петромъ. Въ этомъ документѣ много юмору; но большая часть саркастическихъ выходовъ теперь непонятна, такъ какъ неизвѣстны лица, противъ которыхъ онѣ направлены.

Молодые только по роли, а не по возрасту, были обвиняны въ Архангельскомъ соборѣ девятиностолѣтнимъ священникомъ. Въ храмъ и изъ храма процессія шла съ музыкою; къ дикимъ звукамъ свистковъ, гудковъ, тарелокъ и т. п. инструментовъ присоединялся колокольный звонъ всѣхъ церквей. Почти весь январь 1715 года проведенъ былъ въ пиришествахъ, въ церемональныхъ прогулкахъ по улицамъ столицы, въ выподненіи всевозможныхъ смѣшныхъ церемоній, на изобрѣтеніе которыхъ Петръ I былъ неистощимъ. Безчисленные толпы народа тѣснились по улицамъ и площадямъ московскимъ; чернь, щедро угощаемая виномъ да пивомъ, по словамъ Голикова: «только уважавшая достоинство патріарха, въ сіи дни съ великимъ смѣхомъ забавлялась на счетъ онаго».

По внѣшности все это дѣйствительно напоминаетъ собою картину изъ жизни западнаго города въ моментъ какой-нибудь народной вакханаліи... Но въ сущности это было далеко не то. Во всѣхъ этихъ шутовскихъ церемоніяхъ, посредствомъ которыхъ Петръ, осмѣивая всенародно московскую старину, стремился въ тоже время оживить моготонность русской жизни и придать ей шумную общественность западной жизни—недоставало одного и самаго главнаго—иниціативы самого народа. Петръ думалъ разомъ возвратитъ ему то, что было тщательно подавляемо и уничтожаемо въ немъ въ теченіи многихъ вѣковъ, но возвратитъ столь же насильственно, какъ это было и отнято. Онъ насильно заставлялъ веселиться и кривляться людей, которые наслѣдственно привыкли къ суровой и мрачной замкнутости. Не радостное чувство ликования, а страхъ сопутствовалъ комическимъ процессіямъ всешутѣйшаго собора, а толпы народа, смотрѣли на нихъ отчасти съ тупымъ любопытствомъ адатичныхъ любопытныхъ зѣвакъ, отчасти съ пьяными возгласами рабскаго подобострастія, отчасти же и съ сдержаннымъ ропотомъ затаеннаго негодованія. Однимъ словомъ народъ былъ здѣсь ни при чемъ; онъ оставался тѣмъ-же загнаннымъ, забитымъ, разсѣяннымъ стадомъ; при всей любви Петра къ народнымъ празднествамъ и уличнымъ шутовскимъ процессіямъ, безъ всякаго сомнѣнія онъ обрушился бы страшимъ гнѣвомъ на смѣльчаковъ, которые вздумали-бы, хотя бы на масляницѣ,

устроить свою собственную процессію помимо его инициативы и проявить въ ней въ импровизированныхъ фарсахъ свой собственный юморъ. Впрочемъ такихъ смѣльчаковъ не могло явиться даже въ такомъ случаѣ, если-бы со стороны Петра было полное разрѣшеніе дурачиться, какъ кому угодно, осмѣивая что кому вздумается, — до такой степени была убита въ народѣ всякая жизнь. Въ этомъ отношеніи Петръ, при всемъ своемъ гении, при всѣхъ своихъ реформатскихъ стремленіяхъ—былъ самъ чадомъ того ненормальнаго строя жизни, противъ котораго онъ боролся, такъ какъ онъ старался развить въ народѣ духъ общечеловѣчности именно тѣми самыми средствами, какими его предки уничтожили этотъ самый духъ.

Понятно послѣ всего этого, что со смертію Петра, разомъ исчезли всѣ эти искусственныя арлегины и насильственные народныя празднества, и съ наступившею реакціею снова началась прежняя великопостная тишина, монотонность и замкнутость жизни. Наступившая мрачная эпоха временщиковъ съ казнями, пытками, правжами и страшнымъ «словомъ и дѣломъ»—не особенно способствовала къ развитію общечеловѣчности въ народѣ; напротивъ того, эта эпоха окончательно убила въ народѣ всякую самодѣятельность, всякое проявленіе творчества и жизни. Смѣшно и предполагать возможность какого-либо развитія въ эту эпоху народнаго театра, когда даже придворная сцена, искусственно поддерживаемая выпискою изъ за границы иностранныхъ труппъ, едва влачила свое существованіе, зависѣвшее не столько отъ сбора съ публики, сколько отъ щедротъ двора. До какой степени даже высшее общество, знавшее иностранныя языки и до нѣкоторой степени втянувшееся въ потокъ западной образованности, мало интересовалось этимъ иностраннымъ театромъ, это мы видимъ изъ слѣдующаго курьезнаго факта изъ времени Елизаветы Петровны: покровительствуя всачески французской труппѣ Локателли, Елизавета объявила, что присутствіе придворныхъ на представленіяхъ этой труппы обязательно и, когда однажды въ театрѣ собралось слишкомъ мало публики, были разосланы ѣздовыя къ болѣе значительнымъ лицамъ съ запросомъ, почему они не были, и съ увѣдомленіемъ, что впредь, за непріѣздъ въ театрѣ, полиція будетъ каждаго разъ взымать съ непріѣхавшаго по 50 рублей штрафа. Признаться сказать, много въ мірѣ существуетъ всякихъ нелѣпостей, но такого крайняго абсурда, чтобы публику посредствомъ курьеровъ стогнали въ театрѣ и облагали большимъ штрафомъ за нежеланіе веселиться—вѣроятно вы не сыщите въ исторіи какой-бы то ни было страны.

А между тѣмъ въ царствованіе Елизаветы Петровны общество хоть немножко вздохнуло свободнѣе послѣ дѣлаго ряда тяжелыхъ годовъ. И это жимолетное оживленіе тотчасъ-же отразилось и въ исторіи развитія театра. По крайней мѣрѣ въ царствованіе Елизаветы мы видимъ первую попытку созданія народнаго те-

атра совершенно самостоятельную, внѣ всякой искусственной инициативы со стороны правительства. Молодой костромской купчикъ, Ѳ. Г. Волковъ, приобрѣвшій страсть къ драматическимъ представленіямъ въ московской духовной академіи и потомъ въ бытность въ Петербургѣ насмотрѣвшійся въ щелочку кулисъ представленій иностранныхъ труппъ, вздумалъ завести свой собственный театръ въ Ярославлѣ, гдѣ онъ поселился по смерти отца, собралъ около себя небольшую труппу изъ купеческихъ сынковъ и подъячихъ, и въ кожевномъ сараѣ своего вотчина, на скорую руку обращенномъ въ театръ, разыгралъ передъ удивленными ярославцами драму «Эсфирь». При помощи любителей изъ купчества, и пользуясь съ одной стороны особымъ покровительствомъ ярославскаго намѣстника Мусина-Пушкина, а съ другой—щедрой помощью богатаго тамошняго помѣщика Майкова, Ѳ. Г. Волковъ завелъ наконецъ въ Ярославлѣ свой собственный, особый, изрядно устроенный театръ, вмѣщавшій въ себѣ около 1000 зрителей. Здѣсь-то сталъ онъ разыгрывать только что появившіяся тогда драматическія сочиненія Сумарокова, а также и свои собственные переводы и подражанія иностраннѣмъ образцамъ, такъ что ему при своемъ театрѣ приходилось быть и директоромъ, и актеромъ, и декораторомъ, и машинистомъ. Однакоже, благодаря его собственной талантливости, и труппа около него сложилась очень удачно; явились актеры способные и страстно приверженные къ сценѣ—Дмитревскій, Шумскій, Иконниковъ, братья Поповы и т. д. Театръ существовалъ уже пять лѣтъ, все шло хорошо и обѣщало въ будущемъ еще болѣе хорошаго... Но, увы! этимъ патилѣтнемъ только и ограничилось существованіе самостоятельнаго, народнаго русскаго театра и вотъ здѣсь-то свазалась ясно вся ненормальность условій нашей жизни. Представь подобный случай въ другой странѣ, какъ напримѣръ, Англіи, гдѣ вполнѣ развита самостоятельная жизнь областей и общественная инициатива, и гдѣ правительство, поощряя и помогая обществу, не стягиваетъ все къ своему центру,—труппъ Волкова могъ быть данъ чаетенъ, позволявшій ему свободныя представленія въ Ярославлѣ и другихъ городахъ, могли быть даны разныя льготы, даже субсидія; ярославскій театръ расцвѣлъ-бы еще болѣе и обратилъ-бы на себя всеобщее вниманіе. Примѣръ его не остался бы конечно безъ подражанія, явились бы и въ другихъ городахъ подобныя же мѣстныя театры, не замедлили бы возникнуть они и въ столицахъ, и здѣсь, при болѣеи многочисленности и движеніи жизни, конечно возникло бы нѣсколько труппъ. Началась бы конкуренція; стремясь превзойти другъ друга, театры старались бы привлекать къ себѣ лучшія литературныя силы посредствомъ выгодныхъ условій, явились бы таланты въ нѣдрахъ самихъ труппъ, потому что ничто такъ не возбуждаетъ драматическаго творчества, какъ постоянная практика на сценѣ, никто не можетъ знать въ такомъ совершенствѣ всѣхъ сценическихъ условій,

как опытный актеръ, ничто не можетъ поспрять до такой степени писателя къ созданію наиболѣе совершенныхъ пьесъ, какъ раздѣленіе съ труппою всѣхъ выгодъ или и неудачъ театра; не говоримъ уже о томъ, что конкуренція не допустила бы, чтобы въ труппѣ оставались бездарные актеры, попавшіе на сцену случайно, по протекціи или по произволу родителей, предназначившихъ своего сына въ актеры, когда онъ еще лежалъ въ колибели и никто не могъ еще опредѣлить его призванія. Очевидно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ развитіе нашего театра пошло-бы совершенно инымъ путемъ, и въ настоящее время мы имѣли бы не одну александринку съ прибавленіемъ нѣсколькихъ жалкихъ бродячихъ труппъ по провинціямъ. Но старинная московская закваска стягиванья всей жизни народа къ центру не замедлила перейти и въ новый Петербургъ: едва только при дворѣ узнали о существованіи ярославскаго театра, сейчасъ всю труппу перевели въ Петербургъ и тамъ свободныхъ служителей искусства сдѣлали вдругъ кадетами шляхетнаго корпуса, а въ 1756 году былъ основанъ придворный русскій театръ. Слѣдствіемъ этой мѣры было то, что народъ остался по прежнему безъ театра, а придворный русскій театръ повелъ самое жалкое существованіе. Въ то время, какъ въ Ярославлѣ труппа Волкова пользовалась завидною популярностью со стороны мѣстныхъ жителей всѣхъ сословій, и благоденствовала, въ Петербургѣ она была поставлена въ положеніи парія. Между тѣмъ какъ иностраннымъ труппамъ было оказываемо всевозможное покровительство, имъ отпускаясь субсидіи цѣлыми тысячами, они пользовались отъ Двора и освѣщеніемъ, и музыкою, на ихъ представленія сгоняли даже, какъ мы видѣли, публичку, посредствомъ фальдъегерей и штрафовъ; русская же труппа нуждалась во всемъ и въ содержаніи, и въ освѣщеніи, и въ музыкѣ, даже въ помѣщеніи. Русскіе актеры играли то на французскомъ, то на итальянскомъ театрѣ въ тѣ дни, когда эти театры не были заняты иностранными труппами, болѣею частью по четвергамъ; затруднительное положеніе труппы значительно ухудшалось еще тѣмъ, что для каждаго представленія необходимо было получать особое разрѣшеніе отъ гофмаршала, а это разрѣшеніе иногда приходило только наканунѣ представленія, даже послѣ полудня. Часто случалось, что при этомъ разрѣшеніи присылалось и увѣдомленіе о томъ, что музыки отъ двора не будетъ, такъ какъ придворные музыканты наканунѣ играли въ маскарадѣ и устали; тогда директору театра, Сумарокову, приходилось самому принискивать частнымъ музыкантовъ. При такомъ неопредѣленномъ и нерѣдко бѣдственномъ положеніи русской труппы, сборы за представленія ея, конечно, не могли быть значительны и труппа вела самое жалкое существованіе. Понятно почему знаменитый основатель русскаго театра Ѡ. Г. Волковъ не могъ долѣе семи лѣтъ просуществовать среди такой грустной обстановки и умеръ въ 1763 году предъ-

двѣреженно, всего только 32 лѣтъ, а первый директоръ русскаго театра и первый драматургъ, А. П. Сумароковъ, перессорился со всѣми и спился.

Хотя это и очень курьёзно, но по всей справедливости, приходится знаменитый годъ основанія считать въ то же время и годомъ окончательнаго превращенія развитія русскаго театра. Въ самомъ дѣлѣ, вся дальнѣйшая судьба русской сцены вполнѣ опредѣлилась переводомъ труппы Волкова изъ Ярославля въ Петербургъ, и затѣмъ, въ продолженіи всего столѣтія, мы видимъ одну и ту же неизмѣнную картину: съ одной стороны представляется передъ вами народъ, лишенный всякаго театра, остающійся и до нашего времени съ кой-какими жалкими остатками стародавнихъ задатковъ развитія драмы, въ родѣ маріонетокъ со своими изъ вѣка въ вѣкъ повторяющимися одними и тѣми же фарсами, всѣмъ извѣстной, и надо прибавить, тупой и дикой до послѣдней степени комедіи о Максимилянѣ, да кое какими удѣлѣвшими съ незапамятныхъ временъ игрищами съ импровизированными фарсами, да и то, если эти игрища мало маляски дѣлаются оживленными, а фарсы изъ пошлой рутинны переходятъ въ осмѣяніе мѣстныхъ типовъ и общественныхъ недостатковъ, тотчасъ же подвергаются преслѣдованіямъ. Такъ мы читаемъ у г. Веселовскаго (см. стр. 407), что въ Псковской губерніи, въ Торопцѣ, едва только на такъ называемыхъ «субботахъ», вечеринкахъ, полныхъ шуму, пѣнія и шутокъ, маріонетная комедь начала осмѣивать мѣстные обыденные типы, «надъ господами смѣяться стали», по выраженію одного торопецкаго мужика, какъ тотчасъ же эти субботки взяли подъ надзоръ полиціи.

Съ другой стороны представляется намъ оторванный отъ народной почвы придворный театръ со своими привилегіями, заграждающими всякій путь къ развитію частныхъ театровъ и съ своимъ искусственнымъ развитіемъ, зависящимъ не отъ общаго развитія общества и литературы, а отъ чисто-случайныхъ бюрократическихъ причинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ намъ развитіе нашей сцены въ продолженіи 100 лѣтъ ея существованія? Оно распадается на два рѣзкіе періода. Сначала мы видимъ, что сцена идетъ вполнѣ рука объ руку съ литературою; обѣ онѣ выражаютъ одни и тѣ же направленія, одни и тѣ же мотивы; въ то время, какъ въ литературѣ гремѣтъ Петриады, Россіады, на сценѣ вопятъ Эдины, Синевы и Хоревы; въ то время, какъ чувствительные Эрасты и Темиры ходятъ проливать слезы на берегъ пруда, гдѣ утонула бѣдная Лиза, и въ театрѣ они проливаютъ слезы, созерцая ту же самую «Лизу или слѣдствіе гордости и обольщенія»; въ то время, когда Пушкинъ пишетъ оды въ родѣ Бородинской годовщины и Клеветникамъ Россіи, на сценѣ идутъ пьесы «Рука всевышняго отечество спасла» и «Параша Сибирячка». Но эта параллель

сцены и литературы говорить не столько въ пользу сцены, сколько не въ пользу литературы. Литература и сцена могли идти одною дорогою только до тѣхъ поръ, пока первая стояла на той же придворной покровительственной почвѣ, какъ и послѣдняя и обѣ равно витали въ сферѣ различныхъ отвлеченностей, не имѣющихъ ничего общаго съ жизнью. Но какъ только литература сошла съ покровительственной почвы на общественно-промышленную и едва спустилась она съ заоблачныхъ высотъ къ анализу окружавшей ее дѣйствительности, она, по необходимости, должна была покинуть свою спутницу. Могла ли эта спутница слѣдовать за нею по новому пути, находясь на прежней старой почвѣ; особенно если взять при этомъ въ соображеніе, что сцена безъ сравненія прочіе была утверждена на этой старой почвѣ, чѣмъ литература въ первый свой періодъ, потому что литература этого періода служила выраженіемъ различныхъ официальныхъ интересовъ совершенно добровольно, будучи въ то же время вполне въ частныхъ рукахъ: каждый смертный могъ писать или не писать оду, воспѣвающую громъ побѣдъ, по своему личному усмотрѣнію; между тѣмъ, сцена была присутственнымъ мѣстомъ, въ которомъ актеры, какъ чиновники, обязаны были выражать своею игрою и интересъ, сообразные ихъ службѣ. Понятно, что съ перемѣщеніемъ литературы на новую почву, между нею и сценою неизбежно долженъ былъ произойти расколъ; пути ихъ должны были разойтись совершенно въ разныя стороны. Это и не замедлило случиться. По мѣрѣ того, какъ въ литературѣ начали развиваться различныя живыя направленія, служація выраженіемъ стремленій различныхъ партій, сцена рѣшительно сбилась съ толку, запуталась и растерялась. Какъ одинъ изъ органовъ человеческого слова, очевидно, она должна выражать тѣ идеи, симпатіи и антипатіи, какія присущи субъекту, властвующему этимъ органомъ. Такъ какъ сценою безусловно владѣетъ правительство, то, конечно, она и должна представлять собою официальный правительственный органъ. Повидимому, она и стремится въ осуществленію этого своего призванія. По крайней мѣрѣ, мы замѣчаемъ, что пьесы, выражающія такъ или иначе официальные тенденціи, принимаются всегда съ большою охотою и легкостью на сцену, между тѣмъ, не говоря уже о какихъ-либо пьесахъ съ политическими взглядами, идущими въ разрѣзъ съ официальными тенденціями, возьмите вы вполне благонамѣренные въ политическомъ отношеніи, самыя невинныя по своему содержанію, но преслѣдующія свои собственныя литературныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ официальными тенденціями, и вы видите, что такіа пьесы если не запрещаются, то даются неохотно, рѣдко и спускаются со сцены по возможности скорѣе. Такъ, напримѣръ, возьмите вы хоть «Горе отъ ума» Грибоѣдова или «Ревизоръ» Гоголя—пьесы, которыми нашъ русскій театръ гордится, какъ столпами, на которыхъ

виждается вся наша сцена. Предполагать, чтобы пьесы эти были вредны въ политическомъ отношеніи, конечно, крайне смѣшно, но въ тоже время онѣ при всѣхъ своихъ литературныхъ достоинствахъ не выражаютъ собою никакихъ официальныхъ тенденцій,—и что же: дирекція вмѣстѣ съ театралною цензурою не взиалась поставить на сцену этихъ пьесъ; предоставленные самимъ себѣ, они такъ бы и не поставили, если бы не послѣдовало на это особенныхъ Высочайшихъ повелѣній. И этому совершенно нѣчего удивляться: мало ли въ литературѣ есть произведеній, не только не зловредныхъ въ политическомъ отношеніи, но напротивъ того, приносящихъ свою посильную пользу правительству въ открытіи тѣхъ или другихъ общественныхъ недостатковъ, но печатаніе которыхъ въ официальномъ органѣ не прилично. Чуждые всякихъ неблагонамѣренныхъ цѣлей, вы желаете обличить низшихъ чиновниковъ какого-либо министерства для того, чтобы обратить глаза высшаго начальства на ихъ поступки и тѣмъ принести общественную пользу; ничего бросающаго тѣмъ на вашу благонамѣренность нѣтъ въ вашемъ поступкѣ, но подумайте, съ какою стати обличенія ваши будетъ печатать органъ этого самаго министерства; не будутъ ли поставлены читатели органа въ недоумѣніе при мысли, что зачѣмъ же это министерство всенародно кается въ своихъ грѣхахъ, когда его дѣло исправить эти грѣхи, вмѣсто того, чтобы трубить о нихъ публично.

Не становится ли официальная сцена въ такое же непріятное, двухсмысленное положеніе каждый разъ, когда пьеса маломальски выходитъ изъ нормы официальныхъ тенденцій, затрогивая различныя общественныя стороны жизни.

Но въ тоже время сцена является законною супругою литературы, связанною съ нею на вѣки и живущею на ея счетѣ. Безъ литературы сцена не можетъ сдѣлать шагу и это ставитъ ее въ совершенно особенное положеніе, сравнительно съ другими официальными органами. Официальная газета, журналъ, наполняются обыкновенно специальными статьями чиновниковъ того вѣдомства, которое издаетъ органъ, опираются на обязательную подписку и нисколько такимъ образомъ не нуждаются въ литераторахъ. Между тѣмъ сцена не можетъ обойтись безъ нихъ. Такого департамента драматургіи, въ которомъ чиновники писали бы пьесы обязательно по предписанію начальства до сихъ поръ еще не придумано, хотя въ исторіи нашей сцены были и подобныя попытки: Ломоносовъ и Тредьяковскій получали предписанія писать трагедіи и для этого отпускалась имъ даже казенная бумага, но все-таки они были литераторы, совмѣщали даже въ своихъ лицахъ всю русскую литературу. Съ другой стороны и литература по преданію съ испоконъ вѣковъ привыкла считать сцену своею неотъемлемою собственностью; мало того,—однимъ изъ важнѣйшихъ членовъ своего тѣла, вслѣдствіе чего она постоянно стремится платить свою лепту

сценъ и не одно направленіе ей не обходится безъ нѣсколькихъ пьесъ въ своемъ духѣ, хотя по большей части такіа дѣйствія остаются на страницахъ книгъ, не доходя до своего назначенія. При всѣхъ этихъ условіяхъ сцена находится въ самомъ неопредѣленномъ, двухсмысленномъ положеніи, напоминая собою человѣка, который хочетъ идти въ одну сторону, а его тянуть въ другую. По своему положенію ей приличнѣе всего было бы выражать официальные тенденціи, но пьесъ съ официальными тенденціями никто почти не пишетъ, а если и пишутъ иногда, то какія-нибудь жалкія посредственности, а не первостепенные таланты; а пьесы, стоящія во главѣ литературы по своей художественности или общественному значенію, оказываются не по вкусу сцены... Вслѣдствіе такого двухсмысленнаго положенія сценъ остается одно: безхарактерность, пошлость и ничтожество. Такою она дѣйствительно и проявляется себя. Во первыхъ она не имѣетъ ровно никакого содержанія, потому что весьма естественно, что находясь постоянно между Сциллою и Харибдою и вѣща средняго пути, она предпочитаетъ именно такіа безцвѣтные пьесы, которыя не имѣли бы никакого опредѣленнаго характера: пошлыя мелодрамы, заключающія пошлую мораль о гибельныхъ послѣдствіяхъ любовстванія или страсти къ нарядамъ, беззубыя комедіи, осмѣивающія простоватныхъ провинціаловъ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ или какаго-нибудь мелкаго чиновника, собирающагося гривенниками у просителей, пошлыми водевилями съ переодѣваніями, бѣготнею и разбиваніями посуды по сценѣ и двумя-тремя жалкими вуплетами, бенефисными спектаклями со всевозможною трескотнею, конными сраженіями, разрушеніями и съ неизбежными пропастями, въ которыя непремѣнно кого-нибудь бросаютъ. Она не имѣетъ ровно никакихъ направленій, школь, потому что какое-же направленіе можетъ быть выработано сценою, находящеюся внѣ жизни и имѣющею къ ней отношенія исключительно официально-бюрократическіа. Выработываемыя жизнью литературныя школы выражаютъ обыкновенно степенно-умственнаго развитія общества въ данный моментъ, а развѣ сцена наша служить выразительницею этого развитія? Писатель можетъ имѣть свои разумныя основанія, почему въ 1873 году онъ не напишетъ оды въ стилѣ Державина или романтической поэмы въ родѣ Ундины; но развѣ для бюрократа существуетъ исторія, развѣ для него не все равно къ какому вѣку и году не относилось бы дѣло, лежащее въ шкафу А подъ № такимъ-то; нужно пришить къ дѣлу новое предписаніе, онъ вынимаетъ его изъ шкафа и пришиваетъ, и дѣло, помѣченное 1700 годомъ, имѣетъ для него такой-же современный интересъ, какъ и другое, лежащее рядомъ и помѣченное 1873 годомъ. Такъ точно для сцены нашей исторія вовсе не существуетъ: комедіи Островскаго и Дяченко, «Гибель фрегата Медузы», и «Горе отъ ума», «Мельникъ, колдунъ, свать» и комедіи Мольера, Шекс-

перъ и Оффенбахъ, «Недоросль» Фонвизина и «Ревизоръ» Гоголя, передѣлки съ французскаго кн. Шаховскаго и самодѣльщина Лейкина—все это перемѣшивается въ какой-то дикой фантазматори, представляя собою пестрые доскутья всѣхъ временъ и школь, какой-то невообразимый драматическій винегретъ, словно драматурги различныхъ эпохъ и націй встрѣтились другъ съ другомъ въ царствѣ мертвыхъ.

Наша сцена не имѣетъ актеровъ, да и какъ же ей имѣть ихъ, когда поступленіе на сцену навнѣ сопряжено съ тысячью всякаго рода препятствій и формальностей, почти совсѣмъ загораживающихъ всякій путь на сцену частному человѣку, а театральное училище, приготовляя воспитанниковъ въ актеры съ самаго малаго возраста, конечно не можетъ разсчитывать, что изъ каждаго ребенка выработается хорошій актеръ, такъ какъ таланты не дѣлаются, а рождаются, и училище дѣйствуетъ въ полнѣйшей слѣпотѣ, не принимая въ расчетъ, что изъ цѣлыхъ выпусковъ можетъ быть, ни одного воспитанника не оказывается съ драматическимъ талантомъ и въ актеры попадаютъ, талимъ образомъ, люди съ призваніемъ къ математикѣ, механикѣ и живописи. Конечно, что появленіе таланта на нашей сценѣ дѣло чисто слѣпнаго случая и если выдаются два, три актера мало-мальски талантливые, то и слава Богу. За то за этими двумя, тремя слѣдуетъ рядъ самыхъ жалкихъ и пошлыхъ бездарностей и ужъ о какомъ-нибудь ансамблѣ на нашей сценѣ нечего и говорить. Впрочемъ за чѣмъ же и хорошіе актеры для нашей сцены? Для талантливыхъ артистовъ необходимы талантливыя произведенія, принимая при этомъ во вниманіе и то соображеніе, что даровитый актеръ, какъ бы ни былъ великъ его талантъ, только и развить его можетъ, что на произведеніяхъ художественныхъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Наша же сцена, предпочитающая произведенія безцвѣтныя и пошлыя, естественно нуждается не въ талантахъ, а въ ревностныхъ чиновникахъ-исполнителяхъ, и при обилии пошлости въ ея репертуарѣ даже талантливые актеры опошляются и приравниваются къ обидной рутинѣ.

Наконецъ наша сцена (разумѣю при этомъ сцену исключительно русскую) не имѣетъ и публики. Въ самомъ дѣлѣ, если я вамъ назову итальянскую и русскую оперы, французскій, нѣмецкій театры, даже театръ-буффъ, и вы мнѣ сейчасъ можете охарактеризовать ту публику, которая посѣщаетъ каждый изъ этихъ театровъ; мало того, вы можете безъ большихъ затрудненій исчислить тѣ требованія, которыя выражаетъ каждая изъ этихъ публикъ, требованія, безъ соблюденій которыхъ театръ долженъ необходимо пустѣть. Но скажите мнѣ, ради Бога, какая такая публика посѣщаетъ русскую сцену; какая эта публика, совмѣщающая въ себѣ сочувствіе къ «Горю отъ ума», комедіямъ Островскаго и въ тоже время къ «Гибели фрегата Медузы», «Дитяти» и «Хижинѣ дяди Тома». Это не публика, вос-

питывающаяся сценою и сама ее воспитывающая, а толпа, каждый разъ разнородная, являющаяся въ театрѣ поневолѣ, или потому, что пойти въ другой театръ слишкомъ далеко, или потому, что при недостаткѣ знанія иностранныхъ языковъ и музыкальнаго развитія все-таки пріятнѣе слушать со сцены знакомыя звуки роднаго языка и понимать, что представляютъ, чѣмъ сидѣть олухомъ въ оперѣ или во французскомъ театрѣ; потому наконецъ, что эта русская сцена единственная и другой подобной, которую можно было бы предпочесть, не имѣется. Въ этомъ отношеніи мы должны быть еще благодарны дирекціи, что она хоть изрѣдка представитъ намъ комедію Гоголя или Островскаго, благодарны даже за «Дитю» и «Гибель фрегата Медуза». При своемъ привилегированномъ положеніи, она могла бы и этого не дѣлать, а завести сплошь пантомимныя представленія съ арлекинами и піэро, подобныя тѣмъ, какія даются на масляницѣ въ балаганахъ, и конечно главная и единственная цѣль ея была бы достигнута еще скорѣе этимъ путемъ: каждый разъ театръ былъ бы полонъ и ни одно представленіе не дало бы неполнаго сбора.

А. Скабичовскій.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

CIV.

Испанская республика и французскіе королевства.

Въ Испаніи — республика. Вопросъ о жизни или смерти этой республики составляетъ въ настоящее время важнѣйшій вопросъ для четырехъ западныхъ латинскихъ націй.

Если справедливость и логика еще не потеряли всякаго значенія въ человѣческихъ дѣлахъ, можно надѣяться, что возрожденіе древнихъ латиновъ послужитъ основаніемъ образованія будущихъ европейскихъ соединенныхъ штатовъ. Не случай и не насиліе произвели новую республику. Начиная отъ послѣдняго наслѣдника Филиппа II и Бурбоновъ, и кончая конституціонною Изабеллою, и доблестнымъ, честнымъ Амедеемъ, признавшимъ свое безсиліе, Испанія испытала всѣ примѣненія монархическаго принципа. Демократическій принципъ получаетъ въ ней первый разъ практическое осуществленіе, потому что живую въ Испаніи осталась только одна нація.

Въ томъ болѣзненномъ состояніи, къ которому привели ее имперія и національныя несчастія, и которое поддерживаютъ непріятельское занятіе и временное правительство, Франція ничѣмъ не могла помочь испанской республикѣ при ея учрежде-

нія; она ничего не можетъ сдѣлать и для ея поддержанія и ближайшаго развитія. Хотя по имени Франція и республика, — она одною изъ послѣднихъ признала свою южную сестру. Тьеръ до тѣхъ поръ медлилъ признать новое трансъ-пиринейское правительство, пока не получилъ официальнаго увѣдомленія объ учрежденіи его и пока не высказались на этотъ счетъ другія державы.

Первымъ свидѣтельствомъ добрыхъ отношеній двухъ сосѣднихъ республикъ было постановленіе префекта Верхней Гаронни, республиканца Карла Ферри, брата Жюля, — постановленіе, которымъ запрещалось всякому испанцу проживать въ этомъ департаментѣ безъ необходимаго разрѣшенія со стороны французскаго правительства, подѣ страхомъ немедленнаго ареста и высылки изъ Франціи. Но въ то время, какъ въ Верхней Гароннѣ принимаются эти вполне разумныя и законныя мѣры, въ Тулузѣ, Перинианѣ, Байоннѣ и пр. распоряжаются префекты въ родѣ, напримѣръ, Надэльяка, который, на требованіе министровъ объ изгнаніи дона Карлоса, отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, никогда я не рѣшусь выказать такого неуваженія къ принцу изъ дома Бурбоновъ!

Нигдѣ отреченіе Амедея, сложившаго свою корону съ меньшими церемоніями, чѣмъ иной министръ, не получившій большинства, сдаетъ свой портфель, и великолѣпный отвѣтъ кортесовъ, предложившихъ отречься монарху «другое достоинство, равное достоинству короля — достоинство гражданина независимой и свободной націи», не были встрѣчены съ такимъ восторгомъ, какъ во Франціи. Казалось бы, что, слѣдуя очень ясно выразившемуся движенію общественнаго мнѣнія, официальные представители нашей демократіи должны были бы поспѣшить сдѣлать коллективную манифестацію въ честь революціи 11-го февраля. Евгений Пельтанъ предложилъ это лѣвой умѣренной сторонѣ, а Викторъ Шельхеръ — лѣвой радикалкой, но оба встрѣтили одинаковую неудачу. Наши парламентскіе республиканцы, не выключая и Гамбетты, какъ будто согласились оставаться неподвижными и нѣмыми. Такъ называемые крайніе республиканцы замѣтили, что испанскіе республиканцы по большей части федералисты, а они — якобинцы, приверженцы республики единой и нераздѣльной. Большая же часть умѣренныхъ республиканцевъ, подѣ влияніемъ фантастической статьи «Journal des débats», испугались гнѣва, который могло возбудить слишкомъ рѣзкое проявленіе симпатій — совершенно, впрочемъ, естественныхъ — республики къ республикѣ, одной латинской націи къ другой! Кромѣ того, главнымъ мотивомъ еще было то, что, когда пошли посовѣтываться съ Тьеромъ, Бартеlemi-Сентъ-Илеръ отвѣтилъ что-то въ родѣ слѣдующаго:

— Это поставитъ ему новыя затрудненія въ дѣлѣ очищенія территоріи и помѣшаетъ, пожалуй, провести правую сторону.

Одинъ только изъ нашихъ депутатовъ версальскаго собранія,

уже побуждавший своих товарищей подписать адресъ Гарибальди, оскорбленному нашими монархистами, и послѣ ихъ отъказа написавшаго его самъ,—рѣшился, 16-го февраля, передать Станиславу Фигерасу и Эмилию Кастелару «поздравленія и желанія всѣхъ, сохранившихъ еще вѣру въ справедливость и свободу». Эдгаръ Кине, правда, лучше кого-бы то ни было знаетъ испанскій народъ. Еще въ 1846 году, въ своемъ курсѣ объ ультрамонтанизмѣ и въ своихъ «Vasceses en Espagne», онъ предсказалъ обращеніе къ чистой республикѣ наиболѣе обиженнаго тогда изъ всѣхъ латинскихъ братьевъ. Столько же недовольный интригами, царящими въ его отечествѣ, сколько довольный мужественнымъ стремленіемъ къ республикѣ сосѣдней страны, почтенный депутатъ департамента Сены сдѣлалъ изъ своего краснорѣчиваго привѣтствія кортесамъ и испанскому народу внушительный урокъ французскимъ партіямъ и версальскому собранію.

— Вы вышли, говорить онъ:—изъ той византійской іезуитской монотонности, въ которую мы погружены, и внесли хоть что-нибудь человѣческое въ человѣческія дѣла... Завѣса, прикрывавшая великое испанское національное равенство, разорвалась 11 го февраля 1873 года. Въ одинъ этотъ день вы сдѣлали больше, чѣмъ наше національное собраніе въ цѣлые два года. Признавъ то, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, вы избѣжали всѣхъ нашихъ византійскихъ тонкостей: правительства, производящаго какой-то опытъ республики безъ республиканцевъ. Вы независимы, на вашей почвѣ нѣтъ чужеземнаго побѣдителя, вы не отданы на его произволъ... Не подражайте же нашимъ ухищреніямъ, порожденнымъ нашествіемъ, свидѣтельствующимъ о нашемъ пораженіи.

Предостерегши испанскихъ республиканцевъ противъ преторіанцевъ, «генераловъ-спасителей, маленькихъ бонапартовъ», противъ іезуитовъ и опаснаго союза іезуитизма съ военною силою, наконецъ противъ губящей насъ небрежности, вслѣдствіе которой, подъ предлогомъ умѣренности и терпимости, мы вручаемъ всѣ значительныя должности, силы и оружіе республики монархистамъ, Эдгаръ Кине восклицаетъ:

— Испанцы, вы не приняли республики на опытъ! Вы провозгласили ее, какъ необходимость. Въ этомъ сознаніи безповоротности вы найдете невѣдомыя силы. Дайте намъ то, что всего болѣе не достаетъ нашему времени и безъ чего мы гибнемъ — *одинъ только часъ искренности...* Предоставьте другимъ мелкія ухищренія, дѣйствуйте открыто, средствами, которыми одни только въ состояніи возрождать государства. Республика соединитъ испанскую націю съ французскою. Только со вчерашняго дня нѣтъ болѣе Пириней.

Еслибъ было возможно, я бы не выпустилъ ни одной строчки изъ этого прекраснаго посланія. Давно уже общая французская идея не была высказана съ такою ясностью и такимъ ве-

личіемъ. То обстоятельство, что консервативная, временная республика «маленькаго буржуа» временъ Луи-Филиппа и даже доктринерская республика привидѣній эпохи Робеспьера воздержались отъ празднованія мадридскаго событія, уже не имѣетъ значенія. Поднялся одинъ голосъ, одушевленный истинными народными чувствами, и сказалъ все, что при нынѣшникѣ печальныхъ обстоятельствахъ могло и должно быть сказано. Кастиляръ и Испанія выслушали его съ сочувственнымъ уваженіемъ и лучше поняли его, чѣмъ еслибы онъ смягчился для того, чтобы сдѣлаться коллективнымъ, или окончателно ступилъ для того, чтобы сдѣлаться официальнымъ. Что бы ни думали и ни говорили наши внутренніе и вишіе враги, латинскій союзъ освященъ отнынѣ, помимо католицизма, республикою и ждетъ только союза славянъ для того, чтобы спасти Европу отъ піетизма и пангерманскаго деспотизма.

Наши монархисты не хотятъ вѣрить возможности испанской республики. Съ перваго же часа неожиданнаго ея рожденія, они сознали, что дѣло монархической реставраціи навсегда будетъ проиграно, если по ту сторону Пиреней не воздвигнется въ самомъ непродолжительномъ времени какой-нибудь тронъ на грудяхъ развалинъ и труповъ. Не смотря на то, что разбои карлистовъ прервали всякія сообщенія съ Испаніей, наши благочестивыя газеты бѣлаго знамени желаютъ убѣдить насъ, что интернаціональ и коммуна уже перенесли свои дѣйствія въ Испанію. Но ихъ увѣренія, всѣ провинціальныя губернаторы отказываются признать демократическій режимъ, армія разражается альфонситскими пропунциамента, а донъ Карлосъ, управляющійся уже въ столицѣ своихъ предковъ съ карманами, наполненными французскимъ золотомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени долженъ совершить торжественный въѣздъ въ Мадридъ.

Карлъ VII въ Испаніи... Генрихъ V во Франціи... и вскорѣ Фердинандъ Неаполитанскій, возстановляющій свѣтскую власть папы и низлагающій Виктора-Эммануила... Старый режимъ возстановленъ: какой великолѣпный сонъ! Наши сомнамбулы феодализма и папской непогрѣшимости брадили имъ наяву въ теченіи цѣлой недѣли. Но телеграфная проволока изъ Лиссабона въ Лондонъ, а вскорѣ и обыкновенная почта, освобожденные отъ карлистовъ, скоро принесли прозаическую правду, которая разомъ разрушила мечты нашихъ клерикаловъ и дегитимистовъ. Ни одинъ изъ городовъ Андалузіи или Кастиліи не сожженъ; революціонныя юнты подчиняются безпрекословно твердымъ и умѣреннымъ словамъ Фигерасовъ, Кастиляровъ и проч., а претендентъ Карлосъ, и не думая вовсе склеить на поле чести и опасности, какъ возвѣщали начальники его шаякъ, живетъ себѣ спокойно въ своемъ убѣжищѣ, Сентъ-Жанъ-де-Люсь, подъ покровительствомъ французскаго префекта низшихъ Пиреней, бурбонскаго дворянина Надельяка; онъ соввалъ военный

совѣтъ, на которомъ былъ даже предложенъ вопросъ: не лучше-ли сложить оружіе и дожидаться болѣе удобнаго случая?

Нѣкоторые предполагали, что, благодаря быстрому разрушенію испанской республики и немедленному восшествію на престолъ Карла VII, само собою уничтожится одно изъ послѣднихъ препятствій къ сліянію французскихъ бурбоновъ. Ученые абсолютистской школы, дѣйствительно, припомнили, что за полтора столѣтія, королевская Европа утрехтскимъ договоромъ осватила такой порядокъ наслѣдованія Людовику XIV, по которому младшая линия бурбонскаго дома отказывалась отъ своихъ правъ на французскій престолъ до тѣхъ поръ, пока она сохранитъ за собою испанскую корону, но въ случаѣ потери этой короны или отреченія отъ нея, вновь пріобрѣтала свое мѣсто въ порядкѣ наслѣдованія на французскій престолъ. И такимъ образомъ, если бы графъ Шамборъ умеръ безъ наслѣдниковъ, то законнымъ королемъ Франціи долженъ бы былъ сдѣлаться не графъ Парижскій, а герцогъ Мадридскій...

Хотя наши паписты и приверженцы божественнаго права въ послѣднее время и заговорили объ этой исторической подробности, въ надеждѣ, что она ускоритъ примиреніе Людовика-Филиппа II и Генриха V, тѣмъ не менѣе графъ Парижскій не спѣшить пастъ къ ногамъ главы династіи. Онъ не писалъ къ графу Шамбору и не просилъ у него права официально поцѣловать его руку или же имѣть съ нимъ дружеское свиданіе. Одна изъ орлеанскихъ принцессъ, принцесса Клементина Саксенъ-Кобургъ-Готская встрѣтилась, правда, съ Генрихомъ V въ Вѣнѣ, обѣдала вмѣстѣ съ нимъ и затѣмъ пріѣхала во Францію. Предполагали, что черезъ нее ведутся переговоры между внуками Людовика XVI и Филиппа Эгалите; но именно ея-то присутствіе въ нашей столицѣ и совпало съ отсрочкою сліянія на неопредѣленное время. Если орлеанскіе принцы, вопреки желанію большинства орлеанистовъ, и были расположены сдѣлать первый шагъ къ сближенію, то *король* не удостоилъ сдвинуться съ облака, на которомъ онъ паритъ. Вѣрный девизу иезуитовъ, желая остаться тѣмъ, что онъ есть; онъ не согласился даже на прибавку маленькимъ красныхъ и синихъ уголковъ къ бѣлому знамени и нѣкоторыхъ формальныхъ уступокъ началамъ парламентской монархіи. Оставаясь столь же послѣдовательнымъ, сколько и неполитичнымъ, *король*, «in partibus infidelium», упорно настаиваетъ на томъ, чтобы его родственники подчинились ему безъ всякихъ условій.

Герцогъ Омальскій, имѣющій виды замѣнить собою Тьера, въ случаѣ парламентскаго несчастія или смерти «необходимаго человека», первый возсталъ противъ требованій графа Шамбора.

Въ разговорѣ съ однимъ англичаниномъ, членомъ парламента Горасомъ Горомъ, графъ Парижскій сказалъ:

— Я признаю, что единственная возможная монархія—монархія конституціонная, и что для того, чтобы она была устойчи-

ва, нужно основаться на принципѣ наследственности; я никогда не буду противъ кандидатуры графа Шамбора; но если бы страна рѣшилась возстановить монархію, а графъ Шамборъ отказался принять конституціонныя условія, то положеніе дѣлъ перемѣнится.

Значеніе этихъ словъ значительно усиливается слѣдующимъ концомъ разговора:

— Съ самаго дѣтства я терпѣлъ изгнаніе; я испыталъ положительное счастье при возвращеніи въ отечество и рассчитываю остаться въ немъ.

Это значить, что Луи-Филиппъ II вовсе не намѣренъ рисковать своимъ настоящимъ положеніемъ для возведенія на престолъ Генриха V, и что даже для своего личнаго дѣла онъ не захотѣлъ бы подвергнуться опасности новаго изгнанія.

Въ виду полной неудачи сліянія, интриги, ведущіяся еще съ прошлаго лѣта коалиціею монархистовъ, рушились одна за другою. Въ то время какъ герцогъ де-Броули оканчивалъ докладъ комиссіи тридцати, приверженцы партіи сліянія обсуждали вопросъ, слѣдуетъ-ли дѣлать послѣднюю попытку, чтобы побудить графа Парижскаго отправиться на поклоненіе Генриху V. Но, сдѣлавъ предварительныя рекогносцировки, они рѣшились оставаться въ полной неподвижности.

Приведенные въ отчаяніе, легитимисты снова начинаютъ ненавидѣть Орлеанскихъ принцевъ. Приверженцы же послѣднихъ спѣшатъ примириться съ Тьеромъ, который, по ихъ мнѣнію, лучше всякаго другаго подготовить реставрацію Людовика-Филиппа II, если только республика не удержится въ Испаніи, а чрезъ то не сдѣлается непобѣдимой и во Франціи.

CV.

Исправка Тьера въ заключеніямъ комиссіи тридцати.

Въ концѣ прошлаго мѣсяца, тридцать членовъ пресловутой парламентской комиссіи, назначенной вслѣдствіе голосованія 29-го ноября, казалось, окончили свое дѣло, совершенно не воспользовавшись данными имъ полномочіями, для регулированія атрибутовъ государственныхъ властей и условій министерской отвѣтственности. Четыре статьи, составленныя въ теченіи шестинедѣльныхъ мелочныхъ преній, откладывали въ дальній ящикъ конституціонныя реформы, отвергали республику, не возстановляя монархіи, и обращали въ государственный законъ мелочное и неудобопримѣнимое регулированіе вѣдательства единичной исключительной личности, президента *по имени* несуществующей *de jure* республики, въ пренія собранія, приписывающаго себѣ самодержавіе.

Такъ какъ публіка не слишкомъ-то восторгалась этимъ ге-

ниальнымъ произведеніемъ, то комиссія тридцати не рѣшалась представить его на трибуну въ виду оппозиціи лѣвой стороны и самого президента, который однимъ ударомъ разбилъ бы въ прахъ это карточное зданіе при смѣхѣ націи и всего міра. Поэтому, Тьеръ очень усердно приглашался въ комиссію для совѣщаній. Въ своей остроумной болтовнѣ 3-го февраля, глава государства безъ труда доказалъ, что комиссія не вполне исполнила возложенное на нее порученіе, слишкомъ ужъ занявшись его личностью и не обративъ никакого вниманія на основныя учрежденія, которыхъ настоятельно требуетъ положеніе страны. Тѣмъ не менѣе, онъ предложилъ между планомъ подкомиссіи Дегаза и планомъ денутата Таллона амальгаму, которая продолжила бы срокъ его приостановительнаго veto и позволила бы ему вмѣшиваться, увѣдомивъ о томъ собраніе особымъ посланіемъ, во всѣ парламентскія пренія, включая сюда и пренія по запросамъ относительно внѣшней и внутренней политики.

— Вотъ, воскликнулъ онъ сухимъ и желчнымъ голосомъ: — тотъ мінімумъ, который можетъ еще допустить мое достоинство, насколько оскорбленное доверѣніями, направленными лично прѣтвѣв менѣ... Палата не потерпитъ, чтобы изъ меня сдѣлали манекена... Я не принадлежу къ королевской фамиліи; я — маленькій буржуа, завоевавшій свое положеніе въ потѣ лица... Мое душевное желаніе ярдыти къ соглашенію не можетъ все-таки простираться до самоотреченія!

Не смотря на эти, повиднмому, столь гордыя заявленія, Тьеръ дѣлаетъ уступки въ пунктахъ самыхъ капитальныхъ и деликатныхъ: онъ принимаетъ вступленіе въ проектъ комиссія, которымъ національное собраніе оставляетъ за собою свои конституціонныя права во всей ихъ неприкосновенности; онъ отказывается отъ права, которое принадлежитъ всякому депутату, и котораго онъ долго не хотѣлъ уступать, — права вмѣшиваться каждую минуту въ пренія, и позволяетъ окружить свое президентское краснорѣчіе формальностями, которыя онъ самъ называлъ *китайскими*.

Органы большинства комиссіи тридцати могли трббать о побѣдѣ; но черезъ день послѣ этого объясненія, 5-го февраля, ужасный маленький человѣчекъ вновь появляется въ комиссіи въ сопровожденіи своего хранителя печати, Дифора, несущаго маленькую бумажку, обсужденію утромъ того же дня въ совѣтѣ министровъ.

Онъ самъ подготавливаетъ своихъ слушателей къ чтенію ея фамильярнымъ удавленіемъ на необходимость учрежденія второй палаты и наданія новаго избирательнаго закона. Къ величайшему ихъ удивленію, сказать, по его мнѣнію, долженъ быть избираемъ народомъ, но только изъ опредѣленныхъ категорій избираемыхъ, какъ-то: членовъ древнихъ законодательныхъ собраній, засѣдавшихъ въ теченіи не менѣе пяти лѣтъ, высшихъ военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ должностныхъ лицъ

и т. д. Что же касается до всеобщаго голосованія, то онъ, бывшій слѣпымъ его противникомъ въ 1848 году, удостоиваетъ нынѣ признать его «дѣйствующимъ закономъ страны»; онъ почти вычеркиваетъ свое историческое выраженіе «низкой черни» и роковой законъ 31-го мая, однимъ изъ авторовъ котораго онъ былъ самъ въ 1850 году; второе декабря и короткое изгнаніе, которому онъ подвергся послѣ государственнаго переворота, просвѣтили его; нынѣ онъ считаетъ уже «неблагодарнымъ касаться великаго принципа всеобщаго голосованія». Но только, принявъ всѣ предосторожности, чтобы помѣшать возбужденію народныхъ страстей и возможности появленія новаго цезаря, выдающаго себя за возстановителя правъ народа, онъ желалъ бы, «чтобы локализовали избраніе» или, по крайней мѣрѣ, чтобы отыскали смѣшанную систему, среднюю между нынѣшней баллотировкою и системою вотированія по округамъ, такъ позорно эксплуатированной въ промежутокъ времени отъ 1852 до 1870 года. Ему кажется, что при нынѣшней организаціи всеобщаго голосованія существуетъ полное отсутствіе гарантій относительно тождества избирателя, равно какъ и относительно дѣйствительности жительства его въ избирательномъ округѣ, которое должно бы было продолжаться отъ одного до трехъ лѣтъ въ одной общинѣ. Онъ настаиваетъ на удаленіи отъ избирательныхъ урнъ «бродяги», не имѣющаго постояннаго мѣста жительства, который не извѣстенъ, ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ отношеніи, который, однимъ словомъ, не «civis».

Нѣкоторые республиканцы стараются сдѣлать кое-какія возраженія, чтобы ослабить впечатлѣніе, которое могли бы произвестъ на ихъ друзей и на народъ президентскія опредѣленія; но имъ удастся только еще болѣе убѣдить большинство коммисіи, что между правительствомъ и консерваторами въ концѣ концовъ установится полное согласіе относительно капитальнаго пункта: изуродованія всеобщаго голосованія такимъ образомъ, чтобы отнять возможно большее число голосовъ у народа, а слѣдовательно, и уменьшить число шансовъ на успѣхъ радикаловъ. Поэтому, одобрительный ропотъ присутствующихъ герцоговъ сопровождается чтеніе, которое начинается желчнымъ голосомъ разночинецъ Дюфоръ:

— Въ самомъ непродолжительномъ времени должно быть постановлено специальными законами:—вопервыхъ, о составѣ и способѣ избранія національнаго собранія, которое должно будетъ замѣнить нынѣшнюю палату; вовторыхъ, о составѣ, способѣ избранія и атрибутахъ второй палаты; втретьихъ, объ организаціи исполнительной власти на время, которое пройдетъ между распущеніемъ нынѣшняго собранія и созваніемъ новаго. Герцоги перестаютъ смѣяться.

— Въ самомъ непродолжительномъ времени! повторяютъ они съ испугомъ: — но вѣдь это намекъ на необходимость нашей

отставки, собраніе отпѣвають и требуютъ только, чтобы оно составило завѣщаніе!

Тьеръ не слышалъ этого. Къ тому, что прочелъ его министръ, онъ съ жестокостью прибавляетъ:

— Для насъ является вопросомъ первостепенной важности, чтобы было признано, что вы приступите къ послѣдней части вашихъ трудовъ немедленно, безъ всякихъ отлагательствъ...

Прерванный вопросами о какихъ-то подробностяхъ, онъ передъ уходитомъ продолжалъ:

— Мы готовы раздѣлять съ вами всякую отвѣтственность, представлять вамъ проекты законовъ, совѣщаться съ вами о нихъ... и требуемъ отъ васъ только одного, чтобы вы безъ замедленія приготовили эти три законопроекта.

Члены комисіи размышляютъ въ теченіи сорока восьми часовъ, обсуждаютъ мнѣнія печати, которыя, по обыкновенію, чрезвычайно противорѣчивы, и 7-го числа вновь принимаются за разсмотрѣніе поправокъ Тьера.

Безполезно было бы анализировать чрезвычайно длинное засѣданіе, въ которомъ каждая фраза, каждое слово первоначальнаго текста и президентскихъ поправокъ служили предметомъ особой безпѣтной, напыщенной рѣчи. Достаточно сказать, что въ концѣ концовъ вступленіе и первыя двѣ статьи проекта были передѣланы и прошли въ слѣдующемъ видѣ:

«Национальное собраніе, сохраняя, во всей неприкосновенности, принадлежащія ему учредительныя права, но желая внести нѣкоторыя улучшенія въ атрибуты общественныхъ властей, постановляетъ:

«Статья 1-я: Статья 1-я закона 31-го августа 1871 года измѣняется слѣдующимъ образомъ: сношенія президента республики съ собраніемъ производятся посредствомъ посланій, читаемыхъ съ трибуны однимъ изъ министровъ. Тѣмъ не менѣе, президентъ будетъ выслушиваемъ собраніемъ при обсужденіи законовъ, когда онъ сочтетъ это необходимымъ, причемъ онъ предварительно увѣдомляетъ собраніе о своемъ намѣреніи особымъ посланіемъ. Пренія, по поводу которыхъ президентъ республики потребуетъ слова, прерываются послѣ полученія посланія, и президентъ выслушивается на другой день, если только спеціально не будетъ постановлено, чтобы онъ былъ выслушанъ въ то же засѣданіе. Засѣданіе закрывается послѣ того, какъ онъ будетъ выслушанъ и дальнѣйшія пренія о предметѣ его рѣчи уже производятся внѣ присутствія президента республики.

«Статья 2-я. Президентъ республики обнародовываетъ законы, не терпящіе отлагательства, черезъ три дня, а прочіе законы въ теченіи мѣсяца послѣ вотированія ихъ собраніемъ. Въ теченіи трехъ дней, когда дѣло идетъ о законѣ, не требующемъ троекратнаго чтенія, президентъ республики имѣетъ право потребовать мотивированнымъ посланіемъ новаго обсужденія его.

Относительно законовъ, требующихъ троевратнаго чтенія, президентъ республики будетъ имѣть право послѣ втораго чтенія потребовать, чтобы третье было назначено не ранѣе двухъ мѣсяцевъ».

Перечтите этотъ удивительный текстъ, полный запутанностей и ловушекъ! Въ отношеніи *фоормы*, какъ говорятъ Бридуазонъ въ «Свадьбѣ Фигаро», это какой-то китайскій кастетъ, какъ это замѣтилъ и самъ Тьеръ, самъ содѣйствовавшій тому, чтобы еще болѣе его запутать. Что же касается до самой сущности дѣла, то здѣсь-то и высказалась вся интеллектуальная ничтожность комисіи тридцати. Въ сущности ничего не измѣнено: у главы исполнительной власти слово не отнято, его рѣчамъ придано только больше торжественности.

Оставалось регулировать вмѣшательство президента въ пренія по запросамъ. Комисія правой стороны и начала именно съ требованія соблюденія принципа министерской отвѣтственности. Но отвѣтственности не существуетъ, если, какъ только дѣлается нападеніе на какого-нибудь министра, является глава государства, говорить: «Это я приказалъ!» прикрываетъ собою своего подчиненнаго и превращаетъ такимъ образомъ простую передачу портфеля въ правительственный кризисъ. Посвятивъ много времени 8-го февраля обсужденію равнорѣчивыхъ поправокъ по этому предмету, комисія тридцати приняла, наконецъ, поправку д'Оссонвилля, которая, благодаря исправленіямъ, сдѣланнымъ въ ней А. Лефевромъ-Понталисомъ, могла быть принята и правительствомъ.

«Статья 3-я. Когда запросы, сдѣланныя министромъ, или петиціи, присланныя національному собранію, касаются внѣшней политики государства, президентъ республики долженъ быть выслушанъ. Когда же эти запросы или петиціи будутъ касаться внутренней политики, одни министры будутъ отвѣтственны за дѣйствія, касающіяся ихъ. Впрочемъ, если совѣтъ министровъ, специально рассмотрѣвъ какой-нибудь запросъ, и сообщивъ объ этомъ собранію, признаетъ, что поднятые вопросы касаются общей политики правительства и затрагиваютъ такимъ образомъ отвѣтственность президента республики, президентъ будетъ имѣть право быть выслушаннымъ съ соблюденіемъ формальностей, указанныхъ статьею 1-ю. Послѣ его сообщеній, собраніе назначаетъ день преній».

Предположите, что Тьеръ, вмѣсто того, чтобы быть ораторомъ, былъ бы тѣмъ, чѣмъ былъ Наполеонъ III съ 1848 до 1851 года,—очевидно, что приведенныя три статьи были бы совершенно излишни во французскомъ политическомъ кодексѣ. Еще болѣе, чѣмъ конституція Риве, которую онъ, повидимому, исправляетъ, не касаясь ея сущности, законъ тридцати представляетъ собою вещь самую анти-демократическую, непослѣдовательную, нелогичную и невозможную: онъ представляетъ конституцію для одного человека.

•

Этой нелѣпностью хитрецы роялизма доказываютъ наивнымъ республиканцамъ, что республика во Франціи еще не существуетъ, и что Франція продолжаетъ быть монархическою, при-сужденная, за неизмѣнимъ въ распоряженіи истиннаго короля, создать себѣ хотя нѣкоторое подобіе его!

CVI.

Столкновеніе, соглашеніе и интриги.

Три слова, страшно покоробили монархистовъ, слушавшихъ чтеніе плана Дюфора, и эти три слова слѣдующія: *«въ непро-должительномъ времени»*.

— Эти слова, — восклицалъ въ засѣданіи 8-го февраля, іезуитскій ораторъ Эрнуль, — отозвались въ моей душѣ, какъ погребальный звонъ... Нынѣшнее національное собраніе, по моему мнѣнію, далеко не окончило еще своей задачи... Намъ хотяъ заставить регулировать распущеніе нынѣшняго собранія, создать междуцарствіе, въ теченіи котораго исполнительная власть будетъ вручена одному человѣку. Это было бы отрицаніемъ самодержавія, которое хотѣло сохранить за собою собраніе... Это было бы нашимъ самоотреченіемъ.

Герцогъ де-Брольи, раздѣляя мнѣніе Эрнуля, не понимаетъ, какимъ образомъ послѣ всего, что произошло въ 1849, въ 1791 годахъ, и во всѣ времена парламентскаго режима, можно еще предлагать перерывъ власти между одной палатой, уходящею и другими, послѣдующими ей.

Гриваръ особенно налегаетъ на этотъ послѣдній пунктъ, и большинствомъ двухъ третей голосовъ правительственный проектъ отвергается. Проектъ комисіи проходитъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Статья 4-я. Комисіи атрибутовъ общественныхъ властей поручается впоследствии представить собранію проектъ учрежденія второй палаты, которая соберется тотчасъ послѣ того, какъ разоидется нынѣшнее собраніе. Проектъ избирательнаго закона, составленный спеціальною комиссіею, по окончаніи ея трудовъ, будетъ переданъ въ комиссію государственныхъ властей, которая пересмотритъ его, вслучаѣ, если онъ не будетъ согласованъ съ закономъ объ учрежденіи второй палаты».

Представленіе плана Дюфора, который сочли «требованіемъ распущенія», надѣлало столько шума, что принятіе проекта тридцати показалось «вотированіемъ борьбы», имѣющимъ цѣлью вызвать новый кризисъ 29-го ноября. Большинствомъ 19 голосовъ довлдчикомъ былъ избранъ герцогъ-герцоговъ, де-Брольи. Судя по тому легитимистскихъ и бонапартистскихъ органовъ, можно было предполагать, что коализованная правая сторона низвергнетъ Тьера и попыбуетъ немедленно возстановить мо-

нархію. Въ одномъ перехваченномъ письмѣ, напечатаніе котораго, — съ согласія Бартелеми-Сентъ-Илера, — произвело сильнѣйшій скандалъ, какой-то депутатъ, если и не членъ комисіи тридцати, то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ близкихъ къ нимъ, писалъ:

— Тьеръ, не смотря на свою изворотливость и свои хитрости, не могъ увернуться отъ нашей уздечки; нашъ пройдоха побѣжденъ; онъ проситъ теперь пощады... Его пресловутая политива посланія займетъ мѣсто рядомъ съ прочими теоріями *старого Футрике*.... Императорское управление этого шутовскаго президента кончено, кончено разъ на всегда; вопросъ въ томъ, на что употребить обломки его...

Дѣло въ томъ, что тогда еще вѣрили въ сліяніе, и что провозглашеніе испанской республики не омрачило еще ясной лазури, созерцаемой французскими монархистами. Но мадридское событіе и отсутствіе депешъ изъ Вѣны съ извѣстіемъ, что принцесса Клементина, наконецъ, соблазнила графа Шамбора, заставляють герцога де-Брольи заболѣть гриппомъ. Цѣлая недѣля проходитъ въ ожиданіи выздоровленія докладчика комисіи тридцати, торжественнаго вѣзда въ Мадридъ дона-Карлоса и объединенія Бурбонскаго дома.

Не имѣя возможности однако оставаться больнымъ вѣчно, де-Брольи 17-го февраля сообщаетъ свой докладъ, съ одной стороны, правительству, а съ другой, комисіи. Послѣдняя, въ виду того, что произведеніе герцога составлено въ примирительномъ духѣ, откладываетъ принатіе его до слѣдующаго дня, надѣясь, что оно будетъ одобрено и самимъ Тьеромъ. Дѣйствительно, во время засѣданія комисіи 18 го февраля, докладчикъ сообщаетъ ей президентскую депешу, въ которой глава государства благодаритъ за выраженныя на его счетъ чувства и проситъ новой отсрочки въ двадцать-четыре часа, чтобы имѣть время обсудить со своими министрами всѣ пункты, могущіе повести къ несогласіямъ.

Въ это время, никакой анархіи въ Испаніи не происходитъ, а принцесса Клементина и герцогъ Монпансье, явившись въ Парижъ, докладываютъ, что уломать графа Шамбора нѣтъ никакой возможности. Напрасно одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ примиренія, епископъ Дюпанлу, въ своихъ краснорѣчивыхъ посланіяхъ, требовалъ во имя Бога взаимныхъ уступокъ, — Генрихъ V отвѣчалъ ему (изъ Вѣны отъ 8-го февраля):

«Господинъ епископъ, вы, кажется, приписываете пустой мелочности, за которую я буду отвѣчать передъ Богомъ, неудачу такъ часто возобновлявшихся попытокъ произвести сближеніе двухъ вѣтвей моей фамиліи... Помимо всякихъ предубѣжденій и злопамятности по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, мой долгъ заключался въ томъ, чтобы *сохранить во всей его неприкосновенности принципъ наследственности*, храненіе котораго поручено мнѣ... *Пожертвованіе знаменемъ*... только пред-

логъ, избрѣтенный тѣми, которые, признавая необходимость восстановления традиціонной монархіи, желаютъ, по крайней мѣрѣ, сохранить *символь революціи*. Повѣрьте, что Франція, не смотря на свое ослабленіе, еще не утратила до такой степени чувства чести; она такъ же мало поняла бы главу дома Бурбоновъ, отрицающаго свое знамя, какъ и епископа Орлеанскаго, рѣшающагося засѣдать въ французской академіи, рядомъ съ скептиками и атеистами... *Поэтому я ничѣмъ не могу пожертвовать, не могу принять никакихъ условій...* Я мало жду отъ искусства людей и много отъ Божьей справедливости. Когда испытаніе становится слишкомъ горькимъ, одинъ взглядъ на Ватиканъ ободряетъ меня и укрѣпляетъ во мнѣ надежду. Примеръ августѣйшаго плѣнника внушаетъ духъ твердости, покорности провидѣнію и спокойствія, того твердаго душевнаго спокойствія, которымъ пользуется всякій, который возьметъ себѣ въ примѣръ Піа IX».

Таково надгробное слово сліанію. Послѣдній изъ Бурбоновъ старшей линіи годится теперь только на то, чтобы быть постриженнымъ и запертымъ въ монастырь, какъ это сдѣлалъ основатель династіи карловинговъ съ послѣднимъ меровингомъ, и какъ ѣдко напоминаетъ объ этомъ теперь въ парижскихъ салонахъ одинъ изъ приверженцевъ сліанія, герцога д'Одиффре-Паке.

Съ этихъ поръ прямой интересъ орлеанистовъ, снова отвергнутыхъ легитимизмомъ,—примириться вполне съ Тьеромъ,—если только они когда-нибудь съ нимъ ссорились. Оба герцога де-Брольи и д'Одиффре-Паке соглашаются представить въ совѣтъ министровъ въ послѣдній разъ проектъ слѣдующаго содержанія:

«Статья IV.—Национальное собраніе разоидется не прежде, чѣмъ рѣшитъ вопросъ: во первыхъ, объ организаціи и способахъ передачи законодательной и исполнительной власти; во вторыхъ, о существѣ и атрибутахъ второй палаты; и въ третьихъ, объ избирательномъ законѣ».

Въ засѣданіи 19-го февраля коммисія тридцати обсуждаетъ эту статью, равно какъ и проектъ, присланный ей Беранже (изъ департамента Дромы). Этотъ депутатъ, не принадлежащій къ числу членовъ коммисіи, приглашается въ нее для объясненія своего плана, заключающаго въ себѣ, во первыхъ, уничтоженіе вступленія (сохраненія неприкосновенности учредительныхъ правъ собранія) и во вторыхъ, слѣдующее упрощенное постановленіе:

«Национальное собраніе, прежде чѣмъ разоидтись, рѣшитъ вопросъ объ организаціи *правительства республики*».

— Я хотѣлъ бы установить конституціонную монархію,—говорилъ Беранже,—но это теперь невозможно, и въ интересахъ общественнаго спокойствія, собраніе должно имѣть патриотизмъ окончательно организовать правительство республики.

Рикаръ требуетъ отъ большинства, называющаго себя учредительнымъ, чтобы оно занялось окончательными учреждениями страны или объяснило, почему оно этого не дѣлаетъ.

— Не потому ли, что вы хотите учредить только монархію, а въ настоящее время возможно учрежденіе только республики? Если это такъ, объявите это!

На это отвѣчалъ самъ де-Брольи:

— Въ такой разъединенной странѣ, какъ наша, нужно, какъ можно дольше сохранить перемиріе партій... Лучше ждать, имѣть временное правительство... Но мы не отчаиваемся создать современемъ наше любимое правительство, *конституціонную монархію*... Мы не отказываемся дѣлать улучшенія во временномъ правительствѣ, но *никогда, никогда вы не добьетесь отъ насъ отреченія отъ вѣри въ конституціонную монархію*... Я имѣю единственною цѣлью въ настоящее время дать нынѣшнему *временному* правительству все необходимое для того, чтобы идти впередъ; *не болѣе и не менѣе*.

Вскорѣ послѣ этого, когда вопросъ о выборѣ между республикою и монархіею былъ снова поднятъ Араго, герцогъ Декавъ, въ свою очередь, сказалъ:

— Мы освятили въ Бордо перемиріе партій; но мы отложили выраженіе нашихъ убѣжденій до очищенія территоріи. Было бы опрометчивымъ подвергать страну волненіямъ, могущимъ произойти, вслѣдствіе важныхъ конституціонныхъ преній, когда одно неосторожное слово можетъ замедлить выступленіе непріятеля. Но когда Франція вновь станетъ независимою, придется приступить къ разрѣшенію великихъ конституціонныхъ вопросовъ. Вы предлагаете намъ республику; *мы предлагаемъ вамъ монархію*. Всѣ добрые граждане будутъ стараться окружить учреждениями, обеспечивающими порядокъ и свободу... правительство, данное большинствомъ... Въ настоящую минуту, достаточно провозгласить обязанность собранія, рѣшить вопросъ о будущности страны, прежде чѣмъ разойтись.

Членъ лѣвой стороны Альберъ Гриви старается придать слѣдующій смыслъ поддержкѣ, оказываемой министерскому проекту герцогомъ Брольи:

— Въ виду того, что существующее нынѣ правительство— республиканское, *единственнымъ обязательнымъ дѣломъ собранія является организациа и усовершенствованіе республиканскаго правительства*...

Де-Брольи отказывается дать категорическій отвѣтъ; онъ «сохраняетъ право учредить монархію; когда это будетъ возможно»; теперь же онъ «*временно соглашается на улучшеніе временнаго правительства*».

Раздѣлая его мнѣніе, д'Одиффре-Паке допускаетъ, что для созданія монархіи нужны новый законъ и новая комиссія.

Послѣ этихъ объясненій, и отверженія поправокъ Беранже и Лефевръ-Понталиса, статья IV въ редакціи Одиффре-Паке-Дю-

фора получает за себя 19 голосовъ различныхъ представителей трехъ центровъ. Одинъ только депутатъ праваго центра герцогъ Девазъ и лѣваго Лефевръ-Понталисъ воздерживаются отъ подачи голоса вмѣстѣ съ четырьмя представителями лѣвой стороны и пятью правой умѣренной и правой крайней, включая сюда и предсѣдателя собраній легитимистовъ и комисіи тридцати, де-Ларси.

Пренія хотѣли уже закрыть, когда Риваръ предлагаетъ самымъ скромнымъ голоскомъ прибавленіе только двухъ строчекъ:

«Правительство представить національному собранію три законопроекта касательно слѣдующихъ пунктовъ».

Это добавленіе немедленно же принимается 17-ю голосами республиканцевъ, къ которымъ присоединяются легитимисты, обрадованные случаемъ отомстить орлеанистамъ за измѣну.

Официозныя и радикальныя газеты начинаютъ послѣ этого побѣдную пѣснь. Всѣ газеты этихъ отѣвиковъ отъ «Soir» до «National» провозглашаютъ, что безсиліе монархической коалиціи доставляетъ исполнительной власти «родъ нравственной диктатуры», которая «обратится, конечно только на пользу Франціи и республики». Даже «République Française» Гамбетты обрадовалась тому, что «орудіе распушенія» вновь попало въ руки правительства, и сочла послѣднее заключеніе комисіи тридцати «равнозначущимъ провозглашенію республики». Только по истеченіи трехъ дней замѣтили, что радикализмъ такъ же праведенъ, какъ и легитимизмъ, и что только орлеанисты остаются въ выигрышѣ отъ этого надувательства тѣхъ, которыхъ герцоги такъ же, какъ и Тьеръ и Риваръ, называютъ крайними партіями.

Отвергнувъ легитимистскую поправку, требующую, чтобы конституціонные законы были бы вотированы только послѣ очищенія территоріи, комисія тридцати принимаетъ въ окончательной редакціи докладъ о своихъ трудахъ. Въ тотъ же день, 21-го февраля, герцогъ де-Брольи прочитываетъ свое произведеніе въ публичномъ засѣданіи національнаго собранія среди ледянаго молчанія, изрѣдка прерываемаго ропотомъ.

Въ первой части этого очень длиннаго мемуара, написаннаго очень хорошимъ академическимъ стилемъ, говорится объ отношеніяхъ общественныхъ властей и о министерской отвѣтственности. Въ ней объясняется, какимъ образомъ три первыя статьи проекта комисіи, не уменьшая власти главы государства, не лишая слова Тьера, сдѣлаютъ столкновенія менѣе частыми и менѣе опасными только при помощи однихъ формальностей, съ которыми будутъ сопряжены вмѣшательства президента въ парламентскія пренія.

Вторая часть доклада посвящена реформамъ, возвѣщеннымъ въ статьѣ 4-й. Комисія, говоритъ де-Брольи, приняла поддерживаемый почти всѣми партіями принципъ учрежденія второй палаты; но вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, она рѣшила, что эта

вторая палата должна будетъ быть созвана только послѣ истеченія срока полномочій нынѣшняго собранія, срока, который наступить еще далеко не скоро.

— Этимъ учрежденіемъ,—говорить докладчикъ, возбуждая живѣйшіе протесты лѣвой стороны, — вы покажете, что гражданское и политическое равенство, признанное нашими законами, отличается въ вашихъ глазахъ отъ того грубаго нивелированія, которое отрицаетъ и стремится уничтожить всѣ законныя преимущества... Вы выразите свой протестъ противъ грубаго демагогическаго принципа чистаго абсолютнаго самодержавія массы... Вы создадите, какъ сказалъ самъ президентъ республики, *палату сопротивленія*.

— Да, восклицаетъ не республиканецъ-демократъ, а либеральный монархистъ де-Сези, *палату сопротивленія національному самодержавію!*

Относительно избирательнаго вопроса де-Брольи объявляетъ, что нужно уважать «всеобщее голосованіе, основу нашихъ учрежденій»; что для комисіи, какъ и для правительства, дѣло идетъ только о томъ, чтобы исправить недостатки закона 1849 года, отыскавъ «лучшія гарантіи тождества, гражданской и нравственной правоспособности избирателя», гарантіи, которыя должны заключаться въ болѣе продолжительномъ пребываніи въ избирательномъ округѣ.

Споръ, завязавшійся-было по поводу организаціи власти въ промежутокъ времени между двумя палатами, порѣшили совершеннымъ уничтоженіемъ предполагаемаго междуцарствія.

— Собраніе,—возвѣщаетъ докладчикъ,—самодержавно и сохранить свои права до созванія своихъ преемниковъ; пока продолжаются полномочія собранія, продолжается и власть президента, такъ-какъ по закону 31-го августа 1871 года обѣ власти должны прекратиться одновременно.

Но принявъ это рѣшеніе, можно ли было допустить приближеніе конца двухъ властей, не подготовивъ и не предусмотрѣвъ того, что будетъ послѣ нихъ? Отсюда IV статья, которая впрочемъ «сохраняетъ за собраніемъ всю полноту его правъ и его достоинства». Срокъ, къ которому должны быть окончены конституціонныя работы собранія, не опредѣленъ. Собраніе можетъ или воспользоваться своими учредительными правами или еще продолжить перемиріе партій. Оно обязывается только изучить «различныя комбинаціи, могущія улучшить настоящее, не связывая будущаго». Поправки Араго и Беранже, предлагавшія немедленную организацію республики, равно какъ и обязательство, потребованное Амедемъ Лефевромъ-Понталисомъ, дать странѣ окончательныя учрежденія прежде, чѣмъ разойтись, были устранены: «Коммисія не хотѣла постановлять ничего, чтобы ограничивало такъ или иначе свободу рѣшеній, которыя можетъ внушить національному собранію просвѣщенное стремленіе къ общественному благу».

Докладъ заканчивается воззваніемъ къ единству и согласію: — Назначенная послѣ величайшаго политическаго кризиса, коммисія стремилась не къ тому, чтобы возобновить его, а къ тому, чтобы привести его къ концу... Всѣ мы готовы дѣлать уступки и пожертванія. Предоставимъ дѣлать злобныя комментаріи тѣмъ, которые основываютъ свои надежды на несогласіи общественныхъ властей; Франція, напротивъ того, возлагаетъ свои надежды на согласіе между ними...

Только въ центрахъ раздаются рукоплесканія, да и то очень мало.

— Когда будутъ пренія? слышатся вопросы.

Виконтъ д'Абовидль кричитъ:

— Черезъ три мѣсяца!

— Послѣ очищенія территоріи, говорятъ Герве де-Сези.

Когда одинъ изъ депутатовъ предложилъ назначеніе преній на будущій четвергъ и четырехдневный отпускъ на время карнавала, Сези съ живостью воскликнулъ:

— Отпускъ *послѣ изъясненія покорности коммисіи*, это по крайней мѣрѣ послѣдовательно!.. Что же касается до *сложненія полномочій*, которое намъ предлагали, то я апеллирую къ собранію и исторіи!.. Исторія, пожалуй, будетъ въ правѣ сказать, что вмѣсто того, чтобы организовать свободу въ нашей странѣ, мы только перемѣнили господина, относясь къ нему съ тѣмъ же впрочемъ рабодѣпствомъ?

За эти слова онъ былъ призванъ къ порядку.

Отпускъ данъ и открытіе преній назначено на четвергъ 27-го февраля. Но достойныя Тацита слова, вырвавшіяся изъ честнаго мужественнаго сердца, оказали свое дѣйствіе. Вмѣсто патристическаго соглашенія, воспитанаго академикомъ-докладчикомъ, многіе начинаютъ прозрѣвать скрытую интригу. Честность заставляетъ возстать крайнюю, лѣвую сторону. На крайней правой сторонѣ, рыцари лиліи краснѣютъ, чувствуя себя обманутыми, разрываютъ монархическую коалицію, угрожаютъ водрузить бѣлое знамя на трибунѣ. Чтобы разжечь борьбу, вице-императоръ Руэръ отписываетъ и находитъ до сорока подписей къ поправкѣ, требующей непосредственнаго обращенія къ народу въ формѣ плебисцита...

Озлобленіе противъ *Футрике* доходитъ до пароксизма. Де-Лоржериль и де-Сентре напечатали и официально роздали проектъ закона «касательно причинъ, побудившихъ президента республики принять на себя обязательство, о которомъ онъ говорилъ въ засѣданіи 30-го ноября, значенія этихъ обязательствъ и сопряженныхъ съ ними послѣдствій».

Газета «Union» рѣшается разорвать покрывала, скрывающія козни герцоговъ д'Одифре-Павье и де-Брольи, подписавшихъ договоръ съ Тьеромъ, «домогающихся почестей, и забывающихъ о чести обманутыхъ искреннихъ роялистовъ».

— Если сліаніе не удалось, — рассказываетъ эта газета, —

то потому только, что, обманывая роялистовъ, которые сдѣлали изъ него почти что важную особу, д'Одиффре-Пакье, строя козни противъ графа Шамбора, содѣйствовалъ интригѣ, веденой Тьеромъ и де-Брольи, которые различными обѣщаніями склонили графа Парижскаго и всѣхъ орлеанскихъ принцевъ не примиряться съ королемъ и въ концовъ концовъ заявить, что они никогда не покинутъ трехцвѣтнаго знамени.

«Univers», въ свою очередь, докладываетъ, что въ 1871 году передъ изданіемъ декрета, отмѣнявшаго законы объ изгнаніи и разрѣшавшаго орлеанскимъ принцамъ пребываніе во Франціи и возвращеніе всѣхъ имуществъ, конфискованныхъ имперіей, — друзья ихъ формально обязались отъ ихъ имени признать законность правъ Генриха V; и что только поэтому графъ Шамборъ посовѣтывалъ своимъ дворянамъ подать голоса такъ, какъ они подали, сказавъ:

— Я предпочитаю, чтобы меня надули мои братцы, чѣмъ чтобы они обвинили меня въ выраженіи недовѣрія къ нимъ.

Въ настоящее время, *фактически* существующая республика, благодаря рыцарской неподатливости короля, благодаря интригамъ претендентовъ, благодаря, наконецъ, ухищреніямъ архисамодержавнаго главы государства, пріобрѣла, по крайней мѣрѣ слѣдующія значительныя преимущества: монархія, имѣющая возможность учредиться de jure большинствомъ голосовъ роялистскаго собранія, становится невозможною за неимѣніемъ единого короля!

CVII.

Публичная борьба. Церемониальный маршъ знаменъ.

Есть во Франціи довольно значительное число патриотовъ-республиканцевъ, которые, отличившись своею дѣятельностью или своими сочиненіями во времена имперіи, честно исполнивъ свои обязанности во время нашествія, имѣли счастье и искусство спастись отъ отвѣтственности за миръ, междоусобную войну, вчерашніе ужасы и сегодняшнія интриги.

Тѣ изъ ихъ друзей, которые дѣйствуютъ теперь или въ національномъ собраніи, въ которомъ они присуждены говорить, говорить и не приходитъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, или въ прессѣ, гдѣ нынѣшнія злополучныя обстоятельства заставляютъ ихъ постоянно впадать въ противорѣчія съ самими собою, обвиняютъ въ эгоизмѣ или въ отчаяніи этихъ безмолвныхъ, хотя и страстныхъ зрителей, этихъ подъ часъ насмѣшливыхъ, но чаще огорченныхъ свидѣтелей совершающейся на ихъ глазахъ траги-комедіи. Это просто люди, обладающіе здравымъ смысломъ и характеромъ, которые ничего не забыли, много учились, много учатся, и которые считаютъ себя неспо-

собными ни къ какой дѣятельности въ настоящее время, такъ какъ въ это злополучное, болѣзненное время ничего хорошаго не можетъ быть сдѣлано, не рискуя все компрометировать. Эти политики, въ которыхъ истинная республика найдетъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, серьезную опору, постоянно повторяютъ своимъ дѣйствующимъ друзьямъ слѣдующую истину: до очищенія національной территоріи нужно, чтобы вещи остались въ томъ же положеніи; вы спасете все, если приступите къ дѣятельности только тогда.

Постоянныя неудачи слиянія очень ихъ тѣшатъ; но серьезно огорчаетъ ихъ обращеніе республики въ орудіе маленькаго «необходимаго человѣчка». Какъ республиканцы, они питаютъ мало довѣрія къ послѣднему, но они признаютъ его буржуазный патріотизмъ и пользу, которую онъ приноситъ въ настоящее время, ускоряя уплату пяти миллиардовъ контрибуціи. Поэтому они допускаютъ, чтобы депутаты лѣвой стороны поддерживали Тьера, но съ условіемъ никогда не поддаваться антидемократическимъ капризамъ старика-орлеаниста и заставляя его оплачивать каждое голосованіе противъ его враговъ правой стороны ускореніемъ національнаго освобожденія.

Вотъ почему, во все продолженіе преній комисіи тридцати, они интересовались только движеніемъ фондовъ въ кассахъ государственнаго казначейства и убѣдились, что къ концу нынѣшняго года, а если захочетъ правительство, то и въ серединѣ его, Франція выплатитъ свой долгъ и снова станетъ независимой. Они мало заботятся о томъ, будутъ-ли толковать о министерской отвѣтственности, о сенатѣ или избирательномъ законѣ, лишь бы только всѣ эти разсужденія не приводили въ данную минуту ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, и лишь бы нація до освобожденія отъ пруссаковъ не отказывалась ни отъ одной частички своего самодержавія.

Просвѣщенные совѣтами своихъ безпристрастныхъ, твердыхъ друзей изъ *резерва*, умѣренные республиканцы парламента колебались нѣсколько времени, но наканунѣ публичнаго засѣданія постановили, что, «довѣрая политикѣ посланія, они будутъ поддерживать правительство при обсужденіи проекта комисіи тридцати».

По примѣру лѣвой республиканской стороны, лѣвый центръ почти не обратилъ вниманія на разумный совѣтъ черезъ чуръ хитраго Эрнеста Пикара—протестовать противъ бѣльшей части статей и затѣмъ вотировать совокупность проекта, который въ концѣ концовъ ни къ чему никого не обязываетъ; онъ рѣшился высказаться противъ вступленія и принять весь законъ.

Маленькая группа консервативныхъ республиканцевъ, оракуломъ которыхъ является Казимиръ Перье, также признала необходимымъ безусловное одобреніе проекта изъ страха ослабить правительство, при чемъ отвергла въ числѣ прочихъ поправокъ и поправку своего члена Беранже (изъ департамента Дромы).

Только «республиканская унія», единогласно, кромѣ человѣкъ двадцати, принадлежащихъ къ лѣвой умѣренной сторонѣ, не явившихся на засѣданіе, приняла слѣдующее постановленіе:

вопервыхъ, отвергнуть всѣ заключенія доклада Бролья и различныя статьи закона;

вовторыхъ, поддержать всѣ предложенія, клонящіяся къ продолженію полномочій Тьера, какъ президента республики, до организациі исполнительной власти новымъ собраніемъ.

Публичныя пренія открылись 27-го числа требованіемъ докладчика комиссіи тридцати и правительственнымъ заявленіемъ:

«Journal Officiel» напечаталъ въ числѣ очередныхъ дѣлъ: *первое обсужденіе* проекта, изъ чего можно было заключить, что конституціонный проектъ долженъ будетъ вынести *три чтенія* въ промежуткѣ нѣсколькихъ недѣль одно послѣ другаго, какъ и всѣ обыкновенные законопроекты.

Герцогъ де-Бролья потребовалъ *безотлагательности*, то есть вступленія въ дѣйствительную силу закона немедленно послѣ голосованія.

Послѣ ироническаго замѣчанія монархиста Френо на счетъ быстроты, съ которою были порѣшены предшествующіе временныя статуты 17-го февраля и 31-го августа 1871 года и на счетъ *невинности* новаго статута, регулирующаго церемональ президентскихъ входовъ и выходовъ,—три четверти собранія высказались за безотлагательность. Только крайне-правая и крайне-лѣвая стороны высказались противъ нея.

Хранитель печати Дюфоръ, отъ котораго ждали цѣлой рѣчи, удовольствовался заявленіемъ, «что правительство *безусловно* соглашается съ заключеніями комиссіи и подаетъ за нихъ свой голосъ».

— За чѣмъ же тогда пренія? На голоса! кричать хоръ министерскихъ приверженцевъ съ такою настойчивостью, что мы зрители, думали уже, что голосованіе тутъ же будетъ эскамотировано. Но президентъ республики не отвѣчалъ на знакъ, сдѣланный ему президентомъ собранія, и общія пренія были открыты.

Одинъ изъ скучнѣйшихъ адвокатовъ лѣваго центра де-Марсеръ попробовалъ было, при ропотѣ правой стороны, изложить планъ всеобщаго примиренія на почвѣ посланія 13-го ноября. Онъ настаиваетъ на невозможности въ настоящее время монархической реставраціи и на необходимости принять, въ виду невозможности конституціонной монархіи, консервативную республику. Онъ дѣлаетъ весьма торжественное воззваніе ко всѣмъ консерваторамъ и въ особенности къ принцамъ орлеанскаго дома—«покинуть прошлое, которое уже не можетъ возвратиться».

Герцогъ Омальскій провелъ рукою по затылку, и затѣмъ, какъ будто стараясь объяснить что-то принцу Жуанвильскому, укрывся отъ устремленныхъ на него взоровъ всего собранія.

Его королевское, или будущее президентское высочество снова принуждено было продѣлывать тотъ же маневръ, когда слѣдующій ораторъ, молодой, нѣсколько неуклюжій и не совсѣмъ грамматически выражающійся маркизъ де-Кастелланъ, попробовалъ развернуть знамя конституціонной монархіи и доказывать, что «когда къ нимъ обратится нація, а не болѣе или менѣе уполномоченные посредники», то принцы крови Генриха IV вспомнятъ, что, «если они имѣютъ права, то имѣютъ также и обязанности, и что прежде, чѣмъ принадлежать самимъ себѣ, они принадлежатъ своей странѣ, которая создала ихъ предковъ, равно какъ и ихъ самихъ».

Между де-Кастелланомъ и де-Марсеромъ Дагирель взомель на трибуну и сказалъ безъ всякихъ лишнихъ фразъ:

— Да, я требовалъ и требую, чтобы собраніе высказалось относительно окончательной формы правительства. Я предлагалъ и предлагаю покончить съ временнымъ правительствомъ и провозгласить или *республику, или законную монархію*.

Очень откровенныя слова, которыми ридивалы аплодировали даже болѣе легитимистовъ.

Не слушаемый ни своими друзьями, ни своими противниками, Фердинандъ Бойе, роялистъ изъ Нима, диктуя стенографамъ «Journal officiel» полное осужденіе проекта комиссіи, доказывалъ, что собранію положительно нечего учреждать ранѣе освобожденія территоріи.

Всеобщее невниманіе было прервано появленіемъ на трибунѣ Эжана, развернувшаго громадную рукопись и возвѣстившаго коллективное заявленіе.

— Отъ чьего имени? кричатъ ему слѣва.

— Кто вы такой?

— А вы? возражаютъ корсиканцы Гавини и Галлони д'Истріа.

— Мы, громко заявляетъ личность, стоящая на трибунѣ:— приверженцы непосредственного обращенія къ народу!

— Ага! бонапартизмъ! второе декабрѣ! сыплется отовсюду.

И несмотря на это, президентъ собранія, забывая двойное постановленіе о низложеніи наполеоновской династіи, дозволилъ чтеніе имперіалистскаго манифеста, который и былъ выслушанъ изумленнымъ большинствомъ.

Одно это уже представляетъ весьма важный симптомъ. Президентскія и орлеанистскія интриги до такой степени угасили единственную благородную ненависть, которую почти единодушно питала бордоская и версальская палата, что, послѣ смерти Наполеона III, имперіалистская шайка нашла возможнымъ торжественно заявлять о правахъ Наполеона IV. Дѣло не въ томъ, чтобы этотъ манифестъ представлялъ собою что-нибудь особенно важное. Если въ немъ и находится нѣсколько довольно ловкихъ почти революціонныхъ аргументовъ противъ возможности собранію замѣстить собою самодержавный народъ, въ немъ встрѣчается громадная тактическая ошибка — допущеніе

«умѣренной регламентаціи всеобщаго голосованія», что отнимаетъ у имперіализма его великій аргументъ 1851 года — безусловное возстановленіе народнаго права вотпрованія, ограниченнаго закономъ 31-го мая.

Засѣданіе 27-го числа было не болѣе, какъ церемоніальнымъ маршемъ выставляемыхъ на трибунѣ знаменъ. Не высказывалась одна радикальная республика.

Въ началѣ засѣданія 28-го февраля, не смотря на министерскую партію, снова требовавшую закрытія преній, Гамбетта попросилъ слова.

Начавши необыкновенно спокойно и скромно нападеніе на проектъ закона, «произведеніе столь же ребяческое, сколько и опасное», онъ выслушивается въ такомъ молчаніи, что вскорѣ начинаетъ чувствовать потребность возбуждать самого себя къ краснорѣчію; поэтому онъ нападаетъ сначала на бонапартистовъ, а затѣмъ на де-Брольи и комиссію тридцати.

Онъ очень хорошо объясняетъ, почему *цѣльные* республиканцы, въ противность нелогичнымъ роялистамъ, всегда возставали противъ узурпаціи собраніемъ учредительной власти, и, не одобрявъ конституціи Риве 31-го августа 1871 года, не одобряютъ нынѣ темнаго произведенія комиссіи тридцати. Шада, по возможности, личность Тьера, онъ доказываетъ, что комиссія тридцати вовсе не имѣла въ виду осуществлять идеи посланія 13-го ноября; онъ описываетъ, съ какою заботливостью публика слѣдила за трудами комиссіи, и какъ ея неожиданныя заключенія сбили съ толку общественное мнѣніе. Что же скрывается подъ этими эпитѣтами? Кто же остается *въ барышахъ* отъ этого плана, который, повидному, стремится сохранить какое-то безымянное положеніе въ странѣ съ тѣмъ, чтобы отдать ее впослѣдствіи въ руки «какого-нибудь великаго пожизненнаго пенсіонера или же штатгальтера княжеской крови?» Повторяя слова президента собранія Греви: «мы не хотимъ быть ни обманутыми, ни обманщиками!» Гамбетта объявляетъ, что республиканцы, требуя признанія народнаго самодержавія, поддерживая петиціонное движеніе въ пользу распушенія собранія, отказываются присоединиться къ комбинаціи, которая, не будучи монархіею, въ то же время не представляетъ собою и республики.

Такъ какъ лѣвая умѣренная сторона хранила постыдное молчаніе, которое видимо огорчало оратора, послѣдній не только налегаетъ на *барыши*, которые получаютъ ужъ конечно не наивныя республиканцы отъ соглашенія, заключеннаго за кулисами между герцогами и правительствомъ, но и начинаетъ одинъ за другимъ разоблачать нарушенія демократическихъ преданій и принциповъ, заключающіяся въ четырехъ статьяхъ представленнаго законопроекта. Но ничто не помогаетъ! Лѣвая умѣренная сторона, вмѣстѣ съ центрами, остается недоступною логикѣ своихъ собственныхъ идей. Съ отчаянія, Гамбетта, передъ концомъ своей рѣчи, обращается къ крайней правой сторонѣ и

предлагаетъ ей вступить въ союзъ съ крайнею лѣвор для того, чтобы «уничтожить законопроектъ, не годный ни для монархистовъ, ни для республиканцевъ, произведеніе самой безобразной случайности». Во всю силу своего голоса, не обращая вниманія даже на одобренія бонапартистовъ, онъ слѣдующимъ образомъ заключаетъ свою рѣчь:

— Когда отъ насъ, республиканцевъ, требуютъ, чтобы мы, ради туманнаго, отсроченнаго на неопредѣленное время основанія республики, сами наложили руку, посягнули на священное хранилище неприкосновенности принципа всеобщаго голосованія и подготовили оружіе для анти-республиканской олигархіи, — мы съ чистою совѣстью и полнымъ убѣжденіемъ говоримъ: *нѣтъ!*

Одни только восемьдесятъ членовъ республиканской уніи привѣтствуютъ радикальнаго оратора. Многочисленные друзья, которыхъ онъ нѣкогда насчитывалъ между умѣренными республиканцами, показываютъ видъ, что отворачиваются, когда онъ возвращался на свое мѣсто. Члены правой стороны съ улыбкою указываютъ другъ другу на это несчастное стадо людей, нѣкогда свободныхъ, а нынѣ пораженныхъ Тьеру и всему, что прячется за «необходимымъ человѣкомъ», — до такой степени, что не смѣютъ уже въ присутствіи господина защищать, свои собственные принципы и поддерживать ихъ защитника противъ интригановъ, которымъ удалось необыкновенно искусно ихъ провести.

CVIII.

Объясненія Дюфора. — Опроверженіе посланія.

Герцогъ де-Брольи разбитымъ голосомъ и сварливымъ тономъ отвѣчаетъ на рѣчь Гамбетты.

— Да, говорить онъ:— между правительствомъ и комисіею тридцати состоялось соглашеніе, вслѣдствіе рѣчи, произнесенной хранителемъ печати 14-го декабря. На почвѣ республики или монархіи состоялось это соглашеніе? Нѣтъ, на почвѣ нейтральной, на которую встало собраніе еще два года тому назадъ, на почвѣ бордоскаго договора! Комисія не получила полномочія опредѣлять и регулировать форму правленія. Было рѣшено отложить этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда вооруженнаго непріятеля не будетъ на нашей почвѣ. На требованіе немедленнаго распущенія палаты, которое подвергло бы страну всевозможнымъ бурямъ и невгодамъ, отвѣтили организаціею общественныхъ властей, гарантирующею странѣ, что собраніе не подвергнетъ ее *всѣмъ случайностямъ выборовъ, произведенныхъ всеобщимъ голосованіемъ.*

Это лишонное всякихъ прикрасъ разоблаченіе истинной цѣли

маленькою буржуа, герцогов и большинства депутатов, опасавшихся не быть избранными вновь, подхватывается крайнею лѣвою стороною:

— Развѣ настоящее собраніе — случайное собраніе? восклицаютъ они.

Де-Бромби запутывается все болѣе и болѣе, стараясь объяснить, почему учрежденіе второй палаты не можетъ быть согласовано съ «символомъ радикальнаго коммунизма», съ «теоріею нивелированія всякихъ преимуществъ» и т. д. Затѣмъ, докладчикъ, желая произвести въ концѣ своей рѣчи эффектъ, занимается описаніемъ гамбеттискаго заговора, который нѣкогда имѣлъ дѣлю помѣшать созванію собранія, а теперь стремится къ тому, чтобы поселить разладъ между властями и возстановить страну противъ парламентскаго безсилія.

Но вотъ трибуна занята бывшимъ морскимъ офицеромъ, произведеннымъ республиканскимъ правительствомъ въ генералы, который въ палатѣ отличился пока еще только требованіемъ назначенія общественныхъ молитвъ, которымъ Лурдскіе пилигримы приписываютъ пораженіе Парижской коммуны.

Его не слушаютъ, потому что онъ нападаетъ на проектъ вслѣдствіе непомѣрныхъ правъ, «предоставленныхъ, конечно, человѣку замѣчательному... но... прошлое поведеніе котораго должно внушать величайшія опасенія, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ».

Послѣ этого ораторъ, въ присутствіи Тьера, сидящаго на первой скамьѣ, прямо противъ трибуны, начинаетъ обвинять его въ томъ, что онъ хотѣлъ перевести собраніе въ Парижъ въ мартѣ 1871 года; въ томъ, что онъ въ то время, какъ вспыхнуло возстаніе, предложилъ оставить Монъ-Валеріенъ, и долгое время отказывался дѣйствовать противъ Парижа, пока его наконецъ не принудила къ этому палата.

Центры раздражаются страшнымъ ропотомъ, покрывающимъ голосъ благочестиваго генерала. Президентъ Гриви три раза призываетъ его къ вопросу, не обращая вниманія на нѣкоторые члены правой стороны, кричащихъ:

— Здѣсь позволено только хвалить Тьера!

Эксъ-капитанъ флота дю-Тампль старается, но безуспѣшно, перекричать страшный шумъ, дѣлающій версальское собраніе похожимъ на бельвилгскій клубъ, разгоняемый полицейскими комиссарами. Гриви непрерывно звонитъ въ свой колокольчикъ и, наконецъ, объявляетъ, что регламентъ не предоставляетъ ему права заставлять оратора сойти съ трибуны и позволяеть ему только призывать его къ вопросу, а затѣмъ, если понадобится, и къ порядку.

— Въ такомъ случаѣ уйдемъ! восклицаетъ человѣкъ пятьдесятъ изъ лѣвой умѣренной стороны, которые, впрочемъ, вида, что никто за ними не слѣдуетъ, снова усаживаются на мѣста.

Дю-Тампль продолжаетъ между тѣмъ обвинять Тьера въ томъ,

Т. ССVII. — Отд. II.

6

что онъ предпочелъ завладѣть Парижемъ скорѣе шпіонствомъ, чѣмъ силою, вслѣдствіе чего и былъ принужденъ въ послѣдствіи изъавить отъ отвѣтственности всѣхъ важнѣйшихъ преступниковъ, которыхъ требовали сованные противъ его воли военные суды.

Діатриба, въ которой истина смѣшана съ ложью, справедливое негодование съ нелѣпнѣйшею яростью, заванчиваются слѣдующимъ образомъ.

— Онъ защищалъ все, что угодно, говорилъ все, что угодно, нападалъ на все, что угодно; онъ нападалъ на своего законнаго короля и низвернулъ своего благодѣтеля; онъ руководилъ въ 1831 году разграбленіемъ архіепископскаго дворца въ Парижѣ и низверженіемъ съ высоты Нотр-Дамъ честнаго живописца креста!

— О комъ вы это говорите, милостивый государь? спрашиваетъ президентъ Гриви.

— О Тьерѣ, съ важностью отвѣчаетъ генераль дю-Тампля, возвращаясь на свое мѣсто, въ то время какъ его торжественно призываютъ къ порядку за «недостойное оскорбленіе президента республики, которое, конечно, не можетъ его достигнуть».

Два клерикала чистѣйшей правой стороны, де-Белькастель и де-Лоржериль, сходятъ со своихъ мѣстъ и отправляются одинъ—обнять дю-Тампля, а другой пожать ему руку, что возбуждаетъ ироническія рукоплесканія крайней лѣвой стороны, къ которой Лоржериль идетъ съ поднятыми кулаками и, остановившись по срединѣ зала, кричитъ:

— Ну, а вы! вы ступайте жать руку Рошфору!

Для восстановленія спокойствія нуженъ ни болѣе, ни менѣе, какъ сонный голосъ Эдуарда Лабулэ, человѣка, отличающагося замѣчательными способностями къ теоретической политикѣ и замѣчательнаго безхарактерностью въ практической. Онъ защищаетъ учрежденіе двухъ палатъ, какъ въ Америкѣ, не обращая вниманія на разницу, существующую между сенатомъ, о которомъ мечтаютъ наши орлеанисты, и сенатомъ вашингтонскимъ. Прерванный напоминаніемъ о плебисцитѣ 1870 года, защитникомъ котораго онъ имѣлъ несчастье явиться, онъ защищаетъ абсолютное самодержавіе народа. Проектъ Брولى-Дюфора не есть, конечно, та конституція, о которой онъ мечталъ, но онъ создаетъ такое положеніе дѣлъ, при которомъ, если быть благоумынными и умѣренными, нечего бояться: *республика основана!* Эти послѣднія слова встрѣчаются рукоплесканіями лѣвой стороны и громкимъ ропотомъ правой.

Въ третій разъ центры требуютъ закрытія преній.

Молодой парижскій депутатъ Генрихъ Бриссонъ возстаетъ противъ этого, требуя, чтобы, до окончанія общихъ преній, коммисія и правительство разъяснили тягостное недоразумѣніе и откровенно объявили, долженъ ли разсматриваемый законопро-

ектъ считается, какъ это понимаютъ Лабулэ и де-Марсеръ, «примѣненіемъ посланія и основаніемъ республики?»

Президентъ республики отвѣчаетъ на это со своего мѣста:

— Правительство представитъ свои объясненія при обсужденіи отдѣльныхъ статей или во время общихъ преній; но во всякомъ случаѣ оно не имѣетъ намѣренія хранить молчаніе.

Изъ глубины правой умѣренной стороны герцогъ де-ла-Рошфуко-Визачіо повторяетъ, какъ и Бриссонъ, что не нужно болѣе недоразумѣній, что пора узнать, будетъ ли въ предстоящемъ вотированіи заключаться провозглашеніе республики.

Президентъ республики могъ бы однимъ своимъ словомъ прекратить всеобщую тревогу. Но онъ молчитъ. Очень значительно большинство отвергаетъ закрытіе преній, продолженіе которыхъ назначается на слѣдующій день.

Утромъ перваго марта происходитъ засѣданіе совѣта министровъ, на которомъ обсуждается вопросъ, какія заявленія сдѣлаетъ правительство, и кто выскажетъ ихъ отъ его имени съ трибуны. Хранитель печати упорно настаиваетъ на томъ, чтобы не было никакихъ уклоненій отъ заявленія о полномъ согласіи съ комиссіею, которымъ онъ самъ открылъ пренія о проектѣ.

— Иначе, говоритъ онъ, будетъ сомнительно, чтобы правительство составило себѣ большинство, и кромѣ того съ предводителями праваго центра, докладчикомъ де-Броули и герцогомъ д'Одифре-Пакье, заключены такія обязательства, которыя должны непременно быть исполнены.

Когда Тьеръ сталъ настаивать на томъ, чтобы лично защищать свое посланіе и самого себя, Дюфоръ пригрозилъ подать въ отставку и объяснить мотивы ея въ публичномъ засѣданіи. Послѣ этого, президентъ спросилъ мнѣнія своихъ министровъ: только трое изъ нихъ Леонъ Сэй, Жюль Симонъ и де-Ремюза высказались за то, чтобы говорилъ онъ самъ; большинство было того мнѣнія, чтобы хранитель печати, являющійся, начиная съ 14-го декабря, постояннымъ ораторомъ правительства, сохранилъ за собою это званіе и на этотъ разъ сдѣлалъ уступку скорѣе роялистамъ, чѣмъ республиканцамъ.

Въ засѣданіи 1-го марта, Дюфоръ представляетъ сначала историческій обзоръ различныхъ статутовъ, которыми была утверждена власть президента республики. Онъ напоминаетъ, что ставя 17-го февраля 1871 года во главѣ государства депутата, избраннаго въ наибольшемъ числѣ департаментовъ, національное собраніе отвергло предложеніе Луи-Блана, требовавшаго немедленнаго провозглашенія республики. Онъ перечитываетъ главнѣйшія мѣста изъ рѣчи, произнесенной Тьеромъ 10-го марта, въ которой перечислены условія Бордоскаго договора.

Лѣвая умѣренная сторона вновь аплодируетъ слѣдующимъ словамъ президента:

— Если намъ это удастся, реорганизація страны произойдетъ при республиканской формѣ правленія и въ пользу нея.

Но за то центры и правая сторона привѣтствуютъ знаменитую вѣтву Тьера:

— До окончанія реорганизациі, до времени разрѣшенія вопроса объ окончательной формѣ правленія, даю вамъ честное слово, что ни одинъ изъ отсроченныхъ вопросовъ не будетъ разрѣшенъ, и ни одно рѣшеніе не будетъ измѣнено вслѣдствіе измѣнъ съ нашей стороны.

Обращаясь къ лѣвой сторонѣ, Дюфоръ еще разъ вызываетъ рукоплесканія ея, напоминая, что глава исполнительной власти носить титулъ президента республики. Обращаясь къ правой сторонѣ, онъ подтверждаетъ, что республика тѣмъ не менѣе «правительство временное», какъ это сказалъ Тьеръ 18-го ноября 1872 года, и какъ это повторилъ онъ имъ въ своей рѣчи 14-го декабря; что нынѣ, какъ и два года тому назадъ, собраніе и правительство ожидаютъ «наступленія дня, когда оба они, свободно располагая своими дѣйствіями, будутъ въ состояніи придти къ соглашенію въ вопросѣ объ организациі окончательной формы правленія». Наступилъ-ли уже этотъ день? Нѣтъ. Тьеръ уже провозгласилъ въ комиссіи тридцати, а правительство провозглашаетъ нынѣ съ трибуны, что «не наступило еще время ни провозгласить республику, ни провозгласить монархію».

Но не будетъ-ли наступленіе этого момента задержано на неопредѣленное время и послѣ очищенія территоріи? Для того, чтобы допустить этотъ вопросъ, Дюфоръ вызываетъ красный призракъ съ такимъ же шарлатанствомъ, какъ нѣкогда Рузръ, и еще, пожалуй, болѣе безнравственно, потому что осмѣливается предсказывать слѣдующее:

— Взрывы могутъ послѣдовать за очищеніемъ непріателемъ нашей территоріи; никто не можетъ ручаться за то, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ его выхода, не произойдетъ національнаго сотрясенія, которое сдѣлаетъ весьма затруднительнымъ сохраненіе порядка.

Эти слова приводятъ въ восторгъ роялистовъ и въ справедливое негодованіе радикаловъ, которые восклицаютъ:

— Удержите въ такомъ случаѣ пруссаковъ, въ качествѣ жандармовъ!

Нѣсколько не обращая вниманія на этотъ перерывъ, министръ юстиціи беретъ этотъ аргументъ въ основаніе своихъ доказательствъ необходимости продолженія перемирія партій и старанія избѣжать, во что бы то ни стало, «возстанія побѣжденной республики противъ торжествующей монархіи, или побѣжденной монархіи противъ провозглашенной республики».

Но въ виду возможности того, что нынѣшнее собраніе не будетъ въ состояніи продолжить свои засѣданія до того времени, когда будетъ возможенъ выборъ окончательной формы правленія, явилась необходимость поставить вопросъ, какимъ образомъ должна будетъ совершиться передача власти во время распушенія. Избирательная реформа, какъ въ глазахъ правитель-

ства, такъ и въ глазахъ комисіи тридцати, имѣеть единственною цѣлью «сдѣлать всеобщее голосованіе искреннимъ и нравственнымъ». Что же касается до второй палаты, то это не будетъ ни монархическое, ни республиканское учрежденіе.

— Хотите вы, — восклицаетъ въ заключеніи Дюфоръ, — избѣжать анархіи, которая можетъ явиться послѣ того, какъ мы разойдемся? Хотите вы, если сами ничего не учредите, передать вашимъ преемникамъ право, которымъ вы такъ дорожите? Если вы хотите этого, — примите заключенія комисіи; они нисколько не вредятъ свободѣ, но, напротивъ того, упрочиваютъ ее.

Сильное волненіе было возбуждено этою странною рѣчью. Правый центръ приходилъ въ восторгъ, вида въ ней торжество орлеанистскаго заговора. Крайне лѣвая сторона отчаявалась, чувствуя, что республикѣ измѣнили.

Правая сторона не рѣшилась высказаться окончательно, но въ концѣ концовъ, въ виду неудачи слиянія, сообразила, что отъ затягиванія дѣла она скорѣе выиграетъ, чѣмъ проиграетъ; поэтому одинъ изъ ораторовъ этой группы, Френо объявилъ, что онъ принимаетъ проектъ, такъ-какъ въ сущности онъ ни въ чемъ не измѣняетъ настоящаго положенія дѣлъ.

Ослабленный интимнымъ разговоромъ, которымъ удостоилъ его утромъ того же дня Тьеръ, Рикаръ попробовалъ-было смягчить дурное впечатлѣніе, произведенное на лѣвый центръ рѣчью министра юстиціи; онъ доказывалъ, что идеи посланія остались неприкосновенными, и что его друзья должны вотировать вмѣстѣ съ правительствомъ.

Наконецъ, эксъ-министръ, нынѣ предсѣдатель бюро правой стороны, де-Ларси, не поколебался подтвердить, что посланіе было нарушеніемъ бордоскаго договора, и что его друзья подають голосъ за проектъ комисіи тридцати потому, что эта комисія отвергла посланіе.

Многочисленные члены лѣвой стороны бросаются послѣ этого къ Тьеру, умоляя его потребовать слова, чтобы не освящать своимъ молчаніемъ опроверженія его собственныхъ словъ.

Но Тьеръ остается неподвижнымъ на своей скамьѣ, и вопросъ о принятіи проекта въ принципѣ и переходѣ къ обсужденію отдѣльныхъ статей его пускается на голоса. 499 голосовъ отвѣчаютъ: *да* и только 200: *нѣтъ*.

Меньшинство составляютъ голоса девяностодвухъ депутатовъ республиканской униі, такое же почти число депутатовъ лѣвой умѣренной стороны и человекъ двадцати абсолютныхъ влерикаловъ легитимистовъ, навсегда поссорившихся съ Тьеромъ послѣ разоблаченій генерала дю-Тампля.

Голосованіе это было произведено въ субботу вечеромъ. Сорокъ-восемь часовъ спустя, когда пренія открылись вновь въ понедѣльникъ 3-го марта, многіе депутаты лѣваго центра и лѣвой умѣренной стороны, подавшіе голосъ вмѣстѣ съ большинствомъ, надумались и горько раскаявались въ этомъ.

Подъ предлогомъ нападенія на вступленіе къ проекту, умѣренный республиканецъ Ле-Роие жестоко напалъ на *безсиліе* роялистовъ, внушающихъ къ себѣ «непобѣдимую антипатию всей Франціи», и искусно сдѣлалъ льстивое обращеніе къ здравому смыслу Тьера, приглашая его успокоить тревогу Франціи, сдѣлавшейся республиканскою.

Замѣчательный юрисконсультъ лѣваго центра, Берто, осмѣлялъ рѣчь Дюфора и любовь, питаемую роялистами къ учредительному самодержавію, осуществленіе котораго постоянно откладывается въ долгій ящикъ. Изъ своей шуточной рѣчи, вызвавшей почти единодушный смѣхъ собранія, онъ необыкновенно здраво вывелъ слѣдующую мораль: если правительство хочетъ быть правительствомъ, оно должно знать, куда оно идетъ; оно уже сдѣлало выборъ между республикою и монархією, в дѣйствіи въ пользу той или другой, должно объявить объ этомъ.

Напрасно громоносный Бараньонъ съ своею обычною грубостью поспѣшилъ на помощь къ Дюфору, приглашая правительство содѣйствовать подготовленію какой-то «національной монархіи», и возбуждая бурю на лѣвой сторонѣ.

Молодой либераль, искренно обращенный къ республикѣ, Дювержье-де-Горанъ, несмотря на вопли монархистовъ, еще разъ потребовалъ отъ правительства болѣе точныхъ объясненій.

Старый графъ Рампонъ изъ лѣваго центра, даже проливая слезы, выражаетъ затруднительное положеніе его друзей, которые любятъ Тьера, но не совсѣмъ ясно понимая планъ Дюфора, принуждены будутъ, пожалуй, подать голосъ противъ правительства, если президентъ республики будетъ продолжать хранить упорное молчаніе.

— Окончаніе преній! на голоса! на голоса! неистово кричить половина собранія.

— Я требую слова, раздается маленькій голосъ Тьера, быстро всходящаго на трибуну.

Спокойствіе восстанавливается очень скоро. Всѣ съ невыразимымъ любопытствомъ начинаютъ прислушиваться.

— Милостивые государи, — говоритъ Тьеръ, — правительство горячо желало не затягивать этихъ преній; но послѣ вопросовъ, обращенныхъ къ нему, оно обязано отвѣчать. Несмотря на то, что нынѣшнія затрудненія созданы не нами, на насъ лежитъ долгъ успокоить умы; мы, безъ сомнѣнія, хорошо знаемъ, въ какомъ духѣ мы управляемъ, и было бы несправедливымъ предполагать, что мы не имѣемъ твердо опредѣленнаго пути. Но теперь уже слишкомъ поздно. Я прошу отложить пренія до завтрашняго дня.

Вмѣшательство въ пренія президента республики, противъ воли Дюфора и большинства министровъ, придаетъ имъ совершенно иное значеніе, расширяетъ и растягиваетъ ихъ. Я не могу ожидать окончанія ихъ, какъ я сначала хотѣлъ, для

того, чтобы закончить ими свое письмо, уже и безъ того слишкомъ длинное. Я отлагаю поэтому до корреспонденці слѣдующаго мѣсяца описаніе конца внутренняго кризиса, за которымъ слѣжу съ ноября прошлаго года, такъ сказать, съ луною въ рукахъ, и который описываю вамъ съ малѣйшими подробностями, такъ какъ онъ будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на настоящее и будущее Франціи.

Клодъ Франкъ.

Парижъ, 4-го марта 1873 года.

РАЧИТЕЛИ УНИВЕРСИТЕТСКАГО УСТАВА.

(Письмо изъ Москвы).

Quaecunq̄ue rei figura est demenda et ipsa facies reddenda.
Cicero.

Въ послѣднее время въ Москвѣ, вслѣдъ за исторією дурново-ляминскою, много говорили и говорятъ о страшномъ побоищѣ, равнѣется, словесномъ, происходившемъ въ университетскомъ совѣтѣ, по случаю внесеннаго профессоромъ Любимовымъ мнѣнія о преобразованіи университетскаго устава. Не было примѣра въ лѣтописяхъ московскаго университета, чтобы мнѣніе члена совѣта, не поддержанное ни единымъ голосомъ, подверглось такому рѣшительному поражению. Пока шли толки объ этомъ побоищѣ, на свѣтъ появилось изъ типографіи, что на Страстномъ бульварѣ, то самое чудище, изъ за котораго поднялись рать и брань въ университетскомъ совѣтѣ. Во 2-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» это чудище выставлено на показъ. Неужели спрашиваютъ, это—созданіе ума одного г. Любимова, плодъ его одноличныхъ соображеній? Привидчивая доброжелательность, неискренность слишкомъ связать въ статьѣ «Русскаго Вѣстника», снабженной именемъ г. Любимова, для того, чтобы усомниться въ возможности для университетскаго преподавателя, состоящаго и теперь въ этомъ званіи, дѣйствовать такъ діаметрально противоположно интересамъ учрежденія, которому онъ самъ всѣмъ обязанъ. Притомъ, кто же, прочтя эту статью не замѣтитъ поразительнаго сходства въ языкѣ, приемахъ, направленіи и даже настроеніи мыслей между нею и многими передовыми статьями «Московскихъ Вѣдомостей». Укажу для примѣра хоть на эту тираду: «Чего не высказывалось у насъ подъ именемъ либеральнаго, особенно въ ту эпоху, когда обсуждался уставъ 1863 года! Тогда, полагаю, мы едва ли бы были

даже удивлены, еслибы услышали изъ области канцелярскаго либерализма сужденія хотя бы въ родѣ слѣдующаго: въ странахъ, высоко стоящихъ на пути свободы, существуютъ партіи, есть оппозиція и оппозиціонные органы печати, бывали революціи. Не должны ли и мы, дабы не отстать отъ образованныхъ странъ, завести административнымъ путемъ, на казенныя деньги, маленькія партіи, небольшую оппозицію, помощію казенныхъ субсидій создать и поддержать оппозиціонные органы печати, завести свой рабочій вопросъ, даже, буде можно, маленькую революцію, конечно; все для виду, безъ энергіи». Не знаю какъ и отчего, но только по поводу этой статьи «Русскаго Вѣстника» приходитъ мнѣ на память одинъ недавній случай, о которомъ ходилъ слухъ по городу. Рассказывали, что гдѣ-то, въ какомъ-то собраніи одинъ изъ членовъ былъ забаллотированъ, потому что товарищи увидали наконецъ, что ужъ очень онъ срамно дѣйствуетъ; и вотъ забаллотированный членъ является въ собраніе, держитъ, среди шума, шиканья и неудобоваримыхъ насчетъ его замѣчаній, запальчивую и укорительную рѣчь и, наконецъ установленный, показываетъ кулаки и грозно восклицаетъ: «Не умру, пока не отомщу! Вы моей крови лизнули!» Мстить учрежденію, которое самъ же унижилъ, и мстить ему за свой позоръ, когда оно извергло своего негоднаго члена: это—мрачная психическая черта, встрѣчающаяся въ тѣхъ глубоко павшихъ натурахъ, которыя лишь грязнятъ, роняютъ и разрушаютъ все, въ чему прикасаются своимъ исключительнымъ я. Но такія личности, чтобы такъ могли дѣйствовать, должны стоять, и въ самомъ дѣлѣ стоять внѣ учрежденія, на которое направлена ихъ черная месть. Само собою разумѣется, что я не дѣлаю никакихъ сопоставленій. Случай, о которомъ много рассказывали и который почему-то пришелъ мнѣ теперь на память, не можетъ имѣть ничего общаго съ завлеченіемъ, испешшимъ отъ г. Любимова въ университетскомъ совѣтѣ, уже потому одному, что оно принадлежитъ профессору и члену университетскаго совѣта. Совѣтъ отвергъ это мнѣніе. Отрекся ли отъ него и самъ г. Любимовъ—неизвѣстно: одни говорятъ да, другіе нѣтъ. Но понятно, что не изъ среды университетовъ можетъ возникнуть опасность для ихъ устава, а слѣдовательно и для нихъ самихъ. Если есть люди, которые замышляютъ противъ нихъ нѣчто вредное, такъ надо искать ихъ внѣ университетовъ. Чтѣ бы, казалось, можно было сдѣлать лучшаго послѣ своего пораженія, какъ не припрятать подальше свое неудачное мнѣніе, и постараться и самому забыть о немъ и другимъ не напоминать. Однако оно печатается, сообщается во всеобщее свѣденіе чрезъ посредство «Русскаго Вѣстника»: стало быть, хозяева этого журнала вполне и безоговорочно раздѣляютъ это мнѣніе и по какому-то странному стеченію обстоятельствъ могутъ даже наслаждаться внутреннимъ и внѣшнимъ сходствомъ между нимъ и статьями «Московскихъ Вѣдомостей», преимущественно тѣми,

которыя писаны по части инсинуаціи. Совершенная солидарность редакціи «Русскаго Вѣстника» съ мнѣніемъ г. Любимова свидѣтельствуетъ, что оно не есть единственное, а напротивъ раздѣляется нѣсколькими лицами и притомъ такими, которыя всегда выказывали поползновеніе на нѣкоторыя вліятельныя связи; и это для насъ весьма важно. И если мнѣніе, предложенное въ университетскомъ совѣтѣ, послѣ своего тамъ пораженія, не спряталось навсегда въ портфель своего автора, но принято и обнародовано хозяевами московскаго журнала, то значить, что

....Умисель другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ.

Поэтому, когда я буду обращаться къ автору мнѣнія уже какъ публицисту, то это единственно ради краткости, условно; но собственно я имѣю въ виду извѣстный кружокъ лицъ, сплотившихся однообразнымъ воззрѣніемъ на нынѣ дѣйствующій университетскій уставъ и стоящихъ, кромѣ самого автора, внѣ университетской среды и дѣятельности.

Вся статья: «По поводу предстоящаго пересмотра университетскаго устава», отъ начала до конца, касается лишь нѣкоторыхъ формъ учрежденія, относится къ одному только внѣшнему строю его, хотя наперекоръ самой себѣ въ самомъ началѣ содержитъ оговорку, что имѣетъ въ виду «не столько вопросъ о теоретически наилучшей формѣ правленія университетской республики (?) и о раздѣлѣ власти, сколько вопросъ о мѣрахъ, какія могутъ практически повести къ тому, чтобы взаимно пополняемыми усилиями какъ самой корпораціи, такъ и высшихъ инстанцій интересы науки и преподаванія дѣйствительно получили преобладающее значеніе». Что авторъ вовсе не имѣетъ въ виду интересовъ науки и преподаванія, это я надѣюсь доказать разборомъ содержанія его статьи; мѣры, имъ предлагаемыя, суть не иное что, какъ закрѣпленіе ступенекъ административной лѣстницы и введеніе бюрократіи въ университетскомъ устройствѣ, скажу болѣе, отрицаніе университетскаго самоуправленія,—безъ пользы, безъ живительной силы для науки и преподаванія.

Упадокъ московскаго университета не подлежитъ никакому сомнѣнію. Виною этого, по мнѣнію г. Любимова, есть уставъ 1863 года, давшій университетамъ желиберальное самоуправленіе, расшатавшій отношенія начальства и подчиненности и давшій много ненужныхъ дѣлъ и заботъ университетскому совѣту. Отъ этой формальной стороны университетскаго быта, минуя профессорскій составъ, то-есть, дѣятельность профессоровъ за время ихъ преподаванія, минуя, слѣдовательно, самое существенное въ университетѣ—то живое содержаніе, ту нравственную силу, что одно устанавливаетъ значеніе университета и въ чемъ каждый изъ профессоровъ повиненъ самъ за себя, ав-

торъ перескакиваетъ къ назначенію преподавателей, ихъ матеріальному обезпеченію, экзаменамъ и платѣ за слушаніе лекцій. Всякій согласится, что все это не составляетъ еще прямого источника успѣховъ науки и преподаванія и затѣмъ процвѣтанія университетовъ. Предположивши, что такой-то университетъ пришелъ въ упадокъ, авторъ спрашиваетъ: кто въ этомъ виновать? Министръ? — Нѣтъ. Попечитель? — Нѣтъ. Ректоръ? — Нѣтъ. Члены совѣта? — Нѣтъ. И такъ по мнѣнію автора никто не виновать. Замѣчу, что напрасно авторъ дробитъ университетскій совѣтъ, отождествляя его съ выраженіемъ «члены совѣта». Каждый профессоръ, какъ отдѣльная личность, можетъ «сумывать руки» и «ссылаться на партію», но какъ членъ совѣта онъ входитъ нераздѣльною частью въ цѣльную юридическую единицу, которая за свои дѣйствія и подлежитъ отвѣтственности. Членовъ совѣта, отдѣльно дѣйствующихъ и отвѣтственныхъ, нѣтъ; но есть совѣтъ, который и отвѣчаетъ за самого себя. Если авторъ дѣйствительно смѣшиваетъ эти два понятія, то жаль, что онъ стоитъ на такой нпзменной степени воззрѣнія, на которой только и возможны, что особое умыванье рукъ, сторонничество и прочія некрасивыя вещи, производящія смуты и мѣшающія совокупнымъ усиліямъ тѣхъ, кто разумно управляетъ своею волею для общаго блага. И такъ, по мнѣнію г. Любимова, въ упадкѣ университета ни виновать никто. Что же онъ не договорилъ? Почему же не задалъ такого вопроса: «профессоры, каждый по своей каедрѣ?» Вѣдь не министръ, не попечитель, не ректоръ, не совѣтъ изучаютъ и преподаютъ науку, а профессоры, взятые каждый отдѣльно. Этотъ вопросъ былъ бы тѣмъ умѣстнѣе, что бѣлая часть профессоровъ вошла въ университетъ еще до изданія устава 1863 года. Сошлюсь на всѣ европейскіе университеты: гдѣмъ они держатся? чѣмъ они славны?—властями ли съ ихъ различными функціями, или наукой и искусствомъ преподаванія въ лицѣ ихъ представителей—профессоровъ? Что влечетъ всего больше слушателей въ тотъ или другой изъ европейскихъ университетовъ?—вышніе ли порядки его устройства или профессоръ, сидящій на каедрѣ? Ходя по сторонамъ, разсыпая свои осужденія сбоку, спереди, сзади, г. Любимовъ благоразумно обходитъ середину, или самую суть университета, гдѣ сосредоточены интересы науки и преподаванія и, слѣдовательно, вся жизнь университетская, съ ея развитіемъ, либо упадкомъ; онъ минуетъ составъ профессоровъ—не потому ли, что осужденіе его въ этомъ случаѣ могло бы пасть на его же голову или на головы его друзей, бывшихъ профессоровъ? Не вдаваясь въ дальнѣйшую оцѣнку, я спрошу: какое значеніе могъ бы имѣть профессоръ, какое обаяніе науки могъ бы онъ производить на своихъ слушателей, если бы, положимъ, его товарищъ сталъ бы ему доказывать въ многочисленномъ собраніи, въ глаза и не обинуясь, что онъ «только скользить по верхушкамъ своей науки»?

Какое нравственное вліаніе могъ бы имѣть профессоръ, деревенбійщій, такъ сказать, въ своемъ неправомъ спорѣ и теряющій съ тѣмъ вмѣстѣ всякую чувствительность, когда въ его лицѣ затрогиваются интересы науки и преподаванія? Быть вѣрнымъ этимъ интересамъ, когда кто взялся ихъ представлять, есть дѣло чести. Спрошу еще: могъ ли бы увѣрить въ своей преданности интересамъ науки и преподаванія и оставаться въ университетѣ, не способствуя его упадку, такой профессоръ, который, будучи отвлеченъ посторонними занятіями, хватаясь себѣ и педагогію, и публицистику, и экономію, не сталъ бы ходить на лекціи, ограничившись пятью-шестью лекціями въ продолженіе всего академическаго года? Самъ авторъ соглашается, что въ сороковыхъ и отчасти пятидесятыхъ годахъ московскій университетъ, благодаря небольшой согласной группѣ профессоровъ, имѣлъ самостоятельность, живой образъ, силу. Да, тогда московскій университетъ, благодаря достойнымъ представителямъ науки, процвѣталъ. Но вѣдь тогда же дѣйствоваль старшій уставъ 1835 года, признаваемый не столь совершеннымъ, потому что потребовалось его измѣненіе: стало быть, дѣло не въ уставѣ, не въ формѣ устройства, не въ подтяжкахъ администраціи, а въ самой наукѣ, въ этомъ духѣ жизни, и ея представителей—профессорахъ. Къ чему же г. Любимовъ напираетъ исключительно на строй университетскихъ отношеній, забывая то, что самъ онъ говоритъ, что «заботы о переплетѣ книги, хотя бы и усиленныя, не дадутъ ей содержанія, если такового не имѣется». «Въ статьѣ — продолжаю словами самого автора—упоминаются извѣстные слова—и дѣло словно сдѣлано!» И подлинно мы натыкаемся въ статьѣ и на заботу объ исключительныхъ интересахъ науки, и высшихъ задачъ знанія, и на сознаніе пустоты формы безъ содержанія, и оживленіе философскаго направленія, и академическую свободу изслѣдованія и преподаванія и т. п.; но все это одиѣ фразы и фразы, изъ-за которыхъ, какъ изъ-за ширмъ, выглядываетъ обнаженный остовъ статьи... Въ формѣ и въ измѣненіи формы университетскаго устройства авторъ видитъ все спасеніе для университета. Воображаю, какъ неудобно выслушивалось ученымъ собраніемъ это ложное убѣжденіе, которое затянуло не одну сторону нашей народной жизни, — убѣжденіе или скорѣе самообманъ, предполагающій, что достаточно переодѣть, переименовать, переставить, чтобы въ этой измѣненной формѣ возникли обновленія, возрожденія, свѣжесть и чистота содержанія. Въ Англии, этой классической странѣ успѣховъ политической жизни, держатся упрямо существующихъ уставовъ, не любятъ мѣнять ихъ; а мы такъ часто ломаемъ и передѣлываемъ, гоняясь за утонченностію формы, и какъ будто въ ней одной ищемъ спасенія, забывая притчу о старыхъ мѣхахъ. Немудрено, что при этой страсти къ формозмѣненію выходятся люди, которые, угождая этой страсти, уже умышленно отуманиваютъ всенсѣвляющею силою формы, а сами подѣ

рудюю передѣлываютъ форму такъ, чтобы чрезъ нее опять получило доступъ къ дѣламъ все темное, грязное и худосочное, что передъ минутнымъ лучемъ свободы отшатнулось было въ задніе углы...

Авторъ не признаетъ за университетами самоуправленія въ точномъ смыслѣ. На его взглядъ, «дѣйствующая система университетаго устройства правильнѣе можетъ быть названа системой управленія понемногу всѣми и никѣмъ, системою невѣдательства или, вѣрнѣе, обязательнаго невниманія властей или, наконецъ, системою общей безответственности». Парадоксъ хоть куда! Выходитъ, что въ университетскомъ устройствѣ — полный хаосъ, такъ что и слово устройство нельзя уже употребить, а надо назвать университеты... ну, хоть просто грудою всякаго хлама или сброднымъ таборомъ, гдѣ

...цѣль одна:

Живуть безъ власти, безъ закона.

А за нѣсколько строкъ передъ тѣмъ, авторъ называлъ университеты республиками. Выше я выписалъ это мѣсто и, какъ видно изъ хода рѣчи, авторъ употребляетъ это названіе, вовсе не думая шутить, и какъ бы сознавая всю опасность существованія отдѣльныхъ республикъ въ тѣсномъ организмѣ государства. Итакъ, наши университеты — республики безъ самоуправленія, исполненныя лишь «столкновеній и раздраженія». Да это просто коммуны, даже хуже коммунъ, потому что и въ коммунахъ имѣется какое ни есть управленіе, а тутъ ничего нѣтъ, кромѣ одного отрицанія, кромѣ однихъ столкновеній и раздраженія. Тотъ же редептъ можетъ, стало быть, относиться и къ другимъ сторонамъ нашей политической жизни: крестьянству, земству, городскимъ обществамъ, за самоуправленіе которыхъ самъ же г. Любимовъ такъ постоянно распинается. Настоящаго самоуправленія въ университетахъ не можетъ де быть, потому что это, по мнѣнію автора, противорѣчило бы основнымъ началамъ нашей государственной жизни, изводящей все изъ себя и дающей всяческая всѣмъ. Авторъ, какъ видите, не такъ понимаетъ самоуправленіе, какъ вообще понимаютъ у насъ самоуправленіе земствъ, городовъ, университетовъ, крестьянства и пр. Стало быть, намъ ни въ чемъ не дано и понюхать самоуправленія — мысль не утѣшительная! Наше университетское самоуправленіе, по увѣренію г. Любимова, вытекло изъ бушевавшаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ самозваннаго либерализма и есть созданіе тѣхъ лжелиберальныхъ понятій, изъ находившейся подъ запретомъ области, которая «привыкла у насъ значеніе чего-то безусловно либеральнаго, какіхъ-то абсолютно цѣлительныхъ формъ, что бы подъ ними ни проглядывалось, какую бы сущность онѣ ни облекали. Все, что не подходитъ подъ эти понятія, считается неспособнымъ служить цѣлямъ дѣла, должно быть безусловно отмѣтаемо и мо-

жетъ быть терпимо развѣ какъ необходимое зло. Коллегіальное рѣшеніе, выборъ, тайная подача голосовъ, правительственное невмѣшательство—вотъ нѣкоторыя изъ такихъ понятій. Наша коренная приверженность къ обрядной сторонѣ дѣла заставляетъ забывать, что формы имѣютъ служебное значеніе для главной цѣли дѣла». По мысли г. Любимова эти обряды, законы: коллегіальность рѣшенія, выборъ, тайная подача голосовъ, невмѣшательство правительственное (вѣроятно онъ хотѣлъ сказать: административное) не повели ни къ чему и самоуправленія «въ точномъ смыслѣ слова» въ нашихъ университетахъ нѣтъ. Спорить съ профессоромъ и доказывать, что эти понятія не суть простой обрядъ, но составляютъ существенныя свойства всякой формы самоуправленія, значило бы учить его азбуку политическихъ наукъ и пересказывать ему по пальцамъ внутреннюю исторію европейскихъ обществъ до послѣднихъ дней. Въдь этихъ «обрядовъ» вѣками добивалась западная жизнь для всѣхъ своихъ отправленій. Признаюсь, можно покраснѣть за профессора, когда читаешь это мѣсто въ его статьѣ. Но это недаромъ: взгляните въ его силлогизмъ и вы увидите, куда и къ чему онъ клонитъ. Настоящаго самоуправления въ нашихъ университетахъ нѣтъ, потому де, что «наши университеты не суть корпораціи, самостоятельно сложившіяся общественными средствами и находящіяся только подъ покровительствомъ и наблюденіемъ правительства»; а такъ какъ данная имъ уставомъ 1863 года система устройства, съ коллегіальнымъ рѣшеніемъ, выборомъ, закрытымъ голосованьемъ и невмѣшательствомъ административнымъ, есть только пустая обрядовая сторона, приведшая къ республикѣ, коммунѣ, беспорядочному табору, то что отсюда слѣдуетъ и на что наводится читатель? Такъ и просится съ языка затаенная мысль автора: долой весь этотъ обрядъ съ его коллегіальнымъ и выборнымъ началомъ, закрытою баллотировкою, невмѣшательствомъ административнымъ! Но куда же намъ идти? Къ самоуправленію «въ точномъ смыслѣ слова», какъ понимаетъ его авторъ,—нельзя, потому де, что «наши университеты учреждены правительствомъ, содержатся на счетъ государственнаго казначейства и профессора суть тѣ же чиновники». Оставаться при обрядахъ самоуправления по уставу 1863 года—тоже нельзя, потому де, что это порожденіе опаснаго либерализма, который не прочь даже устроить маленькую революцію и благодаря которому наши университеты превратились хуже, чѣмъ въ республики и хуже, чѣмъ въ коммуны. Остается броситься въ противоположную обрядность: авось она окажется цѣлительнѣе!—То есть, ввести одноличное рѣшеніе дѣла, административное назначеніе на должности, открытую подачу голосовъ и начальническое вмѣшательство или бюрократію—словомъ, то, что авторъ, подсказавши, самъ далѣе досказываетъ.

Безспорно, мы пойдемъ назадъ. Но какъ далеко пойдемъ? По мнѣнію г. Любимова, уставъ 1863 года, въ строгомъ смыслѣ,

не отстраняетъ возможности вмѣшательства начальствующихъ лицъ въ дѣла университета; въ этомъ отношеніи измѣненія сравнительно съ уставомъ 1835 года вовсе не имѣютъ радикальнаго характера. Итакъ если уставъ 1835 года не радикально лучше для г. Любимова, чѣмъ такъ погибельно дѣйствующій нынѣ уставъ 1863 года, то пойдемъ еще дальше назадъ. Довольно, если наконецъ мы дойдемъ до начала текущаго столѣтія и взглянемъ въ уставъ 1804 года. Позволительно, вѣзется, не пятился далѣе назадъ, пропустивъ впередъ себя 68 лѣтъ народной жизни, и остановиться на томъ, что уже тогда считалось возможнымъ. Въ уставѣ 1863 года, въ § 3 сказано: «Каждый университетъ, подъ *главнымъ начальствомъ* министра народнаго просвѣщенія, *встрѣтается* попечителю учебнаго округа». Въ уставѣ 1835 года § 8 гласитъ: «Каждый университетъ, подъ *главнымъ вѣдѣніемъ* министра народнаго просвѣщенія, *встрѣтается* *особенному начальству* попечителя». Въ Уставѣ 1804 года § 2: «Университетъ, пользуясь высочайшамъ поврительствомъ, состоитъ подъ *главнымъ начальствомъ* министра народнаго просвѣщенія и въ *особомъ вѣдѣніи* того изъ членовъ главнаго училищъ правленія, на котораго о немъ попеченіе возложено». Велика ли разница въ основной системѣ университетскаго устройства по тремъ уставамъ. Въ сущности ея нѣтъ. Даже выраженія устава 1804 года ближе подходятъ къ уставу 1863 года, чѣмъ къ уставу 1835 года.

Войду въ подробности. По уставу 1863 года министръ народнаго просвѣщенія утверждаетъ избранныхъ факультетами дегановъ и избранныхъ совѣтомъ: проректора или инспектора и профессоровъ; а также увольняетъ и удаляетъ ихъ изъ университета по представленію совѣта (§§ 8, 36, 42, 64, 65, 72). Въ тѣхъ случаяхъ, когда вакантная въ университетѣ катедра не будетъ замѣщена въ теченіи года избраннымъ отъ университетскаго совѣта кандидатомъ, министръ можетъ назначить въ профессора, по своему избранію, лицо, удовлетворяющее требуемымъ отъ профессора условіямъ. Сверхъ сего отъ министра зависитъ назначить во всякое время сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ, отличныхъ ученостію, даромъ преподаванія и удовлетворяющихъ прочимъ условіямъ, требуемымъ отъ профессора (§ 72). — По уставу 1835 года министръ утверждаетъ: декановъ, избираемыхъ факультетами, проректора по выбору совѣта, инспектора и синдика по выбору попечителя, профессоровъ по избранію совѣта, а также увольненіе ихъ по представленію совѣта (§§ 67, 68, 69, 80, 82, 95), утверждаетъ приговоръ двухъ-третьей голосовъ въ совѣтѣ объ удаленіи отъ должности преподавателей, въ случаѣ ихъ нерадѣнія (§ 84), опредѣляетъ: имѣетъ ли заслуженный, вторично избранный профессоръ продолжать еще преподаваніе и на сколько лѣтъ, или слѣдуетъ по преклонности лѣтъ и другимъ обстоятельствамъ освободить его отъ сего занятія и приступить къ новымъ выборамъ (§ 83),

имѣть право по своему усмотрѣнію назначать въ профессоры и адъюнкты на вакантныя каѳедры людей отличныхъ ученостію и даромъ преподаванія съ требуемыми для сихъ званій учеными степенями (§ 80).—По уставу 1804 года министръ утверждаетъ: постановленія университета, частныя и подробнѣйшія, въ разсужденіи внутренняго его устройства (жалов. грам. п. 7), представленіе совѣта о приобщеніи къ университету сверхштатныхъ адъюнктовъ (§ 26), выборъ декановъ въ общемъ университетскомъ собраніи, то-есть совѣтъ (§ 27), адъюнктовъ въ званіи экстра-ординарныхъ профессоровъ по баллотировкѣ въ университетскомъ совѣтъ (§ 39), секретаря правленія, избираемаго попечителемъ (§ 144), избранныхъ совѣтомъ кандидатовъ на профессорскую должность (§ 61), увольненіе профессоровъ и другихъ лицъ, общимъ собраніемъ избираемыхъ, по представленію совѣта (§ 68), разсматриваетъ представленіе совѣта, сдѣланное по приговору не менѣе двухъ третей голосовъ, объ удаленіи кого либо изъ служащихъ, избираемыхъ совѣтомъ, за нерадѣніе, неповиновеніе, нарушеніе порядка, либо за непростительный проступокъ (§ 69).—Сличая всѣ три устава, мы замѣтимъ, что власть министра народнаго просвѣщенія, по уставу 1863 года, сравнительно съ уставомъ 1835 года, ослаблена тѣмъ, что онъ можетъ назначать по своему усмотрѣнію профессоровъ на вакантныя каѳедры, лишь когда онѣ простоятъ пустыми годъ. Въ уставѣ 1835 года этого годоваго ограниченія нѣтъ; но за то уставомъ 1863 года министру предоставлено по собственному усмотрѣнію назначать сверхштатныхъ профессоровъ во всякое время. По уставу же 1804 года министръ вовсе не назначаетъ отъ себя профессоровъ ни сверхштатныхъ, ни штатныхъ, какъ это допущено въ двухъ позднѣйшихъ уставахъ, но только утверждаетъ тѣхъ, кого избереетъ совѣтъ. Другое ограниченіе министерской власти по уставу 1863 года, сравнительно съ предъидущимъ, состоитъ въ томъ, что, по выслугѣ профессоромъ срока на полную пенсію, избраніе его совѣтомъ на первое пятилѣтіе, потомъ на второе и т. д. хотя и восходитъ на утвержденіе министра, однако въ этомъ уставѣ опущено право министра опредѣлять по прошествіи перваго пятилѣтія: имѣетъ ли вторично избранный заслуженный профессоръ продолжать преподаваніе, и на сколько лѣтъ, или же слѣдуетъ освободить его отъ занятій и назначить новые выборы. Ничего этого въ уставѣ 1804 года нѣтъ, потому что самаго повода къ этому, то-есть министерскаго назначенія, нѣтъ. Слѣдовательно размѣры министерскаго невмѣшательства въ дѣла университета, сравнительно съ уставомъ 1804 года, не только ни мало не расширились, но еще уменьшились. А не забудьте: время и жизнь народная идутъ впередъ.

Значеніе попечателя подверглось нѣсколько большимъ переменамъ въ уставѣ 1863 года противъ устава 1835 года. По объѣмъ, онъ наблюдаетъ, чтобы принадлежащія къ университету

мѣста и лица исполняли свои обязанности, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ уполномочивается дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали его власть, съ обязанностію только доводить о подобныхъ случаяхъ до свѣдѣнія министра (§ 26—1863; 48, 51—1835). По уставу 1863 года попечитель дѣлаетъ университетскому совѣту, когда признаетъ это нужнымъ, предложенія по дѣламъ университета и учебнаго округа, поступающія на обсужденіе совѣта; и въ извѣстныхъ случаяхъ, по дѣламъ, превышающимъ власть университета, разрѣшаетъ представленія или входитъ съ представленіемъ къ министру (§§ 26, 43). По уставу же 1835 года попечитель обращаетъ вниманіе на способности, прилежаніе и благоправіе преподавателей и прочихъ служащихъ, исправляетъ нерадивыхъ замѣчаніями и принимаетъ законныя мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ (§ 48), по своему усмотрѣнію онъ можетъ предсѣдательствовать въ совѣтѣ и правленіи (§ 52). По уставу 1863 года попечитель утверждаетъ избраніе совѣтомъ: доцентовъ, лекторовъ, проректора или инспектора, секретарей совѣта и правленія и чиновниковъ, служащихъ при университетѣ; увольненіе или удаленіе ихъ отъ должности, по представленію совѣта (§ 42), разрѣшаетъ чтеніе лекцій приватъ-доцентамъ, допускаемымъ къ тому отъ совѣта (§ 73). По уставу 1835 года попечитель самъ выбираетъ инспектора и синдика, представляя ихъ на утвержденіе министра (§§ 69, 95). Прочихъ служащихъ при университетѣ онъ утверждаетъ и увольняетъ какъ и по уставу 1863 года. — О хозяйственной, денежной, пенсіонной части, объ учащихъ и ищущихъ ученой степени, а равно объ обязанностяхъ попечителя какъ передаточной инстанціи, я опускаю, такъ какъ все это къ разсматриваемому мною предмету не относится. — Изъ сравненія обоихъ уставовъ видно, что въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ отъ попечителя отстранены непосредственно начальническія отношенія. По уставу 1804 года попечитель избираетъ секретаря правленія, представляя на утвержденіе министра (§ 144); онъ самъ назначаетъ въ правленіе университета непремѣннаго засѣдателя изъ *ординарныхъ* профессоровъ (§ 134); онъ утверждаетъ адъюнктовъ, избранныхъ отдѣленіями въ секретари частныхъ собраний (§ 75), онъ получаетъ донесеніе объ избраніи совѣтомъ временнаго проректора (§ 23). Затѣмъ обязанности его являются передаточными: черезъ него идутъ представленія совѣта къ министру: объ избраніи сверхштатныхъ адъюнктовъ, декановъ, кандидатовъ въ должность профессора, адъюнктовъ въ экстраординарные профессоры (§§ 26, 27, 39, 61). Ясно, что уставъ 1863 года взглянулъ на значеніе попечителя такъ, какъ глядѣлъ на него и уставъ 1804 года.

Ректоръ по всѣмъ тремъ уставамъ избирается университетскимъ совѣтомъ и утверждается высочайшею властію (§§ 13—1804; 16—1835; 27—1863). Въ одномъ только уставѣ 1804 года находимъ еще слѣдующую статью о ректорѣ: изъ посту-

жающихъ въ правленіе университетское жалобъ на ректора тѣ, которыя будутъ признаны правленіемъ справедливыми, представляются, съ заключеніемъ правленія, на разсмотрѣніе попечителя и ожидается его рѣшеніе (§ 153). Въпротиву, параграфъ этотъ опущенъ въ другихъ уставахъ, потому что рѣшеніе попечителя не могло ни въ какомъ случаѣ быть окончательнымъ. Профессоры, по всѣмъ тремъ уставамъ, избираются совѣтомъ (исключенія узваны мною выше) и утверждаются министромъ. По уставу 1863 года ректоръ, по своему усмотрѣнію, о несправности или неправильныхъ дѣйствіяхъ преподавателей сообщаетъ совѣту или факультетскому собранію, а въ важныхъ случаяхъ доводитъ до свѣдѣнія попечителя (§ 34); совѣтъ дѣлаетъ преподавателямъ отъ своего имени замѣчанія, а при безуспѣшности обязанъ представить объ удаленіи отъ должности, не иначе, какъ по приговору двухъ третей закрытыхъ голосовъ (§ 81). По уставу 1835 года попечитель, по собственному почину, наблюдаетъ за преподавателями, дѣлаетъ имъ замѣчанія и даже можетъ принимать законныя мѣры къ ихъ удаленію (§ 48). Ректоръ имѣетъ право дѣлать выговоры и замѣчанія профессорамъ (§ 63), а въ случаѣ безуспѣшности его подтвержденій, совѣтъ представляетъ объ удаленіи преподавателя отъ должности, не иначе, однако, какъ по приговору утвержденному двумя третями голосовъ (§ 84). По уставу 1804 года совѣтъ постановляетъ приговоръ объ удаленіи преподавателя отъ должности не иначе, какъ по утвержденіи его двумя третями голосовъ и по предварительномъ изслѣдованіи правленія. Приговоръ представляется на разсмотрѣніе министра (§ 69). О замѣчаніяхъ преподавателю не упоминается вовсе.

Такимъ образомъ въ отношеніи размѣровъ административнаго невмѣшательства въ дѣла университета мы ни на шагъ не ушли впередъ послѣ 1804 года, то-есть прожили даромъ нынѣшнее столѣтіе, и основная система университетскаго устройства, положенная на началахъ самоуправленія, осталась въ сущности такою же, какою она была начертана въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Съ одной стороны, это показываетъ, что далѣе пачаться назадъ намъ стыдно и невозможно. Положимъ что г. Любимовъ возопіетъ противъ устава 1804 года, когда поближе познакомится съ нимъ и убѣдится, что онъ не могъ быть порожденіемъ вавцелярскаго либерализма, въ то время не существовавшаго; но тогда ему останется развѣ одно: перешагнуть въ прошлое столѣтіе и съ умиленнымъ вождѣніемъ представить себѣ образъ профессора элоквенціи Василія Кирилловича, по спинѣ котораго гуляетъ начальническая палка. Съ другой стороны, эта система свидѣлствуетъ о своей прочности и устойчивости. Если размѣры отношеній подвергнутся вновь измѣненію, то какъ бы тамъ ни китрило мнѣніе г. Любимова, но несомнѣнное заключеніе то, что мы еще разъ какъ дѣти съиграемъ: шагъ впередъ — шагъ назадъ. А играть съ

жизнью народной и притомъ въ такомъ щекотливомъ и рѣшающемъ судьбу народную дѣлѣ, какъ образованіе, — нельзя безнаказанно. Въ примѣръ тому, какъ авторы подобныхъ мнѣній или журнальныхъ статей играютъ своими доказательствами, приведу слѣдующій курьезъ. Стараясь доказать, что по самому свойству учрежденія нашимъ университетамъ не можетъ быть дано самоуправленіе въ точномъ смыслѣ, г. Любимовъ указываетъ на то, что наши университеты «въ своихъ рѣшеніяхъ по сколько-нибудь важнымъ дѣламъ управленія связаны необходимостію начальственнаго разрѣшенія»; а не далѣе какъ чрезъ страницу онъ утверждаетъ, что при лжелiberaлизмѣ 1863-го года въ университетскомъ самоуправленіи «признана польза невмѣшательства власти», что отъ власти «требуется невѣдѣніе» и потому «всякое вмѣшательство этого рода должно по преимуществу носить характеръ отрицательный». Которое же изъ двухъ противоположныхъ увѣреній почтеннаго профессора болѣе правдоподобно?

И странно, что ненормальнаго находить г. Любимовъ въ университетскомъ самоуправленіи, утвержденномъ въ общихъ основаніяхъ жалованными грамотами и поддержанномъ дѣйствовавшими и дѣйствующимъ уставами! «Нормальнымъ (понимайте отрицательно, потому что здѣсь вронія) кажется порядокъ, при которомъ власть является исключительно утверждающею то, что представляется, т. е. снимающею отвѣтственность съ представляющаго, не принимая ее на себя. Но очевидно, что невмѣшательство такого рода необходимо должно граничить съ невниманіемъ едва ли полезнымъ для дѣла». Непонятно, зачѣмъ понадобилось г. Любимову такъ односторонне суживать и такъ мудро заворачивать то, что само по себѣ очень ясно и прекрасно, ибо существуетъ во всѣхъ европейскихъ обществахъ и вовсе не ведетъ къ невнимательности власти, какъ бы ему хотѣлось исказить слѣдствіе такого порядка вещей, а напротивъ составляетъ залогъ ихъ крѣпости и спокойствія. Или онъ боялся яснымъ и прямымъ изложеніемъ предмета разоблачить всю дикость, весь обскурантизмъ своихъ нападокъ, своего глумленія надъ тѣмъ, что давно всѣми признано и уважается! Очень просто и понятно, что въ тѣхъ обществахъ, которымъ дано самоуправленіе съ невмѣшательствомъ правительства, разумѣется, до извѣстныхъ предѣловъ, коллегіальностию, выборами и закрытымъ голосованіемъ, само общество постановляетъ приговоръ и въ потребныхъ случаяхъ представляетъ его на утвержденіе высшей власти. Утверждая приговоръ, власть чрезъ то самое не принимаетъ участія въ немъ по существу дѣла, но удостоверяетъ своею санціею, что приговоръ постановленъ въ размѣрахъ существующаго права и безъ нарушенія законовъ; иначе говори, не подлежитъ кассациі. «Нововведеніе, говоритъ г. Любимовъ, въ томъ, что всякое вмѣшательство этого рода должно по преимуществу носить характеръ отрицательный».

Да, это правда; потому что въ дѣлахъ, касающихся самого университета или другихъ обществъ, которымъ дано самоуправленіе, со стороны власти должно быть наблюденіе за непревышеніемъ правъ и ненарушеніемъ законовъ, а въ противномъ случаѣ власть отрицаетъ дѣйствительность приговора—кассируетъ его. Въѣдъ на этомъ построена вся кассационная система въ своихъ различныхъ приложеніяхъ. Начало невмѣшательства не граничитъ, какъ утверждаетъ г. Любимовъ, съ невниманіемъ; а напротивъ оно-то и требуетъ величайшаго вниманія, потому что само невмѣшательство не есть какаѣ либо прихоть азіатскаго произвола власти, но основано на разумныхъ и положительно дѣйствующихъ началахъ. Изъ словъ г. Любимова выходитъ, что и кассационные департаменты сената должны бы почитать себя обиженными, если имъ не предоставлено самимъ рѣшать дѣла по существу, и что къ нимъ относится тоже, что г. Любимовъ приписываетъ власти—«невниманіе», «невѣдѣніе». Также очень естественно, что отвѣтственность при самоуправленіи не падаетъ на утверждающую власть: неестественнымъ можетъ это казаться развѣ только г. Любимову. Съ другой стороны, отвѣтственность не снимается съ обществъ, постановляющихъ приговоръ. Конечно, выборный крестьянинъ Иванъ, гласный Петръ, членъ университетскаго совѣта NN не подлежатъ отвѣтственности особнякомъ; но юридическая единица, въ составъ которой они входятъ, подлежитъ отвѣтственности, которая бываетъ частію фактическая, частію нравственная, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ самъ г. Любимовъ допускаетъ у насъ существованіе хоть мало-мальски развитаго общественнаго мнѣнія. Не думаю, чтобы и отдѣльныя части этой коллективной единицы—личности, не подлежали въ нѣкоторой степени нравственной отвѣтственности передъ обществомъ или передъ своими избирателями: слѣдующіе выборы всегда совершаются въ связи съ этою косвенною отвѣтственностію. Такъ точно и въ выборахъ утвержденіе избраннаго не есть участіе власти въ избраніи, а если она утверждаетъ выборъ, то это означаетъ, что отъ нея требуется санкція или удостовѣреніе, что выборъ совершенъ законнымъ порядкомъ; а это опять не значитъ, чтобы она «невнимала» или «невѣдала», что утверждаетъ. Люди и общества живутъ въ законѣ и подъ закономъ; власть есть блюстительница и исполнительница закона: поэтому не власть, а законъ участвуетъ во всѣхъ функціяхъ человѣческаго обществія; власть же только удостовѣряетъ въ томъ своею санкціею. Эти начала политическаго строенія существуютъ (вромѣ Турціи) во всѣхъ европейскихъ обществахъ и странахъ—у насъ въ Россіи въ меньшихъ размѣрахъ, въ другихъ государствахъ въ гораздо большихъ размѣрахъ; и я не знаю, какаѣ различія между человѣкомъ, который признаетъ ненормальность этого порядка вещей, и человѣкомъ, который предпочитаетъ азіатскія воззрѣнія европейскимъ.

Понятно послѣ этого, что г. Любимовъ чувствуетъ «расшатываніе» отношеній тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. Если расшатываніе, по его словамъ, началось съ устава 1863 года, то значить его не было при дѣйствіи устава 1835 года. Эти нерасшатанныя отношенія такъ бы и остались и по уставу 1863 года, еслибъ опытъ не показалъ ихъ непригодности: потому-то ихъ и измѣнили, но вовсе не думали расшатывать (употребляя это слово вмѣстѣ съ авторомъ въ грозномъ смыслѣ «Московскихъ Вѣдомостей»). Слѣдовательно возвращаться къ нимъ во всякомъ случаѣ неудобно. Если же тотъ-же опытъ указываетъ на неясность этихъ отношеній по дѣйствующему уставу, то ничто не мѣшаетъ точнѣе разъяснить ихъ, ибо удѣлъ всего человѣческаго—совершенствованіе, но не совершенство. Только мнѣнія-то нужно высказывать или подсказывать такія, которыя проницательны-бы были искренностію, а не заставляли бы своею двусмысленностію подозрѣвать въ нихъ заднюю мысль. Авторъ указываетъ на два примѣра: на неопредѣленность отношеній доценто́въ къ факультетскимъ собраніямъ (§ 10), съ чѣмъ мы вполне соглашаемся, хотя и не видимъ особеннаго отъ того вреда, и тѣмъ менѣе расшатыванія,—и на неясность выраженія въ § 3 устава 1863 года: «ввѣряется попечителю». (Въ уставѣ 1835 г. вмѣсто этого стоитъ: «свѣряется особенному начальству попечителя».) Мнѣ кажется, что понятіе ввѣрять что кому достаточно опредѣляетъ характеръ отношеній попечителя къ университету. Во первыхъ эти отношенія требуютъ отъ попечителя извѣстной степени нравственнаго значенія, откуда истекаетъ доброе и полезное вліяніе не въ силу власти начальника надъ подчиненными или чиновничества, что здѣсь было-бы болѣе вредно, чѣмъ полезно, а въ силу внутреннего преобладанія—чистаго отъ всего того, что можетъ мутить въ уровнѣ теченія университетской жизни,—могучаго тѣмъ, что въ немъ присутствуетъ свободное сознаніе правды и общаго блага. Ввѣряться можетъ университетъ не обыденному начальнику по рангу или чиновнику, занимающему подходящую ступень въ администраціи, а высоко нравственному лицу, какихъ всегда имѣло въ виду наше правительство при этомъ назначеніи. Ввѣрять попеченію вовсе не то, что подчинять начальству: первый актъ пойдеть болѣе на довѣрїи къ разумной волѣ, второй рассчитываетъ, что самого начальника можно подтянуть административнымъ порядкомъ: оттого актъ ввѣрненія сопряженъ съ извѣстною долею нравственнаго уваженія—съ почетомъ. Во вторыхъ, лицо, которому ввѣрили какой либо предметъ, особливо цѣнный и не грубый, само уже опредѣляетъ свои отношенія къ нему: оно блюдетъ его, печется о немъ, предохраняетъ его отъ порчи, поддерживаетъ его въ настоящемъ видѣ, однако не считаетъ себя въ правѣ произвести въ немъ какія либо перемѣны, потому что въ существѣ своемъ предметъ этотъ ему не подчиненъ и не предоставленъ въ его распоряженіе: отсюда

измѣненіе чего либо въ существѣ предмета, распоряженіе имъ, направленіе по-своему, или вторженіе въ его организацію уже стоять внѣ предѣловъ попечительства или правъ ввѣренія. Обязанности попечителя—болѣе утонченнаго свойства, чѣмъ простаго начальника: потому формулировать ихъ гораздо труднѣе, и всегда извѣстная доля отношеній будетъ предоставлена субъективному возрѣнію самого попечителя; отъ него частію зависитъ предупреждать и недоразумѣнія. Впрочемъ я буду еще имѣть случай вернуться къ этому вопросу.

Другое «модное» въ свое время понятіе, которое сдѣлало столь смѣшнымъ и вреднымъ для науки и преподаванія университетское самоуправленіе, въ глазахъ г. Любимова, есть «коллегіальное рѣшеніе». Но коллегіальное начало, выражаемое университетскимъ совѣтомъ, не есть новость нашихъ дней или либерализма шестидесятихъ годовъ, выползшая изъ находившейся подъ запретомъ области; оно ясно установлено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ еще въ уставѣ 1804 года. По этому уставу профессора ординарные и заслуженные всѣхъ отдѣленій и адъюнкты (послѣдніе не участвуютъ только въ выборахъ), подъ предсѣдательствомъ ректора, составляютъ совѣтъ или общее собраніе университета (§§ 4, 47). Я не стану излагать всѣхъ предметовъ вѣдомства совѣта, исчисленныхъ въ этомъ уставѣ (§§ 48, 52, 53, 54, 55, 58, 59, 60 и др.), а равно въ уставахъ 1835 и 1863 годовъ; замѣчу, что относительно состава университетскаго совѣта всѣ три устава сходны между собою въ томъ, что допускаютъ въ совѣтъ всѣхъ профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ (послѣдніе—тоже, что адъюнкты по уставу 1804 года, но только съ правомъ участія въ выборахъ). Такая многочисленность собранія или совѣта, видимо, не нравится автору. Онъ спрашиваетъ: могутъ ли сорокъ человѣкъ завѣдывать дѣломъ безъ личнаго чьего либо распоряженія, безъ личной чьей либо отвѣтственности? Какую выгоду для дѣла можетъ представить скопленіе въ совѣтѣ занятій разнороднаго характера? По мнѣнію автора, въ уставѣ 1835 года часть хозяйственная и полицейская поручались исключительно правленію и были строго выдѣлены изъ круга дѣятельности совѣта, тогда какъ, по нынѣ дѣйствующему уставу, правленіе получило значеніе какъ бы особой комиссіи отъ совѣта. Мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ авторъ сражается съ вѣтренными мельницами. Еще въ уставѣ 1804 года правленіе опредѣлено въ качествѣ исполнительной власти университета (§ 137). Между двумя позднѣйшими уставами я не нахожу такой разницы, какую находить г. Любимовъ. Хозяйственная часть въ обоихъ предоставлена правленію; общіе же отчеты и смѣты, конечно, должны восходить въ совѣтъ, а иногда и выше, какъ это требуется во всѣхъ трехъ уставахъ. Полиція въ большей части случаевъ теперь отошла вовсе отъ университетовъ; а если судъ отнять у правленія, то онъ не перенесенъ въ совѣтъ, но въ особое соб-

раніе. Выходитъ, что просто г. Любимову не нравится коллегіальное рѣшеніе дѣлъ: многочисленное собраніе его пугаетъ. Онъ ссылается на протоколы университетскихъ собраній, въ которыхъ будто бы «гибучая дѣятельность обнаруживалась, по естественной человѣческой слабости, преимущественно въ дѣлахъ о столкновеніяхъ разнаго рода и въ вопросахъ партій и личныхъ интересовъ». На это я замѣчу, что въ такомъ случаѣ многочисленность собранія и есть лучшее ручательство въ пользу того, что исключительность партій и личные интересы не получаютъ верха. Они могутъ имѣть минутный успѣхъ при благопріятствующихъ постороннихъ или случайныхъ обстоятельствахъ, при чьей нибудь оплошности или при внѣшнемъ давленіи, и тогда господа, занимающіеся составленіемъ партій, подставляющіе ногу тѣмъ, которые стали имъ поперегъ дороги, молчать, потому что дѣла ихъ идутъ хорошо; но лишь только въ коллегіальномъ учрежденіи, послѣ временнаго промаха, возникаетъ вновь присущая ему сила безпристрастія и здраваго сужденія, по преимуществу всѣми образованными обществами за нимъ признаваемая, то эти господа, поглаженные противъ шерстки, ошибшіеся въ расчетахъ, и начинаютъ вопить и бросать въ него камнями. Противъ коллегіальнаго начала спорить нечего; если же откуда нибудь раздаются противъ него одинокіе голоса, прикрытые фарисейскою благонамѣренностію, то тутъ-то и скрываются навѣрное какія нибудь личныя побужденія, нечистые замыслы впереди. Разнородность занятій можетъ служить помѣхою профессору не какъ члену совѣта, имѣющему для того свободный часъ въ недѣлю, но какъ преподавателю, когда онъ хватается себѣ разнородныхъ занятій—не совѣтскихъ, а постороннихъ, частныхъ. Это мы видимъ и на дѣлѣ.

Г. Любимовъ предлагаетъ полное отдѣленіе отъ университетовъ всѣхъ занятій экономическаго и бюрократическаго характера и канцелярскихъ дѣлъ. Для первыхъ онъ предполагаетъ устройство особаго строительнаго комитета при учебномъ округѣ, для вторыхъ передачу ихъ въ канцелярію округа т. е. попечительскую. Я сказалъ уже, что въ первомъ случаѣ онъ сражается съ вѣтранными мельницами. Да и есть ли какой складъ усложнять дѣла новымъ учрежденіемъ. Развѣ не видимъ мы на каждомъ шагу, что значить переписка двухъ отдѣльныхъ учрежденій и какъ лучшее время года проходить въ этой перепискѣ. Самъ г. Любимовъ изображаетъ намъ пріятную перспективу, ожидающую университетъ при новыхъ порядкахъ: во первыхъ, требованіе со стороны университета, а можетъ быть и повтореніе и настоянія; далѣе контроль, которымъ университетъ воспользуется внимательно; потомъ непремѣнное доведеніе, буде университетъ пожелаетъ, до министра своихъ указаній и замѣчаній, или, другими словами, препирательство со строительнымъ комитетомъ и жалобы на него; наконецъ споры и столкновенія, могущіе возникнуть при этомъ порядкѣ,—«придирчи-

вне, утомительные, но для дѣла полезны». И ко всему этому прибавлю я отъ себя: время, время и время! Не вѣришь своимъ глазамъ, когда читаешь эти предположенія почтеннаго члена совѣта. Изъ простаго, быстраго, сподручнаго и весьма небольшого хозяйственнаго дѣла онъ надуетъ цѣлую бюрократическую процедуру, сложную и длительную. Иногда и самое дѣло не стоитъ того, сколько потрачено будетъ на переписку о немъ времени, бумаги, труда. Поистинѣ, еслибъ осуществить предположеніе г. Любимова, то это было бы, по его словамъ, важнымъ шагомъ въ исторіи устройства университетовъ, но только, думаю, шагомъ назадъ. Относительно канцеляріи скажу то же самое. Канцелярія всегда и вездѣ бываетъ сподручною. Если же соединить ее съ канцеляріею учебнаго округа, то университетъ окажется безъ канцеляріи. Не смѣшно-ли это? Не только всѣ присутственныя мѣста, но и отдѣльныя должности имѣютъ пркъ себѣ свою канцелярію: это составляетъ одно изъ удобствъ дѣлопроизводства. Приведу болѣе понятный для г. Любимова примѣръ, укажу на канцеляріи квартальныхъ надзирателей, и спрошу его: получила ли бы удобства наружная полицейская служба отъ того, что канцеляріи квартальныхъ были бы переведены въ общую канцелярію частнаго дома? Авторъ статьи «Русскаго Вѣстника», какъ по всему видно, старается вновь тѣснѣе связать университетскія дѣла съ вѣдомствомъ попечителя учебнаго округа. Но какъ уставъ 1804, такъ и уставъ 1863 г., правильно опредѣляютъ значеніе попечителя для университета, какъ того требуетъ и самый смыслъ этого слова. Попечитель ни по какому уставу не былъ и не есть прямая административная инстанція между университетомъ и министерствомъ; служебныя полномочія, данныя ему уставомъ 1835 года, зависѣли болѣе всего отъ его личныхъ качествъ; московскій университетъ видѣлъ и существенную пользу отъ своихъ попечителей, видѣлъ и бесполезныя замѣшательства. Во всякомъ случаѣ отношенія были слишкомъ неопредѣленны, какъ къ университету, такъ и къ министерской власти. Напротивъ, установленіе прямыхъ служебныхъ отношеній между университетами и министерствомъ, какъ въ уставѣ 1804, такъ и въ уставѣ 1863 г. (въ обоихъ употребленно выраженіе «подъ главнымъ начальствомъ министра»; когда же въ уставѣ 1835 года понадобилось слово «начальство» для попечителя, то уже для министра нужно было замѣнить его словомъ «вѣдѣніе»: стало быть, двухъ совмѣстныхъ «начальствъ» нельзя было допустить въ уставѣ); ясное разграниченіе правъ и обязанностей, при полезномъ нравственномъ вліяніи такого почетнаго лица, какъ попечитель, упрощали университетамъ исполненіе ихъ высокой образовательной задачи.

Коллективное рѣшеніе и многочисленность совѣтовъ еще продолжаютъ пугать г. Любимова. Отнявши у университета и правленіе и канцелярію, онъ хочетъ пообщипать и совѣтъ. Ви-

дите ли, для упрощенія круга дѣятельности совѣтовъ, «проще всего было-бы сдѣлать центральнымъ органомъ университетскаго управленія и представителемъ его въ сношеніяхъ съ начальствомъ болѣе тѣсное собраніе изъ ректора, декановъ и нѣсколькихъ ординарныхъ профессоровъ, какъ въ германскихъ университетахъ, подъ наименованіемъ сената, куда восходили бы дѣла изъ факультетовъ какъ съ общими, такъ и особыми мнѣніями членовъ. Въ качествѣ собранія совѣщательнаго сената долженъ имѣть голосъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся университета и имѣющимъ важность». Авторъ не разъяснилъ: даруетъ-ли онъ продолженіе бытія совѣту при сенатѣ, или нѣтъ, и кому будетъ предоставлено избраніе профессоровъ? Если останется совѣтъ, то какимъ образомъ при немъ, въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія, явится сенатъ, когда въ сенатѣ и предсѣдатель и члены—тѣ же лица, что и въ совѣтѣ? Это что-то мудрено. Скорѣе, «совѣщательнымъ голосомъ» сената авторъ постарался прикрыть на первыхъ порахъ полное упраздненіе совѣта. По моему все упрощеніе будетъ состоять лишь въ томъ, что большая часть профессоровъ проведетъ дома или въ гостяхъ тѣ часы, которые оно не безъ пользы посвящало засѣданіямъ совѣта; да въ протоколахъ будетъ выставлено меньше именъ и подписей. Что же касается до рѣшенія дѣлъ по существу, то давно извѣстно, что партіи и личные интересы, на которые указываетъ г. Любимовъ въ университетскихъ протоколахъ, скорѣе спотыкаются въ многочисленномъ собраніи, тогда какъ въ малочисленномъ имъ легче создать для себя искусственное большинство голосовъ. Кто будетъ дѣлать выборъ изъ ординарныхъ профессоровъ въ сенатъ? Не можетъ-ли, говоря откровенно, случиться здѣсь своего рода видовой подборъ? Конечно, споровъ и отдѣльных мнѣній будетъ меньше, чѣмъ теперь въ совѣтѣ; за то будетъ больше односторонности и подтасовки голосовъ. Распространяться объ этомъ предложеніи, считаю излишнимъ.

«Выборъ»—вотъ еще обрядъ самоуправленія или запретное понятіе, пущенное въ ходъ либерализмомъ шестидесятихъ годовъ и естественно кажущееся г. Любимову крайне опаснымъ. Какіе это выборы? Конечно, выборы университетскихъ преподавателей, предоставляемые всѣми тремя уставами университетскому совѣту. Сближая университетское выборное начало съ канцелярскимъ либерализмомъ собственнаго изобрѣтенія «Московскихъ Вѣдомостей», авторъ какъ будто не замѣчаетъ, что это есть исконное существенное достояніе университетовъ, и умышленно такъ легко относится къ нему, въ надеждѣ, быть можетъ, подкосить его... Что мудренаго, если благодушныя инсинуаціи, цѣликомъ взятая изъ наторѣлыхъ въ этомъ ремеслѣ «Московскихъ Вѣдомостей», если эти потѣшныя глумленія надъ либерализмомъ, въ которыхъ слышатся съ какимъ-то злобнымъ дареніемъ: оппозиціи, маленькія революціи, университетскія

республики,— что мудреного, повторяю, если это притворное, прощивое умаление одного изъ величайшихъ началъ общественнаго устройства достигнетъ своей цѣли въ наше страшливое время? Въ жалованной грамотѣ московскаго университета 5-го ноября 1804 года, между прочимъ, изображено: «Мы, желая поставить на неизблемомъ основаніи сіе благотворное учрежденіе и дать ему новыи способы ознаменовать дѣятельность его, даруемъ Московскому университету новое и пространнѣйшее образование, подтверждая за Насъ и преемниковъ Нашихъ существованіе сего Университета». Выборное начало неразрывно, существенно связано съ «неизблемнымъ основаніемъ» университета, и всякое малѣйшее ограниченіе его подѣлаетъ въ корнѣ самое существованіе этого учрежденія, торжественнымъ обѣщаніемъ подтвержденное. Поэтому въ уставахъ съ наибольшею тщательностію проведено выборное начало какъ въ факультетахъ, такъ и совѣтѣ. Въ уставѣ 1804 года нѣтъ вовсе прямого назначенія отъ министра на вакантную кафедру; въ уставѣ 1835 года оно уже допущено, но въ уставѣ 1863 года прямое назначеніе преподавателя отъ министра уже ограничено годовымъ прогуломъ кафедры или опредѣленіемъ сверхъ штата. Стало быть, чрезъ допущеніе, рядомъ съ совѣтскимъ избраніемъ, еще и министерскихъ назначеній, мы уклонились отъ строгихъ условій самоуправленія, какъ они начертаны въ уставѣ 1804 г. Теперь г. Любимовъ задумалъ отклонить университеты еще далѣе. «Не думаю, говорить онъ, чтобы было полезно пресѣкать министру возможность прямымъ путемъ дѣйствовать укрѣпленію и обновленію той или другой университетской корпораціи, хотя съ другой стороны право выбора, въ смыслѣ рекомендаціи, должно, полагаю, остаться за университетами во всей силѣ». Всегдашнее значеніе университетскихъ выборовъ было рѣшительное, а не рекомендательное, представлялось не рекомендуемое лицо на возвращеніе министра, а выбранный преподаватель для утвержденія въ этомъ званіи. Но г. Любимовъ низводитъ выборъ совѣтскій до простой рекомендаціи, которую могутъ отложить въ сторону, чтобы имѣть въ виду, а вмѣсто нея дать ходъ канцелярскому представленію. Этимъ самымъ авторъ подчиняетъ важнѣйшую сторону университетской жизни административному началу; онъ строитъ весь организмъ университета на чиновничествѣ. Какъ же онъ не хочетъ понять, что духъ и свойства этого учрежденія совсѣмъ иныи, чѣмъ напр. губернскаго правленія, и положительно несовмѣстимы съ чиновничествомъ. Всѣ доводы, имъ приводимые, и тѣ, которые онъ припомнилъ отъ времени обсужденія устава 1863 года, не выдерживаютъ возраженія. 1) «Корпорація, которая не имѣетъ другихъ средствъ обновленія, кромѣ собственнаго выбора, легко можетъ превратиться въ замкнутый кружокъ съ исключительнымъ направленіемъ и съ личными пристрастіями. По чувству, весьма похвальному, членамъ факультета естественно

стараться выводить своихъ учениковъ. Но этотъ способъ, если прилагать его исключительно, ведетъ за собою опасность замкнутости, а нерѣдко и измелчанія». Корпорация никогда не была ограничена собственнымъ выборомъ; она могла избирать постороннихъ ученыхъ и даже преподавателей другихъ университетовъ. Примѣровъ этому много. Припомнимъ баллотировки, бывшія не задолго до перемѣны § 78 устава и отозвавшіяся даже въ печати. Личныя пристрастія могутъ существовать между двумя, много тремя лицами, но не въ цѣломъ собраніи членовъ факультета или совѣта. Замкнутость и исключительность направленія невозможны при условіи самостоятельности, требуемой уставомъ отъ преподавателя, имѣющаго ученую степень; скорѣе на ихъ мѣстѣ предполагать должно университетское преданіе, которое было и въ московскомъ университетѣ, точно также какъ и европейскіе университеты, итальянскіе, англійскіе и нѣмецкіе имѣли или имѣютъ каждый свое преданіе.

2) «Университетъ есть государственное учрежденіе, установленное для государственныхъ цѣлей». Это нимало не мѣшаетъ тому, чтобъ въ немъ было допущено выборное начало, сообразно съ характеромъ его государственныхъ цѣлей. Доводъ этотъ теперь устарѣлъ.

3) «Люди, пріобрѣтшіе громкую репутацію своими учеными трудами, могутъ быть извѣстны и не специалистамъ». Прибавлю: а специалистамъ-профессорамъ, членамъ совѣта, еще болѣе.

4) «Министръ, по своему положенію, имѣетъ то преимущество, что стоитъ выше личныхъ столкновений». Если личные столкновения ниже министра, то отъ личныхъ воззрѣній и личныхъ симпатій едва ли кто можетъ отрѣшиться. А канцелярскія рекомендаціи, а происки, связи, постороннія вліянія, противъ чего такъ ратовали въ былые годы самъ-же «Московскія Вѣдомости»? 5) «Примѣры европейскихъ университетовъ, гдѣ назначеніе профессоровъ предоставлено министерствамъ, и примѣры обновленія русскихъ университетовъ этимъ же путемъ». Иностранные примѣры намъ не указка, потому что тамъ совершенно иные порядки. Доводъ этотъ вполне несостоятеленъ уже потому, что въ западныхъ университетахъ отъ министерства назначаются только штатные профессора и вовсе не съ цѣлью обновленія, а только для исполненія официальныхъ университетскихъ обязанностей; притомъ штатныхъ профессоровъ въ каждомъ университетѣ весьма немного; напротивъ обновленіе западныхъ университетовъ происходитъ черезъ передвиженіе нештатныхъ профессоровъ, занимающихъ болѣе видное мѣсто въ наукѣ и преподаваніи. Примѣровъ обновленія русскихъ университетовъ путемъ министерскаго назначенія мы не знаемъ (исключая варшавскаго и вновь открывавшихся); знаемъ лишь о замѣщеніи нѣкоторыхъ каеедръ; но это не повело ни къ какому обновленію и не обнаружило даже никакихъ особенныхъ признаковъ въ университетской жизни. Далѣе то, что авторъ говоритъ о доцентахъ, совершенно ложно.

«Валлотируется X, рекомендуемый, какъ будущій спеціалистъ. Какое основаніе положить этому X черный шаръ? Онъ избирается единогласно, если предлагающій членъ не имѣетъ противъ себя партіи». Зачѣмъ же быть въ партіи, когда дѣло идетъ о свѣжемъ и ни въ чемъ неповинномъ X? Многочисленность коллегіального выбора и гарантируетъ отъ вреднаго вліянія партіи. Если этотъ X—только будущій спеціалистъ, то и министерство еще менѣе можетъ знать о немъ; и если оно единственно по невѣдѣнію не допустить его до доцентуры, то, вопреки желанію автора и вообще пользы дѣла, можетъ закрыть путь молодому дарованію. Ему остается дѣйствовать наугадъ и болѣе наугадъ, чѣмъ совѣту, гдѣ будущій спеціалистъ сколько нибудь да извѣстенъ. Доцентура, говоритъ авторъ, есть путь къ профессорству, а между тѣмъ доцентовъ утверждаетъ попечитель; министръ даже не знаетъ, какъ и гѣмъ пополняется университетъ. Но утвержденію, отъ кого бы оно ни исходило, предшествуетъ избраніе совѣтомъ и избраніе съ болѣе вѣскимъ значеніемъ, чѣмъ простая рекомендація; а что будто бы министръ не знаетъ о доцентѣ, то это сказано на обумъ: какой министръ, или какое министерство не знаетъ о доцентахъ, состоящихъ въ его вѣдомствѣ? И не утверждая, можно знать и, утверждая, можно не знать или «невѣдать», какъ выражается авторъ по поводу правительственнаго невмѣшательства. При настоящемъ положеніи нашихъ университетовъ, при страшной скудости ученыхъ силъ, опасно стѣснять пути къ кафедрѣмъ. По уставу, на кафедре, пустующую годъ, министръ можетъ назначать кого ему угодно, лишь бы это лицо удовлетворяло требуемымъ отъ профессора условіямъ. Если бы право выбора стѣсняло въ чемъ нибудь власть министра, то, по прошествіи года, когда власть эта можетъ дѣйствовать вполнѣ свободно по своему усмотрѣнію, всѣ пустующія кафедры были бы заняты профессорами по министерскому назначенію; но на самомъ дѣлѣ по нѣскольку лѣтъ гуляютъ въ московскомъ университетѣ чуть ли не болѣе десяти кафедръ, а въ Казанскомъ, Киевскомъ, Харьковскомъ и Новороссійскомъ цѣлыя десятки кафедръ. Отчего это такъ? Почему министерство не замѣщаетъ ихъ? Отвѣтъ одинъ: недостатокъ людей. Но спрашиваю: молодымъ силамъ какимъ путемъ легче укрѣпляться и получать мѣста—нравственною ли связью съ профессорами, группируясь около старшихъ преподавателей, чего желаетъ и самъ авторъ, или однимъ канцелярскимъ путемъ? Гдѣ болѣе заруеъ, въ вѣрной оцѣнкѣ способностей и трудовъ—въ профессорскомъ ли собраніи того или другаго университета или въ министерской канцеляріи? И потому лучше не измѣнять существующаго устава и предоставить каждому судьбу повести тѣмъ или другимъ путемъ—совѣтскимъ избраніемъ или министерскимъ назначеніемъ?

Но что намъ до молодого поколѣнія! Путь его широкъ и еще далекъ. Относительно его совѣтскій выборъ не можетъ насъ

страшить: онъ и ему самому не страшенъ. Зачѣмъ-же авторъ такъ сильно настаиваетъ на административномъ назначеніи? Не просто же! И гдѣ же просто! Мнѣ чуеться, что мы уже подошли къ самымъ исходницамъ статьи почтеннаго профессора. Еще одинъ шагъ за нимъ—и онъ самъ надоумитъ насъ, для чего и для кого писана эта статья. «Уставъ 1863 года, сурово отнесся къ старому поколѣнію»—говоритъ авторъ. *Inde igitur!* Точно: при существованіи § 78-го, до его измѣненія, многими изъ стараго поколѣнія грозила и дѣйствительно для всѣхъ была грозна одна треть черныхъ шаровъ, когда противъ нея не доставало одного или полшара до полныхъ двухъ третей бѣлыхъ шаровъ. Тогда и достойные преподаватели, за которыхъ была большая половина совѣта, не могли рассчитывать, останутся ли они на слѣдующее пятилѣтіе или будутъ почти случайно забаллотированы. Случалось въ московскомъ университетѣ и такъ, что большинство членовъ совѣта сожалѣло о забаллотированіи своего товарища, и когда двѣ трети были замѣнены абсолютнымъ большинствомъ, оно желало подвергнуть его вновь баллотировкѣ; но увы! какъ справедливо замѣтилъ г. Любимовъ, дѣло не обошлось безъ партій, и ради одной личности дано было знать подъ рукою, что вторичная баллотировка останется безъ послѣдствій, тогда какъ въ другихъ университетахъ забаллотированные при двухъ третяхъ вошли вновь въ университетъ послѣ вторичной баллотировки абсолютнымъ большинствомъ. Какъ бы то ни было, теперь бояться баллотировки по новой редакціи § 78-го могутъ развѣ только тѣ изъ стараго поколѣнія, которые не смотря на многолѣтнюю практику, не выказали ни дарованій, ни дѣятельности, ни стараній. Только однимъ таковымъ грозитъ забаллотированіе на пятилѣтіе чрезъ абсолютное большинство. Не скорѣе ли всего о спасеніи таковыхъ хлопочетъ г. Любимовъ? Хорошимъ преподавателемъ всегда подорожитъ совѣтъ, и хорошій преподаватель не испытаетъ на себѣ суровости устава при абсолютномъ большинствѣ. Старымъ силамъ нужна какая бы то ни была поддержка. Рассчитывать они могутъ скорѣе всего на такія же поддержанныя силы, при заведенныхъ уже связяхъ. Есть въ университетѣ такія силы, которыя не объявились никакимъ продуктомъ самостоятельнаго ученаго труда, а уже издержались частію на преподаваніе другимъ того, что сдѣлано другими. По расчету старческихъ силъ на взаимную помощь нужно, чтобы и эти поддержанныя силы, отъ которыхъ уставъ не можетъ уже ждать исполненія тѣхъ условій, которыя требуются отъ профессорскаго званія, вошли въ составъ профессорскій съ правомъ голоса въ совѣтѣ. Это была бы самая надежная опора для старческихъ силъ, ненадѣющихся на самихъ себя и еще стоящихъ подъ дамочковымъ мечемъ баллотировки или гнѣзущихъ вновь къ дѣламъ университета. Въ виду нересмотра устава, авторъ вводитъ слегка мысль, что

облеченіе профессорскимъ званіемъ можетъ быть допущено на основаніи преподавательскихъ достоинствъ и дара преподаванія, приобрѣтшаго особую извѣстность. Такъ какъ званіе профессора по уставу сопряжено съ высшею ученою степенью доктора, то автору и желательно тонкимъ манеромъ провести въ доктора и облечь профессорскимъ званіемъ и правомъ голоса такихъ преподавателей, которые не заявили себя никакимъ самостоятельнымъ ученымъ трудомъ и по уставу никакого права на докторство не имѣютъ. Примѣровъ чего-либо подобнаго во всемъ ученомъ мірѣ не найдется, и вообще нелогичность и нелѣпность этой мѣры уже достаточно раскрыта въ статьѣ «Даровое докторство», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» за прошлый годъ. Мѣра эта потакаетъ лѣни и бездарности и идетъ въ разрѣзъ съ истинными интересами науки и преподаванія. Сейчасъ слышно откуда несетъ!..

Наконецъ «тайная подача голосовъ» не менѣе предыдущихъ понятій, созданныхъ опаснымъ либерализмомъ, смущаетъ автора статьи «Русскаго Вѣстника». И все это изъ за баллотированія профессоровъ, столь ненавистнаго для нѣкоторыхъ лицъ изъ «старого поколѣнія», жаждущихъ прямого назначенія. Закрытая баллотировка установлена въ уставѣ 1804 года, когда дѣлается какое избраніе (§58); въ уставахъ 1835 года (§27) и 1863 года (§46) она удержана въ полной силѣ. Спорить съ г. Любимовымъ и доказывать ему, что закрытая баллотировка во всякомъ случаѣ и независимѣе и справедливѣе, чѣмъ открытая, значило бы смѣшить читателей, толкуя о томъ, что извѣстно чуть ли не каждому крестьянину. Я и безъ того уже съ избыткомъ распространялся о вещахъ общезвѣстныхъ и безспорныхъ.

Много у насъ пишется такъ называемыхъ благонамѣренныхъ съ подлудками, мѣстныхъ, предложеній, проэктовъ. На первый разъ кажется, что они какъ будто чего-то не досказываютъ: это отличительный ихъ признакъ. Къ такимъ статьямъ нужно подходить съ фонаремъ и хорошенько освѣтить ихъ тѣневую сторону: когда удастся напасть на родникъ, всегда мутный, который извергнулъ ихъ, тогда все сдѣлается понятнымъ, слова ихъ получатъ свой настоящій смыслъ и вся основа рѣчи зазвучитъ движеніями затаенной мысли. По извѣстной человѣческой слабости невѣрія, я смотрю на статью, подписанную г. Любимовымъ и солидарную съ редакціею «Русскаго Вѣстника» а слѣдовательно и «Московскихъ Вѣдомостей», какъ на пробу мощенія дорожки для одряхлѣвшихъ силъ, которыхъ другіе уже не признаютъ и отмечаютъ, но которыя еще способны корчиться и корчиться на выгодномъ мѣстечкѣ. Вотъ для такихъ то старческихъ силъ все еще мечтающихъ заправлять судьбами какого нибудь учрежденія, и кажутся болѣе удобными: вліятельное вмѣшательство, иначе чиновничество, прямое назначеніе безъ выбора, потому что добиться назначенія иногда легче, чѣмъ получить въ свою пользу простое большинство голосовъ;—

а если нельзя вовсе избѣжать выбора, то тѣсный кружокъ избирателей и непремѣнно открытая подача голосовъ. Бываютъ же, подумаешь, такіа смѣлыя, беззаастѣнчивыя натуры, которымъ ни почему прикинуться наивными, зарваться въ глубочайшія основы политическаго устройства, выхватить оттуда самыя святыя, опитомъ всего человѣчества добытыя и безповоротно признанныя понятія и верты ихъ грязными руками освѣщать ложнымъ свѣтомъ какого-то мимолетнаго, измышленнаго призрака. Расчетъ ведется на умы запуганные, на воли слабыя и испорченныя. Авось де эти капитальныя понятія, каковы коллегіальность, выборъ, закрытое голосованье, самоуправленіе падутъ, освѣтленныя ложью, и откроютъ проходъ всякому проходципу, всякимъ связямъ, искательствамъ и т. п. на что такъ способны мелкія личности, не увѣренныя въ своихъ силахъ и честности своихъ стремленій.

*Nic labor extremus,
Longorum haec meta laborum!*

Эта-то борьба противъ залоговъ наилучшаго политическаго устройства, признанныхъ всѣми и всюду, эта попытка свести ихъ съ глубочайшихъ основъ человѣческаго духа, освѣтить ложнымъ свѣтомъ и приурочить къ какому-то минутному порыву необузданнаго либерализма, въ свою очередь тоже изобрѣтеннаго, а на ихъ мѣсто поставить и привести въ дѣйствіе другіе рычаги, отброшенные лучшими обществами за ихъ негодность: вотъ это самое и доказываетъ собою всю несостоятельность, замкнутость и измелченіе такихъ назойливыхъ силъ. Посмотрите какъ напрашиваются онѣ съ своими услугами... Вы гоните ихъ въ дверь, онѣ лѣзутъ въ окно, да еще нарываютъ переименить по-своему: дверь сдѣлать окномъ, а окно дверью. Читайте чтò пишется въ статьѣ г. Любимова объ университетскихъ экзаменахъ. «Университетъ долженъ, по моему мнѣнію, составить и выдать точныя программы требованій отъ испытаній на кандидата, дѣйствительнаго студента и лѣкаря съ указаніемъ по возможности на печатныя сочиненія». Сопоставьте это мѣсто съ тѣмъ, что самъ авторъ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, говорилъ по поводу отдѣленія экзаменовъ отъ текущаго преподаванія и о цѣли университетскихъ лекцій. «Цѣль университетскаго преподаванія— не столько сообщить званія, сколько возбудить самостоятельность. Стѣсняя его строго опредѣленными программами, данными извѣтъ, превращая университетъ въ школу, гдѣ внучиваются опредѣленной суммѣ знаній, мы бы уронили значеніе университетовъ, какъ представителей самобитнаго движенія науки и мысли... Стѣсняя преподаваніе внѣшними формами, можно убить живую струю, появленіе которой такъ важно... Экзамень требуетъ строго опредѣленной суммы знаній, извѣстнаго уровня, ниже котораго не можетъ быть испытуемый. Полная опредѣлительность—главный характеръ экзамена. Какъ скоро экзамень производится изъ того,

что прочитано, и только изъ того, что прочитано, то онъ дѣлается чѣмъ-то случайнымъ и теряетъ всякую опредѣлительность; а съ другой стороны субъективность преподаванія, главная и существенная принадлежность университетовъ, утрачиваетъ свою благотворную силу и вмѣсто того, чтобы возбуждать въ слушателяхъ субъективную самостоятельность мысли, приучаетъ ихъ къ раболѣпному заучиванію чужихъ мыслей и выдаванію ихъ за свои. Изъ сопоставленія этихъ двухъ мѣстъ мы видимъ смѣшеніе справедливаго съ ошибочнымъ, прямое противорѣчіе автора самому себѣ. Одиннадцать лѣтъ назадъ авторъ былъ противъ строго опредѣленной программы, данной отвнѣ для преподаванія; теперь онъ требуетъ отъ университета для выпускныхъ экзаменовъ точной программы, которая вдобавокъ должна быть утверждена министерствомъ съ цѣлью контроля ея полноты и внимательнаго составленія; программа эта обязательна на нѣсколько лѣтъ, такъ чтобы студентъ оканчивалъ курсъ по программѣ, дѣйствующей при его вступленіи. Не говоря уже о томъ, что чрезъ послѣднее условіе произойдетъ постоянное перекрещиваніе одновременно дѣйствующихъ программъ, если только программы будутъ когда-либо измѣняться, а не измѣняться имъ нельзя, — замѣчу прежде всего, что программа для экзамена не можетъ быть не дѣйствующею и для преподаванія: иначе, хотъ студентъ и будетъ слушать субъективированныя лекціи профессора (да едва ли и будетъ), однако станетъ слѣдовать и вѣрить только программѣ, какъ рѣшительниці его участи на экзаменѣ; ему и придется дѣлать два дѣла разомъ: ходить на лекціи, которыя уже ни къ чему тогда не поведутъ, и готовиться по программѣ къ экзамену, который для него обязателенъ. Во-вторыхъ, точная программа, даже до такой степени точная, что она должна быть утверждена министерствомъ, слѣдовательно, нѣчто совершенно уже внѣшнее, формулирующее сумму знаній съ школьнымъ характеромъ замкнутости и неподвижности, никакъ ужъ не вяжется съ субъективностію и свободою университетскаго преподаванія, за которыя стоитъ самъ авторъ: тогда профессору придется дѣлать что нибудь одно: или читать лекціи, такія, какихъ желаетъ самъ авторъ, или готовить своихъ слушателей къ экзамену по программѣ — два дѣйствія, которыя существенно разнятся между собою. Слѣдовательно, программа для экзамена во всякомъ случаѣ должна служить программою и для преподаванія, если только авторъ не желаетъ отказаться отъ экзаменовъ по программѣ; а такъ какъ эта послѣдняя, по его мнѣнію, должна быть точная до степени утвержденія министерствомъ, то и характеръ преподаванія долженъ быть такой же точный и сообразный съ этою программою, извнѣ установленною; но самъ же авторъ возстаетъ противъ университетскаго преподаванія по строго опредѣленной, извнѣ данной программѣ и требуетъ свободы и субъективности преподаванія: такимъ образомъ, онъ самъ

себя опровергаетъ и отвергаетъ. До сихъ поръ я говорилъ, допуская возможность существованія особой программы для экзамена; но опредѣлительность выпускнаго экзамена и строго очерченная сумма знаний, требуемыхъ отъ испытываемаго, никакою программой не условливаются. Программа только намѣчаетъ общія границы, а внутри каждаго вопроса можетъ быть безбрежная свобода, разумность и предѣлы которой лежатъ въ добросовѣстности экзаменатора. Не внѣ его, а въ немъ самомъ и въ количествѣ времени, посвящаемомъ экзаменуемому, заключается возможность строгаго опредѣленія уровня и суммы познаній, а также — что важно — степени развитости, необходимой для самостоятельности мысли. Если самъ авторъ на университетское ученіе смотритъ съ точки зрѣнія самостоятельной мысли, то на экзаменѣ недостаточно опредѣлить въ студентѣ сумму фактическихъ знаний; нужно опредѣлить и сумму мыслительной работы, обличающей извѣстную степень самостоятельности. Эта самостоятельность и должна быть проверена и испытана на экзаменѣ. Но какаѣ программа въ свѣтъ, данная извнѣ и въ точности сформулированная, можетъ служить пробнымъ камнемъ развитости, какъ условію самостоятельности? Попробуйте испытывать развитость, при извнѣ данной и опредѣлительной программѣ, — и вы услышите: этого нѣтъ въ книгѣ, это не писано въ тетрадкѣ лекцій и т. д. Только самъ профессоръ, самъ экзаменующій, можетъ измѣрить и оцѣнить эту развитость и степень готовности для самостоятельной мысли въ своемъ слушателѣ. Къ чему же понадобилось автору такое предложеніе, которое прямо парализуетъ его мнѣніе о свободѣ и субъективности преподаванія, и необходимости возбужденія въ студентѣ самостоятельной мысли, мало того, рознитъ преподаваніе и экзаменъ въ существѣ, а не одною наружною формальностію раздѣленія, и рознитъ такъ, что на экзаменѣ отличится только тотъ, кто вызубритъ требуемую программю сумму чужихъ мыслей и бойко выдастъ ихъ за свои? Къ чему, спрашиваемъ, для экзаменатора нужна чужая, строго-опредѣленная программа? Читайте дальше: «экзаменъ долженъ производиться особою комисіею изъ особо назначенныхъ лицъ». Теперь понятно, почему автору понадобилась строго-опредѣленная точная программа, утвержденная министерствомъ, и почему издавна заведена была пѣсня объ отдѣленіи экзаменовъ отъ преподаванія. Дѣйствительно, посторонняя комиссія иначе и не можетъ экзаменовать, какъ по точной, извнѣ данной программѣ. Пусть строго опредѣлительная программа, нывода студента на степень зубрили не только фактовъ, но и чужихъ мыслей, уберетъ въ немъ всякую самостоятельность; пусть сдѣлаетъ изъ него школьную вулку, начиненную извѣстною суммою знаний, обеспечивъ ему успѣхъ на экзаменѣ формальностію отвѣтовъ на заданныя или очерченныя впередъ вопросы; пусть преподаватель не гонится за развитостію студента, не субъективируетъ своихъ лекцій, предпочитая подготовить своего слушателя къ

«Благополучной сдачѣ экзамена въ посторонней комисіи! Пусть будетъ это все такъ! намъ нужна во что бы то ни стало особая комисія. Но для чего нужна особая комисія «изъ особенназначенныхъ лицъ»? Читайте еще дальше: «отчасти могли бы быть въ ихъ числѣ *профессора, окончившіе преподавательскую дѣятельность*». Не тутъ ли и разгадка? Приходится повторить съ древнимъ житейскимъ поэтомъ, изучившимъ всѣ тонкости человѣческаго сердца:

Neu! quam difficile est
Non crimina condere vultu!

Мы знаемъ, что профессора оканчиваютъ свою преподавательскую дѣятельность, когда или сами выходятъ въ отставку, или по заслугѣ лѣтъ на полную пенсію, бывають забаллотированы на слѣдующее пятилѣтіе. Въ первомъ случаѣ тѣ же причины, которыя заставили ихъ выйти въ отставку, помѣшаютъ имъ участвовать въ экзаменаціонной комисіи; во второмъ случаѣ несомнѣнно университетъ, разъ забаллотировавшій ихъ, не беретъ въ особую экзаменаціонную комисію. Имъ остается искать—«назначенія». Забаллотированіе не проходитъ безъ извѣстныхъ ощущеній. Хотя здѣсь дѣло идетъ о лицахъ профессорскаго званія, но и они не могутъ не сознаться: homo sum et nil humanum mihi alienum puto. И вотъ эти забаллотированные абсолютнымъ большинствомъ, признанные уже бесполезными для университета, ожесточенные неудачею (потому что всякая баллотировка бываетъ съ согласія баллотлируемыхъ), эти уже постороннія университету лица заберутъ въ свои руки оцѣнку успѣховъ и судьбу науки и преподаванія и самихъ учащихся на выпускныхъ экзаменахъ, т. е. тамъ, гдѣ въ торжественномъ актѣ разставанья подводятся итоги и самому преподаванію, и дѣйственной силѣ науки, и задаткамъ для будущей жизненной дѣятельности молодаго поколѣнія,—словомъ, гдѣ произносится приговоръ самому значенію университета. И университетъ очутится во власти той самой одряхлѣвшей силы, которая въ своей неудачѣ продолжать преподавательскія занятія въ университетѣ испытала для себя неудобства административнаго невмѣшательства, выборнаго начала, коллегіальности рѣшенія и закрытаго голосованія. Не наполнятся ли тогда университетскіе протоколы—говоря словами самого автора—кипучей дѣятельности, которая, по естественной человѣческой слабости, вновь обнаружится преимущественно въ дѣлахъ о столкновеніяхъ разнаго рода и въ вопросахъ партій и личныхъ интересовъ? Разумѣется, при этомъ всего болѣе достанется экзаменующимся студентамъ; они будутъ невольными свидѣтелями этихъ столкновеній — и хорошо еще если-бы только свидѣтелями; но вѣрнѣе всего на ихъ долю выпадеть страдательная роль.

Надѣюсь, что я достаточно доказалъ, что, ополчась противъ устава 1863 года во имя интересовъ науки и преподаванія, авт. ССѪІІ.—Отд. ІІ.

торъ статьи «Русскаго Вѣстника» не эти интереси имѣтъ въ виду, потому что кромѣ отдѣльныхъ громкихъ фразъ, идущихъ въ разрѣзъ съ направлениемъ статьи, онъ ничего не сказалъ о нихъ. Онъ сдержалъ только въ одномъ слово: не коснулся теоретически наилучшей формы университетскаго управления (она и понынѣ остается наилучшею въ уставѣ 1804 года); за то вся статья его направлена къ практическимъ соображеніямъ о необходимыхъ, на его взглядъ, перемѣнахъ въ системѣ университетскаго устройства. Да оно и лучше такъ: практика всегда ближе къ намъ, чѣмъ теорія. Въ статьѣ его замѣтно присутствуютъ свѣжія, неулегшіяся еще впечатлѣнія памяти о какихъ-то столкновеніяхъ, партіяхъ, личныхъ интересахъ, раздраженіи; я поневолѣ долженъ были иногда становиться на эту точку, слѣдя за авторомъ, вопреки убѣжденію, что въ «Святилищѣ наукъ», гдѣ имѣютъ мѣсто лишь чистые и высокіе интересы знанія и гуманности, не должно-бы быть и помина объ этихъ дразгахъ обиденной жизни. Всѣ практическія соображенія автора влонятся къ ослабленію или отстраненію существенныхъ свойствъ университетскаго самоуправленія, обезпеченнаго за университетами какъ «незыблемое основаніе» ихъ, и къ вторженію въ среду университетскую такихъ силъ, которыя она отмечаетъ какъ непригодныя. По прочтеніи статьи приходитъ на мысль, что этимъ силамъ, а можетъ быть и самому г. Любимову мерещится не университетъ съ своимъ самоуправленіемъ, а та обѣтованная пора, когда русскіе университеты могли бы превратиться въ московскій, казанскій, харьковскій, кievскій, одесскій и т. д. департаменты министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ ректоръ занималъ бы должность директора департамента, профессоры были бы начальниками отдѣленій, доценты—столоначальниками и пр.—всѣ по назначенію начальства съ обязанностію заниматься дѣлопроизводствомъ преподавательнымъ въ строго бюрократическомъ порядкѣ. Докончу словами знатока и творца превращеній, старца Овидія:

.....Magna petis Phaethon,
Sed non quae viribus istis conveniunt munera.

0.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Первые два мѣсяца новаго года уже успѣли доставить намъ нѣсколько очень крупныхъ фактовъ по части нашего новаго городского самоуправленія. Самымъ крупнымъ изъ этихъ фактовъ была, безъ сомнѣнія, московская «ляминская исторія». Но эта исторія такъ всѣмъ надоѣла, что говорить объ ней мы не будемъ, а перейдемъ прямо къ исторіямъ, слѣдующимъ за ней, для которыхъ она послужила, по всей вѣроятности, толчкомъ, или примѣромъ. У насъ, обыкновенно, столицы даютъ тонъ провинціямъ.

Что случилось въ Москвѣ, тоже самое должно было, рано или поздно, повториться и въ провинціяхъ, потому что провинціальныя города не любятъ отставать отъ столицъ ни въ чемъ, ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ. И дѣйствительно, едва только закончилась московская «ляминская исторія», какъ уже изъ Рязани шло извѣстіе почти о такой-же исторіи, только въ измѣненномъ видѣ. «Пишутъ (въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»), что рязанскій городской голова г. Офросимовъ, *не находя для себя возможнымъ долѣе оставаться въ званіи городского головы, далъ думѣ предложеніе объ избраніи на его мѣсто другаго лица.*

Почему-же, по какимъ причинамъ, г. Офросимовъ «не нашелъ для себя возможнымъ» долѣе оставаться въ званіи городского головы? Вопросъ этотъ такъ и остается открытымъ, какъ разъясненнымъ вопросомъ, потому что корреспондентъ, какъ видно, «находить для себя неудобнымъ» вступать въ разъясненія, а ограничивается лишь какими-то неясными намеками. *Мы не будемъ вдаваться въ разборъ тѣхъ причинъ, по которымъ г. Офросимовъ оставляетъ званіе городского головы, — пишетъ корреспондентъ, — но, вѣроятно, онъ уважителенъ.* Зная ревность г. Офросимова къ занятіямъ по общественному дѣлу, мы никакъ не можемъ предположить, чтобъ ему надоѣло городское дѣло, но какъ жители Рязани, не можемъ не скорбѣть, что дѣятельность его прерывается на половинѣ срока его избранія.

Но Богъ-бы уже съ нимъ, «съ разборомъ» причинъ. Хотя-бы причины-то самыя, не разбирая ихъ, сообщили, а то вѣдь и тѣхъ нѣтъ. Пишутъ, что г. Офросимовъ, въ два года, поставилъ городское управленіе на ту именно ногу, на которой оно

должно стоять въ силу Городового Положенія. Не заводя никакого шума, городъ сталъ въ правильныя отношенія къ администраціи и полиціи. Городское самоуправленіе онъ старался утвердить на строгихъ началахъ, и если не вполне этого достигъ, то это положительно отъ того, что въ самомъ обществѣ еще недостаточно развито понятіе о самоуправленіи. Хозяйственную часть города онъ въ два года успѣлъ сильно подвинуть. Такъ, напримѣръ, принявъ пожарную часть въ разрушенномъ положеніи, онъ довелъ ее до образцоваго состоянія. Городскія мостовыя, по которымъ прежде зачастую не было проѣзда, теперь всѣ перемощены, и великолѣпный проспектъ къ собору, съ бульварами для пѣшеходовъ, возникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде въ весеннее и осеннее время буквально тонули экипажи, такъ что сообщеніе города съ соборомъ почти прекращалось.

Кромѣ всего этого, г. Офросимовъ отдѣлалъ рязанскій театръ и соглашеніемъ съ торговымъ домомъ Фрумъ и К^о, достигъ того, что черезъ два года Рязань будетъ имѣть водопроводы и газоосвѣщеніе, безъ всякой затраты отъ города и даже безъ всякой съ его стороны гарантіи, единственно только дарованіемъ названному торговому дому привиллегіи на оба эти предмета въ теченіи 50-ти лѣтъ.

Заслуги, какъ видите, не малыя, а, между тѣмъ, именно въ то время, когда-бы слѣдовало ожидать выраженій публичной благодарности за заслуги, голова «не находитъ для себя возможнымъ» долѣе остаться въ должности. До поры до времени сядемъ у моря и будемъ ждать погоды, т. е. разъясненій изъ Рязани этого темнаго событія, по характеру сходнаго съ московскимъ, а сами поѣдемъ дальше—на окраины Европейской Россіи, на Сибирскую границу, гдѣ безобразія нашей общественной жизни постоянно выходятъ наружу прежде, чѣмъ гдѣ либо и, притомъ, безъ всякихъ прикрасъ, въ самомъ грубомъ видѣ.

Не такъ-то давно въ «Голосѣ» появилось слѣдующее коротенькое, какъ бы телеграфное извѣстіе:

Намъ сообщаютъ изъ Перми, что пермскій городской голова, И. И. Любимовъ, вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго ему мѣстными властями, заявилъ, 25-го января, городской думѣ, что, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ не можетъ продолжать службы, и потому просилъ думу избрать вмѣсто него на должность головы другое лицо.

Вслѣдъ за этой, не совсемъ ясной телеграммой, появились и подробности, такъ что намъ, при помощи разъясненій, быть можетъ удастся отыскать общую причину однородныхъ явленій, о которыхъ, вѣроятно, намъ еще придется услышать не разъ.

Подробности пермскаго событія предполагаются уже извѣстными читателю, но я, въ качествѣ хроникера, не имѣю даже права не занести такого крупнаго факта въ свою лѣтопись.

По разсказамъ пермяковъ, и въ городѣ и во всей Пермской Губерніи нѣтъ торговаго дома болѣе солиднаго и древняго, какъ домъ братьевъ Любимовыхъ. Основанная пятьдесятъ лѣтъ назадъ, эта торговая фирма развивала свои коммерческія операціи, и въ настоящее время ведетъ миллионные обороты. На соляномъ заводѣ братьевъ Любимовыхъ вываривается до двухъ миллионновъ пудовъ соли; болѣе миллиона пудовъ желѣза отправляется ими на Нижегородскую ярмарку; пароходство на Камѣ и Волгѣ содержится ими, и, по довольно вѣрнымъ свѣдѣніямъ, капиталъ этого торговаго дома представляетъ почтенную цифру въ нѣсколько миллионновъ. Представители этой фирмы, два родные брата И. и М. Любимовы, никогда не отказывались жертвовать своими личными интересами на пользу нуждъ общественныхъ и въ настоящее время оба занимаютъ общественныя должности по выборамъ.

При чтеніи описанія богатствъ и почета пермскаго головы Любимова, невольно припоминаешь стихи Пушкина изъ его поэмы:

Богатъ и славенъ Кочубей,
Его поля необовримъ... и проч.

А, между тѣмъ, и могучаго Кочубея злые люди стубили, да и богачу Любимову, съ его камско-волжскимъ паровымъ флотомъ, тоже не поздоровилось: одинъ потерялъ голову, другой званіе головы чуть-чуть не потерялъ, и вотъ изъ за какиихъ, собственно, пустяковъ. Въ прошломъ году, возвратясь изъ временной отлучки, городская голова, просматривая дѣла городской управы, нашель, что въ его отсутствіе были неправильно выданы деньги мѣстному полиціймейстеру, получающему уже изъ городскихъ суммъ весьма значительную прибавку; г. Любимовъ принялъ этотъ расходъ на свой счетъ и выдавалъ эти деньги изъ собственныхъ средствъ до тѣхъ поръ, пока не было замѣчено, что подобная выдача ни мало не усиливаетъ наблюденія за исполненіемъ обязательныхъ постановленій думы. Это была первая «неосторожность» со стороны городского головы; за нею послѣдовала вторая. Охраняя матеріальные интересы города и предоставленное ему право непосредственнаго распоряженія расходуетыми городомъ суммами, г. Любимовъ, по желанію гласныхъ думы, рѣшился прекратить отпускъ суммы въ полицейское управленіе и производить выдачу жалованья полицейскимъ чиновникамъ и служителямъ непосредственно и прямо изъ управы, по примѣру многихъ городовъ другихъ губерній; это распоряженіе не понравилось нѣкоторымъ лицамъ и было даже принято за личное оскорбленіе. Къ городскому голове стали поступать просьбы и требованія, исполнить которыя онъ не имѣлъ права, а неисполненіе ихъ подвергалось осужденію со стороны лицъ, требовавшихъ или просившихъ. Такъ, между прочимъ, городского голову упростили удалить отъ службы одного

засѣдателя полицейскаго управленія, который, при разсмотрѣніи одного дѣла, остался при особомъ мнѣніи, несогласномъ съ мнѣніемъ полиціймейстера. Просьба не была исполнена г. Любимовымъ, такъ какъ ратманъ, или полицейскій засѣдатель, есть такое же выбранное отъ городского общества лицо, какъ и самъ городской голова. Въ концѣ прошлаго года въ полиціи производилось дѣло г. Любимова, какъ представителя торговаго дома, о взысканіи съ какаго-то мѣщанина около полуторы тысячи рублей по производившемуся иску: онъ не только не взыскалъ, но самъ былъ обвиненъ въ уголовномъ преступленіи—въ захватъ чужаго имущества. Судебный слѣдователь и чиновникъ особыхъ порученій губернатора привлекли городского голову къ уголовной отвѣтственности именно въ праздничные, неприступственные дни Рождества, такъ что г. Любимовъ не имѣлъ даже возможности прибѣгнуть къ законной защитѣ. Онъ былъ подвергнутъ формальному допросу; въ домѣ его былъ произведенъ обыскъ, подвалы его были запечатаны...

Словомъ, осрамили почтеннаго человѣка ни за что, ни про что и, хотя черезъ нѣсколько дней сняли арестъ, но дѣло уже было сдѣлано. Если смѣютъ налагать, безъ всякихъ законныхъ основаній, арестъ на имущество и дѣлать обыски, то послѣ, пожалуй, осмѣлятся идти и подальше. Не лучше-ли, пока можно, удрать по-добру по-здорову съ опаснаго мѣста? Вѣдь почти что Сибирь, а въ Сибири и сѣченье розгами и плетьми еще не уничтожено. Оскорбленный и отчасти напуганный Любимовъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и не сдавался ни на какія просьбы и увѣщанія, но однакоже пермскде общественное мнѣніе оказалося на столько сильнымъ, что и характерный человѣкъ не выдержалъ его давленія. По почину гласныхъ и съ согласія и одобренія многихъ лицъ городского общества, составленъ былъ адресъ И. И. Любимову. Упомянувъ о заслугахъ отца Любимовыхъ и его сына, подписавшіе адресъ, какъ представители городского общества, просили городского голову не покидать поста, значеніе котораго онъ поддерживаетъ съ такимъ достоинствомъ. Адресъ ходитъ теперь по рукамъ въ копіяхъ; онъ составленъ въ чрезвычайно теплыхъ выраженіяхъ. Эти заявленія сочувствія тронули г. Любимова, и онъ взялъ назадъ свою просьбу объ увольненіи.

Въ самое короткое время уже три случая! Вполнѣ было-бы и ихъ достаточно, но въ будущемъ ихъ слѣдуетъ ждать цѣлыми дюжинами, потому что у новаго, еще неустановившагося учрежденія враговъ пропасть, а друзей покуда нѣтъ, или очень мало. Сами гг. гласные, какъ видно, еще не понимаютъ своихъ ролей и предпочитають, по русскому обычаю, сидѣть дома въ то время, когда въ Думѣ происходятъ выборы, или рѣшаются важные вопросы. Число гласныхъ на выборахъ и въ столицахъ было ничтожное, а о провинціяхъ не стоитъ и говорить. Въ Казани, напр., въ концѣ прошлаго года было назначено засѣ

давнѣ Думы по чрезвычайно важному мѣстному вопросу: объ устройствѣ канала отъ Волги къ городу, но это засѣданіе, однако-же, *не состоялось за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ*,—фраза, очень хорошо уже намъ извѣстная! «*Будемъ надеяться*»—пишетъ корреспондентъ камско-волжской газеты,—что это не есть признакъ равнодушія со стороны неявившихся гласныхъ къ интересамъ города, а простая случайность... Но во всякомъ случаѣ, нельзя не сожалѣть и нельзя не удивляться, что такая странная *случайность* (которая, судя по наличному въ Казани числу гласныхъ—могла-бы и не быть)—выпала на долю именно послѣдняго засѣданія. Можно смѣло сказать, что со времени существованія Думы въ Казани—никогда еще не представлялось ея обсужденію болѣе важнаго, капитальнаго, многообъясняющаго вопроса, какъ вопросъ о каналѣ и бухтѣ. Значительная масса публики, собравшейся въ залу Думы послушать пренія по этому дѣлу, ясно показываеъ, что подлежащій обсужденію вопросъ живо интересуеъ мѣстное общество. Не странно-ли, что число постороннихъ посѣтителей, жалавшихъ только слышать обсуждения безъ надежды вліять на успѣхъ дѣла—было гораздо значительнѣе, чѣмъ число гласныхъ, *обязанныхъ* являться въ засѣданіе и, по большей части, преимущественно заинтересованныхъ въ дѣлѣ? Публика въ высшей степени терпѣливо и настойчиво ожидала открытія засѣданія болѣе часу—но все напрасно!

«Если-бъ вопросъ, предстоящій обсужденію Думы, не былъ такъ важенъ, по всей вѣроятности, ни у публики, ни у собравшихся гласныхъ не достало-бы терпѣнія для столь продолжительнаго ожиданія; но во всякомъ случаѣ напрасныя ожиданія совершенно устранились-бы, если-бъ каждый гласный, которому почему-бы-то ни было нельзя явиться въ засѣданіе, считалъ своимъ долгомъ прислать объ этомъ письменное извѣщеніе. Не явиться въ засѣданіе и не потрудиться извѣстить о томъ, что не можетъ быть, заставивъ такимъ образомъ нѣсколько десятковъ человекъ ждать себя понапрасну—это, по меньшей мѣрѣ, крайняя степень не деликатности и непониманія приличій».

Надѣяться можно сколько кому угодно и упрекать лѣнливыхъ гласныхъ «въ крайней не деликатности и непониманіи приличій» то-же не возбраняется, но едва-ли и то и другое поведетъ къ чемунибудь путному, потому что во многихъ городахъ назначены уже штрафы за неявку—и все таки толку нѣтъ. Херсонская Дума давно уже назначила штрафы, но мѣра эта, какъ оказывается, не привела къ желаемымъ результатамъ. По словамъ корреспондента «Одесск. Вѣстн.» въ Херсонскую думу, и послѣ назначенія штрафовъ, иногда собирается только 24 гласныхъ, и то приходится ожидать ихъ съ 10 часовъ утра до часу по полудни, а иногда всѣ ожиданія явившихся гласныхъ оказываются напрасными, такъ какъ часто и до 2 часовъ не

является законное число гласныхъ. Еще не было ни одного засѣданія, въ которое явилась бы, по крайней мѣрѣ, половина всего числа 72 гласныхъ. Есть гласные, которые со дня ихъ выбора ни разу не появлялись въ думѣ.

Такимъ образомъ ни штрафы, ни особня приглашенія думы не привлекаютъ гласныхъ въ засѣданія для разрѣшенія городскихъ дѣлъ—какъ-бы дѣла эти вовсе не касались ихъ интересовъ и благосостоянія. Такъ, напримѣръ, 1 іюня, засѣданіе думы было закрыто въ 3 1/2 часа, потому что къ этому времени собралось только 24 гласныхъ, которые и согласились подписать лишь вчерашній журналъ. Между тѣмъ на очереди стоятъ такіе насущные вопросы, какъ составленіе санитарныхъ правилъ и вопросъ о добываніи хорошей и чистой воды. Вопросы эти неотложны, въ виду проявленія признаковъ холеры; но гласные думы и въ виду этой крайности думу не посѣщаютъ, и дѣла, не терпящія отлагательства, откладываются въ долгій ящикъ.

Въ Одессѣ тоже давно уже собираются штрафы за «непрібытіе», а между тѣмъ, то и дѣло, засѣданія общей думы не могутъ состояться за безлюдьемъ. Въ короткое время (см. «Одесск. Вѣст.») два уже засѣданія не состоялись и, надо полагать, что штрафная сумма достигла почтенной цифры, если принять во вниманіе, что и въ состоявшихся собраніяхъ изъ 70 гласныхъ является только 35—40. Интересно въ самомъ дѣлѣ знать—какая сумма собрана уже изъ штрафныхъ взносовъ? *Или быть можетъ штрафы существуютъ только на бумагѣ?* А между тѣмъ, по самому скромному разсчету, *штрафныхъ денегъ должно бы быть собрано болѣе 1000 р. за послѣдніе мѣсяцы; пора бы придумать полезное имъ назначеніе—хотя бы, напримѣръ, на составленіе фонда для устройства ремесленного училища: «право, нашему городскому управленію пора бы подумать объ устройствѣ подобнаго училища».*

Штрафы, какъ видите, рѣшительно не достигаютъ цѣли: гласные платятъ штрафъ, а въ Думу все-таки не ѣдутъ, а собранные штрафы куда-то пропадаютъ. Если бы не пропадали, а дѣйствительно употреблялись на устройство училищъ, то можно было-бы, по крайней мѣрѣ, разсчитывать, что просвѣщеніе въ Россіи распространялось-бы очень быстро—тогда-бы, вмѣсто вреда, вышла польза. Тогда-бы, въ иныхъ городахъ, можно бы даже пожелать, чтобы гласные почаще манкировали, потому что отъ ихъ акуратности пользы тоже немного. Такъ напр., годъ тому назадъ (см. «Владимірск. Губ. Вѣд.») въ засѣданіе Муромской Думы прибыли: город. голова П. С. Зворыкинъ и 29 гласныхъ. По открытіи засѣданія былъ прочитанъ и утвержденъ подписомъ журналъ предшествовавшаго засѣданія; «а за тѣмъ городской голова, за неимѣніемъ къ обсужденію дѣлъ, объявилъ собраніе закрытымъ; потому постановлено: о семъ составить журналъ, копію съ котораго представить г. начальнику губерніи».

Не трудно разсчитать, что, еслибы, вмѣсто этого бесполезнаго сидѣнья, съ 29-ти гласныхъ и головы собрали по рублю штрафа (всего 30 рублей) и употребили ихъ, напримѣръ, на покупку книгъ для какого-нибудь сельскаго училища, то пользы было-бы больше.

И такъ, мы видимъ, что друзей у новыхъ городскихъ учреждений не отыскивается даже между самими гласными, которые какъ будто и не нуждаются ни въ какихъ думахъ, а во врагахъ недостатка нѣтъ, даже между такими лицами, которые должны-бы быть имъ надежными помощниками.

При старомъ городскомъ управленіи, городскія думы и ихъ головы были въ полнѣйшей зависимости отъ мѣстной администраціи. Самъ голова какъ огня трюсилъ и губернатора и полиціймейстера и даже каждаго частнаго пристава и, если могъ разсчитывать на чье-нибудь содѣйствіе, на чью-нибудь помощь, то единственно потому только, что при всякихъ столкновеніяхъ со властями, строго придерживался извѣстной поговорки: «сухая ложка ротъ дереть».

Новые головы, забравши себѣ въ головы, что они поставлены теперь выше и самостоятельнѣе, чѣмъ старые, вздумали кое-гдѣ сократить лишніе городскіе расходы. Они, почему-то, воображали себѣ, что теперь ужъ сухая ложка ротъ не дереть — и, разумѣется, жестоко ошиблись въ расчетахъ, потому что старинная поговорка, и при новыхъ порядкахъ, вполнѣ сохранила свою силу. Мы уже видѣли, чѣмъ кончилась несчастная попытка пермскаго головы сократить излишніи издержки. Можемъ догадываться, что причина рязанскаго происшествія та же самая. Мы видимъ, наконецъ, что печальныхъ столкновеній не случилось еще ни въ одномъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ, какъ въ Одессѣ напримѣръ, въ Моршанскѣ, въ Елизаветградѣ и проч. вѣруютъ въ силу стариннаго, но далеко не отжившаго еще принципа: «сухая ложка ротъ дереть».

Одесса у насъ считается городомъ почти европейскимъ, населеннымъ на половину иностранцами, а между тѣмъ, по какой-то странной случайности, въ ней больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь чисто-русскомъ городѣ, примѣняется къ дѣлу эта старинная поговорка. Читатель, вѣроятно, еще не забылъ исторію о пропажѣ иконы косперовской Божьей матери, за отысканіе которой дума обѣщала полиціи подарить три тысячи рублей — и образъ былъ отысканъ, хотя и съ ободранной ризою. Нашлись и въ одесской думѣ такіе гласные, которые не соглашались на отпускъ крупной суммы, необходимой, будто бы, для смазки скрипучихъ административныхъ колесъ. Одинъ изъ гласныхъ прямо заявилъ, что мѣра эта опасна, несвоевременна и несоотвѣтствуетъ дѣлу. Городская дума, по его словамъ, сочувствуетъ и вполнѣ сожалѣетъ, но назначать премію нельзя; полиція получаетъ средства отъ города, она обязана, она должна найти — это ея прямая обязанность; если она не имѣетъ денежныхъ

средствъ, то она должна ходатайствовать, пусть она укажетъ что ей надо. Средства полиціи вообще недостаточны; но мы уже вторично ихъ увеличили, но полиція не говоритъ, что и онѣ недостаточны. Общая дума завѣдуетъ хозяйственными дѣлами, поэтому такія назначенія, безъ ходатайства, она не должна дѣлать; *завтра убьютъ челоѣвка, и потребуютъ новой суммы*. Эти преміи поведутъ къ злоупотребленіямъ; если средства недостаточны, не надо указывать на такой случай...

Но, не смотря на такія вѣскія возраженія, три тысячи «благодарности» все-таки назначили, да на одномъ этомъ еще и не остановились. Новый одесскій полиціймейстеръ заявлялъ думѣ о необходимости выписать изъ Петербурга сто челоѣвкъ гвардейскихъ солдатъ для усиленія мѣстной полиціи, потребовалъ на ихъ выписку полторы тысячи рублей—и деньги немедленно были выданы, хотя и не безъ возраженій со стороны нѣкоторыхъ гласныхъ. Говорили, что едвали эта мѣра приведетъ къ практическимъ результатамъ, что общество Пароходства и Торговли, при посредствѣ особо посланнаго лица, наняло (по контрактамъ, засвидѣтельствованнымъ у нотариусовъ) до 600 челоѣвкъ, между тѣмъ матросы эти, прибывъ въ Одессу, забравъ деньги впередъ, разошлись и общество осталось въ убыткѣ; говорить, что оно потеряло до 10,000 р., а изъ 600 матросовъ осталось не болѣе 80 чел... Обращалось также вниманіе на то, что заѣзжіе гвардейцы не знакомы съ мѣстными условіями.

Оказалось послѣ именно все такъ, какъ было говорено. Заѣзжіе, выписанные гвардейцы — мало того, что были незнакомы съ мѣстными условіями, но оказались даже не гвардейцами, а такъ, какимъ-то уличнымъ сбродомъ, который, ознакомившись съ мѣстными одесскими каменоломнями, самъ принялся грабить мѣстныхъ жителей. Грабежи въ Одессѣ, нельзя сказать, чтобы прекратились или уменьшились, но за то *расходы по содержанию общественнаго управленія доходятъ до цифры 125,700* (а въ росписи въ одномъ отдѣлѣ она доходитъ до 84,000 руб.); расходъ по содержанію полиціи и пожарной команды—172.244 р.

Кромѣ того, для облегченія полиціи, придуманы еще особенныя *артели ночныхъ сторожей*, которыхъ, по расчету, требуется до 400 челоѣвкъ. «Если допустить — говорится въ докладѣ комисіи, избранной общей думой—что сторожъ будетъ получать отъ 180 до 200 р. жалованья, то имъ всѣмъ надобно платить отъ 60 и до 80 т. р., каковую сумму, по мнѣнію комисіи, домовладѣльцы должны внести въ распорядительную думу по расчету оценочной стоимости домовъ. Домовладѣльцы, кромѣ того, что будутъ этимъ ограждены отъ покушающихся на ихъ собственность, но и не будутъ нанимать отдѣльных ночныхъ сторожей, *что доставитъ имъ сбереженіе*. (Любопытно было-бы знать, какъ велико окажется это сбереженіе у тѣхъ изъ экономныхъ домовладѣльцевъ, которые сами и двери и ворота запираютъ и сами, около своихъ домовъ, въ ночное время, со-

бакой лютъ?) Начальника артели ночныхъ сторожей избираетъ обща дума и опредѣляетъ ему денежное вознагражденіе за трудъ.

Освобожденныя щедрыми и любезными одесскими гласными-домовладѣльцами почти отъ половины своихъ многотрудныхъ обязанностей, полиціймейстеръ рѣшилъ и съ своей стороны сдѣлать кое-какія облегченія гг. домовладѣльцамъ. Годъ тому назадъ, въ зданіи центрального полицейскаго управленія было первое засѣданіе комисіи по нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся введенія въ Одессѣ адресной системы. Комисіа состояла подъ *предсѣдательствомъ полиціймейстера, полковника Антонова*, изъ гласныхъ думы гг. Вассала, Галагана, Дунина, Пашкова и Полякова. Во время засѣданія находились помощникъ полиціймейстера, пристава, секретарь и завѣдывающій адреснымъ столомъ, какъ лица, для которыхъ необходимо было знать результатъ засѣданія, такъ-какъ имъ предстоитъ вращаться въ сферѣ адресныхъ дѣйствій. (См. «Вѣдомости одесскаго градоначальства»).

На очереди былъ поставленъ первый вопросъ о томъ: *не можетъ ли полиція, вмѣсто домовладѣльцевъ, вести адресныя книги и листки*. Вопросъ этотъ былъ исходнымъ пунктомъ слѣдующихъ воззрѣній членовъ комисіи на адресное дѣло: домовладѣльцу гораздо труднѣе, чѣмъ полицейскому чиновнику получить всякое удовлетвореніе отъ квартиранта по истребованію документовъ и написанію адресныхъ листовъ; домовладѣлецъ отвѣтственъ, по закону, за несвоевременное или неправильное сообщеніе полиціи о прибывшемъ или выбывшемъ изъ его дома, тогда какъ ему физически невозможно заниматься этимъ, потому что онъ нерѣдко живетъ въ сторонѣ отъ своего дома; положиться же на управляющаго домомъ—безполезно, такъ-какъ это обстоятельство все-таки не исключаетъ отвѣтственности и хлопотъ владѣльца дома; каждому домовладѣльцу нѣтъ возможности знать на столько адресное дѣло, чтобы не впадать въ ошибки. Полиція же, *если ей будутъ даны средства*, можетъ стать внѣ всякихъ упущеній, чѣмъ принесетъ дѣлу пользу; для полиціи еще потому гораздо удобнѣе самой вести весь адресный механизмъ въ городѣ, что въ этомъ былъ бы значительный выигрышъ во времени, достигалась бы съ одной стороны цѣль учрежденія адреснаго стола, т. е. точность справокъ и невозможность проскользнуть кому либо помимо адресной переписки, а съ другой стороны устанавлилась бы весьма выгодный въ служебныхъ интересахъ полиціи надзоръ, при которомъ бы она не только знала въ лицо всѣхъ и каждого проживающихъ въ Одессѣ, но, имѣя право всегдѣшняго входа къ нему въ квартиру, знала бы родъ его занятій, образъ жизни, знакомства, словомъ всю подноготную. Для приведенія въ исполненіе указанной задачи думѣ должна отпустить ежегодно въ распоряженіе полиціймейстера опредѣленную сумму денегъ, на которую нанимать околдочныхъ

надзирателей. Каждому надзирателю ввѣряется то или другое число домовъ, за исправность веденія для которыхъ адресныхъ книгъ и листовъ и за точныя свѣдѣнія онъ всецѣло отвѣчаетъ. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, комиссія признала возможнымъ передать въ распоряженіе полиціи веденіе адресныхъ книгъ и листовъ для тѣхъ домовъ, владѣльцы коихъ этого пожелаютъ. Нежелающіе могутъ вести сами».

Встрѣилось, впрочемъ, маленькое затрудненіе: *«если допустить, что возможна полная ответственность полиціи вмѣсто домовладѣльца, то, обязательно ли будетъ такое условіе для третьяго лица, положимъ для квартиранта, еслибъ онъ почему либо имѣлъ причины предъявить на домовладѣльца искъ по какимъ либо адреснымъ вопросамъ; съ какой стати онъ, если не жемлетъ, будетъ поставленъ въ необходимость вѣдаться съ полиціей, и признаетъ ли за полиціей это право ответственности судъ? Наконецъ, возможно ли полиціи явиться вдругъ участницею дѣла, взыскательницею по нему и отвѣтчицею? Въ заключеніе всего, кто же будетъ карать за неисправность сломе полицію?»*

Затрудненіе, какъ видите, даже и не маленькое. Домовладѣльцевъ за неисправность «караетъ» полиція. Теперь, по новому проекту, роль домовладѣльцевъ принимаетъ на себя полиція, слѣдовательно, въ случаѣ неисправности, полиція принуждена будетъ карать полицію-же, т. е. себя. Приходилось придумывать цѣлую сложную систему самобичеванія, предстояла работа чрезвычайно тяжелая, но находчивый предсѣдатель, т.-е. полиціймейстеръ, опять всѣхъ выручилъ изъ бѣды. «Коль скоро полиція всецѣло принимаетъ на себя обязанности домовладѣльца,—порѣшилъ предсѣдатель,—то, понятно, что она должна и отвѣчать за свои дѣйствія, но какъ и передъ кѣмъ отвѣчать—рѣшилъ преждевременно. Во всякомъ случаѣ преждевременно было бы касаться въ этомъ случаѣ измѣненія закона; да и касаться то его комиссія не имѣетъ права. Если же это право предоставлено обществу или думѣ, то пусть они входятъ о томъ какъ и куда слѣдуетъ. До того же времени разработку юридической стороны вопроса оставить въ сторонѣ; она возможна къ обсужденію только тогда, когда комиссія исполнитъ свою задачу—облегченіе труда домовладѣльцевъ во всякъ смущаяхъ соприкосновенія съ адреснымъ дѣломъ.»

Всѣмъ членамъ очень понравилось это мудрое предложеніе—оставить въ сторонѣ разрѣшеніе главнаго вопроса. Члены-домовладѣльцы охотно доставили полиціи возможность узнавать «всю подноготную» своихъ квартирантовъ, а въ подробности рѣшились не вмѣшиваться.

Члены пришли къ заключенію, что только сама полиція можетъ выяснитъ на сколько для нея собственно это возможно и удобно, а равно при какихъ условіяхъ она приметъ на себя эту обязанность.

«О подробностяхъ, о трудовой сторонѣ дѣла—замѣтилъ одинъ изъ членовъ, г. Пашковъ— и говоритъ нечего: это дѣло полиціи, и пусть она ведетъ его какъ знаетъ, т. е. пусть все вычеркнетъ изъ листа, хоть еще столько же прибавить.»

Словомъ, обѣ стороны остались вполне довольны обоюдными уступками и разошлись по домамъ безъ всякихъ пререканій, которыя, по мнѣнію нашихъ благонамѣренныхъ мыслителей, мѣшаютъ нашему самоуправленію запустить поглубже свои корни въ воздѣланную для него почву.

Изъ городовъ Россійской Имперіи Одесса всѣхъ любезнѣе и предупредительнѣе относится къ своей мѣстной администраціи, потому что Одесса — городъ богатый, торговый, населенный, притомъ-же, почти на половину евреями, которые никогда не отказываются безобидно для себя подѣлиться барышами съ нужнымъ человѣкомъ. Другимъ городамъ далеко до Одессы, но однако-же и они очень хорошо знаютъ и понимаютъ, что сухая ложка ротъ дереть. Въ торговомъ городѣ Моршанскѣ — по словамъ мѣстнаго корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей» — городское общество конкурируетъ съ страховыми обществами въ выдачѣ наградъ своему счастливому полиціймейстеру за тушеніе пожаровъ, а полиціймейстеръ награды беретъ охотно, но пожары тушить очень неохотно. Корреспондентъ жалуетса, что эти случаи рѣдко ограничиваются двумя, тремя домами; но ежели пожаръ начался, то уже горитъ цѣлый кварталъ или, по крайней-мѣрѣ, половина его. Случай, чтобы пожаръ ограничивался однимъ домомъ, до того рѣдки, что изумляютъ не только жителей, но даже агентовъ страховыхъ обществъ. Это доходитъ до того, что недавно, когда во время случившагося пожара *сгорѣлъ одинъ только деревянный домъ, то мѣстный полиціймейстеръ, по ходатайству агента страхового общества, изумленнаго такимъ благополучнымъ исходомъ, получилъ отъ общества въ награду брилліантовый перстень* За другой прежде бывшій пожаръ, *жертвою котораго было полквартила, тотъ-же полиціймейстеръ получилъ отъ Общества, по ходатайству того же агента, награду денежную.*

Если денежная награда за «полквартила» превышала цѣнность перстня, то, очень понятно, что съ особеннымъ усердіемъ прекращать пожары даже и не выгодно, не говоря уже ни слова о тѣхъ жалкихъ средствахъ, какими снабжены наши уѣздные и даже губернскіе города въ этомъ отношеніи. Чтобы получить какое-нибудь понятіе объ этихъ «средствахъ», приведемъ здѣсь рассказъ одного Сольвычегодскаго гражданина — корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей».

На четвертый день пасхи — повѣствуетъ сольвычегодскій гражданинъ — утромъ, часовъ въ 9 загорѣлось въ домѣ одной мѣщанки; сейчасъ же послышался набатъ, и сбѣжавшіеся обыватели погасили пожаръ, какъ говорится, своими руками. Когда толпа стала расходиться, глазамъ всѣхъ предстала пожарная

команда въ видѣ пожарной трубы съ одною лошадей, влекомомъ подъ уздцы крестьяниномъ-пожарнымъ, и другого крестьянина, тоже пожарнаго, идущаго въ одной рубахѣ, босаго и держащаго на плечѣ брантъ-стволь отъ трубы; вся эта процессія шла медленнымъ шагомъ, и участвующіе въ ней были, кромѣ лошади, сильно пьяны. Такая дѣятельность пожарной команды иныхъ размѣшила, а иныхъ, кто близко жилъ къ загорѣвшему дому, сильно раздражала; такъ, одинъ изъ мѣстныхъ аристократовъ собственноручно побилъ и безъ того ступѣвшую физиономію пожарнаго, а другой, тоже аристократъ, далъ тому же злосчастному пожарному двѣ плюхи; и въ заключеніе приказано было отправить его въ мѣстный «слоповникъ».

Впрочемъ, стоитъ ли упоминать о какомъ нибудь несчастномъ Сольвычегодскѣ, въ которомъ усердіе пожарныхъ поощряется пощечинами, если даже въ такомъ городѣ, какъ Нижній, съ его богатѣйшей ярмаркой, пожарную команду, въ крайнихъ случаяхъ, выписываютъ изъ Москвы. Читатели, вѣроятно, еще не позабыли трогательной телеграммы предсѣдателя ярмарочнаго комитета, Шипова, отправленной имъ въ столичный городъ Москву, къ князю Владиміру Андреевичу въ благодарность за присланныя изъ Москвы пожарныя вишки. «Родная матушка Москва!—телеграфировалъ испугавшійся Шиповъ.—«Пособила ты намъ встревоженнымъ и утомленнымъ: кончились наши тревоги, такъ близкія твоему сердцу! Передай, матушка, нашъ низкій поклонъ князю Владиміру Андреевичу. Родныя попеченія о насъ въ настоящей тревогѣ залогъ вѣрныхъ надеждъ, что не будемъ забыты въ будущемъ, въ случаѣ подобной могущей быть невзгоды».

Разсказывали, что нижегородское общество прочитало эту телеграмму своего представителя «съ негодованіемъ», хотя «негодованіе» на Шипова вовсе не было такимъ серьезнымъ, какъ сгоряча передавали корреспонденты. Черезъ нѣсколько дней послѣ страшнаго пожара, Шипова вновь выбрали предсѣдателемъ комитета, слѣдовательно признали его вполне способнымъ распоряжаться ярмаркой, которая чуть-было вся дошла не выгорѣла, въ ужасу мелкихъ торговцевъ и къ благополучію дюжины крупныхъ тузовъ нашего торговаго міра. Крупные коммерсанты, какъ сказочные фениксы, и изъ пепла ухитряются выходить съ обновленными силами и такихъ фениксовъ у насъ, послѣ Нижегородскаго пожара, появилось не мало. Немедленно послѣ пожара, газеты наши начали наполняться огромнымъ количествомъ свѣдѣній о торговой несостоятельности даже такихъ капиталистовъ, у которыхъ на ярмаркѣ ровно ничего не сгорѣло, а у кого сгорѣло на тысячу рублей какой нибудь рогами, тотъ прибавлялъ къ этой рогажѣ еще тысячъ на сто сафьянной кожи, мыла и салныхъ свѣчекъ. «Первою новостью, интересующею торговый міръ—писали послѣ пожара въ Камско-волжскую газету—могутъ считаться слухи, ходящіе въ ярмаркѣ о несостоя-

тельности одного извѣстнѣйшаго торговца мануфактурными товарами, торговля котораго производится въ Саратовѣ. Говорятъ, что цифра долговъ этого почтеннаго коммерсанта приближается къ миллиону рублей. Надо сказать, что вообще всё подобныя казусы у насъ выплываютъ наружу лишь около 25 августа, когда производятся платежи денегъ по разнымъ обязательствамъ. Есть слухи, что «городъ Уфа платить не будетъ» (ходячая фраза на ярмаркѣ), потому что у «города Уфы» сгорѣло товаровъ почти на два миллиона.

На сколько было правды въ слухахъ объ убыткахъ «города Уфы» — удостовѣриться въ этомъ не представлялось никакой возможности; но за то всё вѣрили, что «городъ Уфа» платить не будетъ». Отсюда — негодование нѣкоторыхъ и, какъ результатъ пожара — вторичный выборъ г. Шипова въ председатели, какъ человека, на котораго въ затруднительныхъ обстоятельствахъ положиться можно вполне.

Многіе еще и до сей поры твердо убѣждены въ томъ, что всё крупныя общественныя бѣдствія (напримѣръ пожары, наводненія и т. п.) приносятъ прямую выгоду только уличнымъ ворамъ, да мазурикамъ, которые умѣютъ извлекать выгоды изъ всякой суматохи; но теперь уже болѣе и болѣе становится яснымъ, что львиная доля добычи въ этихъ суматохахъ достается вовсе не уличнымъ жуликамъ и мазурикамъ, а крупнымъ аферистамъ: большимъ кораблямъ большое и плаванье. Торговая, промышленная, и всякая другая статистика у насъ никогда особенно-то не благоденствовала; не улучшается она и при новомъ земскомъ и городскомъ управленіи, да едва-ли есть какая нибудь надежда на ея улучшеніе при нашемъ безграничномъ доверіи къ избраннымъ нами дѣятелямъ, потому что въ мутной водѣ рыбу ловить несравненно удобнѣе, чѣмъ въ прозрачной. Послѣ ярмарачнаго пожара всё начали соображать, на сколько рублей погорѣло товара, и никто сообразить, разумѣется, не могъ, потому что никто не знаетъ даже и того, на сколько приблизительно привозится товаровъ на ярмарку. Иной говорить — на сто миллионѣвъ, другой — на двѣсти, третій — на полтора, а иная личность «спорить голосиста», кричитъ: нѣтъ, «триста, триста!» По словамъ нижегородскихъ знатоковъ, убытки отъ тамошнихъ пожаровъ по сіе время еще не исчислены и *«врядъ-ли приведутся когда нибудь въ извѣстность»*, потому-то и получилась возможность нѣкоторымъ ловкимъ аферистамъ сослаться на сгорѣвшія будто-бы у нихъ рогожи и мочала, тогда какъ и рогожи и мочала сохранились у нихъ въ цѣлости въ такихъ мѣстахъ, откуда не видно было даже зарева.

Независть къ статистикѣ обнаружилась и въ новомъ городскомъ управленіи, которое до сей поры еще никакъ не можетъ узнать сколько доходовъ съ какой статьи собирается. Въ Одессѣ, напр. существуетъ полувопечный сборъ съ отпусенныхъ товаровъ, а такъ какъ Одесса отпускаетъ за границу товаровъ на

милліоны рублей, то многимъ изъ гражданъ этого города захотѣлось узнать, какъ великъ этотъ полуконечный сборъ, по которому очень было-бы удобно судить о размѣрахъ годовой отпускной торговли. «Къ сожалѣнію—пишетъ мѣстный корреспондентъ «Новоросс. телегр.»—въ этомъ важномъ дѣлѣ статистика даже не хромаетъ,—ее вовсе нѣтъ; свѣдѣній этихъ не имѣютъ даже городскіе представители наши, гласные общей думы, и послѣ этого невольнаго рождается вопросъ: *идь же отчетность?* Въ одномъ изъ засѣданій общей думы, гласный спросилъ одного члена хозяйственно-строительнаго отдѣленія—великъ ли мостовой капиталъ. На это членъ-гласный отвѣтилъ: «сколько мнѣ извѣстно, около 6 т. р.» *Странно, что гласный задавалъ такой вопросъ, странно, что и членъ не далъ точнаго отвѣта; странно, что и др. гласные не могли дать свѣдѣній; но еще страннѣе, что до сего времени неизвѣстно, какъ великъ полуконечный сборъ прошилаю юда и долго ли эта статья городского сбора будетъ пребывать въ такой неизвѣстности.* Въ одномъ изъ засѣданій общей думы было заявлено, что изъ мостоваго капитала отпущено заимообразно городу 540,000 р. Бюджетная коммисія должна-бы была подтвердить этотъ фактъ, но та также ссылается на слова гласнаго, заявившаго въ думѣ о такомъ займѣ. Между тѣмъ такой заимообразъ представляетъ дѣло далеко не къ томъ свѣтѣ, какъ его выставляютъ. Подрядчику Починскому заплатили всѣ слѣдующія деньги, городу заняли 540,000 р., около 6 т. р. находилось въ кассѣ 1 января 1872 г. Какъ-же великъ былъ весь мостовой капиталъ?

Мудрено-ли, что при такой небрежности ничѣмъ еще хорошимъ не зарекомендовавшаго себя новаго городского управленія, со всѣхъ сторонъ посыпались на него упреки—и со стороны малочисленныхъ оптимистовъ друзей, и со стороны песимистовъ-враговъ, которымъ нѣтъ числа. Калужскіе граждане, ожидавшіе городского положенія, какъ благодати, теперь уже успѣли вполне разочароваться и прямо уже заявляютъ, что нововведеніе это принесло городу *только мимную статью расхода на содержаніе членозъ управы и друиизъ мизъ городского вѣдомства, не сообщивъ городскому хозяйству роизно никакизъ улучшеній.* Въ прежнее время, когда думы руководствовались городскимъ уставомъ 1857 года, многіе ссылались на невозможность правильнаго веденія дѣлъ городского хозяйства вслѣдствіе формалистичности, стѣснявшей дѣйствія думы; въ настоящую минуту формалистична эта вмѣстѣ съ старымъ порядкомъ вещей исчезла совершенно, уступивъ мѣсто такой полнѣйшей неурядицѣ, которая въ состояніи заставить искренно пожалѣть даже и о прежнихъ, казалось бы, столь стѣснительныхъ порядкахъ. (См. «Русск. Вѣд»).

Мы очень хорошо понимаемъ, что гг. корреспондентамъ «искренно сожалѣющимъ о прежнихъ порядкахъ» не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться, такъ какъ между ними часто

непадаютъ оставшіеся за нѣтатомъ чиновники «прежнего» управления. Мы знаемъ, напр. что гг. уѣздные исправники, едвали нѣкоторые дѣла только что откормившися земскимъ управленіемъ, на другой-же день послѣ сдачи дѣлъ, начали вдругъ относиться очень строго къ недостаткамъ, замѣченнымъ ими на мостахъ и земскихъ дорогахъ, тогда какъ до этого они вѣдали лѣтъ по десяти, по пятнадцати по севернѣйшимъ дорогамъ и мостамъ, не замѣчая, что они очень не хороши. Вѣрнѣе на слово гг. корреспондентамъ, разумеется, не сабдуется, не, съ другой стороны, нельзя-же имъ и не вѣрнѣе, если они «представляютъ» вамъ такіе, напр., факты: «наша дума, смѣю сказать, *пропитана налогами*—пишетъ валужскій корреспондентъ «Совр. Извѣстій». Въ короткое время своего существованія она успѣла уже увеличить сборъ съ извозчиковъ, прибавила андѣзю съ трактирщиковъ, возмисла цѣну за землю, придумала было обложить податью квартирантовъ и наконецъ рѣшилась установить повсемельный сборъ со всѣхъ владѣльцевъ».

Не мѣшаетъ замѣтить, что повсемельный городской сборъ (1¹⁰/₀ съ рубля) существовалъ когда-то и при старыхъ порядкахъ, но по бѣдности горожанъ, онъ сначала уменьшенъ былъ на половину, а потомъ и вовсе уничтоженъ, да и городъ, по его бѣдности, перечисленъ изъ второго въ третій разрядъ. Теперь новая дума опять ухватила за старинные, уже уничтоженные налоги, потому что старыхъ доходовъ не хватало на новыя нужды. «Странно право—замѣчаетъ корреспондентъ—что прежде, при существованіи тѣхъ же статей расхода, доставало доходовъ, а теперь не достаетъ. Допустимъ, что явилась одна крупная цифра расхода—на содержаніе служащихъ лицъ по городскимъ выборамъ (до 9 т. р.), но вѣдь надо же видѣть и то, что цифра принятыхъ уже думою налоговъ превышаетъ этотъ собственно расходъ и безъ повсемельнаго сбора. Затѣмъ же обращать жителей и еще новыми налогами? Не лучше ли сократить число служащихъ по выборамъ, уменьшить разсѣръ жалованья, или даже вовсе прекратить выдачу, если действительно недостаетъ доходовъ, какъ это и было разъяснено въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1872 г. Неужели собственно для однихъ увеличеній жалованья, возможно производить налоги?»

Корреспондентъ сомнѣвается, чтобы возможно было придумывать новыя налоги единственно для увеличенія жалованья служащимъ чиновникамъ, но въ этомъ сомнѣваться невозможно, имѣя готовые факты подъ руками. Къ нашему общему несчастію, и думскіе и земскіе чиновники только, кажется, тѣмъ и заняты, чтобы открыть новыя источники налоговъ для увеличенія своего жалованья, которое нынче сдѣлалось вдвое и втрое больше прежняго. Потребности чиновниковъ годъ отъ году все увеличиваются да увеличиваются, а плательщики, кажется, заплестили все ужъ что могли, и съ горя начинаютъ пить горькую: не

даромъ у насъ въ послѣднее время появилось такъ много разныхъ комиссій для обсужденія вопроса о народномъ пьянствѣ. Жалобы на дороговизну содержанія новаго «городскаго начальства» слышатся рѣшительно со всѣхъ сторонъ: и изъ столицы, и изъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, даже изъ самыхъ отдаленныхъ, изъ Сибирскихъ, напр., хотя одно слово «Сибирь» невольно наводитъ на мысль о какихъ-то неистощимыхъ богатствахъ и возобновляетъ въ памяти тяжелыя Державинскія вѣрши: «Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами, рассыпала по нимъ и золото и серебро...» и т. д. Дѣйствительно, въ Сибири и «злата и серебра» не мало; но населенію сибирскихъ городовъ отъ изобилія злата и серебра—ни тепло, ни холодно, скорѣе даже холодно, чѣмъ тепло, какъ тѣмъ каторжнымъ работникамъ, которые извлекаютъ золото и серебро изъ рудниковъ. Лѣтъ десять тому назадъ въ городѣ Тюмени одинъ изъ мѣстныхъ богачей, Подаруевъ (отецъ нынѣшняго головы) устроилъ водопроводъ, который вмѣсто ожидаемой пользы, повергъ тюменскихъ гражданъ въ полное отчаяніе. Водопроводъ устроенъ на деньги, собранныя по подпискѣ, но, такъ какъ Подаруевъ былъ головой, то его до сей поры считали и творцомъ водопровода, никуда, впрочемъ, негоднаго. Водопроводъ не былъ въ силахъ снабдить водою и третью небольшую города, а потомъ совершенно испортился, развалился, передавъ въ собственность города, который только изъ деликатности принялъ это негодное, разорительное наслѣдство. При нынѣшнемъ главѣ опять собрано на устройство и содержаніе разваливашагося водопровода отъ г. Паллевскаго до 12,000 р. и другихъ лицъ отъ 6,500 до 8,000 р.; между тѣмъ во всемъ значится хозяиномъ этого дѣла одинъ г. Подаруевъ. Онъ самъ на свое имя заключалъ съ подрядчиками контракты; онъ вездѣ былъ на первомъ планѣ; онъ собиралъ по подпискѣ деньги, распоряжался во всемъ по своему усмотрѣнію, не удостоивъ остальныхъ жертвователей даже простыми уведомленіемъ, куда и на что расходуются эти деньги. «Мы видимъ теперь этотъ несчастный водопроводъ, похожій на бочку Данаидъ, говорить тюменскій корреспондентъ «Русскаго Мира», г. Чукмалдинъ, у котораго мы заимствовали всѣ эти интересныя свѣдѣнія,—вотъ уже съ полгода не дающій въ водоемы воды, ежегодно поправляемый и до сихъ поръ непоправленный».

Такъ какъ бездонная бочка Данаидъ тѣмъ именно и отличается отъ обыкновенныхъ бочекъ, что въ ней вода не держится, то привелось изыскивать новые источники доходовъ. Составилась какая-то секретная комиссія, подъ предсѣдательствомъ головы, и придумала новый налогъ на нищихъ, которыхъ въ Тюмени не мало, но этого налога министръ не утвердилъ. Отыскивая новые источники доходовъ, комиссія заключила, что нужно обложить налогомъ преимущественно мѣстныхъ промышленниковъ и торговцевъ; поэтому рѣшила обложить: г.

Подаруева (перваго капиталиста въ Тюмени) въ 150 р. и въ pendant къ нему ремесленника г. Хохлова, едва владѣющаго въ 2,000 р., въ 150 р.; кожевенныхъ заводчиковъ: г. Коммогорова—въ 1,750 р., наследниковъ гг. Рѣшетниковыхъ—въ 1,500 р., И. Е. Рѣшетникова—въ 1,500 руб. и т. д. Когда это было на общественномъ собраніи прочитано, то г. Хохловъ, простой ремесленникъ, всталъ и сказалъ приблизительно слѣдующее: «Гг. члены бывшей комисіи! Неужели не грѣшно вамъ было меня, простаго ремесленника, у котораго отъ работы мозоли на рукахъ, подвергать одинаковому налогу съ г. Подаруевымъ, ведущимъ торговня дѣла на миллионы?»

Отъискались въ комисіи не совсѣмъ безгласныя гласныя, которые осмѣлились поддержать отчаяннаго мѣщанина и посовѣтовать г. Подаруеву сначала обложить налогомъ свои миллионы, а потомъ ужъ и нищенскую монну. Сибирскій голова оскорбился неожиданными противорѣчіями и поступилъ такъ, какъ въ данномъ случаѣ поступаютъ всѣ самолюбивые до самоурства головы, но только съ особеннымъ, чисто сибирскимъ отбѣнкомъ: г. Подаруевъ изъявилъ желаніе сложить съ себя должность городского головы и, оставивъ свое кресло, направился къ двери; но, *не получивъ ни отъ кого изъ общества выраженія просьбы продолжать служеніе, вернулся отъ дверей и занялъ свое мѣсто.*

Это ужъ совсѣмъ по сибирски, гдѣ мѣстные жители очень скоро прибрѣтаютъ особенный характеръ, невозможный даже у насъ, въ Россіи, очень богатой всяческими безобразіями: и въ Сибири, пожалуй, безобразія все тѣ-же, но только въ квадратъ. Про сибирскихъ дѣятелей и пѣсни сложены особенныя, въ родѣ, напр., такой:

«Какъ сибирскій генералъ

«Становаго обучалъ —

Ой съ малиной!

Ой съ малиной!

«По цѣпамъ его гунилъ,

«Таки рѣчи говорилъ: и т. д.»

Далѣе слѣдуютъ «рѣчи» сибирскаго генерала. Рѣчи эти такого свойства, что ихъ, по возможности, избѣгаютъ не-сибирскіе генералы, въ особенности при отправленіи служебныхъ обязанностей.

Мы имѣемъ подъ руками нѣсколько своихъ собственныхъ, нигдѣ ненапечатанныхъ сибирскихъ корреспонденцій о городскомъ хозяйствѣ этой отдаленной, мало-извѣстной страны. Представляемъ маленькую выписку двухъ корреспонденцій изъ Томска.

Когда пришло къ намъ предписаніе о немедленномъ введеніи самоуправленія—пишетъ сибирякъ-корреспондентъ,—то здѣшніе горячія головы, какъ водится, очень обрадовались.

«Ну, теперъ, говорили они, пойдетъ ужъ не такъ. Улицы осушать и вымостять; тротуары исправять и очистить; фонари

вычистить и зачистить; паровую машину заставить гасить огонь, а не стоять неподвижно; перилы сдѣлають не для манеры сѣсть, а не местамъ можно будетъ ѣздить.» Но самоуправленіе, слушая эти толки, и мудро поглаживая бородку, тихонько говоритъ: Охъ ужъ эта молодость, неопытность!—Ну къ чему эти заѣбы?—Теперь-то и придется только пожить самоуправленію. Теперь ужъ ни губернское правленіе, ни сама полиція много не поширятся. Ну, къ чему мостить улицы и копать канавы: одна тяжесть для города. У самоуправления есть лошади, которыя изъ какой угодно грязи вытаскаютъ, а для пѣшеходовъ есть биржевыя. Если же кто и биржевыхъ не можетъ нанять, то объ немъ не стоитъ и хлопотать: охъ ужъ и безъ того привыкъ къ грязи.—Ну еще нѣкоторые толкуютъ, что отъ грязи, навоза и застойной воды происходитъ болѣзнь какая-то, тифъ что ли, которая каждый годъ, будто-бы, бываетъ въ городѣ. И это все вздоръ. Ужъ это здоровъ, такъ онъ здоровъ и есть, а кому умереть, такъ и безъ приза умереть. Вотъ самоуправленіе тоже въ грязи сидитъ, и Богъ вѣдь милуетъ: всѣ здоровы! Ну, навѣрно, тоже безъ исправленія нельзя: иногда на улицахъ (валить дресву. А чего же больше? Не мостить же въ самомъ дѣдѣ, какъ въ столицахъ: на это нѣтъ адѣсъ и доходовъ такихъ. Да и для чего это? я опять спрашиваю. Зимой на бываетъ грязь; лѣтомъ, особенно когда засуха, тоже бываетъ суко. Выходитъ, что для двухъ-трехъ мѣсяцевъ мостить улицы. Шутка! Вотъ на базарѣ точно-что бываетъ грязновато; но и адѣсъ не сѣдѣ мостить. Тутъ нѣтъ никакого разсчета самоуправленію. Во первыхъ не всякой сунется идти на базаръ покупать, а во избѣжаніе непроходной грязи, покупаютъ въ лавкахъ, а во вторникъ крестьянинъ, завязнувъ въ грязи, продаетъ дешевле свой товаръ тому же самоуправленію, сидящему въ лавкѣ, чтобъ вытаскать только свою лошаденку съ телегой. Тутъ даже двѣ выгоды для самоуправления: меньше конкуренціи при покупкѣ, и больше покупателей при продажѣ. Чистый экономической разсчетъ!»

Далѣе корреспондентъ рассказываетъ, какъ само «самоуправленіе» разъ ночью завязло на улицѣ въ грязи, но все-таки осталось при своемъ мнѣніи на счетъ чистоты улицъ, а если кое-что и сдѣлано хорошаго въ этомъ отношеніи, то единственно благодаря мѣстнымъ аристократамъ-франтихамъ, и именно вотъ по какому случаю. Одна аристократка, прогуливаясь по неизященному тротуару, замарала у платья шлейфъ, который, кромѣ неприличнаго наружнаго вида, получилъ и запахъ не совсѣмъ приличный, не то что fleur d'orange, замѣчаетъ Сибирскій корреспондентъ. Досталось сначала прислугѣ, а потомъ и мужу, который то-же былъ изъ членовъ самоуправления. Мужъ побѣждалъ въ думу, гдѣ уже собрались и другіе, бѣжавшіе отъ запачканныхъ женъ и дочерей—и постановленіе состоялось.

Въ Томскѣ дѣятельный голова устроилъ, то-же домашними средствами, нѣчто замѣняющее водопроводъ и вывискалъ изъ

заграницы паровую пожарную машину, но, такъ какъ машиниста при машинѣ нѣтъ, то машина стоитъ себѣ безъ дѣла, пока сама не сгорѣла. Устроенный домашними средствами водопроводъ то-же оказался негоднымъ ни въ санитарномъ, ни въ пожарномъ отношеніи. Это просто огромные деревянные лари въ разныхъ частяхъ города. Всѣхъ ихъ восемь (каждый обошелся въ 500 р. при дешевизнѣ лѣса). Воду въ эти лари, по предположенію головы, должны возить пожарныя лошади изъ ключей—подъ самымъ городомъ—такъ верстахъ въ двухъ, трехъ. Изобрѣтеніе оказалось, однако-же, негоднымъ. Часть воды изъ ларей утекала, другая часть высыхала, такъ что разъ пожарная команда принуждена была спасать одинъ изъ этихъ громадныхъ ларей, загорѣвшійся отъ пылавшаго дома, и угрожавшій всему кварталу. Въ гигиеническомъ отношеніи водопроводъ то-же оказался неудобнымъ: вонь отъ гниющаго дерева и разлагающейся воды разносилась по всему городу... Какъ членъ санитарной комисіи, голова предложилъ было увеличить количество изобрѣтенныхъ имъ ларей, но его мнѣнію весьма полезныя, но «замѣтныя улыбки однихъ членовъ и выраженіе удивленія на физиономіяхъ другихъ—заставили голову сначала замолчать, а потомъ, когда было внесено предложеніе о совершенномъ уничтоженіи глухихъ ларей, гибельно дѣйствующихъ на здоровье и отяготительныхъ для города сооруженій,—совѣтъ уйти вонъ изъ засѣданія». Впрочемъ, объ отставкѣ ограбившагося головы до сей поры еще не слышно.

Это образцовыя *сибирскіе* головы; а вотъ вамъ и образцы (равноумныя, рѣдкіе) *россійскія*, которые отличаются отъ сибирскихъ совѣтъ особеннымъ характеромъ. Въ Вологдѣ городскую управу составляли четыре купца и одинъ опытный въ писаніи бумагъ чиновникъ. Когда члена чиновника, по его собственному прошенію, хотѣли было уволить, то голова, въ отчаяніи, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Я, господа, признаюсь, ничего не знаю въ дѣлахъ, да и другіе члены изъ купцовъ—тоже. Намъ, вѣдь, не написать бумаги въ три строчки, такъ что же мы станемъ дѣлать безъ г. С—ва?» Члены, которыхъ рекомендація головы, кажется, должна бы задѣть за живое, не сказали въ свою защиту ни слова, а тоже, въ знаніи совершеннаго своего согласія, промолчали («С.-Петербургскія Вѣдомости»).

Какъ на чрезвычайно рѣзкій контрастъ съ наивнымъ вологодскимъ головой, мы можемъ указать на просвѣщеннаго Курскаго голову, который даже въ Англіи могъ-бы съ честью занять почетную должность лордъ-мера и занимать ее нѣкоторое время, хотя, быть можетъ, не продолжительное.

Объ этомъ замѣчательномъ общественномъ дѣятелѣ мы еще въ прошломъ году бесѣдовали съ читателями, по поводу его незабвеннаго доклада въ думу объ устройствѣ въ Курскѣ кладбища на совершенно новыхъ основаніяхъ и съ особенными дѣлами. Проектированное г. Устимовичемъ кладбище должно было

служить не только мѣстомъ для закапыванія мертвыхъ тѣлъ, но и для живыхъ служить очень важнымъ возбуждающимъ средствомъ къ честной дѣятельности, такъ какъ на этомъ кладбищѣ предполагалось честныхъ, крупныхъ, дѣятелей зарывать на почетныхъ мѣстахъ, съ красивыми памятниками, а подлѣю мелкому—гдѣ-то въ отдаленіи, въ пятомъ или шестомъ разрядѣ, чуть-ли не въ оврагѣ, безъ всякихъ памятниковъ, ибо, по мнѣнію курскаго головы, не стоитъ воздвигать памятниковъ, *«на могилахъ тѣхъ, которые не оставили никакой доброй памяти и которыхъ лучше-бы не вспоминать и на кладбищѣ»*.

Можно навѣрное сказать, что самъ курскій голова оставить по себѣ память, по крайней мѣрѣ въ городѣ Курскѣ и его окрестностяхъ. Дѣятельность его чрезвычайно разнообразна и о каждомъ шагѣ своей дѣятельности онъ самъ печатаетъ особенные доклады, въ родѣ циркуляровъ, на почтовой бумагѣ большого формата. У насъ подъ рукою находятся слѣдующіе его доклады: 1) о кладбищахъ, 2) докладъ о «селѣ, устроенной городскимъ головой въ 1871 году», изъ котораго ясно видно, что «Городской голова любитъ всѣхъ дѣтей и въ особенности добрыхъ, дѣтей прилежныхъ и послушныхъ». 3) Отвѣтъ курскому общественному клубу, въ которомъ, отказываясь, по неприяностямъ, отъ званія члена клуба, г. Устимовичъ пишетъ: «Не желаю быть членомъ потому, что не хочу ставить въ неприятое положеніе; лучшую часть общества, которая, къ сожалѣнію, по сіе время ничего не можетъ сдѣлать не столько противъ тѣхъ *безмысленныхъ* (?) черныхъ клубныхъ шаровъ, сколько противъ тѣхъ *черныхъ клубныхъ личностей*, которыя способны портить все хорошее, портятъ репутацію собранія, въ коемъ участвуютъ». Наконецъ 4) записка къ городскимъ избирателямъ, подъ заглавіемъ: «Докладъ курскаго городского головы о ненормальномъ отношеніи губернскихъ городовъ къ земскимъ учреждениямъ и о неправильности существующаго денежнаго участія губернскихъ городовъ въ удовлетвореніи потребностей земства».

Эта послѣдняя записка едва-ли не замѣчательнѣе всѣхъ остальныхъ, потому что въ ней трактуется уже не о кладбищахъ, хотя-бы и устроенныхъ съ педагогической цѣлью, не о личномъ оскорбленіи, а о вопросѣ живомъ, денежномъ: о совершенномъ отдѣленіи городского хозяйства отъ земскаго, съ которымъ губернскому городу неприлично связываться, какъ образованному генералу съ подлой и непросвѣщенной чернью. «При необразованности нашихъ крестьянъ—пишетъ гордый голова—исключительно почти населяющихъ уѣздную земскую территорию, при ничтожномъ отношеніи нашихъ дворянъ-землевлдѣльцевъ къ земскимъ интересамъ, отъ которыхъ они такъ охотно удаляются въ среду городской и столичной жизни, нельзя, казалось, не признать, что земля земская, хотя и очень обильная и просторная, представляется однакожъ весьма скудною по образованію

и интеллигенціи ея населенія. Но въ совершенно иныхъ условіяхъ находится земля городская, соединяющая въ себѣ съ тѣснотой и бѣдностью территоріальною *богатство и просторъ русскаго просвѣщенія* въ томъ видѣ, конечно, въ какомъ оно въ Россіи существуетъ, хотя бы положимъ, и не блестящемъ». Губернскіе города представляются «свѣтилами первой величины», «важными центрами государственной жизни Россіи, принадлежащими не тѣмъ уѣздамъ, въ которыхъ они находятся, а губерніи, въ которой они главенствуютъ», и находящимися и нынѣ въ недожномъ отношеніи къ земству уѣздному, губернскому и уѣзднымъ городамъ».

«Не земство существуетъ для губернскаго города, а губернский городъ существуетъ для себя и для земства и земству служить, и потому не губернский городъ долженъ помогать земству, а, напротивъ, земство могло бы помогать городу по мѣрѣ надобности».

Обогащающіе городъ продавцы сельскихъ продуктовъ «дѣлаютъ это для своей выгоды и въ обмѣнъ получаютъ чистыя деньги или деньги въ видѣ тѣхъ товаровъ, которые они здѣсь, въ свою очередь, покупаютъ, причѣмъ они пользуются, во время *зрѣлванія своего въ губернскомъ городѣ, всеми его выгодами и пріятностями, не платя собственно ничего въ пользу города* (это, замѣтите, говорится про мужика, который притащилъ на базаръ съ возомъ дровъ, за полцѣны ихъ продалъ и въ кабагѣ деньги пропилъ! Неужели еще мужика-то можно упрекнуть въ томъ, что онъ не оплачиваетъ удобствъ кабака?), даже на ремонтъ и чистку улицъ и торговыхъ площадей, которыя столь забиваются и засариваются безчисленнымъ множествомъ возовъ съ продуктами и товарами, привозимыми на барыши съ разныхъ мѣстъ».

Не мѣшало бы курскому головѣ припомнить, сколько уже у насъ, въ губернскихъ городахъ, понастроено разныхъ классическихъ и реальныхъ мужскихъ и женскихъ гимназій, прогимназій для городскихъ барчатъ на земскія деньги, собранныя съ мужичковъ, которые будто бы пользуются въ губернскихъ городахъ «всеми его выгодами и пріятностями!» Совѣтую обратить вниманіе на факты этого рода, сгруппированныя въ моемъ обзорѣннй въ первой книгѣ «Отечеств. Записокъ» за нынѣшній годъ: повторять мнѣ некогда, хотя уже успѣли накопиться новыя. Прочитавши докладъ благороднаго курскаго головы, невольно, вмѣстѣ съ мужикомъ, ограбленнымъ въ городѣ въ базарный день, хлопнешь руками о бедра и проговоришь сквозь слезы: «Господи, берутъ-берутъ — и все-то не сыты, всего-то имъ мало!»

Но курскій голова не останавливается на такихъ странныхъ размышленіяхъ и идетъ дальше, до конца, выясняя, наконецъ, чего ему хочется. Онъ жалуется, изволите ли видѣть, на недостатокъ самостоятельности, на какія-то притѣсненія — не со

сторонѣ администраціи, какъ бы слѣдовало ожидать, а со сторонѣ—кого бы вы думали?—*маснаго земскаго собранія*, котораго—кому ужъ это неизвѣстно!—такъ ужъ смиренны, что едвали смиреннѣе можно и нарочно выдумать! Но чѣмъ же похѣшали курскому головѣ смиренныя наши гласные? А вотъ чѣмъ: «Городской голова,—говорить онъ,—будучи избранъ въ земское собраніе, съ своимъ высокимъ значеніемъ, теряется между маснами. На него смотреть, «какъ просто на маснаго, равнона въ значеніи со всеми другими, тогда какъ городской голова самъ по себѣ сохраняетъ всецѣло свое значеніе и свой авторитетъ, какъ уполномоченный закономъ представитель своего городского общества».

Но чего же, наконецъ, чего еще хочется курскому головѣ отъ смиренныхъ гласныхъ? Какъ это на него, избраннаго въ земскіе гласные, смотрѣть не «просто, какъ на гласнаго»? Шапки что ли передъ нимъ снимать, или въ ноги кланяться, какъ сельскіе попы архіерею? Нѣтъ, не того ему хочется, а вотъ чего, хотя, по правдѣ сказать, едвали и самъ голова вполне сознаетъ, чего именно ему хочется: «если городской голова состоятъ гласнымъ уезднаго земскаго собранія съ положеніемъ въ этой роли, при высокомъ положеніи его, весьма незавидной, то въ случаѣ какаго-либо личностей или интригъ въ отношеніи къ нему, напримѣръ, гласныхъ-дворянъ отъ земства, *его, городского голову, могутъ забаллотировать съ гласные губернскаго земскаго собранія.* (Вонъ вѣдь куда пошло! И забаллотировать-то не смѣи, даже въ томъ случаѣ, еслибы какой-нибудь голова похѣшался, напримѣръ, или что-нибудь сдѣлалъ бы неладное!) *Въ такомъ порядкѣ вещей я вижу не только отсутствіе какому-либо смысла въ отношеніяхъ губернскаго города къ уездному земству, но даже униженную зависимость городского общественнаго управленія отъ уезднаго земскаго собранія.*

Чтобы понапрасну не растягивать статьи, не станемъ и ны доискиваться смысла тамъ, гдѣ его не могъ отыскать курскій голова. Переходимъ прямо къ заключенію доклада, въ немъ же вся суть:

«Раздѣленіе губернскаго самоуправленія на двѣ, такъ-сказать, корпораціи, городскую и земскую, при различности ихъ интересовъ и характера,—замѣчаетъ курскій голова,—*удовлетворяло бы и правительственному интересу въ той политикѣ, въ силу которой, для болѣе успешнаго дѣйствія на народъ, въ особенности въ важныхъ случаяхъ, всего лучше раздѣлить его и потомъ влечь на него по частямъ...*»

Вотъ до чего, наконецъ, договорился голова, слышомъ, какъ видно, серьезно занятый своимъ дѣломъ! Ему, какъ видите, хочется возстановить брата противъ брата! — этимъ совѣтомъ онъ хочетъ, какъ будто бы, угодить и помочь правительству, которое, сказать по правдѣ, и безъ помощи курскаго головы въ случаѣ надобности, не станетъ стѣсняться предъ какимъ-

нибудь губернскимъ городскимъ головой, который, въ сравненіи, напримѣръ, съ московскимъ, можетъ быть названъ даже и не головой, а просто *головкой*... Вотъ ужъ именно: во многоглаголаніи нѣтъ спасенія!

Итакъ, въ числѣ враговъ неустановившагося, еще не окрѣпшаго самоуправления, мы, наконецъ, видимъ и самихъ дѣятелей по самоуправленію; слѣдовательно о другихъ, мелкихъ врагахъ и упоминать бы не стоило, хотя ихъ какъ комаровъ на болотномъ мѣстѣ. Въ Томскѣ, напримѣръ, къ городской управѣ придираются рѣшительно всѣ, кому придетъ охота, и иной разъ не безъ успѣха. Тамъ даже строительная коммисія рѣшается идти наперекоръ управѣ: она принимаетъ на себя разрѣшеніе частныхъ построекъ, право котораго принадлежитъ управѣ. Городскою управою разрѣшена была одному содержанию труппы актеровъ постройка временнаго театра на площади, чтобы давать въ немъ спектакли весной и осенью. Строительная коммисія сперва запретила было эту постройку, отнеся ее къ разряду построекъ общественныхъ, но затѣмъ, спохватившись, сняла свое запрещеніе, и, давъ довести постройку почти до конца, вновь приостановила ее, подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ театръ-балаганъ имѣетъ длины 20 саж., а не 12, какъ слѣдуетъ для частныхъ построекъ, и, при своей обширности, можетъ угрожать паденіемъ. Между тѣмъ, постройки балагановъ подобныхъ размѣровъ разрѣшались въ прежнее время въ столицахъ и другихъ городахъ Россіи и не вызвали опасенія за ихъ прочность. Строитель балагана требуетъ теперь съ городской управы понесенные имъ убытки. *Даже дирекція училищъ*, въ спорѣ съ городскимъ управленіемъ относительно предлагаемаго отъ города помѣщенія для низшихъ параллельныхъ классовъ гимназіи, *грозилъ прекращеніемъ пріема воспитанниковъ въ этомъ году*, если не будутъ удовлетворены ея требованія, но была удержана отъ исполненія этого намѣренія генераль-губернаторомъ («Русскія Вѣдом.»).

Ужъ это выходитъ по поговоркѣ: «куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней!»

Тяжеленько таки окрѣпнуть, выучиться ходить вмѣсто ползанья на четверенькахъ и развиться слабому, неразумному, затянутаго въ пеленки ребенку при такихъ внѣшнихъ и внутреннихъ неблагоприятныхъ условіяхъ!

Д.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Мартъ, 1873 г.

Толки, вызванныя январскимъ № «Отечественныхъ Записокъ». — «Благонамѣренныя рѣчи» Щедрина. — Борзятники и дѣвзачіе, ихъ неосновательность. — Толки, вызванныя февральскимъ № «Отечественныхъ Записокъ». — «Вольная совѣсть» Гл. Успенскаго. — Гдѣ лучше и когда лучше? — «Новое Время» о женской полиціи. — Въ какихъ отношеніяхъ женскій вопросъ стоитъ теперь выше и въ какихъ ниже, чѣмъ во времена Жоржъ-Зандъ. — «Женщины-медники» миссъ Джексъ-Бизкъ. — Разговоръ съ иностраннымъ писателемъ. — Вѣнская журналистика. — Прудонъ и Вильмессантъ. — «Гражданинъ» о социализмѣ. — Итоги.

Январская книжка «Отечественныхъ Записокъ» произвела значительную сенсацію. Газеты удостоили ее своимъ вниманіемъ по нѣскольку разъ каждая. «С.-Петербургскія Вѣдомости» занимались ею впродолженіи цѣлаго мѣсяца и, не довольствуясь своею обычною журнальною хроникой, выставили новую силу, нѣкоего «Непризнаннаго поэта», которому да проститъ Богъ его невольныя прегрѣшенія. И замѣчательно, что приложеніе этой новой силы къ январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» произошло уже тогда, когда вышла февральская: довольно таки долго значить готовился Мальбругъ къ походу. «Русскій Міръ» гудѣлъ неистово и многократно. Г. Достоевскій въ «Гражданинѣ» увидѣлъ въ статьяхъ г. Скабичевскаго и пишущаго эти строки, «какъ бы новое отравленіе». «Московскія Вѣдомости» также остановили вниманіе своихъ читателей на нѣкоторыхъ статьяхъ нашего январскаго номера. Гдѣ-то была напечатана даже кореспонденція изъ Владивостока (!) о статьѣ Щедрина «Благонамѣренныя рѣчи». Конечно, въ этомъ хорѣ слышалась гораздо болѣе порицаній, чѣмъ одобреній. Но это, признаться сказать, насъ мало огорчаетъ, отчасти даже радуетъ. Мы помнимъ слова Дидро: «если моя книга не понравилась никому она можетъ быть хороша, если она понравилась не многимъ, такъ навѣрное хороша, а если всѣмъ, такъ навѣрное нигуда не годится». Всякій, кому случалась въ жизни получать похвалы отъ людей неумныхъ или нечестныхъ, знаетъ сколько обиды можно получить этимъ путемъ. И ужь конечно всякій, испытавшій это чувство, предпочитаетъ ругань негодаевъ и

глушцовъ ихъ похваляемъ. Я впрочемъ объ негодахъ и глушцахъ только такъ, къ слову, а говорить хотѣлъ собственно о «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», о «Русскомъ Мирѣ» и проч. Было бы и очень скучно и совершенно ненужно припоминать здѣсь все, что писалось въ газетахъ и говорилось въ обществѣ о первой книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» за нынѣшній годъ. Но было однако во всемъ этомъ и кое-что любопытное. Это именно оцѣнка «Благонамѣренныхъ рѣчей» г. Щедрина. Статья эта привела многихъ въ недоумѣніе. Авторъ пользуется извѣстностью, имѣющею въ глазахъ читающаго міра совершенно опредѣленный характеръ. И вдругъ этотъ человѣкъ пишетъ статью, въ которой можно усмотрѣть отрицательное отношеніе къ такъ-называемому женскому вопросу, то-есть къ одному изъ пресловутыхъ вопросовъ, наичаще подвергающихся травлямъ и облавамъ. Какъ не возликовать недругамъ женскаго вопроса и какъ не воскоробѣть его друзьями! Какъ не заголосить разнымъ «Русскимъ Мірамъ»: ага! вотъ вы-ли же договорились до того же самаго, что мы говорили всегда. И на г. Щедрина посыпались комплименты... Я спрашиваю васъ, читатели, каково слушать подобныя любезности? каково слушать комплименты людей, которые очевидно ничего не поняли?

Самымъ непроницательнымъ изъ враговъ и сторонниковъ женскаго вопроса можетъ быть не лишнее будетъ напомнить, что Щедринъ и Тебеньковъ не одно и то же, какъ не одно и то же Островскій и его самодуры. Но гораздо важнѣе другая сторона дѣла. Стоитъ только пересмотрѣть статьи и брошюры, вызванныя пребываніемъ женщинъ въ Цюрихскомъ университетѣ или многочисленныя романы и повѣсти нашихъ отечественныхъ сочинителей, въ которыхъ фигурируютъ «нигилисты», — чтобы убѣдиться, что корень дѣла лежитъ въ вопросѣ о нравственности. Говорятъ и пишутъ, что, допустивъ женщинъ къ иѣ-которымъ профессіямъ, доселѣ для нихъ не существующимъ, мы выведемъ женщину и изъ семьи, и изъ круга святаго незнанія и наивной чистоты, которыя ее такъ ухраняютъ. Выжлятники изъ беллетристовъ поставляютъ въ громадномъ количествѣ образы женщинъ, потерявшихъ за книгой, въ аудиторіи, въ препаровочной всякія понятія о нравственности. Борзятники изъ критиковъ, публицистовъ и философовъ разводять эти образы бурными волнами своихъ размышленій. И эти же охотники серьезно говорятъ комплименты автору «Благонамѣренныхъ рѣчей». Но о вы, борзятники, доѣзжачіе, выжлятники, загонщики, вы всѣ, творящіе облавы и травли и ратующіе за семью и нравственность, — гдѣ *ваша* семья, гдѣ *ваша* нравственность? Авторъ «Благонамѣренныхъ рѣчей» говоритъ вамъ, что ничего этого у васъ нѣтъ. Онъ говоритъ вамъ больше: онъ говоритъ, что вы сами знаете, что «и безъ того все стоитъ еле живо», что «собственность-то, семейство-то, основы-то наши...

фью!»! Табеньковъ, la princesse de P., la baronne de K., «накоонецъ Катерина Михайловна, наша добрыйшая Катерина Михайловна», да и вы всё, господа доѣзжачіе, конечно можете смотреть на вещи не иначе, какъ съ точки зрѣнія разрѣшенія женскаго вопроса поведеніемъ Елены Прекрасной. Но зачѣмъ валишь съ больной головы на здоровую и тѣмъ обнаруживать свою почти невѣроятную непроницаемость? Вамъ докладываютъ, что вы безнравственны, что вы ратуете за то, чего у васъ нѣтъ и во что вы не вѣрите, — а вы изъясняете радость, вы ликуете... Всякій человѣкъ имѣеть право быть глухимъ, говорилъ Гейне, но нѣщцы злоупотребляютъ этимъ правомъ. Мнѣ кажется, что у насъ злоупотребленіе этимъ правомъ давно уже не достигало такихъ размѣровъ, какіе оно приняло по поводу «Благонамѣренныхъ рѣчей». Конечно, господа доѣзжачіе, во всякому дѣлу пристегивается много всякой дряни, совершающей подѣ тѣмъ или другимъ знаменемъ грязныя и глупыя дѣянія. Конечно, и между нами можетъ быть существуютъ субъекты, выдающіе разрѣшеніе женскаго вопроса въ поведеніи Елены Прекрасной. Но они ваши, господа доѣзжачіе. Если это женщины, то онѣ скоро стануть вашими женами, любовницами и содержанками, предметами вашего «баловства» и «экскурій въ область запретнаго». Если это мужчины, — они опять-таки ваши. И чѣмъ скорѣе вы ихъ занолучите, тѣмъ веселѣе для васъ, — вашего полу прибудетъ, и тѣмъ лучше для насъ, — худая трава изъ поля вонъ.

Но авторомъ «Благонамѣренныхъ рѣчей» затронута еще одна сторона такъ-называемаго женскаго вопроса, быть можетъ самая важная, но опять-таки совершенно непонятая непроницаемыми ликующими недругами. Авторъ «Благонамѣренныхъ рѣчей», помимо вышесказаннаго, дѣйствительно отрицательно относится къ женскому вопросу, но чтобы видѣть въ чемъ именно состоитъ это отрицательное отношеніе, куда оно именно направлено, я позволю себѣ слѣдующую вниску изъ «Благонамѣренныхъ рѣчей»:

«Скажите, какой вредъ можетъ произойти отъ того, что въ С.-Петербургѣ, а быть можетъ и въ Москвѣ явится довольно компактная масса женщинъ, скромныхъ, почительныхъ, усердныхъ и блюдушыхъ казенный интересъ, женщинъ, которыя, встрѣчаясь другъ съ другомъ, вмѣсто того, чтобы восклицать: «bonjour, chère mignonne! какое вчера на princesse N платье было!» будутъ говорить: «а что, mesdames, не составитъ ли намъ компанію для защиты мясниковскаго дѣла?» Я знаю, многіе полагаютъ, будто женская работа не можетъ быть такъ чиста, какъ мужская. Но впервыхъ мы этого еще не знаемъ. Мы даже приблизительно не можемъ опредѣлить, какимъ образомъ женщина обработала бы, наприкладъ, мясниковское дѣло, и не чище ли была бы ея работа противъ той мужской, которую мы знаемъ. Вовторныхъ, мы забываемъ, что опредѣленію

степени чистоты работи вполнѣ зависить отъ давальцевъ: не станетъ женщина чисто работать — растеряетъ давальцевъ. Встрѣтыхъ наконецъ, не напрасно же сложила на міру пословица: не боги горшки обжигаютъ—а чѣмъ же, кромѣ «обжиганія горшковъ» занимается современный русскій человѣкъ, къ какому бы онъ полу или возрасту ни принадлежалъ? Я знаю другихъ, которые опасаются не столько за чистоту работи, сколько за возможность увлеченій. Но эти опасенія ужъ просто не выдерживаютъ никакой критики. Что женщина охотно увлекается—это правда, но не менѣе правда и то, что она всегда увлекается въ извѣстныхъ границахъ. Начертавъ себѣ эти границы, она все пространство, въ нихъ заключающееся, наполнить благодарнымъ энтузіазмомъ; но только *это* пространство — ни больше, ни меньше. Она извлечетъ весь сокъ изъ даннаго «позволенія», но извлечетъ его лишь въ предѣлахъ самаго *позволенія* — и отнюдь не дальше. Если мужчина способенъ упереться лбомъ въ уставы судопроизводства, то женщина уперется въ нихъ тѣмъ съ большимъ усоеіемъ, что для нея это дѣло вновь. Она и дома и на улицѣ будетъ декламировать: «Кто похититъ или съ злымъ умысломъ повредитъ или истребитъ», и ежели вы прервете ее вопросомъ: какъ здоровье мамаша?—то она на скоро отвѣтитъ (словно отъ мухи отмахнется): «благодарю васъ», и затѣмъ опять задекламируетъ: «если вслѣдствіе оставленія кѣмъ-либо подложнаго указа, поставленія, опредѣленія, предписанія или иной бумаги», и т. д. Нѣтъ, какъ хотите, а я бы позволилъ. Ужъ одно то, что онѣ будутъ у дѣла и слѣдовательно не останется повода ни для «шума», ни для «рѣзкостей» — одно это ужъ представляемо бы для меня несомнѣнное основаніе, чтобы не медлить разрѣшеніемъ. Но, кромѣ того, я увѣренъ, что тутъ-то именно, то-есть въ средѣ женщинъ, которымъ *позволено*, я и нашелъ бы для себя настоящую опору, настоящихъ столбовъ. Не спорю, есть много столбовъ и между мужчинами, но, ради Бога, развѣ мужчина можетъ быть настоящимъ, то-есть пламеннымъ, исполненнымъ энтузіазма столбомъ? Нѣтъ, онъ и на это занятіе смотритъ равнодушно, ибо знаетъ, что оно ему разрѣшено искони, и что никто его права быть столбомъ не оспариваетъ. То ли дѣло столбъ, который еще самъ хорошенько не знаетъ, столбъ онъ или нѣтъ, и потому пламенѣеть, славословить и изъявляетъ желаніе сложить жизнь! И за что готовъ сложить жизнь? за то только, что ему «позволено» быть столбомъ наравнѣ съ мужчинами! Ну просто, позволилъ бы — и дѣлу конецъ! Разумѣется, еслибы меня спросили, достигнется ли черезъ это «довolenіе» разрѣшеніе такъ-называемаго «женскаго вопроса», я отвѣтилъ бы: не знаю, ибо это не мое дѣло. Еслибы меня спросили, подвинется ли хоть на волосъ вопросъ мужской, тотъ извѣчный вопросъ объ общечеловѣческихъ идеалахъ, ко-

торий держать въ тревогѣ челоѳчество, — я отвѣтилъ бы опять-таки, что это не мое дѣло».

Это очень большая выписка, но я сдѣлать ее съ огромнымъ удовольствіемъ и рекомендую ее особенному вниманію читателей, потому что здѣсь, въ сатирической формѣ, вопросъ поставленъ такъ ясно, какъ онъ положительно никогда не ставился въ русской литературѣ. И тѣмъ замѣчательнѣе непроницательность, обнаруженная при этомъ случаѣ господами доѳжачими и борзятниками. Очевидно, что въ приведенной цитатѣ изъ «Благонамѣренныхъ рѣчей» не только нѣтъ солидарности съ травлями и облавами, но есть напротивъ прямой протестъ противъ облавъ. Это разъ. Вотъ вторыхъ, во имя чего высказывается этотъ протестъ? Это опять такъ ясно, какъ божій день. Господа доѳжачіе, неужели вы по совѣсти можете говорить комплименты автору «Благонамѣренныхъ рѣчей» за приведенныя мысли? Неужели и вы недовольны настоящимъ положеніемъ женскаго вопроса только потому, что женщины стремятся укрѣпить всѣмъ своимъ персоналомъ существующій порядокъ вещей? О, какіе же вы неблагонамѣренные люди! Представьте себѣ, что женщины получили возможность обработать Мясниковское дѣло и дѣйствительно его обработали не хуже мужчинъ. Авторъ «Благонамѣренныхъ рѣчей» заранѣе объявляетъ свое недовольство этимъ фактомъ, и вы апподируете автору «Благонамѣренныхъ рѣчей». Но согласитесь съ тѣмъ, что ваши точки зрѣнія нѣсколько различны: онъ недоволенъ тѣмъ, что женщины обработали Мясниковское дѣло *известнымъ образомъ*; вы недовольны тѣмъ, что его обработали *известнымъ образомъ осещивать*.

Въ № 58 газеты «Новое Время» напечатана статья «Женская полиція». Статья начинается слѣдующими словами: «Въ то время, какъ въ Германіи вопросъ о томъ: могутъ ли женщины съ успѣхомъ исполнять обязанности по нѣкоторымъ видамъ государственной службы? только недавно былъ поставленъ для обсуждения, — въ Англій и Америкѣ этотъ вопросъ уже давно рѣшенъ утвердительно. Въ этихъ государствахъ опытъ дѣятельности женщинъ на государственной службѣ привелъ къ убѣжденію, что онѣ могутъ съ успѣхомъ исполнять обязанности службы и несомнѣнно полезны еще въ одной отрасли дѣятельности, а именно, какъ полицейскіе сыщики». Затѣмъ идетъ разсказъ объ ловкихъ ухищреніяхъ одной американской сыщицы, миссъ Нейманъ, которая оказалась столбомъ, исполненнымъ витуазма. «Новое Время» сообщаетъ эти свѣденія съ нѣкоторымъ торжествомъ, въ смыслѣ торжества женскаго вопроса, и тѣмъ свидѣтельствуетъ, что постановка вопроса, предложенная авторомъ «Благонамѣренныхъ рѣчей», какъ нельзя болѣе умѣстна и своевременна. Является любопытный вопросъ: должны ли друзья женскаго вопроса радоваться искусству миссъ Нейманъ, должны ли скорбѣть по этому случаю выжидатели и

доѣзжачіе? Такъ именно ставить вопросъ авторъ «Благонамѣренныхъ рѣчей». Постановка эта хороша въ особенности тѣмъ, что заключаетъ уже въ себѣ отвѣтъ. Тѣмъ не менѣе я еще обращаюсь къ ней ниже, а теперь обращаю ваше вниманіе на толки, вызванные въ русской журналистикѣ февральской книжкой «Отечественныхъ Записокъ».

Этихъ толковъ было тоже не мало. Но опять таки воспроизводить здѣсь ихъ подробности нѣтъ никакой надобности. Заслуживаетъ вниманія опять таки только одна черта,—отношеніе Русскихъ Міровъ къ статьѣ Глѣба Успенскаго. Это нѣкоторымъ образомъ второе изданіе отношенія журналистики къ «Благонамѣреннымъ рѣчамъ». Въ «Запискахъ» г. Успенскаго есть маленькая параллель между русскою и европейскою жизнью, параллель очень тонкая и любопытная, хотя къ сожалѣнію недостаточно разработанная. Рѣчь идетъ объ томъ—гдѣ лучше? у насъ или въ Египтѣ? Той тонкости, съ которою г. Успенскій предлагаетъ и сортируетъ свои матеріалы для разрѣшенія этого вопроса, Русскіе Міры, разумѣется, оцѣнить не могли. Ухватившись за часть наблюденій г. Успенскаго, они заликовали: ага! вотъ ваши-же и проч. И на г. Успенскаго посыпались оскорбительные комплименты. Странное это право дѣло: уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Безобразовымъ было доказано въ Русскомъ Вѣстникѣ, что мы и «наши охранители» едино есмь. И вдругъ Русскіе Міры съ чего-то именно теперь вздумали задавать себѣ фестиваль. При помощи пріемовъ, практикуемыхъ ими относительно гг. Щедрина и Успенскаго, они могли бы уже давнымъ давно и безсчетное число разъ предаваться ликованіямъ.

А любопытно однако знать,—гдѣ лучше? Этотъ вопросъ сопредѣленъ съ другимъ: когда лучше? Не говоря уже о мыслителяхъ, общественныхъ дѣятеляхъ, писателяхъ, даже людяхъ, живущимъ изо дня въ день, приходятъ въ голову сравненія настоящаго если не съ будущимъ, то по крайней мѣрѣ съ прошедшимъ. Эти сравненія особенно назойливо награвиваются въ моменты болѣе или менѣе крупныхъ общественныхъ реформъ. И это конечно совершенно понятно. Всякая реформа, всякій переворотъ, измѣняя нѣчто въ существующемъ порядкѣ вещей, тѣмъ самымъ уже радуютъ однихъ, и огорчаютъ другихъ. Естественно, что упраздненіе крѣпостнаго права огорчило многихъ помѣщиковъ и обрадовало крестьянъ. Естественно, что первые находятъ, что прежде было лучше, а вторые, что прежде было хуже. Но вотъ что странно: есть крѣпостники, находящіе, что прежде было хуже, а теперь стало лучше, и есть крестьяне и люди, принимающіе близко въ сердцу ихъ интересы, которые находятъ, что прежде было лучше, а теперь стало хуже. Это, повидимому, ненормальное явленіе заслуживаетъ полнаго вниманія. Но у насъ въ Россіи наблюдать его пока довольно трудно. Мы не имѣемъ такихъ политическихъ

органовъ, въ которыхъ текуція дѣла могли бы обсуждаться съ достаточной свободой и откровенностью. Печать наша также не можетъ быть признана полнымъ отголоскомъ общественныя нужды и желаній. При томъ же, со времени упраздненія публичнаго права, наша общественная жизнь текла слишкомъ медленно для того, чтобы успѣли достаточно ясно обрисоваться подробности ея свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ. Но мы все таки можемъ сдѣлать кое-какіе выводы косвеннымъ манеромъ; наблюдая дѣла другихъ государствъ и народовъ и затѣмъ приimatingъ эти наблюденія къ нашимъ собственнымъ дѣламъ. Этотъ приемъ особенно удобенъ потому, что многое, находящееся у насъ въ состояніи зародыша, въ старой Европѣ достигло уже высокой степени развитія и рѣзкой законченности.

Вышеупомянутое ненормальное, повидимому, рѣшеніе вопроса: было ли прежде лучше или хуже?—принадлежитъ къ числу такихъ явленій. Мы объ этомъ разсуждаемъ нѣсколько смутно и даже мало значенія придаемъ вопросу. Большинство увѣрено, что нынѣ стало лучше, вѣрнѣе сказать не увѣрено, а такъ себѣ кажется почему-то людямъ, что должно быть лучше; но насъ не трудно пожалуй и сбить съ этой позиціи. Совсѣмъ не то въ старой Европѣ. Тамъ наканунѣ крупнѣйшаго переворота, наканунѣ первой французской революціи былъ органически возможенъ рѣзкій пессимизмъ Руссо. Тамъ и теперь раздаются рѣзкіе голоса, во всеуслышаніе и отчетливо доказывающіе, что каждый шагъ цивилизаціи впередъ есть шагъ не къ лучшему, а къ худшему. Съ другой стороны тамъ не менѣе отчетливо высказываются и доказываются мысли, діаметрально противоположныя, именно, что все, безусловно все идетъ къ лучшему. Замѣтите, что проклятія цивилизаціи раздаются не только изъ лагеря ярыхъ ретроградовъ. Эта антедильuviaльная порода насъ здѣсь занимать не будетъ; представимъ себѣ, что этихъ мостодонтовъ и ихтиозавровъ вовсе нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. Что же мы увидимъ, если вычтемъ ихъ, въ Европѣ? Мы увидимъ вонерашъ либерала, который, къ примѣру, скажетъ: по мѣрѣ развитія цивилизаціи досугъ рабочихъ классовъ все болѣе и болѣе сокращается, и это хорошо. Какъ хорошо? Съ нашей русской, смутной, зародышевой точки зрѣнія, кажется, вовсе не хорошо. А между тѣмъ европейскій либераль весьма подробно и обстоятельно будетъ вамъ доказывать, что хорошо. Но вѣдь такимъ образомъ рабочему перегораживается путь къ умственному развитію. Ужъ это-то, кажется, не хорошо? Да, опять-таки съ нашей зародышевой точки зрѣнія не хорошо, а европейскій либераль будетъ и безобязанно и очень логично поддерживать и эту тему. Затѣмъ, встрѣтимъ мы въ Европѣ социалиста, который скажетъ: переживаемая нами цивилизація есть ложная: тѣмъ далѣе, тѣмъ больше обращаетъ она народъ, пуская для этого въ ходъ и науку, и техническія приспособленія, и экономическія улучшенія, и политическія права. Опять-таки съ нашей зародышевой точки зрѣ-

нія такая анафема науцѣ, кредиту, машинамъ, свободѣ, политическимъ правамъ совершенно непонятна. Какъ могутъ быть вредны наука, машины, свобода и проч.?

Итакъ вопросъ объ томъ лучше или хуже было прежде, весьма неясный у насъ, въ старой Европѣ поставленъ ребромъ. На него даны два диаметрально противоположные отвѣты. (Прошу помнить, что я не имѣю въ виду ретроградовъ, помышляющихъ о возвратѣ феодализма въ той или другой степени, въ той или другой формѣ). Эти, повидимому, взаимно исключаются отвѣты не трудно отчасти согласить, отчасти по крайней мѣрѣ объяснить.

Безъ сомнѣнія и улучшенные способы производства полезныхъ вещей, и научныя открытiя, и орудiя облегченiя экономическихъ сношенiй, и политическая и экономическая свобода,—все это суть сами по себѣ непререкаемыя блага. Надо имѣть мѣдный лобъ или быть насевозъ проникнутымъ какими-нибудь застарѣлыми предрасудками, чтобы не признавать ихъ великаго значенiя, какъ помощниковъ человѣка. Они—помощники наши, и этимъ все сказано: значить нельзя не желать ихъ и не стремиться къ нимъ. Но значенiе ихъ все-таки относительное. Съ перваго же взгляда ясно, что они могутъ быть болѣе полезны въ одномъ мѣстѣ, у одного народа, и менѣе полезны у другого. А при-сматриваясь къ дѣлу ближе, мы не замедлимъ увидѣть, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ они могутъ быть даже вредны, могутъ стать орудiемъ зла. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ для браткости, что европейское общество состоитъ изъ двухъ слоевъ, интересы которыхъ не тождественны вообще, а въ частности даже враждебны другъ другу. Кто воспользуется вводными въ это общество вышесчисленными непререкаемыми благами? Безъ сомнѣнія представители того слоя, который окажется въ данную минуту фактически сильнѣйшимъ и влiятельнѣйшимъ. Это положенiе, справедливость котораго очевидна уже а priori, получаетъ особенное значенiе при освѣщенiи его фактами изъ исторiи цивилизацiи. Великая французская революцiя провозгласила принципъ политической и экономической свободы. Въ этомъ именно состояла ея миссiя. Остальные два момента ея трехчленнаго девиза—*fraternité* и *égalité* ни въ какомъ случаѣ не достигли того высокаго развитiя, которое получила, благодаря первой революцiи, свобода. О братствѣ, конечно, и говорить нечего, а равенство достигнуто только въ извѣстной степени, и то равенство только гражданское. Къ равенству политическому революцiя только приблизилась, а равенство экономическое даже отодвинула въ болѣе или менѣе удаленное будущее. Провозглашенный революцiей принципъ свободы въ сильной мѣрѣ подорвалъ значенiе дворянства и духовенства, но затѣмъ очутился въ обществѣ, состоящемъ изъ двухъ слоевъ: буржуазiи и рабочаго сословiя. Обоимъ этнмъ слоямъ была не только предоставлена свобода, она имъ даже, какъ это ни

странно и двусмысленно звучить,—предписывалась. Не только разрушены были стѣснявшіе свободу труда средневѣковые цехи и корпораціи, но даже, во имя той же свободы, воспрещались рабочія ассоціаціи, не имѣвшія ничего общаго съ этимъ средневѣковымъ институтомъ. Такимъ образомъ свободой могло и даже должно было воспользоваться все общество въ цѣломъ составѣ, вся нація. Вся она и воспользовалась. Но выгоднымъ оказалось пользованіе это только для буржуазіи, общественного слоя, фактически сильнѣйшаго и вліятельнѣйшаго. Буржуазіи свободная конкуренція дала возможность расширить свои промышленныя и коммерческія операціи, а затѣмъ основать на этомъ расширеніи и свое политическое могущество. Но для рабочаго сословія, для народа, свободная конкуренція, свобода труда оказалась, по выраженію Луи Блана, только свободою умирать съ голоду. А умирающему съ голоду ужь конечно не до политической свободы и не до политическаго могущества. Онъ—«спасивный гражданинъ», какъ официально назывались, по конституціи 1791 года, люди, не имѣвшіе опредѣленнаго имущественнаго ценза. Онъ пожалуй имѣетъ право на всяческую свободу и свободу добиваться всяческихъ правъ, но онъ не имѣетъ возможности пользоваться ни свободой, ни правами.

Но въ политическомъ отношеніи невыгодная сторона дѣла еще не такъ очевидна, какъ въ экономическомъ. Свободная конкуренція прежде всего понижаетъ заработную плату до мѣнѣйшаго, до такой цифры, которая только что способна прокормить рабочаго. При свободной конкуренціи всѣ улучшенныя способы производства, всѣ механическія и технологическія приспособленія, всѣ знанія, весь кредитъ оказываются въ рукахъ «активныхъ гражданъ», хотя бы они и не назывались такъ официально; въ рукахъ людей, обладающихъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ и слѣдовательно имѣющихъ не только право на пользованіе благами цивилизаціи, но и фактическую возможность оплатить ихъ. Представимъ себѣ, что въ извѣстной мѣстности, жители которой употребляютъ какіе-нибудь первобытные способы эксплуатаціи силъ природы и не имѣютъ фактически возможности замѣнить ихъ способами улучшенными; представимъ себѣ, что въ такой мѣстности затѣваетъ промышленное предпріятіе человекъ или компанія людей, имѣющихъ и знанія, и кредитъ, и капиталы. Конечно, эта компанія поведетъ свое дѣло усильнѣе, чѣмъ прежніе производители. Благодаря кредиту и улучшеннымъ способамъ производства, она въ состояніи будетъ пускать свои продукты по гораздо болѣе низкимъ цѣнамъ и выжидать благоприятное настроеніе рынка, продукты ея будутъ по всей вѣроятности лучше. Такъ что прежнимъ производителямъ не будетъ никакой возможности конкурировать съ нею. Они должны будутъ бросить свои орудія производства, свою собственность, и пойти въ наемники къ активнымъ гражданамъ. Не только продукты ихъ труда, а самая ихъ

рабочая сила вынесется на рынокъ и подвергнется всѣмъ неурядицамъ спроса и предложенія. Такимъ образомъ извѣстная отрасль промышленности получаетъ весьма сильное развитіе, продукты дешевѣютъ, но собственникъ рабочій обращается при этомъ въ пролетарія: по мѣрѣ развитія національнаго богатства растетъ нищета народа.

Вотъ, кажется, довольно ясное и наглядное разъясненіе того страннаго факта, что въ западной Европѣ сложились два диаметрально противоположные взгляда на значеніе цивилизаціи. Положенная Прудонемъ въ основаніе «Системы экономическихъ противорѣчій» антиномичность всѣхъ безъ исключенія экономическихъ моментовъ, объясняется очень просто тѣмъ, что блага цивилизаціи попадаютъ въ общество, состоящее изъ двухъ или нѣсколькихъ группъ рѣзко неравныхъ силъ. И до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать такой порядокъ вещей, любой цвѣтокъ цивилизаціи будетъ производить двойное дѣйствіе: онъ будетъ возвышать развитіе націи и въ то же самое время давить народъ. И чѣмъ онъ роскошнѣе, величественнѣе, тѣмъ сильнѣе образуются *объ* его стороны. Можно сказать, что при этихъ условіяхъ блага цивилизаціи тѣмъ хуже, чѣмъ они лучше. Когда намъ говорятъ, что въ такой-то странѣ цвѣтутъ наука и промышленность, высоко развиты кредитъ и торговля, твердо стоятъ политическія права и вольности, мы говоримъ: это хорошо. Но когда намъ при этомъ указываютъ на нищету и невѣжество народа, сопутствующія въ этой странѣ прогрессу, мы, ни мало не удивляясь этому явленію, говоримъ: это нехорошо.

Все это говорилось въ нашемъ журналѣ много разъ, въ разныхъ формахъ и по разнымъ поводамъ. Говорилось не однократно и въ моихъ замѣткахъ, а въ январской книгѣ двойственность цивилизаціи представлена въ видѣ очень простаго социологическаго закона, противъ котораго оскалили и заточили зубы наши ясные либералы. Но, увы! зубы тупы, зубы гнилы, зубы отказываются пережевать даже разжованное... Зубовъ право, кажется, даже вовсе нѣтъ у ясныхъ либераловъ.

Если я нинѣ возвращаюсь къ доказанному мною, нинѣмъ не опровергнутому, да и неопровержимому социологическому закону, то только для комментирования непроницательности «Русскихъ Мировъ» по поводу статей гг. Щедрина и Успенскаго.

Уединя какойнибудь частный, подчиненный вопросъ, напримеръ педагогическій, экономическій, политическій, женскій, отъ опредѣленныхъ частныхъ вопросовъ и отъ общаго социальнаго вопроса, мы можемъ наговорить весьма много хорошихъ словъ о значеніи того или другаго блага цивилизаціи. И задачи политическихъ дѣятелей были бы сравнительно крайне просты, если бы дѣло состояло только въ томъ, чтобы оцѣнить абсолютное достоинство того или другаго частнаго блага. Но въ сожалѣнію такой оцѣнки, какъ бы она ни была вѣрна, мало.

Въ начертательной геометріи фигура и положеніе тѣла въ пространствѣ опредѣляются двумя проеціями, горизонтальной и вертикальной, т. е. изображеніемъ на горизонтальной и вертикальной плоскости. Одна проеція, какъ бы обстоятельно она ни была изображена, никого не удовлетворитъ. Совершенно точно также для оцѣнки значенія какого нибудь блага, кромѣ его абсолютнаго достоинства, нужно знать еще какой характеръ приметъ оно въ извѣстной комбинаціи соціальныхъ силъ, въ чьи руки это благо попадетъ и какое изъ него будетъ сдѣлано употребленіе. Если читатель усвоитъ себѣ необходимость этой двойной оцѣнки благъ цивилизаціи, для него уяснится многое, и прежде всего онъ выйдетъ изъ заколдованнаго круга общихъ мѣстъ. Многие вопросы освѣтятся для него съ совершенно новой стороны, онъ сожжетъ многое, чему покланялся, и поклонится многому, что сжигалъ. Всякій частный вопросъ, будучи уединенъ отъ сосѣднихъ вопросовъ и общаго соціального вопроса, получаетъ обыкновенно два взаимно исключаются рѣшенія. Рѣшенія эти весьма быстро обращаются въ рутину, люди говорятъ другъ другу одни и тѣже слова и такъ въѣдаются въ нихъ, что совершенно незамѣтно доходятъ до того положенія, когда своя своя не познаша. Реальное и классическое образованіе, централизація и самоуправленіе, свобода торговли и протекціонизмъ, — вотъ рядъ рутинныхъ рѣшеній, о которыхъ люди говорятъ, говорятъ, не замѣчая, что спорящіе въ извѣстные моменты смѣло могли бы помѣняться мѣстами и продолжать говорить, говорить. Но допустите сюда немного свѣжаго воздуха, расшатать рамки рутины, и вы увидите сколько во всемъ этомъ празднословія, вы навѣрное отшатнетесь отъ многого, что склонны были принимать очень близко къ сердцу.

Возьмемъ хоть женскій вопросъ. Во времена жоржъ-зандизма этотъ вопросъ стоялъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, конечно, ниже чѣмъ теперь, но въ другихъ несомнѣнно выше. Тогда рѣчь шла о правахъ женщины на свободу чувства. Какія бы увлеченія ни сопутствовали это движеніе, какъ бы неудовлетворительно оно съ нашей теперешней точки зрѣнія ни было, но одно вѣрно: женщины тогда не говорили: мужчины мѣняютъ любовницъ, когда хотятъ, а потому и мы, во имя равноправности, хотимъ мѣнять любовниковъ, когда захотимъ. Они этого не говорили, они выработывали общія правила нравственности, правила новыя, и слѣдовательно стремились не количественно, а качественно измѣнить данную комбинацію соціальныхъ силъ. Не въ томъ была ихъ задача, чтобы самимъ дѣлать то, что дѣлаютъ мужчины, а въ томъ, чтобы и себя и мужчинъ подчинить нѣкоторымъ новымъ идеямъ. Словомъ они рѣшали не специально женскій, а общечеловѣчскій вопросъ. Съ тѣхъ поръ воды утекло очень много, и женскій вопросъ поднялся на высшую ступень: рѣчь идетъ уже не о свободѣ чувствъ, а о правѣ на трудъ. Но на этой высшей ступени вопросъ рѣшается уже

гораздо уже и неудовлетворительнѣе. Я бы не желалъ быть не понятымъ относительно этого пункта и потому приведу сравненіе. Прежде рѣшался арифметическій вопросъ, а теперь рѣшается алгебраическій. И я не то говорю, что арифметика выше алгебры, а только то, что арифметическій вопросъ разрѣшался для своего времени лучше, чѣмъ нынѣ разрѣшается алгебраическій. Теперешніе сторонники женскаго вопроса стремятся доказать, что женщины вполне способны ко всѣмъ тѣмъ профессіямъ, которыя доселѣ находились въ исключительномъ завѣдываніи мужчинъ, и слѣдовательно имѣютъ право стоять съ ними рядомъ. Они перечисляютъ имена великихъ правительницъ, великихъ ученыхъ изъ женщинъ и проч. Нѣкоторые желаютъ даже доказать этимъ и другими приемами превосходство женщинъ, какъ общественныхъ дѣателей, передъ мужчинами. Мнѣ случалось читать въ нѣкоторыхъ книжкахъ доводы женщинъ, напримѣръ, такого рода: вы утверждаете, что мѣсячныя очищенія мѣшаютъ нашему полу принимать участіе въ общественной дѣятельности; хорошо, а мужчины за то пьянствуютъ, и это точно также ослабляетъ ихъ энергію и способности. Сами по себѣ это темы весьма неблагоприятныя, и еще недавно можно было думать, что въ нихъ миновала уже всякая надобность. Но исторія цюрихскаго университета показала, къ сожалѣнію, что подобныя аргументы еще имѣютъ нѣкоторое значеніе. Да и не одного цюрихскаго университета. Я рекомендую вниманію читателей вышедшую недавно въ русскомъ переводѣ любопытную книжку миссъ Джексъ-Блэкъ, «Женщины-медики», изъ которой видно, что и въ Англіи нужно еще доказывать, что женщина — человѣкъ; что она способна заниматься медициной или какою другой наукой. Дѣлать нечего. Но что-же дальше? Сторонники женскаго вопроса, имѣя главнымъ образомъ въ виду доказать, что женщины не хуже, а пожалуй и лучше могутъ исполнять всѣ наличныя общественныя функціи, занятія мужчинами, говорятъ: вотъ вамъ великая государыня, раздвинувшая предѣлы отечества, вотъ вамъ великая женщина-медики, женщина-астрономъ, вотъ вамъ наконецъ великая полицейская сыщица, миссъ Нейманъ. Между тѣмъ доѣзжачіе, выжлятники и борзятники продолжаютъ свое дѣло. Зачѣмъ они продолжаютъ? Они говорятъ, что женскій вопросъ подрываетъ основы, но какое же тутъ подрываніе основъ, когда женщины желаютъ поступить въ штатъ сыскной полиціи? Очевидно, это не подрываніе, а укрѣпленіе основъ. Кого же доѣзжаете, противъ кого облавы и травли устраиваете? Ясно, что здѣсь, благодаря столкновенію двухъ рутинныхъ рѣшеній оторваннаго отъ общей соціальной почвы вопроса, своя своихъ не повнаша. Конечно, примѣръ женщины, какъ исполнительнаго и способнаго чина сыскной полиціи, можетъ показаться слишкомъ крайнимъ. Хотя, впрочемъ, что-же? На него съ торжествомъ указываетъ либеральная газета, зна-

чить этого дѣла нельзя не брать въ расчетъ. Но пожалуй не будемъ брать въ расчетъ эту не пользующуюся уваженіемъ, хотя и необходимую въ благоустроенномъ государствѣ профессию. Возьмемъ имѣющихся уже телеграфистокъ, стенографистокъ, продавальщицъ, женщинъ медиковъ, возьмемъ олдмаиныхъ и возможныхъ женщинъ юристовъ, судей, прокуроровъ, присяжныхъ повѣренныхъ, присяжныхъ засѣдателей, комерсантовъ, заводчицъ и проч. Специалисты по женскому вопросу превозносятъ эти явленія до небесъ, владутъ въ нихъ всю душу свою, а выжлѣтники и борзятники нестоиво гибнутъ, цыркаютъ. Какое-же положеніе долженъ въ виду всего этого занять человѣкъ, не дѣлающій облавъ съ одной стороны и не желающій выдѣлять ни женскаго, ни какого другаго частнаго вопроса изъ общаго соціального вопроса—съ другой?

Такой человѣкъ скажетъ: мнѣ и всякому другому приятно видѣть въ женщинѣ не куклу, мечтающую о тришкахъ, и не безграмотную дуру, а человѣка, равнаго мнѣ, съ которымъ я могу дѣлиться своими мыслями и чувствами. Мое чувство собственного достоинства этимъ возвышается и укрѣпляется. Мнѣ приятно знать, что рабочія силы, пропадшія прежде даромъ, теперь утилизируются и идутъ на службу обществу. Я вижу, что борзятники гибнутъ и цыркаютъ, но знаю, что они этимъ занимаются только по своей тупости и неравности; ибо всякій мало-мальски развитой человѣкъ благословитъ своего сосѣда на ученіе и трудъ. Мнѣ прискорбно, что женщинамъ ставятся на этомъ пути препятствія. Нѣкоторые изъ факторовъ этого рода меня особенно возмущаютъ. Такъ я съ глубокимъ омерзѣніемъ прочиталъ въ книгѣ миссъ Джексъ-Вэглъ разсказъ о томъ, какъ студенты Эдинбургскаго университета бросали въ учащихса женщинъ комками грязи, ругали ихъ и проч. Со стороны же довѣжачихъ препятствія эти тѣмъ страннѣе, что женскія силы идутъ на службу не только обществу вообще, а именно опредѣленной формѣ общества, той самой, которую считаютъ своею обязанностію охранять до-ѣзачіе и выжлѣтники. Отъ практическаго разрѣшенія женскаго вопроса, какъ онъ стоитъ нынѣ, произойдутъ частныя улучшения въ существующемъ порядкѣ вещей, такъ наиримѣръ будетъ болѣе медиковъ и учителей, но самый порядокъ вещей останется ни на волосъ не поколебленнымъ. Нѣкоторые его недробности даже усугубятся. Такъ ближайшимъ слѣдствіемъ признанія женскаго труда должно быть усиленіе конкуренціи и пониженіе заработной платы. Конечно, это не составляетъ резова для отказа женщинамъ въ правѣ на трудъ. Потому что кто-же посмѣетъ сказать желающему трудиться: тебѣ, именно тебѣ нѣтъ мѣста. Это можетъ сказать только безчеловѣчный, несправедливый и неразумный ходъ вещей. Но все таки радоваться тутъ нечему. А довѣжачимъ и борзятникамъ горевать не объ чемъ. Другое дѣло, еслибы женскій вопросъ не былъ изо-

директоръ, если бы женщины внесли съ собой, напримеръ, новыя формы составовъ труда, новыя политическія или иные принципы. Тогда, я понимаю, доѣзжачіе имѣли бы резоны доѣзжать женскій вопросъ, а люди извѣстнаго образа мыслей класть въ него всю душу свою. Но ничего такого мы не видимъ. А имѣ рѣшительно все равно—женщина или мужчина отправить мою телеграмму или написать стенографически мой процессъ; женщина или мужчина управляетъ заводомъ, изготовившимъ стальное перо, которымъ я пишу; женщина или мужчина будетъ меня защищать и обвинять на судѣ; женщина или мужчина проинведетъ въ моей квартирѣ обыскъ по подозрѣнію въ политическомъ преступленіи или разыщетъ украденную у меня вещь. Я знаю только, что въ современномъ обществѣ есть много положеній и профессій, на которыя желательно бы имѣть какъ можно меньше кандидатовъ, дабы по крайней мѣрѣ былъ меньшій выборъ энергическихъ и исполнительныхъ дѣльцовъ. Но это я знаю, а доѣзжачимъ-те что-же? Съ другой стороны есть въ современномъ обществѣ и такія профессіи, число кандидатовъ на которыя желательно было бы напротивъ увеличить. Такова профессія медика, въ которой женщины обнаруживаютъ особенную наклонность. Но и доѣзжачимъ тутъ не представляется резоннаго основанія протестовать. Если на всѣ дозволенныя въ благоустроенномъ государствѣ профессіи явится двойной, тройной комплектъ кандидатовъ, то они должны только радоваться. Вотъ причины, на основаніи которыхъ я ни въ какомъ случаѣ не считаю себя обязаннымъ класть въ женскій вопросъ всю душу свою. Ко многимъ сторонамъ его я отношусь весьма равнодушно. Въ той-же постановкѣ его, которая даже полицейскую силу прилагаетъ къ женскому вопросу, я отношусь, какъ къ делу, даже съ нѣкоторою гадливостію. Есть однако одна сторона дѣла, которую я высоко цѣню, хотя и не преувеличиваю ея значенія. Это именно то, съ чего я началъ: въ извѣстномъ слое общества убавится количество куколъ, мѣтающихъ о тряпкахъ, и безграмотныхъ дуръ. Въ этомъ лежитъ залогъ лучшаго нравственнаго развитія этого слоя общества, какое развитіе козвеннымъ образомъ можетъ отразиться и на другихъ слояхъ. Но не слѣдуетъ забывать, что женскій вопросъ есть только часть вопроса такъ называемаго «смыслаго пролетаріата», каковой составляетъ самъ только часть общаго социальнаго вопроса и отнюдь не долженъ быть уединяемъ. Смыслно было-бы ожидать цѣнныхъ результатовъ проповѣди женскаго труда въ тѣхъ сферахъ, гдѣ, по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ какой то комедіи *Carly, la caisse a été donnée à l'homme pour être vidée par la femme*. Тамъ женскій вопросъ можетъ разрѣшиться только въ видѣпутнаго явленія. Съ другой стороны въ низшихъ сферахъ общества женщинамъ, конечно, трудно требовать не приходится, потому что его и безъ того тамъ довольно. Такъ что районъ дѣйствія женскаго вопроса очень

не великъ. Тѣмъ не менѣе я високо цѣню морализующее значеніе женскаго труда и образованія. Я говорю женщинамъ: учитесь, добивайтесь права на трудъ, трудитесь. Мнѣ даже смѣшно немножко слушать доказательства въ пользу того, что вы такіе-же люди, какъ и мужчины. Смѣшно, но и горько; потому что я вижу, что доказательства эти еще дѣйствительно глупы. Но когда вы выучитесь, я посмотрю какъ и къ чему вы приложите свои знанія. Когда вы добьетесь права на трудъ, я посмотрю какъ вы его организуете и чьи заказы будете исполнять. Именно потому, что вы люди, такіе-же, какъ и мужчины, вы способны и заблуждаться и служить несправедливому дѣлу. Я надѣюсь, что многія изъ васъ, когда выучатся и получать право на трудъ, будутъ смотрѣть на вещи, какъ я на нихъ смотрю. Этихъ я заранѣе привѣтствую, но только отчасти какъ женщинъ, а главнымъ образомъ какъ моихъ сотрудниковъ и единомышленниковъ, исповѣдывающихъ одну со мной вѣру, любящихъ то, что я люблю, и ненавидящихъ то, что я ненавижу. Но я знаю также, что многія изъ васъ будутъ моими злѣйшими врагами, тѣмъ болѣе опасными, чѣмъ болѣе онѣ принесутъ съ собой знаній и способности къ труду. Это меня радовать не можетъ. Однако, по чувству той самой справедливости, которую многія изъ васъ со временемъ будутъ попирать, какъ и теперь попираютъ многіе мужчины, люди такіе-же, какъ вы, но чувству справедливости я вамъ все-таки скажу: учитесь, добивайтесь права на трудъ, трудитесь. Въ концѣ концовъ я не вижу никакихъ разумныхъ основаній для травли на женскій вопросъ. Эта травля бессмыслица со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, кромѣ развѣ точки зрѣнія Елены Прекрасной и экскурсій въ область запретнаго. Съ куклами и безграмотными дурами конечно легче предпринимать подобныя экскурсіи, чѣмъ съ учащейся и трудящейся женщиной вообще.

Вотъ что сказалъ бы человѣкъ, не состоящій въ штатѣ выжлѣтниковъ, но не желающій изолировать какой бы то ни было частный социальный вопросъ. Вотъ что сказалъ, въ сатирической формѣ, и авторъ «Благонамѣренныхъ рѣчей». Посыльте главы свои пейломъ, господа борзятники и выжлѣтники, и примите отъ меня благодарность за то, что дали мнѣ случай высказать все вышенаписанное.

И еще разъ посыльте главы пейломъ, и еще разъ примите мою благодарность по поводу «Записокъ» Глѣба Успенскаго. Но, по свойственной мнѣ, признаюсь, довольно нехорошей манерѣ, сначала опять сдѣлаю нѣкоторое отступление.

Одному проживающему здѣсь, въ Петербургѣ иностранцу была предложена литературная работа по предмету, ему весьма хорошо знакомому. Онъ согласился, но, не доведя работы и до половины, бросилъ. Надо замѣтить, что если литература не составляетъ его исключительной профессіи, то тѣмъ не менѣе онъ занимался ею въ своемъ отечествѣ. Человѣкъ онъ замѣ-

пательно-равносторонній, образованный, начитанный, ловкій диалектикъ, мнѣнія имѣеть очень опредѣленныя и подчасъ очень оригинальныя. По убѣжденіямъ своимъ онъ социалистъ. Когда я спросилъ его, отчего онъ бросилъ работу, у насъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

Онъ. Я началъ было писать съ большимъ увлеченіемъ, тѣмъ болѣе, что предметъ былъ мнѣ по сердцу, но очень скоро убѣдился, что ничего написать не могу, потому что не имѣю подъ ногами почвы. Мнѣ необходимы два условія: во-первыхъ я долженъ знать, что такая-то статья нужна, что она отвѣчаетъ известной неотложной потребности въ обществѣ; во-вторыхъ я долженъ имѣть около себя кругомъ людей, такъ-же, какъ и я, живо интересующихся известными вопросами, съ которыми бы я могъ обмѣниваться мыслями, съ которыми бы я могъ наконецъ вросто писать вмѣстѣ.

Я. Признаюсь, вы меня удивляете. Мы, русскіе писатели, обходимся безъ обоехъ этихъ необходимыхъ, по вашему мнѣнію, условій литературной дѣятельности. Мы пишемъ большею частью вовсе не для удовлетворенія текущихъ потребностей; отчасти, конечно, потому, что печать у насъ обставлена гораздо болѣе неблагоприятными условіями, чѣмъ въ Европѣ, а главное не замыкается-же въ ежедневныя мелочи. И развѣ хорошая статья о паденіи западной Римской имперіи или о пришествіи Варяговъ въ Россію не будетъ полезна, нужна?

Онъ. Вы меня не поняли. Я вамъ разскажу вотъ какой фактъ. Дюпенъ съ Верморелемъ издавали въ Парижѣ, до войны еще, небольшую газету. Это была положительно лучшая французская газета, съ известной точки зрѣнія, разумѣется. Въ политику она вовсе не мѣшалась, Наполеона и министровъ не трогала, но давала своимъ читателямъ ясную общую руководящую нить для оцѣнки общественныхъ дѣлъ. Газета не могла имѣть такого количества подписчиковъ, какъ большія французскія газеты, лежащая въ каждомъ кабинетѣ, въ каждой кофейной, разносящая политическія известія и уличныя слухи по всему свѣту. Но все-таки она имѣла значительный успѣхъ, главнымъ образомъ конечно въ кругу рабочихъ. Что же вы думаете? Буржуа-либералы распустили слухъ, что газета потому не трактуетъ о чисто-политическихъ дѣлахъ, и не дразнить министровъ, что она продана Наполеону. Нашлось не мало и рабочихъ, которые поддались на эту удочку, и дѣло кончилось тѣмъ, что издатели не выдержали: затерлись въ безцвѣтной массѣ остальныхъ журналовъ; а тамъ газета наконецъ и лопнула. Изъ этого вы видите во-первыхъ, что известныя направленія и у насъ обставлены въ своемъ родѣ не менѣе неблагоприятными условіями, чѣмъ ваша печать вообще. Цензура конечно нехорошая штука, но право и мы не на розахъ. Это разъ. Во-вторыхъ вы видите, что я вовсе не то хотѣлъ сказать, чтобы журналъ долженъ былъ замыкаться въ ежедневныя мелочи. Огромное большин-

отво ихъ смѣло можно, даже должно оставлять безъ всякаго вниманія. Съ другой стороны и статья о паденіи западной Римской имперіи или о пришествіи Варяговъ можетъ быть написана такъ, что будетъ вполне отвѣчать живой потребности современниковъ.

Я. Да, это такъ. Но согласитесь съ тѣмъ, что нужно вѣдь знать, какъ пала западная Римская имперія и какъ пришли Варяги въ Россію; это нужно знать безотносительно къ современности, даже не возможности отрѣшившись отъ нея.

Онъ. Какъ вамъ сказать? Можетъ быть и нужно, но невозможно. Каждый вѣкъ смотритъ на предъидущую исторію иначе и переѣлываетъ ее по своему. Впрочемъ съ этимъ затрудненіемъ должна справляться наука, а мы говоримъ о журналистикѣ. Я вамъ и говорю, что не могу писать статью, не требуемую текущими дѣлами. Я этого и самъ не подозрѣвалъ до тѣхъ поръ, пока не взялся писать для русскаго журнала, имѣя самыя смутныя понятія объ томъ, что у васъ требуется и чего не требуется.

Я. Но затѣмъ вамъ кружокъ людей, одномыслищихъ съ вами, съ которыми вы, какъ вы выражаетесь, могли бы вмѣстѣ писать?

Онъ. А все затѣмъ-же. Разъ мы до такой степени солидарны съ обществомъ, что не можемъ писать ненужныя вещи, — личная мысль, если она, конечно, не какойнибудь исключительный гигантъ, имѣетъ у насъ весьма мало значенія. Стоитъ на очереди какойнибудь вопросъ. Если онъ очень специаленъ, такъ его и беретъ на разсмотрѣніе специалистъ. А нѣтъ, такъ мы просто собираемся въ редакціи и спрашиваемъ: кто будетъ писать о томъ-то? т. е. кто свободнѣе, кто больше интересуется дѣломъ и проч. А въ сущности кто бы ни взялся, выйдетъ одно и то-же. Всѣ мы приблизительно одного развитія, имѣемъ одинакія знанія, а если у меня по этой части чего-нибудь не хватаетъ, такъ со мной подѣлятся товарищи; подѣ всѣми нами одна и таже почва. И такъ какъ мы не рождемся за тѣмъ, чтобы статья была, что называется, хорошая, а только за тѣмъ, чтобы въ известное время явилась статья известнаго содержанія, то для насъ рѣшительно безразлично кто возьмется ее написать: завтра ее все равно забудутъ, она должна произвеста известное впечатлѣніе сегодня.

Я. И что же, скажите пожалуйста, дѣло такъ во всѣхъ редакціяхъ идетъ?

Онъ. Не могу вамъ сказать, потому что въ другихъ не бывалъ. Думаю, не во всѣхъ, навѣрное не во всѣхъ, хоть бы ужъ потому, что только социалистическому направленію грозитъ опасность исторіи газеты Дюшена и Вермореля. Опять и понятія о нужныхъ и ненужныхъ вещахъ въ различныхъ направленіяхъ различны. Да и вообще въ другихъ направленіяхъ дѣствуетъ столько постороннихъ вліаній, что дѣло тамъ представляется въ сильно измѣненномъ видѣ.

Этотъ разговоръ навелъ меня на дѣльный рядъ размышленій о нашей литературѣ и литературѣ европейской, а затѣмъ и объ нашей и заграничной жизни вообще. Кое-что изъ этихъ размышленій я нахожу достойнымъ вниманія читателей.

Меня поразило прежде всего то, что такой замѣчательно умный и разносторонній человѣкъ, какъ мой собесѣдникъ, оказывается радовой силой, не имѣющей никакого личнаго значенія, въ какой-то маленькой, неизвѣстной газетѣ. Въ нашей литературѣ этотъ человѣкъ занималъ бы несомнѣнно очень видное мѣсто. Если даже отнестъ многое въ положеніи моего собесѣдника на счетъ того направленія, котораго онъ держится, то все-таки сравнительная высота литературнаго уровня въ Европѣ будетъ поразительна. Съ другой стороны поражаетъ зависимость литературы отъ общества, ея исключительное служебный характеръ. Люди совершенно не думаютъ объ «хорошихъ» статьяхъ, и не смотря на всѣ свои личные достоинства, умираютъ въ полнѣйшей неизвѣстности на службѣ своему дѣлу. У насъ ничего такого нѣтъ. Гоголь слѣдующимъ образомъ описывалъ процессъ своего писанія:

«Сначала нужно набросать все, какъ придется, хотя бы плохо, водянисто, но рѣшительно все, и забыть объ этой тетради. Потомъ, черезъ мѣсяць, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само собой) достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не такъ, много лишняго, а кое чего и недостаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ—и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ новыя замѣтки на поляхъ, и гдѣ не хватаетъ мѣста—взять отдѣльный клочокъ и приклеить къ боку. Когда все будетъ такимъ образомъ написано, возьмите и переписните тетрадь собственноручно. Тутъ сама собой явятся новыя оваренія, урѣзы, добавки, очищенія слога. Между прочимъ вслочать слова, которыя необходимо должны быть, но которыя почему то не являются сразу. И опять положите тетрадицу. Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего или хоть пишите другое» и т. д. Въ концѣ концовъ Гоголь объясняетъ, что онъ продѣлываетъ всю эту процедуру восемь разъ, но что другимъ можетъ быть нужно больше, а можетъ меньше. (Русская Старина, 1872, № 1. Воспоминаніе о Гоголѣ Н. Берга).

Конечно, мы далеко ушли отъ гоголевскаго времени, да и приведенный рецептъ касается собственно беллетристики, которой, говорятъ, писаны особые законы. Не будемъ спорить объ этомъ. Приведенный рецептъ все-таки любопытенъ, и едва-ли кто ибудь изъ близко знакомыхъ съ дѣломъ скажетъ, чтобы выразившаяся въ немъ независимость отъ общественныхъ нуждъ исчезла въ нынѣшней литературѣ, хотя конечно безобразная правильность гоголевскаго рецепта есть уже нынѣ антикъ. Разумѣется, я говорю только о массѣ писателей русскихъ и заграничныхъ, и притомъ главнымъ образомъ журналистовъ. И

въ Европѣ есть писатели, не думающіе о своей дѣятельности, какъ о функціи общественной, и въ Россіи есть писатели, помышляющіе не только объ томъ, чтобы ихъ статьи были хороши въ специально литературномъ смыслѣ. Но обыкновенный, рядовой русскій писатель, будучи посаженъ на необитаемый островъ, навѣрное не утратитъ способности писать о томъ предметѣ, который его занималъ въ отечествѣ. Обыкновенный же, рядовой европейскій писатель оказывается совершенно бессильнымъ, безрукимъ, какъ только подъ нимъ не движутся и не шумятъ привычныя общественныя волны. Что лучше? Самостоятельность-ли русскаго писателя, или зависимость европейскаго? Ставя вопросъ въ такой формѣ, я не забываю пристрастія многихъ къ сакраментальнымъ словечкамъ, въ родѣ «самостоятельность», «независимость», а потому напоминаю, что общій уровень персонала европейской литературы несомнѣнно выше, чѣмъ у насъ.

Въ числѣ причинъ, обуславливающихъ сравнительную зависимость русскаго писателя отъ общественныхъ нуждъ, отъ общественной почвы, очень важную роль играютъ внѣшнія, цензурныя условія. Иной писатель и радъ бы можетъ быть поговорить о злѣбѣ дня, но надъ нимъ виситъ Дамокловъ мечъ административныхъ и уголовныхъ взысканій, и онъ поневолѣ пишетъ о паденіи западной Римской имперіи и прішествіи Варяговъ въ Россію. Въ исторіи русской литературы нѣтъ такихъ моментовъ, когда между положеніемъ писателя въ своемъ отечествѣ и положеніемъ его на необитаемомъ островѣ разницы мало. Это очень печально, очень нехорошо, потому что заграждаетъ литературѣ путь къ исполненію ея истинныхъ обязанностей, задерживаетъ развитіе всего общества, приучаетъ писателей къ іезуитизму. Цензура не хорошая штука, какъ говорить мой собесѣдникъ иностранецъ. Но онъ прибавляетъ: и мы не на розахъ. Онъ привелъ въ подтвержденіе своей мысли исторію газеты Дюшена и Вермореля. Послѣ того я прочиталъ маленькую нѣмецкую брошюру анонимаго автора «Die Congruenz in Oesterreich», въ которой есть небезынтересныя свѣдѣнія о положеніи періодической печати въ Австріи. Оказывается, что всѣ болѣе или менѣе распространенныя вѣнскія газеты запрода ны разнымъ банкамъ и другимъ акціонернымъ предпріятіямъ. Моду эту завелъ умерній въ прошломъ году царь вѣнской журналистики, главный дѣятель газеты «Neue freie Presse» Фридендеръ, человѣкъ очень талантливый и пользовавшійся европейскою извѣстностью. Но кромѣ того, что каждая видная газета принадлежит тому или другому, а иногда двумъ заразъ акціонернымъ учрежденіямъ, каждый выпускъ акцій вновь возникающаго предпріятія сопровождается подачками издателямъ газетъ, нѣкоторымъ фельетонистамъ и редакторамъ экономическихъ отдѣловъ. Авторъ упомянутой брошюры приводитъ счетъ этихъ расходовъ одного банковаго учрежденія, возникшаго въ

1871 году. Счетъ этотъ доходитъ до 34,000 гульденовъ. Суммы распределены сообразно значенію газетъ и лицъ. Такъ «Neue freie Presse» получила 2,500 гульденовъ, а «Ungarischer Actiönpäg» — 400, Herr N получилъ 750 гульденовъ, а Herr L удовлетворился 100. Тузы журналистики получаютъ эти подачки въ самой respectable формѣ, а мелкотравчатымъ приходится выпрашивать, лебезить, угрожать. Маленькія газетки составили даже въ послѣднее время общество съ этою цѣлью выпрашивания и угрожанія. Подачки совершаются еще въ особенной формѣ: за объявленія отъ банковыхъ и другихъ акціонерныхъ учреждений взимается двойная и болѣе плата. Мелкія газеты перепечатываютъ эти объявленія безъ спроса самихъ объявителей и ватѣмъ предъявляютъ имъ счеты. Такъ, что въ вѣнскихъ газетахъ объявленія часто сопровождаются слѣдующими словами: «за перепечатку не платятъ». Но и это не останавливаетъ борзыхъ журналистовъ. Для насъ важны не столько эти подробности, сколько ихъ общій смыслъ и результатъ. А результатъ ясенъ: фактически свободную вѣнскую періодическую печать ни въ какомъ случаѣ назвать очевидно нельзя; вся она находится въ рукахъ кучки банковыхъ и акціонерныхъ дѣателей и должна говорить только то, что дозволено этою плутократической цензурой. Что же лучше, или пожалуй, что хуже—наша цензура или вѣнская?

На дняхъ я прочиталъ двѣ любопытныя книжки: «Мемуары журналиста» знаменитаго Вильмессана и книгу Сентъ-Бѣва о Прудонѣ. Я прочиталъ эти книги непосредственно одну за другою и очень радъ этому случайному обстоятельству, потому что такимъ образомъ фигуры Прудона и Вильмессана, отгнѣвая другъ друга, представляются мнѣ съ особенною ясностью. Два человѣка: гигантъ и гадина. Все велико въ одномъ. Кто не позавидуетъ чистой, безупречной даже отъ увлеченій молодости частной жизни Прудона. Кто не позавидуетъ его идеѣ: найти формулу общественной справедливости, которой должны подчиниться эгоистическія силы общества. Кто не позавидуетъ даже судьбѣ его: двадцать пять лѣтъ сряду держать вниманіе всего образованнаго міра на любимомъ и дорогомъ вопросѣ. Кто не позавидуетъ даже самоувѣренности, съ которою онъ пишетъ, напримѣръ, къ одному другу, приговоря къ изданію своей первой мемуаръ о собственности: «Молись Богу, чтобы нашелся издатель: отъ этого зависитъ можетъ быть спасеніе націи». Въ другомъ это было бы просто смѣшнымъ самохвальствомъ, потерпѣвшимъ фіаско. Но въ Прудонѣ я вижу только глубокую, почти слѣпую вѣру въ свое дѣло и фанатическую преданность ему.

Вотъ другой человѣкъ,—Вильмессанъ. Свои мемуары онъ напишетъ пошлымъ либеральничаніемъ, напоминаемъ о томъ, что онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за либерализмъ и проч. Но вотъ его исторія, какъ журналиста, вѣрнѣе только начало исторіи.

Приѣзжаетъ человекъ въ Парижъ съ женой. Онъ ни къ чему не готовъ, онъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго плана, меньше всего думаетъ онъ о томъ, чтобы завести газету. Но судьба стаякиваетъ его съ газетчишкою. Идутъ тарн-барн, и вдругъ его освѣщаетъ идея: почему модные журналы некрасиво издаются и не сопровождаются какими-нибудь фельетонами, какой-нибудь беллетристикою? Вильмессанъ немедленно идетъ къ типографщику и устраиваетъ себѣ кредитъ: его идея показалась оригинальною и плодотворною. Затѣмъ Вильмессанъ идетъ дальше и предлагаетъ парфюмерамъ, владѣтелямъ модныхъ магазиновъ и проч. рекламы, разумѣется, не даромъ. Кое гдѣ удается. И «Сильфида» выходитъ. Рекламы имѣютъ успѣхъ. Окрыленный успѣхомъ Вильмессанъ идетъ къ Эмилю Жирардену и между ними очень быстро устраивается слѣдующее соглашеніе: Жирарденъ разрѣшаетъ Вильмессану писать въ его, Жирардена, газетѣ одинъ фельетонъ въ недѣлю, за что Вильмессанъ повиненъ платить Жирардену сто франковъ за каждую недѣлю впередъ. Вильмессанъ торгуется съ разными торговцами за рекламы, но рекламы пишетъ не самъ, а нанимаетъ подходящихъ писателей. «Въ концѣ концовъ, говоритъ онъ, фельетонъ въ Presse (газетѣ Жирардена) былъ для меня золотымъ дномъ. Мнѣ строчка обходилась въ двадцать пять сантимовъ, получала я за нее 5 — 10 франковъ. Найдите мнѣ заемъ, хоть бы это былъ мексиканскій, въ который выгоднѣе бы было поимѣстить капиталъ! Разъ попробовавъ этой торговли, я уже вошелъ во вкусъ. Я послѣдовательно овладѣлъ, кромѣ Presse, фельетономъ въ Commerce, во France, чисто ролистической газетѣ. Потомъ я возымѣлъ мысль соединиться съ нѣкѣихъ г. X. и овладѣть фелетонами въ Débats и въ Quotidienne. Такимъ образомъ въ нашихъ рукахъ было пять газетъ, и всѣ парижскія фирмы, прибѣгающія къ рекламѣмъ (въ оригиналѣ рѣзчь: vivant de l'exploitation de la publicité); испытали иго нашей монополіи». Надо самому читать книгу Вильмессана, чтобы оцѣнить мѣдный лобъ и хрустальную совѣсть, съ которыми онъ разсказываетъ о своихъ похожденияхъ. Я читалъ только первый томъ, въ которомъ автобіографія бесовѣстнѣйшаго изъ писакъ не доведена до исторіи его знаменитой дѣятельности въ качествѣ издателя Figaго. Тутъ, какъ извѣстно, онъ пережегъ мнѣ всѣхъ вѣнскихъ газетчишковъ вмѣстѣ. А! если у насъ нѣтъ Прудоновъ, то нѣтъ по крайней мѣрѣ и Вильмессановъ, нѣтъ ни до такой степени грязной дѣятельности, ни до такой степени наглого поимѣствованія объ ней. Гдѣ же лучше?

Если имѣть въ виду только Вильмессана, то какъ не сказать, вмѣстѣ съ г. Успенскимъ въ томъ именно бугвальномъ смыслѣ, въ какомъ его поняли добъзачіе, какъ не сказать: «у насъ хорошо, а тамъ свинство и зло». Но съ точки зрѣнія, на которой дѣйствительно стоитъ г. Успенскій, пожалуй и Вильмессану можно позавидовать. Дѣло въ томъ, что и Прудоновъ,

и Вильмессанъ, и мой скромный собесѣдникъ иностранецъ, и фигурирующіе въ «Запискахъ» г. Успенскаго версальскій неправедный судія и свирѣбный берлинскій побѣдитель, — всѣ эти люди живутъ по совѣсти и слабо живутъ: каково бы ни было дѣло, которому они отдались, но они ему отдались цѣлкомъ, совѣстью не болѣетъ, ненавидать сильно и сильно любить, смѣло заявляютъ чего они хотятъ и дѣлаютъ только то, во что вѣрятъ, что хотятъ дѣлать. Въ Европѣ дѣйствуютъ и величіе и подлость, и скромность и наглость, и самоотверженіе и эгоизмъ, и продажность и неподкупность, но каждый шагъ тамъ во всякомъ случаѣ сознательнъ. А у насъ? Доѣзжающимъ особенно поправилось въ «Запискахъ» г. Успенскаго слѣдующее мѣсто: «...Насмотрѣвшись на это, пойдите укрыться въ портерную, но и тамъ тоже, — сабли и палаши ѣдаютъ по ногамъ, повсюду шевелится усы, одни другимъ отдають честь и всѣ вмѣстѣ вновь прибывшему. Но существеннѣйшая вещь, — это полное *убѣжденіе* въ своемъ дѣлѣ, въ томъ, что бычачьи рога вмѣсто усевъ есть красота почище красоты прекрасной Елены. Спросите любого изъ этихъ усевъ о его врагѣ и полюбуйтесь какой въ немъ сидитъ образцовый сознательный звѣръ. Проглотивши такую заграничную картину, невольно думаешь: «нѣтъ, ужъ этого у насъ нѣтъ!» И въ темнотѣ вагона припоминается нашъ солдатикъ Кудиничъ, который, прослуживъ двадцать-пять лѣтъ Богу и государю, теперь доживаетъ вѣкъ въ караулѣ на огородѣ, пугая воробьевъ. Онъ тоже весь израненъ, избитъ, много дрался и имѣлъ враговъ изъ разныхъ націй, а поговорите ко съ нимъ, врагъ ли онъ имъ? — «А поляки? Какъ?» — Поляки тоже народъ ничего, народъ чистый. — «Добрый?» — Поляки народъ, надо такъ сказать, народъ добрый, хорошій... Она, польва, ни за что тебя, напримѣръ, не допустить въ сапогахъ... напримѣръ, заснутъ ежи. — «Не допустить?» — Ни боже мой!... ходи чисто, благородно! — «А черкеса? Ты дрался съ черкесами?» — Эва! Мы черкеса перебили смѣты нѣтъ! Довольно намъ черкесъ извѣстенъ. Лучше этого народа, надо такъ сказать прямо, не смѣнешъ. — Всѣ его враги — добрые люди, неизвѣстно зачѣмъ бунтуютъ. Всѣхъ онъ усмирить, — и вотъ теперь сидитъ въ караулѣ, тачаетъ что-то; разговариваетъ съ сабачонкой Кургузкой и, вспоминая прошлое, говоритъ: «охъ грѣхи-грѣхи тяжкіе!» Какое же сравненіе: здѣсь доброта, тамъ свинство и зло. Нѣтъ, у насъ лучше».

Я понимаю, что это мѣсто можетъ нравиться, потому что оно дѣйствительно очень хорошо. Но я не понимаю, какъ доѣзжачіе не обзаведутся какими нибудь энциклопедическими лексиконами и не поищутъ тамъ разъясненія словъ «юморъ», «иронія». Хорошо, конечно, что Кудиничъ добрый, и не хорошо, что версальскій несправедливый судья — злой. Но хорошо-ли, что Кудиничъ перебилъ ни въ чемъ неповиннаго, съ его, Кудинича, точки зрѣнія, черкеса? И такъ-ли ужъ дурно-то, что

версальскій судія бьетъ коммунара, который есть въ его глазахъ дикій звѣрь и врагъ человѣческаго рода? Вообще, что лучше, или пожалуй, что хуже, — врага-ли человѣческаго рода бить, или чудеснѣйшаго человѣка, каковаго другого не сыщешь?

Посыпьте-же пепломъ главы свои, борзятники, и примите мою благодарность. Признаюсь, мнѣ бы никогда не пришло въ голову бесѣдовать съ борзятниками о «Запискахъ» г. Успенскаго, — потому что дѣло и безъ меня поставлено очень ясно, — если бы это не давало мнѣ повода вообще объ разныхъ предметахъ побесѣдовать съ читателемъ. Меня интересуютъ собственно та сторона вопроса: гдѣ лучше? отъ которой г. Успенскій отступаетъ. «Въ этомъ очеркѣ, говоритъ онъ, рѣчь идетъ не о томъ, что хорошъ или дуренъ тамошній порядокъ». Онъ беретъ дѣло болѣе съ психологической стороны, со стороны больной и здоровой совѣсти, «какъ бы она ни была направлена». Меня-же интересуютъ причины того или другаго ея направленія и самое это направленіе; ровно какъ и причины того, что европеецъ «на своемъ знамени въ данную минуту можетъ написать такое словечко, которое ему дороже жизни», а русскій человѣкъ, вообще говоря, этого сдѣлать не можетъ. Къ этому я собственно и разговоръ свой съ иностранцемъ привелъ, и рассказалъ что въ иностранныхъ книжкахъ читалъ. Надо еще что нибудь изъ русской жизни рассказать, а потомъ и итоги подвести можно.

Въ № 10 «Гражданина» напечатано извлеченіе изъ приготовляющагося къ печати сочиненія г. Степанова «Плутократія». Въ статьѣ этой доказывается, что кредитъ никогда не долженъ выходить изъ рукъ государства, наравнѣ съ судомъ и войскомъ, что на кредитъ нельзя смотрѣть, какъ на товаръ, которымъ каждое частное лицо можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Я не буду слѣдить за развитіемъ этой мысли въ извлеченіи «Гражданина», и приведу только двѣ-три подробности. Авторъ утверждаетъ, что повсюду въ Европѣ плутократія, т. е. кучка денежныхъ дѣльцовъ, банкировъ, ажіотеровъ, спекулянтовъ, «финансистовъ», ограничила съ одной стороны право и значеніе верховной власти, а съ другой — обобрала и довела до нищеты и отчаянія народъ. Такое положеніе вещей повело наконецъ къ протесту съ низу. «Народныя партіи, путемъ стачекъ, рабочихъ ассоціацій, политическихъ союзовъ, сельскихъ банковъ, рабочихъ кассъ и наконецъ въ послѣднее время путемъ общества, извѣстнаго подъ именемъ интернаціонала, протестуютъ противъ безнаказаннаго нарушенія финансистами правъ собственности народа на кредитъ, какъ на его общее и недѣлимое достояніе, и требуютъ исправленія существующаго ошибочнаго порядка государственнаго управленія». Это движеніе не имѣетъ прямого отношенія къ формамъ правленія, ибо оно обнаруживается и въ монархическихъ государствахъ разныхъ оттѣнковъ, и въ республиканскихъ. Авторъ приводитъ про-

грамму сѣверо-американскихъ социалистовъ, которая имѣетъ единственною дѣлю «исправить ошибочную, по отношенію къ кредиту, форму государственнаго управленія и поставить этимъ путемъ финансовъ или плутократію въ невозможность эксплуатировать благосостояніе народа». Авторъ прибавляетъ, что если справедливыя требованія американскихъ социалистовъ не будутъ *во время* (курсивъ автора) удовлетворены, то Америкѣ грозятъ весьма важныя бѣдствія. Обращаясь къ Россіи, авторъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ финансовой системѣ Екатерины II, имѣвшей результатомъ невозможность вредной торговли кредитомъ, какъ частной собственности, къ ея осторожности въ дѣлѣ допущенія учрежденія акціонерныхъ обществъ и т. д. Въ концѣ концовъ авторъ замѣчаетъ «поразительное сходство» между нѣкоторыми мѣропріятіями Екатерины и программой социалистовъ. Но съ 1810 года произошло, по мнѣнію автора, вредное уклоненіе отъ финансовой политики Екатерины; рядомъ ошибокъ мы пришли нынѣ къ самому краю плутократической пропасти. Я бы гораздо дольше остановился на воззрѣніяхъ г. Степанова, если-бы его сочиненіе имѣлось въ болѣе полномъ и законченномъ видѣ. Теперь-же его воззрѣнія занимаютъ меня не столько по существу, сколько по отношенію къ «Гражданину». Г. Достоевскій такъ много и такъ сильно ругался надъ социализмомъ, что я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ его газетѣ мысли въ родѣ вышеприведенныхъ. Презрѣнныя требованія безбожной «интернаціоналки» оказываются справедливыми требованіями «интернаціонала». Социализмъ оказывается спасеніемъ народа и несвоевременное исполненіе его программы должно повести къ неисчислимымъ бѣдствіямъ. Оказывается даже поразительное сходство между социалистической программой и программой славной русской императрицы. Въ № 1 «Гражданина» раздавались ругательства противъ социализма и одобрялся проектъ новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ, которымъ проектомъ облегчается развитіе этихъ учреждений. Въ № 10-мъ «Гражданина» раздаются похвалы социализму и одобряется проектъ американскихъ социалистовъ, требующій совершенно уничтоженія акціонерныхъ обществъ. Но есть-ли это та же самая, рассказанная г. Успенскимъ исторія добраго солдата Кудинича, который неизвѣстно за что и для чего перебилъ многое множество чудеснѣйшаго народа изъ черкесовъ? Исторія, можетъ быть и пріятная, и лестная для нашего самолюбія, потому что Кудиничъ добрый, но все-таки, съ другой стороны исторія скверная, потому что какъ ни какъ, а народу чудеснѣйшаго перебито гибель.

Ничего подобнаго этому казусу въ заграничной печати случится не можетъ. И не потому вовсе, что тамъ, напримѣръ, лучше понимается теоретическое значеніе социализма или иной какой доктрины, чѣмъ у насъ. Собственно азбуку-то теоретическую г. Достоевскій конечно знаетъ, а съ другой стороны

возможны на этомъ пунктѣ и въ Европѣ ошибки, чисто умственнаго свойства. Дѣло въ томъ, что въ Европѣ невозможно такое нравственное шатаніе, такой недостатокъ дѣйствительной любви и дѣйствительной ненависти, какой обнаруживается въ приведенномъ эпизодѣ съ «Гражданиномъ». Въ Европѣ люди или не говорятъ серьезно о той или другой доктринѣ, о тѣхъ или другихъ интересахъ, о томъ или другомъ дѣлѣ, или же отдаются ему цѣлкомъ въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, т. е. либо ненавидятъ его всѣмъ сердцемъ, либо кладутъ за него жизнь свою. И если у кого нвѣ этихъ европейскихъ людей даже не хватитъ разуму и фактическихъ знаній для отличенія предметовъ ненависти отъ предметовъ любви, то имъ подскажетъ самое ихъ положеніе—что нужно дѣлать и говорить. У насъ не то. Не то что г. Достоевскій, а такой, можно сказать, прожженный человѣкъ, какъ г. Салъковский, находящійся въ водоворотѣ практической жизни, профессоръ политической экономіи, дѣлопроизводитель общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, — и тотъ вдругъ ни съ того ни съ сего объявляетъ, что содѣйствуемая имъ торговля и промышленность ведутъ къ нищетѣ, преступленіямъ и проч. А блеснувъ такимъ образомъ социализмомъ, вновь возвращается къ содѣйствію. Все такіе добрые Кудиничи! А тамъ въ Европѣ то сидятъ звѣря съ удивительнѣйшимъ нюхомъ, съ изощреннѣйшимъ чутьемъ, отъ младыхъ ногтей воспитывающіе въ себѣ ненависть и любовь и бьющіе и умирающіе не незнамо за что, а за то-то и то-то. Конечно и тамъ много, очень много избивается черкесовъ, но за то тамъ ихъ чудеснѣйшимъ народомъ не считаютъ, да и фактически разница не велика: чудные черкесы и у насъ въ концѣ концовъ избиваются. Но такъ какъ Кудиничъ лично не имѣетъ интереса бить черкеса и даже считаетъ это грѣхомъ, то у него совѣсть больна, а у европейскаго звѣря она здорова. Борзятники! Мнѣ завидно: у васъ Щедринъ и Успенскій, возьмите и меня къ себѣ. Я давно говорилъ, что русская литература именно потому вяла и плеска, что работаетъ на благо еще не существующихъ у насъ интересовъ и что ей по неволѣ нельзя имѣть чистой совѣсти, а что въ сущности она, русская литература, добрая. Но вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ можемъ мы положиться на эту доброту? Подведемъ итоги, такъ какъ слагаемая у насъ вышла черезчуръ разбросанными.

Если наша точка зрѣнія на то, гдѣ лучше и когда лучше, есть точка зрѣнія зародышевая, такъ это потому, что и сами мы только зародыши, и интересы наши только зародышевы, и вся Россія наша есть огромный зародышъ. Мы — дѣйствующія лица недописанной и только набросанной драмы. Но жизненные драмы не остаются въ портфель автора. Они непременно дописываются и ставятся на сцену, вызывая аплодисменты, лавровые вѣнцы, букеты розъ и камелій съ одной стороны, свистки

и пникой картофель съ другой. Допишется и поставится на сцену и наша русская драма. И мы за нее отвѣтственны, потому что мы не только дѣйствующія лица ея, а и авторы. Въ известной фазѣ развитія зародыши весьма различныхъ организмовъ вполне слонны между собой, такъ что, по увѣренію натуралистовъ, не всегда даже легче сказать кака я именно форма должна развиться изъ даннаго зародыша. Вѣрно только то, что онъ зародышемъ не останется. Такъ и съ нашимъ громаднымъ зародышемъ — Россіей. Какъ бы ми ни устладалисъ многіе о добротѣ Кудинича и Кудиничей, но ей рано-ли поздно-ли придется кончить, ибо совѣсть стремится къ равновѣсію. Одно изъ двухъ: будущій Кудиничъ либо перестанетъ бить череса совѣсть, хоть вы его самого убейте, либо будетъ бить его, какъ вреднѣйшаго челоуѣка и кровнаго своего врага. Будущій г. Смальковскій будетъ либо только содѣйствовать, либо только указывать на зловредность содѣйствія. Вудущій «Гражданинъ» будетъ либо только проклинать социализмъ, либо только возлагать на него надежды. Дѣйствительный, жизненный, кровный, личный интересъ прикуетъ ихъ крѣпко на крѣпко къ тому или другому образу мыслей и дѣйствій. Тогда намъ станетъ совершенно понятнымъ то, что мы говорили мой собесѣдникъ — иностранецъ. Тогда явятся у насъ, можетъ быть, очень умные и образованные писатели, не имѣющіе никакого личнаго значенія и не помышляющіе о таковомъ; писатели, которые будутъ совершенно удовлетворены тѣмъ, что въ известное время будетъ сказано известное слово; писатели, которые не будутъ въ состояніи ни писать на необитаемомъ островѣ, ни молчать въ своемъ отечествѣ. Явятся можетъ быть и другіе писатели, которые подобно вѣнскимъ публицистамъ и Вильmessану, будутъ продаваться съ аукціона, но будутъ дѣлать это открыто, во всеуслышаніе, и не постыдятся разсказать всѣ подробности совершенной ими сдѣлки.

Эта чисто-психологическая сторона дѣла показываетъ однако только, что зародышъ перестанетъ бить зародышемъ. Но этого мало. Желательно знать, въ какия именно формы отолется зародышъ. А такъ-какъ всякия наши предвидѣнія и разсужденія о будущемъ необходимо осложняются чисто-субъективными элементами, надеждами и опасеніями, то въпресѣ сводится къ тому—какия именно формы развитія желательны для нашего зародыша. Еслибы ми имѣли дѣло съ настоящимъ органическимъ зародышемъ, то не объ чемъ было бы и разсуждать, нечего было бы и волноваться. По неизвѣстнымъ намъ причинамъ, органической зародышъ проходить въ своемъ развитіи всѣ тѣ стадіи, которыя прошелъ весь длинный рядъ его предковъ. Въ этомъ именно состоитъ законъ наслѣдственности. Господамъ органистамъ и другимъ приверженцамъ аналогическаго метода въ социологій было бы очень желательно подвести подъ этотъ законъ и развитіе общества. Но, къ счастью, или къ несчастію,

это рѣшительно невозможно. Никакое общество не обязано проходить черезъ всѣ метаморфозы, которымъ подверглись его старшіе въ историческомъ порядкѣ родичи. Здѣсь имѣеть мѣсто законъ не наслѣдственный, а педагогической передачи особенностей. Передача эта совершается двумя путями — положительнымъ и отрицательнымъ, которые впрочемъ почти всегда совпадаютъ. Страшны были муки родовъ науки въ старой Европѣ. Каждое крошечное открытіе имѣеть тамъ длинную исторію умственныхъ и нравственныхъ усилій, заблужденій, преслѣдованій, борьбы. Пока тамъ развивалась такимъ образомъ наука, мы лежали на печи. Пришло время и для насъ, и мы получили въ свое распоряженіе науку, а между тѣмъ мы не дѣлали ей исторію, не участвовали въ ней. И никому не придетъ въ голову требовать, чтобы явился русскій Галилей, чтобы и все предшествовавшее Галилею повторилось у насъ, чтобы нашъ Галилей повторилъ свое «а все-таки движется!» и т. д. Не только никому не придетъ въ голову такая негнѣная идея, но всякій согласится съ тѣмъ, что желательно было бы устранить изъ исторіи науки въ Россіи и то малое (сравнительно), что напоминаетъ исторію Галилея. Да еслибы кто-нибудь и пожелалъ этого, то онъ конечно остался бы при одномъ желаніи, ибо не принять готовую истину нельзя. На то она истинна. Такъ совершается положительная педагогическая передача благъ цивилизаціи. Она очевидно не только не обязываетъ «соціальныи организмъ» проходить метаморфозы старшихъ родичей, но напротивъ стремится устранить большинство ихъ въ организмѣхъ позднѣйшихъ. Этотъ процессъ устранения составляетъ отрицательный путь педагогической передачи. Если мы видимъ, что, напримѣръ, известная комбинація обстоятельствъ порождаеть въ Европѣ рѣзню, то какою, съ позволенія сказать, чортъ потянетъ насъ къ этой комбинаціи? Конечно, мы постараемся обойти ее, должны по крайней мѣрѣ стараться изъ всѣхъ силъ и можемъ отступить только передъ завѣдомою неизбежностью. Съ этой точки зрѣнія неопредѣленность зародышеваго состоянія представляетъ даже нѣкотораи, и весьма важныи, удобства. Возьмемъ хоть бы нашу цензуру, чтобы не выходить изъ круга собственно литературныхъ дѣлъ. Цензура, конечно, вещь весьма стѣснительная. Но вслѣдствіе неопредѣленности нашего зародышеваго состоянія любая администрація по дѣламъ печати только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ сосредоточить у насъ свое вниманіе на одномъ какомъ нибудь, дѣйствительно важномъ пунктѣ. Она должна дѣйствовать больше, такъ сказать, въ разсмынную, иногда попадаа, иногда минуа дѣйствительно большое мѣсто. Наши старшіе родичи—Австрія, Франція—уже прошли эту ступень развитія, тамъ печать болѣе или менѣе эмансипировалась отъ вліянія правительства. Но, въ силу разъясненнаго нами соціологическаго закона, періодическая печать пошла въ руки горсти бароновъ биржи и фактически надѣла на себя

ярко цензуры плутократической. И ужъ эта цензура не промахнется, она задушитъ именно то, что стоитъ поперегъ дороги баронамъ биржи, и дастъ ходъ именно тому, что этимъ баронамъ требуется. Съ чисто психологической стороны, съ точки зрѣнія больной и здоровой совѣсти это лучше, потому что люди по крайней мѣрѣ знаютъ чего хотять, чего не хотять, во что вѣрять, во что не вѣрять. Но съ точки зрѣнія социологической, неопредѣленность нашего зародышеваго состоянія оставляетъ по крайней мѣрѣ надежду, что намъ пойдетъ въ прокъ примѣръ старшихъ родичей; что мы съумѣемъ обуздать своихъ журналистовъ, когда имъ придетъ въ голову мысль продаваться съ аукціоннаго торга; что мы вовсе обойдемъ эту непривлекательную ступень развитія періодической печати. Конечно, этой надеждѣ неизмѣнно сопутствуетъ опасеніе, что и намъ не избѣжать нѣкоторыхъ мерзостей европейской цивилизаціи: доброта Кудиничей сама по себѣ ни малѣйшей гарантіи не представляетъ. Но мы во всякомъ случаѣ имѣемъ возможность быть на сторожѣ, и теперь же, заранѣе различать пшеницу и плевелы, приглядываясь къ русскому зародышу съ одной стороны, къ широко развившейся европейской жизни съ другой. Если насъ спросить, въ чемъ именно состоятъ пшеница и плевелы и какіе ихъ отличительные признаки, то мы отвѣтимъ закономъ антиномичности всѣхъ благъ цивилизаціи: въ обществѣ, имѣющемъ пирамидальное устройство, всевозможныя улучшенія, если они направлены не непосредственно ко благу трудящихся классовъ, а ко благу цѣлаго, ведутъ исключительно къ усиленію верхнихъ слоевъ пирамиды. Понятія о благахъ цивилизаціи весьма элементарны и не нуждаются въ особыхъ разъясненіяхъ. Всякій знаетъ, что желѣзная дорога лучше проселка, что свобода лучше произвола, что знаніе лучше незнанія и т. д. Всѣ эти блага и берите, вырабатывайте ихъ сами или приобретайте путемъ положительной педагогической передачи. Все это—пшеница, но помните, что она, точно въ рукахъ фокусника, мгновенно обращается въ плевелы, какъ только направлена не непосредственно на благо трудящихся классовъ. Только на этомъ и большая наша совѣсть можетъ пока успокоиться,—что будетъ дальше—неизвѣстно.

Н. М.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

Годовое собраніе 2-го февраля 1873 года.

По открытіи собранія, состоявшаго изъ 39 членовъ, секретарь и казначей прочли слѣдующіе отчеты о дѣйствіяхъ комитета за 1872 г.

А) Мн. г. Къ 1-му января 1872 года числилось въ обществѣ 388 члена. Въ теченіи 1872 года избрано вновь 41. Внесены въ списки за умиравшей недоимокъ за прежніе годы 2. Исключены изъ списка умершіе ¹. Признаются сложившимся съ себя званіе членовъ, по случаю неплатежа денегъ въ теченіи богѣ двухъ лѣтъ, 8. Отказался отъ званія члена 1. Затѣмъ, къ 1-му января 1873 года числится въ спискѣ членовъ общества 400, въ томъ числѣ 28 дамъ.

Общество имѣло, по уставу, четыре обыкновенныхъ собранія, одно годовое (2-го февраля) и одно чрезвычайное. Комитетъ имѣлъ 26 *обыкновенныхъ* засѣданій, *одно чрезвычайное*.

Въ общихъ собраніяхъ присутствовало: 2-го января—20; 2-го февраля—39; 23-го апрѣля—15; 22-го октября—15, и 31-го декабря—29 членовъ.

Въ теченіи 1872 г. комитетомъ были произведены слѣдующія денежные пособія:

1) *Пенсіи* продолжались:

Одному лицу «Дружининская» въ 300 р.; 5-ти по 300 р.; 1-му въ 240 р., 1-му въ 210 р.; 2-мъ по 200 р.; 2-мъ по 180 р.; 4-мъ по 120 р.; 1-му въ 100 рублей.

Въ теченіи 1872 года въ составѣ пенсіонеровъ общества произошли слѣдующія перемѣны: двѣ пенсіонерки скончались, и вслѣдствіе ходатайства сестры ихъ о предоставленіи ей части ихъ пенсіи собираются необходимыми для разрѣшенія этого ходатайства свѣдѣнія. За смертію пенсіонера, производившаая ему пенсія назначена вдовѣ его.

Вновь назначены пенсіи: вдовамъ извѣстныхъ писателей: одной по 240 р. съ 1-го ноября 1872 года, и другой съ 1-го января 1873 г. по 300 р.

Всего, по прежнихъ и новымъ назначеніямъ, въ 1872 г. выдано 18 пенсій на сумму 8,836 р.

2) *На воспитаніе и ученіе* по прежнимъ и новымъ назначеніямъ ассигновано въ 1872 году 1,469 руб. 69 коп., и въ то число выдано 1,252 руб. 19 коп.

3) *Единоновременныя пособія* назначены 84 лицамъ или семействамъ на сумму 9,685 руб., въ томъ числѣ семи лицамъ назначалось пособіе въ теченіи года по два раза.

4) *Суды* выданы двумъ лицамъ на 600 руб.

5) *Продолжительное пособіе* назначено вдовѣ писателя по 100 руб. на два года (1872 и 1873 г.).

Такимъ образомъ, въ теченіи 1872 года всего пособій назначено 121 лицу на сумму 12,684 руб. 69 коп., и въ то число выдано 12,377 рублей 19 копѣекъ.

Сверхъ выдачи денежныхъ пособій комитетъ входилъ въ сношенія съ редакціями нѣкоторыхъ повременныхъ изданій по случаю ходатайства писателей о содѣйствіи имъ въ исполненіи редакціями ихъ обѣщаній или условій. Съ такими просьбами обращались къ комитету три лица. На всѣ отношенія комитета отвѣтовъ отъ редакцій не получено. По просьбѣ одного изъ указан-

¹ Б. И. Утинъ, А. Ф. Жоховъ, Ф. Ф. Кейзеръ, С. Н. Палаузовъ, П. П. Пекарскій, М. Ф. Ростовская, И. В. Штейнманъ и Д. И. Каченовскій.

ныхъ лицъ, г. Уткина, о дѣлѣ его съ редакціей «Петербургской Газеты» упомянуто въ извлеченіяхъ изъ журнала комитета, съ означеніемъ именъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, на точномъ основаніи утвержденныхъ общимъ собраніемъ 2 февраля 1872 года правилъ.

Кромѣ того, по просьбѣ одного лица собирались свидѣнія о времени выдачи ему 150 рублей однимъ книгопродавцемъ; по ходатайству другого лица вѣтребована его рукопись изъ редакціи одного журнала, и наконецъ по просьбѣ одной переводчицы сообщено редакціи требованіе просительницы объ удовлетвореніи ея за сдѣланный ею переводъ. По ходатайству председателя общества А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, одному писателю доставлено мѣсто. Комитетъ входилъ также въ министерство юстиціи съ предоставленіемъ объ увеличеніи размѣра пенсій вдовѣ писателя за службу ея мужа, но представленіе это не удовлетворено, и потому комитетъ ходатайствовалъ о назначеніи той же вдовѣ пенсіи изъ комитета заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, о назначеніи спектакля въ пользу ея семейства и объ опредѣленіи сына ея въ военное училище. При содѣйствіи генералъ-лейтенанта Н. В. Корсакова, сынъ просительницы уже опредѣленъ въ училище: ходатайство же о назначеніи спектакля въ пользу этого семейства, какъ несогласное съ высочайше утвержденными правилами о спектакльной платѣ, отклонено. По ходатайству комитета, управляющимъ морскимъ министерствомъ назначено ежегодное пособіе въ 150 руб. дочери извѣстнаго мореплавателя. Комитетъ принималъ мѣры, но безуспѣшно, къ помѣщенію дочери покойнаго преподавателя исторіи въ больницу умалишенныхъ. Малогнѣтный сынъ покойнаго археолога, при содѣйствіи члена общества И. Д. Делянова, опредѣленъ въ гимназію пенсіонеромъ. Комитетъ, по желанію вдовы писателя, обратился къ наказному атаману Войска Донскаго съ просьбой о предоставленіи ей мѣста повивальной бабки, но отвѣта по этому предмету еще не получено. Комитетъ входилъ въ сношенія о высадкѣ изъ московскаго университета учительскаго диплома одному писателю. По просьбѣ сына покойнаго преподавателя исторіи, комитетъ поручалъ К. Д. Кавелину собрать свидѣнія о ходѣ печатанія перевода покойнаго. По просьбѣ вдовы одного романиста, комитетъ принялъ на себя ходатайство о помѣщеніи просительницы въ контрольное отдѣленіе канцеляріи совѣта главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

Отклонено 70 просьбъ 58 просителей. Разрѣшеніе одной просьбы отложено впродъ до представленія просительницей болѣе подробныхъ свидѣній о правахъ ея на помощь со стороны общества.

Семь прошеній не были разрѣшены къ концу года по неполученію нужныхъ свидѣній.

По предложенію К. Д. Кавелина объ устройствѣ концерта, таковой состоялся 29-го марта и далъ чистой выручки 2,353 р.

Вслѣдствіе помѣщенной въ № 245 газеты «Русскій Міръ» замѣтки о дѣйствіяхъ комитета по дѣлу о назначеніи пособія одному лицу, редакціи означенной газеты была сообщена справка изъ дѣла, съ просьбой о напечатаніи этой справки въ одномъ изъ номеровъ газеты. Просьба эта была исполнена.

В) Изъ отчета, прочтеннаго назначаемъ, видно, что состояніе кассы литературнаго фонда въ теченіи 1872 года было слѣдующее:

I. Къ 1-му января 1872 г. состояло въ кассѣ . . . 54,347 р. 89 к.

Въ томъ числѣ:

Процентными бумагами . . . 53,140 р. — к.

На текущемъ счету 1,207 » 89 »

Итого . . 54,347 » 89 »

II. Въ теченіи года записано на приходъ 17,033 р. 80 к.

Всего съ наличностію кассы въ началѣ года . . 71,380 » 69 »

III. Въ теченіи года выписано въ расходъ 13,444 » 19 »

IV. Къ 1-му января 1873 г. состоитъ на лицѣ . . . 57,936 » 50 »

Въ томъ числѣ:

1) Процентными бумагами . . .	55,600 р. — к.
2) На текущемъ счету . . .	1,500 » — »
3) Деньгами	886 » 50 »

Итого . . . 57,936 » 50 »

Сумма эта 57,936 р. 50 к. превышаетъ состоявшую къ началу года наличность кассы 54,347 р. 89 к. на 3,589 р. 11 к.

Между тѣмъ, въ теченіи года отпущено:

1) Пособій на воспитаніе 17 лицъ	1,252 р. 19 к.
2) Пенсій 18 семействамъ	3,740 » — »
3) Пособій одновременныхъ и постоянныхъ 84 лицамъ	6,785 » — »
4) Суды 2 лицамъ	600 » — »

Вообще разныхъ пособій на . . . 12,377 » 19 »

Въ общей сложности воспользовались разными пособиями 121 лицо и семейство.

По стипендіи учрежденной въ память вѣшнаго предводителя общества, Е. П. Ковалевскаго:

I. Къ 1-му января 1872 г. состояло въ кассѣ . . .	7,606 р. 20 к.
II. Въ теченіи года записано на приходъ . . .	973 р. 32 к.

Всего въ приходѣ . . . 8,579 » 52 »

III. Въ теченіи года выписано въ расходъ . . . 689 р. 55 к.

IV. Затѣмъ состоитъ на лицо къ 1-му января 1873 г. 7,989 р. 97 к.

При настоящемъ устройствѣ капитала получено съ него процентовъ въ 1872 г. 421 р. 32 к.

Въ пользу общества было пожертвовано:

А. Деньгами:

Отъ Государя Императора	1,000 р. — к.
» Государыни Императрицы	360 » — »
» Великаго Князя Владиміра Александровича	200 » — »
» Великаго Князя Алексѣя Александровича	100 » — »
» Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Юсифовны	100 » — »
» Великой Княгини Елены Павловны	200 » — »
» Министерства Народнаго Просвѣщенія	1,000 » — »
» А. А. Карасева	10 » — »
» Типографія А. И. Мамонтова и К ^о	100 » — »
» Д. Н. Свербѣева	78 » — »
» О-ной	50 » — »
» Г-жи Арсенъевой	5 » — »
» 3-хъ неизвѣстныхъ	33 » — »

Процентныя деньги отъ редакцій:

» С.-Петербургскихъ Вѣдомостей	100 » — »
» Отечественныхъ Записокъ	58 » 47 »
» Вѣстника Европы	80 » 8 »

По духовнымъ завѣщаніямъ:

а) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ф. Г. Тимоѣева	1,200 » — »
б) Статскаго совѣтника Н. М. Василевскаго	300 » — »

Итого . . . 4,914 » 50 »

В) Неденежная пожертвованія:

М. М. Андреевъ читалъ публичны лекціи въ пользу общества.

Гг. Лавровская, Эсниова, Раабъ, Ауеръ и Лешетницкій приняли безвозмездное участіе въ концертѣ, данномъ 29 марта въ пользу общества; Магасини Югансена, Бутнера и Вазунова продавали безвозмездно билеты на этотъ концертъ.

Типографія Безобразова и К^о, какъ и въ прежніе годы, безвозмездно печатала избирательные бланки и за уменьшанную цѣну отчетъ общества за 1871 годъ.

Вышеприведенные отчеты секретаря и казначея были доставлены комитетомъ общества ревизионной комиссіи, которая, просмотрѣвъ ихъ по денежнымъ книгамъ и документамъ, по журналамъ и дѣламъ комитета, довела собранію, что счеты и дѣла находятся въ совершенной исправности, и объяснила при этомъ между прочимъ слѣдующее:

Въ статьѣ отчета секретаря о занятіяхъ членовъ общества, комиссія оставалась на малочисленности лицъ, посѣщающихъ общія собранія.

Для опредѣленія отношеній членовъ общества къ дѣятельности комитета, ревизионная комиссія имѣла двоякаго рода данныя: членскіе взносы и посѣщеніе членами общихъ собраній. Въ 1872 году доставили взносы 265 чл., и кромѣ того, въ равное время удалили посетенные взносы 89 членовъ. Такимъ образомъ, только 12% не доставили свои взносы; а присутствовало въ общихъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ членами комитета, тахіишмъ 39 чл. т.-е. 90% не присутствовали. Если первая цифра доказываетъ, что комитетъ продолжаетъ, по прежнему, привлекать къ себѣ вниманіе членовъ общества которые въ значительномъ большинствѣ спѣшатъ доставить ему денежныя средства къ дальнейшей дѣятельности, то съ другой стороны ничтожное меньшинство членовъ, являющихся въ общія собранія, говоритъ какъ будто бы о совершенно противоположномъ. Ревизионная комиссія, обративъ вниманіе на этотъ фактъ, пришла къ убѣжденію, что такое, повидимому, противорѣчіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что общія собранія такого общества, гдѣ членами являются или сами литературные дѣятели, или лица, принимающія участіе въ судьбѣ отечественной литературы и тѣхъ силъ, которыя посвящаются ей не только въ минуты досуга, но и всецѣло, — что такія общія собранія не представляютъ достаточнаго интереса, даже лишены того интереса, какой могутъ возбуждать въ своихъ членахъ собранія всякихъ другихъ, не литературныхъ обществъ, и именно по исключительному положенію членовъ нашего комитета, сравнительно съ комитетами и правленіями другихъ обществъ: нашъ комитетъ едва-ли не единственный, гдѣ члены несутъ безвозмездную службу; это во первыхъ; а во вторыхъ, во уставу нашего общества весьма справедливо воспрещено въ общихъ собраніяхъ упоминать лица, которыя обращаются къ комитету съ просьбами или пользуются помощью кассы нашего общества.

Такое невыгодное положеніе комитета и общихъ собраній, по всей справедливости, должно быть уравниваемо другимъ обстановкой какъ комитета, такъ и общихъ собраній, которая бы соответствовала и характеру самаго общества и тому интересу, который оно возбуждаетъ, находя себѣ богатую поддержку въ теченіи тринадцати лѣтъ существованія какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ общественномъ кругу: пожертвованія Августѣйшей фамиліи одни равняются болѣе трети всѣхъ членскихъ взносовъ; министерство народнаго просвѣщенія ежегодно доставляетъ сумму, равняющуюся 1/5 всѣхъ членскихъ взносовъ; въ послѣднее время начали являться, какъ то видно изъ послѣдняго отчета комитета, завѣщанія значительныхъ суммъ въ пользу общества. При такомъ покровительствѣ со стороны высшаго правительства и при постоянномъ общественномъ вниманіи къ нашему обществу, нѣтъ сомнѣнія, что всядія мѣры со стороны комитета для возбужденія интереса къ своей дѣятельности будутъ приняты повсюду съ полнымъ сочувствіемъ. Что же касается до самыхъ мѣръ, то онѣ указываются прежде всего на слѣдующія средства самаго общества, въ средѣ котораго находится

мною литературных силъ и общимъ характеромъ этого состава, вообще заинтересованнаго судьбой отечественной литературы. На основаніи этого, ревизионная коммисія предложила комитету разработать подробный планъ организаціи стевій въ общихъ собраніяхъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и представить его на обсужденіе общаго собранія для дальнѣйшаго потомъ ходатайства предъ правительствомъ объ учрежденіи одобренной обществомъ программы чтеній, съ цѣлью придать общимъ собраніямъ научный и литературный интересъ.

Наконецъ, ревизионная коммисія обратила вниманіе на появившіеся въ №№ 321 и 328 газеты «Новости» прошлаго года двѣ статьи, заключающія въ себѣ нареканія на дѣянія комитета и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его членовъ. Какъ бы ни были голословны и несправедливы подобныя журнальныя выходы, и въ какомъ бы періодическомъ изданіи онѣ напечатаны ни были, онѣ могутъ посылать въ публикѣ невыгодное мнѣніе объ обществѣ и вредить его чести и предіу. Вслѣдствіе этого, коммисія просила комитетъ сообщить ей данныя и факты, которые могли бы послужить основаніемъ къ разъясненію означенныхъ нареканій, и внимательно рассмотрѣвъ подлинныя, доставленные комитетомъ документы, можетъ теперь свидѣтельствовать, что названныя статьи наполнены совершенно невѣрными свидѣніями.

Новый составъ комитета за 1873-й годъ слѣдующій:

Предсѣдатель общества, Андрей Парменовичъ Заблоцкій-Десатовскій (Васил. Остр., 8 линія, № 89).

Помощникъ предсѣдателя, Михаилъ Матвѣевичъ Стасюловичъ (Газет. № 20)

Секретарь, Григорій Носыичъ Рынскій (Эртелевъ переул., № 1).

Казначей, Владиміръ Ивановичъ Вешняковъ (Максиміановскій переул., д. Воронина).

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА:

Константинъ Константиновичъ Арсенъевъ (Сергіевская, № 81).

Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ (Знаменская, № 38).

Григорій Григорьевичъ Даниловичъ (Петербургская часть, 2-я военная гимназія)

Валентинъ Федоровичъ Коршъ (Васил. Остр., 8 линія, № 37).

Ортелевъ переул., № 2).

Александръ Николаевичъ Пыпинъ (Васильев. Остр., Большой проспектъ, д. Доренцева).

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Фурштатская, № 33).

Алексій Сергѣевичъ Суворовъ (Васил. Остр., 15 линія, № 8).

Замѣтка для членовъ общества, жертвователей и просителей.—Всѣ прошенія, дѣла и бумаъ должны быть адресуемы на имя предсѣдателя, А. П. Заблоцкаго-Десатовскаго, или же на имя Общества, но съ точнымъ прописаніемъ слѣдующаго адреса: Въ *Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ С.-Петербургѣ*. Неточный адресъ не однажды былъ причиною крайне медленнаго доставленія пакетовъ.

Выдача пенсій и всякаго рода денежныхъ пособій — продолжительныхъ, единовременныхъ и ссудъ—производится, по опредѣленіямъ комитета; назначаемъ общества, В. И. Вешняковымъ, со взятіемъ росписокъ въ ихъ полученіи. Онъ же принимаетъ годовыя взносы членовъ и единовременныя приношенія обществу и выдаетъ въ полученіи ихъ квитанціи; на имя казначея должны быть равнымъ образомъ адресуемы и росписки въ полученіи посылаемыхъ по почтѣ иногороднымъ пенсій, пособій и ссудъ.

Независимо отъ того, годовыя платежи членовъ общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы по желанію: въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Вазунова, по Невскому проспекту, близъ Казанскаго моста, а въ Москвѣ—въ Чертковской бібліотекѣ, члену обществу, Петру Ивановичу Бартеневу. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, комитетъ жоркорѣе проситъ членовъ общества и жертвователей записывать взносы или деньги въ особую, заведенную для того въ магазинѣ А. Ѳ. Вазунова и въ Чертковской бібліотекѣ книжку.

Имена членовъ, внесшихъ свои годовыя платежи, и жертвователей, будущихъ, по прежнему, публикуемы въ газетахъ въ извѣщеніяхъ къ журналу комитета.

1-го марта вышла и тогда же разослана подписчикамъ III-я, мартовская книга ежемѣсячнаго, историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. О выходѣ въ свѣтъ книгъ: а) «Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг.», и б) «Русская родословная книга».—II. Изъ раннихъ лѣтъ, изъ жизни дальней, воспоминанія Т. П. Пассея, 1824—1829 гг. (быть московскаго дворянства, воспитаніе, коронація и празднество 1826 г. и проч.).—III. Императрица Анна Иоанновна: придворный бытъ и забавы, 1730—1740 гг.—IV. Разсказъ очевидца о Ледяномъ домѣ 1740 г. (съ рисунками ледяныхъ сооружений).—V. 14-е декабря 1825 г., разсказъ начальника артиллеріи генерала Ив. Онуфр. Сухозанета. — VI. Съѣздъ членовъ «Союза Благоденствія» 1821 г., письма гр. Грабова и Н. М.: Орлова. — VII. Раевскіе: замѣтки, сообщ. Е. И. Якушкинымъ и бар. А. Е. Розеномъ.—VIII М Ю. Лермонтовъ: а) Замѣтки и воспоминанія М. Н. Лонгинова; б) какъ пишется фамилія Лермонтова, письмо М. Н. Лермонтова; в) неизвѣстныя стихотворенія и наброски поэта Лермонтова.—IX. Русская литература по отношенію къ Петру Великому, чтеніе на студентскомъ вечерѣ профессора О. Ѳ. Миллера. — X. Листки изъ записной книжки «РУССКОЙ СТАРИНЫ». 1) Юшковы и Самаринны, замѣтки архимандрита Леонида; 2) Поправки и замѣтки; 3) О памятникѣ Каразину, 4) Н. Ѳ. Щербина: стихотвореніе 1855 г.; аттестатъ окончившему воспитанію въ семинаріи, XVIII ст.; 5) Разсказъ русскаго кушца о томъ, какъ и почему совершилась во Франціи, въ 1848 году, революція; записавъ со словъ П. М. Садовскаго артистомъ Спб. театровъ И Ѳ. Горбуновымъ. — XI Библиографическій листокъ о новыхъ историческихъ жидгахъ.— XII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1738—1795 гг., томъ четвертый и послѣдній. Часть XXIII: бытъ русскаго дворянства въ прошломъ столѣтіи.—Кн. Г. А. Потемкинъ.—Трудъ Голицына.—Позвѣди въ Москву.—Н. И. Новиковъ.—Его сотрудники.—Критическое положеніе отечества: войны—вторая турецкая и шведская.—Пребываніе въ деревнѣ.—Бытъ городской и проч. 1788 г.

При этой (Мартовской) книгѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» приложены также четыре гравюры, точныя снимки съ рисунковъ 1741 года, а именно: 1) фасадъ и планъ Ледянаго дома, выстроеннаго на Невѣ, въ 1740 г., а также ледяной бани, пирамидъ и слова; 2) внутренность гостинной и столовой въ Ледяномъ домѣ; 3) внутренность спальни и уборной въ Ледяномъ домѣ; 4) ледяные дельфины и пушки.

О ПОДПИСКѢ НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1873 г.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Принимается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» 1873 г. (четвертый годъ). Цѣна за 12-ть книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками, снимками и записками русскихъ людей — восемь рублей, съ доставкой и съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева — на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородныхъ подписчиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

«РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1870 г. (два изданія) и 1871 г., разошлись сполна по подпискѣ.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1872 г. (третій годъ), изданіе второе; можно получить всѣ 12-ть книгъ съ приложеніями. Цѣна 8 рублей (осталось небольшое количество экземпляровъ).

«РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1873 г. (четвертый годъ) высылается гг. подписчикамъ съ первой книги. Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Въ редакціи «РУССКОЙ СТАРИНЫ» и въ ея конторѣ, при книжномъ магазинѣ Базунова (Невскій, 30), продаются, только что вышедшія въ свѣтъ, ея изданія:

I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг. Спб. 1873 г., въ листъ.

Роскошное изданіе ред. «РУССКОЙ СТАРИНЫ» и Ф. К. Опочинина, на веленовой бумагѣ, съ фотолитографическими (болѣе ста) снимками подлинныхъ писемъ, стихотвореній и замѣтокъ замѣчательныхъ людей (члены царскаго дома, полководцы, министры и писатели; поэты: Пушкинъ, Языковъ, К. Рылѣевъ, Жуковский, Батюшковъ, Крыловъ, Державинъ, Ден. Давыдовъ и друг., журналисты, и проч.) Заглавный листъ рисованъ академ. В. А. Гартманомъ. Цѣна 5 руб., пересылка за 4 фунта.

II. Русская родословная книга, изд. ред. «РУССКОЙ СТАРИНЫ», Спб., въ 8 д., 1873 г., 400 стр.

Въ этой книгѣ помѣщены родословія титулованныхъ и не титулованныхъ дворянскихъ фамилій, родословія которыхъ до сихъ поръ либо не были изданы, либо были изданы, но не вполне.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И КОММИССИОНЕРСТВО

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА ПЕЧАТКИНА,

№ 14-й внутри Гостиннаго двора, въ С.-Петербурѣ (входъ съ
вороты съ Невскаго Проспекта).

ПРОДАЮТСЯ НИЖЕОЗНАЧЕННЫЯ ИЗДАНИЯ:

Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ званій, составленный подъ редакціею Ф. Толя, четыре тома. Ц. 14 р.; въсовыхъ за 14 ф. **Дополненіе къ словарю**, составляющее четвертый томъ, пересматривается вновь и будетъ издано въ объемѣ значительно увеличенномъ, со включеніемъ всего новейшаго матеріала и исправленіемъ ошибокъ, недосмотровъ и неправильностей, вкрапившихся въ первое изданіе. Кромѣ того: статьи, помѣщенные въ самомъ словарѣ и вслѣдствіе историческихъ событій, успѣховъ науки и иныхъ условій, получившія новый видъ или значеніе, будутъ сообразно послѣдовавшимъ измѣненіямъ обработаны и помѣщены въ «дополненіи къ словарю». Изданный уже «Настольный словарь», предлагается подписка на «2-е изданіе дополненія къ Настольному словарю», которая принимается исключительно у меня.

За дополненіе вносится три рубля, а на пересылку прилагается по разстоянію за 4 фута.

При покупкѣ 3-хъ томовъ «Настольнаго словаря» выдается билетъ на полученіе «Дополненія къ Настольному словарю», которое печатается.

Учебный атласъ естественной исторіи, проф. Карла Арендса, приспособленный къ методическому преподаванію. 2 русское изданіе, совершенно измѣненное и дополненное докторомъ А. Брандтомъ, приватъ-доцентомъ с.-петербургскаго университета и хранителемъ музея академіи наукъ. На 54 таблицахъ, съ 708 рисунками. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Собраніе клиническихъ лекцій, издав. проф. Рихардомъ Фольманомъ, при содѣйствіи германскихъ клиницистовъ. Первая серія 30 лекцій, перев. докторовъ медицины Ник. Аванасьева и Ад. Марсакани, состоитъ изъ 10 лекцій по хирургіи, ц. 2 р.; 10 лекцій по гинекологіи, ц. 2 р.; 10 лекцій по внутреннимъ болѣзнямъ, ц. 2 р. Цѣна за всю серію 6 руб., съ перес. 7 р. Принимается подписка на вторую серію (30 лекц.) цѣна 6 р., съ перес. 7 р.

Народы Россіи. Этнографическіе разсказы для дѣтей. Пустыни Сѣвера и ихъ кочующіе обитатели Н. А. Александрова. Иллюстрировано М. Микѣшинимъ, А. Шарлеманомъ и другими. Спб. 1873 г. Ц. 1 р.

На праздниѣ. Литературный сборникъ для дѣтей, изданіе А Пещеева и Н. Александрова. Иллюстрировано М. Микѣшинимъ, Н. Ге и другими. Спб. 1873 г. Ц. 1 р.

Дневникъ провинціала въ Петербургѣ, издавъ М. Салтыковъ (Щедринъ). Спб. 1873 г. Ц. 2 р.

Господа Ташкентцы. М. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1873 г. Ц. 2 р.

- Общій элементарный курсъ практической механики**, Евг. Котельникова. Съ 204 полнотипажамы. Сиб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Нѣмецко-русскій научно-техническій словарь**, или собраніе и объясненіе техническихъ словъ и выраженій, употребляемыхъ въ естественной исторіи и технологіи. Составл. Я. Граховымъ въ 2 ч. Сиб. 1872 г. Ц. 4 р.
- Некрасовъ, Н.** Стихотворенія т. 4-й. Ц. 2 р.
- Его же то же т. 5-й. 1873 г. Ц. 2 р.
- Отвѣты на обыкновенные вопросы дѣтей.** Изъ области техническихъ производствъ. Изданіе 4-е. Ц. 2 р. 50 к.
- Обзоръ царствованія Государя Императора Александра II и Его реформъ 1855—1871 г.** С.-Петербургъ, 1872 г. Одинъ томъ, въ 8 дою листа (528 стр.). Цѣна 75 коп., а на веленовой бум. 1 р.
- Учитель** — журналъ для наставниковъ, родителей и всѣхъ желающихъ заниматься воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. За восемь годовъ: 1862, 63, 64, 65, 67/8, 69 и 70. Цѣна 3 р. 50 к. за каждый годъ.
- Педагогическія статьи** (выбранныя) изъ журнала «Учитель 1861 г.», цѣна 1 р. 50 коп.
- Чтеніе для юношества.** Особое приложеніе къ журналу «Учитель», годъ первый — 1864 «Что окружаетъ насъ»; годъ второй — 1865 «Россія». Цѣна за каждый годъ по 2 руб.
- Живописный сборникъ замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ, искусствъ, промышленности и обществія.** Сиб. 1869 г. Большой томъ съ 106 полнотипажамы и гравюрами, цѣна 2 р., съ перес. 3 р.; за переплетъ 1 р.
- Будьте здоровы.** Популярно-медицинскія бесѣды докт. Бока. Томъ 1-й — изданіе 5-е. Ц. 1 руб.
- То же** — томъ 2-й. Сиб. 1872 г. Ц. 1 руб.
- Бокъ, докт.** Устройство, жизнь и содержаніе человѣческаго тѣла. Перев. съ нѣмц. съ рисунками. 2-е изд., цѣна 80 к., съ перес. 50 к.
- Шюллеръ, В.** Политическая исторія послѣднихъ лѣтъ, перев. съ нѣмц. Т. 1-й за 1867 г., ц. 1 р.; т. 2-е за 1868 г., ц. 1 р. 25 к.; т. 4-й за 1870 г., ц. 1 р. 50 к.; т. 3-й за 1869 г. печатается.
- Нольбъ, Г.** Руководство къ сравнительной статистикѣ, 2 т. Ц. 3 р. 50 к. Дополненіе къ сравнит. статист. Ц. 1 р. 50.; вмѣстѣ съ статист. 4 р. 50 к.
- Энтомологія для садовниковъ и любителей садоводства**, или естественная исторія вредныхъ для садовыхъ и огородныхъ растений насѣкомыхъ и червей, съ указаніемъ на средства къ ихъ истребленію. Сочин. докт. Ташенберга. Перев. Э. Балліонъ. Сиб. 1871 г. Ц. 3 р.
- Библия въ лицахъ.** Священно-библейская исторія ветхаго и новаго завѣта въ 210 рисунковъ профессора Ю. Шнорра, величиною каждый въ 8 верш. вышины, и 6 1/2 верш. ширины. На каждомъ рисункѣ помѣщены подпись содержанія и соответственный текстъ на церковно-славянскомъ и гражданскомъ языкахъ. Кромѣ того, прилагается болѣе подробное описаніе и объясненіе рисунковъ, изложенное священникомъ К. Стратилатовымъ. Ц. 8 р., съ перес. 9 р., за переплетъ 2 руб.
- То же** хромолитографированное изд. (печатанн. красками). Ц. съ пер. 25 р.
- Библия въ лицахъ**—общественное изданіе въ 100 рисунк., съ текст. свящ. К. Стратилатова. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.; въ англ. пер. 5 р., съ пер. 6 р.
- Дѣтская бібліотека съ картинками.** 16 томиковъ по 30 коп. за томъ, въсов. отъ 1 до 3 томик. за 1 ф., всѣхъ 16 том. за 4 ф.; въ каждой книжкѣ по 3 и болѣе картинъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

С. В. ЗВОНАРЕВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Анничкова
дворца, д. № 64 (Меншикова),

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

Природа. Популярный естественно-историческій сборникъ, книга
I. съ 8 таблицами и многими полями. въ текстѣ. М.
1873 г. Ц. 4 р.

Изъ-за снитра и коронъ, романъ въ двухъ томахъ Грегора *Самарова*. Переводъ съ нѣмецкаго Е. С. Спб. Ц. за два тома
3 руб.

Богатыри, романъ въ трехъ частяхъ изъ времени Императора
Павла. Н. Чаева. М. 1873 г. Ц. 3 р.

О свѣтѣ и электричествѣ. Джона *Тундаля*. Спб. 1873 г. Цѣна
75 коп.

Пособія для занятія по судебно-гражданской части. Сводъ зако-
новъ гражданскихъ, по изданіямъ 1832, 1842 и 1857 го-
довъ и по продолженіямъ 1863, 1864, 1869, 1868 и 1871
годовъ и сборникъ подлинныхъ узаконеній, на которыхъ
основаны статьи свода законовъ гражданскихъ, изданія
1857 года. Составилъ Е. Карновичъ. Книга 1-я. О пра-
вахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Книга 2-я. О по-
рядкѣ приобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущество
вообще. Спб. 1872 г. 3 руб. 50 к.

Итоги судебной практики правительствующаго сената 1825—1864
г. (сводъ положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній общихъ
собраній правительствующаго сената по вопросамъ граж-
данскаго и торговаго права, съ указаніемъ подлиннаго
текста наиболѣе существенныхъ рѣшеній). Составилъ И
Даниловъ. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.

Очерки ирландской жизни. В. Тренча. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 25 к.

- Обзоръ состоянiя русской промышленности за послѣднiя десять лѣтъ (1861—1871 г.)** В. Я. Ососова. Сиб. 1872 г. 1 р.
- Сборникъ правилъ и подробнѣйшихъ программъ для поступленiя во всѣ учебныя заведенiя, мужскiя и женскiя, казенныя и частныя по всѣмъ вѣдомствамъ на 1873—1874 годъ.** Составилъ А. И. *Николаевъ*. Изданiе третье. Сиб. 1873 г. Ц. 1 руб. 30 к.
- На высотѣ.** Романъ въ двухъ томахъ, сочиненiе В. Ауэрбаха. Переводъ (безъ пропусковъ) С. А. *Чистяковой*. Сиб. 1873 г. Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к.
- О консулахъ и консульской юрисдикци на Востокѣ.** Ф. *Мартенса*. Сиб. 1873 г. Ц. 3 р.
- Физиологическая исторiя женщины.** Сохраненiе здоровья и красоты, воспитанiе. Рѣшенiя женскаго вопроса. Книга для матерей и воспитательницъ. Соч. В. *Дерикера*. 2-е изданiе. Сиб. 1873 г. Ц. 1 р. 75 к
- Сцены изъ народнаго быта разныхъ странъ и обществъ, составленныя М. *Естичтесымъ*.** М. 1872 г. Ц. 1 р.
- Главныя минеральныя воды Европы.** Сочиненiе А. *Ротиро*. Германiя и Венгрия. Переводъ съ французскаго. Сиб. Ц. 2 р.

Примѣчанiе. Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазинъ высылаетъ какъ прежде вышедшiя, такъ и вновь выходящiя по цѣнамъ, гдѣ бы и нѣтъ бы то имъ было публикованнымъ.

- Успенскаго.—Гдѣ лучше и когда лучше?—„Новое Время“ о женской полиціи.—Въ какихъ отношеніяхъ женскій вопросъ стоитъ теперь выше и въ какихъ ниже, чѣмъ во времена Жоржъ-Зандъ.—„Женщины-медики“ миссъ Джексъ-Блэкъ.—Разговоръ съ иностраннымъ писателемъ.—Вѣнская журналистика.—Прудонъ и Вильмессанъ.—„Гражданинъ“ о социализмѣ.—Итоги. Н. М. . . . 138
- XVI. — ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ. 166

Объявленія: о выходѣ журнала „Русская Старина“; отъ книжнаго склада и комиссіонерства Василя Петровича Печаткина; отъ книжныхъ магазиновъ С. В. Звонарева и Е. Мелле.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція „Отечественныхъ Записокъ“ проситъ авторовъ, посылающихъ ей свои стихотворенія, оставлять у себя копии, ибо она возвращать стихотвореній ни лично авторамъ, ни черезъ почту,—даже въ томъ случаѣ, если на обратную пересылку будетъ прислана марка, — обязанности на себя не принимаетъ. Если въ теченіи мѣсяца съ доставки стихотворенія, редакція не вошла съ авторомъ въ письменные или словесные переговоры — значитъ, стихотвореніе не принято, и авторъ можетъ поступить съ нимъ какъ угодно.

Точно также редакція не принимаетъ на себя обязанности возвращать авторамъ признанныхъ ею неудобными для печатанія статей или входить относительно ихъ въ переписку съ авторами. Таковыя статьи обыкновенно сдаются ею въ контору, откуда и могутъ получать ихъ авторы или лично, или черезъ своихъ повѣренныхъ, или адресоваться въ контору съ особыми по этому предмету письмами и съ приложеніемъ нужныхъ на пересылку рукописи денегъ по почтовой таксѣ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ
въ 1873 году ежемѣсячно книжками отъ 25
до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ.

въ С.-Петербургѣ безъ доставки:
15 р. 50 к., съ доставкою 16 р. сер.

съ пересылкою:
17 руб. серебромъ.

За границу:

Въ Германію и Австрію 19 р.; въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества 20 р.; во Францію и Данію 21 р.; въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію 22 р.; въ Швейцарію 23 р.; въ Италію 24 р.; въ Америку 25 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ:

Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи
«Отечественныхъ Записокъ», на Ли-
тейной, домъ № 88.

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ КОНТОРЫ.

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Мен-
шикова, при книжномъ магазинѣ С. В.
Звонарева.

Въ Москвѣ:

Въ конторѣ «Отечественныхъ Запи-
сокъ», на Страстномъ бульварѣ, въ
домѣ Алексѣева, при книжномъ мага-
зинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требова-
ніями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Главную Контору „Отечествен-
ныхъ Записокъ“.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ У В. П. ПЕЧАТКИНА И ДР. КНИГОПРО-
ДАВЦЕВЪ:

НОВАЯ, ПЯТАЯ ЧАСТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ Н. НЕКРАСОВА.

(Содержаніе: 1) Кому на Руси жить хорошо. *Часть первая.* 2) Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ. 3) Дѣдушка, *поэма.* 4) Недавнее время, *очерки.* 5) Княгиня Т—ая, *поэма въ двухъ частяхъ.* 6) Княгиня М. Н. Вол—ская, *Бабушкины записки.*)

Въ 8-ю д. листа, 340 страницъ. Цѣна 2 рубля. Складъ у изда-
дателя-книгопродавца В. П. Печаткина, внутри гостянаго двора,
№ 14-й.

